

ISSN 0131-6095

Русская литература

4

2021

Российская Академия Наук

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

2021

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Шестьдесят три года в Пушкинском Доме. К юбилею Нины Федотовны Будановой . . .	5
М. Н. Виролайнен. О жанровой природе лирики Золотого века	7
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. А. НЕКРАСОВА	
М. С. Макеев. Некрасовская текстология в XXI веке: проблемы нового научного издания стихотворений Н. А. Некрасова в серии «Новая Библиотека поэта»	27
П. Ф. Успенский, А. С. Федотов. Гражданское как интимное: дискурсивный контрапункт в стихотворении Н. А. Некрасова «Ночь. Успели мы всем насладиться...»	38
Дженнифер Флаэрти (США). Новый человек и <i>народ</i> : лирический голос и поэтическое народовластие у Н. А. Некрасова	52
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
Н. В. Савельева. Споры о единоголосном пении и московское издание Октоиха 1649 года	65
Т. Г. Иванова. Трансформации топоса «битва как пир» в исторических песнях XVIII–XIX веков	77
М. С. Белоусов, А. С. Белоусов. Ода А. С. Пушкина «Клеветникам России» в контексте французской прессы	89
М. В. Безродный (ФРГ). Из комментария к «Пиковой даме»: 11–16	103
С. А. Кибальник. Криптографическая поэтика рассказа Ф. М. Достоевского «Вечный муж» (черновые наброски и биографический подтекст)	108
Т. В. Мисникевич. «...В буквальном смысле слова пересоздать на другом языке»: к вопросу о специфике переводческой манеры Федора Сологуба	123
Г. В. Обатнин. К биографии Вяч. Иванова: поездка в Палестину	129
Е. И. Мирошниченко, Д. П. Фоменко. Проблема взаимодействия вербального и визуального в текстах группы «41°»	136
А. В. Лавров. Дневники В. А. Щеголевой в собрании М. С. Лесмана	148
Т. М. Двнятина. «Что есть поэзия?» Заметки к теме «И. А. Бунин и Е. А. Баратынский»	191
Тезисы доклада С. М. Соловьева о поэзии Е. А. Баратынского (подготовка текста В. П. Тропцкокого, вступительная статья и комментарии Ю. Ю. Анохиной)	201
Алексей Ремизов и его «исторический читатель» (Иван Лукаш — критик романа «Взвихренная Русь») (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Р. Обатиной).	208

Приложение. Иван Лукаш. Мышиная Россия. О книге А. М. Ремизова «Взвихренная Русь»	216
Е. Н. Пенская. «Техника искусственных швов»: к типологии записных книжек М. М. Зощенко	223

ЗАМЕТКИ

В. Я. Звизняцкий (Украина). «Юбилей» А. П. Чехова: неизвестное начало сценической истории	231
М. М. Павлова. Новонайденный экспромт Федора Сологуба. Из дополнений к dubia	232

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. Ю. Соловьев. Д. И. Фонвизин для современного читателя: задачи и решения	236
А. О. Дёмин. Публикация из архива Г. Р. Державина в книге о битве при Саламине	239
С. Н. Гуськов. Литература и государственная власть в России XIX века. Обзор новых исследований	240
О. Р. Демидова. Просто о сложном: книга для медленного чтения	248
И. В. Аршинова. Русская литература и британский модернизм в перспективе нелинейных кросс-культурных взаимодействий	249
В. Ю. Вьюгин. Фундамент для переосмысления: об издании «Сочинений» А. П. Платонова	251
О. А. Клинг. Поэтика промежутка как научная проблема	254
О. Б. Карасик-Апдайк, И. Е. Лунина. Жизнь и наследие М. М. Бахтина в двух саранских монографиях	255

ХРОНИКА

Э. К. Александрова. Международная научная конференция «„Проснуться знаменитым...“: стратегии литературного успеха и литературная репутация в эпоху fin de siècle»	257
Н. В. Лоцинская. Девятый научно-практический семинар «Зачеркнутый текст в перспективе художественного высказывания»	261
Г. В. Петрова. Международная научная конференция «Созвездие Гиппиусов: поэтов, прозаиков, критиков, ученых, педагогов...»	266
О. А. Линдеберг. Всероссийская научная конференция «Писатель и его Муза в литературном процессе конца XIX–XX вв.»	268
А. Е. Агратин. Международный научный семинар «На пути к исторической нарратологии»	271
С. А. Семячко. Девятый агиографический семинар	273
Памяти Михаила Дмитриевича Кондратьева	276
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Русская литература» в 2021 году	278
Summaries	284

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, М. Б. ПЛЮХАНОВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
Р. ХЁДЕЛЬ, Т. В. ЦИВЬЯН, В. ШМИД

Главный редактор В. Е. БАГНО

Редакционная коллегия:

М. Л. АНДРЕЕВ, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, В. В. ГОЛОВИН,
А. М. ГРАЧЕВА, И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Е. Е. ДМИТРИЕВА,
Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА,
С. И. НИКОЛАЕВ, Г. В. ОБАТНИН, М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО,
В. В. ПОЛОНСКИЙ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Российская академия наук, 2021
© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2021
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская литература», 2021

RUSSKAYA LITERATURA

№ 4

Historical and Literary Studies

2021

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
Sixty Three Years in Pushkin House. Celebrating the Anniversary of Nina Fedotovna Budanova	5
M. N. Virolainen. On the Genres of the Golden Age Lyrical Poetry	7
HONORING N. A. NEKRASOV'S 200 th ANNIVERSARY	
M. S. Makeev. Nekrasov Textual Criticism in the 21 st Century: Problems of the New Academic Edition of N. A. Nekrasov's Poems in the <i>New Library of a Poet</i> Series	27
P. F. Uspenskij, A. S. Fedotov. Publicity as Intimacy: Discursive Counterpoint in Nekrasov's Poem « <i>Noch'. Uspeli Mi Vsem Nasladit'sa...</i> »	38
Jennifer Flaherty (USA). The New Man and the People: Lyrical Voice and Poetic Democracy in N. A. Nekrasov	52
REPORTS AND RELEASES	
N. V. Savelyeva. Disputes on Church Deanery, and the Moscow Edition of the <i>Octoechos</i> of 1649	65
T. G. Ivanova. Transformation of the <i>Battle as a Feast</i> Topos in the Historical Songs of the 18–19 th Centuries	77
M. S. Belousov, A. S. Belousov. Alexander Pushkin's Ode «To the Slanderers of Russia» in the Context of the French Mass Media	89
M. V. Bezrodny (Germany). Comments to the <i>Queen of Spades</i> : 11–16	103
S. A. Kibalnik. Cryptographic Poetics of F. M. Dostoevsky's Short Story <i>The Eternal Husband</i> (Rough Sketches and Biographical Subtext)	108
T. V. Misnikevich. «...Literally, to Recreate in Another Language»: Concerning the Specifics of the Translation Style of Fyodor Sologub	123
G. V. Obatnin. Towards the Biography of Vyach. Ivanov: A Trip to Palestine	129
E. I. Miroshnichenko, D. P. Fomenko. Interaction between Verbal and Visual in the Texts of Group «41»	136
A. V. Lavrov. V. A. Shchegoleva's Diaries in M. S. Lesman's Collection	148
T. M. Dvinyatina. <i>What Is Poetry?</i> Observations on the Topic «I. A. Bunin and E. A. Baratynsky»	191
Abstracts of S. M. Solov'ev Lecture on Evgenii Baratynsky's Poetry (Editing by V. P. Troitskii, Introduction and Comments by Iu. Iu. Anokhina)	201

Alexei Remizov and his «Historical Reader» (Ivan Lukash as the Critic of the Novel <i>Russia Swirled Up</i>) (Introduction, Editing and Comments by E. R. Obatnina)	208
Addendum. Ivan Lukash . Mousey Russia. On <i>Russia Swirled Up</i> by A. M. Remizov	216
E. N. Penskaya . «Artificial Suture Technique»: On the Typology of the Notebooks by M. M. Zoshchenko	223

NOTES

V. Ya. Zviniatskovsky (<i>Ukraine</i>). <i>The Anniversary</i> by A. P. Chekhov: Unknown Beginning of the Staging History	231
M. M. Pavlova . A Newly Found Impromptu by Fyodor Sologub. An Addition to <i>Dubia</i>	232

REVIEWS

A. Iu. Solovev . D. I. Fonvizin for the Modern Reader: Problems and Solutions	236
A. O. Dyomin . Publication from G. R. Derzhavin's Archive in the Book on the Battle of Salamis	239
S. N. Guskov . Literature and State Power in the 19 th Century Russia. Review of New Publications	240
O. R. Demidova . A Simple Way to Discuss Complicated Things: a Book for Close Reading	248
I. V. Arshinova . Russian Literature and British Modernism from the Standpoint of Non-Linear Cross-Cultural Interferences	249
V. Yu. Vyugin . A Foundation for Rethinking: On <i>Collected Works</i> by Andrey Platonov	251
O. A. Kling . The Poetics of the Gap as a Research Problem	254
O.B. Karasik-Updike, I. E. Lunina . Mikhail Bakhtin's Life and Legacy in the Two Monographs from the City of Saransk	255

NEWSREEL

E. C. Alexandrova . «Wake Up Famous...» <i>Literary Success Strategies and Literary Reputations in the Era of Fin de Siècle</i> International Research Conference	257
N. V. Loshchinskaia . <i>Crossed-Out Text in the Perspective of an Artistic Utterance</i> 9 th Practical Research Seminar	261
G. V. Petrova . <i>Constellation of the Hippus: Poets, Prose Writers, Critics, Scientists, Educators...</i> International Research Conference	266
O. A. Lindeberg . <i>The Writer and His Muse in the Literary Process of the Late 19th–20th Centuries</i> National Research Conference	268
A. E. Agratin . <i>In Search of Historical Narratology</i> International Research Seminar	271
S. A. Semiachko . Ninth Agiographic Seminar	273
In Memoriam Mikhail Dmitrievich Kondratyev	276
Index of Contributions to <i>Russkaya Literatura</i> , 2021	278
Summaries	284

Published under the Auspices of History and Philology Department Russian Academy of Sciences

Editorial Council:

M. GARZANITI, S. GARZONIO, R. HODEL, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD, G. NIVAT, M. B. PLIUKHANOVA, V. SCHMID, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK, T. V. TSIVIAN, WENFEI LIU

Editor-in-Chief *V. E. BAGNO*

Editorial Board:

M. L. ANDREYEV, I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), E. E. DMITRIEVA, V. V. GOLOVIN, A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY, A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA, S. I. NIKOLAEV, G. V. OBATNIN, M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, V. V. POLONSKII, N. N. SKATOV, A. L. TOPORKOV, T. S. TSAR'KOVA, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN

*Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034.
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru*

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom), 2021
© Compilation. *Russkaya Literatura*
Editorial Board, 2021

ШЕСТЬДЕСЯТ ТРИ ГОДА В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

К юбилею Нины Федотовны Будановой

Нина Федотовна Буданова, ведущий научный сотрудник Отдела новой русской литературы ИРЛИ, будучи выпускницей библиографического факультета библиотечного института (ЛГБИ), пришла на работу в Пушкинский Дом в декабре 1958 года. В это время в Институте организовывался под руководством К. Д. Муратовой сектор библиографии, куда были собраны молодые кадры, начинающие работу филологи. Попав под суровое крыло Ксении Дмитриевны, Нина Федотовна прошла прекрасную библиографическую практику, участвуя в качестве составителя в большом коллективном труде — указателях «История русской литературы XIX века» и «История русской литературы конца XIX — начала XX вв.». Здесь определилась область научных интересов ученого — история русской литературы второй половины XIX века, в частности текстология и источниковедение, поэтика.

С 1961 года Нина Федотовна попала в число так называемых в Институте «тургеневских дам». Она один из ведущих сотрудников группы по изданию Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева. Основная ее работа — подготовка текста и подготовительных материалов романа «Новь», их комментирование. В 1967 году Нина Федотовна защитила кандидатскую диссертацию «Творческая история романа И. С. Тургенева „Новь“». Работа была высоко оценена коллегами и послужила основой монографии «И. С. Тургенев и революционное народничество 1870-х годов» (Л., 1969).

С переходом в 1969 году в группу по изданию Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского Нина Федотовна целиком сосредоточила научные замыслы на изучении творчества великого писателя. Она постоянный участник сборников «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования», а Г. М. Фридендером ей была поручена подготовка к изданию одного из сложнейших произведений писателя — романа «Бесы». Впервые на академическом уровне ею был подготовлен основной текст и черновые материалы к роману. Впоследствии этот текст и комментарий легли в основу трех отдельных изданий «Бесов» в популярных массовых издательствах («Художественная литература», 1989; «Библиополис», 1995; «Речь», 2017). Нина Федотовна в шутку называет себя «профессиональным бесологом», и это вполне заслуженно.

Особого внимания требует написанная ученым монография «Достоевский и Тургенев: творческий диалог» (1987), ставшая основой докторской диссертации, защищенной в Институте в 1988 году. Книга Нины Федотовны подвела итог многолетней дискуссии ученых о творческом взаимоотношении двух писателей в последние годы жизни.

В многочисленных статьях, публикациях, докладах (в музеях Достоевского в Петербурге и Старой Руссе, на симпозиумах Международного общества Достоевского и Фонда Достоевского) Нина Федотовна рассматривает творчество Достоевского в контексте русской и западноевропейской культуры, русской религиозно-философской мысли.

В 1990-е годы Буданова совместно с Г. М. Фридлиндером редактирует трехтомную «Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского» и задумывает издание научного описания библиотеки писателя. В основу опыта реконструкции библиотеки были положены четыре рукописных списка книг, составленные А. Г. Достоевской с целью продажи значительной части книжного собрания писателя. Подобное издание не имеет аналогов, носит оригинальный характер научной реконструкции несохранившейся библиотеки. Нина Федотовна, являясь редактором книги, также участвовала в ней как составитель раздела «Богословие. Спиритизм. Философия. История».

С 1996 по 2005 год Буданова руководит группой по изучению биографии и творчества Достоевского, сосредоточившись на составлении и редактировании сборников «Достоевский. Материалы и исследования».

К 190-летию со дня рождения Достоевского вышла книга Нины Федотовны «„И свет во тьме светит...“ (к характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского)». Название книги восходит к Евангелию от Иоанна, особенно почитаемому Достоевским, и обосновывает ее основную тематику: «Достоевский и православная традиция». Одна из центральных тем монографии — «Достоевский и К. Леонтьев». Речь идет о понимании сущности православия обоими писателями. Другая, малоизученная тема книги: «Достоевский и святоотеческое наследие», рассмотрена автором с привлечением широкого контекста философских и богословских источников, что позволило выявить круг Отцов церкви, духовных писателей, привлекавших внимание Достоевского, но ранее не упомянутых в работах ученых.

В 2009 году Нина Федотовна вошла в Редколлегию нового академического издания Полного собрания, Достоевского. В статье «К спорам о втором издании Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского» (Русская литература. 2010. № 2. С. 32–40) Буданова подчеркнула, что участники нового издания не собираются отказываться от текстологических принципов академической школы, в соответствии с которыми и подготовлены отредактированные ею тома 3, 5, 10.

В настоящее время Нина Федотовна вновь занята «Бесами». Речь идет о дополнениях в творческую историю романа, в реальный комментарий к черновым рукописям.

Шестьдесят три года в Пушкинском Доме, — верится с трудом, но юбиляр бодр, полон творческой энергии. Пожелаем же Нине Федотовне осуществления ее творческих планов и душевного мира в личной жизни.

И. Д. Якубович

О ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЕ ЛИРИКИ ЗОЛОТОГО ВЕКА*

История жанров эпохи Золотого века до сих пор остается недостаточно изученной областью. По всей видимости, причиной тому — представление о последовательном развитии русской литературы от классицизма к реализму. Предполагалось, что жанровое мышление — исключительная особенность классицизма, оставленного за порогом XIX столетия, в то время как реализм, решительно чуждый этой нормативной схоластике, заявляет себя чуть ли не в 1820-е годы, поскольку наши великие авторы, начиная с Пушкина, не могли остаться непричастными к венчающему литературный процесс направлению. Это представление уже давно устарело настолько, что не нуждается в полемическом опровержении, но белые пятна, оставшиеся в результате следования ему, должны быть заполнены. Проблема жанров — одно из таких белых пятен.

Эта проблема была снята с повестки дня уже в 1930-е годы. Так, С. М. Бонди уверенно заявлял о том, что поэзия эпохи романтизма создавалась вне определенных жанровых установок.¹ В. В. Виноградов перенес акцент с жанрового мышления на стилевое; рассматривая наследие классицизма как «тормоз в развитии реализма», он писал: «Художественное мышление Пушкина — это мышление литературными стилями».² Более обобщенное выражение тот же тезис получил в книге Л. Я. Гинзбург «О лирике»: «С началом XIX века поэтика жанров сменяется, в сущности, поэтикой *устойчивых стилей*».³ Влиятельность Гинзбург на долгое время превратила это утверждение в постулат.

Представление о внежанровом характере лирики Золотого века (во всяком случае, лирики 1820–1830-х годов), продержавшись почти столетие, и поныне определяет взгляд на поэтическую культуру эпохи. Определяет — и искажает.

Прежде чем приступить к обсуждению проблем жанрового сознания, необходимо внести одно терминологическое уточнение, связанное с тем, что само понятие «жанр» (от фр. *genre*) является анахронизмом применительно к пушкинской эпохе.⁴ Этого понятия нет ни у Аристотеля, ни в «Поэтическом

* Исследование подготовлено при поддержке РФФ (проект 21-18-00527 «Литература „переходных эпох“ как инструмент модернизации социальных связей») в ИРЛИ РАН.

¹ «„Романтическая“ поэзия, по мысли Пушкина, должна была сломать эту установку на определенные жанры, ее произведения должны восприниматься вне этой апперцепции, ее формы не заданы заранее, а возникают из самого индивидуального содержания» (Бонди С. М. Историко-литературные опыты Пушкина // Лит. наследство. 1934. Т. 16–18. С. 425).

² Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.; Л., 1941. С. 483, 484. Глава, в которой развивается это положение, имеет выразительное название: «Художественное мышление литературными стилями и рост реалистических тенденций в творчестве Пушкина».

³ Гинзбург Л. Я. О лирике. 2-е изд., доп. Л., 1974. С. 24.

⁴ См.: Васильев А. З. Из истории категории «жанр» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1990. Вып. 1. С. 11–16.

искусстве» Буало, ни в литературной энциклопедии («*Éléments de littérature*», 1787) Мармонтеля.⁵ Впрочем, оно встречается, например, у Баттё, и именно в качестве заглавия раздела, посвященного классификации и характеристикам жанров, понимаемых в современном смысле слова.⁶ Можно, однако, заметить, что как синонимичное слову «genre» Баттё использует слово «*espèce*» («виды»),⁷ а к прозаическим «жанрам» («*les genres en prose*»⁸) относит красноречие, рассказ (который определяет как точную передачу происшествия⁹), эпистолярное искусство и перевод. Надо полагать, что на рубеже XVIII и XIX веков слово «genre» еще не имело для французских литераторов терминологического смысла и означало «род», «вид», «разновидность».¹⁰ Слова «жанр» нет в «Эпистоле о стихотворстве» Сумарокова,¹¹ его нет в обоих первых изданиях «Словаря Академии Российской», в «Словаре древней и новой поэзии» Остолопова, отсутствует это слово и в словаре языка Пушкина.¹² И все же отказ от термина, получившего в позднейшей литературоведческой традиции достаточную определенность,¹³ не представляется продуктивным, поскольку современное представление о жанрах как разновидностях текстов, относящихся к одному литературному роду, более или менее соответствует принципам систематизации, бывшим в ходу в эстетиках и поэтиках первой трети XIX века. С этой оговоркой понятие «жанр» в его современном значении и будет использовано далее.

Итак, речь пойдет о том, что жанровое наследие классицизма, модифицированное просветительским рационализмом XVIII столетия, оставалось значимым и в 1810-е, и в 1820-е, и в 1830-е годы.

⁵ При этом Буало описывает эклогу, элегию, оду, сонет, эпиграмму, балладу, рондо, мадригал, сатиру, водевиль (куплеты), трагедию, эпопею и комедию, а Мармонтель включает в свою энциклопедию статьи, посвященные эклоге, элегии, эпиграмме, эпитафии, посланию, басне, гимну, идиллии и т. п.

⁶ Речь идет о второй части его четырехтомного «Курса изящной словесности», озаглавленной: «*La seconde partie, ou on développe la Nature et les règles des différens genres de Poésie, tirées du principe de l'imitation de la belle Nature*» (*Batteux Ch. Cours de belles-lettres, ou Principes de la littérature*. Paris, 1753. Т. 1. Р. 211). В этой части, занимающей два с половиной тома, даны последовательные характеристики аполога, пасторальной поэзии, эпопеи, поэзии драматической (трагедии и комедии), лирической (оды, псалмы, элегии), дидактической и, наконец, сатиры.

⁷ К «видам поэзии» («*les espèces de poésies*») Баттё относит те же трагедию, комедию, пастораль (см.: *Ibid.* Т. 2. Р. 10–12).

⁸ *Ibid.* Т. 4. Р. 1.

⁹ *Ibid.* Т. 4. Р. 229.

¹⁰ Подзаголовок издания «*Petite encyclopédie poétique, ou Choix de poésies dans tous les genres*» (1804) соблазнительно было бы перевести как «Избранная поэзия всех жанров», но с исторической точки зрения более точный перевод — «Избранная поэзия всех видов» (эквивалентом в данном случае может служить немецкое «*Dichtungsarten*» — виды поэтического творчества; ср. названия разделов поэтики в книге И. И. Эшенбурга «*Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften*» (1783): «*Epische Dichtungsarten*»; «*Dramatische Dichtungsarten*»). Вопрос этот, впрочем, требует дополнительного изучения.

¹¹ Показательно отсутствие этого слова в академическом «Словаре русского языка XVIII века» (СПб., 1992. Вып. 7).

¹² Его все еще нет и в статье Белинского «Разделение поэзии на роды и виды» (1841), хотя в комментариях к ней и говорится о разработке критиком «исторической теории жанров» (см.: *Белинский В. Г. Полн. собр. соч.*: [В 13 т.]. М., 1954. Т. 5. С. 784; прим. Г. М. Фридендера). Показательно, что, цитируя в 1845 году знаменитый афоризм Вольтера «*Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux*», Белинский переводит его как «Все роды хороши, кроме скучного» (*Белинский В. Г. Тарантас. Путевые впечатления. Сочинение графа В. А. Сологуба*. Санкт-Петербург, 1845 // Там же. Т. 9. С. 77).

¹³ Представление о том, что жанры «относятся к эпосу, лирике и драме как *виды* к роду», было, по наблюдениям А. З. Васильева, закреплено в статье А. Г. Цейтлина «Жанры», напечатанной в 1930 году в «Литературной энциклопедии» (Т. 4. С. 110). См.: *Васильев А. З. Из истории категории «жанр»*. С. 16.

Европейский XVIII век был эпохой великих классификаций. «Разделяй и нарекай» («*divisio et denominatio*») — этот принцип Линнея реализовался и в эстетике. Она сама была выделена А. Г. Баумгартеном из общей зоны философии как независимая от логики, этики и религии рациональная наука о чувственном познании, в свою очередь предполагающая аспект науки и искусства, т. е. теории и практики. Теория требовала различения и определения опорных понятий, практика — знания вытекающих из этого правил. Необходимость соблюдения правил не сводилась к жесткой нормативности: Баумгартен подчеркивал, что вдохновение придает произведению неподражаемые черты, Кант видел в гении создателя того нового, что лишь благодаря ему становится нормой и образцом. В Германии были такие, как Готшед, апологеты прямого следования традициям французского классицизма, однако так или иначе восходящая к Баумгартену немецкая эстетика этого пафоса не разделяла, поскольку ставила свои собственные задачи, прежде всего связанные с выявлением впервые получавших самостоятельное значение эстетических категорий и выяснением их содержательного наполнения. К их числу, в частности, относились память и воображение, красота и совершенство, воспроизведение и преобразование, вдохновение и экстаз, вымысел и его мотивировка; различению подлежали фикции исторические и поэтические, истина эстетическая и логическая, предмет изображения и изображение предмета; самостоятельные задачи ставились перед риторикой, поэтикой и критикой; определялись средства, необходимые для достижения совершенства произведения (согласие между мыслями, их порядком и выражением); классифицировались свойства и элементы содержания произведения (богатство, величие, истинность, ясность, убедительность), в свою очередь подвергавшиеся классификации (абсолютное или относительное величие, моральное величие: отрицательное или положительное) и т. д.¹⁴ На этом фоне обсуждение уместности каждого из трех стилей («простого», «среднего» и «высокого») не было данью французскому классицизму, поскольку входило в общее множество проблем и понятий, подлежащих различению внутри эстетической сферы.

В рамках этой классификаторской деятельности разрабатывалось и уточнялось представление о системе жанров. Эпоха французского классицизма — время наиболее жесткой определенности жанрового мышления — не породила труда, в котором основания этого мышления были бы систематизированы. «Поэтика» Буало содержит, конечно, ряд важнейших жанровых принципов, но ее автор не ставил перед собой задач их исчерпывающего описания.¹⁵ Аналитическая систематизация жанров — заслуга следующего столетия, века Просвещения.

В Германии 1770–1780-х годов эстетика постепенно входила в круг общеобразовательных предметов, в университетах ее вводили в область преподавания, возник спрос на соответствующие учебные книги и пособия. Они стали появляться в виде энциклопедий, как «Всеобщая теория изящных искусств»

¹⁴ См.: Асмус В. Ф. Немецкая эстетика XVIII века. М., 1962.

¹⁵ «Так, в канон Буало входят пастораль, элегия, ода, эпиграмма, сатира, трагедия, комедия и эпос, при этом у него нигде не сыщешь основания, на котором зиждется такая типология (возможно, дело в том, что самому Буало эта типология представлялась исторической данностью, а не рационалистическим построением). Чем отличаются друг от друга жанры, представленные в этой типологии? Содержанием, структурой, стихотворным размером, величиной, эмоциональной настроенностью, идейным содержанием, аудиторией? Неизвестно. Зато известно, что для многих классицистов само понятие жанра представлялось настолько самоочевидным, что они не видели смысла давать ему определение» (Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. М., 1978. С. 246).

И. Г. Зульцера,¹⁶ или учебно-справочных пособий, как «Теория изящных искусств и наук» Й. А. Эберхарда¹⁷ или «Очерки теории и литературы изящных искусств» И. И. Эшенбурга.¹⁸ Эберхард вслед за Баумгартеном выделил в своей книге разделы теории (с определением основных понятий) и практической эстетики (об отдельных видах поэтического творчества). Учебник Эшенбурга включал три основных раздела: в первом давалось общее представление об эстетике и ее основных понятиях, второй был посвящен поэтике (в нем после введения характеризовались виды эпической и драматической поэзии¹⁹), третий — риторике (здесь речь шла об искусстве писать разные прозаические тексты — от писем до романов).

Этого рода литература, имевшая учебное и популяризаторское назначение, оказалась востребованной в России 1810-х годов для составления отечественных учебных пособий по эстетике, поэтике и риторике. Характерным примером может служить обращение к неоднократно переиздававшимся и переведенным на другие языки трудам Эшенбурга, профессора изящной литературы и философии. Друг Лессинга, переводчик Шекспира, журналист, Эшенбург был учеником и последователем Баумгартена, представителем докантианской эстетики. На «Очерки теории и литературы изящных искусств» Эшенбурга, которого еще в 1805–1806 годы переводил и конспектировал Жуковский,²⁰ ориентировался А. Ф. Мерзляков, составляя для своих воспитанников учебные пособия по эстетике и риторике.²¹ Преподаватель Московского университета и Университетского благородного пансиона, Мерзляков как лектор и критик был в первой половине 1810-х годов фигурой популярной и влиятельной. Его собственные литературные воззрения никак не укладывались в рамки эстетики классицизма, но в преподавательской деятельности он считал нужным этих рамок держаться. Необходимость правил, которым должны соответствовать сочинения твердо разграниченных родов и жанров, не вызывала у него сомнения²² — так же, как убежденность в дидактическом назначении литературы. Показательно, однако, что для изложения этих пра-

¹⁶ *Sulzer J. G. Allgemeine Theorie der schönen Künste. Leipzig, 1771–1774. 2 Bde.* Книга трижды переиздавалась после смерти автора.

¹⁷ *Eberhard J. A. Theorie der schönen Künste und Wissenschaften. Berlin, 1783.* К 1790 году книга выдержала три издания. В 1803–1805 годах вышел четырехтомный труд Эберхарда с выразительным заглавием: «Справочник по эстетике для образованных читателей всех сословий» («Handbuch der Aestetik für gebildete Leser allen Ständen»); он переиздавался в 1807–1820 годах.

¹⁸ *Eschenburg J. J. Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften. Berlin: Stettin, 1783.*

¹⁹ К эпическим видам были отнесены басня, буколическая поэзия, эпиграмма, мадригал, рондо, сонет, триолет, сатира, дидактическая поэзия, эпистола, элегия, лирическая поэзия (героическая и философская ода, гимн, дифирамб, песня, романс), эпод. К драматическим видам — героида, кантата, драма (комедия, трагедия, опера).

²⁰ См.: *Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1916. Вып. 2. С. 273–292.

²¹ Мерзляковым были подготовлены «Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических» (1809; три следующих издания вышли в 1817, 1821 и 1828 годах); «Краткое начертание теории изящной словесности» (М., 1822, ч. 1–2), «Конспект лекций русского красноречия и поэзии» (М., 1827), «Краткое руководство к эстетике. Перевод из Эшенбурга» (М., 1829).

²² Ср. характерное для него заявление о том, что словесность «заключает сочинения разных родов, составленных по свойственным каждому из них правилам, относительно к предметам, характерам, намерению автора, месту, времени, читателям» (*Мерзляков А. Ф.* Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии // Труды Общества любителей российской словесности. М., 1812. Ч. 1. С. 75). По замечанию П. Н. Сакулина, хотя в «Кратком начертании теории изящной словесности» Мерзляков и оговаривается, что произведение искусства не должно строго следовать правилам, но, тем не менее, знание этих правил считает необходимым (см.: *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма: Князь Одоевский. М., 1913. Т. 1. Ч. 1. С. 53).

вил он избрал в качестве образца труды немецкого эстетика, сохранившего ряд традиционных представлений французского классицизма, но во многом уже отступившего от них. Для Мерзлякова важна была, в частности, расходящаяся с классицистической эстетикой Ш. Баттё и восходящая к Баумгартену идея о подражании не природе как таковой, но ее творческому принципу — о подражании, в котором участвуют вымысел и воображение, создающие «целое, какого в природе не находится».²³

Вероятно, не без влияния Мерзлякова один из его учеников, Г. В. Сокольский, выпустил в 1816 году учебник «Правила стихотворства, почерпнутые из феории Эшенбурга», а при вступлении в Общество любителей российской словесности произнес «Речь о пользе правил словесности»,²⁴ в которой, вслед за Мерзляковым и немецкими эстетиками, указывал на необходимость правил, отмечая в то же время, что сами по себе они еще не гарантируют успеха. Влияние Эшенбурга отмечалось в записанных А. М. Горчаковым лекциях П. Е. Георгиевского, в 1815–1828 годах преподававшего в Царскосельском Лицее.²⁵ Другой лицейский преподаватель Пушкина, Н. Ф. Кошанский, выпустил двухтомную «Ручную книгу древней классической словесности <...>, собранную Эшенбургом, умноженную Крамером и дополненную Н. Кошанским» (СПб., 1816–1817). О характере его преподавания позволяют судить изданная им в 1829 году «Общая риторика»²⁶ и «Частная риторика», увидевшая свет уже после смерти автора, в 1832 году. Последний труд, в котором дается классификация родов и видов прозаической словесности, особенно близок к Эшенбургу: к родам прозы отнесены письма, «разговоры» («философские», «драматические», «разговоры в царстве мертвых»), разного рода «повествования», включая повести, романы, историю, «ораторство» и ученые сочинения. Эшенбург оставался авторитетом и в 1820-е годы. В предисловии к «Учебной книге российской словесности» (1819–1822) Н. И. Греч признавался, что изложенные в ней «Правила риторики и пиитики почерпнуты из Эшенбурга, Гейнзиуса и Рейнбека».²⁷ К числу учебной литературы прилагает и «Словарь древней и новой поэзии» (1821) Н. Ф. Остолопова, над которым автор работал с 1806 года. Три тома этого издания представляют собой энциклопедию понятий и правил поэтики, составленную приверженцем нормативного сознания.

Образцы классификаторской активности в области литературы давали, конечно, не только немцы. XVIII век — эпоха расцвета энциклопедического творчества. И если первые фундаментальные энциклопедии были, как правило, словарями наук и искусств, то на рубеже XVIII и XIX веков обычным

²³ Мерзляков А. Ф. О талантах стихотворца // Вестник Европы. 1812. № 19–20. С. 219–220.

²⁴ Труды Общества любителей российской словесности. М., 1817. Ч. 8. С. 69–74.

²⁵ См.: Мейлах Б. С. Лицейские лекции (По записям А. М. Горчакова) // Красный архив. 1937. Т. 1 (80). С. 90.

²⁶ Второе, переработанное издание вышло в 1830 году, по его тексту печатались следующие восемь изданий, выходявшие до 1849 года.

²⁷ Греч Н. И. Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности. СПб., 1819. Ч. 1. С. II. Впрочем, составленное Гречем пособие в большей мере ориентировано на шеститомный учебник О.-Ф. Т. Гейнзиуса «Тевт, или Теоретико-практический учебник всего немецкого языкознания» («Teut, oder theoretisch-praktisches Lehrbuch der deutschen Sprachwissenschaft» (1807–1812)), построенный на последовательном движении от фонетики, морфологии, синтаксиса к правилам стихосложения, затем (в т. 3) к вопросам риторики и поэтики, за рассмотрением которых следует история немецкой литературы (т. 4); два заключительных тома имеют преимущественно учебно-прагматическое назначение. Написанные Гречем во второй половине 1820-х годов работы по грамматике («Практическая русская грамматика» (1827), «Начальные правила русской грамматики» (1828), «Пространная русская грамматика» (1827)) в некотором роде дополняют, по образцу «Тевта», «Учебную книгу».

явлением стала энциклопедическая разработка более частных областей. Примерами могут служить такие многотомные издания, как уже упоминавшаяся «Petite encyclopédie poétique, ou Choix de poésies dans tous les genres / Par une Société de gens de lettres» (Paris, 1804–1806) или «Nouvelle encyclopédie poétique, ou Recueil complet de chef-d'oeuvres de Poésie sur tous les sujets possibles... / Par A. Toussaint de Gaigne» (Paris, 1778–1781). Характеристике отдельных жанров посвящены статьи, вошедшие в «Философский словарь» Вольтера и в «Основы литературы» («*Eléments de littérature*») Ж.-Ф. Мармонтеля. Ж.-Ф. де Лагарп, по курсу литературы которого, как известно, велось преподавание в Царскосельском Лицее, разворачивал картину творчества того или иного поэта, последовательно описывая жанры, в которых тот работал.

При описании стихотворных жанров авторы поэтик могли по-разному группировать их,²⁸ но общий состав жанров оставался примерно одним и тем же, достаточно близко друг другу были и характеристики каждого из них. Опуская частные расхождения, можно сказать, что сформированная в первые десятилетия XIX века жанровая картина сходна с той, которую экспонируют современные словари и справочники безотносительно к какой бы то ни было эпохе. В число лирических жанров обычно включались ода, гимн, пеан, дифирамб, песня, романс, иногда баллада (ее относили и к лирическим, и к эпическим жанрам), стансы, кантата, элегия, героида, послание (эпистола), эпиграмма (это наименование означало и восходящий к античности жанр надписи, и так называемую острую эпиграмму), мадригал, эпитафия, эпиталама, сонет, триолет, рондо. В рамках эпической поэзии всегда рассматривались поэма собственно эпическая (или героическая) и поэма героико-комическая (комическая). Иногда в состав эпических жанров включали романическую (рыцарскую) поэму и стихотворную повесть. Такие жанры, как описательная и дидактическая поэмы, идиллия (эклога), басня, притча, сказка, группировались разными авторами в разных разделах поэтики, как правило, посвященных либо описательной, либо дидактической поэзии. К тому или иному из этих разделов иногда относили балладу, сатиру и послание.

На общее представление об организации литературного пространства существенное влияние оказывало то, что в ряде учебных и справочных пособий поэзия и проза фигурировали как разные области эстетики: поэзия была подведомственна поэтике, проза — риторике. Так, например, Кошанский вслед за Эшенбургом считал предметом риторики прозаическую словесность, цель которой — «выражение мыслей»,²⁹ в то время как поэтика изучает поэзию, литературу вымысла, выражающую «чувствования». И если поэтика предусматривала дифференциацию стихотворных художественных жанров, то в рамках риторики художественные виды прозы (роман, повесть), как правило, рассматривались в общем ряду с видами прозы нехудожественной.³⁰

²⁸ Так, если Греч выделяет поэзию лирическую, эпическую (или повествовательную), драматическую, описательную, дидактическую (*Греч Н. И. Учебная книга российской словесности. Ч. 1. С. 30*), то Остолопов — поэзию эпическую, лирическую, драматическую, дидактическую, романическую, пастушескую и описательную (*Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 3. С. VIII*). Мерзляков (так же, как Эшенбург) разделяет все формы поэзии на два разряда: эпическая, или повествовательная поэзия и поэзия драматическая. В первом случае речь ведется от лица стихотворца, во втором — от других лиц. В результате такие жанры, как элегия или эпиграмма, попадают в разряд эпической поэзии (см.: *Мерзляков А. Ф. Краткое начертание теории изящной словесности. Ч. 1. С. 96–97*).

²⁹ Вспомним пушкинский афоризм в заметке «<О прозе>»: «Она требует мыслей и мыслей...» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 19*).

³⁰ Впрочем, роман или повесть могли рассматриваться и как предмет поэтики. Так, Н. И. Греч, приводя в рамках риторики примеры прозаических «повествований вымышленных»

Очевидность особого статуса поэзии в эпоху Золотого века была одним из следствий такого распределения.

Выделенная из общей зоны философии, эстетика оставалась областью рационального постижения, обращенного на чувственное познание. Классификации и определения понятий служили неперменными принципами, которые прививали учащимся аналитическую четкость и систематичность эстетического мышления. Русские учебные пособия по эстетике, поэтике и риторике чаще всего оказывались архаичными уже к моменту своего выхода, но для понимания литературной культуры эпохи не это имеет значение. Используемые в учебных целях, они закладывали основы литературного и критического сознания, становились чем-то вроде таблицы умножения, которая запоминается однажды и на всю жизнь.

При обращении к ранним этапам творчества самых крупных поэтов Золотого века можно убедиться в том, как прочно была укоренена в их сознании эта жанровая система, позволяющая четко дифференцировать их жанровые предпочтения. Перечисляя жанры в порядке их количественного убывания (т. е. от наиболее частых к все более редким), можно сказать, что в творчестве Жуковского 1797–1814 годов во множестве представлены послания самых разных типов (торжественные, дружеские, шуточные), многочисленны басни и эпиграммы, песни и романсы, по количеству им уступают элегии, оды и гимны, имеется ряд надписей и эпитафий, единичны обращения к таким жанрам, как сонет, мадригал, сказка, сатира, дифирамб, героида. В поэзии Вяземского 1810-х годов доминируют послания, эпиграммы и надписи, за ними по численности следуют басни, мадригалы, стихи на случай, куплеты, встречаются примеры элегии, песни, сатиры и оды, образцы описательной поэзии. В лицейской лирике Пушкина послания первенствуют по численности, за ними идут эпиграммы, и лишь на третьем месте — элегии. Показательна, однако, множественность испробованных жанров: несколько образцов анакреонтики, несколько надписей, баллад, альбомных стихотворений, романсов и песен, две оды и единичные случаи обращения к таким жанрам, как сказка, нозль, кантата, дифирамб, сатира, мадригал, гимн или отрывок описательной поэмы. На этом фоне жанровый репертуар раннего Баратынского значительно скромнее: как и следует ожидать, в нем больше всего элегий, по численности им слегка уступают послания, немало альбомных стихотворений и мадригалов, к которым примыкают надписи, несколько эпиграмм, песня.

Во всех этих и других аналогичных случаях жанровая принадлежность того или иного поэтического текста вполне определена, и раннее творчество поэтов пушкинского окружения поводов усомниться в их жанровом мышлении не дает. Но упраздняется ли оно с течением времени, исчезает ли в поэзии 1820–1830-х годов?

Одним из наиболее распространенных аргументов, якобы подтверждающих угасание жанрового сознания к концу пушкинской эпохи, служит указание на то, что в авторских поэтических сборниках исчезает жанровая рубрикация. Примерами обычно служат Пушкин и Баратынский: их первые сборники 1826 и 1827 годов содержали жанровые разделы,³¹ а более поздние — нет. Некорректность этого аргумента уже давно была продемонстрирована

(см.: *Греч Н. И.* Учебная книга российской словесности. Ч. 2. С. 38–84), в рамках поэтики выделит в главе, посвященной эпической поэзии, специальный раздел «Романическая поэзия», в который вошли роман, прозаическая повесть и сказка (см.: Там же. Ч. 3. С. 360–363).

³¹ См.: Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1826; Стихотворения Евгения Баратынского. М., 1827.

Е. О. Ларионовой, посвятившей специальную статью последнему, так и не состоявшемуся изданию стихотворений Пушкина, которое он готовил в 1836 году, располагая материал по жанровым разделам.³²

Представление о движении от жанровой рубрикации поэтических сборников к внежанровой композиции вообще не соответствует реальной картине. Во-первых, не следует думать, что последняя тенденция набрала силу к концу Золотого века. Свободное расположение стихотворений отличало ранние сборники таких поэтов, как Н. М. Карамзин, И. М. Долгоруков, А. Х. Востоков.³³ Во-вторых, оба типа изданий сосуществовали на протяжении всей первой трети XIX века. Так, выходявшие друг за другом собрания стихотворений Карамзина и Дмитриева были построены по-разному: Дмитриев начиная с издания 1803–1805 годов³⁴ держался жанровой композиции, Карамзин отдавал предпочтение композиции хронологической, нарушаемой лишь тем, что программные стихотворения помещались в начало или конец сборника. Жуковский, в первом своем собрании взяв пример с Дмитриева, отказался от жанрового принципа лишь в последнем, пятом издании 1849 года.³⁵ Важно и то, что принцип этот вовсе не был обязательным. Его не придерживались, например, такие авторы, как П. А. Плетнев, А. Н. Муравьев, А. И. Подолинский. Зато показательно, что иногда автор, не обращавшийся к жанровой рубрикации, тем или иным способом выделял жанры, которые считал для себя наиболее важными. Так, сборник Милонова, вышедший в 1818 году, назывался «Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения». Элегии в его творчестве занимают не менее важное место, чем сатиры, но в 1818 году Милонов считал нужным предстать перед публикой прежде всего как автор сатир (число которых в издании вовсе не превышает количество стихотворений других жанров) и посланий. Жанровой рубрикации нет в «Стихотворениях» Н. И. Гнедича (СПб., 1832), но основной раздел озаглавлен «Лирические, дидактические и другие стихотворения».³⁶ Выделение на общем фоне высоких жанров — лирической и дидактической поэзии — в начале 1830-х годов выглядит достаточно архаично, но оно отвечало литературной ориентации и вкусам Гнедича. Некоторые поэтические сборники объединяли стихотворения одного или нескольких жанровых образований, что и указывалось в их за-

³² См.: Ларионова Е. О. Неосуществленное собрание стихотворений Пушкина 1836 года // Пушкинская конференция в Стенфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 271–288.

³³ См.: Карамзин Н. М. Мои безделки. М., 1794; Долгоруков И. М. Бытие сердца моего, или Стихотворения. М., 1802; Востоков А. Х. Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах. СПб., 1805. Ч. 1–2. Анализ принципов организации этих сборников см.: Сидяков Л. С. «Стихотворения Александра Пушкина» и русский стихотворный сборник первой трети XIX века // Проблемы современного пушкиноведения: Сб. статей. Псков, 1994. С. 46–48.

³⁴ Сочинения и переводы Ивана Дмитриева. М., 1803. Ч. 1, 2; 1805. Ч. 3.

³⁵ Инициатором этой перемены выступил П. А. Плетнев, предложивший в письме к Жуковскому от 4/16 августа 1847 года жанрово-хронологический принцип организации издания (см.: Плетнев П. А. Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 591). Однако в бумагах Жуковского осталось составленное им самим в 1849 году «Общее оглавление» уже отпечатанного издания, своего рода указатель произведений, в котором они распределены по жанровым рубрикам («Эпические произведения», «Повести и сказки», «Баллады», «Драматические стихотворения», «Лирические стихотворения», «Романсы и песни», «Элегии», «Послания», «Смесь», «Проза») (см.: Матяш С. А. Неизданное «Общее оглавление» последнего прижизненного собрания сочинений В. А. Жуковского (К вопросу о жанровой системе поэта) // Русская литература. 1974. № 2. С. 150–154).

³⁶ Внутри него, однако, выделены «Басни» и «Смесь». Сам раздел обрамлен произведениями крупных жанров (почти все они в 1810–1825 годах выходили отдельными изданиями). Книгу открывает поэтический литературный манифест Гнедича «К моим стихам». Затем следует поэма «Рождение Гомера», за ней две идиллии: «Сиракузянки, или Праздник Адониса, Идиллия Феокрита» и созданный автором сборника русский образец классической идиллии «Рыбаки». Заключают книгу цикл «Песни нынешних греков» и перевод трагедии Вольтера «Танкред».

главиях. Таковы «Идиллии» (СПб., 1820) В. И. Панаева, «Опыты священной поэзии» (СПб., 1826) Ф. Н. Глинки, сборник «Песни и романсы» (М., 1830) А. Ф. Мерзлякова, вышедший в год его смерти.

В тех случаях, когда композиция авторских поэтических сборников строилась на основе жанровых рубрикаций, отличия в составе разделов отражали не только жанровые предпочтения поэта, но и то, как он желал формировать свою поэтическую репутацию. Показательна в этом отношении история прижизненных изданий Жуковского. В первую часть его первого собрания³⁷ вошли «Лирические стихотворения»,³⁸ «Послания», «Романсы и песни», во вторую — «Смесь» и «Баллады». Веселый, остроумный Жуковский оказался практически скрыт от глаз читателей его «Стихотворений», которым он не пожелал представить свое басенное и эпиграмматическое творчество.³⁹ Автор посланий, включенных в собрание, серьезен и патетичен, он пишет на темы патриотические и нравственные, его литературные высказывания носят программный характер, его меланхолические размышления касаются разочарований юности, несчастной любви, загробной жизни. Элегические мотивы органично входят в послания, но раздела элегий в издании нет, созданные Жуковским классические образцы этого жанра — «Сельское кладбище», «Вечер», «Славянка» — помещены в «Смеси» вместе с несколькими другими элегическими по своему звучанию стихотворениями. В том же разделе напечатаны некоторые послания, достаточно серьезные по содержанию, но включающие иронические и сатирические фрагменты (например, «К Вяземскому в ответ на его послание к друзьям») или написанные по более частному поводу (например, «К Тургеневу, в ответ на стихи, присланные им вместо письма»). Рубрикация второго издания «Стихотворений Василия Жуковского» (СПб., 1818) остается той же, что и в первом.⁴⁰ Лишь в третьем издании (СПб., 1824) появляются новые разделы: «Элегии»⁴¹ и «Сельские стихотворения».⁴²

Через год после выхода первого издания «Стихотворений» Жуковского был издан поэтический сборник К. Н. Батюшкова «Опыты в стихах» (1817) — вторая часть его «Опытов в стихах и прозе». Он также имел жанровую структуру, но совершенно иную, чем у Жуковского; выделены были всего три рубрики: «Элегии», «Послания», «Смесь» (в последней был обособлен раздел, озаглавленный «Эпиграммы, надписи и прочее»). Композиция книги Батюшкова, продиктованная его личными жанровыми предпочтениями (к 1817 году только элегии и послания могли составить объемные разделы в сборнике его стихов⁴³), оказалась значимой для литературного процесса. Она резко укрупняла масштаб обоих жанров, в некотором смысле уравнивала их в правах с «лирическими стихотворениями». Прежде всего это касалось элегии.

³⁷ Стихотворения Василия Жуковского. СПб., 1815. Ч. 1; 1816. Ч. 2.

³⁸ Сюда были включены «Песнь барда над гробом славян-победителей», «На смерть фельд-маршала графа Каменского» и «Певец во стане русских воинов».

³⁹ Шуточные домашние стихотворения не вошли в издание по вполне понятным причинам.

⁴⁰ Правда, к теперь уже не двум, а трем томам поэтических текстов добавляется отдельный том «Опыты в прозе» (М., 1818).

⁴¹ Сюда вошли, в частности, «Славянка», «Вечер» и «Сельское кладбище», выделенные наконец из «Смеси».

⁴² В последний вошли переводы из И. П. Гебеля: «Овсяный кисель», «Деревенский сторож в полночь», «Тленность», «Красный карбункул».

⁴³ Свои большие сатиры «Видение на берегах Леты» (1809) и «Певец в беседе любителей русского слова» (1813) Батюшков печатать не хотел. Обдумывая в 1819–1821 годах новое издание, он собирался добавить в него созданные после выхода «Опытов» переводы «Из греческой антологии» и «Подражания древним» — возможно, антологические стихотворения тоже были бы выделены в особый раздел, но издание тогда не состоялось.

В этот раздел были помещены стихотворения «К Г<недичу>», «К Д<ашкову>», «К другу», имеющие формальные признаки посланий.⁴⁴ С одной стороны, такое решение демонстрировало сугубую смежность двух жанров, которые могли свободно обмениваться и мотивами, и тональностью. С другой стороны, оно подчеркивало новый иерархический статус элегии, стоявшей в классицистической системе ниже послания. Так, обращение к Дашкову представляло собой литературный манифест Батюшкова, программный характер его содержания вполне соответствовал одной из разновидностей классицистического послания. Определение стихотворения как элегии указывало на то, что повышенная значимость содержания теперь корреспондирует именно ей.⁴⁵

В 1818 году идея издать собрание стихотворений возникла у В. Л. Пушкина,⁴⁶ однако его стихотворения увидели свет лишь в 1822 году. Сборник состоял из трех частей: «Послания», «Басни» (к которым были добавлены стихотворные сказки), «Смесь».

Пушкин-племянник начал обдумывать свой сборник стихотворений раньше, чем дядя (а выпустил значительно позже). Самый ранний из сохранившихся планов такого издания Пушкина составлен на рубеже 1816 и 1817 годов (т. е. до выхода «Опытов» Батюшкова): в него входят лирические стихотворения, послания, элегии, эпиграммы и надписи, «и все пьески», по видимому обозначающие «смесь».⁴⁷ Первое собрание стихотворений Пушкина вышло в свет лишь в 1826 году. В своей жанровой композиции оно вначале было отчетливо ориентировано на разделы «Опытов» Батюшкова: «Элегии мои переписаны — потом послания, потом смесь, потом благословясь и в цензуру», — сообщал Пушкин брату 14 марта 1825 года.⁴⁸ Затем, однако, композиция несколько усложнилась в соответствии с большим жанровым разнообразием творчества Пушкина,⁴⁹ и в конечном итоге в книгу сошли следующие разделы: «Элегии», «Разные стихотворения»,⁵⁰ «Эпиграммы и надписи», «Подражания древним», «Послания», «Подражания Корану». Три части следующего издания «Стихотворений Александра Пушкина» (1829–1830) построены, как уже говорилось, по хронологическому принципу. По весьма вероятному предположению Е. О. Ларионовой, инициатором такого решения выступил Плетнев.⁵¹ Особый интерес представляют рубрики, по которым Пушкин распределял стихотворения, планируя в 1836 году новое издание.⁵²

⁴⁴ Издателем «Опытов» по просьбе Батюшкова выступил Н. И. Гнедич. «Батюшков отказался от хронологического принципа и сам установил деление на отделы <...>. Отбор и расположение внутри отделов были поручены Гнедичу» (Семенко И. М. Батюшков и его «Опыты» // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 480 (сер. «Литературные памятники»)).

⁴⁵ Что же касается стихотворения «К Г<недичу>», то, по справедливому замечанию И. М. Семенко, оно вообще не является посланием, признаки которого содержатся лишь в заглавии (см.: Там же. С. 482).

⁴⁶ См. его письмо П. А. Вяземскому от 1 ноября 1818 года: «Нынешнею зимою я печатаю непременно мои стихотворения — все почти собрано и готово» (цит. по: Михайлова Н. И. Василий Львович Пушкин. М., 2012. С. 289).

⁴⁷ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1997. Т. 17 (доп.). Рукою Пушкина. С. 165.

⁴⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 13. С. 151.

⁴⁹ В так называемой Капнистовской тетради, подготовленной Пушкиным для этого издания, за разделом элегий, по-прежнему занимающим первое место, следуют «Подражания древним», за ними послания, смесь, эпиграммы и надписи (описание ныне утраченной Капнистовской тетради см.: Томашевский Б. В. Капнистовская тетрадь // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2. Кн. 1. С. 330–352). Готовившие книгу к печати Плетнев и Лев Пушкин несколько изменили пушкинскую композицию.

⁵⁰ Соответствие разделу «Смесь».

⁵¹ См.: Ларионова Е. О. Неосуществленное собрание стихотворений Пушкина 1836 года. С. 279.

⁵² Для издания были заготовлены писарские копии стихотворений, которые Пушкин распределял, вкладывая их в надписанные его рукой листы-обложки с заглавиями разделов. описа-

На сей раз это были «Стихотворения лирические», понимаемые в старом традиционном смысле,⁵³ «Подражания древним», «Послания<я>», «Эпиграммы, надписи и проч.», «Баллады и песни», «Сонеты», «Стихи, сочиненные во время путешествия»,⁵⁴ «Песни западных славян», «Вольные подражания восточным стихотворениям», «Простонародные сказки», «Разные стихотворения», «Разговоры».⁵⁵ Раздел элегий, несомненно, предполагался также, но рукопись дошла до нас не полностью. Эта композиция свидетельствует не только о том, что жанровое мышление было свойственно Пушкину до самого конца жизни, но также и о том, что в общий ряд с жанровыми единствами вставляли единства стихотворных циклов и подражаний, которые дифференцировались в соответствии с той областью поэтической культуры, которая становилась их предметом. К последнему обстоятельству мы еще вернемся. Жуковский, который не только видел рукопись 1836 года, но и работал с ней, также расположил стихотворения Пушкина в подготовленном им посмертном собрании его сочинений по жанровым рубрикам, отчасти следуя пушкинскому плану, отчасти отступая от него.

«Стихотворения Евгения Баратынского», изданные в 1827 году, через год после первого собрания стихотворений Пушкина, ориентированы по своей жанровой композиции, как неоднократно отмечалось, на это издание, а следовательно, и на «Опыты в стихах» Батюшкова. Сборник Баратынского состоит из разделов «Элегии» (в трех «книгах»⁵⁶), «Смесь» и «Послания». Последнему из них предшествует «сказка» «Телема и Макар». Десятилетняя дистанция, отделяющая сборник Баратынского от «Опытов» Батюшкова, дала себя знать в том, насколько более решительным стало взаимопроникновение элегий и посланий: в книгу третья раздела «Элегии» стихи, обращенные к адресату, помещены на равных правах с другими.

Особого внимания заслуживают отделы «Смеси» или «Разных стихотворений». Сюда помещались, конечно, не тексты, лишённые жанровой определенности, а стихотворения разных жанров, например, таких, которых в портфеле поэта было недостаточно, чтобы составить отдельную рубрику. Но это было не единственной причиной. Если в «Опытах» Батюшкова «Смесь» следует за «Элегиями» и «Посланиями» как более значимыми разделами, то в сборниках Пушкина 1826 года и Баратынского 1827 года «Смесь» оказалась в середине книги. У Баратынского под этой рубрикой, объединившей эпиграммы, надписи, мадригалы, альбомные стихотворения, песни, помещен целый ряд посланий, выведенных из раздела, специально им посвященного. «Послания» в его сборнике открываются и заключаются обращениями к Н. И. Гнедичу стихотворениями, в которых содержится определение литературной и духовной позиции автора. Но в целом этот раздел не выдержан в высоком стиле (отличающем, например, «Послания» в «Стихотворениях» Жуковского) — в него допущены шуточные интонации, любовная тематика представлена в сопровождении характерных для Баратынского скептических сентенций. Иными словами, мотивный диапазон этого раздела достаточно широк — и тем не менее ряд посланий выведен из него и перемещен в «Смесь».

ние рукописи, выполненное Е. О. Ларионовой, см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2. Кн. 1. С. 363–370.

⁵³ В этот раздел включены «Горжество Вакха», «Наполеон», «Вакхическая песня», «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», т. е. три оды и два дифирамба.

⁵⁴ Сюда помещались стихи, сочиненные во время кавказского путешествия Пушкина 1829 года.

⁵⁵ «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», «Сцена из Фауста». Заглавие этого раздела вписано рукой Жуковского.

⁵⁶ Восходящая к Овидию традиция представления элегий в нескольких книгах была актуализирована французскими поэтами (Парни, Мильвуа, Бертен).

Так, например, стихотворения, обращенные к Дельвигу и к С. Д. Пономаревой, оказались почти равномерно распределенными между «Посланиями» и «Смесью». Это решение проливает свет на некоторые принципы композиции поэтических сборников того времени. Иногда мы пытаемся объяснить их, отыскивая какие-либо смысловые или даже сюжетные связи, забывая об одном простом и важном компоненте эстетического сознания пушкинской эпохи. Определения жанров в словарях и поэтиках этого времени почти непременно содержали описание того «чувствования», которое выражает и к которому апеллирует жанр. Композиционное решение, предполагавшее более сложную и даже прихотливую жанровую оркестровку сборника, было призвано не допустить жанровой монотонии, обеспечить эмоциональное многообразие читательского восприятия. Не исключено, что именно поэтому в сборниках Пушкина и Баратынского раздел «Смесь» (или «Разные стихотворения») помещался не в конце книги, как в «Опытах» Батюшкова, а в ее середину, выполняя роль, в чем-то подобную интермедии, нарушающей доминирование той или иной эмоции.

Какой бы ни была композиция изданий, поэты Золотого века прекрасно отдавали себе отчет в том, к какому жанру они обращаются в том или ином случае. Усвоенные в России результаты систематизаторской деятельности европейских эстетиков XVIII века, представленные как набор жанровых алгоритмов, составили прочную основу поэтического сознания, легко и органично дифференцирующего жанровые особенности стихотворных текстов. Издания типа словаря Остолопова или поэтики Греча устаревали не потому, что отраженные в них представления стали безразличными для поэтов, а потому, что эти издания — просто в силу их специфики — фиксировали жанр как некую неподвижную данность, структурно и тематически закрепленную. Между тем в творчестве крупных поэтов — и в XVIII, и в XIX веке — осуществлялись жизнь и развитие жанров. Жанр мыслился как форма, которую следует трактовать в смысле, близком к аристотелевскому, т. е. как начало деятельное и активное. И если на примерах крупных форм — таких, как поэма или трагедия — вполне очевидным фактом является именно жанровое творчество, создающее новые виды поэмы или драмы, то такое же жанровое творчество осуществлялось и в лирике крупных поэтов.

Динамичность жанровых форм обеспечивалась самыми разными путями. Один из них — трансформация жанровой природы поэтического источника. Так, в 1810-е годы В. И. Панаев вводит в ориентированные на Геснера идиллии элегические ламентации и разностопный басенный стих — по мнению В. Э. Вацура, это ведет к обретению жанром большей «гибкости и вместимости», к обнаружению в нем возможностей эволюции. При этом, подчеркивает исследователь, «Панаев отнюдь не преодолел, а даже укрепил <...> стабильные признаки традиционной идиллии». ⁵⁷ На аналогичную закономерность применительно к жанру оды указывал Ю. Н. Тынянов, когда писал, что этот жанр «мог привлекать и всасывать в себя какие угодно новые материалы, мог оживляться за счет других жанров, мог измениться до неузнаваемости и все-таки не переставал сознаваться одой». ⁵⁸ И это, конечно, не специфика оды или идиллии, так же осуществлялась жизнь других жанров. Почти каждый из них продолжал то внутреннее развитие, которое, как правило, началось задолго до XIX века и за пределами русской культуры. Жанровые гра-

⁵⁷ Вацура В. Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Вацура В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 518–519.

⁵⁸ Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 245.

ницы, как и границы любой живой формы, были проницаемыми, оставаясь определенными.

Та же определенность сохранялась при трансформации жанровой природы образца. Примерами могут служить переводы из Гете. Его философическая ода «Границы человечества» («*Grenzen der Menschlichkeit*», 1778–1781) в переводе И. И. Дмитриева («На случай грома. Подражание германскому поэту г. Гете», 1795) получает черты смежной жанровой формы — переложений псалмов. Другая философическая ода Гете — «Моя богиня» («*Meine Göttin*», 1780) — в переводе Жуковского (1808–1809) окрашивается элегическими тонами, в то время как А. Х. Востоков дает русскую версию того же произведения как высокой торжественной оды. Жуковский же способен превратить в элегию не только оду, но и басню — это происходит при переводе «Радости» («*Die Freude*», 1768): басня, проповедующая анакреонтический идеал жизни, превращается в элегию, с характерным для нее сожалением о недолговечности наслаждения («Мотылек», 1814).⁵⁹ Перевод включает в себя в этих случаях смену не только национальных, но и жанровых языков.

Не менее отчетливыми были как традиционные, так и вновь возникающие разновидности одного жанра, например историческая элегия или дружеское послание, обладающие вполне устойчивым набором типовых черт. Намечались и новые жанровые образования. В этой связи интересна, в частности, особая разновидность поэтических текстов, определяемых как «подражания». В связи с ними по понятным причинам особенно остро встает вопрос о соотношении жанрового и стилового мышления.

В энциклопедиях и пособиях по поэтике чаще всего говорится о подражаниях какому-либо одному автору, иными словами — определенному авторскому стилю.⁶⁰ Между тем к началу XIX века подражание стало мыслиться более широко, его связывали не с отдельными авторами, но с большими стилевыми пластами, сформированными той или иной культурой. В ряде случаев такие подражания укладывались в рамки жанровых парадигм. Так, антологическое стихотворение или анакреонтическая песнь имели достаточно определенные формальные параметры. Но не случайно это касалось античных образцов — к началу XIX века обращение к ним имело опору как на европейскую, так и на русскую традицию. Длительную традицию имели и переложения псалмов, которые, конечно, не трактовались как подражания индивидуальному стилю псалмопевца Давида, а были встроены на равных правах в общую жанровую картину. Так, описывая жанровый состав лирики Ж.-Б. Руссо, Лагарп помещает в общий ряд псалмы, оды, кантаты, послания.⁶¹

Существенно и то, что имена создателей того или иного индивидуально-го стиля использовались для выделения разновидностей внутри одного жанра. Так, в «Рассуждении о лирической поэзии, или об оде» Державин писал: «...для чего бы не назвать героической, или похвальной оды — пиндарической? философической, или размыслительной — горацанской? страстной, или пламеннолюбовной — сафической? роскошной или веселопугливой — анакреонтической? меланхолической или военноунылой — оссиянской? — применяясь к почерку, или вкусу их, как выше они написаны».⁶² На эти

⁵⁹ См.: *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1981. С. 64–66, 82–83, 88.

⁶⁰ См., например: *Остолопов Н. Ф.* Словарь древней и новой поэзии. Ч. 2. С. 387–394. Ср. также определение Остолоповым анакреонтического произведения как написанного «во вкусе и слогом греческого поэта Анакреона» (Там же. Ч. 1. С. 23).

⁶¹ См.: *La Harpe J.-F. de.* Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Paris, an. VII [1799]. Т. 6. Partie 2. P. 94–184.

⁶² Цит. по: *Занатов В. А.* Последняя часть «Рассуждения о лирической поэзии» Г. Р. Державина // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 305.

образцы накладывались русские изводы жанра, как, например, ломоносовская и сумароковская версии анакреонтической оды.⁶³ При этом дифференцирующей, классификаторской активности сопутствовала творческая деятельность, направленная на интеграцию поэтических текстов, тяготеющих к одному жанровому определению, но соответствующих ему то одной, то другой своей стороной. Как показано К. Ю. Лаппо-Данилевским, в состав «Анакреонтических песней» (1804) Державин включил переводы из других античных авторов и даже из Метастазии, а также какого-то немецкого автора, по ошибке названного Клопштоком. В сборник вошли также более ранние стихи Державина, осмысленные им как анакреонтика лишь при его составлении. Часть текстов следовала моделям стихосложения, образцы которых были даны Ломоносовым или Сумароковым, другая часть удалялась от них, соответствуя анакреонтике лишь тематически. Были и такие стихотворения, которые по тематике вовсе не совпадали с нею, но метрически следовали канону анакреонтических од. Кроме того, Державин счел возможным включить в издание тексты, которые вообще никак нельзя было соотносить с анакреонтической традицией (например, стихотворение «Арфа»)⁶⁴. Все это приводит Лаппо-Данилевского к выводу, что «Анакреонтические песни» — это «название книги лирики, а не сборника произведений одного жанра, это знаменатель, долженствующий представить читателю то общее, что делает книгу художественно единой <...> это собрание стихотворений, призванных выразить некий „античный“ и одновременно вечный взгляд на жизнь, наиболее полно запечатленный в стихах Анакреонта, а поэтому ориентированных на их поэтику и тематику (чувственные радости жизни), но не ограничивающихся ею».⁶⁵ Справедливость этого вывода не должна заслонять другой стороны дела: ядром книги стало определенное жанровое единство, представленное в своем неоднозначном многообразии.

В следующую литературную эпоху подражания начинают активно пополняться новыми разновидностями — прежде всего за счет растущего интереса к ориенталистике и фольклору.

Знакомство с «восточными повестями» и «Еврейскими мелодиями» Байрона, с поэмой Т. Мура «Лалла Рук», позднее — с «Западно-восточным диваном» Гете к середине 1820-х годов сформировало устойчивое представление о Востоке как «неисчерпаемом источнике для освежения пиитического воображения».⁶⁶ В программной статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824) В. К. Кюхельбекер писал: «Фердоуси, Гафис, Саади, Джами ждут русских читателей».⁶⁷ Здесь не место характеризовать многочисленные переводы и подражания восточной поэзии, появляющиеся на страницах русской печати, — наметим лишь две тенденции, касающиеся темы статьи. Одна из них связана со стремлением совместить смысловой потенциал оригинального текста с существующей в европейской и русской поэзии жанровой формой. Примерами могут служить некоторые переводы Д. П. Ознобишина, сделанные с оригинала. В «Оде Гафиса» (1826) он сохраняет возможность восприятия суфийской символики

⁶³ См.: Лаппо-Данилевский К. Ю. «Анакреонтические песни» Г. Р. Державина и традиция русской анакреонтической оды XVIII века // Литературный факт. 2017. № 5. С. 157–159, 164–166.

⁶⁴ См.: Там же. С. 159–169.

⁶⁵ Там же. С. 171.

⁶⁶ Ф. Б. [Булгарин Ф. В.]. Литературные призраки // Литературные листки. 1824. № 16. С. 106.

⁶⁷ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подг. Н. В. Королева, В. Д. Рак. Л., 1979. С. 458 (сер. «Литературные памятники»).

и отдельные черты поэтики газели,⁶⁸ но в целом строит поэтический текст так, что он может быть прочтен как анакреонтическая ода (и это специально акцентировано в заглавии). Стихотворение «Упрек» (1828) Ознобишин печатает с жанровым подзаголовком «Арабский мауль», но его форма идеально соответствует поэтике мадригала.

Совершенно иная тенденция намечена в проекте собрания стихотворений Пушкина 1836 года. Еще в его «Стихотворениях» 1826 года «Подражания Корану» были отчетливо соотнесены с разделом «Подражания древним».⁶⁹ Эта композиционная логика получила развитие в намеченной Пушкиным рубрикации издания, задуманного в 1836 году. «Подражания Корану» вместе с «Пророком», переложениями из Песни Песней,⁷⁰ «Соловьем и розой» и некоторыми другими стихотворениями⁷¹ здесь вошли в раздел «Вольных подражаний восточным стихотворениям», который, как и «Подражания древним», был уравнен в правах с такими жанровыми рубриками, как «Послания» или «Баллады и песни». И на тех же правах в издание должны были войти разделы подражания фольклорным жанрам: «Песни западных славян» и «Простонародные сказки». Это построение говорит о том, что не жанры поглощались стилями, а, наоборот, стили получали статус, аналогичный статусу жанров.⁷²

Подражания разным видам фольклора и обобщенно понимаемой восточной поэзии явно тяготели к тому, чтобы стать жанровыми образованиями, однако наступление новой литературной эпохи не позволило закрепить этот процесс в окончательной оформленности.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что жанровое творчество вовсе не предполагало обязательного создания закрепленной жанровой разновидности. Оно могло осуществляться и как возникающее лишь в одном поэтическом тексте уникальное сочетание разных жанровых форм. Именно эту тенденцию в литературоведении часто определяли как смешение или диффузию жанров, как признак упразднения жанрового сознания и перехода к внежанровой лирике. Но результатом смешения или диффузии должна была бы стать неразличимость исходных элементов. Между тем как раз этого и не происходит.

Примером может служить стихотворение Вяземского «Первый снег» (1819), над которым он мучительно работал в течение нескольких лет. Батюшков воспринимал его как элегию,⁷³ в то время как А. И. Тургенев, восторгаясь стихами, писал Вяземскому: «Ты в них Делиль» — и, называя его

⁶⁸ См.: Алексеев П. В. Д. П. Ознобишин и Хафиз: Проблемы перевода суфийской поэтики // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Филология. 2013. № 2 (22). С. 66–75.

⁶⁹ Напомню, что сборник 1826 года включал следующие разделы: «Элегии», «Разные стихотворения», «Эпиграммы и надписи», «Подражания древним», «Послания», «Подражания Корану».

⁷⁰ «В крови горит огонь желанья...» и «Вертоград моей сестры...».

⁷¹ Кроме указанных это «Ангел», «Виноград» и «О дева-роза, я в оковах...».

⁷² Все это, разумеется, не исключало того, что подражания Горацию, Анакреонту или Оссиану могли не только оформляться в самостоятельные тексты, но и накладываться как выразительная краска на тот или иной жанр либо включаться в его тематический комплекс на правах одного из мотивов. При этом один и тот же мотив, имеющий авторское происхождение (точнее, закрепленный в литературном сознании в качестве такового), мог становиться компонентом мотивной структуры разных жанров. Так, гораццианское развитие мотива сельской жизни встречается и в дружеском послании, и в сатире, и в элегии. Оссианический колорит уместен и в балладе, и в элегии, и в оде и т. п.

⁷³ См. приписку Батюшкова к письму Вяземского к А. И. Тургеневу от 5 октября 1816 года (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Вып. 1. С. 55).

именем классика описательной поэзии («Делиль Андреевич»),⁷⁴ указывал на жанровый образец «Первого снега».⁷⁵ Действительно, стихотворение следовало этому образцу не только потому, что содержало пространные описания поздней осени, а затем зимнего обновления. В нем были выполнены традиционные рекомендации авторам описательных поэм:⁷⁶ избран шестистопный ямб с цезурой после третьей стопы, опасность однообразия предупреждена контрастным соположением тем (нежный сын юга — суровый сын севера; осеннее уныние — блеск и радость первого зимнего дня). Между тем к концу стихотворения набирают силу элегические мотивы (угасшие мечты и восторги юности, безжалостные уроки зрелого опыта), и они не просто сменяют описательную часть — в финале роскошно развернутая картина первого зимнего дня неожиданно оборачивается метафорой переживаний юности. Это, однако, ни в какой мере не упраздняет автономного значения собственно описательных фрагментов; элегическое начало усложняет жанровую природу произведения, но оба ее компонента остаются равноценными. Самостоятельная значимость каждого особенно ощутима на фоне таких поэтических текстов, как «Сельское кладбище» Жуковского, в которых дескриптивные элементы полностью подчинены элегическому заданию и изначально интегрированы в разворачивание элегического сюжета.⁷⁷

Пушкин высоко ценил «Первый снег», помнил его наизусть,⁷⁸ и в 1829 году повторил ту же жанровую оркестровку в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне...», в котором, впрочем, смысловые акценты расставлены иначе: начатое в духе описательной поэзии, оно завершается восторженными интонациями не унылой, а чувственной элегии. Как и у Вяземского, в поэтический текст введена контрастная смена эмоциональных регистров, избран александрийский стих, строго выдержанный благодаря парной рифмовке. Но именно в силу этого оставленная без рифмы последняя строка создает эффект, в чем-то подобный тому, который возникает в концовке «Первого снега»: в пушкинском финале нормы описательной поэзии взорваны, однако не отменены, поскольку их реализация уже произошла в первой части стихотворения. А сдвиг этих норм готовился уже там непозволительными для александрийского стиха резкими нарушениями цезуры. В конце концов финальные элегические аккорды подчиняют себе поэтическое целое, но их эмоциональная победа не разрушает автономного значения описательной части, которая остается в еще большей неприкосновенности, чем дескриптивные фрагменты «Первого снега». Оставляя в своем тексте сигналы, отмечающие прямую ориентацию на Вяземского,⁷⁹ Пушкин еще дальше, чем он, и, конечно, вполне со-

⁷⁴ Там же. С. 369 (письмо от 10 декабря 1819 года).

⁷⁵ Отвечая Тургеневу, Вяземский подчеркивал свое отличие от Делиля: «Отчего ты думаешь, что я по первому снегу ехал за Делилем? Где у него подобная картина? Я себя называю природным русским поэтом потому, что копаюсь все на своей земле. Более или менее ругаю, хвалю, описываю русское: русскую зиму, чухонский Петербург, петербургское Рождество и пр., и пр.; вот что я пою» (Там же. С. 376; письмо от 19 декабря 1819 года). Но если содержание «картины», созданной Вяземским, действительно было вполне оригинально, то жанровый образец его стихотворения был указан Тургеневым совершенно точно.

⁷⁶ См., например: Греч Н. И. Учебная книга российской словесности. Ч. 4. С. 106.

⁷⁷ См. об этом: Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: Элегическая школа. СПб., 1994. С. 54–60.

⁷⁸ См. его письмо к Вяземскому от марта 1823 года (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 13. С. 59).

⁷⁹ Ср. в «Первом снеге»: «Презрев мороза гнев и тщетные угрозы, / Румяных щек твоих свежей алеют розы» (Вяземский П. А. Стихотворения / Сост., подг. текста и прим. К. А. Кумпан; вступ. статья Л. Я. Гинзбург. Л., 1986. С. 131 (Библиотека поэта. Большая сер.) — и в пушкинском финале: «Но бури севера не вредны русской розе. / Как жарко поцалуй пылает на морозе!» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 3. С. 182).

знательно уходит от принципов жанровой интеграции, предложенных в классической элегии Жуковского.

Другого рода пушкинский эксперимент по столкновению разных жанровых форм в пределах одного поэтического текста находим в стихотворении «Каков я прежде был, таков и ныне я...», имевшем авторское заглавие «Отрывок из Андрея Шенье».⁸⁰ Первая строка представляет собой точный перевод французского эпиграфа: «Tel j'étais autrefois et tel je suis encor...».⁸¹ Этим стихом начиналась элегия А. Шенье, известная Пушкину по посмертному сборнику его произведений, подготовленному А. де Латушем,⁸² который поместил ее в разделе «Фрагменты». Форма «отрывка» («фрагмента») живо интересовала Пушкина, была в его сознании тесно связана с антологической поэзией, как о том говорилось в брошюре К. Н. Батюшкова и С. С. Уварова: «Под именем Антологии разумеем мы собрание мелких стихотворений, включая в сие число надписи и отрывки».⁸³ Шенье для Пушкина — «истинный грек, из классиков классик. <...> От него так и пахнет Феокритом и Анфологиєю».⁸⁴ Фрагменты Шенье были восприняты Пушкиным как воссоздание античной художественной формы, близкой к антологической эпиграмме.⁸⁵ «Отрывок» мог быть истолкован как новый жанр, не фигурирующий в традиционных поэтиках, но имеющий своим истоком классическую древность.

Едва ли Пушкин знал, что Латуш по своему усмотрению формировал композицию сборника Шенье, относя те или иные поэтические тексты к «фрагментам» (он вообще старался подчеркнуть, что многие произведения Шенье остались незавершенными, поскольку трагически оборвался его творческий путь). По замечанию Е. П. Гречаной, элегия, из которой взят пушкинский эпиграф, представляет собой вполне законченное произведение.⁸⁶ Лирический сюжет пушкинского стихотворения отчасти близок к этой элегии, но в еще большей мере следует мотивам другого законченного поэтического текста — стихотворения «Братьям Труденам» («Aux deux frères Trudaine»),⁸⁷ напечатанного в том же сборнике Шенье уже не среди «Фрагментов», а в разделе «Элегии». Лирический герой этого стихотворения, как вслед за ним пушкинский, признается друзьям, что не в силах изменить свой беспечный и влюбчивый характер: стократ обманутый в своих любовных упованиях и надеждах, он готов вновь и вновь отдавать красавицам свое сердце.

⁸⁰ П. А. Плетнев, готовивший издание «Стихотворений Александра Пушкина» 1832 года, перенес это заглавие в оглавление, куда он переносил все жанровые подзаголовки, иногда существенно искажая авторское намерение.

⁸¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 3. С. 143.

⁸² Chénier A. Oeuvres complètes. Paris, 1819. P. 187; книга имелась в библиотеке Пушкина (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. № 736 (Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9–10; отд. отт.; то же, с Приложением: М., 1988. Репринт. изд.).

⁸³ О греческой Антологии. СПб., 1820. С. 1.

⁸⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. 13. С. 380–381 (черновик письма к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 года).

⁸⁵ «Пушкин увидел во фрагментах Шенье сознательное заимствование из античной поэзии, своеобразную художественную форму, открывающую перед поэтом новые возможности. Особенностями ее были краткость, малый размер произведения, совершенство художественной формы, прозрачность и чистота стиля, артистизм стиха и пластика образов — черты, роднящие ее с античной эпиграммой» (Сандомирская В. Б. «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 78).

⁸⁶ См. прим. в изд.: Шенье А. Сочинения 1819 г. / Изд. подг. Е. П. Гречаная. М., 1995. С. 515 (сер. «Литературные памятники»). Там же, в статье Е. П. Гречаной «Андре Шенье — поэт» (с. 417–419) см. историю составления сборника Латушем.

⁸⁷ См.: Реузов Б. Г. Воспоминание из Андре Шенье у Пушкина // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика В. В. Виноградова. Л., 1971. С. 128–129.

При сопоставлении пушкинского текста и его источников заглавие «Отрывок из Андрея Шенье» оказывается двусмысленным. С одной стороны, лирический сюжет восходит к «фрагментам» французского поэта, с другой стороны, ориентируясь на его стихи, Пушкин действительно превращает развернутое элегическое высказывание в отрывок. Этому служит не только краткость его текста, особенно заметная на фоне французских образцов. Сохраняя александрийский стих источников, Пушкин оставляет последний стих без рифмы и ставит в его конце многоточие, которое подчеркивает фрагментарность его поэтического текста. Парадоксальность достигнутого художественного эффекта заключается в том, что элегическому фрагменту сообщена содержательная полнота антологического стихотворения, в котором схвачены и переданы основные черты изображаемого, в данном случае — лирического субъекта.⁸⁸ Как и в предыдущем случае, эффект построен на взаимодействии двух равно узнаваемых жанровых форм, только они не переходят друг в друга, как в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне...», а сомкнуты в лирическое единство.

Художественное решение могло строиться и на более сложной интеграции жанров. Так, «19 октября» (1825), отправленное в Петербург из михайловской ссылки, построено на традиционном для эпохи сочетании черт элегии и послания, причем последнее представлено двумя его разновидностями. С одной стороны, взят тематический комплекс дружеского послания (горацианский мотив сельского уединения поэта, адресация к дружескому кругу, воображаемый пир, тема смерти, сопряженная с темой пира). С другой стороны, биографический контекст связывает стихотворение с иным, наиболее близким к элегии типом послания, представленным «Письмами с Понта» изгнанного из Рима Овидия. Но кроме того, общая картина усложняется добавлением элементов совершенно другого жанра — застольных песен (два тоста, включенные в поэтический текст, эпитафия из Горация, предпосланный первой редакции стихотворения: «Nunc est Bibendum»⁸⁹). В целом элегическое начало подчиняет себе общее звучание поэтического текста, но все-таки оно не заглушает его связь с застольной песней или дружеским посланием.⁹⁰

Другим близким примером жанровой оркестровки может служить «Зимний вечер» (1825) Пушкина, который современным исследователям кажется выпавшим из жанровой системы.⁹¹ Размер и рефрен с призывом: «Выпьем,

⁸⁸ Образцом сочетания элегического и антологического начал могли служить и переводы Батюшкова, включенные в брошюру «О греческой антологии» (об элегическом звучании некоторых из этих пьес см.: *Сандомирская В. Б.* Из истории пушкинского цикла «Подражания древним» (Пушкин и Батюшков) // *Временник Пушкинской комиссии* 1975. Л., 1979. С. 28). Однако источником Батюшкова, в отличие от Пушкина, служили готовые жанровые формы.

⁸⁹ «Теперь надлежит выпить» (*лат.*) — из книги Горация «Оды» (Carm. I, 37). Эпитафия связывает стихотворение с «традицией застольной песни от новоевропейских ее вариаций до античных образцов — пиршественных од Алкея, Анакреонта и Горация. Общая для текстов этой традиции ситуация пира прослеживается во всех „лицейских годовщинах“ Пушкина» (*Мальчукова Т. Г.* Античные и христианские традиции в изображении человека и природы в произведениях А. С. Пушкина. Петрозаводск, 2007. С. 100). К горацианской традиции восходит и мотив одинокого пира, образующий композиционное кольцо пушкинского стихотворения (см.: Там же. С. 106–107).

⁹⁰ Похожее, но менее сложное соединение жанровых элементов встречаем у такого мастера застольной песни, как Н. М. Языков: в его послании «А. Н. Татаринову», отчасти следующем за пушкинским «19 октября», застольные призывы сочетаются с мотивами дружеского послания и унылой элегии.

⁹¹ «Стихотворение входит в ту сферу новой лирики, где представление о правильной системе жанров уже утрачено» — это замечание И. Л. Альми (*Альми И. Л.* «Зимний вечер» // *Лирика А. С. Пушкина: Комментарий к одному стихотворению*. М., 2006. С. 124) выражает почти общее мнение.

добрая подружка...»,⁹² — отсылают к традиции застольных песен, цитатное включение строк из народных песен соотносит контексты литературной песни и песни фольклорной. Просторечия сближают пушкинский текст со стилистикой дружеского послания, ему же (а не только застольной песне) соответствует и мотив «пира». Через отсылку к Тибуллу⁹³ стихотворение связано с жанром элегии. Элегическая тональность доминирует и в этом стихотворении, не позволяя ему совпасть по тону и настроению с мажорной, как правило, застольной песней или с оживленными интонациями дружеского послания. Virtuозный жанровый сплав гармонизирует исходные составляющие, однако они остаются вполне узнаваемыми; их взаимодействие никак не является случайным конгломератом разнородных языковых и стилистических элементов.

Не имея возможности умножать примеры, приводя анализы текстов, сослужив на существующие исследования, которые делают очевидным, что эксперименты по организации жанровых взаимодействий могли носить самый неожиданный характер. Так, в пушкинском стихотворении «Аквилон», как показала Е. В. Кардаш, осуществлена оркестровка, казалось бы, несовместимых языков басни и оды.⁹⁴ Д. Хитрова приводит близкий пример из творчества позднего Баратынского, анализируя стихотворение «Еще как патриарх не древен я; моей...» (1839). Оно представляет собой свадебный мадригал, но «написано необычным для „малых“ жанров александрийским стихом и исполнено витиеватых, неавтоматизированных тропов, отсылающих к церковным и библейским понятиям». Постепенно, однако, «архаистическое» поэтическое наречие сменяется «несложными метафорами мадригального финала, принадлежащими к привычным мотивам анакреонтической галантной поэзии». Вслед за Державиным Баратынский сочетает торжественность с камерностью, и мадригал вбирает в себя свойства «микроскопической оды».⁹⁵ В. М. Маркович отмечает сочетание стилистических форм мадригала и дифирамба в стихотворении Языкова «Ау!», а анализируя вторую редакцию пушкинской «Деревни», прослеживает, как в ней сменяют друг друга языки дружеского послания, идиллии, медитативной элегии и сатиры.⁹⁶ По наблюдениям Е. Н. Григорьевой и В. Т. Золотухина, смысловое движение сонета Веневитинова «К тебе, о чистый Дух, источник вдохновенья...» осуществляется, в частности, через переход от элегической лексики в катренах к одической лексике в терцетах.⁹⁷

Подобные жанрово-композиционные структуры были бы невозможны помимо отчетливой дифференциации жанров, на взаимодействии (а не

⁹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 3. Кн. 1. С. 86.

⁹³ Речь идет о близком сюжетном совпадении «Зимнего вечера» с четырьмя строками «Элегии из Тибулла» Батюшкова: «При шуме зимних вьюг, под сенью безопасной, / Подруга в темную ночь зажжет светильник ясный / И, тихо вретено кружа в руке своей, / Расскажет повести и были старых дней» (Батюшков К. Н. Соч. / Ред., статья и комм. Д. Д. Благого. М.; Л., 1934. С. 64). См.: Малафеев К. А. «Я думал стихами...»: Историко-документальные очерки о лирических стихах А. С. Пушкина. Рязань, 2000. С. 37–39. В подлиннике у Тибулла — не «подруга», а «старушка».

⁹⁴ См.: Кардаш Е. В. Стихотворение Пушкина «Аквилон»: К вопросу об историко-литературном контексте // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2016. Вып. 32. С. 178–205.

⁹⁵ Хитрова Д. Ода как мадригал: К описанию одного стихотворения Баратынского // Пушкинские чтения в Тарту 4. Пушкинская эпоха. Проблемы рефлексии и комментария: Материалы международной конференции. Тарту, 2007. С. 331–344.

⁹⁶ Маркович В. М. Трансформации русской лирики в первые десятилетия XIX века // Русская литература. 2015. № 2. С. 19–24.

⁹⁷ См.: Григорьева Е. Н., Золотухин В. Т. Сонет Д. В. Веневитинова «К тебе, о чистый дух, источник вдохновенья...»: Датировка, поэтика, шеллингианский сюжет // Русская литература. 2021. № 3. С. 156–161.

смешении) которых и строится художественное решение у Жуковского, Вяземского, Пушкина, Языкова, Баратынского, Веневитинова. Во всех случаях языки жанров отнюдь не сливаются в некое неразличимое единство, они слышны, как слышны голоса инструментов в оркестре. И если мы способны их аналитически выделять, то тем более они были различимыми для слуха поэтов пушкинской эпохи, для которых жанровая дифференциация была чем-то вроде элементарной нотной грамоты. Это не только не смешение жанров, но и не жанровый синтез — скорее здесь уместно говорить о том самом полифоническом звучании, которое Бахтин напрасно считал исключительным свойством романа.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. А. НЕКРАСОВА

В декабре 2021 года исполняется 200 лет со дня рождения Николая Алексеевича Некрасова. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, всегда бывший важнейшим научным центром изучения биографии и творчества великого поэта, принял активное участие в праздновании этого события, выступив в том числе одним из организаторов Международного научного конгресса в Ярославле и Карабихе, который собрал более 100 ученых из 8 стран. Обновленная Некрасовская группа подготовила научное издание полного собрания стихотворных произведений Некрасова в серии «Новая Библиотека поэта». Целый ряд других мероприятий посвящен некрасовскому юбилею, получившему, как кажется, масштаб, достойный поэта.

Обычно такие торжества позволяют увидеть, как много сделано для исследования некрасовского наследия крупными учеными (в том числе не так давно покинувшими нас Н. Н. Мостовской, Б. В. Мельгуновым, Н. Н. Пайковым, А. М. Березкиным, Н. Л. Вершининой). Они же показывают, как много пробелов остается в изучении биографии Некрасова, его поэтики, насколько необходим пересмотр устоявшихся шаблонных представлений о его мировоззрении, общественно-политических взглядах. Требуется серьезной рефлексии и ревизии некрасовская текстология. Особенно важно — новое прочтение текстов Некрасова, новое их открытие для современного читателя и исследователя. Предлагаемая подборка статей российских и зарубежных ученых является лептой в решение этих задач.

© М. С. Макеев

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-27-38

© М. С. МАКЕЕВ

НЕКРАСОВСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: ПРОБЛЕМЫ НОВОГО НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ Н. А. НЕКРАСОВА В СЕРИИ «НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

Ситуация с некрасовской текстологией, на первый взгляд, выглядит вполне благополучно. После войны вышло целых три научных издания произведений поэта: Полное собрание сочинений и писем в 12 томах (М., 1948–1953; далее — ПСС1948), Полное собрание стихотворений в 3 томах в Большой серии «Библиотеки поэта» (2-е изд. Л., 1967; далее — ПСС1967) и наконец Полное собрание сочинений и писем в 15 томах (Л., 1981–2000; далее — ПСС). Последнее из перечисленных, подготовленное под эгидой ИРЛИ РАН, является на сегодняшний день наиболее авторитетным «академическим» изданием, однако не потеряли актуальности и тома «Библиотеки поэта». Полезным (во всяком случае для текстологов и специалистов-некрасоведов) остается и послевоенный двенадцатитомник. Все три собрания

подготовлены ведущими специалистами-текстологами, знатоками творчества Некрасова, связаны отношениями преемственности. Тем не менее необходимость нового юбилейного научного издания его стихотворений в серии «Новая Библиотека поэта» не может вызывать сомнений. Тома ПСС, посвященные поэзии (1–6), вышли в 1980–1983 годах, т. е. со времени последнего научного издания стихотворных произведений Некрасова прошло 38 лет. За такое время «устаревает» любое, даже самое лучшее издание — наука не стоит на месте, обнаруживаются неизвестные факты, делаются новые наблюдения над классическими текстами, публикуются их убедительные интерпретации. Требуется и просто исправлять ошибки, которые неизбежно допускают даже самые квалифицированные специалисты. Некрасовское наследие (как стало ясно в процессе работы над томами «Библиотеки поэта»), к сожалению, нуждается в новом научном издании особенно остро: многие тексты напечатаны в советских собраниях неверно. Помимо частных неточностей (которых мы в данном случае касаться не будем), в них присутствует большое количество ошибок, имеющих системный характер, обусловленный крайне спорными текстологическими принципами, положенными в основу этих изданий.

Эти принципы применил в вышедших под его редакцией изданиях Некрасова К. И. Чуковский, и он же изложил их в знаменитой программной статье «От дилетантизма к науке».¹ Признавая «в целом» незыблемым принцип публикации текста по последнему прижизненному изданию, Чуковский утверждает, что в отличие от текстов, «скажем, Батюшкова, Баратынского, Жуковского, Тютчева» к публикации Некрасова этот принцип применим только «выборочно» и может периодически нарушаться: «...нельзя же забывать, что Некрасов был революционный поэт, вынужденный всю жизнь работать в подцензурной печати, и что его беловые автографы часто являют собой варианты, наиболее приспособленные к требованиям цензурного ведомства, то есть, с нашей точки зрения, наиболее испорченные».² Речь идет таким образом об «автоцензуре», к которой, как утверждал Чуковский, постоянно прибегал Некрасов и случаи которой должен уметь обнаруживать издатель и тогда, когда объективных свидетельств ее наличия не сохранилось.

Соответственно, «все те места, в которых выражается политическое кредо поэта, мы должны восстанавливать отнюдь не по этим окончательным рукописям, а по каким-то другим, более надежным источникам».³ Диапазон поиска таких «более надежных» источников для восстановления «истерзанных царской цензурой» текстов Некрасова Чуковский стремился все-таки ограничить: «самому последнему из всех вариантов, „испакощенному“ им ради приспособления к цензуре», необходимо предпочитать «предпоследний, находящийся в рукописи, непосредственно предшествующей беловому наборному тексту» как «наиболее выражающий авторскую волю Некрасова».⁴ Другим ограничивающим критерием выбора таких источников должно стать художественное качество «восстанавливаемого», вводимого в основной текст варианта: «...как бы ни было ценно содержание тех или иных строк или целых фрагментов, найденных нами в некрасовских рукописях, мы не имеем права внедрять их в последний прижизненный текст, если их художественная форма не обладает теми высокими качествами, какие присущи форме последнего прижизненного текста».⁵ Такой «комбинированный

¹ Чуковский К. И. От дилетантизма к науке: Заметки текстолога // Новый мир. 1954. № 2. С. 232–254.

² Там же. С. 238.

³ Там же. С. 237.

⁴ Там же. С. 239.

⁵ Там же. С. 243.

метод репродукции текста»⁶ и стал фундаментом для трехтомника «Библиотеки поэта», где были повторены практически все «реконструкции», сделанные в ПСС1948, и на сходных основаниях добавлены новые.

Выдвинутые Чуковским дополнительные критерии (в особенности использования «предпоследнего» текста) неизбежно нарушались — поиск «выражающих политическое кредо» вариантов осуществлялся, что называется, в любом месте. В основной текст постоянно вводились и черновые варианты, и варианты малоавторитетных списков, и варианты первых публикаций, впоследствии поэтом вычеркнутые или исправленные. Приведем только несколько примеров. Так, по черновому карандашному автографу (РГБ. Ф. 195. Карт. 1. Ед. хр. 32), крайне сильно расходящемуся с печатным текстом, «восстанавливались» во всех советских научных изданиях финальные строки 17-й главы поэмы «Дедушка». Фрагмент второй части поэмы «Несчастные» (между стихами «Бросает поздние цветы...» и «О ней, о родине державной») был «восстановлен» по автографу второй части поэмы, посланному в письме Тургеневу (ИРЛИ. Ф. 202. Оп. 2. Ед. хр. 55. Л. 28 об.; письмо от 7 декабря 1856 года), строками, не встречающимися более ни в одном известном источнике. В поэму «Недавнее время» был введен фрагмент (от «Помню я Петрашевского дело» до «Мы жалели тогда молодежь»), имеющийся в карандашном наброске (РГБ. Ф. 195. Карт. 1. Ед. хр. 39. Л. 2), настолько неразборчивом, что сам опубликовавший его Чуковский признавал, что его едва ли не пришлось «угадывать».⁷ Стихотворение «Железная дорога» напечатано по последнему прижизненному изданию, а эпитафия к нему — по первому (Современник. 1865. № 10. С. 547). Количество подобных «реконструкций», «восстановлений», сделанных Чуковским в тексте «Пира на весь мир» по черновым редакциям и воспроизведенных в ПСС1967, весьма значительно. Во всех этих случаях никаких аргументов, объективных доказательств наличия цензурных или автоцензурных причин правки не представлялось. Сама большая политическая «острота» раннего варианта казалась, очевидно, достаточным основанием для замены им варианта более позднего.

С принципами, сформулированными Чуковским, позднее солидаризировался другой авторитетный некрасовед А. М. Гаркави, в программной статье «Состояние и задачи некрасовской текстологии», написанной, видимо, в преддверии издания нового Полного собрания сочинений Некрасова, утверждавший: «Некрасов — революционный поэт, и, конечно, не случайно в его текстах имело место огромное количество искажений цензурного характера. Многие из таких искажений были результатом прямого вмешательства царской цензуры, безжалостно кромсавшей стихи великого поэта. Другие искажения были вынуждены вносить сам поэт (в порядке автоцензуры), чтобы такой ценой сделать возможной публикацию стихов».⁸ Главную задачу советской текстологии Гаркави видел в «очистке стихов Некрасова от цензурных искажений»,⁹ а ее успехи — в том, что если «в прижизненных изданиях поэту удалось ликвидировать цензурные искажения примерно в 400 строках своих стихотворений, советские же редакторы устранили цензурные искажения еще в 350 строках».¹⁰

Подтверждая верность к «комбинированному методу» Чуковского, Гаркави тут же демонстрирует его новые применения. В своей статье он настаивает на том, что печатать строку из поэмы «В. Г. Белинский» нужно не как «Фанатик ярый Бутурлин» (как в белой редакции, содержащейся в «Солдатенковской тетради» и в единственной прижизненной публикации в «Полярной звезде» на

⁶ Там же. С. 237.

⁷ Там же.

⁸ Некрасовский сборник. Л., 1973. [Вып.] V. Поэзия любви и гнева. С. 161–162.

⁹ Там же. С. 162.

¹⁰ Там же. С. 163.

1859 год (Лондон, 1859. Кн. 5)), а как «Палач науки Бутурлин» (т. е. по черновому автографу Записной тетради № 3: РГБ. Ф. 195. Карт. 3. Ед. хр. 14. Л. 61 об.), «поскольку слова „фанатик ярый“, не очень выразительные в политическом отношении, вполне могли быть использованы Некрасовым в качестве цензурной маскировки смелого, крамольного в глазах „властей предрезающих“ выражения „палач науки“». ¹¹ Он же одобряет решение редакции ПСС1967 печатать 7-ю строку стихотворения «Душно! без счастья и воли...» не по прижизненным изданиям (как «Чашу вселенского горя»), а исправлять ее по черновому автографу, опубликованному В. Е. Евгеньевым-Максимовым по несохранившейся рукописи ¹² («Чашу народного горя»), так как «слово „вселенского“ (вообще говоря, имеющее религиозно-церковный оттенок и некрасовскому лексикону не свойственное) было лишь цензурной заменой слова „народного“». ¹³ С защитой чтения «вселенского» выступил Б. В. Мельгунов, ¹⁴ и в ПСС эта строка была напечатана все-таки как «вселенского горя». Некоторые другие предлагавшиеся в статье Гаркави исправления также не были приняты составителями ПСС — в этом издании в тексты Некрасова в целом не было внесено заметного количества новых «восстановленных строк», однако подавляющее большинство уже сделанных в ПСС1948 и ПСС1967 «исправлений» были воспроизведены в академическом издании без дополнительных аргументов. «Комбинированный метод» «реставрации» текстов определил, таким образом, практику научного издания Некрасова на протяжении всей советской эпохи. Он же остался и единственным теоретически обоснованным методом: сколько нам известно, статья Гаркави — последнее выступление по общим вопросам некрасовской текстологии.

Между тем крайняя спорность этого метода бросается в глаза. Он основан и на тенденциозном прочтении Некрасова (как «революционного поэта»), и очень субъективном, во многих случаях крайне слабо аргументированном представлении о самом характере «цензурности/нецензурности» той или иной строки. Так, например, непонятно, чем имеющийся в беловом автографе стихотворения «Я за то глубоко презираю себя...» вариант «А хватаюсь за нож — упадает рука» ¹⁵ менее «цензурен», чем напечатанное во всех прижизненных изданиях «А до дела дойдет — упадает рука». Между тем во всех советских изданиях «восстанавливают» вариант автографа, как ставший жертвой автоцензуры. И в этом случае мы не нашли никаких объяснений такому решению. Только Чуковский, впервые сделавший эту замену, уделил ей следующий пассаж в уже не раз цитированной нами статье: «В стихотворении „Я за то глубоко презираю себя“ девяносто три года во всех изданиях Некрасова печатался невразумительный стих:

А до дела дойдет — замирает рука!

Но после того, как был найден такой вариант:

А хватаюсь за нож — замирает рука! —

кто же мог сомневаться, что именно этот вариант и было необходимо ввести в окончательный текст?» ¹⁶ Казалось бы, легко противопоставить такой «ре-

¹¹ Там же. С. 169.

¹² Современник. 1914. № 10. С. 46–47.

¹³ Некрасовский сборник. [Вып.] V. С. 166.

¹⁴ Мельгунов Б. В. Из комментария к стихотворениям Некрасова // Некрасовский сборник. Л., 1978. [Вып.] VI. С. 130–142.

¹⁵ РГБ. Ф. 195. Карт. 1. Ед. хр. 42. Л. 7 об.

¹⁶ Чуковский К. И. От дилетантизма к науке. С. 235–236.

конструкции» и подобным ей «реставрациям» подход, основанный на классических текстологических принципах, с точки зрения которых получившийся текст есть текст контаминированный и потому не соответствующий авторской воле, что называется, по определению.¹⁷ В этом ракурсе при отсутствии фактических подтверждений или весомых аргументов в пользу наличия цензурного вмешательства текст «Я за то глубоко презираю себя...» должен печататься по последнему прижизненному изданию (или, как установлено в серии «Библиотека поэта», по тому изданию, после которого в текст не вносилось никаких существенных изменений), а вариант «Солдатенковской тетради» должен быть перенесен в раздел «Другие редакции и варианты» (например, снабженный комментарием, что изменение сделано, возможно, по причинам цензурного (автоцензурного) характера).¹⁸ На практике избавиться от наследия текстологии Чуковского, противопоставив ей текстологический формализм, с которым он боролся, оказывается совсем не так просто.

Дело в том, что в формуле «Некрасов — революционный поэт» есть несомненная доля правды и просто безапелляционно отбросить ее рискованно. Для того чтобы избежать постоянного подозрения, что тот или иной фрагмент поэт предпочел бы печатать в более «политически остром» виде, чем тот, в котором он был опубликован им при жизни, необходимо новое, убедительное и принятое научным сообществом прочтение поэзии Некрасова. Необходимо, чтобы место Некрасова — исключительно «революционного поэта», занял Некрасов — поэт сложный, многосторонний, развивающийся, способный говорить о человеке и обществе на разных уровнях. Вполне возможно, что, когда в результате «политическое кредо» поэта окажется не столь уж прямолинейным, отпадет необходимость искать его выражение преимущественно в доцензурных рукописях.

Недопустимо отрицать и то, что некрасовские тексты подвергались цензурным поправкам и запретам чаще, чем произведения большинства современных ему писателей и поэтов. Некрасов был опытным редактором и литератором, хорошо представлявшим логику своих цензоров и стремившимся к тому, чтобы его стихи попадали в печать сквозь цензурные препятствия. Нескольким случаям предварительного исправления, намеренной «порчи» своего текста зафиксированы документально.¹⁹ Легко предположить, что могут быть и случаи «порчи», не отразившиеся ни в каких документах. Тем важнее начинать радикальный пересмотр представлений о цензуре XIX века как инструменте исключительно репрессивном. В научной текстологии давно вырабатывается осторожное отношение к понятию автоцензуры: «Цензура <...> это социальный фактор духовной культуры, который стоит в одном ряду с литературной критикой, общественным мнением, читательским спросом и т. д. Обычно эти обстоятельства давят на автора на протяжении всей его работы над произведением, начиная с замысла («самоцензура») и кончая публикацией. Совершенно устранить результаты внешнего давления невозможно, да и не нужно: мало ли чем вообще ограничена свобода творчества (например, общепринятым языком)!»²⁰ Применительно к Некрасову, возможно, такой сдержанности недостаточно. Нужно переходить к новой парадигме понимания отношений художника и цензуры, в которой цензор

¹⁷ Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. Л., 1928. С. 170.

¹⁸ Существует, конечно, и возможность обнаружения каких-то новых фактов или весомых аргументов в пользу «автоцензурной» версии. Нам их найти не удалось.

¹⁹ В подавляющем большинстве известных случаев поэт такую правку снимал от издания к изданию. См. об этом: Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966. С. 90–132.

²⁰ Шапир М. И. Статьи о Пушкине. М., 2009. С. 276.

предстает как своего рода «партнер» писателя — пусть крайне нежелательный и опасный.²¹ С этой точки зрения, реакция писателя на действия цензуры и тем более учет им возможных проблем с цензурой в ходе работы над текстом могут приводить к таким изменениям, которые нельзя однозначно охарактеризовать как «порча», досадное «повреждение» даже в тех случаях, когда речь идет о таком «оппозиционном» (пусть даже «революционном») писателе, как Некрасов. И обнаружение и подтверждение факта автоцензуры в результате должны приводить не к «восстановлению» допечатных вариантов, а просто к лучшему пониманию процесса создания художественного произведения.

Для того чтобы пояснить наши соображения, приведем два примера. Строка 251 (по нумерации ПСС) поэмы «Несчастные» в послевоенных изданиях печаталась как «Собор, четыре кабака». Между тем во всех прижизненных публикациях она выглядела иначе: «Аптека, два-три кабака». Здесь мы снова сталкиваемся с «комбинированным методом». Вариант с собором, введенный опять же Чуковским в основной текст стихотворения, имеется только в автографах: в наборной рукописи (фрагмент «Отрывок из поэмы»: ИРЛИ. Ф. 202. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 1) и беловом автографе в Записной тетради № 4 (РГБ. Ф. 195. Карт. 4. Ед. хр. 1. Л. 7 об.).²² В наборной рукописи этот вариант написан чернилами, зачеркнут карандашом и заменен на «Аптека, два-три кабака». В автографе РГБ наоборот — чернилами написан вариант «Аптека, два-три кабака», затем он зачеркнут и сверху карандашом подписано «Собор, четыре кабака», но затем тем же карандашом восстановлен первоначальный вариант. Хотя причина колебаний поэта неясна, в ПСС1967 они объясняются по тому же универсальному принципу: «Хотя в этом случае нет указания Некрасова „для цензуры“, а просто первоначальное чтение зачеркнуто <...> в наст. изд. <...> принято это чтение, изменение которого является очевидным результатом автоцензуры, поскольку цензура не пропустила бы „собора“ рядом с кабаком и тюрьмой» (Т. 1. С. 639). В ПСС практически без изменений повторяется «аргументация» предыдущего издания: «Замена в автографе ст. 251 («Аптека, два, три кабака» вместо «Собор, четыре кабака») сделана без указания: „Для цензуры“. В настоящем издании <...> восстановлено первоначальное чтение, так как замена является очевидным результатом автоцензуры (собор рядом с кабаком и тюрьмой)» (Т. 4. С. 542).

В отличие от многих других, в этом случае с издателями, кажется, можно согласиться, поскольку имеется дополнительный аргумент в поддержку версии автоцензуры. При попытке публикации отрывка из первой части «Несчастных», в отсутствие Некрасова, бывшего за границей, Н. Г. Чернышевский, проводивший поэму через цензуру, сообщал поэту: «В отрывке, Вами присланном, цензурный комитет зачеркнул следующие слова и стихи (то, что подчеркнуто):

Ни горя, ни отрад не жди,
Отдайся весь во власть Господню..
Свинья увязла в подворотню.

²¹ В современной науке в последнее время стали выходить работы, направленные на пересмотр таких упрощенных представлений о цензуре. См.: *Darnton R. Censors at Work: How States Shaped Literature*. New York; London, 2014; а также недавнюю подборку статей «Censorship in Nineteenth-Century Russia» (*Russian Literature*. 2020. Vol. 113. P. 1–89), и особенно статью К. Ю. Зубкова «Aleksander Ostrovskii and the Censor: Between Oppression and Symbiosis» (р. 33–59).

²² Факсимильное издание этого источника: Грешневская тетрадь Н. А. Некрасова / Предисловие, транскрипция и комм. М. С. Макеева. Ярославль, 2015.

(по причине близости свиньи)». ²³ Строка, выписанная Чернышевским, начинается фрагмент «Свинья увязла в подворотню — / Народ глядит — и ты гляди; / Отвесят ей ударов сотню / И — чудо! властная рука / Мгновенно сбавит ей бока...», — присутствующий в беловом автографе РГБ, где он вычеркнут карандашом, и в наборной рукописи ИРЛИ (где он оставлен без изменений). Строка «Отдайся весь во власть Господню» была исключена из текста публикации отрывка из поэмы в «Современнике» (1857. № 3), и цитированное письмо Чернышевского дает твердое основание полагать, что исключено оно было по требованию цензуры. А поскольку «близость» свиньи и «власти Господней» вызвала цензурный запрет, постольку для Некрасова было естественно предположить, что и близость «собора» и «кабаков» также могла спровоцировать цензурные нарекания. Таким образом, очень вероятно, что изменение в строке 251 является следствием автоцензуры.

В обоих случаях цензурную проблему представляет (или потенциально может представить) сопряжение слов или объектов сакрального характера (собор и Господня воля) с предметами и словами «низкими» (кабак и свинья), решается же она Некрасовым по-разному. В первом примере он вычеркивает «собор» (заменив его аптекой) и оставляет «кабаки». Во втором, однако, в конечном счете поступает иначе. В первой публикации полного текста «Несчастных» (под названием «Эпилог ненаписанной поэмы» — Современник. 1858. № 2) поэт предпочитает убрать целых четыре строки о свинье и вернуть стих о божественной воле, несколько изменив его («Что Бог послал, тому будь рад»), а также предыдущую строку («Не жди особенных отрад»). Это означает, что стимулы цензурные в работе Некрасова по изменению «неудобных» фрагментов переплетаются со стимулами творческого характера. Причины решений поэта, видимо, надо искать в созданном Некрасовым образе провинциального приволжского городка, в котором волею судьбы родился и обречен провести лучшие годы мыслящий интеллигентный человек. Можно предположить, что ни собор, ни застрявшая свинья не были органическими деталями этого образа. Застрявшая свинья, скорее всего, самому Некрасову могла показаться одновременно и слишком напоминающей о знаменитой гоголевской сценке со съеденным прощением Ивана Никифоровича, и чрезмерно низкой деталью: все-таки в основе сюжета первой части «Несчастных» не ничтожная ссора обывателей, а драма любви, ревности и мести. Для нее требуется несколько иная, менее приземленная атмосфера. Собор же, скорее всего, просто не имел изначально никакой особенной смысловой (не говоря уже об обличительной) нагрузки, оказался легко заменимым.

Что нужно делать в этом случае издателю? Советские текстологи, «восстанавливая» по автографам 251-й стих (где автоцензура только «подозревается»), не вводят по тем же источникам в текст четверостишие, посвященное свинье (где цензурное вмешательство можно считать объективно доказанным). В этом, конечно, проявляется вопиющая непоследовательность. По логике самого примененного «комбинированного метода», конечно, необходимо прежде всего в текст поэмы вернуть свинью, чтобы это место поэмы приобрело должную остроту и лучше выражало «политическое кредо» Некрасова. Мы, однако, полагаем, что в обоих случаях на настоящем этапе невозможно разделить причины творческие и цензурные, мы имеем дело с художественным актом, «отменять» который не имеем права. Поэтому правильным — пусть и временным — решением может быть только публикация текста в последней прижизненной редакции, несмотря, повторимся, на то что, как минимум, во втором примере цензурное вмешательство приходится считать доказанным фактом.

²³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 14. С. 335.

Изменения, сделанные в поэме «Несчастные», носят непринципиальный, так сказать, косметический характер, в целом не влияют на общее, в том числе общественно-политическое, содержание этого масштабного произведения. Однако взаимодействие с цензурой у Некрасова могло приводить к серьезному и глубокому изменению смысла текста в целом. Примером может служить история прижизненных публикаций стихотворения «Железная дорога». Главная текстологическая проблема, с которой сталкивается исследователь при подготовке этого хрестоматийного произведения, связана с его эпиграфом. Во всех советских изданиях ответ генерала на вопрос Вани «Кто построил эту железную дорогу?» звучит как «Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька». Однако в таком виде эпиграф печатался только один раз — в первой публикации в № 10 «Современника» за 1865 год. Во всех последующих прижизненных изданиях, а также в посмертном 1879 года, создававшемся с учетом собственных указаний и исправлений Некрасова, слова генерала звучат как «Инженеры, душенька». Таким образом, эпиграф печатается не по последнему прижизненному, а по первому изданию. Основанием такого предпочтения для Чуковского, впервые опубликовавшего стихотворение в таком виде, как обычно, являются «цензурные условия»: «Впоследствии Некрасов по цензурным условиям выбросил из эпиграфа к „Железной дороге“ имя Клейнмихеля и заменил его словом „инженеры“. Но мы сочли необходимым восстановить первоначальную редакцию» (ПСС1948. Т. 2. С. 681).

В отличие от многих других, этот случай применения «комбинированного метода» к публикации некрасовского текста вызвал аргументированные возражения. Б. Я. Бухштаб в 1965 году настаивал на применении к «Железной дороге» принципа последней авторской воли и опоры на последнюю прижизненную публикацию. Его аргументация основывается на том, что факт того, что изменение эпиграфа было сделано под цензурным влиянием, не установлен (признавая, что недовольство правительства упоминанием Клейнмихеля имело место, Бухштаб обращал внимание на то что оно не мешало Некрасову все-таки опубликовать стихотворение в таком виде в «Современнике»). Не видел исследователь и косвенных доказательств: в прижизненных публикациях текст претерпел изменения, характерные для Некрасова в целом, — постепенное избавление от цензурных поправок. При этом эпиграф «восстановлен» автором не был, несмотря на то что имя Клейнмихеля в 1873 году, по мнению Бухштаба, уже не только не могло вызвать цензурных нареканий, но и не несло просто никакого смысла: «Мысль же о том, что замечательное инженерное сооружение, первую русскую железную дорогу создал николаевский служака, не выражала в это время уже ничьей точки зрения и ни к какому спору, ни к какой постановке проблемы вести не могла». ²⁴ Скорее, по Бухштабу, такой ответ мог только сузить содержание поэмы, «ведь проблема, которую должен был отразить эпиграф, состоит не в том, создают ли культурные ценности начальники или подчиненные, а в том, создает ли их, в основном, культурное меньшинство или народ». ²⁵

С обоснованием необходимости печатать эпиграф «Железной дороги» по первой публикации выступил в следующем году М. М. Гин, ²⁶ усиливший свои соображения несколько позднее. Его центральный контраргумент заключался в том, что имя Клейнмихеля как «строителя» Николаевской железной дороги оставалось запретным для критики еще и в 70-е годы, поскольку «за

²⁴ Бухштаб Б. Я. Заметки о текстах стихотворений Некрасова // Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта». М., 1963. С. 266.

²⁵ Там же. С. 265.

²⁶ См.: Гин М. М. О своеобразии реализма Некрасова. Петрозаводск, 1966.

Клейнмихелем, оказывается, стояли слишком мощные тени: с созданием первой большой железной дороги России так или иначе связаны оба царя российских — „почивший в бозе“ Николай I и царствовавший Александр II». ²⁷ Кроме того, по мнению Гина, именно имя Клейнмихеля лучше проявляло центральную проблематику поэмы: «Это очень характерная для 60-х годов проблема. Развитию капитализма сопутствуют разные теории и доктрины, превозносящие личное, индивидуальное: личную инициативу, предприимчивость и т. п. В это время в определенных кругах особым успехом пользуются такие идеологи буржуазии, как Томас Карлейль, Гизо, Тьерри, выдвигавшие в истории на первый план сильную личность. С этими идеями и настроениями соприкасалась и господствовавшая в русской историографии той поры так называемая государственная или юридическая школа». ²⁸

Очевидно, аргументы Гина показали составителям и ПССт1967, и ПСС более весомыми, чем выдвинутые Бухштабом. Несмотря на это, мы полагаем, что приведенная Гином интересная информация об участии Николая I в планировании железной дороги не содержит объективных доказательств того, что они сыграли какую-то роль в решении Некрасова не возвращать в текст стихотворения имя Клейнмихеля. И в этом отношении прав Бухштаб — опасений цензурного характера у Некрасова по поводу этой фигуры из достаточно далекого прошлого, скорее всего, не было. Мы, однако, не согласны с тем, что изменение текста эпиграфа никак не связано с цензурой. Другое дело, что это вмешательство обернулось сложным взаимодействием, попытку реконструировать характер которого мы и предпримем в заключительной части нашей статьи.

По изложению и Бухштаба, и Гина (как, впрочем, и Чуковского) создается представление, что все они исходили из неявной предпосылки, сводящейся к тому, что текст «Железной дороги» имел с самого начала тот вид, который он получил в последнем прижизненном собрании стихотворений поэта. Процесс его изменения, таким образом, понимается ими как процесс «восстановления» исключенных по цензурным причинам мест. Между тем для такого представления нет никакой объективной причины. Как известно, автографа «Железной дороги» не сохранилось. Единственным рукописным источником реконструкции творческой и цензурной истории стихотворения является список, сделанный именно для цензуры. Список этот имеет следующую историю: первоначально Некрасов предназначал стихотворение для четвертого издания стихотворений (1864), однако Санкт-Петербургский цензурный комитет счел невозможным допустить «Железную дорогу» к печати. Поэт в ответ добился передачи дела в высший орган — Совет по делам печати, который подтвердил решение Санкт-Петербургского комитета, поэтому стихотворение в это издание не вошло. Однако сохранился его список, приложенный к отношению, направленному Санкт-Петербургским цензурным комитетом в Совет по делам печати. Этот список, являющийся, без сомнения, точной копией текста, представленного Некрасовым в цензуру, существенно отличается от текста, опубликованного в «Современнике» и последующих изданиях. В нем имеется посвящение («Посвящается детям»), отсутствуют 2–4 строфы второй части, а также строфы 3–6 третьей части (т. е. большая часть монолога генерала). Поэма состоит не из четырех, как в окончательной редакции, а из трех частей: нынешние первые две строфы третьей части завершали вторую часть. Третья часть начиналась с той строфы, которой она сейчас заканчивается, т. е. со слов генерала «Знаете, зрелищем смерти, печали...». Реплика генерала

²⁷ Гин М. М. От факта к образу и сюжету. М., 1971. С. 201.

²⁸ Там же. С. 193.

читалась следующим образом: «ПАПАША (в пальто на красной подкладке)..., душенька!»²⁹

Именно такой существенно более короткий текст мы и должны считать ранней редакцией «Железной дороги» просто потому, что нет никаких свидетельств противоположного. И именно на этот текст и дан отзыв Санкт-Петербургского цензурного комитета: «...Стихотворение посвящается детям; в нем объясняется генеральскому сыну картина мучений, испытываемых рабочим людом при постройке железных дорог. Генерал — представитель другого быта, другого сословия, смеется над участию рабочих и находит отрадную картину осмотра работ».³⁰ Запрещена была «Железная дорога» на основании § 7 «временных по цензуре правил». Потерпев неудачу, Некрасов решил напечатать «Железную дорогу» через год в своем журнале уже по новым правилам, без предварительной цензуры. Очевидно, что поэт не мог не учитывать при этом отзыв предварительной цензуры.

Главной причиной запрета «Железной дороги», как видно из цензурного отношения, явилась усмотренная в стихотворении тенденция на разжигание розни между сословиями: цензоров возмутило, что генерал смеется над страданиями рабочих. И ранняя редакция действительно дает повод так думать: смех генерала, за которым следует предложение лирическому герою не возмущать детское сердце картинами народных бедствий, производит впечатление простого глумления над бедными людьми богатого барина, желающего ограбить барчонка от их неприглядного вида. Поэтому введение трех новых строф в третью часть выглядит как реакция на цензуру: рассуждение о Ватикане и прочих культурных ценностях заставляет читателя думать, что генерал смеется вовсе не над страданиями народа. Смех, так сказать, получает идейный пафос, он предваряет выражение авторитетной исторической концепции (согласно которой творцом великих произведений искусства признаются избранные «творцы», «культурное меньшинство», по выражению Бухштаба), а не характеризует равнодушие высших к низшим. Скорее всего, близкими соображениями обусловлено и добавление двух новых строф (нынешние 2 и 4) во вторую главку: они вводят уже в монолог автора (лирического героя) элементы, превращающие его из простого «обличения» и выражения сострадания к «меньшим братьям» в выражение серьезной общественно-исторической и даже политэкономической концепции (в которой главную роль играют не дурные свойства правящих классов, но «голод», нечто нейтральное и не зависящее от конкретной власти). Можно предположить, что Некрасов раскрыл имя, первоначально замененное четырьмя звездочками, полагая, что подзорование в намерении разжечь межсословную рознь тем самым от стихотворения отведено. Последующие события показали, что он ошибся.

Хорошо известна буря, обрушившаяся на Некрасова и его журнал после публикации. Член Совета Главного управления по делам печати Мартынов так охарактеризовал «Железную дорогу»: «Автор утверждает, что люди, употребленные на работах, „гроб обрели здесь себе“, что рельсы дороги вместо подушек укрепляемы чуть ли не на „косточках русских“, что начальство „секло народ“, представляя ему право „мерзнуть и гибнуть от цинги в землянках“ <...> Наконец, в эпитафии упомянуто, вещь всем известная, что главным строителем дороги был граф Клейнмихель, очевидно, с целью возбудить в читателях негодование против этого имени, рассчитывая на страшную эффективность стихотворения...».³¹ 4 декабря 1865 года, «принимая во внимание, что <...> в стихотворении „Железная дорога“ сооружение Николаевской же-

²⁹ РГИА. Ф. 777. Оп. 2. 1864 г. № 9. Л. 27–27 об.

³⁰ Там же.

³¹ *Евгеньев-Максимов В.* Последние годы «Современника». Л., 1939. С. 107.

лезной дороги изображено как результат притеснения народа и построение железных дорог вообще выставляется как бы сопровождаемым тяжкими для рабочих последствиями, министр внутренних дел определил: „объявить второе предостережение журналу «Современник» в лице издателя-редактора дворянина Николая Некрасова“.³² Ясно, что правительство оценило стихотворение как «обличительное» в тот момент, когда оно уже таким (или только таким) не было, а интерес автора сместился к более глубокой проблематике. Вопреки мнению Бухштаба, мы полагаем, что прямое упоминание крупного (пусть и отставного) чиновника в тексте имело значение для такого неблагоприятного для Некрасова прочтения. Несмотря на то, что в официальном определении о предупреждении имя Клейнмихеля не фигурировало, поэт, несомненно, знал о том, что говорилось в документах внутреннего характера. Вряд ли можно не учитывать этот факт, говоря об изменении имени чиновника на инженеров при публикации «Железной дороги» в Собрании стихотворений 1869 года.

В правке эпитафии, таким образом, действительно, цензура сыграла важную роль. Это, однако, не означает, что Некрасов «боялся» цензуры. Еще раз подчеркнем, что согласны с Б. Я. Бухштабом — уже в это время такое упоминание не было опасным. Цензурная буря 1865 года должна была показать Некрасову, что, используя имя николаевского любимца в эпитафии, он рискует не цензурным запретом, но неправильным прочтением, ложным пониманием проблематики «Железной дороги». В радикально изменившемся тексте Клейнмихель превратился из символа государственной власти, ответственной за страдания рабочих (каким он, видимо, был в ранней редакции стихотворения), в воплощение «гения», противопоставляемого толпе. Реакция цензуры показала Некрасову, что граф на это «не годится». Уподобление Клейнмихеля создателям Ватикана и собора Святого Стефана к тому же снижало и образ генерала, представавшего несколько глуповатым и невежественным (а ведь он в своем монологе ссылается на авторитет Пушкина), а его позицию делало заведомо «несерьезной», с самого начала скомпрометированной и в общем не заслуживавшей серьезной полемики. «Инженеры» же могут рассматриваться как «создатели», «творцы», подобные братьям Петеру и Гансу фон Прахатиц. Этим обусловлено не только то, что поэт не попытался вернуть Клейнмихеля, но и включил в «Железную дорогу» в последнем прижизненном собрании стихотворений еще одну новую строфу (нынешняя третья), ничего не меняющую в тексте в цензурном отношении, но развивающую именно то направление, в котором шла переработка текста, спровоцированная первоначально цензурой (в ней развивается мысль о голоде как о своеобразном «двигателе прогресса»).

Таким образом, автоцензуру в «Железной дороге» ни в коем случае нельзя свести к «порче» текста. Стимулированный цензурой, поэт от простого обличения переходит к глубокому размышлению о культуре и цивилизации. Единственное повреждение можно усмотреть в возникшем «провисании» начала второй строфы второй части («Труд этот, Ваня, был страшно громаден — / Не по плечу одному!»). Оно в процессе изменения текста утратило прямую, буквальную связь с эпитафией, после того как в нем упоминание об одном человеке было заменено ссылкой на многих или нескольких творцов (инженеров). Эта строка, скорее всего, действительно первоначально относилась к Клейнмихелю (сама строфа, как уже говорилось, появилась в том же первом издании, где первый и последний раз появился сам Клейнмихель). Не исключено, что и сам Некрасов мог ощущать это провисание как недостаток, однако не

³² Там же. С. 110–111.

видел пути его исправления в возвращении Клейнмихеля в эпиграф. Исправлять текст за Некрасова и в этом случае мы не имеем никакого права.

Фактически такое исправление (возвращение в текст «Железной дороги» «графа Петра Андреевича Клейнмихеля») очень напоминает цензуру — в его основе не стремление выявить подлинный замысел поэта и его эволюцию, но навязывание Некрасову определенного «политического кредо», замена им подлинной некрасовской художественной и политической мысли. К сожалению, именно так во многих случаях и выглядит «комбинированный метод». Поэтому важнейшая задача нового научного издания стихотворений Некрасова — освободить поэта от этой посмертной, непредвиденной для него цензуры.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-38-51

© П. Ф. УСПЕНСКИЙ, © А. С. ФЕДОТОВ

**ГРАЖДАНСКОЕ КАК ИНТИМНОЕ:
ДИСКУРСИВНЫЙ КОНТРАПУНКТ В СТИХОТВОРЕНИИ
Н. А. НЕКРАСОВА «НОЧЬ. УСПЕЛИ МЫ ВСЕМ
НАСЛАДИТЬСЯ...»**

1

В поэтическом наследии Н. А. Некрасова есть тексты, которые озадачивают современного читателя, могут казаться ему не просто странными, но и этически чуждыми, возмутительными или даже неприемлемыми. Вот одно из таких стихотворений:

(Отрывок)

Ночь. Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаем, чего пожелать.

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто все терпит, во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям;
Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи,
Без понятия о праве, о боге,
Как в подземной тюрьме без свечи...¹

В стихотворении, прежде всего, бросается в глаза намеренная двусмысленность первой строфы, допускающая как обобщенно-гедонистическое, так

¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 2. С. 50.

и эротическое прочтение. В рамках первой трактовки к моменту наступившей ночи персонажи успели воспользоваться всеми благами привилегированной жизни и, праздные и опустошенные, не знают, чем себя занять. Такое прочтение делает центральным тропом стихотворения исключительно социальную антитезу, причем элитарная группа дана неопределенно: кто составляет общество людей, то самое «мы», от лица которого говорит поэт, не вполне ясно. Обобщенность этой категории заставляет читателя включить себя в число членов воображаемой элиты и, устыдившись своей благополучной жизни, подумать о страдающих и угнетенных.

Второе, эротическое, прочтение начала стихотворения основывается, с одной стороны, на смысловых коннотациях лексического ряда, с другой — на странностях, которые не снимаются при первой трактовке. Начнем с последних. Строки «Мы теперь бы готовы молиться, / Но не знаем чего пожелать» плохо согласуются с идеей, что «мы» состоит из элитарных интеллектуалов, к которым присоединяется читатель. В самом деле, если речь идет о поэте и компании, с которой он «наслаждался» днем, то совершенно невозможной кажется ситуация коллективной ночной молитвы! Если представить, что здесь говорится о поэте и читателе, поэте и вообще всех людях, имеющих время и средства для «наслаждений», то мысль о том, что эти пространственно разделенные субъекты одновременно испытывают затруднения со сном и собственными желаниями, кажется нелепой. Конкретная ситуация второй части первой строфы противоречит ее обобщенному началу, и в ней более естественно видеть указание на интимный опыт поэта и его возлюбленной. Строки о молитве напрашивается понимать как доверительную реплику близкому человеку, а не как обращение к читателю. Читатель же оказывается не прямым адресатом, а свидетелем интимной сцены.

В таком контексте лексический ряд первой строки — «Ночь. Успели мы всем насладиться» — транслирует недвусмысленные эротические коннотации, при том что все слова по отдельности их не содержат. В узусе литературного языка XIX века *наслаждение* подразумевало множество различных деютов; *насладиться* и *наслаждаться* также обладали широким спектром сочетаемости, а сексуальное значение у этих глаголов не доминировало, хотя и не исключалось. В синтетическом высказывании Некрасова, однако, и выделенный темпоральный маркер («ночь»), и связанные с этим временем суток наслаждения, и, наконец, местоимение *всё* — смысловой квантор всеобщности, включающий в себя все мыслимые наслаждения, в частности те, о которых принято умалчивать, — указывают на эротический опыт возлюбленных.

Подчеркнем, что мы не считаем то или другое прочтение единственно правильным, — исходя из того, что первая строфа некрасовского стихотворения намеренно амбивалентна, мы убеждены, что обе трактовки на равных правах соседствуют в произведении. Оба прочтения также сосуществуют в интерпретативной традиции. Так, исследовательница творчества Некрасова М. Ю. Данилевская увидела в стихотворении соединение «любовной темы» и «мысли о благе другого человека»,² а писатель С. Я. Лурье, для которого первая строка «словно явилась из какой-нибудь юнкерской поэмы», задавался вопросами: «Не чересчур ли смел такой прыжок — из ночной постели в подземную тюрьму? Разве наслаждения, подразумеваемые тут, недоступны

² Данилевская М. Ю. Стихотворение Н. А. Некрасова «Над чем мы смеемся...»: первоначальная и каноническая редакции // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2020. № 4. С. 65. Аналогичное понимание некрасовского стихотворения см. в работе того же автора: Степина М. Ю. Образы и мотивы «Божественной комедии» Данте в лирике Н. А. Некрасова // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2016): Сб. науч. трудов XVIII Всероссийской науч. конф.: В 2 ч. СПб., 2017. Ч. 2. С. 90–91.

угнетенным классам?»³ Вместе с тем М. Горький и историк литературы, марксист Е. А. Соловьев (см. ниже), вероятно, не видели в стихотворении любовной темы, направив свою раздраженную критику на «гражданскую» часть.

Далее мы сосредоточимся на эротическом аспекте стихотворения и покажем, что для Некрасова он был принципиальным и соотносился с интеллектуальными конструкциями, характерными для окружения поэта в 1850–1860-е годы. Сопряжение интимной любовной практики и гражданского чувства, которое мы видим в этом стихотворении, формировало особую поэтическую мысль Некрасова, мысль, которая была плохо воспринята последующей культурной традицией как в силу ее экспериментальности, так и в силу того, что большинство синхронных дискурсов, на которые опирался поэт, перестали быть актуальными.

2

Прежде всего, необходимо понять, как усложняется смысловая полифония произведения, если читать его начало в эротическом ключе. В тексте смонтированы сами по себе непротиворечивые стили и дискурсы, которые именно в соединении выглядят необычно. Жанровые и стилистические приемы поэтического оформления сферы интимного и сферы гражданского в стихотворении конфликтуют друг с другом. При этом если вторая часть стихотворения (после отбивки), рассмотренная отдельно, представляется более или менее традиционной для гражданского поэтического дискурса, то первая строфа ломает привычные жанровые координаты интимной лирики и сразу указывает на сексуальную близость.⁴ Текст говорит о моменте времени после интимного наслаждения и фиксирует психологическое опустошение, которое естественно наступает вслед за эмоционально-физиологическим подъемом. Именно эта опустошенность любовников, состояние сиюминутной утраты цели попадают в фокус изображения поэта и выражаются в растерянном: «Что ж нам делать?»

На этом, однако, неожиданности не заканчиваются: эмоциональную пустоту внезапно предлагается заполнить молитвой, практикой, казалось бы, максимально противопоставленной телесной любви. Подчеркнем, что в самом соседстве любви и молитвы в поэзии ничего необычного нет (ср.: «Молитва» («Моей лампы одинокой...»; 1835) Н. М. Языкова, «Молитва» («Я, Мать Божия, ныне с молитвою...»; 1837) М. Ю. Лермонтова, «Владычица Сиона, пред Тобою...» (1842) А. А. Фета, «Есть и в моем страдальческом застое...» (1865) Ф. И. Тютчева), однако тот факт, что речь идет не о духовной, а именно о физической близости, не томительном ожидании сакрализованного «соединения», а прямо осуществленном «наслаждении», делает такое соседство почти кощунственным. В самой молитве, в свою очередь, есть нечто странное: герои думают не о покаянии и прощении, чего будто бы требует сама речевая ситуация обращения к Богу, а о том, «чего пожелать». Таким образом, буквально в каждой фразе первой строфы есть смысловая шероховатость, останавливающая внимание читателя.

³ Лурье С. Я. Такой способ понимать. М., 2007. С. 235–236.

⁴ Разумеется, физиологические акты любви так или иначе попадали в фокус поэтической традиции, идет ли речь об обценной (И. С. Барков, юнкерские поэмы М. Ю. Лермонтова и т. п.) или легкой поэзии в духе Парни (К. Н. Батюшков и другие). Однако такая поэзия разрабатывала эротизм в конвенциональных литературных формах, часто — на грани «допустимого». У Некрасова же секс изъят из традиционных жанровых рамок: он не становится единственной темой стихотворения, более того, не интересен сам по себе, а важен как фон для более «волнующего» высказывания.

Необычным представляется и переход к другому дискурсивному полюсу — к гражданской части стихотворения. Он совершенно не мотивирован содержательно и подчеркнуто произволен, более того, из всех вариантов «чего пожелать» после любовного акта выбирается наименее ожидаемый, наименее предсказуемый. Риторически случайность этого выбора подчеркивается монотажным стыком: «чего пожелать» — «пожелаем тому <...>, кто».

Во второй части в пространство интимного символически врывается третий герой, который дан крупным планом — со своими «грубыми руками», «суровыми глазами» и «немыми устами». Если молящиеся любовники полностью лишены каких-либо характеристик, то этот посторонний (и, конечно, обобщенный) человек рассмотрен подробно. Его образ сплетается из контрастов: он явно противопоставлен праздным (в этой системе координат), предающимся интеллектуальным, эстетическим и чувственным удовольствиям людям. Его страдания, однако, возвышены в религиозном смысле — как бы освящены именем Бога, в отличие от неуверенной, почти случайной религиозности любовников. Вместе с тем этот герой не замечает, что его трудами пользуются праздные люди: он «почтительно» предоставляет им возможность продолжать наслаждаться. Страдание рабочего человека за других уподобляет его Христу. В то же время знание о его жертве и ее высоком смысле принадлежит как раз интеллектуалам, а мир трудящегося описан как беспросветная и, что важно, лишенная присутствия Бога ночь. Соседство этого рассмотренного в религиозной, почти агиографической оптике героя с персонажами, только что пережившими плотское и — с религиозной точки зрения — низкое, грязное удовольствие, делает это стихотворение эпатазирующим и едва ли не кощунственным.

Несмотря на очевидные религиозные коннотации, вторая часть стихотворения на символическом уровне соотносится с первой и в более парадоксальном смысле. Персонажи намеренно сближены: и рабочий, и любовники находятся в одном и том же моменте времени, лишены сна и окружены ночью. Текстуальное соседство интимной любви и тяжелого труда и страдания, традиционно локализованных в разных и герметично замкнутых областях социального воображаемого, приводит к необычному эффекту связи между ними. Воображаемые области разгерметизируются и проникают друг в друга. В самом деле, в тексте символически размыкаются пространственные и временные границы: молитва риторически сопрягает удовольствие от секса и страдания рабочих через чувство стыда, превращает темпорально разведенное в одновременное. Сексуальный акт, как свидетельствует некрасовская молитва, уже отравлен ощущением вины перед тем, за чей счет он осуществляется. Это порождает символическую отмену пространственных границ: стены спальни становятся прозрачными, и рабочий словно оказывается свидетелем интимной близости мужчины и женщины, немым упреком их праздности. В тексте интимное размывается настолько, что оно теперь открыто не просто социальному измерению (и может быть оценено с общественной точки зрения), а будто подглядывающему угнетенному трудящемуся человеку.

Как и всякий литературный текст, стихотворение «Ночь. Успели мы всем насладиться...» предлагает читателю занять позицию говорящего субъекта. Но делая это, некрасовские стихи настаивают на чем-то очень странном, поскольку в их основе лежит психологический маневр, нехарактерный и, пожалуй, нежелательный для большинства читателей. Такой ход, отменяющий саму возможность интимного и ставящий под сомнение прочность границ личного пространства, внушает смутную тревогу за сохранность приватного и этим причиняет дискомфорт.

Гражданская часть стихотворения может, впрочем, раздражать и сама по себе, в отрыве от интимной строфы, например, формой выражения скорби

о трудящихся. Действительно, выбирая в качестве адресата трудовой народ, герои при этом желают ему не облегчения его участи и не осознания им причин своего угнетенного состояния (и это при том, что трудящиеся явно нуждаются в просвещении, живут «без понятия о праве, о Боге»), а только «доброй ночи». Способность просто представить себе угнетенного человека и пожелать ему добра подается в стихотворении как достаточный в своем роде гражданский акт. Однако читателям Некрасова такое усилие может показаться и действительно казалось слишком скромным. Так, Соловьев удивлялся, как можно «примирить „терпение во имя Христа“ с отсутствием всякого „понятия о правде (так!) и Боге“», и указывал, что «такие трещины легко скрывались общим любовным настроением»,⁵ т. е. состраданием народным бедам. Горький в «Заметках о мещанстве» (1905), в общем признавая искренность выраженного в стихотворении чувства вины, раздраженно вопрошал: «Неужели народу, усыпленному насильно, народу, сон которого ревниво оберегали тысячи верных слуг Левиафана-государства, неужели этому народу нельзя было пожелать ничего лучшего доброй ночи?» Горький считал подобные пожелания народу «дешевыми» и сокрушался, что такие «мещанские» стихи мог сочинить «лучший поэт тех дней».⁶ Наконец, уже из современной перспективы Лурье, отмечая противоречия гражданской части стихотворения, отказывает Некрасову и в искренности.⁷

Обозначенные выше странности, на первый взгляд, говорят о стихотворении как о совершенно особом тексте, резко порывающем со всей предшествующей поэтической мыслью. Это вовсе не так, более того, как мы считаем, в целом Некрасов здесь работает с традицией в очень характерной для себя манере. Однако, забегаая вперед, приходится констатировать, что такая контекстуализация, обозначение места текста на карте лирической традиции не только не снимает, но и усиливает ощущение его противоречивости.

Поэтическое новаторство Некрасова не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать. Попытки соединения языков любовной и гражданской лирики уже предпринимались в романтической поэзии, причем даже в самых классических ее образцах. Так, хрестоматийное пушкинское послание «К Чаадаеву» зачастую рассматривают как дерзкий пример наложения разнородных дискурсов:

⁵ Соловьев Е. А. Семидесятые годы. Статья третья (М. Е. Салтыков) // Жизнь: Научный, литературный и политический журнал. 1899. Т. III (Март). С. 276.

⁶ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 23. С. 351–352. Стоит отметить, что чуть позже Горький поменял свое отношение к этой части стихотворения и стал видеть в ней «ироническое пожелание» (Там же. С. 271; см. также: Примочкина Н. Н. Творческое наследие Н. А. Некрасова в интерпретации Горького // Примочкина Н. Н. Горький: личность и творчество на фоне эпохи. М., 2019. С. 132).

⁷ Лурье С. Я. Такой способ понимать. С. 235–236. Заметим, что текст принимали и иначе, не замечая странностей его гражданской части и не пытаясь уличить его автора в отсутствии искренности или настоящего понимания народных нужд. Так, в трилогии Е. Н. Чирикова «Жизнь Тарханова» (1911–1914) это стихотворение фигурирует как важный идеологический текст: главный герой поет его в тюрьме (см. об этом в статье: Ямпольский И. Г. Стихи Некрасова в произведениях других писателей // Некрасовский сборник. СПб., 1998. [Вып.] XI–XII. С. 98). Никакого противоречия в гражданском пафосе стихотворения не увидел Г. В. Плеханов. Некрасовский народ «не умеет бороться и не сознает необходимости борьбы. Главной отличительной чертой этого народа является вечное терпение», — утверждал марксист и, приведя вторую часть рассматриваемого стихотворения, пришел к выводу, что «такому народу только и можно пожелать что „доброй ночи“: проснуться он неспособен» (Плеханов Г. В. Н. А. Некрасов. К 25-летию со дня смерти // Плеханов Г. В. Соч.: [В 24 т.]. М., Л., 1925. Т. 10. С. 389). Стоит подчеркнуть, что читательские впечатления Плеханова учитывают исторический контекст: он отмечает, что позже, уже после 1861 года, мысли Некрасова о народе изменятся. Противоречия стихотворения обходило впоследствии и советское некрасововедение.

Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.⁸

Здесь соединение любовной и гражданской тематики происходит не только через эффектное сравнение ожидания политической «вольности» с ожиданием «свиданья», но и через сам язык: поэт явно экспериментирует, применяя словарь любовной лирики («в нас горит еще желанье», «мы ждем с томленьем упованья») для разговора о политике.

На этом фоне Некрасов совершает характерную и уже описанную в науке трансформацию: он как бы овеществляет романтические штампы и перифразы, делает элементами фактической реальности то, что в романтической лирике оставалось в сфере умозрений.⁹ Любовное свидание в стихотворении «Ночь. Успели мы всем насладиться...» из метафоры политических преобразований превращается в реальное событие, напоминающее о страданиях угнетенных, заставляющее вспомнить о них, а идея сходства заменяется идеей каузации. Не настаивая, разумеется, на прямой связи пушкинского и некрасовского текстов, предположим, что пушкинские гражданские стихи действительно могли мотивировать Некрасова на эксперименты. Так, появляющийся в последней строке образ темной «подземной тюрьмы», вероятно, навеян пушкинскими «каторжными норами» из послания «Во глубине сибирских руд...».

Сходным образом работает и предпосланный стихотворению жанровый подзаголовок «отрывок». С одной стороны, он подключает текст к той же романтической традиции (начальное «ночь» заменяет собой всю экспозицию, что вполне естественно для традиции «отрывков»), а с другой — объясняет пунктирное описание самой ситуации молитвы за трудящихся, позволяет поэту выхватить из всей ночи один, наиболее проблемный фрагмент, сосредоточиться именно на нем, а не, например, на любовных переживаниях.

Литературная традиция, однако, мало что проясняет в смысловой организации некрасовского стихотворения: реконфигурация элементов традиции только высвечивает его новаторство, но не позволяет объяснить его генезис. Настоящие идеологические и дискурсивные истоки стихотворения Некрасова лежат в другой области — в комплексе представлений современников поэта о природе сексуальной энергии.

3

Идея, что гражданская и сексуальная энергия черпаются как бы из единого резервуара, весьма характерна для русской интеллектуальной культуры середины XIX века.¹⁰ В кругу русских западников эта идея — заметим, предшествующая более позднему открытию либидо — осмыслялась на разных

⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1947. Т. 2. Кн. 1. С. 72.

⁹ См. об этом: Макеев М. С. Поэзия Некрасова и идеология русской радикальной интеллигенции середины XIX века // К 60-летию профессора А. И. Журавлевой. М., 1998. С. 91–105. Характерный пример такого «овеществления» — «бич», который из романтической эмблемы угнетения у Некрасова превращается в реальную плеть. Ср.: «Вчерашний день часу в шестом...».

¹⁰ См. об этом: Паперно И. Семиотика бытового поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996. С. 79–81.

этапах по-разному и, видимо, изначально была связана с жоржзандистскими литературными моделями и обусловленными ими жизненными практиками.¹¹ При этом, вопреки более ранним представлениям, любовь к женщине не только не отвлекала от служения «делу», но, напротив, отчасти подпитывала последнее, а отчасти просто сливалась с ним. Так, уже в 1840-х годах «развитие» женщины с целью ее последующего извлечения из «семейного ада» или социальной пропасти мыслилось как долг одновременно перед любимой женщиной и обществом в целом. Эта идея представлена как в литературных текстах (ср., например, «Кто виноват?» (1846) А. И. Герцена или «Полиньку Сакс» (1847) А. В. Дружинина), так и в реальных любовных историях героев этой эпохи. Достаточно будет вспомнить экспериментальные браки В. П. Боткина, А. И. Герцена или И. И. Панаева.

Так, в 1843 году Боткин женился на парижской модистке Арманс Рульяр и, очевидно, собирався ее «развивать», однако отношения быстро прекратились. Распад брака произошел и из-за несходства характеров, и из-за того, что любовная притягательность не сопровождалась чаемым родством душ и равенством личностей. Арманс была не в состоянии понять ни их «положения», ни «болезненного сердца» мужа. В исповедальном письме к Белинскому от 6 августа 1844 года Боткин писал: «И на счастье не было у меня, — совершенно не было претензии; но только на искренние дружеские отношения и на спокойствие. Но, Боже мой, — что же я встретил вместо этого! Характера желчно-упрямого, самонадеянного и самолюбивого, она с самого начала не хотела уважить ни одного моего совета, ни одного самого кроткого замечания. Она была полна требований на счастье и на жизнь — самых страстных и романтических и *хотела видеть во мне только рабского любовника*».¹²

Характерно, что друзья Боткина быстро перекодировали его неудачу, объяснили ее идеологически и выразили ее в широко распространенном анекдоте, согласно которому брак распался, поскольку француженка не смогла восхититься эмансипационными идеями романа Жорж Санд «Жак».¹³ Такая перекодировка совершалась в русле других брачных проектов эпохи.

Возможно, излишним будет напоминание о том, насколько экспериментальными были отношения Некрасова с А. Я. Панаевой, тоже не лишённые жоржзандистской подкладки. «Тройственный союз» как новая форма семейных отношений предполагал освобождение, отмену по крайней мере части условных форм отношений супругов, автоматически остраивал традиционный брак, высвечивая его собственнические, насильственные стороны, и тем самым не был чисто «личным» делом. Организация такого союза была вызовом обществу в не меньшей степени, чем «идейные» и фиктивные браки 1840–1860-х годов. И. И. Панаев, Панаева и Некрасов построили относительно успешный брак втроем, т. е. на практике осуществили то, что не полу-

¹¹ О Жорж Санд и русском жоржзандизме 1840–1860-х годов см., например: Там же. С. 77–134; *Малия А.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М., 2010. С. 354–380; *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм, социализм. М., 2004. С. 44–52; *Скафтымов А. П.* Чернышевский и Жорж Занд // Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958. С. 203–225; *Строганова Е. Н.* Писательница и литературный канон: Жорж Санд в русском общественном сознании 1830–1870-х годов // Строганова Е. Н. Классики и современницы. Гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М., 2019. С. 27–40. Об отношении Некрасова к личности и творчеству Ж. Санд см.: *Мостовская Н. Н.* Некрасов и Жорж Санд // Некрасовский сборник. [Вып.] XI–XII. С. 105–113.

¹² Из писем В. П. Боткина к Белинскому / Публ. Н. Измайлова // Литературная мысль: Альманах. Пг., 1923. Вып. 2. С. 185; курсив наш — А. Ф., П. У.

¹³ История рассказана в «Эпизоде из 1844 года» А. И. Герцена, включаемом в четвертую часть «Былого и дум», но изданную посмертно (Герцен путает даты, относя свадьбу Боткина к 1844 году). См.: *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 9. С. 255–262.

чилось у их более теоретически искушенных современников. Впрочем, укажем на реализованные тройственные отношения Н. В. и Л. П. Шелгуновых и М. Л. Михайлова, хронологически совпадающие с экспериментом Панаевых и Некрасова.¹⁴

Описанная в «Былом и думах» семейная драма Герценов представляет собой образцовый случай соединения приватного и политического: провал попытки построить семью-коммуны, где гармоничное общежитие не противоречило бы искренности в любви, сростался в воображении Герцена с провалом европейских революций конца 1840-х годов. Семейная трагедия объявлялась в «Былом и думах» если не прямым следствием крушения надежд прогрессистов, то по крайней мере закономерным совпадением, что закреплялось самой композицией текста, в которой рассказ о распаде семьи накладывался на изложение исторической катастрофы революционеров.

Логика связи и взаимоподдержки эротического и гражданского работала и в обратную сторону. Гражданская несостоятельность и внутренний изъясн идеологии могли объясняться через половое бессилие. Так, например, Панаев, человек западнических взглядов, со скепсисом относившийся к славянофильской доктрине, в своих воспоминаниях (1861–1862) следующим образом характеризовал К. С. Аксакова, которому, надо отметить, по-человечески симпатизировал: «Константин Аксаков в житейском, практическом смысле оставался до сорока с лишком лет, то есть до самой смерти своей, совершенным ребенком. Он беззаботно всю жизнь провел под домашним кровом и прирос к нему, как улитка к раковине, не понимая возможности самостоятельной, отдельной жизни, без подпоры семейства. Вне своих ученых и литературных занятий он не имел никакого общественного положения. Смерть отца и происшедшая от этого перемена в домашнем быту вдруг сломила его несокрушимое здоровье. Он не мог пережить этой потери и перемены и умер не только холостяком, даже девственником».¹⁵

Чрезвычайно непристойное публичное указание на девственность недавно умершего Аксакова (1860) могло мыслиться возможным и уместным только в качестве аргумента в объяснении его славянофильских «заблуждений», т. е. только в контексте критики славянофильства.

Многочисленные и принципиальные противоречия между поколениями сороковых и шестидесятых годов, а также обсуждавшиеся в науке эротические проблемы «шестидесятников»¹⁶ не должны заслонить того факта, что связь эротического и социального они понимали практически одинаково. Так, готовившийся к женитьбе на О. С. Васильевой Н. Г. Чернышевский в своих дневниках предчувствует, что именно соединение с женщиной даст ему необходимый новый импульс в гражданской борьбе.¹⁷ В некоторых отношениях Чернышевский, однако, шел дальше своих дворянских предшественников: он не только персонально связывал брак и борьбу, не только отразил соединение

¹⁴ См. недавнее краткое изложение истории Панаевых и Некрасова: *Макеев М. С.* Николай Некрасов. М., 2017. С. 139–143 (сер. «Жизнь замечательных людей»); о Михайлове и Шелгуновой см. не потерявшие актуальности соображения исследовательницы, а также нарезку писем и мемуарных свидетельств: *Богданович Т. А.* Любовь людей шестидесятых годов. М., 1929. См. также: *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л.* Воспоминания: В 2 т. М., 1967.

¹⁵ *Панаев И. И.* Литературные воспоминания / Первое полн. изд. под ред. с прим. Иванова-Разумника. Л., 1928. С. 247. См. также: *Современник*. 1861. № 9. Отд. I. С. 10. В первой публикации в приведенной цитате отличается только предпоследнее предложение, ср.: «Смерть отца вдруг сломила его несокрушимое здоровье».

¹⁶ См.: *Klioutchkine K.* Between Ideology and Desire: Rhetoric of the Self in the Works of Nikolai Chernyshevskii and Nikolai Dobroliubov // *Slavic Review*. 2009. Vol. 68. № 2. P. 335–354; *Вдовин А. В.* Николай Добролюбов: разночинец между духом и плотью. М., 2017.

¹⁷ Этот сюжет подробно описан в книге: *Паперно И.* Семиотика бытового поведения. С. 80.

этих практик в беллетристическом сочинении (в романе «Что делать?»), но и выступил с прямыми публицистическими рассуждениями на эту тему.¹⁸

В знаменитой статье «Русский человек на rendez-vous» (формально — рецензии на «Асию» И. С. Тургенева) критик, как известно, указал на общую слабость героев русской литературы — их нерешительность в момент любовных объяснений (ср. Бельтов, Рудин и т. д.). Чернышевский также связал эту нерешительность с общественными условиями их воспитания, а значит — в соответствии со своей литературно-критической концепцией — и с условиями воспитания русского человека в целом. Признавая в Ромео, как он называет героя «Аси», передового русского человека, ответственного за развитие русского общества и России как государства, критик указывает, что его взросление и мужание происходят в условиях, вообще не требующих от человека его статуса принятия важных решений. Отсутствие в России элементарных демократических институтов — партий, выборов, политики хотя бы в зачаточной форме — приучает человека к мысли, что от его действий и поступков ничего не зависит. В итоге такая система способствует развитию в лучших русских людях паралича воли. Формульно эта мысль была выражена в широко известном пассаже: «Без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувств гражданина ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится или по крайней мере не становится мужчиной благородного характера. Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них».¹⁹

В процитированном фрагменте становление мужчины в полном смысле слова возможно только через участие в общественных делах. В России отсутствует настоящая общественная жизнь, и это приводит литературных персонажей и реальных людей к неспособности проявить себя в любви. При этом не любовная несостоятельность каузировала гражданскую (как, видимо, в приведенной выше панаевской характеристике Аксакова), а наоборот.²⁰

Характерно, что в числе литературных персонажей, олицетворяющих любовное и гражданское бесплодие, критик называет и Агарина из некрасовской поэмы «Саша» (1855). «Натолковал он Саше, что, говорит, „не следует слабеть душою“, потому что „солнышко правды взойдет над землею“ и что надобно действовать для осуществления своих стремлений, а потом, когда Саша принимается за дело, он говорит, что все это напрасно и ни к чему не поведет, что он „болтал пустое“».²¹ Чернышевский, таким образом, вписывает некрасовского героя в ряд других персонажей, проблемы которых располагаются в зоне взаимодействия любовного и политического. В самом деле, когда Агарин полон прогрессивных идей, он, заразив Сашу новой идеологией, уезжает из деревни; вернувшись через несколько лет разочарованным в прежних идеалах, он тянется к семейной жизни и делает Саше предложение, однако героиня ему отказывает. Гражданское и интимное в случае Агарина не под-

¹⁸ О взглядах Чернышевского на вопросы секса и брака см.: Там же. О месте Чернышевского и романа «Что делать?» в истории женского освободительного движения и, в частности, в истории либерализации общественных представлений о сексе см.: *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. С. 135–148; *Ключкин К.* Women's Prose in the Modernizing Cultural Economy: 1850s–1870s // *Складчина: Сб. статей к 50-летию профессора М. С. Макеева.* М., 2019. С. 98–121.

¹⁹ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1950. Т. 5. Статьи. 1858–1859. С. 168–169.

²⁰ К. Ключкин, анализируя «Русского человека на rendez-vous» в смежном ракурсе, показал, как статья встроена в размышления и Чернышевского, и его ровесников о собственной гражданской и сексуальной идентичности. См.: *Kliutchkine K.* Between Ideology and Desire. P. 339.

²¹ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 159–160.

питывают друг друга, как хотелось бы Чернышевскому, а находятся как бы в отношениях дополнительной дистрибуции (в герое может проявиться только одно начало, но не оба вместе).

Некрасов и Чернышевский мыслят в единой логике взаимозависимости гражданского и сексуального (это совпадение, вероятно, неслучайно: статья и стихотворение были созданы в один год).²² В рамках этой логики стихотворение «Ночь. Успели мы всем насладиться...» можно считать своего рода надстройкой над идеями «Русского человека на rendez-vous». Если политическая зрелость должна привести к решительности в любви — готовности брать ответственность, делать предложение, строить отношения в браке и т. п., то любовная удовлетворенность в свою очередь может выступать сигналом гражданской состоятельности. Эта инверсия мыслей Чернышевского, с нашей точки зрения, проявляется в стихотворении Некрасова: переход от интимной близости к мыслям о безвыходном положении народа происходит только после того, как человек доказал свою физическую состоятельность в любви.

Разумеется, в статье Чернышевского и в стихотворении Некрасова говорится о разных сторонах любви. В интеллектуальных координатах эпохи, однако, решительность в отношениях любого типа черпается из одного эмоционального резервуара. Способность сделать предложение на известном уровне абстракции тождественна половой зрелости. Очевидно, впрочем, что Некрасов на уровне риторики и образности действует радикальнее своих современников, — он пишет не о «платонической» стадии любовных отношений, а непосредственно о сексе.

В «Ночь. Успели мы всем насладиться...» половая удовлетворенность парадоксальным образом оказывается разрешением думать о судьбе народа. Герой Некрасова в деле гражданской борьбы недалеко уходит от тургеневского Ромео. Но в одном существенном отношении, как мы покажем далее, он от него все же отличается.

4

Соединение любовной и гражданской темы в стихотворении «Ночь. Успели мы всем насладиться...» совершается Некрасовым с использованием приемов, характерных для цикла стихотворений, обращенных к Панаевой. Так, героиня этого цикла наделена минимальными внешними характеристиками и лишена собственного голоса. Еще более существенной и постоянной особенностью «панаевского цикла» являются изображенные в нем отношения: персонажи — вопреки поэтической традиции — уже преодолели фазу ухаживаний и соблазнения и теперь мучительно проживают их длящуюся близость. «Ночь. Успели мы всем насладиться...» эксплуатирует и эту черту некрасовских любовных стихов. Само по себе «наслаждение» в них — не желанная цель, а данность, осложненная, однако, постоянным аффективным напряжением — ссорами, размолвками, расставаниями (ср., например, хрестоматийное «Мы с тобой бестолковые люди...»). Возможно, эта сторона панаевских стихотворений облегчала прямой переход от собственно любовных к иным, внеположным любви темам, в данном случае — гражданским. Впрочем, гражданское служение в стихотворении «Ночь. Успели мы всем

²² Стихотворение датировано автором 1858 годом, однако эта датировка ненадежна (см.: *Макеев М. С.* Опыт реконструкции утраченных помет Н. А. Некрасова // *Могут ли тексты лгать? К проблеме работы с недостоверными источниками.* Таллинн, 2014. С. 149–150, 152). Текст впервые был опубликован в 1861 году. Из дальнейшей аргументации будет ясно, что мы склонны доверять принятой датировке, однако этот вопрос для нас не является принципиальным.

насладиться...», как уже отмечено, ограничивается лишь общей, пассивной озабоченностью судьбой угнетенных, молитвой за них и пожеланием им «доброй ночи».

Осуществленная любовь, таким образом, не приводит к настоящей энергичной и полезной общественной деятельности, а сами герои, в одном отношении преодолев отрефлексированную Чернышевским типичную слабость русского интеллектуала, в другом — наследуют ей. Любовная энергия тут связывается с социальной, но не приводит к поступкам, а лишь будит чувство вины перед теми, кому мы обязаны не только возможностью «погружаться в искусства, науки», но и — как прямо следует из текста — возможностью наслаждаться любовными утехами. В любовных стихотворениях панаевского цикла изображаются непростые отношения, но если в них сложности вытекают из характеров героев, то здесь любовь отравлена виной за страдания тех, кто обеспечил саму возможность безмятежной близости.

Некрасовский герой, рассмотренный в типологической перспективе, встраивается в очерченный Чернышевским ряд персонажей: он обладает очевидными социальными преимуществами, но, как и лишние люди, не в состоянии использовать эти преимущества для полезного гражданского поступка. Вместе с тем тургеневского Ромео и других персонажей герой Некрасова все-таки превосходит: ему уже очевидна связь его блаженства со страданиями других и доступно чувство вины. Это отличие предсказуемо сопровождается и другим — любовной состоятельностью.

Стихотворение не предлагает какой-либо однозначной политической инструкции, оно фиксирует проблему соотношения гражданского и эротического в ее противоречивости. Сексуальный акт символически доказывает присутствие в герое энергии, необходимой для гражданского жеста и, в соответствии со всем строем мыслей и чувств эпохи, открывает прямой путь к мыслям о народе, но само разбуженное гражданское чувство не приносит никому облегчения, а напротив, оборачивается мучительным чувством вины. Некрасов фиксирует такое состояние гражданина, когда он уже испытывает угрызения совести за любые полученные удовольствия, но при этом остается пассивным «сочувствующим».

Читателю стихотворение Некрасова инструктировало не в плане поступков, а в плане новой эмоциональной экономики. Образованный и обеспеченный любитель поэзии мог жить с представлениями о том, что его интеллектуальные, духовные и гедонистические (в том числе сексуальные) практики оплачены им самим. Некрасовский текст настаивал на том, что они оплачены другими, и порождал идею долга, тотально пронизывающего всю жизнь такого читателя. Стихотворение давало пример нового «правильного» способа чувствования и переживания, в том числе и любовных отношений, и вместе с тем поселяло в читательской психике определенную фрустрацию. Сочувствующий читатель должен был теперь жить с ощущением, что даже в момент самой интимной близости рядом с партнером присутствует некто третий — несчастный угнетенный человек, который предстает не просто воображаемым свидетелем секса, а тем, благодаря кому секс как таковой состоялся.

В указанном нами аспекте «Ночь. Успели мы всем наслаждаться...» предстает более радикальным предвестником вообще характерной для Некрасова мысли о долге перед народом. Так, в «Железной дороге» (1864) Ванюше, а вместе с ним и читателю, предлагается признать решающий вклад трудящихся не только в строительство быстрого и комфортного пути из одной российской столицы в другую, но и поблагодарить их за другие достижения цивилизации и даже искусства (в том числе, конечно, за Собор Святого Стефана и Колизей). Идея долга перед народом, отразившаяся и в стратегии Некра-

сова как издателя «Современника», и в его стихах (см., в частности, сатиру «Балет»), как показал М. С. Макеев, была существенно углублена в середине 1860-х годов воздействием на поэта политэкономических концепций Ю. Г. Жуковского.²³ Однако, если экономическая составляющая «долга» действительно допускала усложнение, то в представлении о том, за что именно мы должны, дальше, чем в «Ночь. Успели мы всем насладиться...», ни сам Некрасов, ни его современники не заходили.

Радикальность предложения испытать социальный стыд за собственные интимные удовольствия очевидна и современному читателю. Эмоциональная экономика Некрасова до сих пор может вызывать противоречивую реакцию, и это свидетельствует о том, что стихотворение не списано в архив, а фоновое присутствует в актуальном литературном каноне. Читательская тревога от «Ночь. Успели мы всем насладиться...», надо полагать, объясняется тем, что смысловая конфигурация текста содержит очевидный политический заряд в понимании Ж. Рансьера.

Эстетическая теория французского философа зиждется на том, что произведение искусства, активизируя читательское воображение и предлагая осознать нечто, что может быть увидено и высказано, «меняет наше восприятие чувственных событий, наш способ соотносить их с субъектами, меняет то, как именно наш мир оказывается населен событиями и фигурами».²⁴ Работа вымысла, по Рансьеру, осуществляет диссенсус, конфликт в способах осознания и репрезентации окружающей реальности, и в этом искусство тождественно политике, внутри которой происходит постоянная конкуренция номинаций и перемещение границ социальных практик, норм и идеологий. Один из ключевых примеров философа — публикация во французской революционной газете «Набат трудящихся» во время революции 1848 года очерка о рабочем-столяре. В тексте, полностью лишенном политических категорий, описывается один день рабочего, причем ключевой эпизод приходится на момент, когда столяр, человек физического труда, открывает для себя красоту вида за окном, т. е. делает нечто, не характерное для представителей его общественного класса.²⁵ В этой публикации Рансьер обнаруживает острый политический смысл: одна возможность разорвать ткань своего повседневного опыта и просто вообразить другую конфигурацию повседневных практик уже становится шагом по изменению окружающего мира.

В свете теории Рансьера стихотворение Некрасова, очевидно, является политическим по своей природе, и, заставляя нас пережить в воображении фрустрирующий опыт, оно по-прежнему побуждает нас реконструировать окружающую нас реальность, причем пользуется безотказным приемом — апеллирует к нашим природным проявлениям, до конца не поддающимся окультуриванию и вместе с тем нуждающимся в культурной регуляции.

5

Вернемся теперь к вопросу: почему же стихотворение «Ночь. Успели мы всем насладиться...», кратко и радикально выразившее систему взглядов своей эпохи о связи интимного и гражданского и в то же время обусловленное поэтической традицией, вызывало и вызывает раздражение и недоумение.

²³ См. главу «Безденежье и долг перед народом. Сатира „Балет“ и концепция „Современника“ в годы перед закрытием» в книге: *Макеев М. С.* Николай Некрасов: Поэт и предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2009. С. 145–165.

²⁴ *Рансьер Ж.* Эмансипированный зритель. Н. Новгород, 2018. С. 64.

²⁵ Там же. С. 60–61.

Воображаемый читатель в процитированном выше отзыве Лурье вопрошает: «Не чересчур ли смел такой прыжок — из ночной постели в подземную тюрму?» Этот вопрос представляется нам вполне характерным для читателя второй половины XX века.

Дело в том, что сами сексуальные (а в координатах эпохи неизбежно и гражданские) эксперименты 1840–1860-х годов в целом потерпели неудачу. О семейных драмах «людей сороковых годов» уже упоминалось выше. Их надежды на гармонизацию семьи на новых основаниях не оправдались и привели к страшным для них психологическим последствиям.

Новую попытку реформировать семью предприняли «шестидесятники». По всей видимости, одним из центральных вопросов для этого поколения стал вопрос о супружеской измене и шире — вообще о праве состоящих в отношениях ограничивать эротическую свободу друг друга. Так, Чернышевский в письмах жене из сибирской ссылки настаивает на том, что ей следует вести полноценную жизнь, заботясь, в первую очередь, о своих потребностях и не думая о его страданиях. Субъективно Чернышевский переживает свое поведение как единственно возможное для человека передовых убеждений, тогда как сложившаяся позже биографическая традиция понимает автора «Что делать?» скорее как наивного идеалиста, манипулируемого ветреной и циничной женой. Налицо типичная перекодировка поведения радикального разночинца, которого нормализованной культуре XX века приходится трактовать либо как неудачника, либо как оторванного от реальности мечтателя, тогда как сам он не был ни тем, ни другим.

Площадкой для экспериментов в отношениях для новых людей стали коммуны 1860-х годов, возникшие вслед за выходом романа «Что делать?» и под его непосредственным влиянием. Само совместное проживание незамужних и неженатых людей — в рамках культуры XIX века — уже вызывающее. Для негативно настроенных современников именно половая сторона взаимодействия коммунаров представлялась наиболее очевидным объектом критики и насмешки. Так, Достоевский в явно карикатурном виде изображает коммуну в «Преступлении и наказании»: ее участники, по словам Лебезятникова, «дебатируют» вопрос о том, «имеет ли право член коммуны входить к другому члену в комнату, к мужчине или женщине, во всякое время». ²⁶ Дебаты эти подвергаются не лишнему основанию насмешкам циника Лужина. Разумеется, и в попытках Лебезятникова «развивать Софью Семеновну» ²⁷ Лужин — и, без сомнения, Достоевский тут с ним солидарен — не видит ничего, кроме завуалированного домогательства. Деятельность коммун, в том числе и сексуальный ее аспект, подверглись критике и в русском антинигилистическом романе, стали почти обязательным элементом критики нигилизма вообще. ²⁸ Таким образом, коммунарное движение не только потерпело поражение в реальности, столкнувшись с целым рядом непредвиденных Чернышевским сложностей, но и подверглось мощной дискурсивной атаке, определившей репутацию коммунаров как сексуально неводержанных людей, прикрывавших прогрессистской риторикой непомерные половые аппетиты.

Так или иначе, независимо от нашей оценки деятельности и экспериментов «новых людей», приходится констатировать, что в интеллектуальном наследстве, оставленном поколением «шестидесятников», нет ничего более чуждого интеллигенции, чем их отношение к интимной жизни.

Сложности с новым пониманием сексуальности возникли уже у первых теоретиков. Несмотря на литературно-критические манифестации и привер-

²⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. СПб., 2016. Т. 6. С. 320.

²⁷ Там же. С. 319.

²⁸ См. об этом: *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. С. 164–167.

женность новой идеологии, и Чернышевский, и Добролюбов, как показывают их эго-документы, не были готовы осмыслить половую энергию в рамках радикальных социальных убеждений, более того, мучительно не знали, как примирить интимное и общественное в своей частной жизни. По сути, они оставили решать эту задачу следующему поколению.²⁹

Для него, однако, каузация и балансировка двух начал также оставалась проблемной (хотя это не означает, что никто не смог найти удачных решений). Страдающие за народ интеллектуалы с трудом примиряли служение обществу и собственные сексуальные потребности. Случай душевной болезни Г. И. Успенского не только ярко иллюстрирует мучительное напряжение между двумя областями жизни, но и демонстрирует, насколько противоестественной была сама задача подчинить биологические проявления целям общественной идеологии. Писатель-народник, напомним, не будучи в силах согласовать эгоистическое половое влечение и альтруистическое стремление помочь каждому ближнему, расщепил собственное Я на две субличности. Идеологическое противоречие в каком-то смысле «разорвало» Успенского на две части, и последние годы своей жизни писатель провел в психиатрических больницах.³⁰

Выходя за хронологические рамки нашей работы, конспективно наметим дальнейшую судьбу сюжета: слом личности Успенского оказался своего рода провозвестником модернизма — периода, в котором понимание сексуальности резко качнулось от зоны гражданского в сторону эстетического и метафизического. Приход большевиков к власти вновь соединил сексуальное и общественное в неразрешимом противоречии, однако с 1930-х годов и до конца сталинской эпохи все интимное либо вовсе табуировалось, либо подчинялось государственной идеологии. Оттепельная эпоха с радостью отвергла идею разомкнутости интимного и взаимоналожение любовного и гражданского. Отсутствие частного пространства в современном смысле этого слова в представлениях граждан Советского Союза второй половины XX века компенсировалось приватной жизнью, которая воспринималась как защита от всепроникающего влияния государства.³¹ Вместе с распадом советской империи и радикальным очищением культурной памяти, для которой «революционные демократы» перестали играть какую-либо роль, исчезла и сама идея каузации сексуального и гражданского, и потому «прыжок из ночной постели в подземную тюрьму», осуществленный в стихотворении Некрасова, стал казаться возмутительным в своей дерзости.

Таким образом, русская интеллигенция, усвоив комплекс вины перед народом, все-таки приняла ее не во всех предложенных Некрасовым вариантах. Если вина за комфорт и цивилизацию до сих пор в чем-то организует наши культурные представления, то более радикальный проект вины за интимные удовольствия оказался чуждым и неприемлемым. Надо полагать, по тем же причинам современные читатели чаще всего относятся к эротическому прочтению недоверчиво. Оно, видимо, возникает на периферии сознания, но, поскольку в таком случае текст свидетельствует об «испорченности», пошлости нашего воображения, на сексуальный субстрат накладывается табу, а «наслаждения» первой строфы начинают пониматься в широком смысле слова — как все те повседневные удовольствия, которых культура приучила нас стыдиться.

²⁹ См.: *Klioutchkine K. Between Ideology and Desire. P. 335–354.*

³⁰ См. подробнее: *Успенский П. Ф. Гипотеза Якобсона, Глеб / Иванович и перверсия: безумие Г. Успенского и его рассказ «Выпрямила» // Новое литературное обозрение. 2020. № 2. С. 131–147.*

³¹ Наше конспективное изложение основывается на следующих работах: *Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008; Naiman E. Sex in Public. The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton, 1997; Кон И. С. Сексуальная культура в России. М., 2019; После Сталина. Позднесоветская субъективность (1953–1985): Сб. статей. СПб., 2018.*

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-52-64

© ДЖЕННИФЕР ФЛАЭРТИ (США)

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК И НАРОД: ЛИРИЧЕСКИЙ ГОЛОС И ПОЭТИЧЕСКОЕ НАРОДОВЛАСТИЕ У Н. А. НЕКРАСОВА*

Рахметов, героический образец революционера 1860-х годов, выражается в романе Чернышевского подчеркнуто непоэтически: «...он говорит таким тоном, без всякого личного чувства, будто историк, судящий холодно...».¹ Удивительно совершенное несовпадение этой манеры с аффективным устройством гражданской поэзии Некрасова, создававшейся в те же годы и одушевленной теми же политическими принципами. В стихах Некрасова общественное переживается как личное; разрушая автоматизм поэтической традиции, Некрасов выводит на первый план напряженные отношения своих лирических персонажей с высказанным ими словом и его содержанием.² Отказываясь от роли отстраненного наблюдателя, лирические двойники Некрасова говорят о собственной позиции с аффектированной искренностью, зачастую с трагическим чувством своей ограниченности мелочными интересами:

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу — день за днем бесполезно губя...
(«Я за то глубоко презираю себя», 1846)³

Отталкиваясь от пересекающихся поэтических и политических валентностей самой категории *голоса*, мы обратимся к пронизывающему поэзию Некрасова политическому аффекту, указывающему на альтернативную рахметовской речевую и символическую модель демократии: поэт-радикал отказывается от авторитетного голоса, чтобы говорить от имени немолчащего народа. Аффект оборачивается особым способом мысли, отвечающим существованию людей, полностью погруженных в быт. Аффект, усиленный поэтическими средствами, предлагает читателям опыт приобщения к такому существованию и обретает тем самым силу политической суггестивности.⁴ На место отчужденной и опосредованной общественной коммуникации Некрасов ставит телесно осязаемую непосредственность прямой речи:

Вздумал работать, да труд не дается,
Глядь, уж и вечер — вороны летят...
Две старушонки сошлись у колодца,
Дай-ка послушаю, что говорят...
(«В деревне», 1854 (1, 127))

Эта модель аффекта и репрезентации соответствует определенному переживанию *народа* как символического единства: отчужденность интеллигента

* Перевод © К. А. Осповата.

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 11. С. 205.

² Об аффекте личного у Некрасова см., например: Иванова Н. Н. Традиции стихотворной речи в лирике Некрасова // Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык лирики XIX в.: Пушкин, Некрасов. М., 1981. С. 255–256.

³ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 1. С. 42. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

⁴ О политическом аффекте см., например: Ahmed S. Cultural Politics of Emotions. London, 2014.

от *народа* в значении низших классов не мешает переживанию общности, но составляет ее условие. Когда каждый говорит за себя, а коллективный голос постоянно находится на грани возникновения, опыт разъединенности перестает быть препятствием для демократического чувства, но оказывается самой его сутью. (Этот эффект хорошо известен в политической философии и истории политической мысли Нового времени.⁵) Сдвиг в понимании *народа*, под которым виделась теперь не безмолвная масса, но составное пространство социальных различий и разрывов, соответствовал говорившей в стихах Некрасова разночинной культуре.⁶ Демократическая установка, находившая в разноголосице и разногласии (*dissensus*) путь к общественным преобразованиям, требовала освободить идею самовыражения от ассоциаций с романтической эстетикой и элитистским индивидуализмом политического либерализма. На их место Некрасов ставит демократический поэтический эксперимент, воплощенный в конце концов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» (1866–1877). Лирические и повествовательные голоса складываются здесь в разноголосую массу, не упраздняющую общественных и символических границ, но обретающую в их пространстве свою выразительность. И в более ранних вещах, и в поэме «Кому на Руси жить хорошо» с ее изображениями *народа* Некрасов не стирает, но настойчиво подчеркивает ограниченность индивида — и обозначает глубинную, диалектически-парадоксальную связь между коллективностью и лирическим голосом.

Проблема личности

«Поэтическое многоголосие», распознанное Б. О. Корманом в «Кому на Руси жить хорошо», входит в противоречие с радикальными доктринами 1860-х годов, подчинявшими народную волю руководящей рациональности революционера.⁷ В стихах «Памяти Добролюбова» (1864) Некрасов очертил идеал такой рациональности:

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы...
(2, 173)

Сосредоточивая *рассудок* в единичной фигуре деятельного писателя, Некрасов инсценировал ту модель политического поля, которую выстраивал, например, Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?» (1861). Политическое тело *народа* описано здесь через различие инертной массы и носителей «инициативы», «внешнего влияния», способных катализировать народную волю: «Мы <...> говорим только о тех людях мужицкого звания, которые в своем кругу считаются людьми дюжинными, бесцветными, безличными. Каковы бы ни были они <...> не заключайте по ним о всем простонародье, не судите по ним о том, к чему способен наш народ, чего он хочет и чего достоин. Инициатива народной деятельности не в них, они, как подобные

⁵ О демократическом разногласии и его эстетических измерениях, в том числе в литературе XIX века, пишет Жак Рансьер. См.: *Рансьер Ж.* Несогласие: Политика и философия / Пер. с фр. и прим. В. Е. Лапицкого. СПб., 2013; *Rancière J.* Staging the People: The Proletarian and his Double / Transl. by D. Fernbach. London, 2011. См. также: What is a People? New York, 2013.

⁶ См.: *Klioutchikine K.* Between Sacrifice and Self-Indulgence: Nikolai Nekrasov as a Model for the Intelligentsia // *Slavic Review.* 2007. Vol. 66. № 1.

⁷ *Корман Б. О.* Лирика Некрасова. Ижевск, 1978. С. 155–187.

люди наших сословий, только плывут, куда дует ветер, и поплывут во всякую сторону, в какую подует ветер. Но их изучение все-таки важно, потому что они составляют массу престо­на­родья, как и массу наших сословий. Инициатива не от них; но должно знать их свойства, чтобы знать, какими побуждениями может действовать на них инициатива».⁸

Свойства поэтической речи определены этим двойственным отношением *поэта и гражданина к народу*, который то ли готов принять «внешнее влияние» агитатора, то ли сопротивляется ему. Если Рахметов демонстрирует нормативную веру в силу отстраненно-рациональной речи («мы говорим только по принципу, а не по пристрастию, по убеждению, а не по личной надобности»),⁹ то в поэзии Некрасова звучит действительный, насыщенный эмоциями голос русской интеллигенции, «интенсивный и настойчивый <...> из-за постоянной фрустрации», согласно точной формулировке Мартина Малии.¹⁰

Воплощенный в Рахметове императив отстраненной интеллигентской рациональности стал кивался в социалистических учениях XIX века с этосом всенародного интереса. Эти учения (представленные, в частности, в работе Герцена «Русский народ и социализм», 1851) звали к неограниченной демократии и делали упор на самых обделенных слоях: в этой логике на равенство могли претендовать все сословия, но особенное внимание обращалось на тех, кто находился в самом низу социальной лестницы.¹¹ Политическая эмансипация требовала осмысления всей системы общественных отношений, поэтому демократическая рациональность сама не позволяла принять часть за целое, заместить действительный *народ* немногочисленной интеллигенцией. Так, в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) Добролюбов объявляет предметом литературной работы «общественные интересы», выражающиеся в борьбе «народного духа» против «класса победителей», и вслед за тем отказывается признать за интеллигенцией право говорить за всех остальных: «Мы действуем и пишем, за немногими исключениями, в интересах кружка более или менее незначительного; оттого обыкновенно взгляд наш узок, стремления мелки, все понятия и сочувствия носят характер парциальности».¹² Сходная логика действовала и в моделях христианской аскезы, усвоенных социалистами и, в частности, Рахметовым: разnochинец, привыкший владеть собой в непривычных ситуациях и видеть в своей общественной отчужденности знаки грядущего обновления, не только осуществлял программу разумного эгоизма, но и перерабатывал таким образом личное и политическое осознание собственной неуместности.

В лирике Некрасова, как хорошо известно, артикулируется двойственное самосознание интеллигента, претендующего на руководство *народом*, к которому он не принадлежит. Сборник 1856 года, завоевавший значительную читательскую популярность за несколько лет до апологий революционной рациональности в работах Чернышевского и Добролюбова, Некрасов открывал программным стихотворением «Поэт и гражданин».¹³ Узловой темой этих стихов было самопожертвование, гражданское деяние *par excellence*, и его поэтические изводы. В споре с Гражданином Поэт невысоко отзывается о собратьях по ремеслу, подверженных соблазнам пассивности и конформизма:

⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 863.

⁹ Там же. Т. 11. С. 201.

¹⁰ Малия М. Александр Герцен и происхождение русского социализма, 1812–1855 / Пер. с англ. А. Павлова и Д. Узланера. М., 2010. С. 174.

¹¹ См.: Durkheim E. Socialism and Saint-Simon / Transl. by Ch. Sattler. London, 1985.

¹² Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1962. Т. 2. С. 228.

¹³ Об успехе сборника и его общественно-политическом контексте см.: Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М., 1947. Т. 3. С. 220.

Спеша известности добиться,
Воимся мы с дороги сбиться
И тропкой торною идем <...>
Куда жалка ты, роль поэта!
(2, 10)

Отвергая эту модель литературного существования, «Поэт и гражданин» шел по следам более раннего стихотворения «Блажен незлобивый поэт...» (1852), актуализировавшего знаменитые формулы из «Мертвых душ»:

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой.

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья. <...>

Со всех сторон его кланут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!

(1, 97–98)

В «Поэте и гражданине» Поэт парадоксальным образом усматривал идеал политического действия в молчании: «Блажен безмолвный гражданин». В стихах 1852 года этому соответствует апология Гоголя, образцового *поэта* нового направления, который не оставался безмолвен, но употреблял свой голос для *обличения толпы* и отказывался тем самым от ее одобрения. И Гражданин, и Поэт жертвуют во имя общественной *любви* непосредственной причастностью к сообществу, возможностью быть услышанными. Для превозносящего их Некрасова эта героическая жертва мыслится недостижимой и, в сущности, нежеланной. Восхваляя поэтов, отказывающихся от похвал, Некрасов вплотную подходит к отрицанию собственного голоса. «Незлобивый поэт» не может сравниться со своим собратом-сатириком в общественном служении, однако желание «сладкого ропота хвалы» проявляется — от противного — и в героическом изображении «благородного гения». *Любовь* героического поэта узнается только после его смерти, но лирический двойник Некрасова отказывается ждать посмертного одобрения. Как часто бывает у Некрасова, постоянно имеющего в виду своих читателей, тема и пафос его стихов не имели бы смысла вне адресации к общественному мнению современников.¹⁴ Даже провозглашая необходимость общественной критики, Некрасов стремится воссоединить поэта с *толпой*. Само это понятие указывает на фундаментальную раздвоенность: оно обозначает недостойный

¹⁴ О прагматизме Некрасова в отношениях со своей действительной аудиторией см.: Макаев М. С. Николай Некрасов: Поэт и предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2009.

извод той самой высокой общности — *народа* или *родины*, — к которой не может не обращаться некрасовский поэт. Он балансирует тем самым между гордым отвержением своей аудитории и необходимостью ее одобрения. Сквозь апологию сурового поэта, отвергающего «хвалу», проступают очертания другой фигуры, живущей одобрением недостойной *толпы*, но обособленной в своей индивидуальности от сущностного национального единства.

Другие стихотворения сборника 1856 года тоже разрабатывают это напряжение между императивом героической жертвы и подрывающим ее сожалением о смертности, которое само по себе оказывается под пером Некрасова политической темой. Так, в первой из «Последних элегий» автобиографический герой, страдающий от тяжелой болезни, избавляется наконец от земных обыкновений и обретает тот обобщающий взгляд, к которому стремились рационалисты середины века:

Я вижу всё... А рано смерть идет,
И жизни жаль мучительно. Я молод,
Теперь поменьше мелочных забот
И реже в дверь мою стучится голод:
Теперь бы мог я сделать что-нибудь.

(1, 166)

Обретя знание, герой, однако, не обретает новой формы личного существования: впереди только смерть. Его сложная субъективность встает в первой строке за противительным союзом «а», разделяющим знание и быт, разум и тело, тотальность общества («все») и судьбу индивида («я»). Поэт колеблется между вдохновением, бесконечно расширяющим его взгляд, и непреодолимой заботой о жизни, без которой поэтическая работа невозможна: «И жизни жаль мучительно. Я молод». Обобщающий, надличный взгляд побуждает к действию, но этот импульс подрывается телесным недугом или упраздняется смертью. Момент поэтической осознанности локализован в исчезающе малом промежутке между порывом к движению и могилой как единственной точкой, где может сохраниться обретенное в недуге знание:

Вперед, вперед! Но изменили силы —
Очнулся я на рубеже могилы...

(1, 167)

Эта логика позволяет оправдать и *толпу*, не замечающую умирающего поэта: она слишком погружена в собственный быт.

Во всех этих стихотворениях героические поэты, жертвующие славой во имя служения, появляются только как призраки или трупы. В «Поэте и гражданине» жест самопожертвования передается Гражданину, обретающему здесь собственный голос. Гражданственное самоотрицание Поэта возможно только ценой молчания: «В суды, в больницы я входил. / Не повторю, что там я видел...». Только несоответствие Поэта суровому идеалу гражданственности, разыгранное на наших глазах, делает возможным стихи, которые мы читаем. Стихи о социальных тяготах остаются не написаны, и даже Гражданину выпадает еще более всеохватное молчание:

Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин безгласный!

(2, 11)

В этой горькой реплике Гражданина разделение слов и дел затрагивает и его, и Поэта. Гражданскому молчанию противостоит идеал общественной речи, но Поэт отказывается жертвовать ради него читательским вниманием. Не желая принимать рахметовскую позу «историка, судящего холодно», лирические герои Некрасова остаются жить в собственном времени. Однако они не отказываются от своих идеалов, но черпают свой пафос из этого противоречия, обозначающего границы личности как таковой. Как пишет в связи с поэзией Некрасова Б. М. Эйхенбаум, «свобода индивидуальности проявляется не в отъединенности от исторических законов, а в умении их осуществить — в умении быть актуальным, слышать голос истории. Индивидуальность и исторический закон — понятия не противоположные и не исключают друг друга. Творчество (а индивидуальность есть понятие творческой личности), вообще, есть акт осознания себя в потоке истории — оно ответственно».¹⁵

Поэзия против самопожертвования

В сборнике 1856 года, таким образом, условием поэтической речи — и, может быть, речи как таковой — оказывается отказ от постоянно превозносимого со стороны этоса самопожертвования. Настойчиво оплакивая собственную слабость, некрасовские лирические персонажи тем самым привлекают внимание к конститутивным свойствам индивидуальности. Из плача о неспособности самопреодоления рождается облик героя, который не вызывает отторжения у читателей, но позволяет им узнать в нем самих себя и собственные слабости. Поэтическая модель индивидуальности становится публичной, обращившись матрицей для читательского опыта. Этот момент оказывается принципиально важным для поэзии Некрасова в 1860-е годы. М. С. Макеев замечает в связи с программным стихотворением «Рыцарь на час» (1862): «Готовность поэта поделиться тем, что приходит к нему во время бессонницы, означает предел смелости, искренности и доверия к своему читателю».¹⁶

В пространстве опыта, объединяющего автора с читателями, оформляется своеобразная модель сообщества. Не имея возможности опереться на «твердую почву <...> русского народа», которую Добролюбов в 1858 году противопоставлял немногочисленной интеллигенции, Некрасов конструирует средствами языка иную общность. Добролюбов относит *народ* к сфере объективно-фактического, по сути отождествляя *народность* с *действительностью*, которая в эстетике реализма существует вне языка как его объект. Тем самым Добролюбов вменяет безмолвие той самой народной целостности, чьи интересы он взялся защищать. Эта целостность оказывается лишена языка в той мере, в какой она становится предметом речи взявшихся служить ей демократов: «Знает ли это человечество, что мы о нем хлопочем, что мы лезем из кожи, готовы подрасть между собой, споря о его благосостоянии?..»¹⁷ В поэзии Некрасова осуществляется иная речевая модель: говоря о самопожертвовании и его невозможности, он вырабатывает экспериментальный лирический голос, сосредоточенный на артикуляции слабости и предлагающий узнать в ней всеобщую черту. Поэтическая речь оказывается соотнесена не с объективно познаваемой и молчаливо-целостной инаковостью (или, как сказал бы Бахтин, «дружостью») *народа*, но с публикой «парциальных» индивидов.

¹⁵ Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969. С. 38.

¹⁶ Макеев М. С. Николай Некрасов. М., 2017. С. 307 (сер. «Жизнь замечательных людей»).

¹⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 2. С. 226.

Эта модель укоренена в свойствах поэтической формы как таковой. Новейшие исследования подчеркивают способность лирики преобразовать личный голос в публичное высказывание. Лирика осуществляет переход от молчания к языку, возможный только в публичной сфере.¹⁸ Этот переход требует внимания к *толпе*, в котором еще Эйхенбаум увидел движущий принцип поэтики Некрасова: «Необходимо было создать <...> новое восприятие, чтобы поэзия имела слушателей, потому что слушателей поэзия должна иметь. „Толпа“ часто значит гораздо больше в жизни искусства, чем „избранный круг“ профессионалов и любителей».¹⁹ Поэтическое самовыражение не упраздняет горизонтов публичности, но становится их важнейшим моментом. Сходная проблематика определяет рассмотрение лирики у Бахтина. «Так называемую „реалистическую лирику“ XIX века он описывает через напряжение между хоровой природой лирического индивидуализма и его разложением: «Индивидуализм может положительно определять себя и не стыдиться своей определенности только в атмосфере доверия, любви и возможной хоровой поддержки».²⁰ Эти формулировки точно характеризуют двойственность поэзии Некрасова, в которой стыд отщепенца сталкивается с переживанием народной общности и «всеобнимающей любви». В конструкции поэтической личности у Некрасова часть предстает за целое, но лишь потому, что это целое образуется процессами разграничения.

Хорошо известно, что начиная с 1840-х годов проза сменила поэзию в качестве формы письма, объясняющей, как шутит Ю. Б. Орлицкий, «кто виноват, что делать и когда же придет настоящий день».²¹ Реалистическая проза обещала подвергнуть эмпирическую действительность рациональному опосредованию. Говоря о роли литературы в будущих преобразованиях, Добролюбов писал: «...в литературном изложении пыл первого увлечения непременно сглаживается, и место его необходимо заступает спокойная обдуманность <...> и вывод строго логический, свободный от впечатлений минуты».²² Прибегая к подчеркнуто личной и аффектированной лирической форме, Некрасов инвертировал этот идеал.

Восходящее к спорам XIX века различие «личной» лирики и опосредованного повествования звучит и в современных исследованиях. Согласно выкладкам К. Хамбургер, поэтическое высказывание производится индивидом и аналогично прямому бытовому высказыванию, в то время как повествовательным формам свойственна особая механика остранения и опосредования. Благодаря этой механике проза избегает эквивалентности с бытовой речью даже там, где эта речь становится ее материалом.²³ Исследователи поэзии Некрасова постоянно обращаются к этой проблематике. Оспаривая представление о «прозаичности» Некрасова, соответствующей демократизму его эстетических установок, К. И. Чуковский и Л. Я. Гинзбург настаивают на мелодической природе некрасовского стиха и обнаруживают в нем эффект возвышения прозаических тем до поэтического звучания.²⁴ Смещая фокус на формы поэтического повествования у Некрасова, Б. О. Корман возвращается к анализу прозы и поэзии как различных форм соотношения субъекта и дру-

¹⁸ См.: Culler J. *Theory of the Lyric*. Cambridge, 2015.

¹⁹ Эйхенбаум Б. М. О поэзии. С. 39.

²⁰ Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 1. С. 232–233.

²¹ Орлицкий Ю. Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности. М., 2008. С. 167.

²² Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 2. С. 225.

²³ Hamburger K. *Logic of Literature* / Transl. by M. Rose. Bloomington, 1993.

²⁴ Чуковский К. И. Некрасов. «Проза ли?»: Статьи и материалы. М., 1926; Гинзбург Л. Я. О лирике. М., 1997. С. 238–242; Тынянов Ю. Н. Стиховые формы Некрасова // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

гого и обнаруживает у Некрасова парадоксальное совмещение этих форм: лирического героя, который «начинал воссоздаваться не через прямой рассказ о себе, а косвенно — через рассказ о других», и повествователя, неспособного сохранять отстраненность по отношению к изображаемому миру.²⁵ В поэтической системе Некрасова события не нейтральны, но немислимы вне оказываемого ими воздействия.

В статье «Мысли о поэзии и ее разновидностях» («Thoughts on Poetry and its Varieties», 1833), часто цитируемой в англоязычной науке, Дж. Стюарт Милль, о чьих политэкономических трудах писал Чернышевский, противопоставлял красноречие, рассчитанное на публичный резонанс, и поэзию, которая как будто «подслушана»: «Особенность поэзии состоит, по видимости, в том, что поэт не отдает себе отчета в существовании слушателей».²⁶ В стихах Некрасова эти противоположности смыкаются: точно так же, как поэзия под его пером берет на себя прозаическую работу мимесиса, она стирает различие между солипсическим аффектом лирика и публичной, общественной речью.

Едва ли не самый яркий пример этих совмещений — стихотворение «В деревне», где герой подслушивает разговор двух крестьянок: «Две старушонки сошлись у колодца, / Дай-ка послушаю, что говорят...» (1, 127). На их рассказ о тяготах деревенской жизни, занимающий центральную часть стихотворения, герой отвечает патетическим вопросом о себе:

Плачет старуха. А мне что за дело?
Что и жалеть, коли нечем помочь?..

(1, 129)

От мимесиса бытовой зарисовки мы возвращаемся к рефлексии воспринимающего сознания, не забывающего о мире вокруг. На уровне речи героя вопрос поставлен риторически и как будто отрицает саму возможность его соучастия в мире, но на более глубинном уровне авторской речи этот вопрос оказывается узловым для всего акта поэтической репрезентации. Само эмоциональное соучастие обретает, хоть и благодаря поэтической потенции, осязаемую форму деятельной общественной *помощи*. Подслушанный разговор, при всем своем реализме, тоже перенасыщен аффектом — это плач одной из старух о смерти сына-кормильца, сулящей и ей скорую гибель: «Умер, голу-бушка, умер, Касьяновна, / И не велел долго жить!» (1, 129).

Плач о прошлом неотделим от политического диагноза настоящему. Размышления героя говорят о том, что, как политический аффект, сетование не обязательно бесплодно: констатация бессилия может означать необходимость борьбы.²⁷ Жалуясь на собственную слабость («Слабо мое изнуренное тело»; 1, 129), отвечающую общественному облику его поколения, герой-наблюдатель едва ли не встает в положение описанной им плачущей старухи, у которой «по миру сил нет ходить». Более того, поставленный им вопрос о своих отношениях к крестьянскому миру исполнен личного и общественного аффекта, который не сводится ни к пустой чувствительности, ни к императиву альтруистического действия: формула «А мне что за дело?» отвечает тому же

²⁵ Корман Б. О. Лирика Некрасова. С. 118–119.

²⁶ Mill J. S. What Is Poetry? Victorian Poetry and Poetic Theory. Ontario, 1999. P. 1216. В истории русской литературы этому разграничению созвучно тыняновское различие «камерного» и «ораторского» начал в лирике, восходящее, в частности, к известной статье В. К. Кюхельбекера.

²⁷ См.: Диди-Юберман Ж. Сделать наглядным (Rendre sensible) / Пер. с фр. Е. Смирновой // Prostory: <http://prostory.net.ua/ua/krytyka/491-sdelat-naglyadnym-rendre-sensible> (дата обращения: 20.05.2021).

общему состоянию отчужденного субъекта, что и вопрос старухи — «Кто приглубит старуху безродную?». Герой-наблюдатель с его «изнуренным телом» и ждущая смерти старуха, которая в разваливающейся избе готовится накрыться «тенетами, словно как саваном», говорят как будто с того света, внеположны любой возможности действия — но в качестве речевого и поэтического акта их плач по самим себе удостоверяет их существование и указывает издалека на смутный образ иного *мира*, общества, которое способно было бы их услышать.

Политика «горьких песен»

В «Размышлениях у парадного подъезда» (1858) дана памятная характеристика русской народной песни:

Этот стон у нас песней зовется...
 <...> великою скорбью народной
 Переполнилась наша земля, —
 Где народ, там и стон...

(2, 49)

Как единственно доступная *народу* форма высказывания, *стон* отвечает коллективному политическому аффекту *скорби*. Интеллекту-агитатору подобает, наоборот, утопический оптимизм Рахметова, — но и интеллигент, как мы видели, может предаваться отчаянию о собственном бессилии. Вместе с тем осознание слабости связывается в корпусе Некрасова не столько с отказом от действия, сколько с актом самовыражения, в котором речь, достигающая границ личности, становится звуком. *Стон*, соответствующий в «Размышлениях у парадного подъезда» неспособности народа «проснуться, исполненным сил», обозначает форму речи, лишенную конкретного содержания и подчеркивающую звучание. Эта форма эквивалентна поэтической: на первый план в ней выходит, говоря языком формалистов, установка на выражение, выделенность высказывания и способа его организации. Таким образом бессловесные голоса обретают звучание в общественном порядке, почти неспособном услышать их. Более того, сам по себе *стон* исходит из переживания слабости, одновременно выражает личное страдание и назначает ему место во внешнем мире.

В поэме «Кому на Руси жить хорошо», сочинявшейся с 1866 года до конца жизни Некрасова, это соотношение страдания, речи и *мира* исследуется на материале народной жизни. Крестьяне в некрасовской поэме задают вопрос, напоминающий о вопрошаниях старухи из «В деревне», но поставленный в непосредственно-политической плоскости: «Кому живется весело, / Вольготно на Руси?» (5, 5). Следуя этому вопросу, поэма обозревает глазами крестьян главные социальные типы — помещика, чиновника, попа, купца, боярина, царя — но в более поздних главах отступает от этого принципа. Она не дает искомого ответа, и на первый план в ней выходит сам по себе акт самовыражения, стоящий за вопросом крестьян. Их путешествие начинается с шутилой сцены спора, актуализирующей напряжение между звучанием и значением:

А два братана Губины
 Утюжат Прова дюжего —
 И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое <...>
 Царю! — направо слышится,
 Налево отзывается:
 Попу! попу! попу!
 Весь лес переполошился,
 С летающими птицами,
 Зверями быстроногими
 И гадами ползущими, —
 И стон, и рев, и гул! <...>
 И вправду: сами спорщики
 Едва ли знали, помнили —
 О чем они шумят...

(5, 8–10)

Предлагаемые спорщиками ответы на вопрос о счастье оборачиваются звуковым жестом, обретают резонанс ценой утраты смысла. По мере того, как эхо и лесные звери подхватывают звуки спора, он становится невнятен даже самим странникам. Этот факт, однако, не отменяет серьезности предпринятого крестьянами поиска; он указывает на ту форму выразительности, в которой этот поиск должен осуществляться. Говоря в категориях работы Вальтера Беньямина «Рассказчик», посвященной сказу у Лескова, «опыт общения из уст в уста», родственной «традиционному устному эпическому искусству», противостоит опыту «индивидуума в одиночестве», для которого возможность общения заменена отчужденно-рациональными формами новостной печати и романа.²⁸ Поэма Некрасова, возобновляющая язык фольклорного эпоса и комбинирующая его с лирическим началом, занята речью — как ее формой, так и самой ситуацией разговора — намного больше, чем целью. Она не только включает устные моменты в насыщенное смыслами повествование, но и подчеркивает несовпадение между скорейшим обретением рациональных ответов на главные политические вопросы и процедурой постановки этих вопросов, демократией собеседования.

Это различие между результатом и процессом, фактом устной народной речи и ее значением инсценируется у Некрасова в первом же столкновении *народа* с интеллигентом в главе «Пьяная ночь». Интеллигент Веретенников записывает за крестьянами, но обличает их быт:

Похвалит Павел песенку —
 Пять раз споют, записывай!
 Понравится пословица —
 Пословицу пиши!
 Позаписав достаточно,
 Сказал им Веретенников:
 «Умны крестьяне русские,
 Одно нехорошо,
 Что пьют до одурения,
 Во рвы, в канавы валяются —
 Обидно поглядеть!»

(5, 41)

Осуждая пьяное буйство крестьян, Веретенников извлекает «песенки» и пословицы из их живой речи и переносит их в письменную сферу. Записная «книжечка» Веретенникова одновременно эквивалентна построенной

²⁸ Беньямин В. Рассказчик: Размышления о творчестве Николая Лескова // Беньямин В. Озарения / Пер. с нем. Н. М. Берновской и др. М., 2000. С. 346–349.

на фольклорных заимствованиях и наблюдениях поэме Некрасова и не совпадает с ней по установке. Интеллигент вписывает крестьянские голоса в рациональную этнографию империи; возражающий ему крестьянин ставит его в один ряд с угрожающими сельскому миру переписчиками («Иной угоды меряет, / Иной в селеньи жителей / По пальцам перечтет...»; 5, 43). Этой процедуре отстраненного учета Некрасов противопоставляет иную модель речи и репрезентации, в которой событие и рассказ о нем неотделимы от живого быта и реакции участников. Так, в «Сельской ярмарке» слушатели добавляют слова к «комедии с Петрушкою», а в главе «Счастливые» крестьяне соревнуются в рассказах о своем *счастье*, переключаясь и подхватывая рассказы друг друга. В этом свете можно прочесть и реакцию крестьян на осуждение Веретенникова в «Пьяной ночи». «Пьяненький мужик» отнимает у народника карандаш, уличает его в непонимании крестьянского быта и заканчивает похвалой не устраивающему интеллигента *шуму*:

— Эй! царство ты мужицкое,
Бешапочное, пьяное,
Шуми — вольней шуми!..

(5, 45)

Шум, понятый одновременно как форма групповой, «хоровой» речи и как форма социального быта, упраздняет подразумеваемую Веретенниковым ложную дихотомию между добросовестно трудящимся и отлынивающим *народом*: «Вино валит крестьянина, / А горе не валит его? / Работа не валит?» (5, 43). Для интеллигента пьянство зазорно как недостойная форма жизни, не соответствующая осуществляющемуся в труде идеалу осмысленной деятельности. В крестьянской жизни, однако, труд ничем не лучше «горя» и «вина»: он не создает осмысленности, по крайней мере для трудящегося, но только изнуряет его тело: «Мужик, трудясь, не думает, / Что силы надорвет, / Так неужли над чаркою / Задуматься, что с лишнего / В канаву угодишь?» (5, 44). Алогичное (с точки зрения просвещенной публики) сближение труда и буйства наделяет сцены труда голосом, которого они обычно лишены. Так, в главе «Счастливые» крестьянин Трофим вспоминает о том, как когда-то надорвался по воле подрядчика, и в самом акте рассказа о прошлом обретает голос. На обманчивые похвалы подрядчика его богатырской силе, парадоксальным образом напоминающие о народнической идеализации крестьянства, Трофим теперь отвечает: «Ой, знаю! сердце молотом / Стучит в груди, кровавые / В глазах круги стоят...» (5, 52).

Сцены такого рода сплавляют лирический аффект в настоящем с повествованием о прошлом и заполняют картины труда, обычно сливающиеся с безмолвным ландшафтом, крестьянскими телами и их *шумом*. Изнурительный труд не столько душит речь, сколько придает ей телесную осязаемость, как в начале «Пьяной ночи»: «И стоном стон стоял!» (5, 37). Этот стон обретает материальность, подобно тому как сама строка благодаря серии аллитераций вытягивается в длинный протяжный звук. В соответствии с выкладками Добролюбова, взгляд интеллигента Веретенникова на крестьян и его речь о них отмечены двойной опосредованностью — социальной отстраненностью и медийностью иносказаний: «Вгляделся барин в пахаря / <...> на землю — матушку / Похож он...» (5, 46). Напротив того, *шум* обозначает непосредственную близость к трудовым крестьянским телам. То, что «нехорошо» с нормативной точки зрения народника, оказывается для его оппонента формой действительной жизни крестьян как реальных, несовершенных, вписанных в общественные структуры людей. Можно представить себе будущее без

труда и пьянства, но сам подход к *народу* как носителю будущей утопии заглушает уважение к нему. Между тем в *шуме*, легко толкуемом извне как атрибут лишенных мысли *мужиков*, можно узнать осмысленную форму существования *народа* как не гнушающегося конфликтов, стихийно-демократического сообщества.²⁹ В точке зрения трудящегося, обычно выражаемой будто бы бессвязною жалобой, заложен большой запас не признанного обществом знания: «Ой, знаю!»

В главе, которой в наших изданиях завершается «Кому на Руси жить хорошо», появляется другой интеллигент, говорящий привычным лирическим языком об одиноком пути: «Другая — тесная / Дорога, честная, / По ней идут / Лишь души сильные, / Любвеобильные / На бой, на труд...» (5, 229). Перед этим поэтически мыслящий Гриша Добросклонов расстается со странниками и сопутствующим им *шумом*. Его «добрые песни», которыми он отвечает на «горькие песни» *народа*, сочиняются вдали от «дороги стоголосой» (5, 38). Холм, на котором Гриша стоит, внимая очередной «горькой песне» и мечтая об обновлении России, четко отделен от дороги, вдоль которой разворачивалась до сих пор поэма. Уходя с дороги, мы удаляемся от языка, от собеседования, звучащей речи и связанной с нею телесности. Эта дорога, наполненная не разделившейся на одиночек *толпой*, не совпадает с путями Добросклонова:

Дорога торная,
Страстей раба,

По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа.

(5, 229)

Подобно тому, как в «Поэте и гражданине» *толпа* оказывается сниженным изводом *народа*, в «Кому на Руси жить хорошо» *дорога толпы* соотнесена с той народной дорогой, вокруг которой выстроена поэма. Рассказывая множество личных историй, не складывающихся ни во что, кроме *шума*, некрасовский эпос сосредоточивается на «рабских страстях» массы, выраженных в облике говорящих, в реакции их аудитории и в речевом акте как таковом. Как форма сообщества, отчужденно-эгоистическая *толпа* из «городских» стихов не отличается структурно от изображенного в поэме крестьянского *мира*, точно так же подменяющего — по крайней мере до наступления утопической свободы — общее действие рабской разобщенностью личных эгоизмов. (Так, подкупленный наследником своего хозяина, Глеб-староста совершает «иудин грех» и скрывает завещание с вольной своим собратьям: «На десятки лет, до недавних дней / Восемь тысяч душ закрепил злодей...»; 5, 211.)

В последней главе поэмы роль поэта вручена Грише Добросклонову, — но иной, более рассеянный и менее личный лирический голос связан с собирательными странниками, которые сами едва ли не распадаются на имена и звуки. Хотя их принято противопоставлять более индивидуальному лирическому тону поэта-интеллигента, голос странников легко сливается со всеми слышимыми вокруг них звуками и аффектами, в том числе с переживаниями более просвещенного субъекта.³⁰ Читатели Некрасова привыкли соотносить

²⁹ См.: Рансьер Ж. Разделяя чувственное / Пер. с фр. В. Лапицкого, А. Шестакова. СПб., 2007.

³⁰ Саженина Е. В. «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова: К вопросу о реализме поэтического высказывания // Карабиха: Историко-литературный сб. Ярославль, 2016. Вып. 9. С. 106–126.

такую всеохватность с фигурой поэта-интеллигента. Действительно, в фигуре Гриши Добросклонова нам предстает, наконец, недоступный лирическим героям Некрасова идеал *поэта-гражданина*, ушедшего в народ и отождествившего литературную работу с идеалом гражданского самопожертвования. Однако его лирический голос, по-прежнему не отделимый от рациональной отстраненности героического революционера, звучит только в замыкающих частях поэмы и не одушевляет предшествующее им эпическое созерцание народной жизни. Тем самым становится наглядной значимость иного голоса и иного взгляда на *народ*. Не порывая с опытом рассмотренной выше лирики Некрасова и ее героев-интеллигентов, поэма обнаруживает и объективирует на ином материале найденную там модель многоголосия, общества индивидов. Этим многоголосием определяется в поэме изображение крестьянского *мира*, релятивирующее фундаментальное различие между крестьянством и интеллигенцией: при всех своих несходствах жизнь обоих классов определяется нерасторжимостью индивидуализма и социальной принадлежности, переживания личности с ее слабостями и укорененностью в коллективном существовании.

В то время как Грише *народ* является издалека, в песне бурлаков, герои лирики Некрасова могли бы причислить себя к *народу* в его облики «громадной, к соблазну жадной <...> толпы» (5, 228). Понятый таким образом *народ* основывает свое единство на разобщенности и на речи, лишенной способности к обобщению во имя пользы или вынужденности. Здесь, в сфере *шума* и производящих его тел, за которыми скрываются возможности лирики, мы слышим речь *народа*, говорящего с той же отчужденностью и разорванностью, что и интеллигент некрасовской лирики. Напротив того, происходящий из крестьян и одушевленный *любовью* к ним Гриша Добросклонов выбирает позицию на холме и лирический голос героического одиночки, во многом противоположный осуществившемуся в многоголосии поэмы народному *шуму*. Вопреки представлению о том, что *народ* может обрести свой истинный облик только в будущем, Некрасов вырабатывает и для себя, и для изображенных в «Кому на Руси жить хорошо» крестьян специфически-меланхолический голос, которым каждый может говорить о своей беде.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-65-77

© Н. В. Савельева

СПОРЫ О ЕДИНОГЛАСНОМ ПЕНИИ И МОСКОВСКОЕ ИЗДАНИЕ ОКТОИХА 1649 ГОДА

Вопрос о единогласии в наибольшей степени отразил историю и сущность внутри-церковной полемики в годы, предшествующие расколу. Стремление иерархов сохранить благочестие и верность древнему обряду, с одной стороны, избежать оттока пастырей из приходских храмов, допуская сокращение продолжительности богослужения, с другой, привело к разделению позиций пастырей самого высокого, приближенного к государю, уровня и статуса.

Традиция единовременного произнесения чтений и песнопений церковной службы, зародившаяся в среде духовенства отдаленных от центра приходских храмов и монастырей еще в XIV веке, была осуждена и запрещена Стоглавым собором, Домостроем и рядом церковных постановлений XVI века.¹ Тем не менее она сохранялась и достаточно активно поддерживалась, особенно белым духовенством. «Послание наказательное о исправлении церковного пения» патриарха Гермогена ярко и детально описывает отступление от канона и повсеместное распространение многоголосия в православном богослужении на Руси к началу XVII века; при этом автор ссылается на свидетельства своих корреспондентов: «поведают нам христоролюбивые люди со слезами, а инии писание приносят».² Уже в 30-е годы XVII века представители духовенства, в том числе мирского, выступали с критикой подобной служебной практики, нарушавшей чин и торжественность церковной службы. Примечательно, что наиболее ранние сведения о таких протестах происходят из нижегородских пределов, где жили, подвизались и служили основатели и сторонники движения ревнителей древлего благочестия.³ Нестроения в богослужении нижегородских и московских храмов тогда же стали поводом для специального обращения — «памяти» патриарха Иоасафа, направленной 14 августа 1636 года тиуну Манойлову и поповскому старосте Никольскому попу Панкратию, о прекращении в Москве церковных бесчинств. Но эта «память», имевшая целью возвращение церковного благочиния, фактически узаконила многоголосие, допустив возможность «говорить» в церквях во время службы «голоса в два, а по нужде в три голоса».⁴

Именно в вопросе о единогласии обострились внешние, видимые противоречия между следующим патриархом Иосифом и имевшим к середине XVII века особенно сильную позицию кружком ревнителей древлего благочестия. Духовенство и светские

¹ Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVII-го века: Исторические сведения и письменные памятники. СПб., 1904. С. 1–7 (Памятники древней письменности и искусства. Вып. 155).

² Там же. С. 8–11.

³ Рождественский Н. В. К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быту XVII в. (Челобитная нижегородских священников 1636 г. в связи с первоначальной деятельностью Ивана Неронова) // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1902. Кн. 2. Отд. 4. С. 20, 27; Поньрко Н. В. Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. — ревнители благочестия // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 58–69; Лавров А. С., Морохин А. В. Ревнители благочестия: очерки церковной и литературной деятельности. СПб., 2021. С. 47–80.

⁴ Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении... С. 13–14.

лица, разделявшие позиции этого союза, выступали за поддержание церковного порядка и благочиния, провозглашали идеи фактического оцерковления жизни общества, ратовали за сохранение духа христианской аскезы не только в монастырях, но и в миру. Реальное воплощение этих стремлений ревнители благочестия видели в конкретных делах, направленных на воспитание понимания прихожанами непреложности церковных обрядов, воссоздание авторитета институтов духовничества и учительства, все более утрачивающих свою роль, в просвещении прихожан через пастырскую проповедь. Чаения боголюбцев разделяли как столичные, так и провинциальные церковные служители, к числу которых принадлежали и царский духовник Стефан Внифантьев (Вонифатьев), и особо приближенный к царю просветитель и меценат Федор Михайлович Ртищев, и протопоп московского Казанского собора Иоанн Неронов, и глава справчиков Печатного двора Иоанн Шевелев Наседка, и архимандрит Новоспасского монастыря, будущий патриарх Никон.⁵ В работах последних лет можно отметить попытку переоценить роль и значение для русской истории этого духовного и культурного движения в период, предшествующий расколу. В частности, поднимается вопрос о том, насколько действия сторонников кружка ревнителей благочестия были реальными и значимыми.⁶ Исследователи прибегают к анализу известных источников и поиску новых документов, пытаются понять, в чем конкретно проявилось влияние боголюбцев на русскую церковную жизнь; действительно ли сохранившиеся документальные и литературные материалы свидетельствуют о том, что ревнители благочестия имели поддержку царя и приближенных к нему лиц из влиятельных московских кругов и поднимали проблемы общерусского, государственного масштаба, или же их выступления представляли заботы и чаения лишь провинциального приходского духовенства.⁷ Значение деяний Стефана Внифантьева и его сторонников, их реальные предприятия, направленные на сохранение традиций благочестия и «исправление» церковной жизни, раскрываются в источниках, связанных с работой московского Печатного двора середины XVII века.

В полемике о единогласии ключевым стал 1649 год, события которого, зафиксированные в документах и описанные в литературных памятниках,⁸ отразили во всей полноте сомнения и тревоги патриарха Иосифа, шаткость его позиции в вопросе о церковном пении. 11 февраля 1649 года, в Соборное воскресенье, вопрос о единогласии рассматривался на церковном соборе.⁹ Неизвестно, что послужило непосредственным поводом для

⁵ О роли и деяниях кружка ревнителей благочестия в историко-культурной ситуации России середины XVII века см.: Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 24–26; о зарождении этого явления в историческом и богословском контексте русской Реформации см.: Живов В. М. Два этапа дисциплинарной революции в России XVII и XVIII столетия // *Sahiers du monde russe*. 2012. Vol. 53. № 2–3. P. 349–374; наиболее полный историографический обзор по теме см.: Лавров А. С., Морохин А. В. Ревнители благочестия. С. 9–25.

⁶ Основную литературу по этому вопросу и критику заниженной оценки «кружка ревнителей благочестия» и его роли в русском историко-культурном процессе см.: *Lavrov A. L'héritage littéraire des «zélateurs de piété» moscovites: mythe ou réalité? // Revue des études slaves*. 2008. T. 79. Fasc. 1–2. P. 65–86.

⁷ Лавров А. С. Новые данные о «ревнителях благочестия». Документы РГАДА. 1649–1650 гг. // Исторический архив. 2008. № 1. С. 195–211.

⁸ Наиболее детальное изложение событий этого года, связанных с историей церковного пения, см.: Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении... С. 14–24. По мнению исследователя (Там же. С. 14–15), 1649 годом следует датировать и одно из первых обращений к патриарху Иосифу о нестроении в церкви и защите единогласия (изд.: Кантрев Н. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887. Приложение 2. С. 166–170); сомнения А. С. Лаврова в точности этой датировки, на наш взгляд, вполне обоснованы, см.: *Lavrov A. L'héritage littéraire des «zélateurs de piété» moscovites*. P. 75.

⁹ Текст документов собора 1649 года найден, восстановлен и опубликован С. А. Белокуровым, см.: Белокуров С. А. Деяние Московского церковного собора 1649 года (Вопрос об единогласии в 1649–1651 гг.) // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1894. Кн. 4. Отд. 3. С. 29–52 (переизд.: Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в.: Деяние Московского церковного собора 1649 года. М., 1902. С. 29–52).

обсуждения на соборе именно этой темы. По мнению С. А. Белокурова, принять соборное постановление по вопросу о единогласии было необходимо из-за позиции Стефана Внифантьева и его сторонников. Решение собора не менять ничего в сложившейся церковной практике, допускающей многоголосие в приходских храмах («как было при прежних святителях, митрополитах и патриархах по всем приходским церквам божественной службе быти по-прежнему, а вновь ничево не всчинати»), не было подписано ревнителями благочестия, которые отстаивали единство церковных заповедей для всех православных христиан; имена Стефана Внифантьева, протопопа Иоанна Неронова, Никона, в то время архимандрита Новоспасского монастыря, вообще, судя по сохранившемуся делу, не были внесены в список участников собора.¹⁰ О том, насколько напряженная ситуация сложилась на соборе и насколько остро высказывались представители разных сторон полемики, свидетельствует, в частности, челобитная царю Алексею Михайловичу патриарха Иосифа и «всего освященного собора» о бесчинном поведении и речах царского духовника.¹¹ В челобитной патриарх, обличая поведение Стефана Внифантьева, который собравшихся на соборе «бранил и безчестил», просит царя о созыве специального собора для его осуждения. При этом он ссылается на правила Уложения, только что, в конце января 1649 года, напечатанного в Москве,¹² и напоминает Алексею Михайловичу о совместной работе над этим законодательным документом. О реакции государя на челобитную ничего не известно, но в вопросе о единогласии он поддерживал Стефана Внифантьева и его сторонников — решения собора царь не утвердил.

Несмотря на, казалось бы, очевидное противостояние царя и патриарха, последующие за собором события показывают, что отношение патриарха Иосифа к единогласному пению как атрибуту благочинного церковного служения не было однозначно отрицательным. Уже в том же 1649 году в грамоте Вологодскому архиепископу Маркеллу он пишет, ссылаясь на некий «государев указ», о необходимости хранить «монастырской чин <...> с великим укреплением, по древнему отеческому преданию, и в церквах Божиих велеть говорить в один голос, как в монастырех чин обдержит, по уставу».¹³ В конце года патриарх Иосиф обращается за разъяснением вопроса о единогласии к константинопольскому патриарху Парфению II.¹⁴ Полученный от цареградского патриарха ответ о безоговорочном и обязательном для всех христиан единогласном служении поставил точку в споре. Церковный собор, проходивший в Москве 9 февраля 1651 года, законодательно утвердил единогласие, дал подробные наставления духовенству относительно единогласного совершения церковных служб, как в монастырях, так и в приходских храмах, и постановил издать книгу, в которой были бы изложены решения собора и расписан соответствующий порядок ведения богослужений. Во исполнение этого предписания в июле 1651 года на московском Печатном дворе вышел в свет Служебник;¹⁵ в предисловии к нему приведены постановления собора, а порядок совершения служб изложен по чину единогласного пения. Таким образом, единогласие стало обязательным для повсеместного церковного обихода, хотя, судя по сохранившимся документам, не везде было принято сразу и безоговорочно.¹⁶

¹⁰ Белокуров С. А. Деяние Московского церковного собора... С. 35–37, 42–45; Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении... С. 19–22.

¹¹ Белокуров С. А. Деяние Московского церковного собора... С. 42–43; подлинник (РГАДА. Ф. 153. Оп. 1. Д. 18) издавался неоднократно, см., например: *Калтерев Н.* Патриарх Никон и его противники. Приложение 1. С. 165–166.

¹² *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: Сводный каталог / Под ред. Н. П. Киселева. М., 1958. № 216.

¹³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею. СПб., 1836. Т. 4. С. 485–486, № 325. *Преображенский А. В.* Вопрос о единогласном пении... С. 23.

¹⁴ Взгляды исследователей на причины этого обращения не отличаются единством; одни видят в этом собственную волю патриарха, другие склонны объяснять этот шаг патриарха Иосифа влиянием царского духовника Стефана Внифантьева, см.: Там же. С. 23–24.

¹⁵ *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати... № 231.

¹⁶ См.: *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002. С. 221–222, 299–305; *Опарина Т. А.* Царская грамота 1660 г. о наказании священника, не

Споры о церковном благочинии отразились не только в ряде архиепископских посланий, предписывающих единогласное ведение службы определенным епархиям и монастырям.¹⁷ Позицию сторонников единогласия представляют памятники русской публицистики середины XVII века.¹⁸ Наиболее ранним из них считается послание архиепископу Суздальскому Серапиону, подписанное «грешным Агафоником».¹⁹ Текст обычно датируют 1640–1642 годами, принимая во внимание время архиепископства Серапиона Суздальского (1634–1653) и учитывая события, связанные с историей единогласия.²⁰ О том, кто может быть автором послания, высказано несколько различных мнений, наиболее признанной на сегодняшний день считается атрибуция памятника Стефану Внифантьеву, подписавшемуся псевдонимом.²¹ В тексте, облеченном в эпистолярную форму, впервые излагаются законодательные и нравственно-богословские доводы для критики позиции сторонников многоголосного пения.

Сохранились еще два памятника, посвященных вопросу о единогласии, жанровая природа которых откровенно демонстрирует их полемико-публицистическую направленность. Один из них, известный как «Слово о единогласном пении» справщика Печатного двора Шестака Мартемьянова, был введен в научный оборот С. А. Белокуровым, опубликован со значительными купюрами А. В. Преображенским в Приложении к своему исследованию.²² Атрибуция текста и датировка его 1651–1652 годом, предложенные Белокуровым, общеприняты и до сих пор не подвергались сомнению. Основанием для них послужила запись, которая находится на верхнем поле первого листа рукописи непосредственно перед единственным известным на тот момент списком этого трактата: «Писано в лѣто 7160-го году, писал справщик Печатнаго двора Шестак Мартемьянов» (РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.). № 1407. Л. 1); сам список, также исходя из этой записи, принято считать автографом Шестака Мартемьянова. «Слово о единогласном пении» объемно, насыщено цитатами из Писания и святоотеческих сочинений, изобилует ссылками на издания Киевской митрополии и московского Печатного двора.²³

Совсем недавно был обнаружен еще один памятник — «Спорные речи о единогласном пении», известный на сегодняшний день в единственном списке начала 50-х годов XVII века (РГБ. Ф. 218. № 180). Рукопись введена в научный оборот Е. К. Ромоданов-

принявшего единогласного пения // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодологии к текстологии. СПб., 2004. С. 65–75.

¹⁷ Наиболее раннее из таких посланий — грамота 1649 года только что (11 марта) поставленного Новгородского митрополита Никона Александро-Свирскому монастырю, предписывающая ведение единогласной службы в обители (*Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении...* С. 18).

¹⁸ Здесь мы помещаем краткий обзор этих сочинений, более развернутая их характеристика с учетом вновь найденных списков будет представлена в следующей работе, посвященной литературному наследию ревнителей благочестия. Впервые эти тексты были собраны, исследованы и отчасти опубликованы А. В. Преображенским; впоследствии свод памятников о единогласии проанализировал А. С. Лавров, включив в него новые сведения и сочинения, найденные за прошедшее столетие (*Lavrov A. L'héritage littéraire des «zélateurs de piété» moscovites. P. 73–84*).

¹⁹ Текст издан А. В. Преображенским по рукописи: ГИМ. Синод. собр. № 811; он же указал еще один список послания (РГБ. Ф. 173. III (Собр. МДА врем.) № 100), отметив, что разница между ними незначительна (*Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении...* С. 53–63).

²⁰ Ошибочная датировка послания 1634–1637 годами, предложенная Преображенским, была поправлена В. В. Зеньковским, мнение которого поддержано А. С. Лавровым (см. историю вопроса: *Lavrov A. L'héritage littéraire des «zélateurs de piété» moscovites. P. 76*).

²¹ Наиболее полный обзор мнений об атрибуции послания см.: *Ibid. P. 80–82*; в новейшей монографии его автором признается подьячий Агафон Тимофеев, см.: *Лавров А. С., Морохин А. В. Ревнители благочестия. С. 102–107*.

²² *Белокуров С. А. Деяние Московского церковного собора... С. 40–42; Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении... С. 63–79*; см.: *Парфентьев Н. П. Шестак (Шестой) Мартемьянов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 288–290*.

²³ Обзор московских печатных источников сочинения см.: *Белякова Е. В. К проблеме изучения биографий справщиков Московского печатного двора эпохи церковных реформ XVII в.: Шестак Мартемьянов и Захарий Афанасьев // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 13–14 октября 2016 г.). М., 2016. С. 55–57*.

ской, которая предположила, что основная ее часть представляет собой автограф Агафоника (Стефана Внифантьева?). Этим именем подписано читающееся в сборнике неизвестное ранее послание митрополиту новгородскому Никону об обращении на восток при чтении псалмов (л. 168–196 об.). Той же рукой записаны и, по мнению Е. К. Ромодановской, могут также быть атрибутированы Агафоннику еще ряд статей сборника, в том числе «Спорные речи о единогласном пении» (л. 22 об. — 55 об.).²⁴ Этот текст занимает особое место в ряду посвященных церковному пению сочинений, поскольку написан в жанре прения и свидетельствует, по-видимому, о реальной полемике, устной и письменной, сторонников и противников единогласия.

Таким образом, круг сочинений, отражающих споры о единогласном пении, достаточно ограничен, почти все сохранившиеся памятники представляют позицию приближенных к царю боголюбцев и относятся либо к эпистолярному жанру, либо к сочинениям того направления полемической публицистики, которому присуще достоверное изображение русской жизни середины XVII века и которое получит несколько позднее особую популярность у писателей-старообрядцев. Именно ограниченностью круга источников, почти не пополнявшихся за столетний период, объясняет А. С. Лавров противоречивые оценки деяний кружка ревнителев благочестия. Вновь найденные документы о делах нижегородского приходского священника Конона Петрова и о распоряжениях новгородского митрополита Никона по надзору за исполнением церковных и гражданских законов и церковного благочиния, опубликованные исследователем,²⁵ служат ценным свидетельством, характеризующим сложившуюся в эти годы ситуацию. В то же время все эти источники не содержат новых сведений для суждения о развернувшейся в Москве деятельности Стефана Внифантьева и его сторонников, повлиявшей на решение вопроса о церковном благочинии и церковном пении. Дополнить наши представления о реальных московских событиях начала 1649 года и внести некоторую ясность в их оценку позволяют наблюдения над составом и текстами вводных статей изданного в этом году Октоиха.

До 1649 года на московском Печатном дворе вышли в свет четыре издания Октоиха полной редакции (в двух частях):²⁶ в 1594, 1618, 1631, 1638 годах.²⁷ Все эти издания

²⁴ Ромодановская Е. К. 1) Агафоник // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 1. С. 48–49; 2) Литературное творчество патриарха Никона и старообрядческие писатели // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 58–64; в этой работе (с. 64) исследовательница впервые обратила внимание на то, что наряду с посланиями Агафоника в сборнике переписаны сочинения, посвященные тем же темам, что и тексты, дополняющие одно из первых московских изданий, вышедших при патриархе Никоне, — «Скрижаль» (1655–1656) (Зернова А. С. Книги кирилловской печати... № 266). Речь здесь идет, несомненно, о сочинении «О семи тайнах церковных» Гавриила Филадельфийского (л. 63–129). Предварительные наблюдения над текстом позволяют нам утверждать, что список РГБ. Ф. 218. № 180 содержит полный дониконовский перевод памятника, который лег в основу текста, изданного в Москве. Список, несомненно, нуждается в отдельном исследовании, некоторые замечания о нем и его месте в истории славянских переводов сочинения Гавриила Филадельфийского см.: Савельева Н. В. Трактат Гавриила Севира, митрополита Филадельфийского, «О Святых семи тайнах церковных» в славянских переводах XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2022 (в печати). Анализ состава и палеографических особенностей рукописи РГБ. Ф. 218. № 180 см.: Лавров А. С., Морхин А. В. Ревнителев благочестия. С. 30–39; здесь, в частности, впервые указывается еще один список «Слова о единогласном пении» Шестака Мартемьянова, находящийся в сборнике на л. 198–241, который характеризуется как сокращенная копия Муз. № 1407, меньшая по объему и имеющая ряд ошибок переписчика; здесь же (с. 205–229) опубликованы «Спорные речи о единогласном пении»; некоторые замечания к описанию рукописи и публикации текста см. в рецензии: Савельева Н. В. История и литературное наследие ревнителев благочестия: Новый взгляд // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2021. № 3. С. 184–190.

²⁵ Лавров А. С. Новые данные о «ревнителях благочестия». С. 195, 202–211.

²⁶ Характеристику редакций см.: Шеламанова Н. Б. Славяно-русский октоих (ненотный) XII–XIV вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 2. С. 340–388.

²⁷ Зернова А. С. Книги кирилловской печати... № 12, 33, 86, 142.

были сходны по составу и последовательности текстов.²⁸ Октоих 1649 года²⁹ также относится к полной редакции и напечатан в двух частях (1–4, 5–8-й гласы), но, в отличие от предшествующих изданий, состав каждой части дополнен статьями, не встречавшимися ранее в рукописях и в московской печатной традиции Октоиха. Речь идет не об основном, собственно служебном, материале книги (памятники гимнографии и указания к их использованию в богослужебной практике), но о вводных статьях, предосланных каждой части Октоиха в издании 1649 года. Всего здесь напечатаны три статьи, все они отражают реальную историко-культурную ситуацию в России, сложившуюся на момент издания книги, и соотносятся с событиями внутрицерковной политики середины XVII века.

Статья с названием «Сказание учительно от священных Писаний и извѣстие душеполезно духовных сияний в книзѣ сей», которая, судя по всему, с самого начала предполагалась к публикации в качестве предисловия к Октоиху, была включена в общий счет листов и тетрадей первой части (л. 1–8) и не отделялась от основного блока книги ни особым счетом, ни пустым листом. Введение этой статьи в состав московского издания примечательно тем, что она была перепечатана из львовского Октоиха 1639 года.³⁰ Это издание Октоиха для юго-западнорусской печатной традиции также было особенным, ни в одном из других украинских и белорусских изданий книги «Сказание учительно», написанное на церковнославянском языке, не встречается.³¹ Вероятнее всего, подготовку этой статьи и ее публикацию в Октоихе следует связывать с именем типографа Ивана Кунотовича, который возглавлял львовскую типографию в краткий промежуток времени: в 1638–1639, 1642 годах.³²

«Сказание учительно» в полной мере соответствует композиции и стилю авторских предисловий, традиционных для изданий Киевской митрополии XVI–XVII вв.³³ Его составитель излагает историю создания Октоиха и называет имена творцов песнопений, поясняет принципы включения Октоиха в богослужение, объясняет символический смысл состава и структуры книги, представляющий историю миротворения и историю православия, воплотившуюся в деяниях семи вселенских соборов; здесь же помещается пространный экскурс в ветхозаветную и новозаветную историю от Адама до воскресения Христова, описывается история грехопадения человека, излагается догмат о спасении рода человеческого через бескровную жертву; приводятся статьи хроник из византийской истории о гонениях на христиан (о «благорассудном епархе» во времена императора Флавия Валента,³⁴ о чудесном спасении войска императора Валериана). В соответствии с жанром, в предисловие включаются моления за верховных представителей светской и духовной власти — патронов издания, а также сведения

²⁸ Некоторые наблюдения о составе песнопений печатных Октоихов см.: *Бов Н.* Богослужебные книги // Православная богословская энциклопедия / Под ред. А. П. Лопухина. Пг., 1902. Т. 2. Стлб. 832–835. В перечне московских изданий Октоиха здесь ошибочно упомянуты также издания 1629, 1639 и 1644 годов.

²⁹ *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати... № 214.

³⁰ Октоих сиречь Осмогласник. Львов, 1639. Лл. 2–5 нenum.; см.: *Запаско Я., Гсаевич Я.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків виданих на Україні. Львів, 1981. Кн. 1. № 271.

³¹ Отметим, что напечатанная также впервые в этом издании апокрифическая молитва Иоанна Вротопола, «архиврача керкидска, преведена от еллинского на словенский язык», повторяется в издании львовского Октоиха 1644 года, см.: Там же. № 323.

³² См.: *Шустова Ю. Э.* 1) Типография Львовского братства как преемник книгоиздательской традиции Ивана Федорова // Федоровские чтения — 2003 / Ред. Е. Л. Немировский. М., 2003. С. 257–276; 2) Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): Источниковедческое исследование. М., 2009. С. 199, 621–627.

³³ См. публикацию предисловий к киевским изданиям: *Титов Хв.* Матеріяли для історії книжної справи на Україні в XVI–XVIII вв. Всезбірка передмов до українських стародруків. Київ, 1924; предисловие к львовскому Октоиху 1639 года здесь не напечатано. Характеристику текстов см.: *Сазонова Л. И.* Украинские старопечатные предисловия конца XVI — первой половины XVII в. (особенности литературной формы) // Русская старопечатная литература (XVI — первая четверть XVIII в.); Тематика и стилистика предисловий и послесловий / Ред. А. С. Демин. М., 1981. С. 153–187.

³⁴ См.: Полн. собр. русских летописей. СПб., 1914. Т. 22. Ч. 2. Хронограф западно-русской редакции. С. 96.

о подготовке, сверке и правке текста «с опасным множицею прилежанием и исправлением съ еллинскими изводы паче преждных изданий всѣх», данные о печатании книги в Львовском Успенском монастыре и заключительная молитва.

Статья из львовского Октоиха была максимально точно воспроизведена московскими печатниками, правке подверглись лишь некоторые чтения, имеющие признаки южнорусской редакции церковнославянского языка (владущих / владущих). Кроме того, в московском предисловии были опущены выходные сведения львовского издания с упоминанием правки текста по греческому образцу, не был напечатан колонтитул «Поучение в книгу сию». Закономерной переработке подвергся также текст моления, в котором были заменены имена патронов издания: вместо Владислава IV и Петра Могила названы царь Алексей Михайлович и патриарх Иосиф; при этом сохранены этикетные формулы львовского издания, к которым добавлена титулатура московского царя и патриарха; опускается и моление о «четверопрестолных пастырях восточных».

Октоих 1639 года	Октоих 1649 года
<p>Но паче бодрствуем и в возношении от чиста сердца молитв к херувимскому престолу Владычню о владущих нами (по апостолу) о пресвѣтлом великом <i>Короли</i> нашем <i>Владиславъ Четвертом</i></p> <p>и велможном свгклитъ его, да мирно житие наше препроводим. О благостоянии святых Божиих церквей, <i>о четверопрестолных пастырях восточных</i>, о преподобнѣйшем преосвященствѣ пастыря от Бога дарованного квр <i>Петра Могила</i>, долгоденстии и здравии его, о боголюбивых в православии пребывающих епископѣх, друг же за друга, и о всѣх и за вся (л. 5 нунум.).</p>	<p>Но паче бодрствуем и в возношении от чиста сердца молитв / к херувимскому престолу Владычню о владущих нами по апостолу о пресвѣтлом великом <i>государе</i> нашем <i>благовѣрном и христелюбивом царь и великом князь Алексеи Михайловичь всея Руси самодержць</i></p> <p>и велможном сигклитствѣ его, да мирно житие наше препроводим. О благостоянии святых Божиих церквей,</p> <p>о преподобнѣйшем преосвященствѣ пастыря от Бога дарованного кир <i>Иосифа патриарха московского и всея Руси</i>, долгоденстии и здравии его, о боголюбивых в православии пребывающих епископѣх, друг же за друга, и о всѣх и за вся (л. 7–7 об.).</p>

Таким образом, Октоих 1649 года следует причислить к ряду напечатанных в это время книг, которые свидетельствуют об интересе московских кругов, связанных с Печатным двором, к юго-западнорусской книжности. Благожелательное внимание московских книгоиздателей к текстам этой традиции в 30–40-е годы XVII века, особенно проявившееся в изданиях конца 40-х годов («Кириллова книга», 1644; «Книга о вере» игумена Бизюкова монастыря иеромонаха Гедеона и «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, обе — 1648), демонстрирует существенные перемены в истории московско-юго-западнорусских отношений непосредственно перед событиями Смоленской войны и началом раскола в русской церкви.³⁵ Но даже в ряду такого рода изданий и переизданий книжного наследия Киевской митрополии перепечатка в московской богослужебной книге авторского предисловия львовского типографа была событием неординарным, тем более что текст этого предисловия почти не подвергся редактуре, сокращениям или дополнениям, как это происходило с другими книгами «литовской печати», изданными в Москве.³⁶

³⁵ Подробнее см.: *Флоря Б. Н.* Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI — первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М., 2019. С. 320–326.

³⁶ Дополнительным штрихом к неординарности этой ситуации служит и тот факт, что текст львовского предисловия уже был напечатан в Москве почти полностью, поскольку он послужил одним из источников «Книги о вере», изданной на Печатном дворе годом ранее. Выдержки, составляющие две трети текста предисловия к львовскому Октоиху 1639 года, вошли в состав главы 16 «Сказание от священных Писаний о церковном пении». Отождествление фрагментов

Линию украинских и белорусских влияний в московском книгопечатании, ясно обозначившуюся в это время, принято связывать с инициативой светских и церковных кругов, приближенных к царю Алексею Михайловичу. С одной стороны, это лица из придворного клана во главе с Б. И. Морозовым,³⁷ с другой, духовник царя Стефан Внифантьев и его окружение, к которому принадлежали и некоторые работавшие над изданиями справщики. По мнению исследователей, патриарх Иосиф, пребывая уже в почтенном возрасте, в последние годы своего пастырства не имел абсолютного влияния на московскую книгоиздательскую политику, уступив отчасти надзор за деятельностью Печатного двора Стефану Внифантьеву.³⁸ По-видимому, только такая оценка ситуации, сложившейся на Печатном дворе, может объяснить появление в Октоихе 1649 года не только предисловия, перепечатанного из львовского издания, но и еще двух необычных по содержанию и происхождению текстов.

Каждая часть издания предваряется вступительными статьями, которые не имеют непосредственного отношения к Октоиху и не служат рекомендациями для использования книги в богослужебной практике. В начале первой части на добавленных к основному блоку шести листах (л. 1–6 1-го счета) напечатан текст с названием «О цѣловании святых икон, и честнаго и животворящаго креста, и святаго Евангелия, и мощей святых, и гробов» — компиляция, в которой собраны краткие выдержки из молитвословий Триоди, прежде всего стихов службы в неделю православия, а также сведения о почитании икон и главных христианских святынь, выписанные из поучений отцов церкви, памятников истории, агиографии и церковного законодательства.³⁹ Формально текст, имеющий отношение к теме иконопочитания, вполне годился в качестве предисловия к Октоиху, поскольку история создания этой богослужебной книги непосредственно связана с именем Иоанна Дамаскина, с чудом его исцеления в эпоху иконоборчества и гонений на святого при императоре Льве Исавре.⁴⁰ Но в контексте всех добавленных к изданию статей назначение этого предисловия представляется более сложным. Компиляция лишь отчасти раскрывает тему иконоборчества и соотносится с антипротестантской полемикой о почитании икон; об иконоборчестве в ней упоминается только в начале текста краткой выпиской из чтения Синаксаря в 1-ю неделю поста о Льве Исавре, который «в скверну полагал честное и любезное цѣлование» (л. 1). Основная же тема вступительной статьи — увещание в непреложности обряда целования святынь, призыв к необходимости соблюдать точность и верность исполнения обряда, равно обязательного для иноков и мирян. Именно поэтому подборка содержит выписки из Устава о всех случаях целования святынь в христианском обиходе (на литургии, в обряде крещения, венчания и т. д.), выписки из памятников агиографии, церковной и гражданской истории о событиях, в которых совершается целование святынь (например, целование Авгарем нерукотворного образа Христа, л. 2), а также

компиляции игумена Гедеоны с этой статьей было сделано Т. Г. Казанцевой как раз по московскому изданию 1649 года (*Казанцева Т. Г.* Глава 16 «Книги о вере». К вопросу об источниках // *Рукописи XVI–XXI вв.: Исследования и публикации.* Новосибирск, 2013. С. 32–35). Отметив единство двух текстов, исследовательница указала на невозможность использования составителем «Книги о вере» московского Октоиха в качестве непосредственного источника и предположила существование подобного текста в более раннем варианте, но найти этот текст ей не удалось.

³⁷ *Флора Б. Н.* Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства... С. 324.

³⁸ Наиболее полный обзор источников и историографии по этому вопросу см.: *Румянцев В. С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 42–52; иную точку зрения на историю отношений Стефана Внифантьева и его сподвижников с Печатным двором см.: *Лавров А. С., Морохин А. В.* Ревнители благочестия. С. 108–117; см. также: *Савельева Н. В.* История и литературное наследие ревнителей благочестия. С. 186–187.

³⁹ Именно эта подборка, которую А. В. Вознесенский, не зная ее источника, прозорливо датировал серединой XVII века и поместил в ряд антипротестантских антииконоборческих сочинений, была потом издана старообрядческой типографией Ф. и А. Карташевых в Клинцах, см.: *Вознесенский А. В.* Старообрядческие издания XVIII — начала XIX века: Введение в изучение. СПб., 1996. С. 71, 107–110.

⁴⁰ См.: *Мещерский Н. А.* История христианской литургической письменности: Специальный курс лекций / Подг. Е. Н. Мещерской. СПб., 2013. С. 110, 333–342.

из памятников гимнографии, в которых присутствует само понятие (слово) «целование». На верном исполнении обряда и его обязательности для всех православных христиан акцентируют внимание читателя и маргиналии, вынесенные на поля московского издания: «Зри честное цѣловане» (л. 1 об.), «Зри, цѣловати завѣща седьмой собор иконы» (л. 2 об.), «Всѣм христианом цѣловати» (л. 3).

Таким образом, составители вводной статьи, которая была предпослана первой части Октоиха, стремились подтвердить текстами «от Божественного писания» истинность и историческую подлинность чина целования святынь и предостеречь православного читателя от искажений в исполнении одного из важнейших христианских обрядов и от нарушения тем самым церковного благочиния. О верности такой трактовки вводной статьи свидетельствует ее источник, который удалось обнаружить в рукописи РГБ. Ф. 173.III (Собр. МДА врем.). № 100. Сборник состоит из нескольких единовременно написанных (40-е годы XVII века), но различающихся почерками частей, одна из которых (л. 321–341 об.) содержит уже упоминавшийся ранее список послания Агафоника Серапиону Суздальскому о единогласии.⁴¹ В следующей за ним части, последней в сборнике (л. 343–366),⁴² записан текст о почитании святынь под заглавием «Избрание от Божественных писаний люботруднаго потщания рачительством⁴³ к тщателем исправити погрѣшения Божественных писаний о цѣловании святых икон: еже цѣловати святыя иконы, и святое Евангелие, и честный и животворящий крест, и честныя и святыя мощи всѣх святых по преданию святых апостол, и святых отец, наипаче же седьмаго Вселенскаго собора» (далее — «Избрание»). Это достаточно объемное сочинение состоит из множества эксцерптов из тех же, что в издании Октоиха, памятников, но более многочисленных и более пространных: гимнографических текстов, святоотеческих поучений и толкований, чтений Типикона. Но, в отличие от компиляции, выписки сопровождаются авторскими репликами и комментариями. Текст имеет явный публицистический характер и написан так же, как «Спорные речи о единогласии», в жанре прения. Как и в Октоихе, тема иконопочитания лишь обозначена в начале «Избрания» кратким историческим очерком, повествующим о зарождении традиции церковного почитания и целования икон, и обличения «еретика» — иконоборца Льва Исавра. Дальнейшее изложение сведений и предписаний о чине целования святынь направлено на обличение обряда, противоречащего церковному правилу, — вместо целования устами (или в дополнение к нему) прикладываться к святыням лбом и лицом. Весьма примечательно, что этот раздел начинается с апелляции к тому, как обряд исполняется в греческой церкви: «Гречестии людие цѣлуют святыя иконы, якоже сами от них слышим и видим.⁴⁴ Почто же убо у нас в Велицей Руси, честное цѣлование оставльше, / и не преданное святыми отцы и церкви Божией не приятое, но своеобычное указание по своих похотех восприимше, лъбами и лицами к святым иконам, и к святым Евангелием, и честному и животворящему

⁴¹ Список указан А. В. Преображенским, который не нашел в нем ничего примечательного, но несколько разночтений с основным текстом отметил при публикации послания Агафоника (*Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении... С. 53–63*). Список не имеет самозаглавия, написан крупным полууставом на бумаге с водяным знаком: Орел двуглавый (сходен: *Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Водяные знаки рукописей России XVII века. М., 1980. № 1025, 1026 (1639, 1647 годы)*); украшен заставкой и инициалом старопечатного стиля (л. 321).

⁴² Рукопись написана полууставом одной руки, близким скорописи; в оформлении текста использована киноварь, которой записаны заглавия и многочисленные глоссы с указанием источников, а также вставки в текст в определенные, отмеченные значками, места; обозначены 3 тетради; бумага с водяным знаком: Каргуш под короной с монограммой BR (сходен: Там же. № 86 (1649 год)).

⁴³ Далее закрашены киноварью три слова.

⁴⁴ Фраза написана киноварью на нижнем поле листа, вставлена в текст специальным значком. Ссылки на авторитет греков в решении вопросов верного отправления богослужения можно отметить и в двух памятниках, сохранившихся в рукописи РГБ. Ф. 218. № 180: «Спорных речах о единогласии», где греки упоминаются в числе других православных народов, служащих единогласно, и в послании Агафоника митрополиту Никону о поклонении на восток; по мнению А. С. Лаврова, использование этого аргумента свидетельствует об эволюции личной богословской позиции Агафоника (*Lavrov A. L'héritage littéraire des «zélés de piété» moscovites. P. 77–78*).

кресту прикладываются» (л. 346 об. — 347). В тексте появляется фигура оппонента, который обозначается словами «любоспорлив», «прекословяй», «пререкуяй и непокориве»: «Зри, устнами цѣлуем, а не лбом. Покорися правдѣ, прекословяй, что сего явнеѣ свидѣтельства. Аще ли же паки воспрекословиши, и ина многа писанием покажу ти, и неволю повинешися» (л. 350) и т. д. Таким образом, в исходной композиции детально прорисована тема отступления от истинного православного обряда. Акцентируется в этой подборке и тема единства заповедей для всех христиан («Внимай, всѣм православным вообще повелѣвает, а не единым священником и иноком», л. 354): для мужчин и женщин («Внимай, христианом велит Творец всѣм цѣловати крест, то уже вси, и мужие, и жены», л. 350), для иноков и мирян. Единство заповедей для монастырского и приходского церковного обихода подтверждается ссылкой на авторитет Василия Великого, выписка из постнического слова в неделю сыроустную «емуже начало: „Приидѣте ко мнѣ вси труждающися“» (л. 355) приводится по московскому изданию Соборника 1647 года.

Соотношение статьи Октоиха и исходного текста «Избрания» нельзя назвать простым сокращением, тексты отличаются друг от друга по своему назначению и относятся к разным жанрам. Если статья в Октоихе абсолютно лишена личного начала и эмоциональности, по сути, сведена к подборке авторитетных текстов, свидетельствующих об истинности церковного чина целования, то в «Избрании» тема отступления от православного обряда и нарушения церковного благочиния излагается от первого лица, тексты, приведенные в качестве аргументов, комментируются в разного рода обращениях к оппоненту. Обличение отступников от утвержденного традицией и прописанного в книгах (названы Устав, Служебник, Требник) чина целования ведется не только апелляцией к литературным источникам, но также ироничными зарисовками своего рода бытовых сцен из церковной жизни: «Егда ты благословит кий-либо иерей рукою крестаобразно, то лбом ли к руке его приложиши или усты своими руку его цѣлуеши. Явѣ, яко усты своими руку его цѣлуеши в честь. Аще ли лбом приложиши к руки его, то не воззмѣет ли ти ся кто, яко бѣсну и ум погубившу. Аще ли ти не даст руки своя цѣловати, то не молиши ли его, дабы ти дал руку свою цѣловати. И не токмо аще еси инок / но и мирянин буди, еже и женьска полу еси, но явѣ, яко цѣлуеши. И зри о сем в книгѣ „Сына церковнаго“ во главе 65» (л. 365–365 об.).⁴⁵

Время создания «Избрания» устанавливается достаточно точно. Выборка, напечатанная в Октоихе, обозначает верхнюю границу сочинения, оно не могло быть написано позднее конца 1648 — начала 1649 года. Нижняя граница текста определяется источниками, которые названы в достоверных, часто с указанием листов изданий, ссылках в тексте и на полях рукописи. Большинство выписок сделаны из Евангелия учительного (М., 1639) и Соборника (М., 1647), причем именно по Соборнику цитируются в том числе и тексты, ранее напечатанные в Сборнике о почитании икон (М., 1642) — «Многосложный свиток» Зиновия Оттенского, Сказание об иконе Богородицы Римляныне. Кроме того, в тексте приведены выписки из Устава (Око церковное) 1641 года, а также московских изданий Пролога и Триоди постной.

«Избрание» создано около 1648 года автором, разделявшим позицию ревнителей благочестия в вопросах сохранения традиций церковного благочиния. Источники сочинения, которые демонстрируют прекрасное знание составителем современной продукции московского Печатного двора, и, в наибольшей степени, факт публикации выборки из этого сочинения в Октоихе 1649 года не только свидетельствуют о непосредственной связи автора с московскими книгоиздательскими процессами, но и о том, что он имел достаточно высокий статус, позволяющий влиять на выбор публи-

⁴⁵ Упоминание в этом памятнике сборника «Сын церковный», по-видимому, представляет собой самое раннее достоверное свидетельство об этой книге. До сих пор первое упоминание о сборнике датировалось 1667 годом. О происхождении, датировке и атрибуции книги «Сын церковный» на сегодняшний день нет единого мнения, но одним из возможных ее составителей называется Иоанн Швелев Наседка, с 1649 года возглавлявший работу справщиков Печатного двора. Подробнее о сборнике и его старообрядческих изданиях см.: *Вознесенский А. В.* Старообрядческие издания XVIII — начала XIX века. С. 131–134.

куемых текстов. Тематика и состав вступительной статьи ко второй части Октоиха еще больше убеждают в этом.

В начало второго тома Октоиха, уже после завершения его набора, была допечатана и вставлена статья с названием «О церковном благочинном пѣнии и о единогласии вкратцѣ от Устава, лист 1, и 2, и 3».⁴⁶ О том, что она была помещена в книгу после завершения типографской работы над томом, но до брошюровки и переплета книжного блока, свидетельствует нумерация листов (8–11), которая дублирует основной счет, а также нестабильность местоположения статьи в книге. При описании издания А. С. Зернова обозначила эту статью, отметив, что она «заимствована из Устава и не имеет непосредственной связи с текстом Октоиха, а потому во многих экземплярах бывает вплетена или в самое начало, или перед началом 5-го гласа, между лл. 6–7 (5–6)»;⁴⁷ это указание воспроизводится и в современных каталогах собраний старопечатных книг. Между тем статья, добавленная ко второй части Октоиха, действительно соотносится с предисловием к Уставу, но не является его точным воспроизведением, а представляет собой компиляцию, составленную из нескольких источников:

1) Предисловие к Уставу. Выбраны фрагменты по изданию: Устав (Око церковное). М., 1641. Л. 1, 2 об. — 4. Текст воспроизводит заглавие и начало предисловия, отредактированные в соответствии с замыслом компиляции:

Устав 1641 года	Октоих 1649 года
<p>Поучение святых апостол, и святых и богоносных отец, и преподобных общежительных великих отец святых о Типикох извѣстно, о еже како хранити со всяким тщанием игумену или еклисиарху, и не презирати им во Уставѣ положеная вся. Ся бо книга есть Око церковное, и еже не пребывати игумену отнюдь внѣ монастыря кромѣ великия нужды, и не радити ему о преданных ему душах. <i>Подобает убо на стоящему всяко показати тщание, яко да ничтоже от сущих во Уставѣ сем, или мало, или велико по нѣкоей винѣ презрится.</i> О пастырю, блюди великим опасением, да хранится церковная служба, чин же и устройство <i>все непоткновенно и непреложно</i> (л. 1).</p>	<p>О церковном благочинном пѣнии, и о единогласии вкратцѣ от Устава, лист 1, и 2, и 3. Поучение святых апостол и богоносных отец, <i>о еже како хранити со всяким тщанием настоятелю церкви служба церковная во Уставѣ положеная, яко да ничто от сущих презрится, чин же и устройство все непоткновенно и непреложно</i>, якоже святыми отцы указано бысть (ч. 2, л. 8).</p>

Если предисловие Устава адресовано игумену и еклисиарху общежительного монастыря, то небольшие поправки текста в статье Октоиха полностью изменили назначение изложенных в предисловии церковных правил, адресовав их «настоятелю церкви», т. е. расширив круг адресатов до приходского клира. Предисловие к Уставу приводится полностью, но из него закономерно исключается начальный фрагмент

⁴⁶ Эта статья упоминается в работе А. В. Преображенского, но о ее происхождении исследователь не смог найти достоверных сведений, хотя отметил известный ему печатный вариант текста, прилетенный к рукописному Златоусту (ГИМ. Чудовское собр. № 252 (50). Л. 1–4), предположив, что «статья, вероятно, входила как составная часть в какую-либо другую книгу, быть может, церковный устав» (*Преображенский А. В.* Вопрос о единогласном пении... С. 49). Исследователь датировал статью концом XVII века и указал несколько ее рукописных списков, старший из которых — ГИМ. Собр. Уварова. № 543 (Царского. № 409); XVII век (описание рукописи см.: *Строев П. М.* Рукописи славяно-российские, принадлежащие И. Царскому. М., 1848. С. 492, № 409; *Леонид, архим.* Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Т. 4. С. 150). В действительности, в этой рукописи помещены списки всех трех вводных статей, переписанные с издания Октоиха 1649 года.

⁴⁷ *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати... С. 69.

с повествованием об истории формирования монастырского устава и похвалой первым настоятелям общежительных монастырей.

2) Текст предисловия к Уставу разрывает похвала Псалтири, выписанная из 16-й главы («О пении церковном») «Книги о вере» (М., 1648. Л. 141–141 об.). Источник вставки обозначен в Октоихе маргиналией на поле л. 9: «Зри: О вѣре, глава 16». В свою очередь текст, выписанный из «Книги о вере», представляет собой компиляцию ее создателя, иеромонаха Гедеона, игумена Бизюкова монастыря, состоящую из последовательно приведенных эксцерптов из предисловия к Анфологиону (Львов, 1638. Л. 3 нenum.),⁴⁸ а также из трех статей цикла предисловий к Псалтири, традиция которого сложилась еще в издании Псалтири с Часословцем Ивана Федорова (Заблудов, 1670. Л. 6 об. нenum. — 11 нenum.).⁴⁹ Таким образом, в московское издание Октоиха 1649 года были включены и непосредственный источник, который использовал иеромонах Гедеон при составлении «Книги о вере» — предисловие к львовскому Октоиху 1639 года,⁵⁰ и компиляция, одним из источников которой послужила уже сама только что изданная «Книга о вере».

3) После этой выписки текст предисловия к Уставу продолжается, а по его окончании на л. 10–10 об. приводятся две обширные цитаты из бесед Иоанна Златоуста на послания апостола Павла с маркировкой текста по киевскому изданию 1623 года:⁵¹ первая цитата из беседы на Первое послание Коринфянам, лейтмотив которой — «единому подобает гласу быти в церкви» (стлб. 1009–1010), а также из бесед на послания Галатам и Ефесянам о раздоре в церкви от любоначалия «еже есть ересем мати» (стлб. 1549, 1692, 1695). Эти цитаты в том же объеме присутствуют в послании Агафоника о единогласии.⁵²

4) Затем следует выписка из Слова Григория Богослова в неделю сыропустную о язве града и выборка из толкования на это слово Никиты Ираклийского. На полях л. 10 об. глосса: «Соборник, неделя сырная». Текст Григория Богослова и выборка из толкований дословно и в полном объеме совпадают с соответствующим фрагментом из послания Агафоника Серапиону Суздальскому.⁵³

5) Завершается статья Октоиха темой единства заповедей инокам и мирянам, обозначенной краткими цитатами из Бесед Иоанна Златоуста на послания апостолов и из Слов постнических Василия Великого; утверждение о единстве заповедей подчеркнуто маргиналией на поле л. 11: «Едины заповѣди иноком и мирским».

Таким образом, и текст, помещенный в начале второй части Октоиха 1649 года и обозначенный как выписка из Устава, т. е. претендующий на некоторый законодательный статус, и предисловие о целовании икон к первой части издания представляют позицию ревнителей благочестия. Октоих, напечатанный в Москве по благословению царя и патриарха, вышел в свет 6 января 1649 года, в то самое время перед февральским церковным Собором, когда позиция патриарха Иосифа в вопросе о единогласии была еще решительно отрицательной. Издание Октоиха стало осознанным деянием Стефана Внифантьева и его сторонников, и в этом видится некий акт произвола и нарушения церковной иерархии и субординации. Напрашивается мысль о том, не это ли событие стало непосредственным поводом к обсуждению вопроса о единогласии на Соборе и не с этим ли изданием связаны столь эмоциональные речи патриарха и царского духовника. Это решительное выступление ревнителей древлего благочестия сыграло главную роль в завершении спора о единогласии — именно статья из вто-

⁴⁸ Запаско Я., Исаевич Я. Пам'ятки книжкового мистецтва. № 259.

⁴⁹ Гусева А. А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: Сводный каталог: В 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 368–370, 400–404, ил. 48.7–48.11; Вознесенский А. В. К истории славянской печатной Псалтири. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтирь. М.; СПб., 2010. С. 135.

⁵⁰ См. прим. 36.

⁵¹ Запаско Я., Исаевич Я. Пам'ятки книжкового мистецтва. № 138.

⁵² Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении... С. 56–58.

⁵³ Там же. С. 57. Отметим, что в списке послания РГБ. Ф. 173. III (Собр. МДА врем.). № 100 на л. 328 об. на полях также проставлена глосса «Соборник, сырной недели, лист 257».

рой части Октоиха упомянута как законодательный текст и процитирована в предисловии к Служебнику 1651 года, окончательно утвердившему единогласное пение в монастырских и приходских храмах: «Якоже завѣщавае о сем церковное кормило еже есть Устав своим предисловием, *настоятелю хранити добръ преданный чин церковный*» (л. 5 об.; курсив наш. — Н. С.).

Как бы то ни было, вводные статьи Октоиха 1649 года в целом виде не повторились ни в одном из последующих московских изданий, но они, и прежде всего вступление ко второму тому, отразились в известных памятниках, касающихся темы единогласия. В частности, вступление ко второй части Октоиха полностью вошло в «Слово о единогласном пении», составителем которого принято считать Шестака Мартемьянова.⁵⁴ С другой стороны, оба предисловия — о целовании икон и о единогласии — обнаруживают параллели, не только тематические, но и текстуальные, со всем кругом памятников, отражающих полемику о церковном благочинии, и требуют переосмысления и детального исследования литературной истории текстов этого круга.

⁵⁴ РГБ. Музейное собр. № 1407. Л. 35 об. — 39 об.; текст вводится словами: «Уставы церковныя глаголют, яко подобает хранити со всяким тщанием настоятелю церкви служба церковная...»; на полях глосса, воспроизводящая самоглавие текста в Октоихе: «Лист 1, и 2, и 3»; цитата из «Книги о вере» в том же объеме, что и в предисловии, выписана ранее, на л. 32–33.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-77-89

© Т. Г. Иванова

ТРАНСФОРМАЦИИ ТОПОСА «БИТВА КАК ПИР» В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ XVIII–XIX ВЕКОВ

Одним из топосов, пронизывающих русскую культуру на протяжении многих веков, является топос «битва как пир»: военное сражение метафорически изображается в образах застолья. Этот топос характерен и для средневековой литературы, и для устно-поэтической традиции.

В качестве одного из ранних примеров мы можем назвать Слово о полку Игореве — памятник древнерусской литературы XII века. О битве русских князей Игоря и Всеволода с половцами в Слове читаем: «Бишася день, бишася другой; третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пирь кончаша храбри русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую».¹

Предметом нашего исследования являются русские исторические песни XVIII–XIX веков, т. е. произведения Нового времени. Хронологический разрыв между Словом о полку Игореве и песнями, которые в науке принято называть «младшими» историческими песнями, — шесть-семь столетий. Мы не предлагаем последовательный обзор эволюции названного топоса в устно-поэтической традиции, а даем лишь поздний срез XVIII–XIX столетий.

Напомним, что исторические песни нового времени в основном складывались в солдатской среде — социальном слое, созданном в эпоху решительных преобразований Петра I. Российская регулярная армия на протяжении XVIII–XIX веков фактически

¹ Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 1995. Т. 1. С. 11. В переводе этот отрывок выглядит следующим образом: «Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы! Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кроваваго вина не достало; тут пир закончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Рускую» (Слово о полку Игореве / Вступ. статья, подг. древнерусского текста Д. Лихачева; сост. и комм. Л. Дмитриева; художник В. А. Фаворский. М., 1983. С. 121 (сер. «Классики и современники. Поэтическая библиотека»)).

непрерывно так или иначе находилась в военных ситуациях: четыре русско-турецких войны в XVIII веке и четыре в XIX столетии (включая Крымскую и Балканскую); три русско-шведских войны в XVIII веке (включая Северную войну) и одна война в XIX веке; участие России в войне против Пруссии во время Семилетней войны; русско-французские войны (в том числе и война 1812 года); две русско-персидские войны в XVIII веке и две войны в XIX веке; хивинские походы (три похода за два столетия); добавим сюда и длительную Кавказскую войну 1817–1864 годов. Песни отражали конкретные походы, военные столкновения, осады крепостей, запечатлевали имена военачальников, новое географическое пространство, в котором оказывался русский человек, т. е. исторические песни выполняли важную хроникальную функцию. Историческая песня активно осваивала новую лексику, которая входила в сознание крестьянина, когда он, оторванный от привычного земледельческого труда, становился солдатом: картечь, штык, лафет, гренадеры, бомбардиры, канониры, фрегат, фланг, ранцы и т. д.

Следует отметить, что солдатская среда вносит в устную традицию не только новое содержание, но и новые формы. Фольклорная песня начинает ориентироваться на литературные образцы, которые солдатам, находившимся в непосредственной близости к образованным офицерам, были гораздо лучше знакомы, чем крестьянину-землепашцу. В исторической песне появляется рифма, которую не знает традиционный песенный фольклор русского народа, и новый стихотворный размер — те самые формы стихотворного размера, которые были освоены русской литературой только со времен Ломоносова и Тредиаковского.

Материалом для нашего сообщения послужили сборники академической антологии «Исторические песни XVIII века», «Исторические песни XIX века» и сборник С. Н. Азбелева «Исторические песни».²

Топос «битва как пир» или, по-другому, метафорический кулинарный код военного сражения в текстах XVIII–XIX веков представлен в двух ситуациях: 1) в насмешливых словах русского солдата или военачальника, направленных в сторону противника, 2) в словах персонажа, воспринимающего свое ранение или тяготы военной жизни в кулинарных образах.

1. Слова русского солдата, обращенные к неприятелю. Эталонным примером может быть эпизод из знаменитого сюжета «Платов в гостях у французов» (цикл о войне 1812 года): казачий генерал, неузнанным побывавший в стане противника, при отъезде издевательски-насмешливо кричит «французскому ротозею»:

Про тебя у нас, ворона,
Пироги напечены,
Пироги напечены
Да сухари насушены.
Пирогам будем кормить,
А сухарям по крылью бить...

(ИП XIX, № 137, ст. 62–67)

См. также:

Про тебя, ворона, блины напечены,
Блины напечены, пушки заряжены...

(ИП XIX, № 138, ст. 33–34)

² Исторические песни XVIII века / Изд. подг. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971 (далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно — ИП XVIII, с указанием номера песни и стихов); Исторические песни XIX века / Изд. подг. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973 (далее — ИП XIX); Исторические песни / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. С. Н. Азбелева. М., 2001 (далее — Азбелев).

Ряд примеров рассматриваемого топоса мы находим в цикле песен о Крымской войне. Напомним, что помимо Крыма и Севастополя военные действия в войне 1853–1856 годов имели место также на Дунае, на Кавказе, на Белом море, на Балтике. Командующим английской эскадрой на Балтике был вице-адмирал Чарльз Джон Нейпир (1786–1868), имя которого попало в песни. Вошедшие в Балтийское море летом 1854 года английские корабли в сентябре, в преддверии зимы, ушли в свои порты и начали готовиться к кампании 1855 года. В свою очередь, Россия, осознавая, что возможна непосредственная угроза Санкт-Петербургу, за зиму 1854/1855 годов построила 32 винтовые канонерские лодки для плавания в мелководном Финском заливе. Эти суда вместе с минными заграждениями сыграли большую роль в защите Свеаборга (Гельсингфорса / Хельсинки), Ревеля (Таллина) и Кронштадта. Действия пришедшего летом 1855 года в Балтику английского и французского флотов оказались малоэффективными. Планы по атаке на Свеаборг и Выборг были сорваны, и Нейпир вскоре был отправлен в отставку.

В фольклорной традиции сохранилось несколько песен, отражающих события на Балтийском море. В сюжете «Не<й> пир у Кронштадта» мы находим следующий вариант топоса:

Уж на славу же, по-русски,
Зададим вам пир.
Пир уже такой, что вспашет,
Сам Непир старик запляшет
Русского бычка.
Хлебом-солью Русь богата,
На приемы таровата,
Любит угостить.
Для друзей почнет картузы,
И чугунные арбузы
Будут вам в привет.
А как ближе будет к встрече,
Вместо сладких дуль картечи
К вам пошлем на борт.
А от скуки, для потехи,
Есть свинцовые орехи,
Только раскуси...

(Азбелев, № 239, ст. 23–39)

«Кулинарный» топос военных действий сказывается и в другом тексте. Солдаты обращаются к врагу: «Ты попробуй русской булки, / Русский любит угощать» (ИП XIX, № 371, ст. 11–12; сюжет «Русские охраняют Балтийские берега» из цикла песен о Крымской войне). В песне из цикла о Кавказской войне мы встречаем слово «гостинец». О горцах, противостоявших русским солдатам, читаем: «Они — шасть, а тут гостинец / Припасен давно для них» (Азбелев, № 259, ст. 27–28; сюжет «Окончательная победа над Шамилем»).

В массиве материала, которым мы оперируем, можно выделить различные версии рассматриваемого топоса. Интересной является версия, в которой появляется топонимическая составляющая: кулинарные образы вписываются в определенный локус. В песне «Русские солдаты и царь готовятся встретить шведского короля» из цикла о Северной войне 1700–1721 годов между Петром I и солдатами происходит следующий диалог:

«Уж вы детушки мои, ребятушки!
Что нам делать, что нам делати?
К нам хотел шведский король в гости побывать,
Хотел в гости побывати.

Да и чем его, детушки, будем потчевать, будем потчевати?
 У нас, детушки-ребятушки, пиво не варено, зелена вина нет». —
 «У нас, батюшка православный царь, все готово, все приготовлено,
 Как у нас, братцы-ребятушки, в *Москве* пироги печены,
 В *Москве* пироги печены, в сухари они крошены,
 В сухари они крошены, в *Туле* сушены,
 В *Туле* сушены, по солдатам розданы»...

(ИП XVIII, № 58, ст. 23–32; здесь и далее курсив мой. — Т. И.)

В другом варианте этого же сюжета вся образная система интересующего нас топоса представлена в словах Петра I:

Уж мы чем бы его, братцы, стали потчевать?
 У нас пиво невареное, зелено вино некуренное,
 Только есть у нас одно угощеньице —
 Сухари сушеные,
 В *Туле* сушены, мелко крошены...

(ИП XVIII, № 62, ст. 13–17)

См. также еще один вариант: «Уж как есть у нас для него сухари накрошенные: / Они в *Туле* крошены, в *Москве* высушены» (ИП XVIII, № 61, ст. 25–26; курсив мой. — Т. И.).

Версия с топонимической составляющей встречается и в других сюжетах XVIII века, например в песне «Шведский король требует возвращения городов» (ИП XVIII, № 410–436), отражающей одну из русско-шведских войн XVIII столетия. 21 июня 1788 года, при Екатерине II, шведская армия во главе с королем Густавом III вторглась в Россию. Целью шведов было возвращение земель (включая устье Невы, т. е. Петербурга), отошедших России во времена Петра I. Война для России оказалась победной. Верельский мирный договор (г. Верель, ныне Финляндия) 3 августа 1790 года аннулировал все территориальные претензии Швеции.

В одном из текстов читаем:

У нас есть чем принять, есть чем потчевать его:
 У нас есть ли пироги, они в *Туле* печены,
 Они в *Туле* печены, в *Москве* маком чинены;
 У нас есть ли сухари, они в *Туле* крошены,
 Они в *Туле* крошены, в *Москве* высушены;
 Еще есть ли у нас похлебочка — у солдата на бедре,
 У солдата на бедре, да что на левой стороне!

(ИП XVIII, № 411, ст. 20–26; см. близкую версию: № 418, ст. 19–23; № 434, ст. 35–39)

См. также вариант из этого же сюжета с образом не пирогов, а хлебов:

Уж мы хлебов напечем
 В каменной матке *Москве*,
 На пушечном на дворе;
 Горяченка похлебочка
 У солдатухек в ружье; <...>
 Уж мы станем этого гостя,
 Станем потчевати...

(ИП XVIII, № 412, ст. 44–52)

В одной из песен мы находим следующий выразительный текст:

Ой да и есть у мене сухари, только в *Туле* печены,
Покушай мои сухари, только зубы береги,
Когда зубы не уберегешь, тады тут жа пропадешь...

(ИП XVIII, № 426, ст. 11–13)

См. также из этого же сюжета «Шведский король требует возвращения городов»: «Есть у нас сухари — они в *Туле* крошены, / Они в *Туле* крошены, в *Москве* высушены» (ИП XVIII, № 424, ст. 19–20; курсив мой. — Т. И.).

В приведенных отрывках упоминаются *Москва*, которая в сознании солдат и в конце XVIII века остается главным городом страны, и *Тула*. *Тула* в построении этой метафоры возникает, естественно, не случайно. В городе в XVII веке началось активное развитие кузнечного ремесла. В конце этого столетия именно здесь развернул свою деятельность предприимчивый кузнец Никита Демидов. В 1712 году в Туле был поставлен первый государственный оружейный завод, и с этого времени город стал центром производства оружия в России.

Помимо устойчивых топонимов *Москва* и *Тула* в рассматриваемом топосе в песне «Шведский король требует возвращения городов» мы находим и другие (случайные) географические имена. В одном из вариантов, где шведский король заменен «королем прусским» (явное влияние песенного цикла о Семилетней войне), появляется *Париж* (что вызвано, вероятно, влиянием поздних песен, посвященных войне 1812 года):

Для тебя ли, король прусский, я гостинцев припасу, сухарей насушу,
Они в *Туле* были сушены, а за *Парижем* вчера розданы...

(ИП XVIII, № 432, ст. 6–7)

Находим в топосе и Ярославль:

Уж вам евти сухари у нас были
В *Туле* крошены,
В *Ярославле* сушены,
К *Москве* вывезены!

(ИП XVIII, № 422, ст. 38–41)

Топонимическая версия имеется и в песнях о русско-турецких войнах. В сюжете «Румянцев ведет войско против турок» читаем:

Уж и чем-то нам, ребята, гостей потчевать?
Как у нашего царя припасено, собрано,
Пиво пьяно сварено и зелено вино.
На закуску, на прикуску — всё сухие сухари,
Они в *Туле* напечены, в *Москве* сушены...

(ИП XVIII, № 440, ст. 2–6)

В песне «Русские войска получают приказ готовиться к сражению» из цикла о войне 1812 года наличествует *Москва*:

Есть чем потчевати,
Уж как есть у нас, ребятушки,
Есть крупа, есть мука,
Уж как есть у нас, ребятушки,
Аржаные сухари,
На заводах печены, ребятушки,
В *Москве* высушены...

(ИП XVIII, № 44, ст. 28–34)

Выразительной является версия рассматриваемого топоса, строящаяся на образах столового убранства:

Уж мы сделаем, государыня, про прущего обед:
Уж мы столики поставим во зеленых лузях,
Уж мы скатерти расстелем по шелковой траве,
Уж мы ложечки приставим и каменной к стене,
Уж мы яства принесем — штыки-ружья поберем,
Штыки-ружья поберем, ему голову снесем...

(ИП XVIII, № 433, ст. 25–30; сюжет «Шведский король требует возвращения городов»)

Варианты:

Не пугайтесь вы его!
Мы столики расставим и скатерти разберем,
Тарелочки раскладем и кушанье припасем,
Мелки пушечки зарядим, короля в полон возьмем!

(ИП XVIII, № 415, ст. 12–15; сюжет «Шведский король требует возвращения городов»)

Да разставим-ко мы столики, ой всё дубовенькие,
Ой да накатем-ко мы пушечек всё со ядрышкамы.
А уже мы станем ему подавать, не успеет принимать...

(ИП XVIII, № 423, ст. 18–20; сюжет «Шведский король требует возвращения городов»)

Укажем на то, что топос «битва как пир» может быть представлен и версией, в которой дается расшифровка метафорических образов:

Приготовим мы закусочки —
Звонки медны пушечки...

(ИП XVIII, № 435, ст. 31–32; сюжет «Шведский король требует возвращения городов»)

В сюжете «Французский король пишет Александру I» из цикла о войне 1812 года Кутузов утешает царя в ответ на французские угрозы:

Мы поставим ему столы — пушки медные,
Как скатерть постелим ему — горнодерушков.
Закусочку ему положим — ядра чугунные,
Пойлице ему нальем — зелен порошок...

(ИП XIX, № 36, ст. 15–18)

См. также:

А мы столики поставим ему — пушки медные,
А мы скатерти ему постелим — вольны пули,
На закусочку поставим — каленых картечь;
Угощать его будут — канонерушки,
Провожать его будут — все козачушки...

(ИП XIX, № 37, ст. 15–19)

Образный ряд столового убранства — но с совсем иной расшифровкой, связанной с перечислением петровских полков, — мы находим в одном из вариантов сюжета «Русские солдаты и царь готовятся встретить шведского короля»:

Уж мы столики расставим — Преображенский полк,
 Скатерти расстелем — полк Семеновский,
 Мы вилки да тарелки — полк Измайловский,
 Мы поильце медяное — полк драгунушек,
 Мы кушанья сахарны — полк гусарушек,
 Потчевать заставим — полк пехотушек...

(ИП XVIII, № 60, ст. 12–17)

См. в сюжете «Шведский король требует возвращения городов» имена полков:

Мы шведу-королю три гостинца поднесем:
 Как и первый гостинец — полк Семеновский пошлем,
 А второй-то гостинец — полк Ивановский — пошлем,
 А на третий-то гостинец — саблей голову снесем...

(ИП XVIII, № 420, ст. 13–16)

В одном из вариантов этой же песни мы находим образы, взятые из флотской жизни:

Ой мы столики ему поставим —
 Черные, ох, мы корабли.
 Ой да мы скатертки ему постелем —
 Тонкие белые паруса.
 Ой да уж мы кушанья ему составим —
 Черные, ох, мы пушечки,
 Ой да уж мы черны пушечки поставим,
 Чугунные, ох, мы ядрышка...

(ИП XVIII, № 410, ст. 42–49)

Многие примеры топоса «битва как пир», как уже видно по приведенным цитатам, демонстрируют нам сочетание метафорики, ее расшифровки и прямого значения:

Мы яствице приготовим ему — бомбы с ядрами
(расшифровка метафоры),
 А другое отошлем ему — пушки с лафетами
(прямое значение),
 На закусочку подадим ему славную чиненочку...
(метафорическое значение)

(ИП XIX, № 38, ст. 15–17; сюжет «Французский король пишет Александру I»)

См. также:

Вместо столиков мы накроем-то
 Медны пушечки со лафетами, со лафетами.
 Со лафетами.
 На закусочку начиним ему
 Славны бомбы со картечами, со картечами...

(ИП XIX, № 40, ст. 43–47; сюжет «Французский король пишет Александру I»)

Чем будем, ребята,
 Гостя потчевати?
 У нас, ребята,
 Есть крупа и мука,
 Есть крупица,
 Есть мучица,

Есть сухие сухари
 (метафорическое значение),
 На закуску дадим ядра,
 Есть на встречу картечи!
 (прямое значение)

(ИП XIX, № 43, ст. 28–36; сюжет «Русские войска получают приказ готовиться к сражению»)

В одном из вариантов песни «Русские солдаты и царь готовятся встретить шведского короля» в ответ на вопрос Петра I о том, чем будут «потчевать» неприятеля, солдаты заявляют:

Ах ты гой еси батюшко благоверный царь,
 Снаряженные столы у нас на руках.
 Снаряженные столы — твои государевы полки
 (расшифровка метафоры),
 Красное питье у драгунов в палашах,
 Каленые орехи у солдат во сумах
 (метафорическое значение) —
 Тем-то короля станем потчевать,
 Тем-то шведского будем чествовать...

(ИП XVIII, № 59, ст. 23–29)

Еще одна версия являет вплетение рассматриваемого топоса в другие топосы — в топос требования со стороны противника предоставить «квартирушки» в российских городах. См. пример с расшифровкой метафоры:

Уж мы выставим ему квартирушки —
 Ему поля чистые,
 А князьям-то его, боярам —
 Им пушки медные,
 А на закусочку-то ему —
 Ему пули меткие...

(ИП XIX, № 39, ст. 27–32)

Кулинарный код, как видно из приведенных примеров, пользуется термином «пир», который наличествует уже в Слове о полку Игореве («ту пирь докончаша храбрии русичи»). Знает песня и слово «обед». В песне «Англичане обстреливают деревню» из цикла о Крымской войне говорится об угрозе Кронштадту:

Из заморской за земли
 Выходили корабли
 Под Кронштадт гулять.
 Увидали деревушку
 Зарядили туго пушку
 И давай стрелять.
 Во Кронштадте было пышно,
 Собирались, было слышно,
 В Питер на обед...

(ИП XIX, № 374, текст приведен целиком; здесь и далее курсив мой. — Т. И.)

В сюжете «Шведский король требует возвращения городов» есть топос угрозы со стороны неприятеля — захватить Петербург и Москву. Высказана эта угроза в образах «обеда», «ужина» и «завтрака»:

Во Питере *пообедаю*, в Москву *ужинать* прийду,
Под Москвой-то я ночую, поутру рано в нее вступлю...
(ИП XVIII, № 433, ст. 6–7)

Всю Русеюшку пройду, в каменную Москву зайду,
Вот я в Астрахань взойду *позавтракать*, а в Москву —
пообедать,
В Москву — *пообедать*, в Питенбурхе буду ночевать...
(ИП XVIII, № 418, ст. 7–9)

Образная система разных топосов историко-песенного фольклора, таким образом, оказывается взаимопроницаемой.

Все приведенные примеры демонстрируют трансформационные возможности рассматриваемого топоса в произведениях XVIII–XIX веков. С другой стороны, мы можем отметить сворачивание топоса до одного слова, например «потчивать»:

Как завтра к нам француз в гости хотел быть,
Чтобы было у нас чем его *потчивать*...
(ИП XIX, № 42, ст. 9–10; сюжет «Русские войска
получают приказ готовиться к сражению»
из цикла о войне 1812 года)

Второй глагол, за которым прочитывается топос «битва как пир» — «угощать». В песне из цикла о Крымской войне читаем: «Не в первой раз супостата / *Угощать* штыком» (Азбелев, № 245, ст. 5–6; курсив мой. — Т. И.; сюжет «Князь Бебутов разбивает Ахмет-пашу»).

2. Слова персонажа, воспринимающего свое ранение или тяготы военной жизни в кулинарных образах. Все приведенные нами примеры рисуют ситуацию уверенного ответа русских солдат неприятелю. Однако имеются примеры и другого плана: представитель русского воинства оказывается в страдательном положении, что также рисуется в кулинарных образах. Так, в сюжете «Краснощеков ранен» из цикла песен о Семилетней войне ранение русского генерала Федора Ивановича Краснощекова (1710–1764) дано в образах опьянения («пьян сидит, пьян шатается», ст. 7). Герой заявляет:

Напоил меня прущкий король,
Напоил тремя *пойлами*, тремя разными:
Первое пойло — пулечка свинчатая,
Другое пойло — сабля булатная,
Третье пойло — копые вострое...
(ИП XVIII, № 403, ст. 14–18)

Варианты:

Напоил меня супостат, прусской король,
Тремя *пойлами*, тремя разными:
Первое пойлице — сабля вострая,
Другой пойлице — ружье огненно,
Третье пойлице — каленá стрела...
(ИП XVIII, № 404, ст. 14–18)

Еще *перво-то пойлице* — свинцовая пуля,
Другое-то пойлице — строевó ружье,
А *третье-то пойлице* — каленá стрела...
(ИП XVIII, № 405, ст. 29–31)

Как видим, песня здесь дает расшифровку образов кулинарного кода.

В песне «Суворов ранен», явно построенной по модели песни «Краснощекоев ранен», матушка героя принимает его слабость от ранения за опьянение:

«Ой ты сын, ты сын мой, чадо милое,
Ты зачем же, сын, рано *напиваешься?*» —
«Я не сам-то собою *напиваюся* —
Напоил меня француз свинцом-порохом,
Опохмелил меня чугунными ядрами» ...

(ИП XVIII, № 496, ст. 28–32)

Варианты:

«Ты зачем, пошто *пьян напиваешься,*
Зелена вина упиваешься?» —
«Я не сам-то собою *пьян упивался,*
Напоил меня злой прусский король,
Не *вином* поил — свинцом-порохом,
Он *хмелил* меня из медной пушечки» ...

(ИП XVIII, № 497, ст. 24–29)

«Ты дитя ли мое, чадо милое,
Ты почто так крепко *упиваешься,*
С зелена вина забываешься?» — <...>
«Что не сам-то я *напиваюся* —
Напоил меня злой прущкой король,
Напоил меня он свинцом-порохом,
Опохмелил он из медной пушечки» ...

(ИП XVIII, № 498, ст. 27–35)

В песне «Казачи возвращаются из похода» из песен о русско-турецких войнах, где отсутствует ситуация ранения, путая этническую сущность противника («пруцкой король» вместо турок), солдаты говорят государыне (т. е. Екатерине II) о тяготах войны:

Напоил-то нас прущкой король,
Тремя *пойлами*, тремя разными:
Первое пойлице — свинцом-порохом,
Другое пойлице — саблями вострыми,
Третье пойлице — копыями вострыми...

(ИП XVIII, № 492, ст. 17–21)

В тексте «Князь Бебутов разбивает Ахмет-пашу» из цикла о Крымской войне (речь идет о действиях на Кавказе) «свинцовые орехи» (т. е. пули и пушечные снаряды) предназначены не неприятелю, а русским солдатам:

Хоть свинцовые *орехи*
Нам и сделали прорехи —
Да не в первый раз...

(Азбелев, № 245, ст. 34–36; сюжет «Князь Бебутов разбивает Ахмет-пашу»)

Обобщим образную систему топоса «битва как пир» в исторических песнях XVIII–XIX веков. Топос имеет предметный и акциональный планы.

XVIII век	XIX век
	арбузы
	блины (напечены=напечь)
	булки (попробовать)
вилки	
вино (курить, сварить)	
гостинец (припасти, поднести)	гостинец (припасти)
	дули [плод груши]
закуска	закуски, закубочки (поставить; подавать; начинить)
	крупа, крупица
кушанья (припасти, составить)	
ложечки (приставить)	
мак (чинены=чинить, начинить маком)	
	мука, мучица
обед	обед (собираться на...)
орехи	орехи свинцовые (раскусить)
пиво (варить, сварить)	
	пир (задать)
пирог (печены=печь; испечены=испечь; крошены=крошить; сушены=сушить)	пирог (напечены=напечь; кормить)
питье	
пойлице	пойлице
пойло	
похлебочка	
прикуска	
скатерти (расстелить, поставить, разобрать)	скатерть (постелить)
столы, столики (поставить, расставить)	столы, столики (поставить)
сухари (крошены=крошить; накрошить; высушены=высушить; сушены=сушить; насушены=насушить; печены=печь; вывезены=вывезти; покусать; раздать)	сухари (насушены=насушить)
тарелки, тарелочки (раскласть)	
угощенье	
хлеба (напечь)	
	хлеб-соль
	чиненочка
	яствице
яства (принести)	

Ядром образной системы топоса «битва как пир» в песнях XVIII–XIX веков являются образы, связанные с зерновыми культурами — главными для русского крестьянина: *блины; булки; крупа, крупица; мука, мучица; пироги; сухари* (аржаные, сухие); *хлеба; хлеб-соль*. Хлеб в традиционной культуре — исключительная ценность. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» приводится следующее определение хлеба: «Хлеб — в традиционной культуре высшая жизненная ценность, „дар Божий“, главный ресурс жизни, символ достатка, благоденствия, здоровья и плодородия; повседневная и обрядовая реалья, обращение к которой в высшей степени ритуализировано и подчинено множеству предписаний и запретов; объект почитания и сакрализации; средство общения людей между собой и живых с умершими;

магическое средство (продуцирующее, защитное, лечебное и др.)».³ Семиотическая нагруженность *хлеба* как символа жизни безусловна. В историко-песенном фольклоре *хлеб* (и его производные) помещается в иронический контекст. Однако, подчеркнем, частотность хлебных образов свидетельствует о том, что песни опираются на бытовую, обрядовый и фольклорный опыт русского крестьянства.

Рассматриваемый топос, как видно из приведенного списка, включает разные виды мучной выпечки — от самой древней *блины* до поздней *булки*. Слово *булка* — позднее заимствование из польского языка, куда оно в свою очередь проникло из французского или итальянского («круглый хлеб»). Таким образом, слово *булка* в рассматриваемом топосе является примером проникновения в фольклор XVIII–XIX веков новой лексики.

Похлебкой, как известно, в допетровской Руси назывались все жидкие блюда русской кухни. Основой похлебок могли быть рожь, чечевица, ячмень, горох, т. е. зерновые культуры. Знаменитый казацкий кулеш — это похлебка из пшеницы, сала и лука. *Похлебка*, таким образом, это еще одно из проявлений быта крестьянина-землепашца. Именно поэтому этот образ попадает в рассматриваемый топос.

Интересен ряд образов, связанных с питьем: *вино зелено*; *пиво*; *питье*; *поильнице*; *пойло*; *пойлице*. Центральными образами здесь являются *пиво* и *зелено вино*. Пиво, как известно, — важнейший обрядовый напиток русского крестьянства, причем напиток, варившийся, подчеркнем, из зерновых культур.⁴ Зелено вино на Руси — это не виноградное вино, а хлебное (от слов «зеленое», «злак»), т. е. водка с добавлением трав. Нам важно опять подчеркнуть, что и в ряду образов питья в центре оказываются напитки, связанные с зерном.

Приведенные выше примеры с *пивом* и *зеленым вином* опосредованно связаны со словом о полку Игореве («ту кроваваго вина не доста»). Кулинарный код в Слове явлен исключительно в образе «кровавое вино»; других образов этот памятник в рассматриваемом топосе не содержит. Эпитет «кровавое» определенно и недвусмысленно раскрывает содержание метафоры.

В песнях XIX века обращают на себя внимание образы *арбузов* и *дуль* (плоды определенного сорта груш). Понятно, что эти образы в русский фольклор попадают поздно. Арбуз, произрастающий в Астраханском и Волгоградском регионах России, — это экзотический для русского крестьянина плод. Только в XVII веке со времен царя Алексея Михайловича эта ягода стала поставляться к царскому столу. В сознании крестьянина (и солдата) *арбуз* занял свое место по мере того, как русский человек закрепился на территории нижнего Поволжья.

С *дулей* (грушей), казалось бы, русский крестьянин был знаком много ранее, чем с арбузом. Груша произрастает не только в южных регионах России, но и в средней полосе. Однако, как известно, крестьянство не практиковало садоводство. Хлебопашество было главным делом его жизни. Именно поэтому если *яблоня* и *яблоко* еще и вошло в поэтическую систему русского фольклора, то *груша* осталась далеко на периферии устной традиции. *Дуля* в рассматриваемом топосе — это, очевидно, позднее явление в фольклоре.

Мак, произрастающий в степной и полустепной зоне, с очевидностью стал знаком русскому крестьянину также очень поздно. Добавление *мака* в хлебобулочные изделия в качестве начинки — это новшество, с которым крестьянин познакомился, скорее всего, именно на солдатской службе.

В рассматриваемом топосе имеются и лексемы, дающие обобщающее название кулинарным изделиям: *гостинец*; *закуска*, *закусочки*; *кушанья*; *прикуска*; *угощеньице*; *чиненочка* (начинка); *яства*, *яствице*. Слово *яства* (*яствице*) в языке устной традиции закрепилось еще в былинах. Слово *гостинец* очевидно связано с лексемой *гость* (купец) и в своем значении трансформировалось от «*большая дорога, по которой едут*

³ Толстая С. М. Хлеб // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С. 412. См. также статью о пироге: Гура А. В. Пирог // Там же. Т. 4. С. 47–52.

⁴ Валенцова М. М., Белова О. В. Пиво // Там же. С. 44–47.

гости (купцы)» до «подарок» (привезенный откуда-то). В современном значении *подарок* слово употребляется с XVI века.

Многообразным оказывается круг атрибутов застолья: *вилки; ложечки; столы, столики; скатерти; тарелки, тарелочки*. В значении «плоская круглая посуда» слово *тарелка* (тарель) на Руси известно с XVI века — от фр. и нем. *Teller* через польский язык. В традиционной культуре тарелка включена в обрядовые комплексы.⁵ Вилка в России появилась только в XVII веке; в крестьянском же быту — пожалуй, лишь в XIX столетии. Тем не менее традиционная культура включила этот вид столовых приборов в свой обиход и нагрузила предмет обрядовыми значениями и запретами.⁶ Все это способствовало включению данных слов в образную систему рассматриваемого топоса.

Для обозначения общей ситуации топоса «битва как пир» песня использует слова «пир» и «обед». Лексема «пир», напомним, зафиксирована и в Слове о полку Игореве. Топос, таким образом, оказывается поразительно времяемким: он сохраняет свое значение не только в содержательном и метафорическом плане, но и на уровне лексики.

Взаимопроницаемость образной системы различных топосов — это еще один аспект, который мы можем наблюдать на исследуемом материале. Укажем также, что топос «битва как пир» в традиционной культуре реализуется не только в исторических песнях Нового времени, но получает и смеховое оформление в батальной лубочной картинке, в приговорах раешников, скоморошинах и небылицах.

Историко-песенный фольклор Нового времени позволяет составить целый реестр топосов (среди них, например, «битва как пашня» — тексты ИП XVIII, № 70, 80, 204, 448), представляющих различные вариации и трансформации и позволяющих рассмотреть укорененность образов в традиционную культуру русского народа. Топос «битва как пир» — это лишь одна из универсальных метафор русского фольклора.

⁵ Русская изба: Иллюстрированная энциклопедия / Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Е. Л. Мадлевская, Н. Н. Соснина, О. М. Фишман, И. И. Шангина. СПб., 1999. С. 331–332.

⁶ Там же. С. 155–156.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-89-103

© М. С. Белоусов, © А. С. Белоусов

ОДА А. С. ПУШКИНА «КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ» В КОНТЕКСТЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ*

В августе 1831 года А. С. Пушкин написал оду «Клеветникам России». Как верно заметил еще в 1929 году В. А. Францев, «едва ли какое из так называемых мелких стихотворений Пушкина вызвало столько разнообразных, часто противоречивых толкований, неосновательных упреков, резких нападок на поэта».¹ С тех пор прошло уже более девяноста лет, а эти слова продолжают оставаться максимально точной характеристикой ситуации, связанной с интерпретацией данного произведения. Появилось немало новых исследований, но на ряд существенных вопросов пока так и нет ответа. Прежде всего, рассмотрим ключевые мнения, высказанные о стихотворении.

* Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Тема: «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.». Проект № 19-18-00073.

¹ Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. Опыт исторического комментария к стихотворениям: «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» // Пушкинский сборник. Прага, 1929. С. 65.

П. В. Анненков, подготовивший второе полное издание сочинений поэта, стал одним из первых комментаторов рассматриваемого произведения.² В отдельной статье в 1880 году он писал, что варшавское восстание вызвало во французской «печати и на трибуне бурю ненависти, угроз и всевозможных обвинений против русского общества и правительства».³ От этого Пушкин приходил в искреннее негодование и считал нужным «вызвать на борьбу с ним голос самого общества», поэтому «решился отвечать, противопоставляя польской идее и заграничной ее пропаганде другую идею», а форму реализации своих мыслей «укрыл под крыло Державинской оды».⁴ Обратим внимание, что Анненков фокусирует внимание не на отдельных выступлениях и высказываниях конкретных политических деятелей, а на доминировании определенной риторики. Поэтому мы можем смело утверждать, что современный исследователь-постмодернист выразил бы эту точку зрения следующим конструктом: высказывания во французской периодике и в публичных выступлениях политиков осуществлялись в рамках враждебного для России дискурса, а Пушкин считал важным артикулировать происходившие события в рамках совершенно иных речевых конструкций, форму которых он позаимствовал у Державина.

В том же году и в том же издании появилась серия статей А. Н. Пыпина, посвященная отражению польского вопроса в русской литературе. Он подчеркивал значение образа Наполеона для поколения восставших: «Поляки увлеклись Наполеоном, увлеклись до мистицизма, до фантастической религии, до веры в наполеоновскую идею».⁵ Пушкин же, согласно Пыпину, стремился противопоставить этому «державинский взгляд, что Польша — гидра „трисаты злобы“».⁶ Добавим в скобках: Б. В. Томашевский, ссылаясь на письмо Г. Гейне, показывал, как во Франции после июльской революции происходит возрождение культа Наполеона, а также раздаются призывы провозгласить Луи Филиппа императором Французской республики,⁷ т. е. воссоздать политическую систему первой империи, формально весь период своего существования остававшейся республикой. А Францев указывал, что в Варшаве звучал лозунг заменить детронизированного Николая на Наполеона II.⁸ Отсюда следует, что Пыпин первым подметил роль Наполеона в риторике акторов польской идеи, хоть и дуалистическую (для поляков — освободитель от русского ига, для французов — олицетворение общеевропейских ценностей), но ключевую.

Кроме того, Пыпин указывал, что «патриотические увлечения Мицкевича Пушкин судит как участие в бунте». Конечно, здесь присутствует элемент ретроспективности, так как А. Мицкевича Пушкин назовет «угодником буйной черни» позднее, а не в момент написания «Клеветникам России». Но это совсем не отменяет того, что в интерпретации Пыпина оппонентами Пушкина выступают именно носители «польской идеи» или, скажем иначе, польского дискурса. И не так важен сам факт участия в восстании или обстоятельства конкретного заявления — Пушкин противопоставляет полонофильской риторике, согласно Пыпину, державинский дискурс.

В 1927 году в издании писем Пушкина к Е. М. Хитрово были помещены две важные статьи по рассматриваемой теме. В одной из них М. Д. Беляев анализирует эпистолярные отклики поэта на события Польского восстания. В вводной части Беляев стремится показать, под чьим влиянием формировались взгляды поэта на польский вопрос. Особенно подчеркивается значение Н. М. Карамзина, который предложил развитие риторики Державина, сравнив Польшу с другими завоеванными частями империи: Казанью, Астраханью, Новгородом и Рязанью.⁹ Беляев реконструирует реакцию российского

² Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Сочинения Пушкина. СПб., 1855. Т. 1. С. 318; Т. 3. С. 11.

³ Анненков П. В. Общественные идеалы А. С. Пушкина. Из последних лет жизни поэта // Вестник Европы. 1880. Т. 3. Кн. 6. С. 616.

⁴ Там же. С. 617.

⁵ Пыпин А. Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 1. С. 714.

⁶ Там же.

⁷ Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2. С. 321–322.

⁸ Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. С. 89.

⁹ Беляев М. Д. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832. Л., 1927. С. 258 (Труды Пушкинского Дома; вып. 48).

общества на происходящее, фокусируя внимание на раздражении Пушкина, вызванном необходимостью «видеть бездушных читателей французских газет, улыбавшихся при вести о наших неудачах».¹⁰ Пропольское мнение обозначается так: «...оно для него в этом случае не более, как лай».¹¹ Касается Беляев планов по созданию в августе 1831 года Пушкиным нового журнала. Опираясь на черновик письма к А. Х. Бенкендорфу, он связывает это стремление с необходимостью «отражать бесстыдные нападения иностранных газет».¹² Анализ отдельных реплик относительно варшавских событий, выполненный Беляевым, подводит нас к тому, что Пушкин находился именно в лингвистической антиномии: его возмущала риторика французской прессы и высказывания российских «либералов» (пусть и близких ему людей), чему он считал важным противопоставить иной дискурс, воспринятый им под влиянием Карамзина.

Рядом с работой Беляева помещена интересная статья Б. В. Томашевского, посвященная ситуации во французском обществе в период Июльской революции и Польского восстания. В данной работе обращает на себя внимание скрупулезный анализ французской прессы.¹³ Причем стоит иметь в виду, что данный материал создавался как сопроводительная статья к публикации писем Пушкина к Хитрову, и поэтому автор не ставил перед собой задачи провести четкую корреляцию между отдельными высказываниями и содержанием рассматриваемого стихотворения. В целом проблематика взаимосвязи Пушкина и французской культуры являлась одной из центральных в творчестве Томашевского. Но, тем не менее, осмелимся предположить, что именно эта работа предопределила содержание комментариев Томашевского к публикации «Клеветникам России» в Полном собрании сочинений, в которых однозначно утверждается: «Поводом к стихотворению послужили речи во Французской палате депутатов (Лафайета, Могена и других), призывавшие к вооруженному вмешательству в русско-польские военные действия».¹⁴

Похожие выводы представлены в пространной статье Францева «Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг.». Речь идет об одном из наиболее фундаментальных исследований по интересующей нас тематике. В работе рассматриваются публикуемые выдержки из речей французских депутатов о Польше за январь — август 1831 года. Их анализ подводит к тезису, что именно с ними поэт вел заочный спор.¹⁵ Однако Францев не столь категоричен, он постоянно подчеркивает, что «протестующий голос Пушкина раздался не только против французских парламентских деятелей, враждебно настроенных против России и посылавших ей угрозы».¹⁶ В качестве заочных оппонентов поэта названа «французская муза», т. е. в целом полонофильская риторика во французской литературе и публицистике.

Возвращаясь к прессе, следует указать, что Францев в свое исследование включил только стенограммы палаты депутатов из «*Le Moniteur Universel*» и ограничился их частичным цитированием без комплексной реконструкции польско-литовского дискурса во французской периодической печати. Это не позволило ему определить весь круг источников Пушкина и степень их влияния на поэта. Вместе с тем советская историография в лице Б. С. Мейлаха уже отмечала, что поэта к написанию стихотворения побудили не только выступления в палате депутатов, но и публикации в иностранной прессе в целом.¹⁷

Еще один взгляд на произведение Пушкина отражает статья Л. Г. Фризмана. Она написана в 1962 году тогда еще начинающим литературоведом, но была издана только

¹⁰ Цит. по: Там же. С. 277.

¹¹ Там же. С. 280.

¹² Цит. по: Там же. С. 282.

¹³ *Томашевский Б. В.* Французские дела 1830–1831 гг. по письмам Пушкина к Е. М. Хитрову // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрову. С. 340–349.

¹⁴ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977. Т. 3. С. 460.

¹⁵ *Францев В. А.* Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. С. 71–77.

¹⁶ Там же. С. 82.

¹⁷ *Пушкин А. С.* Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и прим. Б. С. Мейлаха. Л., 1954. Т. 1. С. 619.

тридцать лет спустя. Исследование выполнено достаточно профессионально, хоть и на крайне ограниченном круге источников. Фактически не только не привлекаются новые источники, но и не используются цитаты, ранее представленные в других работах. Статья носит ярко выраженный концептуально-интерпретационный характер. Автор доказывает, что никаких реальных планов интервенции в связи с Польским восстанием у французского правительства не было.¹⁸ С подобными лозунгами выступала исключительно оппозиция, и, значит, именно против всего передового и прогрессивного направлено пушкинское стихотворение.¹⁹ Заявить о некотором (пусть и с оговорками) консерватизме Пушкина в 1960-е было, безусловно, отважным шагом, но сейчас подобный подход кажется немного наивным.

Гораздо более тонкий анализ оды представлен в статье О. С. Муравьевой,²⁰ впоследствии с коррективами представленной в Пушкинской энциклопедии.²¹ Основной тезис этого исследования: стихотворение формально адресовано французским депутатам, но «реально они (речь идет также о «Бородинской годовщине». — М. Б., А. Б.) предназначались все-таки русской аудитории прежде всего».²² Выпуск совместной с В. А. Жуковским брошюры разделил общество на «своих» и «чужих», и поэтому опубликованные в ней стихотворения отражают «то, что правильно в политическом отношении», по мнению поэта.²³ Как отмечает Муравьева, в своей патриотической риторике Пушкин развивает традицию государственно-патриотической поэзии Ломоносова.²⁴ Мы видим, что предложенная интерпретация по своей сути является реминисценцией мнений Анненкова и Пыпина, правда, сюжет этот разработан более подробно, а акцент немного сдвинут с «польской идеи» в целом, без конкретизации ее носителей, в сторону исключительно российской оппозиционной общественности.

Говоря о дискурсивной антиномии (польская идея versus патриотическая риторика), стоит указать, что в ряде классических работ отмечается и эстетический аспект данного явления. Ю. М. Лотман подчеркивал, что в конце 1820-х — начале 1830-х годов «дегероизация исторического мышления сплеталась с деромантизацией художественного сознания Пушкина».²⁵ А С. А. Фомичев объяснял критическое отношение современников к ряду произведений этого периода как «реакцию на пушкинский реализм со стороны тех, кто разделял романтические эстетические представления».²⁶ Вряд ли будет здесь уместным в нескольких предложениях возвращаться к сложнейшему вопросу о соотношении романтизма и реализма в творческой эволюции Пушкина, но обратим внимание, что оппозиционный (в том числе полонофильский) дискурс был пропитан эстетикой французского романтизма.²⁷ Видимо, в том числе и поэтому рассматриваемая ода была «понята плоско, только как выражение верноподданных настроений поэта».²⁸

Объективно говоря, указанная «плоскость» сквозит и в ряде современных интерпретаций стихотворения. В качестве примера можно привести статью В. В. Орехова. Автор начинает с панорамного обзора истории русско-польских отношений

¹⁸ Фризман Л. Пушкин и польское восстание 1830–1831 годов // Вопросы литературы. 1992. № 3. С. 224.

¹⁹ Там же. С. 231.

²⁰ Муравьева О. С. «Вражды бессмысленной позор...» (Ода «Клеветникам России» в оценках современников) // Новый мир. 1994. № 6. С. 198–204.

²¹ Муравьева О. С. Клеветникам России («О чем шумите вы, народные витии?..») // Пушкинская энциклопедия. СПб., 2012. Вып. 2. Е–Ж. С. 479–485.

²² Там же. С. 481.

²³ Там же. С. 482.

²⁴ Там же. С. 484.

²⁵ Лотман Ю. М. Из размышлений над творческой эволюцией Пушкина (1830 год) // Лотман Ю. М. Избр. произведения. Таллин, 1992. Т. 2. С. 465.

²⁶ Фомичев С. А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. Л., 1986. С. 289.

²⁷ М. Н. Виролайнен обращала внимание, что Пушкин в целом со скепсисом относился к «художественным образцам французского романтизма» (Виролайнен М. Н. Русский романтизм в проекции на европейскую романтическую литературу // Мир русского слова. 2015. № 4. С. 61).

²⁸ Там же.

и в результате приписывает Пушкину мысль, что «принятие под российскую державу Польши было единственной гарантией безопасности западных границ».²⁹ Далее в статье следует конспект работы Францева и попытка развить наблюдение Муравьевой, правда крайне неуклюжая. «Текст был адресован воинственно настроенным французам, но — опосредованно: идея, заключенная в этом тексте, поэтические формулы и пафос этого текста должны были быть „одобрены“ отечественным читателем и им же переданы адресату»,³⁰ — указывает Орехов. Получается, как однажды высказался М. М. Карпович в похожей ситуации, «настоящая черная магия»: ³¹ поэт обращается к французам, тем самым показывая российскому обществу, как к ним нужно обращаться.

Таким образом, мы рассмотрели основные интерпретации анализируемой оды. Перечень мнений можно было бы еще значительно расширить, как, впрочем, и по любому другому направлению пушкинистики. Но уже из приведенных работ ясно видно, что на ключевой вопрос о воображаемом оппоненте лирического героя имеется несколько различных ответов: французские депутаты, французская оппозиция, французские журналисты, французские писатели, польские литераторы и, наконец, российская общественность. Для подтверждения любого из этих вариантов найдется достаточное количество цитат из источников. Нам представляется, что разрешить данную антиномию получится только при сочетании как «экстенсивного», так и «интенсивного» исследовательских приемов. С одной стороны, многие обращались к материалам французской прессы, но сопоставительный анализ отдельных статей и пушкинских высказываний так и не был осуществлен. С другой стороны, все названные работы выполнены в позитивистском ключе, их авторы не уделяют существенного внимания модным в последние десятилетия в отечественной литературе сюжетам о власти языка, интерпретации восприятия на уровне вторичной сигнальной системы и в целом тому, что получило наименование «лингвистический поворот».

Вместе с тем даже в прямых источниках по рассматриваемой проблематике звучит четкий призыв сделать это. П. А. Вяземский в марте 1836 года писал А. И. Тургеневу: «Вообще, никогда фразеология не имела такой силы и влияния, как ныне. Вся Франция двигается, восстает и падает от готовых фраз. Это — самодержавие слов. Доктринеры пали, потому что журналисты нашептали хмельной Франции...».³² Такой же позиции придерживался и сам Пушкин в черновике письма Бенкендорфу в июле 1831 года: «...конституционные правительства хотят мира, а молодые поколения, волнуемые журналами, требуют войны...»³³

К началу XIX столетия эволюция форм коммуникации, технологический прогресс и политические катаклизмы наподобие Великой французской революции нарушили сложившийся порядок и привели к формированию новых акторов, в число которых вошли средства массовой информации. Субъективные реальности стали множиться, пересекаться в условиях увеличения числа дискурсов, что спровоцировало постоянную борьбу между ними в общественном сознании. Польское восстание 1830–1831 годов является примером такого противоборства. Еще раз подчеркнем, что именно газеты становятся не только ретрансляторами политических дискурсов, но и их создателями.

В качестве ключевых источников изучения польско-литовского дискурса в контексте Польского восстания 1830–1831 годов мы выбрали самые популярные французские газеты «*Journal des Débats*» и «*Le Constitutionnel*». Именно они находились в числе определяющих мнение о России и русских для всей остальной либеральной

²⁹ Орехов В. В. «Клеветникам России»: авторская позиция и литературная репутация // Учен. зап. Кривого федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 73.

³⁰ Там же. С. 80.

³¹ Карпович М. М. Лекции по интеллектуальной истории (XVIII — начало XX века). М., 2012. С. 143.

³² Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 306–307.

³³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1941. Т. 14. С. 283.

прессы Западной Европы и Америки.³⁴ Данные периодические издания были широкодоступны российскому читателю в тот период, о чем свидетельствует их частое упоминание в письмах и дневниках. В частности, о них говорит Пушкин в «Письме к издателю „Московского вестника“»: «Фр<анцуз> пишет свою трагедию с „Consti<itutionnel>“ или с „Quotidi<enne>“ перед глазами, дабы шестист<опными> стихами заставить Сциллу, Тиберию, Леонида высказать его мнение о Виллеле или о Кеннинге».³⁵ Также к источникам следует отнести и газету «La National», менее популярную в связи с ее молодостью, но являющуюся важным участником политических дебатов во Франции. В то же время косвенным источником для исследования становятся немецкие и польские газеты, выходившие на французском языке, такие как «Gazette d'Etat de Berlin», «Gazette de Prusse», «Gazette de Varsovie», «Gazette de Pologne», «Gazette d'Augsbourg», «Courrier polonaise» и др. Именно из них черпали информацию редакции французских периодических изданий.

Сообщения публиковались в газетах практически без комментариев, по французской традиции того времени. Тем не менее иногда наличие определенных заголовков, эпитетов и т. п. все-таки выдает отношение редакции к публикуемым новостям. Французские средства массовой информации отличались своей жесткой идеологической платформой, в соответствии с которой и преподносились новости. Однако все сообщения как от собственных корреспондентов в Варшаве, так и из других газет имели исключительно полонофильскую направленность, несмотря на идеологическую ориентацию изданий. Особое место занимали прямые письма в редакцию от поляков или сочувствующих им, а также официальные заявления Национального правительства в Варшаве. Они вызывали наибольший отклик у французской общественности, и именно к ним чаще всего апеллировали в палате депутатов. Отражение российского взгляда на происходящие события ограничивалось публикацией манифестов императора Николая I и каких-либо законодательных решений.

Во всех вышеперечисленных французских изданиях печатались стенограммы заседаний палаты депутатов Франции, где периодически возникали прения по вопросу международной ситуации в Европе, в том числе и в Польше. В исключительных случаях стенограммы снабжались комментариями редакции, в которых в большей степени проявлялась их идеологическая ориентация. Новости о Польше доходили до Пушкина и отечественной публики под европейским полонофильским углом зрения. Необходимо отметить, что его круг сведений о восстании дополнялся, конечно, официальной позицией российских властей, придворными источниками и слухами, царившими в российском обществе. Однако российская власть проигрывала информационную битву, что и стало одним из поводов к написанию стихотворения «Клеветникам России». Определить степень влияния французской периодической печати на Пушкина возможно путем реконструкции польско-литовского дискурса в ней до августа 1831 года, когда и было создано произведение.

До начала ноябрьского восстания 1830 года французское общество не обращало пристального внимания на польские и российские внутривнутриполитические события, за исключением эпидемии холеры.³⁶ Газеты пестрили новостями и статьями об Июльской революции, о спорах в палате депутатов и решениях нового короля Франции Луи Филиппа. Россия активно фигурировала только при обсуждении международной повестки, в особенности в контексте бельгийской революции. Так, в конце октября 1830 года французские периодические издания призывали российское руководство отказаться от вооруженного вмешательства в бельгийские дела для сохранения мира в Европе и осуждали перемещения войск к границам империи.³⁷ Публикуемые частные пись-

³⁴ *Маринин М. О. Польская революция 1830–1831 гг. и внешняя политика Великобритании и Франции (историко-культурологический аспект) // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 4. С. 84.*

³⁵ *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 11. С. 68.*

³⁶ *Le Constitutionnel. 1830. 4 nov. № 308; 8 nov. № 312; 13 nov. № 317; 30 nov. № 334.*

³⁷ *Journal des Débats politiques et littéraires. 1830. 9 déc.; Le Constitutionnel. 1830. 25 oct. № 298; 10 déc. № 344.*

ма в редакцию стали провоцировать слухи и дебаты в палате депутатов о возможной войне России и Франции.³⁸ Парламентарии постоянно противопоставляли обе страны — свободную Францию с выбранным самой нацией королем и деспотичную Россию³⁹ — и видели в признании Священным союзом Июльской революции политическую интригу Санкт-Петербурга и Вены, направленную на отвлечение внимания.⁴⁰

Новость о Польском восстании достигла Парижа в начале декабря 1830 года. Первые известия о нем стали появляться во французских газетах 10–11 декабря. Согласно им, в Варшаве произошли столкновения студентов, вышедших на улицы под либеральными лозунгами, с расквартированными армейскими частями. Сообщалось о пассивном поведении великого князя Константина Павловича, а также об убийствах военного министра Царства Польского и ряда генералов. Источником вестей стали письма из Берлина. Примечательно, что публикации выходили не под заголовком «Польша», а в составе внутрифранцузских новостных блоков под названием «Восстание в Варшаве» или «Польская революция».⁴¹ Можно смело утверждать, что именно из этих французских изданий Пушкин узнает о случившемся, об этом свидетельствует его письмо Е. М. Хитрово от 9 (21) декабря 1830 года: «Возвратившись в Москву, сударыня, я нашел у кн. Долгорукой пакет от вас, — французские газеты и трагедию Дюма, — все это было новостью для меня, несчастного зачумленного нижегородца. Какой год! Какие события! Известие о польском восстании меня совершенно потрясло».⁴² Именно через дочь М. И. Кутузова, свою хорошую приятельницу, он часто получал свежую прессу из Франции в тот период.⁴³

Во французской периодике при публикации новостей о восстании в заголовках использовали «Польша» или «Польский фронт» наравне с другими крупными историко-географическими единицами или государствами. Польские земли в европейском политическом дискурсе не отождествлялись с Российской империей. В то же время литовские новости не публиковались отдельно от российских и польских, исключением были только заголовки «Литовский фронт». Однако с ростом напряженности в регионе выдержки из немецких и польских изданий стали иногда печататься в отдельной рубрике «Литва». Словоупотребление в коротких новостных заметках дает нам возможность так определить значение указанных географических понятий в риторике французской прессы: Польша — это Речь Посполитая в границах 1772 года, а наименование «Литва» используется исключительно по отношению к территориям, занимаемым современным литовским государством. Термин «литовский фронт» всплывает только в контексте восстания, происходившего именно там.

Риторика Пушкина прямо противоположна. Поэт задается вопросом, что могло возмутить «народных витий». И сам же отвечает вопросом: «Волнение Литвы?» — являющимся прямой отсылкой к системе рубрикации публикаций на тему восстания.⁴⁴ Уже в первых строках сталкиваются две понятийные нормы. Французская на уровне вторичной сигнальной системы создает ассоциацию с независимым, но исчезнувшим европейским государством. Пушкин же использует термин «Литва» для обозначения всей зоны восстания, т. е. территорий, входивших сначала в Великое княжество Литовское, а затем в состав Речи Посполитой. Поэт отдает предпочтение более раннему термину, явно следуя историографической традиции. Если в XVIII веке господствовала теория «трех столиц», согласно которой литовцы — завоеватели и внешний

³⁸ Ibid. 30 nov. № 334; 6 déc. № 340.

³⁹ Journal des Débats politiques et littéraires. 1830. 3 déc.; Le Constitutionnel. 1830. 3 déc. № 337; 7 déc. № 341.

⁴⁰ Ibid. 4 déc. № 338.

⁴¹ Journal des Débats politiques et littéraires. 1830. 10 déc.; 11 déc.; Le Constitutionnel. 1830. 11 déc. № 345; La National. 1830. 10 déc.

⁴² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. С. 133, 421–422 (оригинал по-французски).

⁴³ Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960–1990. Евгений Онегин: Комментарий. СПб., 1995. С. 143.

⁴⁴ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 12 avr.; 25 avr.; Le Constitutionnel. 1831. 25 avr. № 115; 3 juin. № 154.

элемент, то под пером Карамзина возникает конструкт Литва — Русь Литовская.⁴⁵ А в последующей историографии изложение истории Великого княжества Литовского станет неотъемлемой частью русской истории.

Итак, восстание возродило интерес французской общественности и журналистики к Польше, угасший спустя несколько лет после образования Царства Польского.⁴⁶ Первая же публикация о выступлении поляков привела к тому, что французские периодические издания стали постоянно печатать новостные сводки о ходе восстания. Однако интенсивность этих публикаций нельзя сравнить с вестями из других европейских стран, в особенности если что-то касалось бельгийской революции, к которой со стороны Франции был исключительный интерес. Известия из Варшавы после начала восстания первое время носили фрагментарный характер и кратко описывали действия как польской, так и российской стороны. Сообщалось об образовании нового правительства от имени императора и короля, аресте части русских подданных национальной гвардией,⁴⁷ освобождении политических заключенных, отправке делегации для переговоров в Санкт-Петербург, также печатались манифесты нового правительства к жителям Варшавы и всего Царства. Примечательно, что в сообщениях подчеркнуто провозглашалась только «абсолютная независимость» Польши от Российской империи с сохранением власти Николая I.⁴⁸

Однако французскую общественность в тот период польские новости интересовали в меньшей степени, чем бельгийская революция и внутривосточные события, самым ярким из которых стала развязка суда над герцогом Полиньяком. Практически большинство декабрьских и январских выпусков были посвящены последнему.⁴⁹ Возможное объяснение заключается в том, что восставшие провозглашали своей целью только соблюдение уже имеющихся у Царства прав, обещанных Венским конгрессом 1815 года и Конституцией. О затишье и концентрации на внутривосточной обстановке свидетельствует также письмо Пушкина Вяземскому, датированное 2 января 1831 года: «С П<олиньяком> я помирился. Его вторичное заточение в Венсене, меридиан, начертанный на полу его темницы, чтение Вальтер Скотта, все это романически трогательно — а все-таки палата права. Речьми адвокатов я не доволен — все они робки. Один Ламене в состоянии был бы aborder bravement la question. О Польше нет ни слуху, ни духу».⁵⁰ И его же краткий комментарий в конце письма тому же адресату в середине января: «О Польше не слыхать. <...> В Париже тихо. В Москве также».⁵¹

С завершением судебного разбирательства над герцогом, важного символического события для сторонников Июльской революции, вновь актуализируется польский дискурс, что совпадает с обострением ситуации и ее переходом к вооруженному конфликту. Масла в огонь подливает дошедший до Парижа манифест Николая I «О возмущении, происшедшем в Варшаве» от 12 (24) декабря 1830 года.⁵² 28 января в палате депутатов состоялись дебаты о международной ситуации в Европе и роли Франции в ней. В ходе них принципиальную пробельгийскую и пропольскую ориентацию заняла оппозиция, которую министр иностранных дел О. Себастьяни обвинял в желании развязать новые наполеоновские войны. В ответ Э. Биньон заявил, что оружие не является единственным действенным инструментом помощи и следует, наоборот, ис-

⁴⁵ Позиция «последнего летописца» была достаточно противоречивой и менялась в ходе написания «Истории государства Российского». Подробно о метаморфозах его интерпретаций см.: *Dvornichenko A. Y., Kudrayvtseva R.-E. A. The First Russian Lithuanists: the Karamzin's Case // Bylye Gody. 2020. Vol. 57. Iss. 3. P. 930–940.*

⁴⁶ *Belousov M. S., Belousov A. S. The Beginning of Congress Poland in the Discourse of the French Press // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2019. Vol. 64. Iss. 4. P. 1195–1212.*

⁴⁷ *Le Constitutionnel. 1830. 13 déc. № 347.*

⁴⁸ *Ibid. 14 déc. № 348.*

⁴⁹ *Ibid. 1830. 15 déc. № 349; 17 déc. № 351; 19 déc. № 353; 21 déc. № 355; 29 déc. № 363.*

⁵⁰ *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. С. 139–140 (пер.: «смело приступить к этому вопросу» (фр.)).*

⁵¹ Там же. С. 142.

⁵² *La National. 1831. 29 jan. № 29; Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1831. Т. 5. Ч. 2. С. 485–488.*

пользовать дипломатию по примеру Лондонской конференции для признания великими державами независимости Польши по причине нарушения Россией договоров в отношении ее.

Комментируя этот момент, стоит сказать, что в первые месяцы июльской монархии происходит возрождение культа Наполеона. Как сказано выше, еще Томашевский, анализируя письмо Гейне, показал, что Наполеон для французов «магическое слово, которое электризует и ошеломляет их... Изображения его попадают всюду в гравюрах и гипсе, в металле и дереве, и во всевозможных положениях».⁵³ Культ проявлялся и в чрезвычайно популярных театральных постановках, и в уличном искусстве. В скобках отметим, что образ первого императора во французской публицистике прошел сложную эволюцию: в первые годы реставрации он артикулировался как деспот, начиная с 1818 года стали раздаваться первые реплики о Наполеоне — защитнике Европы от «варваров с Востока», а после получения известий о его смерти он окончательно входит в пантеон романтических героев.

В оде звучит совсем другая риторика. В строфе, посвященной Наполеоновским войнам, особое внимание заслуживает косвенное упоминание Наполеона — «...того, под кем дрожали вы». А чуть ранее Пушкин использует еще более резкое выражение «наглой воли». То есть поэт гипертрофированно-романтизированному образу императора наподобие римского противопоставляет деспота, носителя наглой воли, несшего в европейские страны не свободу, а кровопролитие. Неслучайно он прибегает к использованию многозначного слова «кумир», что может быть истолковано как игра слов: с одной стороны, это полновластное божество с безграничной властью, «тяготеющей» над народами, в данном случае имеется в виду скептическая интерпретация образа Наполеона — исторического персонажа; с другой стороны, это объект поклонения современной поэту общественности.

Реакцию Пушкина вызвала и радикальная позиция Ж. Лафайета. Последний отметил в парламентском выступлении, что Европу разделяют два несовместимых друг с другом принципа — суверенное право народа и божественная воля монархов — и Франция имеет священное обязательство противостоять любому иностранному вмешательству для защиты первого. К числу современных борцов за свою независимость он отнес греков, бельгийцев и поляков. Причем поляки, по его мнению, исконно защищают французов от вторжения северных варваров, т. е. русских. Свое выступление Лафайет завершил объявлением о создании польского и греческого комитетов, содействующих сбору средств для помощи восставшим.⁵⁴ В речи генерала звучал один из ключевых антироссийских дискурсов в эпоху бидермайера — о «русских варварах», которыми пугали европейскую элиту.⁵⁵

Здесь легко заметить, что Лафайет практически дословно возрождает концепт аббата Грегуара времен Французской революции, утверждавшего, что интересы французской внешней политики находятся везде, где есть угнетенные нации. Этой парадигме тотального экспорта ценностей и завоеваний «буржуазной» революции, своего рода глобализму эпохи бидермайера, Пушкин противопоставляет идею славянского спора. Поэт неоднократно относил Польское восстание к внутриславянскому и, можно сказать, внутриславянскому делу, в которое недопустимо внешнее вмешательство, что прослеживается в его письме Вяземскому от 1 (13) июня 1831 года.⁵⁶ В оценке политических событий он мыслил не только юридическо-правовыми категориями, но и этническими. Французская же пресса вкупе с парламентской оппозицией мыслила совершенно иными категориями, базирующимися на общественно-политическом развитии народов и идеологической ориентации. Она противопоставляла поляков русским

⁵³ Томашевский Б. В. Французские дела 1830–1831 гг. по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово. С. 336.

⁵⁴ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 29 jan.; Le Constitutionnel. 1831. 29 jan. № 29; La National. 1831. 29 jan. № 29.

⁵⁵ Потапова Н. Д. Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб., 2017. С. 27.

⁵⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. С. 169–170.

и причисляла первых к «великой европейской семье народов», называя последних варварами. То есть мы видим очевидное столкновение двух позиций: стремления к внешнему вмешательству в любое национальное восстание со стороны Лафайета и недопустимости подобного со стороны Пушкина. Поскольку в творчестве поэта мы не можем обнаружить существенно представленных идей панславизма, можно предположить, что тезис о славянском споре — скорее выбор от противного: не потому, что Пушкин мечтает о славянском братстве, а потому, что это самый веский аргумент, который можно противопоставить риторике, его, безусловно, раздражающей.

На заседании вслед за Лафайетом взял слово другой оппозиционный депутат — Ф. Моген. С трибуны он обвинил министра иностранных дел и консула в Варшаве в преступном бездействии после новостей о начале подготовки русской армии к походу на Францию, в котором поляки должны были стать авангардом. Долго рассуждая о политической ситуации в Европе и балансе сил, он заканчивает свою речь критикой Венской системы и отмечает, что Польша, несмотря на все обещания 1815 года и принятую Конституцию, получила только деспотизм и ее борьба за свободу должна быть поддержана Францией.⁵⁷ Логика Могена предельно проста: Польша вошла в состав России согласно решению Венского конгресса, на котором Россия приняла на себя обязательство создать в ней конституционное правление, но оно оказалось фиктивным. Следовательно, Россия не выполняет взятые на себя обязательства, а значит, поляки имеют право на восстание, и Франция должна его поддержать.

В оде Пушкина встречаются многократные отсылки к Отечественной войне 1812 года. Поляки сражались на стороне Наполеона, Польша вошла в состав России так же, как и все прочие земли, начиная с Новгорода и Рязани. Такое мнение было чрезвычайно популярно, его наиболее точно выразил в 1824 году декабрист Сергей Трубецкой: «Справедливость требует, чтобы как поляки, так и прочие покоренные Русскими народы пользовались одними с ними правами».⁵⁸ Таким образом, риторике Могена Пушкин противопоставляет тезис о том, что Польша должна находиться в составе России, потому что уже однажды (в 1812 году), «стальной щетиною сверкая», встала «русская Земля».

Это знаковое заседание вызвало немедленную реакцию французских периодических изданий, опубликовавших вместе со стенограммой свои комментарии к ней. «La National» поддержала оппозицию в ее нападках на правительство Луи Филиппа, а также на Россию, Австрию и Пруссию в связи с их политикой в отношении Бельгии и Польши. Кроме того, редакция высказалась за более жесткий подход французской дипломатии к польскому вопросу. При этом было отмечено, что парламентское большинство и Министерство иностранных дел выразили куда меньшую антипатию военному сценарию в разрешении бельгийской проблемы.⁵⁹ Такая позиция редакции «La National» не случайна, поскольку ее главный редактор А. Каррель был ярким критиком Венской международной системы, отдавшей поляков в руки русского царя, и принадлежал к сторонникам генерала Лафайета. Он, как и вся оппозиция, стремился противопоставить деспотичную и варварскую Россию свободолюбивой и прогрессивной Польше.⁶⁰

«Journal des Débats» высказала независимую позицию и отметила неоспоримую важность дебатов в палате депутатов, которая вызовет новую общественную дискуссию для решения польского и бельгийского вопросов. Также газета поддержала фактическое образование двух равнозначных партий в парламенте: мира (невмешательства) и войны.⁶¹ Бонапартистская «Le Constitutionnel», в отличие от остальных, демонстративно отстранилась от обсуждений в парламенте и сконцентрировалась на рассуждении о возможности примирения восставших с Николаем I, который был осо-

⁵⁷ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 29 jan.; Le Constitutionnel. 1831. 29 jan. № 29; La National. 1831. 29 jan. № 29.

⁵⁸ Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 63.

⁵⁹ La National. 1831. 29 jan. № 29.

⁶⁰ Lewalski K. F. The French medical mission to Poland during the insurrection of 1830–31 // The Polish Review. 1965. Vol. 10. № 2. P. 44.

⁶¹ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 29 jan.

бенно огорчен действиями поляков по разжиганию антирусских настроений в Европе. В то же время редакция сообщила, что низложение российского императора как короля Польши практически неизбежно и что все польские периодические издания согласились спровоцировать принятие этой меры.⁶² Подобная позиция одной из самых популярных газет демонстрирует полярность мнений во французском обществе по отношению к Польше. Только начало боевых действий окончательно развеяло иллюзии о мирном урегулировании конфликта, что нашло отражение в сменявшейся риторике всех изданий.

Разразившаяся дискуссия во французском парламенте в конце января, представленная дословно на страницах французских газет, привела Пушкина к мнению, что «Европа предоставит нам свободу действий»⁶³ в отношении Польши, и укрепила его уверенность в важности принципа невмешательства в международных отношениях, проповедуемого «партией мира» в палате депутатов и правительством Луи Филиппа.

Вскоре после знакового заседания в палате депутатов Польский комитет 12 февраля 1831 года выпускает манифест к народу Польши. Примечательно, что его полностью публикует 20 февраля только «Journal des Débats», в отличие от «Le Constitutionnel» и «La National». В своей прокламации комитет призывает к национальной гордости поляков, которая не терпит деспотизма и подневольного состояния, и подтверждает их место в великой европейской семье. Кратко пересказываются некоторые знаковые события истории Польши и Литвы, среди которых правление Владислава I, расширение территорий при Ягеллонах, взятие Москвы и провозглашение Владислава IV русским царем, триумф Яна Собеского под Веной и т. д. Главными виновниками упадка польского государства авторы называют польскую шляхту, которая посредством конфедераций боролась с себе подобными и с королевской властью. Констатируется, что именно польское дворянство со своим *liberum veto* позволила великим державам во главе с Россией расчленить Польшу. Уничтожителем Речи Посполитой объявляется Суворов, который «залил кровью и застелил трупами Прагу и Варшаву».⁶⁴

Стихотворение Пушкина также содержит в себе небольшой исторический пассаж, следующий лейтмотиву, созданному манифестом Польского комитета и позже усиленному в небольших публикациях и речах депутатов. Отсылая читателя к «кровавым скрижалям», т. е. к исторической памяти, поэт отвечает на повествование манифеста, где, как уже упоминалось выше, кратко пересказывается польская история с акцентом на российско-польские отношения. Особое внимание Пушкин уделяет Кремлю и Праге, что является прямым ответом «витиям» на обвинения Суворова в слишком жестокое подавление польского восстания 1794 года, отмеченное ими как последняя попытка поляков сохранить свою свободу и независимость, и пропальное описание событий Смутного времени. Смысловое усиление последней строфы стихотворения упоминанием «измаильского штыка» является не только отсылкой к ратным успехам русского оружия, но и вновь к Суворову. Одним словом, манифест заявляет о кровавой расправе и представляет русского полководца в образе кровавого мясника. Пушкин на это возражает, что русско-польские отношения можно понять только через призму истории, в которой встречается не меньше кровавых «подвигов» поляков по отношению к России.

Но данному восьмистишию можно дать и другую интерпретацию. Слово «скрижали» встречается в творчестве Пушкина считанное количество раз.⁶⁵ Традиционно оно ассоциируется с ветхозаветными скрижалями или в целом с глиняными дощечками, т. е. неким источником, излагающим историю. В словаре В. И. Даля присутствует еще один вариант употребления: «...тысяча пушек двенадцати языков хранятся в Кремле, при памятной медяной скрижали».⁶⁶ В литературе принято считать, что таблички

⁶² Le Constitutionnel. 1831. 29 jan. № 29.

⁶³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. С. 424 (оригинал по-французски).

⁶⁴ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 20 fév.

⁶⁵ См.: Словарь языка Пушкина: В 4 т. 2-е изд., доп. М., 2000. Т. 4. С. 161.

⁶⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1882. Т. 4. С. 214.

к экспозиции пушек были созданы только в 1831 году.⁶⁷ Но хранителю отдела «Оружейная палата» музея-заповедника «Московский Кремль» С. П. Орленко, после обращения к нему авторов, удалось разыскать более ранние таблицы (Инв. № Ор-6353/2 и Ор-6354/2), датированные 1829 годом, которые и мог увидеть Пушкин во время нахождения в Москве. В таком случае четверостишие, начинающееся со слов «Оставьте нас...», можно интерпретировать как еще одну отсылку к участию поляков в войне 1812 года на стороне Наполеона и только следующее четверостишие («Для вас безмолвны Кремль и Прага...») относить к истории русско-польских взаимоотношений.

Возвращаясь к манифесту, отметим, что далее достается и другим великим державам, которых обвиняют в содействии Санкт-Петербургу. Однако, несмотря на это, поляки сплотились и доказали свое право быть свободными. Новым домом для многих из них, бежавших от тирании, согласно манифесту, стала Франция. И поляки, как, например, Я. Домбровский, героически проливали за нее свою кровь. Наполеон отплатил им за верную службу созданием Герцогства Варшавского и вновь ввел их в Москву. Но в 1815 году Польша подверглась новому разделу и стала Царством с 4-миллионным населением вместо 20-миллионного в своих прежних границах. Новое восстание объявляется войной за отнятую свободу и независимость с народом, предпочитающим рабство, т. е. русскими.

Воззвание заканчивается призывом к французам помочь оплоту против России, которая несет угрозу всей Европе, даже если правительство не исполнит этот священный долг.⁶⁸ Далее приводится список подписавших манифест. Среди них депутаты, военные, университетские преподаватели и частные лица, в том числе Виктор Гюго. Внеочередной выпуск газеты заканчивается информацией о собранных пожертвованиях для восставших.⁶⁹

Публикацией данного манифеста оппозиция вновь демонстративно противопоставляет Россию Европе и присваивает Польскому восстанию общеевропейский характер. С помощью исторических сюжетов подчеркивается особая роль Польши в европейской истории как оплота против России, что соответствует давнему французскому внешнеполитическому русофобскому конструкту под названием «Восточный барьер». Также актуализируется роль польской диаспоры в истории Франции, особенно в контексте Наполеоновских войн. Особо подчеркивается ее роль в походах на Египет, Италию и, конечно, Россию.

По этой причине польский вопрос уходит немного в тень, но остается под пристальным общественным вниманием. Публикуются сообщения от правительства в Варшаве, сводки боевых действий из немецких и польских газет, частные письма в редакцию, сведения о прибытии французских добровольцев в Варшаву и т. д. Новости нередко намеренно приводились без комментариев, чтобы подтвердить, по мнению редакции, их подлинность. Однако вести с полей преподносились исключительно с польской точки зрения. Российская же позиция представлялась только манифестами Николая I.⁷⁰ Также в прессе продолжились нападки на правительство Луи Филиппа за соблюдение принципа невмешательства в международные отношения. В марте 1831 года в «Le Constitutionnel» вышла анонимная статья «Польское дело — это наше дело» с требованием оказать помощь полякам, несмотря на опасения французского кабинета начать таким образом общеевропейскую войну. Автор еще раз подчеркивал, что Николай I, не соблюдая Конституцию Царства Польского, нарушил договоры 1815 года и вывел польский вопрос из национального контекста (отношения прави-

⁶⁷ Новоселов В. Р. Поверженные боги войны: Трофейные артиллерийские орудия Отечественной войны 1812 года. К 200-летию юбилею победы России в Отечественной войне 1812 года. М., 2012; Распоряжение Николая I об изготовлении новых табличек 1831 г. об устройстве около Арсенала и Оружейной палаты новых стеллажей для орудий // РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 3. Л. 1–19.

⁶⁸ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 20 fév.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid. 21 fév.; 22 fév.; 23 fév.; 25 fév.; 2 avr.; Le Constitutionnel. 1831. 27 fév. № 58; 13 mar. № 72; 15 mar. № 74; 19 mar. № 78; 23 mar. № 82.

теля с подданными) на международный. В то же время критике подверглась вся Венская система и был высказан тезис, что принципы Французской революции не позволяют признать за Россией какие-либо права на Польшу.⁷¹ Позднее, в конце марта, состоялась дискуссия с новым главой Кабинета К. Перье в палате пэров, где его раскритиковали за пренебрежение национальной честью в связи с политикой невмешательства. Ему в пример ставилась позиция Франции в бельгийском вопросе, благодаря которой удалось остановить интервенцию Пруссии.⁷²

Несмотря на обсуждение нового избирательного закона и других внутривнутриполитических дел, оппозиция постоянно обращается к международной повестке. Так, 4 апреля на заседании палаты депутатов Моген в ходе обсуждения закона о бюджете обрушился с критикой на Министерство иностранных дел Франции за его политику невмешательства. Он заявил, что необходимость войны против России и ее союзников ради спасения как поляков, так и французов неоспорима.⁷³ На заседании 12 апреля депутат вновь обвинил правительство Луи Филиппа в пассивности по отношению к действиям России, Австрии и Пруссии в Европе, за что был обвинен министром иностранных дел О. Себастьяни в демагогии: повторе одних и тех же тезисов уже на протяжении 6 месяцев, путанице в фактах, незнании истинного положения дел в Европе.⁷⁴ Действительно, речь Могена во многом повторяет предыдущие его выступления, в которых он вновь и вновь обвиняет Россию в желании напасть на Францию.

Примечательно, что в обзоре этого заседания «*Journal des Débats*» выступает с критикой как оппозиции, так и министра иностранных дел.⁷⁵ На следующий день в газете выходит статья с анализом состава оппозиции и ее идей, в которой оппозиция делится на две школы: бывших лейтенантов империи, видящих в войнах славу, и великодушных филантропов, придерживающихся принципов аббата Сен-Пьера. В заключение редакция приходит к выводу, что если воинствующая оппозиция получит большинство на следующих выборах, то Франция начнет войну с любой страной, чья конституция основана на принципах, отличных от французских.⁷⁶ К таким странам относилась в том числе и Россия. Можно сказать, что «*Journal des Débats*» вновь продолжила придерживаться независимой позиции в вопросе военного урегулирования польского вопроса.

Противную позицию заняла «*Le Constitutionnel*», в которой 25 апреля выходит статья «О положении нашей дипломатии». В ней редакция констатирует кризис Венской системы международных отношений и необходимость замещения Священного союза чем-то новым. Отдельное внимание уделяется Польше, провозглашается необходимой целью французской дипломатии восстановление ее в границах 1772 года.⁷⁷ Позднее, уже в июле 1831 года, редакция газеты публикует статью «Будущее Царства Польского», в которой рассуждает, способна ли независимая Польша, в случае объединения своих старых земель, противостоять «варварскому самодержавию с севера» без иностранной помощи.⁷⁸

Публикации вестей с польского фронта актуализируются с приближением одного из важнейших сражений восстания — битвы при Остроленке, состоявшейся 14 (26) мая 1831 года. Так, например, «*Le Constitutionnel*» опубликовала анонимное польское письмо от 23 мая 1831 года, в котором автор указывает на усталость обеих сторон конфликта, рост числа восставших в Литве, благодаря которым польская армия оказывается в более выгодном положении, и обвиняет русских в варварстве, узнав, в каком состоянии поселения, где они проходили. В конце он называет французов братьями,

⁷¹ *Le Constitutionnel*. 1831. 12 mar. № 71.

⁷² *Ibid.* 1831. 24 mar. № 83.

⁷³ *Journal des Débats politiques et littéraires*. 1831. 5 avr.; *Le Constitutionnel*. 1831. 5 avr.

⁷⁴ *Journal des Débats politiques et littéraires*. 1831. 13 avr.; *Le Constitutionnel*. 1831. 13 avr.

⁷⁵ *Journal des Débats politiques et littéraires*. 1831. 13 avr.

⁷⁶ *Ibid.* 14 avr.

⁷⁷ *Le Constitutionnel*. 1831. 25 avr. № 115.

⁷⁸ *Ibid.* 7 juil. № 188.

несмотря на политику Королевского дворца.⁷⁹ Публикуются донесения польских генералов о движении и действиях войск,⁸⁰ а вскоре выходят публикации с подробным описанием битвы при Остроленке.⁸¹ Примечательно, что сведения о сражении печатались только из польских и немецких источников.

Точкой бифуркации для польско-литовского дискурса во французской прессе становится летняя избирательная кампания во Франции, от которой и зависел дальнейший внешнеполитический курс страны. В ходе выборов победу одержала партия доктринеров во главе с К. Перье, выступающим за продолжение политики невмешательства, в том числе и в польском вопросе. Генерал Ж. Лафайет и его сторонники получают меньшинство.⁸² После чего накал страстей временно спадает, причиной тому также стала речь Луи Филиппа на открытии новой сессии палаты депутатов 23 июля 1831 года, в которой он кратко выразил свою поддержку восставшим полякам.⁸³ Пресса с большим воодушевлением восприняла этот отрывок речи и заявила, что правительство наконец-то услышало «все великодушные сердца во Франции и Европе»,⁸⁴ т. е. французская периодическая печать добилась своей цели и праздновала небольшую, но победу.

Восстановив польско-литовский дискурс во французской прессе в 1831 году, следует определить степень его влияния на Пушкина и его творчество. Как было указано ранее, поводом к написанию оды «Клеветникам России» стала антирусская риторика во французской периодической печати, поддерживающей и провоцирующей дискуссии по польскому вопросу на своих страницах и в палате депутатов, что подтверждает выводы предшествующей историографии и в то же время расширяет ее источниковедческую базу по данной теме. Однако до сих пор нет четкого ответа на вопрос, что же именно стало основным толчком к созданию данного произведения.

Как известно, Пушкин летние месяцы 1831 года проводил в самоизоляции в Царском Селе по причине бушующей эпидемии холеры в России. 3 (15) июля он пишет Вяземскому, что к нему не доходит известий из армии, а из газет и журналов он получает только «Санкт-Петербургские ведомости». Также он отмечает, что ничего не пишет в данный момент и ждет осени.⁸⁵ Однако позднее, 21 июля (2 августа), он упоминает в своем письме П. В. Нащокину следующее: «С часу на час ожидаем важных известий и из Польши, и из Парижа; дело, кажется, обойдется без Европейской войны».⁸⁶ Видимо, французская пресса вновь стала доходить до поэта. Это подтверждается позднее в письме Вяземскому от 3 (15) августа.⁸⁷ Вероятнее всего, Пушкин ожидал сообщения об итогах избирательной кампании или стенограмму речи Луи Филиппа на открытии парламента, которые и стали для поэта основным толчком к написанию стихотворения, поскольку король уступил «клеветникам», несмотря на победу своих сторонников на выборах.

Итак, мы можем утверждать, что публикации во французской прессе (как сами статьи, так и стенограммы заседаний) были для Пушкина безусловным триггером, провоцирующим полное неприятие и отторжение данной риторики. Установив вполне конкретную взаимосвязь на языковом дискурсивном уровне между конкретными выступлениями и содержанием оды, мы считаем важным скорректировать принятую в литературе формулу о том, что стихотворение было реакцией исключительно на выступления Лафайета и Могена. Во-первых, выступлений было несколько — как депутаты, они систематически возвращались к теме Польского восстания. Их риторике следовали публицисты при освещении событий. А эти высказывания многократно

⁷⁹ Ibid. 3 juin. № 154.

⁸⁰ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 6 juin; 7 juin.

⁸¹ Ibid. 8 juin; Le Constitutionnel. 1831. 8 juin. № 159.

⁸² Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 7 juil.; 8 juil.; 9 juil.; 10 juil.; 11 juil.; 12 juil.; 13 juil.; 14 juil.; 15 juil.; 17 juil.; Le Constitutionnel. 1831. 16 juil. № 197.

⁸³ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 24 juil.; Le Constitutionnel. 1831. 24 juil.

⁸⁴ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 24 juil.

⁸⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. С. 187.

⁸⁶ Там же. С. 196–197.

⁸⁷ Там же. С. 205.

повторялись и воспроизводились уже внутри российского общества. Во-вторых, невозможно игнорировать ряд сопутствующих сюжетов русско-польских литературных связей. Известное стихотворение М. Ю. Лермонтова «Опять, народные витии...» было реакцией на выступления Иохима Лелевеля, который никогда не был депутатом французского парламента. А значит, пушкинское «витии» следует понимать шире. Кроме того, стоит обратить внимание на взаимоотношения Пушкина и Мицкевича. Как показано в новейших работах, события 1830–1831 годов коренным образом изменили взгляды последнего и в целом взаимоотношения двух поэтов.⁸⁸

Приведенный анализ историографии, французской прессы, пушкинской оды дает основания утверждать, что Пушкин обращался не конкретно к депутатам или конкретно к русским либералам. Скорее его возмущала сама по себе полонофильская риторика, а не ее конкретные носители. Антиномии стоит искать прежде всего в сфере языка и дискурсивных практиках, а не в политических взглядах поэта и российского общества. Пушкину было свойственно на разных этапах своего творчества увлекаться эстетикой и речевыми конструктами (но не всегда идеями) различных и иногда противоречащих друг другу «образов мыслей». Еще раз согласимся с С. А. Фомичевым: не стоит интерпретировать Пушкина плоско. Ода «Вольность» совсем не делает его радикальным революционером, так же и «Клеветникам России» не свидетельствует о мировоззренческом переходе к крайнему консерватизму.

⁸⁸ *Ивинский Д. П.* Князь П. А. Вяземский и А. С. Пушкин. М., 1994; *Ларионова Е. О.* Курс лекций Адама Мицкевича в Collège de France: «Русская идея» в зеркале польского мессианизма // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 184–205.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-103-108

© М. В. Безродный (ФРГ)

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ПИКОВОЙ ДАМЕ»: 11–16*

11

После того как Чаплицкий, проигравший *около трехсот тысяч*, был посвящен в тайну верных карт, он *поставил на первую карту пятьдесят тысяч и выиграл соника; загнул паролы, паролы-пе, — отыгрался и остался еще в выигрыше...*

Выиграть *соника* означало выиграть сразу: при вскрытии банкометом первой же пары карт оказывалось, что их достоинства различны и достоинство выпавшей налево совпадает с достоинством той, на которую поставил понтер.¹ Пассаж *загнул паролы, паролы-пе, — отыгрался*, позаимствованный из мемуаров Казановы (где: «загнул паролы, паролы-пе, сделал ставку и вернул все золото, что проиграл»²), нуждается в более пространным разъяснении.

* Продолжение цикла; начало см.: *Безродный М. В.* 1) Из комментария к «Пиковой даме»: <1–4> // Unacknowledged Legislators: Studies in Russian History and Poetics in Honor of Michael Wachtel. Berlin u. a., 2020. P. 133–140; 2) Из комментария к «Пиковой даме»: 5–6 // *Slavica Revalensia*. 2020. Vol. 7. С. 233–239; 3) Из комментария к «Пиковой даме»: 7–10 // Пространство безграничной словесности: Сборник статей к 70-летию В. Е. Багно. СПб., 2021. С. 48–52.

¹ О происхождении и значениях «sonica» см.: *Chauveau J.-P.* Français *ponte*, ou distinguer pour unir // *Estudis Romànics*. 2019. Vol. 41. P. 219–220.

² «...fit paroli, paix de paroli, le va et regagna tout l'or qu'il avait perdu» (Mémoires de J. Casanova de Seingalt. Paris, 1832. Т. 8. P. 340). О происхождении и значениях «le va» см.: *Chauveau J.-P.* Français *ponte*, ou distinguer pour unir. P. 223.

Чтобы производить наличный расчет только по окончании игры, размер ставок обозначали при помощи *пароли* — загибания угла карты и *пе* — перегибания карты параллельно краю.³ В обоих случаях размер ставки удваивался, но в первом случае удвоение распространялось на сумму первоначальной ставки, а во втором не распространялось. Чистый выигрыш понтера мог составить: при загибании одного угла — три куша, двух углов — семь кушей, трех углов — пятнадцать, четырех углов — тридцать один.⁴ При перегибаниях карты возможный выигрыш оказывался скромнее (три, шесть, двенадцать, двадцать четыре), зато в случае проигрыша понтер сохранял деньги, с которыми вступил в игру. Прием *пароли-пе* представлял собою удвоение не всей суммы, которой располагал понтер, выиграв *пароли*,⁵ а только суммы предыдущего чистого выигрыша.⁶

Нижеследующие примеры позволяют представить себе, как эти приемы применялись: «...он стал просить меня, чтоб сделать маленький банк. Все другие тож желали играть. <...> Один маркиз сидел без игры, сказывая, что он отроду ни в какую игру не играл. Наконец ему скучно стало. Он вынул руспони (золотая монета ценою в три червонца) и сказал: я хочу это проиграть, но не знаю ни как играют, ни как считают. Ему сказали, чтоб он поставил червонец. Карта ему выиграла. Ему говорят: загни угол. Он загибает. Карта выиграла. Ему говорят: загни другой. Он загибает. Карта выиграла. Тут никто ему ничего не советует. Я сам загнул третий угол <его карты>. Карта выиграла. Мне жаль стало заплатить пятнадцать червонных. Я перегнул карту его пополам, думая, что убью. Она выиграла. Я стасовал карты и перегнул еще. Она выиграла. Я разгорячась перегнул еще. Она выиграла. Я в пущей горячности перегнул еще. Она выиграла. Меня бросило в пот. Я остановился. Маркиз, ничего не понимая, спрашивает: что сделалось? Стали считать и сказали ему, что он выиграл двести сорок червонных»;⁷ «Ир м у с. <...> Я еще поставлю. В о л ь м е р. На пе. Ир м у с. Нет... пароля. И г р о к и. Славно! То м с к о й. Не лучше ль на пе... В о л ь м е р. Эй... вернее, без про-

³ Такая деформация карт была типична для игры, известной в разновидностях под названиями «фараон», «банк», «штос(с)»; ср. эпизод полицейского расследования: «На допросе он сказал, что не играет ни в одну игру, а карты знает только по пасьянсу, который часто раскладывает. Все люди домашней прислуги подтвердили его слова. Но по обыску открыт был большой сундук, стоявший в передней. В нем оказалось большое количество карт, углы и края которых были загнуты в виде *паролей* и на *пэ*, что и составляло наглядное доказательство, что в доме играли в банк или в штос» (Воспоминания Осипа Антоновича Пржецлавского // Русская старина. 1883. Т. 39. С. 481–482).

⁴ Результат обозначался терминами «sept-et-le-va», «quinze-et-le-va» и «trente-et-un-le-va», где первое число — сумма кушей чистого выигрыша, а «le va» — первоначальная ставка.

⁵ Широко распространенное толкование; см., например: <Морозов П. О.> Примечания // Пушкин А. С. Сочинения и письма. СПб., 1904. Т. 5. С. 635; <Ашукин Н. С.> Карточная игра // Путеводитель по Пушкину. М.; Л., 1931. С. 173; Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Вып. 2. С. 79; Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1959. Т. 9. Стлб. 216; Чхаидзе Л. В. 1) О реальном значении мотива трех карт в «Пиковой даме» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 457, 458; 2) Пометки Пушкина на письме к нему А. П. Плещеева: (Еще о реальном значении мотива трех карт в «Пиковой даме») // Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973. С. 85; Муравьева О. С. 1) Комментарии <к «Пиковой даме»> // Проспер Мериме = Pr. Mérimée — Alexandre Rouchkine = А. С. Пушкин: <Сб.>. М., 1987. С. 290; 2) Карты // Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. СПб., 2003. Т. 1. С. 278; Рак В. Д. Словарь устаревших и редко употребляемых слов // Пушкин А. С. Собр. соч. СПб., 1994. Т. 4. С. 494; Словарь языка Пушкина. М., 2000. Т. 3. С. 294; Катаева И. Н. «Пестрый фараон»: История одной группы карточных терминов // Русская речь. 2005. № 6. С. 83; Шевцов В. В. Карточная игра в России (конец XVI — начало XX в.): История игры и история общества. Томск, 2005. С. 103; Вахитов С. Карточная терминология и жаргон XIX века: Словарь. Уфа, 2006. С. 104; Большой академический словарь русского языка. М.; СПб., 2011. Т. 15. С. 414.

⁶ Ср.: «П у а <...> la paix de paroli, qui s'applique à ce qu'à produit le paroli, distraction faite de la première mise» (L'Encyclopédie méthodique, ou par ordre de matières... Paris, 1789. Т. 3. Р. 210); «Paix-Paroli. Is when a punter has gained a paroli, wishes then to play double or quits, and save his original stake» (Hoyle's games improved. London, 1800. P. 278).

⁷ Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время путешествия его из Кронштада в Константинополь. СПб., 1834. С. 94–95.

игрыша. Ир м ус. Если бы я боялся проигрыша, то бы не играл... *идет пароля*. <...> Во ль м ер. Неужли еще? Ир м ус. Да... Во ль м ер. Пароля пе. Ир м ус. Нет. <...> Два угла. Иг ро ки. Лих! Че ка ли н с к и й. Вот герой!».⁸

Вернемся к реваншу Чекалинского. Поставив 50 тысяч и выиграв, он *загнул паролы*, т. е. поставил 100 тысяч. После второго выигрыша в его распоряжении оказалось 200 тысяч. Из них он поставил 150 тысяч, перегнув карту (*паролы-пе*), и выигрыш составил 300 тысяч, иначе говоря, он *отыгрался и остался еще в выигрыше*, раз до того проиграл не 300 тысяч, а *около трехсот тысяч*. Отчего же, играя в третий раз, он перегнул карту, а не загнул второй ее угол, чтобы выиграть 400 тысяч? Оттого, что доступ к тайне предоставлялся, во-первых, только тому, кого игра в карты разорила, и, во-вторых, только для того, чтобы он отыгрался, а не обогатился.⁹

Эти условия Томским не упомянуты, но поддаются реконструкции при анализе игры Чаплицкого.¹⁰ Ни одно из них не будет выполнено, когда тайной верных карт воспользуется Германн, и наказанием за алчность — гнуснейший из пороков, по мнению обремененного долгами автора, — станет безумие.¹¹

12

Эпиграф к третьей главе: *Vous m'écritez, mon ange, des lettres de quatre pages plus vite que je ne puis les lire. Переписка (Вы пишете мне, мой ангел, письма в четыре страницы столь часто, что я не успеваю их прочесть)* напоминает слова Пушкина в переписке с женой: «Оно [твое письмо] обрадовало меня, мой ангел — но я все-таки тебя побраню. У тебя нарывы, а ты пишешь мне четыре страницы кругом.¹² Как тебе не совестно! Не могла ты мне сказать в четырех строчках о себе и о детях».¹³

Этот упрек — реминисценция письма Вольтера к Дамилавиллю: «Дорогой брат, Вы меня изумляете. Мыслимо ли, будучи больным и обремененным делами, писать письма в четыре страницы? У меня, который ничем не обременен, едва станет сил на сочинение короткой записки».¹⁴ Тема четырехстраничных писем у Вольтера не редка: своих корреспондентов он просит присылать ему такие и благодарит за них.¹⁵

⁸ «Хризомания, или Страсть к деньгам» А. А. Шаховского / <Предисл.> публ. <и прим.> Л. Н. Киселевой // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1999. С. 240.

⁹ Согласно одному из подсчетов, основанных на широко распространенном понимании *паролы-пе*, в конце игры Чекалинский располагал суммой в 400 тысяч (см.: *Дебрецени П.* Блудная дочь: Анализ художественной прозы Пушкина. СПб., 1995. С. 205, 331), согласно другому — 500 тысяч (см.: *Шварцбанд С. М.* Логика художественного поиска А. С. Пушкина от «Езерского» до «Пиковой дамы». Иерусалим, 1988. С. 163, 230), а в опубликованном в 1999 году переводе на бурятский слова *еще остался в выигрыше* переданы как «<выиграл деньги> аманда орошогүй туй-лай ехэ (досл. 'настолько большие, что невозможно передать словами')» (цит. по: *Сундуева Е. В.* Отражение лексики карточной игры в переводах повести «Пиковая дама» А. С. Пушкина на монгольские языки // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 2 (31). С. 97).

¹⁰ Выполнение этих условий графиней и Чаплицким (и невыполнение Германном) было для автора «Пиковой дамы» важнее, чем совпадение игровых стратегий владеющих тайной; они различаются: графиня сделала ставку на каждую из трех карт, а Чаплицкий — три ставки на одну карту.

¹¹ Ср.: «А с третьего шелка / Вышибло ум у старика. / А Балда приговаривал с укоризной: / „Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной“» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1948. Т. III. Кн. 1. С. 502).

¹² Имеется в виду сложенный пополам лист, все четыре стороны которого исписаны, так что образуется «круг».

¹³ Там же. Т. XV. С. 79; письмо от 12.09.1833. Отмечено в: *Niquex M.* Commentaires // Pouchkine A. La Dame de Pique; Le Nègre de Pierre le Grand. La Bibliothèque russe et slave, 2016. Электронное изд. Comment. 93.

¹⁴ «Cher frère, vous me ravissez. Comment pouvez-vous écrire des lettres de quatre pages, étant malade et chargé d'affaires? Moi, qui ne suis chargé de rien, j'ai bien de la peine à écrire un petit mot» (*Œuvres complètes de Voltaire.* Paris, 1821. Т. 52. Р. 475; письмо от 8.10.1764).

¹⁵ Например: «Que votre lettre soit plus longue que la mienne; je trouverai toujours plus de plaisir à lire une de vos lettres de quatre pages que vous n'en aurez à en lire de moi une de deux lignes»

13

Отмечалось сходство эпизода *белая женщина, скользнув, очутилась вдруг перед ним* с рассказами матери Пушкина о явлении ей в 1800-х призрака умершей родственницы, запечатленными в мемуарах пушкинского племянника: «Женщина эта, как показалось моей бабке, не шла, а скользила, как бы на коньках. <...> Странное же существо <...> скользя по полу, опять как бы на коньках, исчезает. <...> Загадочное существо <...> проскользнуло три раза вокруг комнаты и исчезло, как бабке показалось, в стене».¹⁶ Стоит, однако, учесть, что эти истории мемуарист слышал в пересказе (когда бабка умерла, ему было полтора года), а вот «Пиковую даму» читал.¹⁷

Как бы то ни было, до «Пиковой дамы» образ скользящего привидения в русской словесности не встречается. В отличие от английской, где он знаком уже елизаветинцам.¹⁸ В 1824 году Мэри Шелли назовет его старомодным,¹⁹ а Вашингтон Ирвинг, пародируя готический слог, напишет: «a figure all in white glided in».²⁰ Правда, в русских переводах этого места скольжение отсутствует («в комнату вошла человеческая фигура, вся в белом»,²¹ «человек в белой одежде предстал посреди комнаты»,²² «и явилось белое привидение»²³), но автор «Пиковой дамы» читал Ирвинга во французском переводе, где: «une figure toute vêtue de blanc se glisse dans la chambre».²⁴

14

Допрашивая графиню, Германн *вынул из кармана пистолет*. Поскольку карманов в офицерских панталонах не было, а «спрятать массивный, тяжелый пистолет²⁵ в кармане сюртука „петербургского покроя“ было невозможно»,²⁶ речь идет о портативной модели, которая умещается в курточном кармане.

Читатели «Пиковой дамы», следившие за новинками романистики, могли припомнить, что Жюльен Сорель, отправляясь на ночное свидание с мадемуазель де Ламоль и опасаясь, что его попробуют схватить, перезаряжает карманные пистолеты, с которыми не расстанется, и сходную предусмотрительность проявляет Рафаэль де Валантен, собирающийся провести ночь в доме графини Феодоры: за неимением романтического кинжала он вооружается английским перочинным ножичком, надеясь,

(Ibid. Т. 46. Р. 31; письмо от 10.02.1714); «Madame Scaliger, savez-vous bien que vous êtes adorable? Des lettres de quatre pages, des mémoires raisonnés, des bontés de toute espèce; mon cœur est tout gros» (Ibid. Т. 50. Р. 460; письмо от 13.10.1760).

¹⁶ Воспоминания об А. С. Пушкине Л. Павлицева. М., 1890. С. 35–37; переключка отмечена в: Михайлова Н. И. Москва в петербургской повести Пушкина «Пиковая дама» // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2011. Т. 70. № 1. С. 49.

¹⁷ Ср.: «Разумеется, можно предположить, что Л. Н. Павлицев, когда писал свои воспоминания, уже читал „Пиковую даму“» (Там же). В пользу этого предположения говорит упоминание «Пиковой дамы» мемуаристом (см.: Воспоминания об А. С. Пушкине Л. Павлицева. С. 376).

¹⁸ «When as my gliding ghost shall follow thee» («Solimon and Perseda», 1588); «What are you, living men or gliding ghosts» («Edward III», 1593); «And loe (me thought) came glyding by my bed / The ghost of Pompey, with a ghastly looke» («Cornelia», 1594); «Why all these fires, why all these gliding ghosts» («Julius Caesar», 1599).

¹⁹ «...the true old-fashioned, foretelling, flitting, gliding ghost, — who has seen such a one?» (<Shelley M.> On ghosts // The London magazine. 1824. March. P. 254).

²⁰ <Irving W.> Tales of a traveller by G. Crayon. London, 1824. Vol. 1. P. 27.

²¹ Отрывок из «Рассказов одного путешественника». Соч. В. Ирвинга // Сын отечества. 1825. Ч. 102. № 14. С. 128.

²² Приключение моего дяди. Из «Повестей одного путешественника». Соч. Дж. Крейона (Вашингтон-Ирвинга) // Дамский журнал. 1825. Ч. 10. № 8. С. 53.

²³ Вашингтон-Ирвинг. Приключения моего дяди // Атений. 1829. Ч. 4. С. 479.

²⁴ Œuvres complètes de W. Irving. Paris, 1825. Vol. 1. P. 40.

²⁵ Имеется в виду кавалерийский пистолет, бывший штатным оружием инженеров.

²⁶ Файбисович В. М. Изображения пистолетов в пушкинских рукописях // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016. С. 17.

что подозрений это орудие литератора в случае обнаружения не вызовет, а защиту обеспечит.

15

По поводу фрагмента *В этом положении удивительно напоминал он портрет Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну* было высказано следующее соображение: «Во всем этом отрывке самой непонятной с первого взгляда является усилительная частица *даже*. Почему выделена Лизавета Ивановна? Почему повествователь находит удивительным, что именно ее поразило сходство Германна с Наполеоном, раз „профиль Наполеона“ уже раньше она усмотрела в образе Германна? Два понимания возможны. Одно — такое: по замыслу автора, Германн действительно должен был очень походить на Наполеона. Ведь даже Лизавета Ивановна, разбитая, потрясенная, в своей мучительной горести поразились этим сходством. В таком случае частицей *даже* автор подчеркивал бы объективную близость Германна к Наполеону и косвенно — всю глубину горестного разочарования бедной воспитанницы. Однако Германн, как и позднее Раскольников у Достоевского, хотя и глядел в Наполеоны, но не дошел до них. Остается другое понимание: за частицей *даже* скрыта авторская ирония. Повествователь оставляет неопределенной субъективную окраску фразы: „В этом положении удивительно напоминал он портрет Наполеона“. Комментирует ли эта фраза позу Германна только с точки зрения автора, или же она говорит только о том, что видела Лизавета Ивановна, подняв на Германна свои заплаканные глаза? Оба смысла сосуществуют в ней. Ведь признание Германна в убийстве старухи и даже название „чудовище“, брошенное Германну Лизаветой Ивановной, вообще весь ореол убийцы и разбойника могли только увеличить сходство Германна с романтическими героями («Корсар» Байрона) и в их числе — с Наполеоном, а не затемнить его в сознании Лизаветы Ивановны. Следующим предложением и частицей *даже* перед именем Лизаветы Ивановны автор слагает с себя долю ответственности за сравнение Германна с Наполеоном. Таким образом, здесь открыт путь к ироническому развенчанию мнимого Наполеона. Но оно происходит не сразу. Выходя от старухи, Германн действительно ведет себя Наполеоном».²⁷

Возможно и третье понимание: частица *даже* относится не к последующему объекту (*Лизавету Ивановну*), а к предшествующему сказуемому (*поразило*); ср. подобное употребление этой частицы у Пушкина: «Они клеветают даже скучно»; «...мысль не сдержатъ своего слова не пришла даже ему в голову»; «Позволяю, прошу даже».²⁸

16

В сцене отпевания вокруг гроба графини стоят *слуги в черных кафтанах с гербовыми лентами на плече и со свечами в руках*.

«Гербовые» — цветов родового герба.²⁹ Словосочетание «лента на плече» (калька нем. Achselband) нередко использовалось вместе с более употребительным «аксельбанты» (или «эксельбанты») и вместо него; например: «10 человек из домашних служителей в черных кафтанах, имея аксельбанты по гербу из лент <...> По сторонам кареты шли с каждой по два служителя в черных кафтанах, имея на плече аксельбанты из лент...»;³⁰

²⁷ *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941. С. 615–616.

²⁸ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. Т. VI. С. 160; Т. VIII. Кн. 1. С. 116; Т. XIII. С. 153.

²⁹ Ср.: «...и на плечах чтобы у них был герб тех господ, чьи они будут» (Изъяснения прибыточные государству, Федора Салтыкова, 1714 г. // Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. С. 20).

³⁰ *Синельников Ф. М.* Жизнь, военные и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского с достоверным описанием частной или домашней его жизни от самого рождения до славной его кончины и погребения... СПб., 1814. Ч. 6. С. 171–172.

«...лакеи в черных кафтанах с аксельбантами из лент по цвету герба»;³¹ «Шесть лошадей тащили дроги; на них, под богатым балдахинном, качался роскошный гроб княгини Татьяны Сергеевны. Сотни факелов, разноцветные ленты на плечах прислуги, разноцветные гербы на лошадях, пестрота толпы и, наконец, бесконечная нить экипажей — все вместе составляло прекрасную картину»;³² «Заливаясь слезами, выражая свое сожаление о кончине Пушкина, она шепнула мне сквозь слезы, кивнув головою на стоявших у гроба официантов во фраках с пучками разноцветных лент на плечах: — Voyez, je vous prie, ces gens: sont-ils insensibles?.. Хоть бы слезинку проронили!».³³

Мизансцена 'старая графиня в окружении слуг с лентами' напоминает описанную в начале второй главы: *Три девушки окружали ее. Одна держала банку румян, другая коробку со шпильками, третья высокий чепец с лентами огненного цвета.* Поясное изображение «пиковой дамы» как бы заключено в рамку — зеркала в сцене одевания и гроба в сцене отпевания.

³¹ Высочайше утвержденный церемониал погребения Московского военного генерал-губернатора, генерала от кавалерии светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына // История Московского купеческого общества, 1863–1913. М., 1916. Т. 2. Вып. 1. С. 674.

³² Все сочинения Василия Александровича Вонлярлярского. СПб., 1853. Ч. 1. С. 16.

³³ Мое знакомство с А. С. Пушкиным: (Из воспоминаний Александры Михайловны Каратыгиной) // Русская старина. 1880. Т. 28. Вып. 7. С. 572.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-108-122

© С. А. Кибальник

КРИПТОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА РАССКАЗА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ВЕЧНЫЙ МУЖ» (ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ И БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ)*

Рассказ Ф. М. Достоевского «Вечный муж» (1869) остается до сих пор во многом неразгаданным произведением. До конца не понятны личные импульсы, вдохновившие писателя на его создание. А без этого и центральная тема «Вечного мужа» — тема вины каждого человека за каждого, впоследствии как таковая сформулированная в «Братьях Карамазовых», а здесь развитая применительно к ситуации супружеской измены, — не выявляется во всей ее полноте.

1

Как предположила С. Гренье, рассказ Достоевского «Вечный муж» представляет собой реинтерпретацию романа А. И. Герцена «Кто виноват?» (1847), сюжет которого в нем как бы продолжен. В ходе этого продолжения точка зрения мнимого протагониста, героя-любownika Вельчанинова, подвергается сомнению с позиций обманутого мужа Трусоцкого.¹

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00333, ИРЛИ РАН).

¹ См. изложение ее доклада: Grenier S. Dostoevsky's Polemic with Herzen in *The Eternal Husband* // XV Симпозиум Международного общества Ф. М. Достоевского «Достоевский и журнализм»: Тезисы докладов = XV International Dostoevsky Symposium «Dostoevsky and Journalism»: Abstracts. М., 2013. С. 40.

Гипотеза исследовательницы кажется весьма вероятной прежде всего потому, что фамилии главных героев рассказа «Вечный муж» представляют собой неточные распространенную (Владимир Бельтов — Вельчанинов) и сокращенную (Жрудиферский — Трусоцкий²) анаграммы. По-видимому, отчасти к роману Герцена отсылает и имя-отчество Трусоцкого. В «Кто виноват?» точно так же: Павел Павлович — зовут начальника по службе, который был у Бельтова в течение его недолгой петербургской карьеры. Звучит оно только несколько раз, в разговоре двух его сослуживцев о Бельтове: «— Да-с, точно, малый умный, отнять нельзя. Я вчера слышал, он спорил с Павл Павлычем; тот, знаете, не любит возражений, а Бельтов этот не в карман за словами ходит. Павла Павлыч начал сердиться; я, говорит, вам говорю так и так, — а Бельтов: да помируйте, вот так и так» (IV, 101).

Разумеется, характером эпизодический герой романа Герцена не очень сроден с героем рассказа Достоевского. А впрочем, разве мы знаем, как держал себя на службе Трусоцкий? Тем более что одна из заветных мыслей, которую Достоевский развивает в «Вечном муже» в противоположность Аполлону Григорьеву и Н. Н. Страхову, — о том, что ни «хищного», ни «смирного» типов в действительности в чистом виде не встречается (см.: 9, 55–56).

В ответ на просьбу Трусоцкого разъяснить ему «про хищный тип-с», Вельчанинов говорит: «— Хищный тип это тот, — остановился он вдруг в ярости, — это тот человек, который скорей бы отравил в стакане Багаутова, когда стал бы с ним „шампанское пить“ во имя приятной с ним встречи, как вы со мной вчера пили, — а не поехал бы его гроб на кладбище провожать, как вы давеча поехали, черт знает из каких ваших сокрытых, подпольных, гадких стремлений и марающих вас самих кривляний!» (9, 55).

В ответ на это Трусоцкий «сообщает» Вельчанинову «анекдотик» о том, как такой вот, на первый взгляд, совсем «смирный» тип, который, казалось бы, спокойно снес обиду, кончает, однако, тем, что пыряет ножом своего обидчика: «— Да всё к тому же-с, что пырнул же ведь ножом-с, — захихикал Павел Павлович, — ведь уж видно, что не тип-с, а сопля-человек, когда уж самое приличие от страху забыл и к дамам на шею кидается в присутствии губернатора-с, — а ведь пырнул же-с, достиг своего!» (9, 56).³

Нам уже пришлось однажды показывать, что свежие впечатления от романа Герцена явно отразились в текстах романов Достоевского «Игрок» и «Идиот». ⁴ Попробуем представить себе теперь, как Достоевский перечитывал роман «Кто виноват?» в заграничный период своей жизни, когда он уже хорошо знал не только о первой

² При этом фамилия «Трусоцкий» имеет прозрачную этимологию, а слово, от которого она образована, неоднократно звучит на страницах как «Вечного мужа»: «Дело, кажется, шло о каких-то деньгах; дамы очень трусили и спешили», «...Павел Павлович трусил вслед за всеми...»; также в черновиках: «Слух о трусовстве» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 9. С. 60, 77, 115; здесь и далее курсив, за исключением специально оговоренных случаев, наш. — С. К.; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы арабскими цифрами), — так и романа «Кто виноват?»: «Бельтов во второй раз встретился с действительностью при тех же условиях, как в канцелярии, — и снова трусил перед ней», «Карп Кондратьич, в дополнение, был трус величайший...», «Бельтов смотрел на старика с удивлением. — Коли я уж начал говорить, так буду, как македонский солдат, вещи называть своим именем, а там что будет, не мое дело; я стар, однако трусом меня никто не назовет, да и я, из трусости, не назову неблагородного поступка — благородным. — Послушайте, Семен Иванович! Я уверен, что вы не трус, да еще более уверен в том, что и меня вы не считаете за труса...» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 4. С. 120, 141, 200; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома римской и страницы арабской цифрой).

³ Как констатирует И. З. Серман, «в „Вечном муже“ Достоевский не теоретически, а своей художественной практикой опроверг схему деления характеров на „смирненных“ и „хищных“, предложенную Аполлоном Григорьевым и несколько догматически развивавшуюся Н. Н. Страховым» (Серман И. З. Достоевский и Ап. Григорьев // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 142).

⁴ См.: Кибальник С. А. Морфология романа Достоевского и современные проблемы теории интертекстуальности // Кибальник С. А. Чехов и русские классики: проблемы интертекста. СПб., 2015. С. 127–131.

(1851–1852), но и о второй (берущей начало в 1856 году) семейной драме Герцена.⁵ Например, когда он читал строки, связанные с ложным положением незаконной дочери Негрова в его доме: «Через час кроватка была в людской, и Алексей Абрамович приказал камердинеру приучать ребенка называть себя „тятей“. <...> Любоньку, которую сначала отучили отца звать отцом, начали отучать теперь звать мать — матерью, хотели ее вырастить в мысли, что Дуня — ее кормилица. Глафира Львовна сама купила в магазине на Кузнецком мосту детское платье, разодела Любоньку, как куклу, потом прижала ее к сердцу и заплакала. „Сиротка, — говорила она ей, — у тебя нет папаши, нет мамы, я тебе буду все...“ <...> С тем вместе она (Любонька. — С. К.) должна была понять всю несообразную нелепость своего положения; оскорбления, слезы, горести ждали ее в бельэтаже, и все это вместе способствовало бы дальнейшему развитию духа, а может быть, с тем вместе, развитию чахотки» (IV, 20, 26, 28).

Когда Герцен писал вышеприведенные строки, он, несомненно, отчасти имел в виду собственное положение в семье своих родителей и в то же время, по-видимому, положение своей — также незаконнорожденной — жены Н. А. Герцен (в девичестве Захарьиной) в доме ее родителей. Свидетельством первого является довольно прозрачная неполная анаграмматичность фамилии «Негров» по отношению к фамилии «Герцен». Между тем, когда Достоевский перечитывал их в конце 1860-х годов, ему, должно быть, невольно приходило в голову, что в положении незаконнорожденного ребенка, в котором рос сам Герцен, оказались затем его собственные дети, рожденные от законной жены его друга Н. П. Огарева.

В образе Бельтова, без сомнения, есть и другие легко считываемые автобиографические моменты, которые, скорее всего, видел Достоевский. Например, следующая ремарка: «...чего у него недовешивало со стороны чина, искупалось довольно хорошо 3000 душ незаложенного имения...» (IV, 71) — точно соответствовала собственному положению Герцена в обществе на протяжении всей его жизни в России в 1830–1840-е годы. Они тем более очевидны, что уже в предисловии к роману, датированном 8 июня 1859 года (IV, 7), Герцен писал: «В первое время моего переезда из Вятки в Владимир мне хотелось повестью смягчить укоряющее воспоминание, примириться с собою и забросать цветами один женский образ, чтоб на нем не было видно слез...». При этом самим Герценом была дана ссылка на страницы его книги «Былое и думы», на которых это воспоминание приведено (IV, 326).

Оно содержится в главе XXI «Разлука» части третьей «Былого и дум» «Владимирна-Клязьме» (1838–1839) и относится к увлечению Герцена некой молодой блондинкой Р.,⁶ бывшей замужем за человеком вдвое ее старше. Она ответила на чувство Герцена, но после смерти ее мужа тот охладил к ней, по его собственным словам, «увлекаясь больше и больше моей симпатией к отсутствующей кузине» (VIII, 344) — впоследствии его жене Н. А. Герцен.

В «Былом и думах» Герцен осмысляет это свое былое увлечение в тонах, напоминающих роман «Кто виноват?»: «Зачем она встретилась именно со мной, неустоявшимся тогда? Она могла быть счастливой, она была достойна счастья. Печальное прошедшее ушло, новая жизнь любви, гармонии была так возможна для нее! Бедная, бедная Р.! Виноват ли я, что это облако любви, так непреодолимо набежавшее на меня, дохнуло так горячо, опьянило, увлекло и разнеслось потом?» В конце концов Герцен «откровенно рассказал ей всю правду» в письме. Далее следуют строки, которые рифмуются с предисловием к роману «Кто виноват?»: «Уехав из Вятки, меня долго мучило воспоминание об Р. Мирясь с собой, я принялся писать повесть, героиней которой была Р. Я представил барича екатерининских времен, покинувшего женщину, любившую его, и женившегося на другой» (VIII, 344, 349, 350).

⁵ О том, что Достоевский в самом начале своего пребывания за границей приобрел и читал «произведения Герцена», существует свидетельство его жены (*Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 2015. С. 206).

⁶ Как отмечено в комментарии к академическому изданию Собрания сочинений Герцена, «имеется в виду П. П. Медведева» (IV, 326).

Очевидно, однако, что повесть, которую писал тогда Герцен, была лишь зерном, из которого в будущем пророс роман «Кто виноват?». Впоследствии, по мере работы над ним в 1841–1844 и особенно в 1845–1846 годах, он включил также и множество других автобиографических моментов.

Впрочем, некоторые эпизоды жизни Бельтова вызывают ассоциации с жизнью даже не самого Герцена, а скорее Н. П. Огарева. Это касается, например, мимолетного увлечения Бельтова некой вдовой: «Вдова была молода, хороша собой, со всей привлекательностью роскоши и высокого образования; у нее-то в доме Владимир робко проговорил первое слово любви и *смело подписал первый вексель на огромную сумму*, проигранную им в тот счастливый вечер, когда он, рассеянный и упоенный, играл, не обращая никакого внимания на игру; да и до игры ли было? Против него сидела она, и он так ясно читал в ее глазах любовь, вниманье! <...> после опыта любви, на который потрачено много жизни, и после нескольких векселей, на которые потрачено довольно много состояния, он уехал в чужие края — искать рассеянья, искать впечатлений, занятий и проч. <...>» (IV, 106, 107).

В этих строках можно видеть скорее отзвук первого брака Огарева с М. Л. Рославлевой, продолжавшегося с 1838 по 1844 год, после чего она уехала за границу с любовником, получив от Огарева вексель на 300 тысяч рублей, с которых он ежегодно выплачивал ей шесть процентов. Вся эта история, продолжавшаяся до смерти первой жены Огарева в 1853 году, закончилась для него полным разорением.

Очевидно также, что некоторые черты Огарева отразились в характере Круциферского: «Характер Круциферского определить трудно: натура нежная и любящая до высшей степени, натура женская и поддающаяся, он имел столько простосердечия и столько чистоты, что его нельзя было не полюбить, хотя *чистота его и сбивалась на неопытность, на неведение ребенка. Трудно было бы сыскать человека, более не знающего практическую жизнь*; он все, что знал, знал из книги, и оттого *знал неверно, романтически*, риторически; он свято верил в действительность мира, воспетого Жуковским, и в идеалы витающие над землей» (IV, 156).⁷

Между прочим, именно в романе Герцена Достоевский нашел, по-видимому, и мысль, на которую он опирался в своем рассказе, переосмысливая в нем четкое противопоставление «хищного» и «смирного» типов, сделанное Аполлоном Григорьевым и затем Страховым.

Мысль эта находится в «журнале» Любоньки Круциферской: «26 июня. Как все странно и перепутано в людских понятиях! Подумаешь иногда и не знаешь: сердиться ли или хохотать. Мне сегодня пришло в голову, что самоотверженнейшая любовь — высочайший эгоизм, что высочайшее смирение, что *кротость — страшная гордость, скрытая жесткость*; мне самой делается страшно от этих мыслей, так, как, бывало, маленькой девочкой я считала себя уродом, преступницей за то, что не могла любить Глафиры Львовны и Алексея Абрамовича; что же мне делать, как оборониться от своих мыслей и зачем? Я не ребенок. Дмитрий не обвиняет меня, не упрекает, ничего не требует; он сделался еще нежнее. *Еще!* Вот в этом-то *еще* и видно, что все это неестественно, не так; *в этом столько гордости и унижения для меня* и такая даль от понимания. Он очень страдает, но что же сказать о той женщине, которая за любовь платит отравой? Да, боже мой, хотела ли я этого! Я говорила с ним откровеннее, нежели бы это сделала другая женщина; он, видимо, уступает, но в то же время у него накапливается *совсем другое в душе*, и он не совладевает с этим другим» (IV, 186–187).

Вот это «совсем другое в душе», которое накапливается в случае измены даже у такого «кроткого» героя, как Дмитрий Круциферский, и стало предметом психологического исследования в рассказе Достоевского.

⁷ Подобная размытая прототипичность, когда черты одной и той же личности отражаются то в одном, то в другом герое произведения, вполне характерна для многих писателей, в частности для самого Достоевского. См.: *Кибальник С. А. Нечаевцы или петрашевцы? (О прототипах главных героев романа Достоевского «Бесы») // Неизвестный Достоевский. 2020. № 2. С. 125–126.*

2

Основная сюжетная коллизия рассказа «Вечный муж» комментатором академического издания Полного собрания сочинений Достоевского И. З. Серманом связывается главным образом с впечатлениями писателя от любовного романа его семипалатинского друга и покровителя барона А. Е. Врангеля с женой начальника Алтайского горного округа А. Р. Гернгросса. В характере Екатерины Иосифовны Гернгросс, с которой Достоевский встречался в Барнауле и о которой неоднократно писал Врангелю, усматривают «зерно воплощенного в „Вечном муже“ особого типа женщины» (9, 473). Между тем, по признанию самого И. З. Сермана, муж ее А. Р. Гернгросс к типу «мужа-ревнивца, мужа смешного и третируемого» «очевидно, не подходил» (9, 474).

Другое предположение о биографической основе рассказа относится к разладу между доктором С. Д. Яновским и его женой, актрисой А. И. Шуберт (9, 474–475). Однако во-первых, как отмечает сам И. З. Серман, из-за недостатка материалов «у нас нет возможности более обстоятельно сравнить Трусоцкого с С. Д. Яновским» (9, 474), а во-вторых, разлад этот относился к 1860 году. Между тем литературные произведения, как правило, создаются под влиянием прежде всего гораздо более свежих впечатлений.

Вместе с тем, как отметила Н. А. Тарасова, рассказ содержит отсылки к истории женитьбы Достоевского на М. Д. Исаевой, которая в период знакомства с писателем была увлечена Н. Б. Вергуновым. Причем в «Плане для рассказа (В «Зарю»)» есть криптоним, который подтверждает наличие существенного автобиографического подтекста в замысле рассказа «Вечный муж»: «М. Д-на» (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 6. С. 62).⁸ Легко разгадываемый — «Марья Дмитриевна», — он тем самым обнаруживает связь замысла с воспоминаниями Достоевского о ревности, которую он испытывал к Вергунову в период своего увлечения Исаевой.⁹ В подтверждение этой версии можно сказать также, что фамилии главных героев рассказа: «Вельчанинов» и «Трусоцкий» — частично анаграмматичны по отношению к фамилиям их прототипов: «Вергунов» и «Достоевский».

Очевидно, что при таком варианте примеривания ролей Вельчанинова и Трусоцкого на себя Достоевский соотносил себя прежде всего с последним.¹⁰ Последние версии многое объясняют в биографических импульсах к созданию рассказа, но остается непонятным, что послужило непосредственным поводом к его написанию.

⁸ Эти и многие другие важные наблюдения в области текстологии и новых методов исследования творческого наследия Достоевского стали возможны в том числе благодаря работе, которая была начата в рамках двух проектов, поддержанных Российским научным фондом, — «Рабочие тетради Ф. М. Достоевского: первая полнотекстовая публикация автографов в их динамической транскрипции» (2016–2020, руководитель С. А. Кибальник), «Новые методы изучения рукописного наследия Ф. М. Достоевского» (2020–2023, руководитель Н. А. Тарасова). На сайте электронного архива (<http://dostoevsky-archive.ru/>) опубликованы все рабочие тетради Достоевского в цифровых копиях, а также представлены комментированные исследовательские расшифровки рукописей, подготовленные объединенными усилиями петербургских, московских и петрозаводских текстологов. В настоящее время развитие сайта продолжается.

⁹ См. об этом: Тарасова Н. А. Текстологический анализ и новые факты истории текста (на материале рукописей Ф. М. Достоевского) // Достоевский и мировая культура. 2020. № 2. С. 166.

¹⁰ Благодарю за это соображение Н. А. Тарасову. Однако позднее, вспоминая уже в черновиках «Подростка» о своем намечавшемся романе с невесткой своей сестры Веры, замужней дамой Еленой Павловной Ивановой (см.: 16, 243, 275, 291, 292; 17, 417), Достоевский примеривал сюжет своей повести на себя самого уже противоположным образом — соотнося себя скорее с Вельчаниновым. Обратим внимание также и на то, что связь «Подростка» с «Вечным мужем» четко просматривается в развитии Достоевским диалектики «хищного типа», который он в подготовительных материалах к «Подростку» применяет уже не только к мужскому, но и к женскому характеру. Так, «Идея романа» в «Заметках, планах, набросках. 11 (23) июля — 7 (19) сентября 1874») формулируется им следующим образом: «Хищный тип — женский, Лиза, а не ОН» (16, 57; а также 16, 6–7, 38–39, 56–59, 92, 112–113, 116, 120 и др.).

Между тем в «Плане для рассказа (В «Зарю»», сохранившемся в рабочих тетрадях Достоевского (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 6. С. 85–86), обращает на себя внимание и другая деталь, относящаяся, по-видимому, к герою, впоследствии получившему фамилию «Трусозкий»: «NB. Или *milky tin à la Off*, или убийца серьезный из подполья» (9, 118). Очевидно, что здесь имеется в виду Н. П. Огарев, с которым чета Достоевских общалась с августа 1867 по начало 1868 года.¹¹ Как известно, отношения между ними были довольно теплые, и их характер вполне соответствует восприятию Достоевским Огарева как «милого типа».¹²

Однако когда Достоевский на протяжении полугода виделся в Женеве с Огаревым,¹³ а затем в конце марта 1868 года встретился с Герценом, приехавшим поддержать своего сломавшего ногу соратника и друга (28, 2, 282), он, конечно, не мог не задумываться о личной жизни этого «милого типа». Довольно драматическое переплетение семейной истории Герцена и Огарева наводило на мысль о том, что каким бы «милым» он ни был, в сложившихся обстоятельствах Огарев мог, однако, более не испытывать однозначно дружеских чувств по отношению к Герцену.¹⁴

Тем более что сам Достоевский в данном случае мог свериться со своими собственными былыми чувствами по отношению к испанцу Сальвадору, с которым ему изменила в 1863 году А. П. Сулова, и по отношению к Вергунову, с которым ранее, еще до брака, изменяла ему Исаева.¹⁵ Наконец, Достоевский мог представить себе, какие чувства, возможно, испытывал к нему самому муж Исаевой А. И. Исаев в первой половине 1855 года в Семипалатинске. По всей вероятности, такой вот скрытый автобиографизм, при котором реальные личные обстоятельства, в которых создавалось литературное произведение, предстают в нем в значительной степени трансформированными,¹⁶ также объясняет некоторые психологические импульсы Достоевского к созданию рассказа «Вечный муж». Однако за недостатком материала нам, как правило, очень непросто высказывать о них сколько-нибудь основательные суждения.¹⁷

¹¹ Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1937. С. 220–221. В письме к М. Мейзенбург от 15 (27) — 16 (28) февраля 1868 года среди посещающих Огарева Герцен отмечает Достоевского (XXIX, 1, 283–284). Вопреки «Воспоминаниям» Достоевской, после того как Огарев сломал ногу, его из Женевы в Италию не увозили, но у Достоевских 22 февраля (5 марта) 1868 года родилась дочь Софья, и о дальнейших встречах его с Огаревым в это время ничего не известно (Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 710).

¹² См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1999. Т. 2. 1865–1874. С. 131–161.

¹³ Помимо многого, о чем упоминает Достоевская в своих «Воспоминаниях», Достоевского и Огарева, по всей вероятности, отчасти связывала их общая болезнь — эпилепсия.

¹⁴ Разумеется, не мог не прийти на мысль в связи с этим случай сожительств Н. А. Некрасова с женой И. И. Панаева А. Я. Панаевой и гораздо более свежий пример, имевший место в Женеве 1867–1868 годов на глазах у Достоевского: жена сосланного в Вологодскую губернию Н. В. Шелгунова Л. П. Шелгунова, содержавшая пансион для русских политических эмигрантов, была вначале гражданской женой друга ее мужа, поэта М. Л. Михайлова, а затем — революционера А. А. Серно-Соловьевича, от которого она в 1864 году даже родила сына.

¹⁵ Это могло происходить и впоследствии, когда Исаева уже стала его женой, причем после ее смерти в 1863 году Достоевскому могли открыться прежде неизвестные ему сведения. Однако подобными фактами мы не располагаем.

¹⁶ См., например: *Томашевский Б. В.* Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925. С. 61.

¹⁷ Иногда в связи с этим используется понятие «криптографический автобиографизм» (см., в частности: *Баршт К. А.* Достоевский: этимология повествования. СПб., 2019. С. 38–57). Понятие это вряд ли имеет смысл, поскольку «автобиографизм» направлен ровно на то, чему противодействует «криптография». Попутно отметим, что, затрагивая проблему криптографической поэтики Достоевского вообще и «Села Степанчикова...» в частности, Баршт совершенно не ссылается на своих предшественников в изучении данной темы. Ср.: *Назирова Р. Г.* Пародии Чехова и французская литература // Назирова Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сб. статей. Уфа, 2005. С. 150–158; *Алекин В.* Об одном из прототипов Фомы Опсина // Достоевский и мировая культура. М., 1998. № 10. С. 243–247; *Кибальник С. А.* 1) «Село Степанчиково и его обитатели» как криптопародия //

Герцен еще в связи со своей первой семейной драмой — увлечением его жены Натальи Александровны немецким поэтом Георгом Гервегом, которое закончилось ее смертью в 1852 году, — писал в «Былом и думах» о том, что сюжетная коллизия его романа «Кто виноват?» неожиданным образом спустя несколько лет отозвалась в его собственной судьбе: «На другое утро я взял свою старую повесть „Кто виноват?“ и перечитал журнал Любеньки и последние главы. Неужели это было пророчество моей судьбы <...>?.. Но внутренний голос говорил мне: „Какой ты Круциферский — да и он что за Бельгов — где в нем благородная искренность, где во мне слезливое самоотвержение?“ И середь уверенности в минутном увлечении Natalie я был еще больше уверен, что мы померимся с ним, что он меня не вытеснит из ее сердца» (X, 259).¹⁸

Тем не менее еще в большей степени эти параллели приходили в голову теперь, когда гражданской женой Герцена, матерью троих его детей, стала жена Огарева Н. А. Тучкова-Огарева, а сам Огарев жил в Женеве со своей гражданской женой, в прошлом английской проституткой Мери Сетерленд. Сюжет герценовского романа, таким образом, в личной жизни Герцена и Огарева в конце концов все-таки реализовался, и Герцен-Бельгов все же увел жену у Огарева-Круциферского — разумеется, со всеми оговорками, что в реальности все было не совсем так и, как всегда в жизни, гораздо сложнее. Однако все же, как и в романе «Кто виноват?», счастья это никому из них не принесло, а вопрос, поставленный в его заглавии, приобрел еще большую остроту, уже применительно к собственной судьбе Герцена, Огарева и Тучковой-Огаревой.

С учетом того, что Огарев теперь постепенно спивался, контуры судьбы Круциферского проступали в нем довольно явственно. Между тем именно это происходит и в рассказе Достоевского с Трусоцким. Более того, при внимательном рассмотрении этот его герой на протяжении всей своей «карьеры» «вечного мужа» обнаруживает необычайное сходство с характером Огарева и со всей невеселой историей его матримониальных отношений.

Почти на всех, как и на Достоевского, Огарев производил впечатление как раз «милого», или «смирного» типа. Даже его вторая жена Тучкова-Огарева признавала: «Надобно было что-нибудь слишком необыкновенное, чтобы Огарев потерял терпение и рассердился, и то на равных, а не на подчиненных; он был олицетворенный покой и *кротость*». Знаяший Огарева смолоду Герцен отмечал, что он «был одающей особой магнитностью, *женственной* способностью притяжения». Не разделяя такого мнения об Огареве сама, первая жена Герцена Н. А. Герцен упоминает о том, что «...все почитают его *слабым, распущенным до эгоизма, избалованным до сухости, до равнодушия*».¹⁹

Смолоду Огарев отличался как, по его собственному признанию, «ужасной влюбчивостью», так и беспримерной терпимостью к предметам этой влюбчивости. «Жена его уехала в Италию в сопровождении одного молодого русского художника и там осталась, — вспоминал о нем П. В. Анненков. — Это было предвестие близкого разрыва, который, однако, осуществился довольно поздно, только в 1844 году». В его разезде и добровольном разделе собственного имущества с изменившей ему и уехавшей от него с любовником первой женой окружающие единодушно видели проявление чрезмерного великодушия и даже слабохарактерности. «Итак, желание спасти некогда любимую женщину от дурной славы, как покинутой и презренной жены, было единственным поводом *самоотверженной покорности* Огарева, — резюмировал П. В. Анненков. — Друзья его в Москве не были, однако же, нисколько умилены его поступком, в котором усматривали только *руку коварной женщины, привыкшей играть на благородных чувствах мужа*, как на знакомом инструменте...».²⁰

Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19. С. 139–140; 2) Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб., 2013. С. 139–140.

¹⁸ Е. К. Созина не без основания отмечает «факт „застревания“ сознания и жизни писателя» на ситуации такого «любовного треугольника» (Созина Е. К. Сознание и письмо в русской литературе. Екатеринбург, 2001. С. 237).

¹⁹ Н. П. Огарев в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 247, 65, 234.

²⁰ Там же. С. 131, 157, 162.

Еще большее изумление вызвала, например, у Герцена реакция Огарева на следующие события: «10 октября 1844 года. Марья Львовна скоро подарит Огареву наследника, привезенного из Италии, и le bon mari премией за такое усердие признает его и, вероятно, отдаст имение. Для чего это?.. Всякая весть о нем меня глубоко огорчает и расстроивает. Да когда же предел этим *гнусностям их семейной жизни?*»²¹ Ребенок, правда, родился мертвым, и вот как сам Огарев сообщал друзьям об этом: «Мое намерение быть отцом рушилось... Родился недоносок, мертвый ребенок, *с такой жалобной физиономией, что я до сих пор забыть не могу.* Сегодня уже 8 дней. Жена здорова».²²

К сожалению, те же отношения у Огарева сложились и с Мери Сетерленд. Тучкова-Огарева вспоминает сцену скандала, которую она устроила ей и Огареву на собрании эмигрантов в Женеве, посвященном обсуждению убийства С. Г. Нечаевым студента И. И. Иванова и относящемся, по всей видимости, к 1869 году: «По лицу Огарева я сейчас заметила, что он *не совсем трезвый*; все сели, Огарев — возле меня, облокотился на мой стул и дремал. Он старался внимательно слушать, что говорилось, но не мог и только изредка, кстати и некстати, говорил: „Пожалейте его, господа, просите за него“ (т. е. за Нечаева). <...> Когда пробил полночь, Мери пришла за Огаревым. К несчастью, она вовсе не была та кроткая женщина, которую так мило описала Т. П. Пассек, не знавшая ее ничуть. Лицо ее (соуверосé) показывало, что она часто заглядывала в бутылку. По ее отрывистой походке, по неровным движениям я догадалась, что она пьяна, и старалась отодвинуть свой стул от Огарева, который ничего не замечал, добродушно улыбался и опять придвигался. Я рада была, когда все встали и начали собираться выходить. Огарев один все еще сидел. Вдруг, раздвигая бесцеремонно толпу, Мери подходит к нам, начинает говорить дерзости по-английски с поднятыми кулаками.

— Господа, — вскричала я в испуге, — что мне делать, я не умею драться.

Тогда Нечаев и другие схватили Мери и повели ее вон. Кто-то из присутствующих подошел к Огареву и предложил ему проводить его домой. Мы стояли с Наташей, обрадованные нашему неожиданному избавлению, но испуганные за Огарева. Передав кому-то Мери, Нечаев опять подошел к нам, и мы обе в один голос стали просить его не оставлять Огарева одного с этой страшной женщиной.

— Нет, нет, — отвечал он, — я поручил охранять его, да что же делать, *ему час-тенько достаётся*, да кто виноват, *зачем связался с такой женщиной*».²³

Достоевский, разумеется, не мог быть свидетелем этой сцены (его в это время уже и не было в Женеве), но, скорее всего, имел представление о домашнем быте Огарева.²⁴ И вот почему в своем рассказе он не в последнюю очередь отталкивался не только от сюжетной коллизии романа Герцена, но и от реальных отношений между Герценом и Огаревым.

Правда, о том, какими они были в 1856 году, когда Тучкова-Огарева стала жить с Герценом, мы не знаем. Однако можем представить их себе по ее записным книжкам: «Вот тяжелые времена! А я, безумная, думала забыться, отдохнуть; сначала я боялась страшных несчастий, но все пошло хорошо; Огарев понял — и не удалился, стало, ему не должно быть больно, а между тем у меня иногда сердце сжимается, глядя на него; неужели я, именно я, нанесу ему тяжелый удар? ведь это насмешка жизни, да и зачем? <...> зачем невольно ищешь всей полноты жизни, всего несбыточного и непонятного

²¹ Цит. по: Там же. С. 164–165. Последняя цитата из письма Герцена к Н. А. Кетчеру от 10 и 17 октября 1844 года неточна. Ср.: XXII, 201.

²² Там же. С. 165. Неточная цитата из письма Огарева московским друзьям от 10 и 17 октября 1844 года (ср.: Русская мысль. 1891. № 6. С. 7, 8).

²³ Тучкова-Огарева Н. А. Из «Воспоминаний» // Там же. С. 310–311.

²⁴ Между прочим, вскоре после того, как Достоевский познакомился с Огаревым, того вместе с Мери Сетерленд вызывали к судебному следователю в связи с исчезновением из их дома Шарлотты Гетсон, матери ребенка сына Герцена А. А. Герцена, который воспитывался в семье Огарева. См. об этом: Письмо Н. П. Огарева А. А. Герцену от 20 сентября <1867 года> // Лит. наследство. 1997. Т. 99. Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. Кн. 1. С. 378.

для других <...> Нет, нет, это все неистинно — *я одна виновата*, чего я хотела? <...> Страшно, страшно — умереть хочется <...> Чувство к нему, полное веры, преданности, любви, как будто задремало; мне казалось, что здесь он отвык от меня и что он сам как будто удаляется, и мне пришла *светлая мысль быть им обоим любящей, преданной сестрой*, а детям, я не смею и здесь сказать: матерью, но заботливой любящей нянькой... <...> Когда я увидела, что, побежденный моей страстной любовью, Герцен тоже меня полюбил, я вдруг бросилась к Огареву, разом поняла его боль (мне казалось, что я на его месте никогда бы не могла вынести этого) и разом все прошедшее пронеслось перед моими глазами так ярко, так хорошо, что я остановилась испуганная, и я ни шагу более не шагнула, не узнавши, как Огарев смотрит на все. Так принять, как он принял, так бесконечно широко понять, ни один, да, я смело это говорю, ни один человек не мог бы, он это сделал с каким-то простодушием, свойственным одной его нежной и широкой натуре, и тогда я все поняла и полюбила его еще больше, он как-то ближе еще мне стал, и я искала его руки, чтоб окончательно победить страстную привязанность к Герцену. Мне иногда кажется, что он этого хотел бы, но он не подал мне руки, он не хотел жертвы. И часто в продолжении этого времени мне казалось, что ему больно, и всякий раз на эту боль из моей груди вырывался болезненный крик, мольба о помощи, тяжелое сознание собственного бессилия». ²⁵

Перспектива рождения ребенка от Герцена заранее вызывала у Тучковой-Огаревой тревогу: «Я думаю, что наша любовь уродство — зачем? Что же она может нового внести в нашу жизнь? — Собственную семью, ребенка, который бы мне был так дорог, да он тоже этого боится, и он прав, это была бы гибель, новый удар самым близким!» По всей видимости, недалеко от истины ее предположения о том, что испытывали в это время Огарев и Герцен: «*Огареву больно, он не может этого скрыть от меня*, он был сегодня странно раздражителен и сух со мной, мне это больше отозвалось всех всплеск Герцена. *Он и не был прав, всегда утешен своей правотой, а Огарев действительно правый, не кричит об своем праве*. Мне страшно, ноги подкашиваются, так эта рука, которую я так крепко сжимала в своих руках, оставляет меня, а та, новая, полная энергии и хладнокровного разбора меня, на нее я не буду опираться, в ней мало любви, есть дружба и какое-то снисхождение, больше сердцу худшей обиды. <...> Да, действительно я отравила его жизнь, злейший враг не мог сделать ему больше зла». ²⁶

Вся эта ситуация, естественно, только усугубилась, когда Тучкова-Огарева забеременела: «Герцен жалел о прошлом — я с ужасом проходила в своем уме все, что было — с мучительной болью не раз я думала обо всем этом, видела, что и Герцен думает, но вчера мы в первый раз резко коснулись до больных мест. Герцен говорил, как всегда, с недоверием к моему пониманию и с невероятной жесткостью, прибавляя: „Что я говорю, не должно оскорбить тебя...“ <...> Мы заговорили об этом потому, что *Огарев иногда пропадает на несколько часов и возвращается немного выпивши*. Когда я говорю ему, он скрывает правду; но я чувствую, что говорю уже не прежним энергическим голосом, говорю слабо, нерешительно, взглядом вымаливаю прощение за то, что собираюсь сказать <...> кажется, у меня будет ребенок, *бедный, бедный ребенок, непрощенный, неприглашенный, никем не благословленный* вступит он в жизнь. Герцен думает с ужасом, как примет это Огарев». ²⁷

Как мы видим, Достоевский в своем рассказе действительно многое угадал — причем не только в сложной диалектике чувств обманутого мужа к своему счастливому сопернику, но даже и в конкретных отношениях Огарева и Герцена или, по крайней мере, в том, как они представлялись самому предмету их размовки. Причем собственный роман Герцена, написанный много лет тому назад, оказывается, таким образом, в рассказе «Вечный муж» не только одним из его непосредственных претекстов, но и катализатором актуальности его реально-биографического подтекста.

²⁵ Тучкова-Огарева Н. А. Из «Дневника» и записных книжек // Н. П. Огарев в воспоминаниях современников. С. 327–329.

²⁶ Там же. С. 330, 332.

²⁷ Там же. С. 332–333.

3

Прежде всего обратим внимание на имена и отчества героев рассказа Достоевского. Вельчанинова зовут *Алексей Иванович* (Герцен — *Александр Иванович*), жену Трусозцкого — *Натальей* Васильевной (жену Огарева звали *Наталья Алексеевна*), так что главный герой «Вечного мужа» носит отчество Герцена, а имя — похожее на имя Герцена, но полностью совпадающее с именем отца Тучковой-Огаревой.

В результате романа Вельчанинова с Натальей Васильевной *восемь с половиной лет назад* родилась дочь *Лиза*, а именно это имя носила старшая дочь Герцена от Тучковой-Огаревой (единственный оставшийся в живых к этому времени их ребенок). При этом реальная Лиза родилась в 1858 году и, следовательно, ко времени знакомства Достоевского с Огаревым в Женеве ей было почти столько же. Наконец, при рождении она получила фамилию Огарева и до одиннадцати лет не знала, что ее отцом был Герцен.²⁸

Более того, само заглавие рассказа Достоевского, возможно, не в последнюю очередь восходит к выражению, использованному Герценом в «Былом и думах», — причем как раз в той самой главе, в которой он рассказал о своем романе с Р.: «Повесть вышла плоха. Когда я писал ее, Р. не собиралась в Москву, и один человек, догадывавшийся о том, что что-то было между мной и Р., был „вечный немец“ К. И. Зонненберг» (VIII, 350).²⁹

В образе Вельчанинова бросаются в глаза и некоторые явные черты Герцена. Так, этому герою присущ тот внешний блеск в поведении и разговоре, которым славился Герцен: «Он вдруг громко и охотно заговорил, схватив первую попавшуюся мысль, и не прошло еще пяти минут, как он уже овладел вниманием всех бывших в гостиной. Он великолепно изучил искусство болтать в светском обществе, то есть искусство казаться совершенно простодушным и показывать в то же время вид, что и слушателей своих считает за таких же простодушных, как сам, людей. Чрезвычайно натурально мог прикинуться он, когда надо, веселейшим и счастливейшим человеком. Очень ловко умел тоже вставить между словами острое и задирающее словцо, веселый намек, *смешной каламбур*, но совершенно как бы невзначай, как бы и не замечая, — тогда как и острота, и каламбур, и самый-то разговор, может быть, давным-давно уже были заготовлены и заучены и уже не раз употреблялись» (9, 72).

Несколько ироническое освещение этой черты Вельчанинова, которое ощущается в приведенном фрагменте, более чем естественно, если речь идет о черте реального человека, ставшего к концу 1860-х годов идейным оппонентом Достоевского.

Сравни впечатления современников от поведения в обществе Герцена: «Герцен поражал своей бойкостью и остроумием: речь его сверкала неистощимым каскадом острот, шуток, каламбуров, блестящей игрою неожиданного сближения мыслей и образов» (А. П. Милуков); «Это был ум глубокий, но не отвлеченный, а жизненный, реальный, схватывающий идеальную и практическую сущность каждого предмета и каждого понятия. Такой широкий, захватывающий ум не мог удовлетвориться какой-нибудь одной областью мысли или сферой знания, и Герцену действительно „была звездная книга ясна, и с ним говорила морская волна“» (Н. В. Шелгунов).³⁰

То, что более счастливый соперник Трусозцкого в искании руки Надежды Захлебниной Александр Лобов воспитывался в доме родителей своей невесты, возможно, также соотносится с романом Герцена «Кто виноват?» и с собственным детством его автора: «Конечно, у меня теперь ничего нет, я даже воспитывался в их доме, с самого детства... — Как так? — А так, что я сын одного отдаленного родственника жены этого

²⁸ Дрыжакова Е. Н. Герцен на Западе. СПб., 1999. С. 156.

²⁹ 17 (29) октября 1867 года Достоевский получил от Огарева четыре книги «Былого и дум» Герцена (Расшифрованный дневник А. Г. Достоевской // Лит. наследство. 1973. Т. 86. Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. С. 246). При этом сразу по приезде в Дрезден он целенаправленно искал в книжных лавках мемуарную книгу Герцена и покупал выпуски «Полярной звезды» с фрагментами из них (*Достоевская А. Г. Воспоминания*. С. 206, 706).

³⁰ А. И. Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956. С. 224, 251.

Захлебниина, и когда все мои померли и оставили меня восьми лет, то старик меня взял к себе и потом отдал в гимназию» (9, 92–93).

В романе Герцена, правда, ситуация была несколько иная: Любонька, незаконная дочь помещика Негрова, воспитывается в его доме, а Круциферский попадает в него в качестве домашнего учителя. Зато будущая жена самого Герцена была дочерью его родного дяди и до семилетнего возраста воспитывалась в его доме.

Лиза в рассказе Достоевского все-таки в конце концов умирает, оказываясь тем самым случайной жертвой любовной интриги Вельчанинова, в результате которой она явилась на свет законнорожденной, но неродной дочерью Трусоцкого. Ее настоящий отец Вельчанинов узнает о существовании своей дочери только незадолго до ее смерти и даже не успевает дать ей почувствовать всей силы своей любви: «Главное страдание его состояло в том, что Лиза не успела узнать его и умерла, не зная, как он мучительно любил ее! Вся цель его жизни, мелькнувшая перед ним в таком радостном свете, вдруг померкла в вечной тьме. Эта цель состояла бы именно в том, — поминутно думал он об этом теперь, — чтобы Лиза каждый день, каждый час и всю жизнь непрерывно ощущала его любовь на себе. „Выше нет никакой цели ни у кого из людей и не может быть!“ — задумывался он иногда в мрачном восторге» (9, 62).

Как и Герцену, потерявшему вначале при кораблекрушении своего сына от первого брака Колоу, а затем из-за эпидемии дифтерита и двоих детей-близнецов от второго брака: Елену и Алексея, Вельчанинову так и не удается спасти свою дочь.³¹

Есть в этом образе и детали, которые равным образом могли бы намекать как на Герцена, так и на Огарева. К ним явно относится, например, то, что Вельчанинов остается на лето в Петербурге, потому что занят делом по наследству, которое в конце концов заканчивается для него благоприятно: «То же случилось и с его адвокатом; а между тем адвокату было что сообщить: тяжёбное дело было им весьма ловко улажено, и противники соглашались на мировую с вознаграждением весьма незначительной долею оспариваемого ими наследства» (9, 62).

При этом полученное Вельчаниновым наследство предопределяет то, что в финале рассказа он даже выглядит лучше, нежели вначале: «Причиною всех этих выгодных и здравых перемен к лучшему был, разумеется, выигранный процесс. Вельчанинову досталось всего шестьдесят тысяч рублей, — дело бесспорно невеликое, но для него очень важное: во-первых, он тотчас же почувствовал себя опять на твердой почве, — стало быть, утолился нравственно; он знал теперь уже наверно, что этих последних денег своих *не промотает „как дурак“, как промотал свои первые два состояния*, и что ему хватит на всю жизнь».

Особое удовлетворение он испытывает от ощущения собственного благополучия: «„Как бы там ни трещало у них общественное здание и что бы они там ни трубили, — думал он иногда, приглядываясь и прислушиваясь ко всему чудесному и невероятному, совершающемуся кругом него и по всей России, — во что бы там ни перерождались люди и мысли, *у меня все-таки всегда будет хоть этот тонкий и вкусный обед, за который я теперь сажусь, а стало быть, я ко всему приготовлен*“» (9, 107).

Сходным образом начинается рассказ Герцена в «Былом и думах» о том, как ему самому удалось отстоять свое наследство в результате удачной сделки с Ротшильдом: «Глупо или притворно было бы в наше время денежного неурстройства пренебрегать состоянием. *Деньги — независимость, сила, оружие*. А оружие никто не бросает во время войны, хотя бы оно и было неприятельское, даже ржавое. Рабство нищеты страшно, я изучил его во всех видах, живши годы с людьми, которые спаслись в чем были от политических кораблекрушений» (X, 132).

³¹ Как известно, уже после написания рассказа «Вечный муж» и после смерти Герцена покончила с собой и старшая его дочь от второго брака Лиза, на что Достоевский отозвался в «Дневнике писателя за 1876 год», высказав при этом мнение о том, что «*умерла она от тоски (слишком ранней тоски) и бесцельности жизни — лишь вследствие своего извращенного теорией воспитания в родительском доме, воспитания с ошибочным понятием о высшем смысле и целях жизни, с намеренным истреблением в душе ее всякой веры в ее бессмертие*» (24, 54).

Герой Достоевского придает финансовой независимости не меньшее значение: «*Эта нежная до сладострастия мысль* мало-помалу овладевала им совершенно и произвела в нем переворот даже физический, не говоря уже о нравственном: *он смотрел теперь совсем другим человеком* в сравнении с тем „хомяком“, которого мы описывали за два года назад и с которым уже начинали случаться такие неприличные истории, — смотрел весело, ясно, важно» (9, 107).

Одновременно эта черта Вельчанинова, по-видимому, по принципу «от противного» отсылает к истории с «огаревским наследством», в результате которого Огарев, в отличие от Герцена, оказался за границей практически без средств.

Зато Трусоцкий наделен рядом явных внешних сходжений с Огаревым. Казалось бы «смирный» тип, он после смерти жены пускается, однако, в жесточайший разгул, в ходе которого безобразничает и издевается над своей законной, хотя и неродной, дочерью: «Его и из гостиницы сюда выжили, потому что очень уж безобразничал. Ну, не грех ли, с собой *девку ночью привел*, когда тут же робенок с понятием! Кричит: „Это вот тебе будет мать, коли я того захочу!“ Так верите ли, чего уж девка, а та ему плюнула в харю. Кричит: „Ты, говорит, мне не дочь, а в...док“» (9, 50).³² При этом его не останавливает даже смерть Лизы. «*Фу, как он пьет, я вам скажу!* — рассказывает о том, как провожал Трусоцкого на вокзал Александр Лобов. — *Мы три бутылки выпили, Предпосылов тоже, — но как он пьет, как он пьет!* Песни пел в вагоне, об вас вспоминал, ручкой делал, кланяться вам велел» (9, 104–105).

Впрочем, как это имело место в романе Герцена «Кто виноват?» и будет иметь место в собственном романе Достоевского «Бесы», в «Вечном муже» присутствует не только прямая прототипичность. Так, например, одна яркая черта биографии Огарева — выдача им своей первой жене крупного денежного векселя на свое имя, которая фактически лишила его состояния и обрекла на зависимое существование, — декларируется в рассказе не Трусоцким, а Александром Лобовым: «...я прямо ей обещался, при двух свидетелях, в том, что если она когда полюбит другого или просто раскается, что за меня вышла, и захочет со мной развестись, то я тотчас же выдаю ей акт в моем прелюбодеянии, — и тем поддерживу, стало быть, где следует, ее просьбу о разводе. Мало того: в случае, если бы я впоследствии захотел на попятный двор и отказался бы выдать этот акт, то, *для ее обеспечения, в самый день нашей свадьбы, я выдам ей вексель в сто тысяч рублей на себя*, так что в случае моего упорства насчет выдачи акта она сейчас же может передать мой вексель — и меня под сюркуп!» (9, 92).³³

Долгое время не замечая измену жены, Трусоцкий по-своему любил Вельчанинова, в чем и признается ему теперь, спустя годы: «— Я вас любил, Алексей Иванович, — произнес Павел Павлович, как бы вдруг решившись, — и весь тот год в Т. любил-с. Вы не заметили-с, — продолжал он немного вздрагивавшим голосом, к решительному ужасу Вельчанинова, — я стоял слишком мелко в сравнении с вами-с, чтобы дать

³² Изображая пусть и запоздалый бунт Трусоцкого, Достоевский, как известно, мог опираться в этом на один из очевидных претекстов своего рассказа — пьесу И. С. Тургенева «Провинциалка», герой которой Ступендзев все же осмеливается ревновать свою жену Дарью Ивановну к графу Любину. Однако его все же скоро умиряет обещание «хорошего места» в Петербурге, ради которого жена его и идет на этот адюльтер (см.: *Серман И. З.* «Провинциалка» Тургенева и «Вечный муж» Достоевского // Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем. М.; Л., 1966. С. 109–111).

³³ В то же время в облике Лобова есть черты не только пасынка Достоевского П. А. Исаева (см.: 9, 476), но и молодых русских социалистов, причем в какой-то степени даже и Н. Г. Чернышевского: «И знаете, прежде, давно уже, я был чистый славянофил по убеждениям, но теперь мы ждем зари с запада...» (9, 105). Как известно, Чернышевский вначале совершенно разделял надежды Герцена на русскую общину, однако затем стал критиковать его за это и перешел на гораздо более радикальные позиции. Некоторые шаржированные черты молодого русского социалиста, судя по всему, отсылают к Базарову и в то же время предвосхищают образ Петра Верховенского: «— Садитесь, — пригласил Вельчанинов, — но молодой человек *успел усесться еще и до приглашения*»; «*Всё это он процедил сквозь зубы, как фат, чуть-чуть даже удостоивая выговаривать слова; даже опять вынул лорнет* и на минутку на что-то направил его, пока говорил» (9, 89, 90).

вам заметить. Да и не нужно, может быть, было-с. И во все эти девять лет я об вас запомнил-с, потому что я такого года не знал в моей жизни, как тот. (Глаза Павла Павловича как-то особенно заблистали.) Я многие ваши слова и изречения запомнил-с, ваши мысли-с. Я об вас как об пылком к доброму чувству и образованном человеке всегда вспоминал-с, высокообразованном-с и с мыслями-с. „Великие мысли происходят не столько от великого ума, сколько от великого чувства-с“ — вы сами это сказали, может, забыли, а я запомнил-с. Я на вас всегда как на человека с великим чувством, стало быть, и рассчитывал-с... а стало быть, и верил-с — несмотря ни на что-с... — Подбородок его вдруг затрясся» (9, 87).

Те же самые чувства на протяжении почти всей своей жизни испытывал Огарев по отношению к Герцену, и последний в основном платил ему той же монетой. Если что в последние годы жизни Герцена и охладило их взаимоотношения, то, по-видимому, это даже не столько уход к нему Тучковой-Огаревой, сколько разногласия между ними в восприятии «молодой эмиграции» и в выборе методов общественной борьбы.³⁴

Напряженность в отношениях между Вельчаниновым и Трусозким спустя годы, во время новой их встречи в Петербурге, определяется тем, что на руках у Трусозкого осталась родная дочь Вельчанинова, о которой тот узнает только теперь: «„Гм... он слишком понимает, в чем дело, и отместит мне Лизой!“ — думал он в страхе. Милый образ бедного ребенка грустно мелькнул перед ним. Сердце его забилось сильнее от мысли, что он сегодня же, скоро, через два часа, опять увидит *свою* Лизу. „Э, что тут говорить! — решил он с жаром, — теперь в этом вся жизнь и вся моя цель! Что там все эти пощечины и воспоминания!.. И для чего я только жил до сих пор? Беспорядок и грусть... а теперь — все другое, все по-другому!“ Но, несмотря на свой восторг, он задумывался все более и более. „Он замучает меня Лизой, это ясно! И Лизу замучает. Вот на этом-то он меня и доедет, за *все*“» (9, 49; курсив Достоевского. — С. К.).³⁵

Ситуация, сложившаяся в как бы общей семье Герцена и Огарева, была несколько иной. Во-первых, Герцен все же сделал тот шаг по отношению к Тучковой-Огаревой, который не смог или не решился сделать Вельчанинов по отношению к Наталье Васильевне: он стал жить с ней как с гражданской женой и поэтому с самого начала, разумеется, прекрасно знал о рождении их общих детей. Во-вторых, Тучкова-Огарева вовсе не умерла, а только жила по большей части отдельно не только от Огарева, но — уже по своей собственной инициативе — и от Герцена.

Так что к моменту создания «Вечного мужа» Тучкова-Огарева воспитывала Лизу в основном одна, и, так же как и Трусозкий, не слишком успешно. Герцен беспокоился за свою дочь не меньше Вельчанинова.³⁶ А Огарев так же, как и Трусозкий, вполне оправдывая прозвище «вечного мужа», если бы кто-то вздумал применить его, как известно, в это время уже жил с новой, на сей раз гражданской (поскольку официально он оставался женат на Тучковой-Огаревой) женой Мери Сетерленд. Причем изображение в рассказе Достоевского новой жены Трусозкого также, возможно, содержит аллюзии на необычность этого союза Огарева: «Одна дама, вышедшая из вагона второго класса и замечательно хорошенькая, но что-то *уж слишком пышно разодетая для путешественницы*, почти тащила обеими руками за собою улана, очень молоденького и красивого офицера, который вырывался у нее из рук. <...> Купчику показалось это слишком уже скандальным; правда, и все смеялись, но купчик обиделся уже бо-

³⁴ «Мы на многое смотрим больше разно, чем прежде» (XXIX, 1, 114), — писал Герцен Огареву в письме от 3 июня (22 мая) 1867 года. См. подробнее: Козьмин Б. П. Герцен, Огарев и «молодая эмиграция» // Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России: Избр. труды. М., 1961. С. 488–577; Дрыжакова Е. Н. Герцен на Западе. С. 190–203.

³⁵ В эпизодах, предшествующих смерти Лизы, несомненно, отразились переживания Достоевского от потери его собственной новорожденной дочери Сони, скончавшейся в Женеве в мае 1868 года.

³⁶ «Почему ты имеешь право думать только о себе, *вырывать у меня из рук Лизу — не зная даже, умеешь ли ее спасти?*» — писал Герцен Тучковой-Огаревой 29–30 (17–18) мая 1867 года (XXIX, 1, 109).

лее за оскорбленную, как показалось ему почему-то, нравственность. — Вишь, „Митенька!“ — произнес он укорительно, передразнив тоненький голосок барыни. — И в публике уже не стыдятся! И подойдя качаясь к бросившейся на первый стул даме, успевшей усадить рядом с собой и улана, он презрительно осмотрел обоих и протянул нараспев: — *Шлюха ты, шлюха, хвост отшлепала!*» (9, 107–108).

Наконец, в финале рассказа Достоевского прорывается одна деталь, по-видимому непосредственно отсылающая — изо всех недавних личных контактов Достоевского конца 1860-х годов — именно к Огареву. На вопрос Трусозкого, как же ему объяснить его новой жене то, что Вельчанинов так и не посетит их в их имении: «— Как же мне... если так-с, как же сказать-то Олимпиаде Семеновне, когда вы через неделю не пожалуете, а она будет ждать-с?» — Вельчанинов отвечает: «— Экая трудность! Скажите, что я *ногу сломал* или в этом роде» (9, 111). Правда, при этом деталь, относящаяся к обстоятельствам жизни Огарева начала 1868 года, отнесена в «Вечном муже» не к Трусозкому, а к Вельчанинову. Ну так ведь и носит она не реальный, а выдуманный характер.

Криптографическая поэтика Достоевского, таким образом, строится временами на хотя и не прямых, но довольно красноречивых аллюзиях.

4

Конечно, вполне возможно, что Огарев говорил что-нибудь о семейной драме Герцена Достоевскому, которого она, конечно же, интересовала сразу по нескольким причинам. Во-первых, Достоевский раньше не раз встречался с Герценом и даже беседовал с его средней дочерью от первого брака Ольгой.³⁷ Во-вторых, он читал и перечитывал многие произведения самого Герцена, регулярно обращался к его изданиям и даже брал в Женеве у Огарева «четыре книги „Былого и дум“». ³⁸ А в-третьих, вторая семейная драма Герцена могла восприниматься Достоевским как явление в определенной степени закономерное, поскольку отношения Герцена в области любви и брака были отмечены современными тенденциями к преобразованию традиционной семьи, которые зрелому Достоевскому были, безусловно, в целом чужды.³⁹

Правда, даже если Огарев говорил об этом с Достоевским, вряд ли он мог признаваться ему в любви-ненависти к Герцену. Уход к нему Тучковой-Огаревой сам Огарев склонен был оправдывать. «Ты полюбила моего брата (т. е. А. И. Герцена. — С. К.), — писал он ей 2 ноября 1865 года. — Я не стану говорить о том, в каком отношении я тогда был к тебе; одно скажу, что, вместо моего мечтаемого влияния на тебя, чувствовал, что я нахожусь подвластным и не возышаю, а унижаю тебя. Я был уверен, что любовь брата тебя возвысит, — и все ставило жизнь на такую высокую ногу, как редко случай ставит ее. Ты могла любить моего брата и быть матерью детей моей сестры... и твоей сестры (умершей Н. А. Герцен. — С. К.), т. е. той женщины, которая для тебя была выше всего в мире. В самом деле — что за великое отношение становилось между всеми нами!»⁴⁰

³⁷ При это он сам впоследствии полагал, что беседовал тогда с Лизой Огаревой. См. об этом: 23, 323–326; *Дрыжакова Е. Н.* По живым следам Достоевского. СПб., 2008. С. 352–353.

³⁸ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 2. С. 146. Правда, часть, посвященная первой семейной драме Герцена, при его жизни не публиковалась, а о второй своей семейной драме он в «Былом и думах», естественно, не рассказывал. Однако Достоевский, разумеется, был осведомлен о них из других источников. Например, А. П. Сулова хорошо знала о второй из них еще до их совместного с Достоевским путешествия 1863 года. См.: *Дрыжакова Е. Н.* По живым следам Достоевского. С. 355.

³⁹ В трансформированном виде они воспроизведены в романе Чернышевского «Что делать?», с которым Достоевский полемизировал во многих своих произведениях. См. об этом: *Кибальник С. А.* Из рассказов «новых людей» о «новых людях» (Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» как закамуфлированный памфлет против А. И. Герцена) // Текст и традиция. СПб., 2021. № 9.

⁴⁰ Лит. наследство. 1956. Т. 63. Герцен и Огарев. Кн. 3. С. 507–508.

Однако ничего хорошего из этого не получилось, и виной тому во многом, по мнению Огарева, была сама Тучкова-Огарева: «Мой разрыв с тобой потому, что ты преследуешь детей моей сестры, которых я — умру — но не дам в обиду, а преследуешь ты их унижительно для себя, потому что, во-первых, ты их считала своими детьми, и, <во>-вторых, они против тебя ничего не сделали, и если ты не лжешь — ты не можешь сказать иначе». «Ради памяти умерших детей, которая должна быть *чиста*, ради жизни Лизы, которая должна быть *чиста*, — я умоляю тебя: „Опомнись!“» — призывал ее Огарев.⁴¹

При этом более всего Огаревым владела тревога за единственную оставшуюся в живых дочь Тучковой-Огаревой и Герцена: «А лучше всего опомнись, Натали, подумай, *что лучше сделать для Лизы*; поговорим вместе, когда прикажешь». Этой же тревогой за Лизу начинается и другое письмо Огарева к Тучковой-Огаревой: «Коренная мысль у тебя ясна до того, что разве слепой не прочел бы ее. Коренная мысль: „Выгони Тату и тогда я с Лизой приеду в дом твой“... *Этой мыслью мачехи ты портишь жизнь свою, Лизину, его и всех...*».⁴² Неспособность Тучковой-Огаревой найти общий язык с детьми Герцена от первого брака также могла отозваться в рассказе Достоевского той мучительной ревностью, которой даже после смерти своей жены Натали Васильевны невольно казнит свою дочь Трусоцкий.

Между тем Герцен до конца своих дней испытывал по отношению к Огареву чувство вины: «Тогда только проснулась мысль в Александре, что он сломал, уничтожил жизнь брата своего, друга, который никогда ему не причинил горя, во всю жизнь! Тогда настало время упреков и себе и мне — и жизнь наша превратилась в мрачную и тяжелую. Позже его мучило одиночество Огарева и еще больше мучило сближение Огарева с недостойной женщиной. Герцен говорил всегда с упреком: „Мы виноваты, мы толкнули его в эту страшную жизнь“».⁴³ И это также могло питать в рассказе Достоевского сюжетную линию Вельчанинов — Трусоцкий.

Все эти отношения между известными людьми и знакомыми Достоевского, разумеется, могли преломиться в его рассказе только криптографически — причем переплетаясь с его собственными былыми переживаниями, которые трансформированы в его тексте в еще большей степени.

Существование всех этих криптографических смыслов рассказа не вызывает сомнений, поскольку, во-первых, маркеры этих смыслов в тексте достаточно многочисленны и знаменательны, а во-вторых, поскольку огаревский подтекст удостоверен авторской пометой в плане рассказа. Легко разгадываемый криптоним «O-ff», сохранившийся в черновых редакциях к рассказу, оказывается ключом к разгадке его биографического подтекста. Этот подтекст воплощается в нем через криптографическую поэтику — целую систему, в которую складывается в рассказе ряд, казалось бы, разрозненных аллюзий. Без ее учета трудно совершенно адекватно уловить в этом его произведении художественную логику решения темы супружеской измены.

Криптопоэтика Достоевского переплетается в «Вечном муже» с его интертекстуальной поэтикой. Контуры семейной драмы Огарева и Герцена вводятся не только непосредственно, но также и через посредство интертекстуальных связей с романом Герцена «Кто виноват?». Безусловно, Достоевский опирается при этом и на собственный опыт криптографического письма, ранее уже опробованный им в таких произведениях, как романы «Село Степанчиково и его обитатели», «Игрок» и «Идиот».⁴⁴

⁴¹ Там же; курсив Огарева. — С. К.

⁴² Там же. С. 510.

⁴³ Тучкова-Огарева Н. А. Из «Дневника» и записных книжек. С. 338.

⁴⁴ См. об этом также: Кибальник С. А. Криптографические образы И. С. Тургенева в творчестве Ф. М. Достоевского 1860-х годов // Филологические науки. 2019. № 3. С. 77–86.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-123-129

© Т. В. Мисникевич

**«...В БУКВАЛЬНОМ СМЫСЛЕ СЛОВА
ПЕРЕСОЗДАТЬ НА ДРУГОМ ЯЗЫКЕ»:
К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МАНЕРЫ
ФЕДОРА СОЛОГУБА**

Переводы Федора Сологуба стихотворений Поля Верлена на русский язык были признаны критикой практически с первых появлений их в печати, при жизни поэта они пользовались популярностью и неоднократно включались в сборники переводов из Верлена.¹ Одним из наиболее известных является отзыв ближайшего «соперника» — переводчика Верлена — В. Я. Брюсова, отметившего, что Сологубу «удалось некоторые стихи Верлена в буквальном смысле слова *пересоздать* на другом языке, так что они *кажутся оригинальными произведениями* русского поэта, оставаясь *очень близкими к французскому подлиннику*».² Тонко подмеченный Брюсовым противоречивый характер переводческого метода Сологуба расценен им как несомненное достоинство. Однако опыт Сологуба подвергался и довольно резкой критике. Еще один переводчик Верлена — Георгий Шенгели, отдавая предпочтение переводам Брюсова, высказал следующее суждение: «У Сологуба — досаднейшие промахи в понимании как поэтического смысла, так и образов и даже выражений оригинала, не говоря уже о неприятной игривости и умильности тона».³

Попробуем разобраться, что именно в переводах Сологуба могло давать основание для подобной оценки. По мнению Брюсова, переводчик, обратившийся к творчеству Верлена, должен быть чрезвычайно аккуратен с его «импрессионистическими» стихотворениями: «Особенность этого метода состоит в том, что поэт не стремится нарисовать связную картину или рассказать последовательно события: он просто дает ряд образов, один за другим, соответственно тому, как они являлись пред его взором или сознанием, предоставляя читателю самому объединить их в целое. Он как бы накладывает краски, одну после другой, предоставляя им смешаться в восприятии зрителя. Переводчику следовало перенять этот метод и ни в коем случае не доделывать того, что автором было преднамеренно оставлено неоконченным, иначе был бы нарушен сам характер произведения».⁴

¹ См.: Верлен П. 1) Избранные стихотворения в переводе русских поэтов / Биография и характеристика творчества В. Изразцова. Учебное пособие по иностранной литературе. СПб., 1911; 2) Избранные стихотворения в переводе И. Анненского, Валерия Брюсова, В. А. Мазуркевича, Н. Минского, Н. Новича, П. Н. Петровского, Д. Ратгауза, С. Рафаловича, Федора Сологуба, И. И. Тхоржевского, Зинаиды Ц., О. Н. Чюминой (Михайловой) и Эллиса / Сост. П. Н. Петровский; с биографическим очерком В. Брюсова. М.: Польза, [1912]; переизд.: М.: Универсальная библиотека, 1915. В 1918 году Сологуб предложил Брюсову подготовить совместный сборник переводов из Верлена, но издание не состоялось; подробнее см.: Филичева В. В. «Соединение наших переводов могло бы быть полезно» (Ф. Сологуб и В. Брюсов в работе над переводами П. Верлена) // Текстология и историко-литературный процесс. М., 2016. Вып. 4. С. 131–140.

² См.: Брюсов В. От переводчика // Верлен П. Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1911. С. 7–8. Курсив мой. — Т. М.

³ Цит. по: Верлен П. Избранное из его восьми книг, а также юношеских и посмертно изданных стихов, в переводе с предисловием и примечаниями Георгия Шенгели / [Сост. и послесловие В. Перельмутера]. М., 1996. С. 22.

⁴ Брюсов В. От переводчика // Верлен П. Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова. С. 10–11. Рассуждения Брюсова подтвердил Шенгели: «Методика переводов Верлена варьируется от стихотворения к стихотворению. В некоторых его стихах точное значение слова играет лишь подсобную роль, и художественное впечатление создается игрой звуков и ритмов; в этих случаях переводчику надлежит, сохраняя, конечно, общий смысл, передать фоникой оригинала. <...> В иных вещах первостепенное значение имеет интонация, связанная с фактурой фразы и ее распределением по строкам <...>, и, лишь осуществив сходную волну, переводчик получает то покоящее звучание, которое из „простых слов“ делает поэзию. Стихи же пластического характера,

В качестве характерного образца «импрессионистических» Брюсов, в частности, упомянул стихотворения, вошедшие в раздел «Paysages belges» («Бельгийские пейзажи») сборника «Romances sans paroles» («Романсы без слов», 1874), отметив, что и данный сборник в целом — наиболее яркое воплощение импрессионизма как новаторского творческого метода Верлена.

Рассмотрим сологубовский перевод стихотворения «Bruxelles. Simples fresques. I» («La fuite est verdâtre et rose...»), который, как нам представляется, может послужить наглядной иллюстрацией того, как, при всех переводческих находках и интересных решениях в передаче образно-смысловой, фонетической и ритмической структуры оригинала, Сологуб, наряду с другими русскими переводчиками Верлена,⁵ сознательно или бессознательно прибегал к не вполне удачным «доделкам» и допускал «нарушения», от которых, с учетом собственного переводческого опыта, предостерегал Брюсов.

Первая редакция перевода, согласно сведениям авторских библиографических картотек и датировке автографа, была создана 25 марта 1893 года.⁶ Это шестой по счету перевод Сологуба из Верлена (первый перевод — стихотворения «Le ciel est, par-dessus le toit...» из сборника «Sagesse» — датирован 24 сентября 1892 года). Приведем его текст и текст оригинала:

Оригинал

La fuite est verdâtre et rose
Des collines et des rampes,
Dans un demi-jour de lampes
Qui vient brouiller toute chose.

L'or sur les humbles abîmes,
Tout doucement s'ensanglante,
Des petits arbres sans cimes,
Où quelque oiseau faible chante.

Triste à peine tant s'effacent
Ces apparences d'automne.
Toutes mes langueurs rêvassent,
Que berce l'air monotone.

Перевод (первая редакция)

В зелено-алой дали
Долины тонут⁷ и холмы,
И лампы с морем зыбкой тьмы
Свой слабый свет смешали.

Сквозят из тканей золотых
Кровавые пучины,
И голос слабой птицы тих
В деревьях без вершины,

И осень прячется слегка
С медлительностью скучной,
И грезит томная тоска
Под шепот однозвучный.⁸

В ходе работы над переводом Сологуб подготовил подстрочник стихотворения Верлена, представляющий собой вполне оформленный грамматически прозаический текст; значительная часть слов имеет несколько вариантов перевода:⁹

где центр тяжести лежит в слове и образе, требуют, конечно, максимально точного перевода в обычном понимании точности...» (цит. по: *Верлен П.* Избранное из его восьми книг, а также юношеских и посмертно изданных стихов, в переводе с предисловием и примечаниями Георгия Шенгели. С. 23).

⁵ Сопоставительный анализ переводов Сологуба с переводами его современников из Верлена см.: *Багно В. Е.* Федор Сологуб — переводчик французских символистов // *Багно В. Е.* «Дар особенный»: Художественный перевод в истории русской культуры. М., 2016. С. 207–267.

⁶ См.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 543, 545; Ед. хр. 38. Л. 345.

⁷ Первоначальный вариант автографа: «Перила лестниц».

⁸ Впервые эта редакция перевода была опубликована в журнале «Петербургская жизнь» (1898. № 273 (25 января). С. 2280); включена в оба издания переводов Сологуба из Верлена: *Верлен П.* 1) Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб.: Факелы, 1908. С. 64 (далее: *Верлен-1908*); 2) Стихи, выбранные и переведенные Федором Сологубом. М.; Пг.: Петроград, 1923. С. 101 (далее: *Верлен-1923*). Курсив мой. — *Т. М.*

⁹ О специфике автоподстрочников Сологуба см.: *Багно В. Е., Мисникевич Т. В.* Верлен в подстрочниках и Верлен в переводе: творческая лаборатория Федора Сологуба // *Studia Litterarum.* 2020. Т. 5. № 3. С. 358–377.

«Брюссель
 + Удаление (течение) есть зеленовато и розово
 Холмы (бугры) и покатые места (всходы, перила лестницы),
 В слабом свете ламп (лампад)
 Который приходит (прибыть, достигнуть) *перемешать* (расстроить, запутать) все
 (всякий, каждый) дело (вещь).
 + Золото на кротких (смиранный, смирный, покорный, низкий) безднах (про-
 пасть, пучина), // Помаленьку окровавляется (обагрется кровью),
 Маленькие деревья без вершины // Где поет некая слабая птичка.
 + Печальное (грустный, досадный, угрюмый, несносный, жалкий) едва (теперь
 только, лишь только) столько (столь, так много, до того) стираются (*заглаживают-
 ся*) // Эти приметы осени.
 Все мои слабости (бессилие, изнеможение, томление) бредят во сне,
 Которых убаюкивает *однозвучный* (монотонный, *скучный*) вид (воздух, ветер)».¹⁰

Проследим, что Сологуб сохранил из оригинала/подстрочника и что устранил либо подверг изменениям. Применяя методологию подсчета «меры точности» М. Л. Гаспарова,¹¹ в переводе можно выделить 33 знаменательных слова; 13 слов (14 — с учетом первоначального варианта стиха 2, соответственно, 39,39 и 42,42% перенесено из подстрочника (в переводе и подстрочнике выделены курсивом): холмы, перила лестниц, лампы, слабый свет, смешали, пучины, деревья без вершины, слабая птичка, осень, скучной, однозвучный, 5 слов заменены однокоренными синонимами: удаление — в дали, зеленовато — зелено, золото — золотых, окровавляется — кровавых, томление — томная), 6 слов — разнокоренными синонимами: розово — алой, поет — голос, слегка — едва, стирается — прячется, бредят — грезит, вид (воздух, ветер) — шепот, печальное — тоска, 9 слов добавлено: долины, тонут, с морем зыбкой тьмы, тканей, сквозят, тих, с медлительностью (27,27% от общего числа слов перевода). Таким образом, по формальному показателю перевод является довольно точным. Кроме того, лексические единицы, привнесенные в текст, служат для усиления картины постепенного погружения в темноту и ослабления звуков, вызывающей ощущение легкой грусти.

Верленовский восьмисложник со сплошной женской рифмовкой Сологуб передает с помощью трех- и четырехстопных ямбических строк, тем самым нарушив его равномерный ритм. В первой строфе, как и в оригинале, использована опоясывающая рифмовка, но со схемой ЖММЖ, два трехстопных стиха обрамляют два четырехстопных, во второй и третьей строфе — перекрестная, со схемой МЖМЖ, первый и третий стихи — четырехстопные, второй и четвертый — трехстопные.

Сологуб внимательно отнесся к фонической организации оригинала, используя в переводе аналогичные ассонансы и аллитерации, построенные преимущественно на сочетании звуков «о», «а», «у», «л», «р», «с», «ч», удачно сохранил звук «ш» в четвертом и восьмом стихе (*chose* — смешали, *chante* — вершины) и симметрично повторил его в двенадцатом стихе (*шепот*).

Однако в первой версии перевода поэт «увел» свой текст от оригинала довольно сильно. Стихотворение Верлена — классическая импрессионистическая зарисовка (что обозначено в самом названии цикла «Брюссель. Простые фрески»), навеянная впечатлениями от пребывания в Брюсселе во время путешествия по Бельгии летом 1872 года вместе с Артуром Рембо.¹² Оно может быть отнесено к «урбанистическим» лирическим произведениям Верлена, которые, по определению Шенгели, являются

¹⁰ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 345 об.

¹¹ См.: Гаспаров М. Л. Подстрочник и мера точности // Гаспаров М. Л. О русской поэзии. Анализ. Интерпретации. Характеристики. М., 2001. С. 361–372.

¹² См.: Поль Верлен: канва биографии / Сост. И. В. Булатовский // Верлен П. Стихотворения: В 2 т. / Изд. подг. Г. К. Косиков, В. Е. Вагно, И. В. Булатовский. СПб., 2014. Т. 1. С. 738 (сер. «Литературные памятники»).

одним из его новаторских достижений в европейской поэзии.¹³ Поэт создал образ города-призрака, где краски перемешаны и нечетки. Этот образ предельно емко и пластично и воплощает душевный опыт автора («*mes langueurs*»). Характеризуя специфику импрессионистического метода Верлена, Шенгели отметил, что поэт «утвердил правомерность анафора и нерасчлененного, полифонического и полихроматического восприятия мира, сделав мгновенное переживание поэтическим объектом».¹⁴

Сологуб сохранил общую цветовую палитру оригинала, но устранил заданную в первой строке «мягкость» верленовских полутонов («зеленовато» и «розово» заменил на «зелено-алой»). Описание («*La fuite est verdâtre et rose / Des collines et des rampes, / Dans un demi-jour de lampes*») преобразовано в действие («тонут»), усилена динамика («*doucement s'ensanglante*» — «сквозят <...> кровавые пучины»); ее подчеркивает анафора союза «и» в третьей, седьмой, девятой и одиннадцатой строках: быстро надвигающийся закат оборачивается «томной тоской» созерцания осенней природы.¹⁵

Ключевой для стихотворения Верлена образ города зафиксирован лишь в заглавии перевода, в автографе — с обозначением автора, сборника и цикла: «*Paule Verlaine. Romances sans paroles. Bruxelles. Simples fresques. I*», при публикации в *Верлен-1908* (в качестве второго перевода¹⁶) — с названием цикла на языке оригинала: «*Bruxelles. Simples fresques*», без указания, что данное стихотворение занимает в нем первую позицию, в *Верлен-1923* (в разделе «Варианты») Брюссель устранил и из заглавия, оно дано в усеченном виде — «Простые фрески». Такое итоговое решение вполне оправданно. «*Des collines et des rampes*» Брюсселя, увиденного глазами Верлена, у Сологуба преобразованы в условные «долины» и «холмы», скрывающиеся в предзакатных сумерках (любопытно, что в первоначальном варианте стиха 2 — «перила лестниц» — город присутствовал). Расширяет пространство и одновременно подавляет собой все окружающее образ «пучин», усиленный эпитетом «кровавые». «Деревья без вершин» — «*Des petits arbres sans cimes*» оригинала (по-видимому, аккуратно подстриженные для украшения городского ландшафта) в контексте перевода воспринимаются как залитые потоками лучей предзакатного солнца леса. Исчезает и сам лирический герой: его переживания и «томления», обостренные появлением первых признаков осени (стихотворение написано в августе), заменяются абстрактной «тоской», которая вполне естественно наполняет душу человека в это время года («*И осень прячется слегка / <...> / И грезит томная тоска*»; курсив мой. — Т. М.); причем рифменная пара второй и четвертой строки (скудной — однозвучной) автоматически отсылает к образно-смысловому ряду русской лирики XIX века (в частности, к «Зимней дороге» А. С. Пушкина: «По дороге зимней, скучной <...> / Колокольчик однозвучный / <...> / То сердечная тоска»; курсив мой. — Т. М.).

Вторая редакция перевода стихотворения «*Bruxelles. Simples fresques. I*» была создана 11 мая 1893 года:¹⁷

¹³ *Верлен П.* Избранное из его восьми книг, а также юношеских и посмертно изданных стихов, в переводе с предисловием и примечаниями Георгия Шенгели. С. 21.

¹⁴ Там же. С. 19. Данное суждение подтверждают составители издания переводов Верлена в серии «Литературные памятники»: «И если „рыдания осенних скрипок“, ранившие сердце героя „Осенней песни“, и „злой ветер“, который носит его „туда-сюда“, как „мертвый лист“, сотканы из чистого звука и ради чистого звучания, то в „Простой фреске. I“, написанной почти в том же регистре (и даже с рифмой «*automne-monotone*», отсылающей к «Осенней песне») чистое звучание еле слышной птичьей песенки на безверхих деревьях добыто ценой подлинных „*langueurs*“ (томлений, слабости, апатии) и призвано их „убаюкивать“» (*Багно В. Е., Булатовский И. В., Яснов М. Д.* Отчаянная любовь. Поль Верлен и его русские переводчики // *Верлен П.* Стихотворения. Т. 1. С. 410).

¹⁵ См. также: *Стрельникова А. Б. Ф.* Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. Томск, 2010. С. 136.

¹⁶ В сборнике все тексты помещены в одном разделе, раздел вариантов был выделен Сологубом только в издании 1923 года.

¹⁷ Беловой автограф с незначительной правкой см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 350; текст зафиксирован в авторской хронологической картотеке и картотеке переводов: Там же.

Оригинал	Перевод (вторая редакция)
La fuite est verdâtre et rose Des collines et des rampes, Dans un demi-jour de lampes Qui vient brouiller toute chose.	В дали зелено-красной Долины и холмы Под дымкой полутьмы Бегут чредой неясной.
L'or sur les humbles abîmes, Tout doucement s'ensanglante, Des petits arbres sans cimes, Où quelque oiseau faible chante.	На золоте пучин Все больше красных полос. ¹⁸ В деревьях без вершин Чуть слышен птичий голос.
Triste à peine tant s'effacent Ces apparences d'automne. Toutes mes langueurs rêvassent, Que berce l'air monotone.	Приметы сглажены слегка Поры осенней, скучной, И песней однозвучной Развеяна тоска. ¹⁹

Оценим «меру точности» данной версии перевода. Во второй редакции можно выделить 30 знаменательных слов; 9 слов, что составляет 30 %, перенесено из подстрочника (в переводе и подстрочнике выделены курсивом): холмы, золотого, пучина, деревья без вершины, приметы, сглажены, скучной, однозвучной, 5 слов заменены однокоренными синонимами: удаление — в дали, зеленовато — зелено, птичка — птичий, осени — осенней поры, поет — песней), 9 слов — разнокоренными синонимами: розово — красной, в слабом свете — под дымкой полутьмы, окровавляется — красных полос, поет — слышен голос, слегка — чуть, стирается — сглажены, убаюкивает — рассеяна, печальное — тоска, 4 слова добавлено: долины, бегут, чредой неясной (13,33 % от общего числа слов перевода). Таким образом, по формальным показателям перевод, как и его первая редакция, является вполне точным.

Сологуб изменил ритмическую организацию текста стихотворения, используя только трехстопный ямб, за исключением четырехстопного ямба в стихе 9. В первой строфе, как в оригинале и первой редакции перевода, использована опоясывающая рифмовка, со схемой ЖММЖ. Во второй строфе — перекрестная рифмовка, МЖМЖ. В третьей наблюдается нововведение — опоясывающая рифмовка, со схемой МЖМЖ.

В результате, при сходной фонической организации, общее «звучание» перевода улучшается; равное количество стоп в большей степени отвечает оригиналу с равным количеством слогов в стихе и обеспечивает плавный ритм (трехстопный ямб является распространенным песенным размером²⁰).

Сологуб, по-видимому, стремился сконцентрировать, уплотнить свой текст, приблизить его к верленовской зарисовке: усилил описательный момент, заменив глаголы именными конструкциями: «все больше» вместо «сквозят», «сглажены» вместо «прячется», «рассеяна» вместо «грезит», убрал строфическое деление (в первоначальном варианте автографа; впоследствии восстановлено).

Тем не менее намеченная легкими штрихами довольно статичная зарисовка Верлена преобразовалась в череду мелькающих перед глазами отдельных картинок (в первой редакции благодаря анафоре союза «и», во второй — лексеме «бегут»). Как и первая редакция, это «*raysages*», но не «*Bruxelles*». В автографе в качестве заголовка использована лишь общая отсылка к источнику — «Из Поля Верлена»; под текстом

Ед. хр. 543, 545. Первая публикация этой редакции состоялась в «Новом журнале иностранной литературы, искусства и науки» (1904. № 11. С. 134); ее текст включен в *Верлен-1908* (С. 63) и в *Верлен-1923* (С. 100).

¹⁸ Первоначальный вариант стихов 5–6: «В деревьях без вершин / Все больше красных полос».

¹⁹ Первоначальный вариант стиха 12: «Усыплена тоска».

²⁰ Подробно о семантическом ореоле трехстопного ямба см.: *Гаспаров М. Л.* «В минуту жизни трудную...» (3-ст. ямб: дифференциация ореола) // *Гаспаров М. Л.* Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти. М., 2000. С. 88–119.

указано издание, по которому осуществлен перевод: «Romances sans paroles. Стр. 23».²¹ «Птичий голос» дополнила «песня однозвучная» (и сопутствующий ей ассоциативный ряд русской лирики XIX века — дорога, тоска, песня), заменив «шепот однозвучный», который был гораздо ближе к «l'air monotone» оригинала.

Сологуб пытался практически одновременно опубликовать обе версии перевода, отправив вторую 6 декабря 1897 года в «Вестник иностранной литературы» (публикация не состоялась), а первую 8 декабря — в «Петербургскую жизнь».²² Но возможно, вторая редакция перевода расценивалась Сологубом как более удачная; в *Верлен-1908* и в *Верлен-1923* она опубликована в качестве первого варианта.²³

Среди материалов к переводам из Верлена в архиве Сологуба сохранилась еще одна, незавершенная, редакция перевода этого стихотворения. Она датирована 9 августа 1894 года и замыкает первый период переводческого увлечения Сологуба Верленом (в 1895–1896 годах поэт перевел всего по одному новому стихотворению и создал новые версии двух ранее переведенных текстов²⁴). В качестве заголовка использовано описание источника перевода: «Paul Verlaine. Romances sans paroles, p. 23. Paysages belges. Bruxelles. Simples fresques, I»; представлен автограф первой строфы:

Зеленеют и краснеют
Дали, склоны и холмы.
И под дымкой полутьмы
Очертания тускнеют.²⁵

Сологуб вновь поменял размер — на этот раз на четырехстопный хорей, вполне соответствующий восьмисложнику Верлена, сохранил схему рифмовки предыдущих версий, но увеличил число глаголов, что привело к некоторому изменению верленовского замысла.

Все версии перевода²⁶ так или иначе отражают колебания и творческие поиски Сологуба в период становления его как переводчика. Создавая тот или иной вариант/редакцию текста перевода, он терпеливо пытался подобрать нужное соответствие ритмике, фонике, образному строю оригинала. В данном случае Сологуб в качестве приоритета выбрал точность звучания, а не точность образа. Брюсов, рассуждая о возможных подходах к переводу стихотворений Верлена, выделил в особую группу «те его песни, в которых на первом месте стоит музыка слов»: «В этих небольших стихотворениях словесное содержание отходит на второй план, и пленяют прежде всего сами звуки слов, сочетания гласных, согласных и носовых. Понятно, какое затруднение представляли такие стихи для переводчика. Если бы он стал заботиться исключительно о точной передаче мыслей и образов оригинала, он легко мог бы упустить из виду самую суть его, легко мог бы превратить „Романсы без слов“ в „Слова без романсов“. Надо было найти в звуках русских слов что-то соответствующее музыке слов француз-

²¹ Имеется в виду издание: *Verlaine P. Romances sans paroles*. Paris: Leon Vanier, 1891. Экземпляр издания с пометами Сологуба сохранился в составе его личной библиотеки; см.: *Шаталина Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба (Материалы к описанию) // *Неизданный Федор Сологуб* / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 454.

²² См.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 543, 545.

²³ Логика расположения вариантов текста при публикации в *Верлен-1908* и в *Верлен-1923* у Сологуба была довольно прихотливой; порядок обозначения вариантов, как правило, не соответствует последовательности их создания; подробнее см.: *Стрельникова А. Б.* Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. С. 82–107; *Мисникевич Т. В.* «Основной» текст и вариант как проблема перевода («L'ombre des arbres dans la rivière embrumée...» в творческом диалоге Федора Сологуба и Поля Верлена) // *Русская литература*. 2015. № 4. С. 116–127.

²⁴ Хронологический указатель переводов Сологуба из Верлена см.: *Стрельникова А. Б.* Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. С. 164–168.

²⁵ См.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 116.

²⁶ За рамками статьи оставлена поздняя версия перевода, включенная в основной текст *Верлен-1923*, «И холмы, и долов дали...», поскольку она отражает принципиально новый этап в переводческой биографии Сологуба.

ских, по возможности не удаляясь слишком от оригинала. Во всяком случае, в этих стихотворениях скорее можно было пожертвовать точностью образа, чем певучестью стиха».²⁷ Подобное предпочтение в случае со стихотворением «Bruxelles. Simples fresques. I» привело к известному искажению смысловой доминанты оригинала, но одновременно обеспечило ему свое место в ряду переводческих поисков Сологуба в области фоники, ритмики и лексики.

²⁷ Брюсов В. От переводчика // Верлен П. Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова. С. 11.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-129-136

© Г. В. Обатнин

К БИОГРАФИИ ВЯЧ. ИВАНОВА: ПОЕЗДКА В ПАЛЕСТИНУ*

В своей статье «Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова» С. С. Аверинцев противопоставил блоковскую «идею пути» и «исток — возврат — затвор» как модель для эволюции творчества Вячеслава Иванова. По мысли ученого, с ней связан ряд поэтических и философских размышлений, волновавших поэта, в частности «обличение» времени (и, добавим, соответственно, воспоминаний) как «ухода от памяти и верности» или сквозная тема «дома», в «укромной тесноте которого» герой поэзии Иванова собирает себя.¹ В этом смысле ивановская вертикаль противопоставит блоковской горизонтали, но этим наблюдениям можно придать и биографическое измерение. Иванов в мемуарных и автобиографических свидетельствах и в самом деле предстает домоседом.² Сошлемся на воспоминания Е. К. Герцык о пребывании писателя с семьей и А. Р. Минцловой у них в гостях летом 1908 года: «Вяч. Иванов никогда не бывал в Крыму, все волновало его здесь отголоском Италии, томило печальным напоминанием: кипарисы под его балконом, доносимые ветерком южные запахи. Но идти по этой новой и не новой ему земле у него не было охоты. Или он уже отходил свое — знаю, что когда-то он излазил даже скалы Корнвалиса над океаном... С трудом удавалось нам и девочкам звать его к морю или знойным утром в виноградник, а куда-нибудь дальше в горы — уж никак не пешком, а только на старенькой тряской нашей линейке».³

Однако уже мемуаристка догадалась, что так было не всегда. Стихотворение «Кочевники Красоты», где декларируется мобильность как сущностное свойство

* Настоящая работа была задумана и сложилась как продолжение трудов Н. В. Котрелева и готовилась как подношение к прошедшему в 2021 году юбилею ныне покойного ученого, успешного дать разрешение на это посвящение.

¹ Вяч. Иванов: pro et contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 2016. Т. 2. С. 32–34.

² Нам приходилось уже указывать на то, что это важно для понимания стихотворения «Земля», где герой сначала был представлен гражданином-горожанином, чуждым загородным путешествиям и крестьянскому труду (см.: Обатнин Г. В. История текста как метод его анализа: О стихотворении Вяч. Иванова *Земля* // Историческое и надвременное у Вячеслава Иванова: К 150-летию Вяч. Иванова. *Dialettica tra contingenza storica e valore universale in Vjačeslav Ivanov*. Salerno, 2017. С. 227 (Europa Orientalis; vol. 35)). То же можно отследить в статье «Две стихии в современном символизме», где Иванов упоминает «сократовское предпочтение городских прогулок загородным» (Иванов В. И. По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы / Отв. ред. К. А. Кумпан. СПб., 2018. Кн. 1. С. 171; Кн. 2. С. 358).

³ Герцык Е. К. Лики и образы. М., 2007. С. 168. В цитате упоминается пребывание супругов Ивановых зимой и весной 1900 года в Северном Корнуоле, морские пейзажи которого отразились в шести последних стихотворениях цикла «Thalassia», на что было указано в авторском примечании к сборнику «Кормчие звезды» (Иванов В. И. Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. I. С. 860; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы).

художественных натур, как и многие другие тексты сборника «Прозрачность», создавалось в тесном творческом взаимодействии с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. На это указывает эпиграф из ее до сих пор не опубликованного романа «Пламенники», а «кочевье красоты» упоминается в ее рецензии на А. Жида, что отмечал уже Р. Е. Помирчий.⁴ Фигура художника-кочевника согласуется с тем житейским обликом писательницы, каким мы его знаем по мемуарам (порывистая, стремительная, воодушевляющаяся), и со скитальческим стилем ее жизни (пусть отчасти и вынужденным) до знакомства с Ивановым. Добавим, что он в то время тоже имел вкус к путешествиям. Об этом свидетельствуют, например, его письма к первой жене Д. В. Дмитриевской, многие из которых содержат конкретные указания, где и что посмотреть в Европе и какими путешественниками лучше пользоваться.⁵

Ситуация изменилась после поездки в Палестину на Пасху 1901 года, где с Ивановым приключилось несчастье. Вот как об этом вспоминала дочь писателей: «Мама обожала лошадей и была прекрасной амазонкой. Во время их путешествия в Палестину они с Вячеславом совершали какой-то длинный поход по пустыне. Ехали верхом с арабскими проводниками. Лошадь под Вячеславом была с норовом и сбросила его. Он упал, сильно поранил о скалу голову, и они оказались в очень тяжком положении посреди пустыни. У Вячеслава осталась на всю жизнь страх к верховой езде».⁶ Эта на первый взгляд туристическая поездка заслужила упоминания Ивановым и в «Автобиографическом письме», тем самым войдя в число незабываемых фактов его жизни: «Из Афин мы ездили с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал на пасху в Палестину и посетили по пути Александрию и Каир. После этой поездки я заболел в Афинах тифом в столь длительной и опасной форме, что врачи почти уже отчаивались в моем выздоровлении» (II, 21).

Иванов скупко допускал в стихи личные воспоминания и даже обосновал это во «вступлении» в поэму «Деревья» (1917). Однако, как показал Н. В. Котрелев, поездка в Палестину отразилась в его творчестве в трех поэтических текстах: «Атика и Галилея» (опубл. в 1905),⁷ «Яффа» («Распрыгались у пироскафа...») и «Фламинго» («Плоской чашей, розовой по краю...»). Основываясь на письме Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к И. М. Гревсу от 23 августа 1901 года, ученый продемонстрировал, что первое из них, насыщенное топонимами двух стран и эпikleзами Афины и Девы Марии, предстает как отражение впечатлений и размышлений от поездки.⁸ Два других стихотворения были названы им в комментариях к публикации самого этого письма, написанного уже по возвращении в Грецию и повествующего о деталях двухнедельного пребывания в Палестине и Египте, где Ивановы проникали внутрь пирамиды Хеопса. Это пребывание не всегда было комфортным: кроме падения с лошади, Зиновьева упоминает о плохих условиях жизни, а также о том же «страшном южном тифе», который овладел Ивановым по возвращении и продлился больше 45 дней.⁹

⁴ Иванов В. И. Стихотворения и поэмы. Трагедия: [В 2 кн.]. СПб., 1995. Кн. 2. С. 290 (Новая Библиотека поэта. Большая сер.).

⁵ См. также выдержки из дневника Дмитриевской об их совместном путешествии по Сицилии в 1892 году: «Серебряный век» в волшебной стране: заметки и дневники / Публ. Н. В. Котрелева // Русская Сицилия. La Sicilia dei Russi / Науч. ред. и сост. М. Талалай. М., 2013. С. 181–185.

⁶ Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. М., 1992. С. 29. Отъезд в Палестину она мельком упоминает и выше, и это, возможно, отражает детскую психологическую травму от многодневных отсутствий родителей.

⁷ Фрагмент чернового автографа «Атики и Галилеи», хранящийся в Пушкинском Доме (ИРЛИ. Ф. 607. № 5), демонстрирует, что первоначально графической разбивки стихов на колонки не было, зато четверостишия были пронумерованы (автограф состоит из последних трех четверостиший, 10, 11 и 12, что соответствует окончательному тексту).

⁸ См.: Котрелев Н. В. Вячеслав Иванов. «Атика и Галилея» (из материалов к комментариям на корпус лирики) // Scripta Gregoriana: Сб. в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина. М., 2003. С. 397–404. Впечатлившей супругов горой «Кармил. Май. 1901» помечено неопубликованное предисловие к «Кормчим звездам» (Обатнин Г. В. Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 35).

⁹ История и поэзия. Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исследование и комм. Г. М. Бонгард-Левина, Н. В. Котрелева, Е. В. Ляпустиной. М., 2006. С. 232–235.

Стихотворение «Яффа», которое в первой публикации в альманахе «Гюлистан» называлось «Воспоминание о Яффе», описывает высадку в этом городе с корабля при сильном волнении на море и не только находит прямое соответствие в письме Зиновьевой-Аннибал («перелетели благополучно через зиявшие камни»), но содержит и дополнительное воспоминание:

А ближний челн (пророков души
Не все, зная, кормщик помянул),
Отдав пловцов живыми суше,
С почтовым грузом утонул.

(III, 506)

Третье стихотворение, в котором отразилась поездка в Палестину, при повторной публикации в «Свете вечернем» получило название «Фламинго», а впервые появилось в майском–июньском номере журнала «Северные записки» с датой под текстом 24 января 1915 года, которую Иванов сохранил и в сборнике. Это тоже путевая зарисовка,¹⁰ воспоминание о Ниле с его лотосами и фламинго («Этих красок юность помнят взоры...»), которые и дали возможность гораздо позже посвятить стихотворение О. А. Шор и поменять заглавие.¹¹ Беловой автограф «Яффы», хранящийся в Римском архиве поэта, имеет дату «На 9 марта»,¹² т. е., как уже отметил Н. В. Котрелев, написано приблизительно в то же время, что и «Фламинго». Дополнительно подтверждает эту близость тот факт, что карандашный законченный черновик этого текста из Пушкинского Дома датирован 9 января, причем название месяца зачеркнуто и исправлено на март.¹³ Таким образом, поэт в январе 1915 года сначала написал «Яффу», потом «Фламинго» (кстати, в «Свете вечернем» они идут один за другим именно в таком порядке), а в марте вернулся к первому тексту и переделал его, поставив новую дату.

Тетрадь с автографами из Римского архива, где записана «Яффа», дает нам возможность восстановить текстовое окружение этого последнего варианта. Он помещается между стихотворениями «Хвала» (8 марта) и «Перемышьль» (10 марта), далее идет «Чаша Св. Софии» («Расступились древле чудом стены...») с датой «На 11 марта» и созданный на следующий день «Афродита Всенародная» («Афродита Всенародная и Афродита Небесная»). Это все серьезные, даже идейные произведения, но 13 марта Иванов пишет еще одно «легкое» стихотворение в духе «Яффы» — «Ветер, пахнущий снегом и цветами...».¹⁴ Под названием «Дельфины» оно на следующий год будет

¹⁰ Что было отмечено и Р. Е. Помирчим, правда, на год ошибившимся в дате поездки (Иванов В. И. Стихотворения и поэмы. С. 339).

¹¹ Тот факт, что Иванов дал мемориальному стихотворению заглавие по домашнему прозвищу последней соратницы, включает ее в интимную историю семьи. Напомним, что в XI и XII сонетах из цикла «Золотые завесы» (1907) их адресат, М. В. Сабашникова, «припоминается» герою тоже как инкарнация египетских персонажей (II, 389–390).

¹² РАИ. Оп. 1. Карт. 5. Папка 3. Л. 5 об. Его в отсканированном виде можно посмотреть по адресу: <http://www.v-ivanov.it/archiv/opus-1/karton-5/p03/op1-k05-p03-f05v.jpg>; дата обращения: 29.07.2021. Кроме того, здесь же хранится датированный просто 1915 годом беловой автограф чернилами под заглавием «Воспоминание о Яффе» с посвящением «памяти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал» (Там же. Карт. 1. Папка 4. Л. 62; см.: http://www.v-ivanov.it/archiv/opus-1/karton-1/p04-1915/op1-k01-p04-f62_vospominaniya_o_yaffe.jpg; дата обращения: 29.07.2021). См. также тщательно переписанный (наборный?) недатированный автограф под тем же заглавием, но уже без посвящения: Там же. Л. 63; http://www.v-ivanov.it/archiv/opus-1/karton-1/p04-1915/op1-k01-p04-f63_vospominaniya_o_yaffe.jpg; дата обращения: 29.07.2021. Для полноты упомянем также две машинописные копии текста, сделанные, очевидно, в процессе подготовки сборника «Свет вечерний».

¹³ ИРЛИ. Ф. 607. № 49; см.: <http://ro.pushkinskijdom.ru/imageViewer/img?url=kJ2VmpyLwsjMx8nMyMbM2Z6Li43Czs/Ix8fZjJqNlp6Tws3ZmI2Qio/CztlIi5KUq5qHi8KNkNGPioyXlJaRjJSWlZuQktGNig==>; дата обращения: 29.07.2021.

¹⁴ Беловой автограф с правкой без заглавия из Римского архива: РАИ. Оп. 1. Карт. 5. Папка 3. Л. 8; см.: <http://www.v-ivanov.it/archiv/opus-1/karton-5/p03/op1-k05-p03-f08.jpg>; дата обращения: 29.07.2021. Карандашный черновик «Дельфинов» (полный текст), хранящийся

опубликовано в сборнике «Полон» и под ним же войдет в «Свет вечерний». ¹⁵ Однако прежде чем перейти к его анализу, исправим накопившиеся последствия его ошибочной датировки.

Дело в том, что в третьем томе брюссельского собрания в составе «Света вечернего» была указана неверная дата его написания, 1913 год (а также неверное место первой публикации; III, 825), которая перешла и в издание в серии «Библиотека поэта». ¹⁶ Первая строка стихотворения представляет собой цитату из путевого очерка А. Н. Толстого «Письма с пути», фрагмент из которого был помещен в качестве эпитафии к тексту. Еще одним транслятором ошибки стало Собрание сочинений К. И. Чуковского, где в мемуарном очерке критика о Толстом к фразе с упоминанием, что писатель призывал только влияние на него Вячеслава Иванова, Е. Ц. Чуковской было сделано примечание, начинавшееся фразой «В 1913 году Вячеслав Иванов написал стихотворение „Дельфины“ под непосредственным влиянием А. Н. Толстого...». Чтобы объяснить внутренние причины появления ивановского стихотворения именно в том году, Чуковская предположила, что «оно написано вскоре после того, как в журнале „Черное и белое“ Толстой напечатал эпиграмму на Вяч. Иванова (1912, № 2)», и так возникла традиция ложного истолкования. ¹⁷ В книге Е. Д. Толстой «Ключи счастья» это примечание частично процитировано, частично пересказано, предположение Чуковской в том числе. ¹⁸ Стихотворный размер «Дельфинов» привлек внимание В. А. Плунгяна, который квалифицировал его как «редкий в русской поэзии тип логаяда, состоящего из сочетания трехсложных и четырехсложных стоп». ¹⁹ По мнению стиховеда, полагавшегося на датировку брюссельского собрания, непосредственным предшественником Иванова была только А. К. Герцык, «более многочисленные образцы этого метра, принадлежащие Парнок, Цветаевой и Георгию Иванову, появляются только в 1915–1920 годах», кроме того, «начиная с 1915 года Меркурьева создает более 10 тонических стихотворений, написанных такими комбинациями стоп», а влияние на нее Иванова «общеизвестно». ²⁰ Однако очевидно, что при правильной датировке в этой цепочке «влияний» Иванов занимает далеко не такое существенное место.

Серия кавказских военных очерков Толстого «Письма с пути» публиковалась в «Русских ведомостях» целый месяц, с 15 февраля по 15 марта 1915 года, так что Иванов прочел вдохновившую его цитату именно в газете. ²¹ Ветер, пахнущий разными цветами — то лавровишни, то фиалок, а также туманом, в очерках упоминается не раз, однако поэт выбирает именно проходной, описательный фрагмент, посвященный поездке на пароходе с выпрыгивающими дельфинами и «ветром, пахнущим снегом и цветами». ²² Соблазнительно было бы предположить, что фраза могла привлечь вни-

в Пушкинском Доме, не датирован (ИРЛИ. Ф. 607. № 10; см.: <http://ro.pushkinskijdom.ru/imageViewer/img?url=kJ2VmpyLwsjMx87Jyc7J2Z6Li43Czs/lx8fZjJqNlp6Tws3ZmI2Qio/CztmIi5KUq5qHi8KNkNGPioyXlJaRjJSWlZuQktGNig==>; дата обращения: 29.07.2021).

¹⁵ См. также в авторском библиографическом списке: «Дельфины — Сборник о пленных» (РГБ. Ф. 109. Карт. 5. № 59).

¹⁶ Иванов В. И. Стихотворения и поэмы. С. 339.

¹⁷ Чуковский К. И. Алексей Толстой // Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. М., 2001. Т. 5. С. 261.

¹⁸ Толстая Е. Д. Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М., 2013. С. 187–188.

¹⁹ Любопытно, что наборный автограф этого стихотворения, хранящийся в Римском архиве, снабжен сделанной карандашом под текстом ритмической схемой строфы (РАИ. Оп. 1. Карт. 1. Папка 2. Л. 17, см.: http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-1/p02-1913/op1-k01-p02-f17_deljfnu.jpg; дата обращения: 29.07.2021).

²⁰ Плунгян В. А. Тонический стих Вячеслава Иванова: К постановке проблемы // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб., 2010. Вып. 1. С. 300.

²¹ В номере, вышедшем за два дня до создания им стихотворения: Толстой А. Письма с пути. Письмо XXIII // Русские ведомости. 1915. 11 марта. № 57. С. 2; см. также: Толстой А. Н. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 3. С. 485 (комм.).

²² Полная цитата выглядит так (курсивом выделен фрагмент, поставленный эпитафией): «Перед нами далеко в море уходила желтая полоса пресных вод. Когда мы вошли в нее, в снастях и реях зазвистел ветер, пахнущий снегом и цветами; он с силой вылетал на свободу из тесного ущелья. Из желтоватой воды, из-под самого парового носа, стали выпрыгивать проворные

мание поэта по ассоциации с давним своим путешествием до Яффы, о котором он три дня назад написал стихотворение, если бы не одно обстоятельство. Тот же самый образ «цветного ветра», веющего с материка на море, появляется в юношеской поэме Иванова «Ars mystica» (1889) в качестве весьма знаменательной аллегии. Закончив рассуждение о ценности традиционных форм искусства, которым Иванов объяснял свой выбор горацанской стихотворной эпистолы (и, добавим, александрийского стиха), поэт переходил к архитектуре:

Как мощный пыл отцов, нам чужд их идеал;
А наших дум предмет случаен, странен, мал.
Не лучше, коль устав в блуждании беззаконном,
Копируем отцов с вниманием благосклонным.
Примером — зодчество. Был век: внезапный луч
Рассеял ночи сон; забил замерший ключ
Античной красоты; из призрачного плена
В палаты Фауста вселилася Елена;
Пахнуло сладостно дыханием богов:
Так быстрый вестник — ветер с покинутых берегов
Догнав родных пловцов в морской пустыне дальней
Льет цветочный дух — земли привет прощальный.²³

Внимание к фразе из очерка Толстого определенно носит мнемонический смысл, хотя бы как воспоминание о своем собственном тексте, и этому не мешает появление того же образа у А. А. Фета в описании поэтического вдохновения (1887):

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учюять ветер с цветущих берегов...²⁴

Так оказываются связанными темы воспоминания, художника и передачи традиции в искусстве. Поэтому обратим внимание на то, как построено стихотворение

водяные жители — дельфины; крутым побегом они выскальзывали на воздух, опустив хвост, описывали дугу и вновь погружались без всплеска» (Там же. С. 135). О посещении А. Н. Толстым квартиры Ивановых на Зубовском рассказывал В. Ф. Эрн в письме своей жене от 24 марта 1915 года: «На первый день Пасхи был „Алешка“. Прочел вслух свой рассказ из „Рус<ских> Вед<омостей>“, сидел долго, заговорился. Мы с Вяч<еславом> его похвалили, и он был очень доволен» (Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. И. Кейдана. М., 1997. С. 634; Пасха в 1915 году приходилась на 22 марта, очевидно, имеется в виду военный рассказ Толстого «На горе»: Русские ведомости. 1915. 22 марта. № 67. С. 2). Из тех же писем известно, что Толстой планировал принять участие и в домашнем журнале «Бульвар и переулок». Напомним, что в мае 1915 года В. К. Шварсалон с Димой поехала на отдых к Эрнам в Анапу, а на следующую весну Ивановы почти на полтора года оставят Москву ради Кавказа.

²³ Иванов В. *Ars mystica*. Послание (к А. М. Д-скому) / Подг. текста Е. Глухой, С. Титаренко; комм., приложения С. Титаренко // Символ. 2008. № 53–54. С. 44 (см. также: ИРЛИ. Ф. 607. № 1. Л. 2). Воспользуемся случаем, чтобы указать на еще один фрагмент автографа поэмы: запись на отдельном листе финального стиха одной из строф, но латиницей, снабженной диакритикой, как в некоторых западнославянских языках: «K Favógu vosklicâl: o Hóspodi, dokóle?». Так же записана строка из другого места поэмы (с. 51 по публикации Титаренко–Глухой) и, наконец, в той же записи первые четыре стиха процитированного выше отрывка, причем в ином порядке. Ниже, но уже кириллицей и в строку приведена финальная строфа поэмы («Прости, на все призывь я призываю твой суд...»); ИРЛИ. Ф. 607. № 203. Л. 67). Стоит добавить, что на обороте листа находится один из фрагментов замысла поэмы «Матери», также связанного с «Фаустом» Гете.

²⁴ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1937. С. 34–35. Отметим, что в стихотворении А. де Мюссе «Impromptu en réponse a cette question: Qu'est-ce que la poésie?», которое считается возможным претекстом для фетовского (см. об этом в комментарии Б. Я. Бухштаба на с. 690), этого образа нет.

«Дельфины». Оно композиционно закольцовано, так как первый и последний стих повторяются дословно, а третий и одиннадцатый частично («Вырываясь из узкого ущелья» — «С силой, рвущейся в устье из ущелья»):

Ветер, пахнувший снегом и цветами,
Налетел, засвистел в снастях и ряях,
Вырываясь из узкого ущелья
На раздолье лазоревой равнины.

Как Тритон, протрубил он клич веселья,
Вздых весенний кавказского Борея,
Вам, курносые, скользкие дельфины,
Плясуны с крутогорбыми хребтами.

На гостины скликал вас, на веснины,
Стеклоокого табуны Неряя,
С силой рвущийся в устье из ущелья
Ветер, пахнувший снегом и цветами.

(III, 503–504)

Закольцована и строка «На гостины скликал, на веснины», так как в ней начало рифмуется с концом (Брюсов называл такую рифмовку «серпантинном»). Кроме того, эти три четверостишия написаны на четыре рифмы, причем рифмовка первого и последнего четверостиший почти зеркально повторяют друг друга (абвг вбга гбва).²⁵ Это создает у читателя впечатление твердой стихотворной формы, как правило, построенной на построении рифм и строк. То же можно сказать и про восьмистишие «Фламинго»:

Плоской чашей, розовой по краю,
Лотос белый зыблется над Нилом,
И чертят фламинго в синем небе
Дуги света розовой Авроры.

Этих красок юность помнят взоры.
Мать-Земля себя подобной Гебе
Видит в них, как в зеркале застылом,
Обрученной суженому Раю.

(III, 507)

Уподобление Земли богине юности, «ветреной» Гебе, дочери Зевса и Геры, жены Геракла, виночерпию на пирах богов, отстраненной за оплошность, описанную в известном стихотворении Тютчева, вводит мотив суженой (невесты). При этом зеркало нильских вод, на котором она гадает о женихе, графически обозначено формой, где верхнее четверостишие как бы отражается в нижнем (в журнальной публикации оно было напечатано с отступом), что поддерживается симметричностью рифмовки (абвг гбва).²⁶

²⁵ Сохранился также черновой автограф чернилами второй, центральной строфы: «Звал Тритон вас, дельфины, на веселье / В трубах вешних кавказского Борея» и т. д. (ИРЛИ. Ф. 607. № 50. Л. 1 об.; см. также: <http://ro.pushkinskiydom.ru/imageViewer/img?url=kJ2VmpyLwsjMx8nLysnJ2Z6Li43Czs/Ix8fZjJqNlp6TwszZmI2Qio/CztmIi5KUq5qHi8KNkNGPioyXlJaRjJSWlZuQktGNig==>; дата обращения: 29.07.2021). Возможно, она пришла к поэту первой, и тогда остальные четверостишия как бы ее обрамляют.

²⁶ Поиски прецедентов подобной композиции привели нас к учебнику А. А. Илюшина «Русское стихосложение», где об А. Кантемире сказано следующее: «Вообще же он любил экспериментировать именно с восьмистишиями. В одном из них встречается редкостная комбинация рифм — двустипие парной рифмовки окружено тремя концентрическими поясами рифм: АБВГ-ГВБА. Казалось бы, все это можно расценивать как подступ Кантемира к выработке своего варианта октавы. Но до реализации этого варианта дело не дошло» (Илюшин А. А. Русское стихо-

Очевидно, что зимой–весной 1915 года на Иванова нахлынули воспоминания о поездке в Палестину, и это составляет личный, биографический аспект его размышлений о поэтическом искусстве того времени.²⁷ Их задачи были обозначены уже в декабре 1914 года в стихотворении «Мемнон», а в январе написано стихотворение «Превращение» («Поэт» в «Свете вечернем»), и в марте — «Весенние ветви души» («Поэзия»), которые войдут в цикл «Лебединая память», опубликованный в августовском номере «Русской мысли». Творческий подъем поэта радовал жившего в ту пору в его квартире В. Эрн, который сообщал жене в Тифлис 25 января, т. е. на следующий день после написания «Фламинго»: «Мы живем очень дружно. Вяч. Иванович каждый день читает новые стихи. Каждую ночь рождает их. У него образуется чудесный цикл эфирных стихов, изумительно нежных и тонких».²⁸ Первая строфа «Яффы» под-сказывает включить в сферу этого мемориального импульса еще один текст:

Распрыгались у пироскафа
Лады арабские. Бедой
Ревнивая грозила Яффа
За обуруненной грядой.

(III, 506)

Думается, поэт знал устаревшее, греческое по своей внутренней форме, слово *ругосархе*, которым во времена Пушкина обозначали первые пароходы, однако с не меньшей уверенностью можно говорить о знакомстве его с предсмертным стихотворением Е. Баратынского «Пироскаф», где также описано морское путешествие.²⁹ Кстати, его герой плывет в Ливорно, город, где Иванов и В. К. Шварсалон в 1913 году сочетались браком. Поэтому кажется примечательным, что 5 февраля 1915 года, т. е. между первым и вторым вариантами «Яффы», Иванов создает стихотворение «Перед портретом Баратынского»,³⁰ где называет его «сновидцем Мнемозины» (IV, 32).³¹

Если бы Вячеслав Иванов был полководцем или государственным деятелем, история его деяний была бы интересна сама по себе и, по сложившейся уже в древности

сложение. М., 2004. С. 127). Однако кроме признательного ответа Прокоповичу, Кантемир всего лишь несколько раз воспользовался восьмистишиями, например, в басне «Огонь и восковой болван» и эпиграммах «На самолюбца» и «На Езопа», но описанной рифмовки там нет. Приношу свою благодарность С. И. Николаеву за помощь в поисках.

²⁷ Добавим, что имя Зиновьевой-Аннибал, чей портрет и так стоял на его рабочем столе, возникло в письме Бердяева к Иванову от 30 января, в котором философ, имея в виду патристическую позицию Иванова, упрекал его в измене «заветам свободолюбия Лидии Дмитриевны» (Взыскующие града. С. 616). Обратим также внимание на то, что именно в это время судьба «подарила» ему еще один повод для будущих воспоминаний — смерть А. Н. Скрябина в середине апреля 1915 года (см. стихотворение «Воспоминание о А. Н. Скрябине»; III, 531–532).

²⁸ Взыскующие града. С. 612. Ср. начало стихотворения «Превращение» («Поэт»): «Золотые письма / Книги Голубиной: / Волн эфирных глубина...» (цитируем вариант первой публикации: III, 821).

²⁹ Приходит на ум, что церковнославянизм «емлет» (достаточно регулярный для поэзии XVIII века), который Иванов использовал в своей балладе «Суд огня» (II, 245), а до того попробовал в стихотворении «Speculum Dianae» (I, 619), он взял именно из «Пироскафа».

³⁰ В плане неосуществленного сборника стихов, составленном не ранее 1915 года, интересующие нас тексты разнесены по разным разделам. Всего их было четыре: «Лира», «Ось», «Колесницы» и «Кошница». «Плоской чашей, розовой по краю...» вошло во второй, серьезный, отдел, а «Ветер, пахнущий снегом и цветами», «Яффа» и «К портрету Баратынского» — в последний, объединяющий стихи «на случай», оба стихотворения «Памяти Скрябина» в том числе (РГБ. Ф. 109. Карт. 2. № 71. Л. 1 об. — 2).

³¹ На близость этого определения и характеристики «мелодии» Баратынского в статье Иванова «Заветы символизма» (1910) как «голоса темной памяти о каком-то давнем живом знании» (II, 597) обратила внимание М. Гельфонд (*Гельфонд М. М.* «Читателя найду в потомстве я...»: Баратынский и поэты XX века. [М.], 2012. С. 61). Ю. Анохина в этой связи говорит о (сно)видении как важном мотиве для поэзии Баратынского и памяти как ее «ценностной доминанте» (*Anokhina Yu. Yu.* «Snovidets Mnemosyne»: dreaming of Mnemosyne: Evgeny Boratynsky's poetry in Vyacheslav Ivanov's aesthetics // *Studies in East European Thought*. 2020. Vol. 72. P. 285–286).

традиции, заслуживала бы запечатления. Однако «слова поэта суть уже его дела», и факты жизненного пути интересуют нас как повод и условие для появления литературных произведений. Иванов оставил несколько автобиографических текстов в прозе и стихах, но и немало сентенций и размышлений на эти темы. Но именно художественные тексты порой могут нам указать на действительно важные события жизни писателя.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-136-148

© Е. И. Мирошниченко, © Д. П. Фоменко

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕРБАЛЬНОГО И ВИЗУАЛЬНОГО В ТЕКСТАХ ГРУППЫ «41°»

История футуризма развивалась, как известно, стремительно и к 1919 году достигла апогея в творчестве представителей группы «41°»: А. Крученых, И. Зданевича и И. Терентьева. Местом действия этой, как считается, «самой радикальной авангардистской группировки»¹ был город Тбилиси, являвшийся в то время мультикультурным центром уникального творческого взаимодействия художников и поэтов.²

В 1916 году Крученых, переехавший тогда в Грузию, развивает теорию заумного языка и налаживает сотрудничество с братьями Зданевичами, Ильей и Кириллом. Первым совместным проектом будущих представителей тифлисского авангарда было издание весной 1917 года сборника «Учитесь худоги», оформлением которого занимались художники К. Зданевич и С. Валишевский. Стихотворение последнего, открывавшее сборник, можно назвать программным:³

Кушай, худоги,
говядину
Рубенса —
Заедай булкой
Сезана!
Осторожно,
Не обжирайся,
Сыт
Не
Будешь!

Как интерпретирует это стихотворение Т. Л. Никольская, «говядина Рубенса» — это метафора близости к народному примитиву, а «булка Сезана» намекает на кубистские истоки.⁴ К этому мы бы добавили, что здесь, в отличие от других текстов сборника, употреблено только одно заумное слово — «худоги», вероятно, с целью сделать на нем акцент. Таким образом, уже в самом начале мы видим указание на визуальность, демонстрируемое ссылками на художников. Рассмотрим, как стремление к визуализации стало основой для творчества всей группы.

¹ Такое определение дала группе Т. Никольская (см.: *Никольская Т. Фантастический город*. М., 2005. С. 57).

² Бела Ципуриа пишет, что это был уникальный период взаимодействия между грузинскими, русскими, армянскими и польскими авангардистами (см.: *Tsipuria B. H₂SO₄. The Futurist Experience in Georgia // International Yearbook of Futurism Studies*. 2011. Vol. 1. Part 1. P. 307).

³ *Никольская Т. Фантастический город*. С. 24.

⁴ Там же. С. 25.

Если мы обратимся к теоретическим воззрениям группы, то не найдем и следов рефлексии над понятием визуального. Практически все внимание авторов направлено на разработку теории заумного языка. В то же время сами теоретические положения высказывались в форме художественных произведений, в которых уделялось особое внимание именно визуальному облику текста.

Как известно, группа не публиковала никаких официальных манифестов или деклараций,⁵ за исключением краткого объявления, напечатанного на первой странице газеты «41°», первый и единственный номер которой вышел 20 июля 1919 года. Основные теоретические положения, высказанные в этом объявлении, можно свести к двум пунктам: во-первых, группа «41°» «утверждает заумь как обязательную форму воплощения искусства», а во-вторых, ее участники ставят себе задачу «надеть мир на новую ось»,⁶ т. е. отмечают революционный характер своей творческой деятельности, что было свойственно в целом всему футуристическому движению.

Теоретическими исследованиями занимались Крученых и Терентьев.⁷ Крученых касается теории в работах «Ожирение роз» (1918) и «Малахолия в капоте» (1919). Однако роль главного теоретика группы сыграл Терентьев. За годы существования объединения он написал четыре теоретических «трактата» разного объема: «А. Крученых грандиозарь» (1918), «Маршрут шаризны» (1919), «17 еРУндовых оРУдий» (1919) и «Трактат о сплошном неприличии» (1920). Подчеркнем, что ни Крученых, ни Терентьев не осмысливают теоретически принцип визуализации текста, несмотря на активное использование этого принципа на практике.

Крученых практически все свое внимание уделяет разработке теории сдвига. В работе «Малахолия в капоте» он доказывает существование сдвигов (и, следовательно, некоторую степень «заумности») в русской классической литературе, находя в ней предшественников зауми. На примере эротической лексики Крученых демонстрирует стратегию образования заумного языка. В «Ожирении роз» он разбирает теорию заумного языка, обращаясь уже к творчеству самих заумников (в том числе много анализирует поэзию Терентьева). Прimitив и детскую речь он рассматривает как источники для создания заумных слов. Детский лепет способствует приему «выборматывания», с помощью которого создаются новые слова. Также Крученых говорит об использовании иностранных слов (в частности, грузинских). Судя по всему, заумные слова, согласно Крученых, могут браться в готовом виде из иностранного языка, или искажаться в той или иной степени, или даже вовсе строиться с нуля, основываясь на «звучании» данного языка. Поскольку первична буква, то звук, который она обозначает, важнее целого слова. Следовательно, заумная поэзия должна исходить из звучания, а не из смысла слова. Более того, само звучание уже имеет смысл. Р. Циглер считает, что здесь мы можем говорить о поэтике «звукового жеста»,⁸ который выражался в формуле: «Слово означает то, что оно звучит».⁹ В конце 1910-х годов Крученых был склонен к идее разложения изначального слова ради достижения «нулевой точки искусства», отсюда и его «корявый»¹⁰ способ создания «текстов». Для него сочетания звуков в заумном языке были аналогичны спонтанным, экстагическим звукам глассолалии, практикуемой сектантами. Заумь теоретически строилась на иррациональных началах (на практике, однако, очевидно, заумники тщательно продумывали свои тексты). Специально вопросу иррационального в заумной поэзии была посвящена статья Крученых, помещенная в газете «Новый день». В ней он замечал, что невозможно написать бессмыслицу, руководствуясь эмоциями, потому что

⁵ «Декларация заумного языка», опубликованная Крученых в 1921 году, уже не может быть отнесена к группе «41°», потому что к этому времени последняя окончательно распалась.

⁶ 41°: Еженедельная газета. 1919. 14–20 июля. № 1. С. 1.

⁷ Циглер Р. Группа «41°» // Russian Literature. 1985. Vol. 17. Issue 1. С. 72.

⁸ Там же. С. 74.

⁹ Терентьев И. 17 еРУндовых оРУдий. Тифлис, 1919. С. 3.

¹⁰ Герчук Ю. Я. Закавказский футуризм // Литературно-художественный авангард в социокультурном пространстве российской провинции: история и современность. Сборник статей участников международной научной конференции. Саратов, 2008. С. 55.

даже хаотичный набор букв, обозначающий соответствующие потоки слов и восклицаний, будет иметь смысл, отражая чувства автора. Поэтому Крученых призывал отказать от разума и «писать на языке еще не застывшем, не закрепленном ярлыком понятия — на заумном!».¹¹

Если для Крученых главным в зауми было разрушение слова до звука, то остальные заумники были менее радикальны. И. Зданевич, например, увлекался работой с типографскими шрифтами, и для него буква как визуальное воплощение смысла была, по-видимому, не менее значима, чем звук. Так же внимательно к «буквенной» стороне поэзии относился и Чернявский, тщательно подбиравший литеры для своих «трехуровневых» стихотворений. Терентьев придавал значение не только заумному слову, но и слову обиходного языка. Вообще теоретические работы Терентьева, как замечает Р. Циглер, вносят в футуризм Крученых и Зданевича новое значение, толкуя их произведения в смысле, близком к дадаизму.¹²

В первой своей теоретической работе «А. Крученых грандиозарь» Терентьев демонстрирует, как герой произведения Крученых перешел от «умной поэзии» к «заумной», заменив «смысловые ассоциации» на «фонологику».¹³ Терентьева не смущает «нелепость» звучания зауми, ведь эта нелепость — «единственный рычаг красоты»,¹⁴ способный спасти искусство. Терентьев также отмечает присутствие у Крученых принципа «слов на свободе», о котором писал Маринетти: в книжках Крученых «буквы ле-та-ют».¹⁵

В «Маршруте шаризны» Терентьев развивает идеи, высказанные им в предыдущей работе. В частности формулирует так называемый закон случайности в искусстве. Те оговорки и описки, которые встречаются в старой поэзии, Терентьев предлагает рассматривать в качестве художественного приема. Например, заменив «весну» на «сестры» в блоковской строчке «весны не будет и не надо», Крученых получил новое и свежее «сестёр не будет и не надо!». Этот прием работает с «разумным» языком, выстраивая своего рода мост от него к зауми.¹⁶

Следующие две работы, «17 еРУндовых оРУдий» и «Трактат о сплошном неприличии», представляют собой главные теоретические тексты, созданные Терентьевым, и, как замечает В. А. Фабер, выражают концептуальные основы всей группы «41°».¹⁷ Уже на обложке первой из них обозначено: «в книге опечаток нет». Тем самым автор утверждает художественную значимость возможных опечаток, которые в рамках теории случайных сдвигов становятся частью художественного целого.

В трактате «17 еРУндовых оРУдий», при оформлении которого Терентьев использовал и визуальные средства, ничего о самой визуализации, однако, не говорится. В основе теории лежат три тезиса, отличающие группу «41°» от других футуристических объединений. Во-первых, в поэзии элемент случайности, выраженный, например, в ошибках и опечатках, имеет первостепенное значение.¹⁸ Во-вторых, омонимия определяется как главный словотворческий принцип группы.¹⁹ В-третьих, ритм создается ударением не на слог, а на целое слово.²⁰

Терентьев пишет, что для понимания поэзии, созданной на основе этих принципов, требуется поэтический слух, который является своего рода отмычкой для текста, «потому что всякая красота есть красота со взломом».²¹ Далее автор сам выстраивает поэтический текст, который, одновременно являясь теоретическим, служит иллю-

¹¹ Крученых А. О безумии в искусстве // Новый день. 1919. 26 мая. № 5. С. 14.

¹² Циглер Р. Группа «41°». С. 72.

¹³ Терентьев И. А. Крученых грандиозарь. Тифлис, 1918. С. 4–5.

¹⁴ Там же. С. 6.

¹⁵ Там же. С. 7.

¹⁶ Терентьев И. Маршрут шаризны // Терентьев И. Собр. соч. Болонья, 1988. С. 233–234.

¹⁷ Фабер В. Искусство во второй степени. К вопросу интертекстуального присутствия Ильи Зданевича и Алексея Крученых в творчестве Игоря Терентьева // Дада по-русски: Сб. науч. статей / Ред. К. Ичин. Белград, 2013. С. 172.

¹⁸ Терентьев И. 17 еРУндовых оРУдий. С. 4.

¹⁹ Там же. С. 3.

²⁰ Там же. С. 10.

²¹ Там же. С. 6.

страцией самой теории.²² «Культурное возделывание поэзии требует перегноя теории», но, с другой стороны, «открытия начинаются там, где начинается дуракаваляние! Ритм! Ритм! Ритм!»²³ Метафоре систематического труда противопоставлен теоретический тезис о «дуракавалянии». Что касается ритма, то рассуждения Терентьева развивают мысль Маринетти об ускорении современной жизни.

В итоговой теоретической работе «Трактат о совершенном неприличии» Терентьев в художественной форме изложил и подытожил основные творческие принципы группы. Он сообщает, что русский язык более всего приспособлен для заумных опытов,²⁴ а также метафорично говорит о сдвиге как о «сокрушительном ударе в зубы».²⁵ Работу заумников он описывает так: «...каждое слово поэзии мы тщательно заливаем карболкой или денатурируем» (т. е. обеззараживаем, очищаем — видимо, от старых традиционных смыслов). Временами Терентьев прерывает свой поток речи заумным словом «бзыпызы», которое оформляет игровое пространство текста, выдаваемого за теоретический трактат. Недаром Терентьев приводит в пример библейское сотворение мира и замечает, что мир был создан Богом «на обум», и «всё вышло довольно таки здорово»,²⁶ уподобляя заумников в качестве творцов создателю самого мира.

Таким образом, Терентьев выступал за свободную поэтическую игру, омонимию, музыкальный ритм, возможность случайной ошибки, сдвиг и соединение искусства с пространством жизни. Ни в одном из трактатов Терентьев не говорит о соотношении визуального и вербального. Также не сказано об этом и у Крученых. Очевидно, участники группы «41°» в своем теоретизировании исходили из задач поэзии, а не изобразительного искусства. На практике же визуальное было едва ли не главным элементом их творчества. Даже сами трактаты оформлялись особым образом, с «летающими» буквами и рисунками в тексте. Естественно, возникает вопрос, почему, несмотря на отсутствие теории, они обращались к визуальным приемам? Очевидно, это связано с идеей единства искусства и пространства жизни. Этот пункт, однако, не артикулирован четко у представителей группы «41°». Основой для визуализации можно считать ситуацию «освобождения» слов, о которой писал Маринетти. «Освобожденные» слова становятся элементами изобразительного творчества: буквы можно расставлять в произвольном порядке, ведь их связь друг с другом нарушена. Новый текст фундируется своим визуальным оформлением, так что его уже не совсем верно называть стихотворением, но скорее, как предлагает И. М. Сахно, «стихокартиной».²⁷ Однако следует признать, что данная идея нигде в теоретических работах не дана эксплицитно, и мы можем говорить о визуальном только применительно к творческой практике. Рассмотрим, как создавались «стихокартины» представителями группы «41°», и попробуем определить значение визуальной составляющей их произведений.

Как пишет в своей статье Р. Циглер,²⁸ для Крученых участие в группе «41°» имело в какой-то мере «ретроспективный характер» и, прежде всего, было спровоцировано его желанием присоединиться к какой-нибудь поэтической группировке, содействующей распространению футуризма. Поэтика его текстов также повторяла опыты времен сотрудничества с кубофутуристами. В подавляющем большинстве случаев визуализация выполнена Крученых не типографским способом, а посредством рукописного создания текста. Даже в книге «1918»,²⁹ изданной в Тифлисе в 1917 году, в рукописном виде

²² Подробнее об этом см.: Цвигун Т., Черняков А. Теория поэзии и поэзия теории (о «17 еРУндовых оРУдиях» Игоря Терентьева) // Терентьев И. Два типографических шедевра: Факсимильное издание. Статьи. Комментарии. СПб., 2014. С. 45–64.

²³ Терентьев И. 17 еРУндовых оРУдий. С. 8.

²⁴ Терентьев И. Трактат о сплошном неприличии. Тифлис, 1920. С. 3.

²⁵ Там же. С. 8.

²⁶ Там же. С. 11.

²⁷ Сахно И. Стереоскопическая образность графической поэзии Ильи Зданевича // Russian Literature. 2017. Vol. 91. С. 145.

²⁸ Циглер Р. Поэтика Крученых поры 41° // L'Avanguardia a Tiflis: studi, ricerche, cronache, testimonianze, documenti / Ed. L. Magarotto, M. Marzaduri, G. Pagani Cesa. Venezia, 1982. P. 233.

²⁹ Страницы из книги «1918» см.: <http://www.togdazine.ru/article/1745> (дата обращения: 31.07.2021).

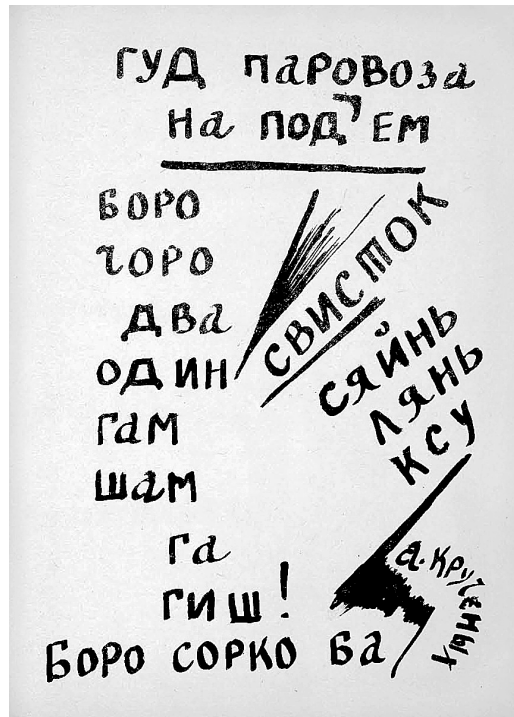

Рис. 1. Крученых А. Гуд паровоза на подъем
(Учитесь худож. Стихи А. Крученых; картины К. Зданевича. Тбилиси, 1917)

представлены не только тексты самого Крученых, но и «железобетонные поэмы» В. Каменского — в частности, поэма «Солнце», которую в целом сложно было бы воссоздать типографским способом. Этот принцип визуализации можно обнаружить практически во всех рукописных сборниках Крученых, которые он издавал в тифлисский период.

Наиболее интересными с точки зрения визуализации нам представляются два заумных текста из книги «Учитесь худож»: ³⁰ «гуд паровоза на подъем» и текст, который не имеет названия и состоит исключительно из разрозненных букв, поэтому мы условно назовем его «№ 3» (согласно его местоположению в книге относительно других текстов).

«Гуд паровоза на подъем» (рис. 1) представляет собой набор заумных слов (вероятнее всего, звукоподражаний), которые дополнены только тремя семантически осмысленными словами: «свисток», «два» и «один». Текст предполагает несколько вариантов прочтения, однако один из них кажется нам уместным в контексте предыдущей футуристической традиции. Судя по всему, слова «сяйнь», «лянь» и «ксу» представляют собой звукоподражание механизмам, работающим во время движения поезда, однако особенно сильно они слышны в тот момент, когда паровоз только набирает движение. ³¹ Остальные звукоподражания трудно идентифицировать, но и они, видимо, также передают звук движущегося паровоза. ³² Текст стихотворения дорисован графически: мы видим две параллельные линии, которые могут схематично представлять движущийся навстречу в гору паровоз (что отражено в названии), нижняя линия более густая

³⁰ О визуальной составляющей этого сборника см.: *Janecek G. The Look of Russian Literature. Princeton, New Jersey, 1984. P. 103–105.*

³¹ Также, судя по «китайскому» звучанию этих слов, можно интерпретировать их в качестве отсылки к Китайско-Восточной железной дороге, достроенной к концу 1916 года.

³² *Janecek G. Zaum: The Transrational Poetry of Russian Futurism. San Diego, 1996. P. 229–231.*

и напоминает тень. Слово «свисток», судя по всему, является словесным отображением гудка («гуд(а)»), который производит паровоз, а расположенная над ним линия может являться схематичным представлением пара или графическим отображением звука. Если предположить, что перед нами в действительности движущийся в гору поезд, то становится логичным прочтение текста снизу вверх, на что, возможно, указывает и расположение слова «один» под словом «два», а не над ним; это может быть проинтерпретировано как, например, постепенное увеличение скорости паровоза или дистанции его пути. Такое прочтение сближает этот текст с «Полетом Васи Каменского над Варшавой»³³ Каменского, который читался снизу вверх, о чем было сказано непосредственно в самом тексте. Следует отметить, что в пользу нашей теории о визуальном присутствии паровоза в тексте может свидетельствовать и рисунок К. Зданевича «Купальщица», в котором образ создается подобным полунамеком и который в книге расположен непосредственно перед анализируемым текстом Крученых. В результате семантика данного текста складывается из сочетания вербального компонента (звукоподражания, слова) и визуального (расположение букв и слов в пространстве страницы), что сближает данный текст с традицией русской футуристической книги.

Другой текст — «№ 3» — представляет собой разрозненно изображенные буквы «с», «б», «а», «ш», «к», «и» и «ю». Последние две соединены линией, которая может быть проинтерпретирована как тире. Тире у Крученых, по замечанию Т. В. Цвигун, может прочитываться в качестве особого маркера, отсылающего к семантике пробела как «визуального пространственного промежутка».³⁴ В результате вербальный знак, по мнению исследовательницы (с которой мы полностью согласны), наделяется «иконическим характером».³⁵ Две кривые линии, которые пересекает третья, могут быть прочитаны как заглавная буква «А» (и в таком случае мы видим различное написание одной и той же буквы). При одном из вариантов прочтения буквы «б», «а» и «ш» могут прочитываться как «шабаш» (снизу вверх до буквы «б» и обратно), что может быть примером игрового начала и «магического» понимания зауми. Однако судя по всему, в этом тексте реализуется, прежде всего, графическая сторона буквы, которая получает особую значимость благодаря своему визуальному облику (так, буква «с» вписана в окружность, буква «л» находится внутри фигуры, линии которой она частично повторяет). Здесь мы встречаемся с тем же вниманием к букве, которое было свойственно еще кубофутуристам.

Приемы визуализации текста в книге «Учитесь художнику» повторяют те стратегии, которыми пользовались кубофутуристы в первой половине 1910-х годов. Соединение текста и рисунка также больше всего было реализовано в кубофутуристических книгах. Даже само название «Учитесь художнику» может быть истолковано как желание воспроизвести и передать опыт раннего футуризма.

Типографская деятельность Крученых ограничивается совсем небольшим количеством текстов, которые частично представлены в книге «Лакированное трико» (1919). Однако эксперименты в ней относятся почти исключительно к изменению регистра букв (строчные/прописные), размеру и применению выделения полужирным. Разумеется, можно говорить вслед за Т. В. Цвигун,³⁶ что пробел, разделяющий левую и правую половины заглавного стихотворения сборника, играет важную роль, но, с нашей точки зрения, не следует преувеличивать значение пустот как визуального приема. В данном контексте более интересным представляется обложка самой книги «Лакированное трико», выполненная И. Зданевичем, на которой часть фамилии автора «ченых» и слово «трико» расположены под неровным, «рваным» углом друг к другу, а прописная «Р» делит слово «лакированное» так, что часть «рванное» напоминает слово «рваное». Само слово «Лакированное» как бы отрывает имя автора от второго слова названия. В то же время слова «А. Крученых» и «Трико» образуют по форме ноги, одетые в трико. Такой подход можно рассматривать как применение визуализации

³³ Каменский В. Танго с коровами. Железобетонные поэмы. М., 1914.

³⁴ Цвигун Т. В. Пробел «в тексте» / «среди текстов» / «как текст» русского авангардизма // Вестник Российского гос. ун-та им. И. Канта. 2008. № 8. С. 139.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 141.

в расположении текста. Само название книги в пространстве обложки становится в некотором смысле цельным визуально-текстовым произведением.

В сборнике «Софии Георгиевны Мельниковой» типографика текстов Крученых тоже не отличается разнообразием, однако здесь он использует большее количество шрифтов. Прописные буквы и выделение полужирным также можно считать элементами визуализации. Визуальные приемы здесь акцентируют внимание читателя (или зрителя) на отдельных элементах текста, а не создают новые смыслы (как это было в «паровозе»). Однако стоит отметить изображение слова «МУЗКА» (так поэт называл С. Г. Мельникову), которое в сборнике предваряет все остальные тексты Крученых. За исключением написанных одним и тем же шрифтом букв «у» и «з» все остальные буквы выглядят совершенно непохожими друг на друга и располагаются в разных направлениях, что является чистым приемом визуализации, который в остальных текстах используется лишь точечно.

В целом, поэтика Крученых периода группы «41°», за исключением редких случаев, практически не изменилась со времен его сотрудничества с кубофутуристами. Его типографические эксперименты немногочисленны, а визуализация, судя по всему, зачастую носит более или менее случайный характер.

Следующий представитель группы Илья Зданевич — один из самых радикальных деятелей футуризма. Его «питёрка дейстф» является ярким примером реализации намеченной Маринетти «типографской революции». В его знаменитую пенталогию входят пять «дра» (как называл Зданевич на заумном языке свои драматические произведения): «Янко крУль албАнской», «асЕл напракАт», «Остраф ПАСхи», «згА Якабы» и «лидантЮ фАрам». Помимо пенталогии, к его типографским работам относятся обложки книг Крученых «Лакированное трико» (1919) и «Миллиорк» (1919), а также обложка сборника стихов Терентьева «Факт» (1919).³⁷ Приемы, использованные Зданевичем в рамках его своеобразной поэтики, многочисленны и разнообразны и являются предметом сравнительно большого количества исследований.³⁸ Мы остановимся на некоторых особо важных и показательных примерах.

Первое, что сразу бросается в глаза при изучении «дра» Зданевича, это согласованность графического начертания обладающих семантикой слов их фонетической транскрипции (поэтому в таком контексте заумные слова также воспринимаются как изображенные в соответствии с произношением, чего не было у Крученых даже в его тифлисский период). На примере первой «дра» «Янко крУль албАнской», написанной в 1916 году, но изданной лишь в 1918-м, М. Карасик описывает путь, по которому проходили поэтические тексты Зданевича, прежде чем приобрести окончательную типографскую вербально-визуальную форму.³⁹ Так, например, по черновикам поэта видно, что первоначально слова писались орфографически правильно, однако затем некоторые буквы зачеркивались, и в скобках вписывались транскрипции звуков, отличавшихся от своего графического изображения: «ре(и)вут», «врываютея(ца)», «первы(а)й».⁴⁰ Другой особенностью графического отображения слов являлось обо-

³⁷ Карасик М. Типографская *питёрка дейстф* Ильи Зданевича // Ильязд. XX век Ильи Зданевича. Материалы международной конференции. М., 2018. С. 73.

³⁸ См.: Багратион-Мухранели И. Л. В поисках обновления языка театра. «Дра» Ильи Зданевича // Драма и театр. Тверь, 2012. С. 114–125; Герчук Ю. Я. Типографические опыты Ильи Зданевича и наборная графика русских футуристов и конструктивистов // Дада по-русски. С. 49–52; Гик А. В. Особенности языка драм Ильи Зданевича // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. Т. 19. С. 130–141; Карасик М. Типографская *питёрка дейстф* Ильи Зданевича. С. 73–96; Магаротто Л. 1) «Типографская революция» итальянского футуризма и художественная деятельность В. Каменского и И. Зданевича // Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н. И. Харджиева / Под ред. М. Б. Мейлаха и Д. В. Сарабьянова. М., 2000. С. 480–489; 2) Илья Зданевич: от итальянского футуризма до драматической пенталогии // Дада по-русски. С. 39–48; Сахно И. Стереоскопическая образность графической поэзии Ильи Зданевича. С. 139–168; Шевченко Е. С. Заумный вертеп Ильи Зданевича (о поэтике драматического цикла «Аслабличья») // Вестник Самарского гос. ун-та. 2009. № 5 (71). С. 79–86.

³⁹ Карасик М. Типографская *питёрка дейстф* Ильи Зданевича. С. 78.

⁴⁰ Там же.

Рис. 2. Зданевич И. Зохна
(Софии Георгиевне Мельниковой. Фантастический кабачок. Тифлис, 1919)

значение ударения прописной буквой. Судя по всему, этот прием тоже был разработан во время работы Зданевича над первой «дра», хотя первоначально ударные звуки выделялись полужирным шрифтом. Тексты Зданевича насыщены сдвигами, о которых мы много говорили ранее. В первую очередь это фонетические сдвиги, которые образуются на стыке или разломе слов (например, «времи/ним» [временем]). Зданевич научился решать очень сложные проблемы использования довольно косной системы типографских шрифтов и знаков для выражения свободной художественной воли. Можно согласиться с Ю. Я. Герчуком в том, что в этом деле Зданевич был виртуозом.⁴¹

Итак, рассмотрим особенности применения Зданевичем типографской техники для создания интермедиального текста на примере одной из его «дра» «асЁл напракАт», впервые опубликованной в сборнике «Софии Георгиевне Мельниковой», посвященном его возлюбленной и музе. Текст «дра» занимает всего 28 страниц сборника,⁴² при этом, помимо печатного текста, в нем присутствуют 5 карандашных рисунков-наклеек, выполненных Н. С. Гончаровой (на всех пяти изображен ослик), и два коллажа, выполненных в технике типографского набора (так называемые *типограммы*). Коллажи обозначены, как картины-иллюстрации (с названием и годом набора). Кроме того, используются различные шрифты, разноуровневые строчные наборы, традиционные для заумников чередующиеся заглавные и строчные буквы, выделение полужирным, знак тире, пробелы и вертикальные линии, разделяющие текст на два столбца. Очевидно, при работе над изданием «дра» Зданевич стремился реализовать всевозможные известные ему на тот момент типографские техники.

С точки зрения сочетания визуального и вербального особый интерес представляют два коллажа, сопровождающие «дра». Первый коллаж, играющий роль вступления и расположенный непосредственно перед началом текста, называется «зохна» (рис. 2).

⁴¹ Герчук Ю. Я. Типографические опыты Ильи Зданевича и наборная графика русских футуристов и конструктивистов. С. 49.

⁴² Софии Георгиевне Мельниковой. Фантастический кабачок. Тифлис, 1919. С. 41–68.

Действительно, в коллаже прочитывается это слово, каждая буква в нем выполнена своим шрифтом и расположена особенным образом. При внимательном рассмотрении создается впечатление, что буквы и слова имеют здесь второстепенную роль, и в этом смысле визуальный элемент в коллаже явно доминирует. Однако слова и буквы также несут важную смысловоразличительную роль. Так выделена буква «Ю», занимающая особое место в заумном языке в качестве главной, «мистической» буквы, выражающей высшую любовь и страсть, особенно вместе с «Л». ⁴³ В коллаже присутствует не только «Ю», но и связанное с ней «Люлю» (видимо, заумное от «люблю»). Второй коллаж, завершающий текст, называется «зохна и женихи», и он развернут на две страницы сразу. В нем уже присутствуют не только типографские знаки, но и рисунки (три птички на жердочке, две порхающие бабочки, две парящие ласточки, шестиконечная звезда, некие волнообразные полосы, похожие на морские волны, и православный крест). Заумные слова и отдельные буквы, использованные в коллаже, представляются слишком сложными для однозначной интерпретации: по сути, прочитываются только слова «систра», «мы», «моё» и буква «Ю». Укажем вслед за Магаротто, что во втором коллаже, в отличие от первого, визуальное преобладает над вербальным ⁴⁴ и что в этом отношении Зданевич был продолжателем Каменского (в частности, его «Железобетонных поэм»).

Что касается самого текста «дра», то следует отметить рациональность и продуманность, с какой Зданевич использует типографскую технику. В его творчестве расчет преобладает над вдохновением (что резко контрастирует со свободной манерой письма у Крученых). Работа с типографским набором требует большей рациональности, чем при работе с чернилами и красками. Поэтому творческая свобода Зданевича находилась под сильным давлением метода, который он использовал.

Свобода художника у Зданевича проявляется, однако, в том, что он радикально решает проблему несоответствия фонетики и орфографии, создавая так называемый албанский язык, ⁴⁵ в котором слова пишутся практически так же, как произносятся. При этом он полностью игнорирует пунктуацию. Чтобы подчеркнуть ударный слог, поэт использует полужирный шрифт. Получается, что семантика уступает место звуку и ритму (именно поэтому перед нами хотя и технически сложные, но стихи). В то же время Зданевич использует все доступные в рамках типографики визуальные средства. Благодаря этому, как говорит Л. Магаротто, «мы имеем дело скорее с эклектической живописно-письменной композицией, чем с письменным языком, скорее с типографско-музыкальной „партитурой“, чем с текстом драмы». ⁴⁶ Это интересное наблюдение итальянского ученого все же требует уточнения. Мы бы не говорили об эклектическом характере сочетания визуального и письменного у Зданевича, поскольку письмо становится элементом визуального, а значит, речь должна идти не об эклектике, но о синтезе (что соответствует понятию синтеза искусств, к которому стремились заумники) или, по крайней мере, о синкретизме, как выражается А. В. Гик. ⁴⁷

Таким образом, Зданевич является наиболее радикальным футуристом в плане применения типографских средств для визуализации поэтического текста. Он достигает высокого уровня технического мастерства в этом деле. В рамках практики сдвига Зданевич также совершает существенное преобразование, фактически создавая упрощенный фонетический русский (албанский) язык.

В отличие от Крученых и Зданевича, имевших за спиной достаточно богатый литературный опыт, Терентьев начал свой творческий путь с участия в группе «41°», т. е. уже сравнительно поздно. Присоединившись к группе, Терентьев сразу проявил себя как активный деятель и футурист и уже в 1919 году выпустил свою первую поэтическую книгу — «ХеруВИмы сВИстят». В противоположность теоретическим трактатам, эта книга не выделяется богатством типографических средств, однако в ней мы

⁴³ Никольская Т. Фантастический город. С. 78–79.

⁴⁴ Магаротто Л. «Типографская революция» итальянского футуризма и художественная деятельность В. Каменского и И. Зданевича. С. 483.

⁴⁵ См.: Рослый А. Уроки албанского от Зданевича // PROSODIA. 2015. № 2. С. 145–150.

⁴⁶ Там же. С. 486.

⁴⁷ Гик А. В. Особенности языка драм Ильи Зданевича. С. 130.

можем заметить некоторые приемы, свойственные и другим представителям группы «41°». Разберем их на примере стихотворения «Демобилизация».

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ

как хорошо поют живые
 Топают с вокзала обнявшись водку
 льЮт на мостовую ХРЮДЬ
 здохни перед фотографическим кабинетом
 Заверни заугол
 Выпей чаю с угольками НА
 Припомаженной Булкѣ отдохни
 СУТЯГА
 Здравіа жлаем
 ВЫСОКОБЛАЧИНЫГА.⁴⁸

Стихотворение написано одним шрифтом, визуализация текста реализуется через использование прописных букв, разделение текста на отдельные стихи и выделение буквы полужирным шрифтом (в слове «Здравіа»). В слове «льЮт» мы находим тот же принцип выделения ударного звука прописной буквой, который прежде встречали у Зданевича. Несмотря на общее следование правилам орфографии, в трех словах графическая запись представляет собой фонетическую транскрипцию: «здохни», «жлаем» (подобные пропуски гласных встречаются и у Зданевича) и «ВЫСОКОБЛАЧИНЫГА». Судя по всему, в этих местах использование фонетической записи актуализирует разговорность речи, воссоздавая общение друг с другом демобилизованных солдат. Сдвиг представлен в тексте и в слитном употреблении «заугол», при этом в данном контексте реализуется высказанный Терентьевым принцип сближения смысла слов (а «заугол» становится именно словом), похожих по звучанию: «Заверни заугол». Употребление «Булкѣ» с прописной буквы и с ятем отсылает к вывескам, которыми были заполнены города, и в этом случае слово становится иконическим знаком, вплетенным в канву текста. Использование «і» в «Здравіа» и выделение буквы старой орфографии полужирным шрифтом может намекать на невозвратность дореволюционного и довоенного прошлого, на коренные изменения в социальной структуре общества, инициированные этими двумя потрясшими Россию событиями («Здравіа жлаем / ВЫСОКОБЛАЧИНЫГА» может быть прочтено в ироническом смысле как презрение к прежнему режиму). Семантика текста конструируется с помощью визуального выделения отдельных букв и слов, несмотря на их выполнение единым шрифтом. Подобные приемы использованы и в других текстах книги.

Следующая книга, сборник стихотворений «Факт», уже более разнообразна с точки зрения визуальных приемов. Например, в некоторых текстах используются различные кегли (несмотря на однородность шрифта). Обратимся к тексту «Ахиниан», который опубликован как в книге, так и в сборнике «Софии Георгиевне Мельниковой». Особое внимание привлекает одно визуальное оформление слова «АХИНИАН», в котором буквы основной части обрамлены двумя заглавными «А» и «Н», намного превосходящими другие по размеру. На небольшие различия между двумя версиями текста указывает в своей статье В. Кричевский,⁴⁹ и вслед за автором статьи мы предпочтем не усматривать в этих двух версиях два различных текста, скорее перед нами два варианта одного текста. Кроме того, существует еще одна версия стихотворения, опубликованная в составленном Зданевичем сборнике экспериментальной поэзии «Поэзия неведомых слов» (1949). Как отмечает Т. Никольская,⁵⁰ представленный в нем вариант

⁴⁸ Терентьев И. Собр. соч. Болонья, 1988. С. 86.

⁴⁹ Кричевский В. Типографика футуристов на взгляд типографа. Часть 1 // <http://typejournal.ru/articles/Futurist-Typography> (дата обращения: 31.07.2021).

⁵⁰ Никольская Т. Игорь Терентьев в сборнике «Поэзия неведомых слов» // 70 лет «Поэзии неведомых слов». Материалы конференции. М., 2020. С. 17.

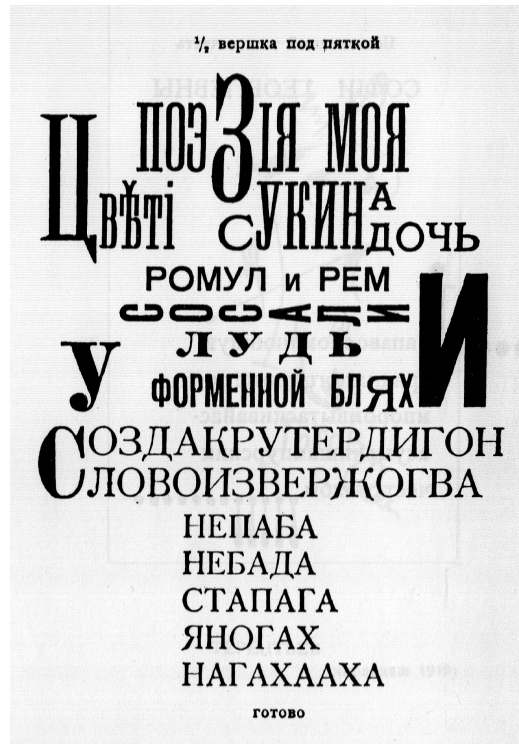

Рис. 3. Терентьев И. ½ вершка под пяткой
(Софии Георгиевне Мельниковой. Фантастический кабачок. Тифлис, 1919)

текста оказывается менее выразительным без выделения ударного слова «ахиниан», что еще раз подчеркивает значимость визуально-графических приемов в поэзии Терентьева и всех участников группы «41».

В сборнике «Софии Георгиевне Мельниковой» присутствует куда более интересный с точки зрения визуализации текст Терентьева,⁵¹ озаглавленный «½ вершка под пяткой» (рис. 3). Текст выполнен с использованием разных шрифтов и размеров, некоторые заглавные буквы выделены особо. Визуальное расположение слов и букв способствует возникновению новых смыслов. Например, словосочетание «Сукина дочь» изображено так, что последняя буква первого слова и первая буква второго слова в два раза меньше кегля, которым выполнено сочетание «укин» и изображены друг на друге («а» сверху), что позволяет прочесть их сочетание как «ад». Кроме того, реализуется уже упомянутый нами прежде принцип сближения смысла слов по их звуковой оболочке. Так, в сочетании с глаголом «сосали» слово «лудь» прочитывается как «грудь»; в контексте присутствия неприличного содержания слово «бляхи» прочитывается как obscene «бляди».⁵² Принцип сдвига осуществлен в двух строках, которые, судя по всему, состоят из обрезков слов и смысл которых лишь угадывается «Создакрутер-

⁵¹ Софии Георгиевне Мельниковой. С. 134.

⁵² Ср. отсылку Б. Корнеева в связи с этим стихотворением к широко известной в начале XX века неприличной песенке с рифмами-ловушками:

У нашего дяди все дочери бля...
Ах, ничего, бляхами торгуют.

(Корнеев Б. Поэзия сорок первого градуса // Искусство. 1919. № 2).

дигон / Словоизвержогва» («созда» может быть частью «создание» или «создавать», «Словоизвержогва» похоже на «словоизвержение»). Семантика анализируемого текста также реализуется через использование визуально-графических приемов, однако в этот раз они выполнены с применением различных типографических возможностей в более широком масштабе.⁵³

Наиболее ярко типографические эксперименты проявились в книгах Терентьева «17 еРУндовых оРУдий» (1918) и «Трактат о сплошном неприличии» (1919). Рассмотрим некоторые из них на примере текстов из книги «17 еРУндовых оРУдий». Об этом трактате мы уже говорили прежде, анализируя изложенные в ней теоретические воззрения группы «41°». Теперь же обратимся к тому, как они реализованы в текстах.

Стихотворения, помещенные в книгу, представляют собой своего рода наставление или инструкцию по применению положений трактата (о чем говорит употребление практически в каждом тексте глагольного инфинитива). Однако в действительности демонстрацией манифестируемых принципов становится сочетание слов в тексте и их визуализация. Так, например, в тексте «2»⁵⁴ слова «Гору» и «геру» сближаются из-за похожего звучания и объединяются общей буквой «у»; кроме того, и за счет намеренно допущенной ошибки — имя богини написано со строчной буквы, а «гора» с прописной. В тексте «6»⁵⁵ также задействованы сразу несколько приемов. Благодаря сходству фонетики сопоставляются слова «грох» (от «грохотать»), «шорох» и «порох» (последние два расположены одно под другим), вследствие чего звуки и их возможная причина (конкретнее: метонимия «порох/взрыв») собираются в единый образ. Интересно сочетание фонемы «а» и орфографически правильной части окончания «го» в слове «здравиго». В таком контексте ошибочное употребление выделенной полужирным буквы «а» актуализируется как ошибка и выглядит иронично в контексте фразы «не теряйте здравиго смысла». Употребление строчных/прописных букв достаточно произвольно и за исключением некоторых случаев носит непоследовательный характер. Исключением является заумная реплика, в которой прописными последовательно становятся использованные в составлении заумных слов буквы:

бонЗА
НАбза
ЗаНба
зноБ.

Это лишь некоторые из приемов, применяемых Терентьевым. Нельзя не согласиться с М. Карасиком по поводу того, что «скачущая верстка больше соответствует терентьевскому темпераменту».⁵⁶

Таким образом, группа «41°» на непродолжительное время объединила таких разных, на первый взгляд, авторов, как Крученых, Зданевич и Терентьев. Несмотря на значительные различия в их поэтиках и художественных методах, мы обнаруживаем общее для них стремление к визуализации текстов. Они вели активную совместную творческую деятельность и даже в какой-то степени смогли объединить свои усилия в пропаганде направления, к которому все они принадлежали, несмотря на желание Зданевича исключить себя из круга футуристов. Теоретические находки группы «41°» во многом повторяют поиски кубофутуристов, однако некоторые из уже существующих принципов были ими возведены в статус основополагающих, среди них заумный язык и сдвиг. Кроме того, к приемам визуализации можно отнести в той или иной мере использование фонетической транскрипции слова, чередование строчных и прописных букв, сочетание грамматически правильных конструкций с заумным языком. Общими для Зданевича и Терентьева являются акцентуация на ударном звуке,

⁵³ Карасик М. 17 типографских орудий Игоря Терентьева // Терентьев И. Два типографических шедевра. С. 8.

⁵⁴ Терентьев И. 17 еРУндовых оРУдий. С. 16.

⁵⁵ Там же. С. 20.

⁵⁶ Карасик М. 17 типографских орудий Игоря Терентьева. С. 12.

разнообразии шрифтов и кеглей. В отдельных случаях указанные приемы являются антинарративистскими и поэтому разрушают линейное прочтение текста, однако при этом они способствуют возникновению новых смыслов на пересечении нескольких знаковых систем. Визуальный элемент в их текстах носит не иллюстративный характер, но подчиняется наравне с вербальным компонентом воле художника, увеличивая возможности образования смыслов при интерпретации произведения. Визуальный компонент играет важную роль в текстах исследуемых авторов, поскольку является смыслообразующим структурным элементом текста. Несмотря на отсутствие его теоретического обоснования в трактатах самих авторов, принцип визуализации текста, по нашему мнению, является основополагающим для творчества группы «41°».

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-148-191

© А. В. Лавров

ДНЕВНИКИ В. А. ЩЕГОЛЕВОЙ В СОБРАНИИ М. С. ЛЕСМАНА

В издание, содержащее подробное описание богатейшего книжного и рукописного собрания Моисея Семеновича Лесмана (1902–1985),¹ вошла лишь малая часть неизвестных творческих и эпистолярных текстов, принадлежащих видным деятелям русской культуры, которые отложились в этой коллекции. За пределами книги остались и представленные в собрании Лесмана фрагменты огромного архива Павла Елисеевича Щеголева (1877–1931), крупнейшего ученого — историка и филолога, издателя и публициста, пушкиниста и исследователя освободительного движения в России. В этой подборке содержатся и две тетради с дневниковыми записями жены Щеголева Валентины Андреевны Щеголевой (урожденной Богуславской; 1878–1931).

Они познакомились в 1902 году в Вологде — «Северных Афинах», по определению А. М. Ремизова в позднейшей книге «Иверень». Такое уподобление означало, что Вологда в начале XX века являла собой средоточие самых ярких, просветленных и просвещенных умов — политических ссыльных, находившихся под надзором полиции. Переведенный в Вологду из Усть-Сысольска, Ремизов познакомился там и сблизился с Н. А. Бердяевым, А. В. Луначарским, И. П. Каляевым, Б. В. Савинковым, А. А. Богдановым-Малиновским и др. В этот дружеский круг «обласканных» верховной властью входил и П. Е. Щеголев. Будучи с 1895 года студентом факультета восточных языков Петербургского университета, он, наряду с чрезвычайно успешной научно-исследовательской работой, принимал активное участие в студенческом движении, а также входил в пропагандистский кружок, действовавший в среде рабочих Путиловского завода. В 1899 году последовала ожидаемая реакция: исключение из университета, арест и двухмесячное заключение, затем ссылка в Полтаву; отсюда за ненадлежащее поведение (распространение нелегальной печати и участие в местной социал-демократической группе Л. Мартова) Щеголев был отправлен в трехгодичную ссылку в Вологду.² Там он познакомился с В. А. Богуславской, харьковчанкой, начинающей актрисой местного драматического театра, вовлекшейся в круг ссыльных поселенцев. В 1902 году они поженились.

¹ См.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации / Сост.: М. С. Лесман, Н. Г. Князева, Н. Г. Захаренко, Л. П. Архипова, А. Х. Горфункель, Р. П. Дмитриева, Т. Р. Руди. М., 1989. Основные сведения о собирателе содержатся там же во вступительной статье Н. Г. Князевой «Каждый день и всю жизнь...» (с. 5–17).

² Подробнее см.: *Емельянов Ю. Н.* П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. М., 1990. С. 12–15; *Лурье Ф.* Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. СПб., 2017. С. 21–25.

Уже тогда В. А. Богуславская вела дневник, в который заносила сведения о вологодской театральной жизни и о своих встречах с примечательными людьми. По этим записям можно составить общее представление о том, как начинали развиваться ее отношения с будущим мужем:

«Сегодня за кулисами появился ссыльный. <...> Очень большой, полный молодой человек с буйными кудрявыми волосами. И я вспомнила, вчера он сидел в актерской ложе сзади меня. „Купчик местный, — подумала я, но когда в одном месте представление вызвало во мне досаду, я уловила его сочувственный взгляд, взгляд прекрасных, умных синих глаз. — Нет, не купчик“, — решила я, равнодушно скользнув по нему, и вышла из ложи. Его зовут Павел Елисеевич, фамилия Щеголев. Он выслан из Петербурга за участие в студенческих беспорядках, студент последнего курса, занимается наукой. <...> Приятный человек, очень умный и образованный — и какая-то мягкость привлекательная во всей его крупной фигуре. <...> Этот большой человек относится ко мне с таким вниманием, его общество так много дает мне, он приносит мне книги новые, говорит, что у него здесь библиотека, что он привез ее из Петербурга»;

«Новый Год. Спектакль, после которого Щеголев отвозит меня к себе встречать Новый Год. <...> И в этот же вечер он подарил мне „Горящие здания“ с надписью на санскритском языке. На другой день он перевел мне эту подпись, она гласила: „Валя-Валя, вы мое счастье, я верю в вас“ — и тут же он приписал по-русски: „Валя-Валя, я люблю вас“, — потом посмотрел мне в глаза и приписал — „так же, как и вы меня“». ³

Весной 1903 года, благодаря хлопотам академиков А. Н. Веселовского и А. А. Шахматова, Департамент полиции разрешил Щеголеву вернуться в Петербург и держать государственные экзамены, которые он успешно сдал, получив свидетельство об окончании университета. Однако дальнейшей университетской карьере помешала репутация политически неблагонадежного — что не исключало последующего активного участия в литературной и научной жизни. У В. А. Щеголевой сценическая карьера в столице также не особенно задалась. Щеголев, прибегая к своим литературно-артистическим связям, пытался устроить ее судьбу, ходатайствовал перед Вс. Э. Мейерхольдом, Н. Н. Евреиновым, но без существенных результатов. «Поговаривали, — сообщает биограф Щеголева, — что он противился ее возвращению в театр, поэтому не очень-то усердно хлопотал. Около года играла у В. Ф. Коммиссаржевской, отсутствие таланта и неуживчивый характер помешали ей задержаться в труппе прославленной актрисы». ⁴ Между тем известно, что Щеголева выступала перед публикой с чтением стихов современных поэтов, и вполне успешно: в Тенишевском зале на литературно-музыкальном вечере «Возрождение мифа в современной поэзии» (11 февраля 1908 года), в зале Павловой на «Вечере искусств» с мелодекламацией на стихи Ф. Сологуба и Вяч. Иванова (23 апреля 1908 года) ⁵ и т. д.

Н. Г. Чулкова отмечает в воспоминаниях, что В. А. Щеголева «была совсем не красива лицом, очень женственна и грациозна, имела приятный голос». ⁶ Последнее обстоятельство во многом объясняет ту эмоциональную реакцию, которую вызвало исполнение ею стихотворения Вяч. Иванова «Мэнада», — настолько сильную, что побудило автора посвятить Щеголевой другое свое стихотворение — «Как жертвы тень, с любовью онемелой...». Открывающий альбом Щеголевой автограф этого стихотворения с посвящением «Валентине Андреевне Богуславской-Щеголевой» датирован: «14 апр<еля> 1906», ⁷ — т. е. непосредственно после «среды» на квартире Иванова, проходившей с 12 на 13 апреля и посвященной обсуждению темы «Факелы». Подробно

³ Цит. по: Ремизов А. М. «Некролог» П. Е. Щеголеву / Вступ. заметка, публ. и прим. Е. Р. Обатиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 181.

⁴ Лурье Ф. Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 365.

⁵ См.: Кузмин М. Дневник 1908–1915 / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 581, 593, 594; Лит. наследство. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3. С. 325.

⁶ Чулкова Н. Александр Блок (из воспоминаний) // Новый журнал (Нью-Йорк). 2002. Кн. 226. С. 190.

⁷ ИРЛИ. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 2.

описывая ход этого собрания в письме к М. М. Замятниной от 12–15 апреля 1906 года, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, в частности, сообщает: «Читала жена Щеголева, молоденькая актриса (т. е. теперь она не играет) сначала стихотв<орение> Брюсова „Приходи путем знакомым...“ по просьбе Вячеслава на первом месте <...> очень хорошо, и потом стихотворение В<ячесла>ва „Перед жертвой“ («Факелы») так дивно, что я впервые понял<а>, что актер может читать лучше поэта. У меня чуть судороги не сделались от ее ритмики и трепещущей глубокой интерпретации, а также дивного глубокого голоса».⁸ Вновь Щеголева, как извещает в следующей корреспонденции Зиновьева-Аннибал, выступала на ивановской «среде» 19 апреля с чтением стихов Э. Верхарна в переводах Брюсова и повторным чтением «Перед жертвой», а в «среду» 26 апреля вновь читала стихотворения Иванова («Бессонница») и Брюсова («В публичном доме»)⁹ Зиновьева-Аннибал сообщила Замятниной и о визите к Щеголевой 17 апреля: «...мы ходили к ней с Вячеславом и свезли его стихотв<орение>, написанное им ей в благодарность за прочтение».¹⁰ В этом стихотворении, впоследствии опубликованном под заглавием «Самоотчуждение» и с посвящением В. А. Богуславской (Щеголевой), Иванов передает впечатления автора, по-новому воспринявшего свой текст посредством чужого, артистического его перевоплощения:

...я внимал, далек и умилен,

Моих молитв страдальческому звуку
Из огненных, из горьких уст твоих:
Ты все сказала — солнечность и муку,
И тишину, и ночь глубин моих.

Где Ниобеей сердце каменело,
Там каменил тебя мой скорбный яд;
И где пред жертвой тайной пламенело, —
Стремилась ты единой из Мэнад.¹¹

Обосновавшись в Петербурге, Щеголевы дружески сблизились с Г. И. Чулковым, деятельным участником литературной жизни, входившим в ближайшее окружение Вяч. Иванова, ранее, как и Щеголев, политическим ссыльным, и его женой Надеждой Григорьевной, некоторое время даже проживали вместе, в одной квартире (Французская наб., д. 34, кв. 17).¹² Близко знавшая Валентину Андреевну, Н. Г. Чулкова чрезвычайно высоко оценивала ее нравственные качества: «...всегда относилась к людям и жизни серьезно. Горячо спорила, защищая свое мнение. Любила справедливость, была искренней и откровенной. Не боялась сказать правду в глаза. Сцена ее не испортила».¹³

Чулков во второй половине 1900-х годов постоянно общался с А. Блоком, и их спутницей в одну из таких встреч, ставшую знаменательной, оказалась В. А. Щеголева. (Щеголев в эту пору вновь подвергся преследованиям «за вредную политическую деятельность» — редактирование журнала «Былое», посвященного истории освободи-

⁸ Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 185–186. Под заглавием «Перед жертвой» («Скорбь нашла и смута на Мэнаду...») стихотворение Иванова было опубликовано в альманахе «Факелы» (СПб., 1906. Кн. 1), позднее получило заглавие «Мэнада» (Иванов Вяч. Cor Ardens. Ч. 1. М.: Скорпион, 1911. С. 7–8).

⁹ См.: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. С. 187, 188.

¹⁰ Там же. С. 187.

¹¹ Иванов Вяч. Cor Ardens. Ч. 1. С. 145.

¹² Ср. дневниковую запись М. Кузмина о Чулковых (8 февраля 1907 года): «...они живут у Щеголевых, на набережной у Прачешного моста» (Кузмин М. Дневник 1905–1907 / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 319).

¹³ Чулкова Н. Г. Воспоминания о моей жизни с Г. И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми // РГБ. Ф. 371. Карт. 6. Ед. хр. 1. С. 255.

тельного движения: арестован 9 ноября 1907 года, затем выслан в Юрьев, а 13 января 1909 года приговорен, как издатель «Былого», к трехлетнему заключению в петербургских «Крестах», откуда был освобожден лишь в мае 1911 года.¹⁴) Как вспоминает Н. Г. Чулкова, Блок «любил кататься на лодке — один или с кем-нибудь из друзей. Однажды в такую прогулку Блок увлек целую маленькую компанию: Валентину Андреевну Щеголеву, актрису Художественного театра Кореневу и Г. И. Чулкова. <...> Это было в начале мая 1908 г. Уехав с утра на взморье, они вернулись только на другой день к нашему обеду. Блок пошел домой, а его спутницы остались обедать с нами. Обе были веселы, полны впечатлений от необыкновенной ночной прогулки. <...> Эта прогулка отразилась в стихах Блока — „Все помнит о весле вздыхающем мое блаженное плечо...“». ¹⁵ Эту позднейшую зарисовку позволяет скорректировать дневниковая запись Щеголевой от 21 апреля 1908 года — уточнить дату события (8 апреля) и конкретные обстоятельства (впрочем, отсутствие упоминаний о спутниках может объясняться сугубо психологически — сосредоточенностью исключительно на Блоке): «Случайно совершенно попала с Блоком 8-го на острова, ушли утром в 4 часа от Федора Кузьмича.¹⁶ Блок все время смотрел на меня смеющимися глазами и, проводив до дому, вдруг сказал молящим голосом: „Поедемте на острова, очень прошу вас“. <...> Эта поездка на острова и потом в Ботанический сад и поведение Блока. Зачем я ему? Он так жадно и страстно меня целовал, точно голодный... Я боролась, я сердилась, возмущалась и смеялась в конце концов. Что спросить с этого умного очаровательного человека. <...> Но все-таки это утро на взморье, голубой шелк моря, лодка и мягкая рука на веслах. И ему и мне было очень весело. Весна — волшебница».¹⁷

Развития отношений в романическом ключе непосредственно после этой встречи не последовало: Блок пригласил Щеголеву к себе, вместе со многими другими знакомыми, на чтение драмы «Песня Судьбы» 4 мая 1908 года,¹⁸ в ответ же на ее экспансивное письмо (черновик его занесен в дневник¹⁹) написал «многоуважаемой Валентине Андреевне» подчеркнуто сухо и недвусмысленно: «...я не могу сейчас, главное — внутренне не могу: так сложно и важно на душе». ²⁰ Но на костюмированном вечере у Сологуба (3 января 1909 года) Блок вручил Щеголевой листок с автографом стихотворения «Все помнит о весле вздыхающем...», и это поэтическое напоминание вновь всколыхнуло ее чувства, излитые на страницах дневника: «Милый, милый, — подумала я, — не забыл. <...> Я почувствовала с этим листком, что у меня выросли крылья, и что этот вечер единственный, может быть, на серых буднях моей суровой жизни, когда я вдохну глоток воздуха того, который мне нужен». ²¹ С «белыми ночами», запечатленными в стихотворении «Все помнит о весле вздыхающем...», корреспондируют «снежный ветер» и «вьюги, снега» двух других стихотворений Блока, навеянных встречами со Щеголевой — «Черный ворон в сумраке снежном...» (первоначальные заглавия: «[Валентина]», «Вдвоем»; ²² февраль 1910 года) и «Знаю я твое льстивое

¹⁴ См.: Емельянов Ю. Н. П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. С. 21–23.

¹⁵ Чулкова Н. Александр Блок (из воспоминаний). С. 189.

¹⁶ Ф. Сологуб жил в это время по адресу: Широкая ул., д. 19, кв. 2. В письме от 5 апреля 1908 года Сологуб приглашал Ан. Н. Чеботаревскую прийти к нему «вместе с доброю и кроткою Валентиной Андреевною <...> во вторник 8 апреля вечером»; повторял свое приглашение 7 апреля: «Пожалуйста, приезжайте. Люди будут, но очень немногие, и все свои <...>» (Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 310).

¹⁷ Литвин Е. Ю., Гречишкин С. С. Блок и В. А. Щеголева // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 851.

¹⁸ См. письмо Блока к В. А. Щеголевой от 30 апреля 1908 года (ИРЛИ. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 60). Перечисляя в письме к матери от 3 мая 1908 года приглашенных на чтение, Блок упоминает и Щеголеву (см.: Письма Александра Блока к родным / С предисловием и прим. М. А. Бекетовой. Л., 1927. <Т. 1>. С. 211).

¹⁹ Литвин Е. Ю., Гречишкин С. С. Блок и В. А. Щеголева. С. 852.

²⁰ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 242.

²¹ Литвин Е. Ю., Гречишкин С. С. Блок и В. А. Щеголева. С. 853.

²² Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 3. С. 830. Под заглавием «Вдвоем» стихотворение было впервые опубликовано в «Русской мысли» (1910. № 11. Отд. 1. С. 4).

имя...» (18 ноября 1910 года) — и отразивших следующую, уже вполне романтическую стадию их взаимоотношений:

Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...²³

Составляя книгу «Ночные часы» (1911), Блок объединил эти стихотворения в цикл «Три послания» и выслал его Щеголевой 21 декабря 1910 года с припиской: «Над этими тремя стихотворениями — можно ли мне поставить Ваши инициалы в книге? Целую Ваши руки. Александр Блок».²⁴ На другой день последовал ответ: «Так испугана Вашими стихами... и взволнована! Инициалы поставьте, если хотите. Будьте счастливы. В. Щеголева».²⁵ В «Ночных часах» «Три послания» помещены с посвящением В. А. Щ.; позднее, перепечатывая цикл в последующих изданиях своего трехтомного собрания стихотворений, он заменил три инициала одним: В.²⁶

В анналах исторической памяти имя В. А. Щеголевой закрепилось главным образом в соотношении с блоковским лирическим циклом. Сама она скорее гордилась своей непрочной и непродолжительной связью с великим поэтом²⁷ и неизменно высоко отзывалась о нем. «Она была совершенно пленена Блоком, его поэзией, его обликом, — свидетельствует Н. Г. Чулкова. — Она рассказывала мне, что Блок много говорил ей о себе, связывая свою судьбу с судьбой России».²⁸ 28 апреля 1921 года Щеголева отправила Блоку по почте свой цикл из трех стихотворений «Александр Блоку» с припиской: «Прочтите и улыбнитесь... легко»²⁹ — своего рода запоздалые ответные «три послания», в которых трагические признания о себе и об окружающей жизни сочетаются со светлыми проблесками — отображениями адресата:

²³ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 113. Ср. черновую редакцию приведенной строфы (Там же. С. 397):

И опять на ночное свидание
Ты приходишь в забвеньи и сне,
Валентина, комета, мечтанье,
От Востока на Запад ко мне.

²⁴ Эти автографы Блока Щеголева вклеила в свой альбом (ИРЛИ. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 3–4 об.).

²⁵ Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог / Под ред. В. Н. Орлова. М., 1979. Вып. 2. Письма к Александру Блоку / Сост. Н. Т. Панченко, К. Н. Суворова, М. В. Чарушникова. С. 492. Подробнее см. комментарии О. А. Кузнецовой к циклу «Три послания»: Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 828–832.

²⁶ Такое решение Блок принял, возможно, в ответ на укор А. М. Ремизова, писавшего ему по выходе «Ночных часов» (13/26 ноября 1911 года): «...а вот насчет посвящения В. А. Щ., то тут лично я против. Вам сказал бы сегодняшним вечером, но так и не пришлось» (Лит. наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 98; публикация А. П. Юловой). Ремизов в данном случае, безусловно, заботился о прочности семейной жизни Щеголевых. Однако Щеголев знал об увлечении своей жены и, согласно свидетельству близко его знавшего В. А. Мануйлова, относился к этому вполне терпимо — даже «гордился — Блок, а не кто-то другой» (*Лурье Ф.* Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 365).

²⁷ Ср. свидетельство А. Ахматовой: «Свой роман с Блоком мне подробно рассказывала Валентина» Андреевна Щеголева. Он звал ее в Испанию, когда муж сидел в Крестах» (*Ахматова А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 2001. Т. 5. С. 76). Вероятно, эта доверительная беседа состоялась в январе 1925 года; ср. запись П. Н. Лукницкого об Ахматовой от 24 января: «О романе А. Блока с В. А. Щеголевой» (*Лукницкий П. Н.* Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. 1924–25 гг. Paris, 1991. С. 34). 3 августа 1953 года С. К. Островская записала со слов Ахматовой: «Отношение Блока к женщинам: Дельмас и Валентина Щеголева хранили о нем самые высокие и нежные воспоминания» (*Островская С. К.* Дневник / [Вступ. статья Т. С. Поздняковой; послесловие П. Ю. Барсковой; подг. текста и комм. П. Ю. Барсковой и Т. С. Поздняковой]. М., 2018. С. 601).

²⁸ Чулкова Н. Александр Блок (из воспоминаний). С. 190.

²⁹ Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 2. С. 493.

Кровавой лентой, лентой муки
 Протянут путь мой к небесам.
 Ловлю в смятении счастья звуки,
 Бросаю страсть к твоим ногам.
 <...>
 И нет спасенья, нет возврата,
 В открытом море черный шквал,
 Душа звенит, тобой объята,
 Маяк погас... Девятый вал.³⁰

Не сумев в достаточной мере воплотить собственные творческие задатки, В. А. Щеголева все же не оставалась в тени своего мужа, богато одаренного и энергично трудящегося на литературном и научном поприщах. Теплые дружеские отношения связывали ее со многими замечательными современниками, в том числе с Федором Сологубом, Евгением Замятиным, Анной Ахматовой; интенсивно общалась она и с писателями, которых в литературной ситуации 1920-х годов именовали «попутчиками», и в дневниках, фиксируя свои контакты с ними, оставила немало ярких наблюдений и нелцеприятных строк. Критические оценки присутствуют и в ее записях об Ахматовой, при всей близости и доверительности их отношений (в набросках «Еще о Блоке» Ахматова отмечает: «Я — confidentка Вал<ентины> Андр<еевны> Щеголевой («Валентина, звезда, мечтанье»³¹)»; безусловно, для нее факт близости «confidentки» с Блоком придавал этим отношениям дополнительную притягательность). П. Н. Лукницкий фиксирует регулярные встречи Ахматовой и Щеголевой;³² проводили они вместе и летнюю пору; в частности, в 1925 году на Сиверской (Ленинградская область), где у Щеголевых была дача (в «разговорной книжке» Н. Н. Пунина и Ахматовой имеется запись: «29 июля 1925. Сиверская. Фельдмаршальская, 63»³³). Вместе с Ахматовой Щеголева провела и последние летние месяцы своей жизни — в 1931 году в Детском Селе. «Летом в доме Елены Ивановны, — записала в дневнике Л. В. Шапорина (30 октября 1931 года), — жили Валентина Андреевна с Анной Ахматовой, Радловы (Николай) и Ходасевич. Всякую свободную минуту я бежала к Валентине Андреевне, которую мне бесконечно жаль. Ахматова, которую я так близко увидела и узнала впервые, редко обаятельный человек».³⁴ Щеголевой Ахматова посвятила стихотворение

³⁰ Блок в поэзии его современников / Вступ. статья и публ. Ю. М. Гельперина // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 572.

³¹ Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. С. 81.

³² Ср., например: «Пришел к АА в больницу в 5 часов. До меня у нее была В. А. Щеголева» (25 мая 1925 года); «АА сегодня обедает у Щеголевых (сам Щеголев в отъезде, а В. А. пригласила к себе обедать АА и Л. Н. Замятину)» (Лукницкий П. Н. *Asutiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. С. 175, 301–302; запись от 8 декабря 1925 года); «АА <...> сегодня <...> заходила к В. А. Щеголевой, чтоб передать ей результаты вчерашней поездки в Царское Село (АА ездила, чтобы посмотреть комнату для В. А. Щеголевой, которая больна) <...>» (21 мая 1926 года); «АА была у В. А. Щеголевой и вместе с ней ездила к О. Н. Черносвитовой» (Лукницкий П. Н. *Asutiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. 1926–1927. Париж; М., 1997. С. 168, 333; запись от 17 декабря 1927 года).

³³ Пунин Н. Мир светел любовью: Дневники. Письма / Сост., предисловие, прим. и комм. Л. А. Зыкова. М., 2000. С. 249. Судя по открытке от В. А. Щеголевой, отправленной Ахматовой из Ессентуков (11 сентября 1925 года): «Как вы, дорогая моя. Сиверская не очень вам надоела?» — та продолжала жить по указанному адресу и после отъезда Щеголевых на Кавказ (см.: Переписка А. А. Ахматовой и Н. Н. Пунина / Публ. Т. М. Двинятиной // Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 238).

³⁴ Шапорина Л. В. Дневник: [В 2 т.] / Вступ. статья В. Н. Сажина; подг. текста и комм. В. Ф. Петровой и В. Н. Сажина. М., 2011. Т. 1. С. 111. Упоминаются: Елена Ивановна Плен (Плэн; 1904–1957) — преподаватель английского языка в Ленинградском университете и других учебных заведениях, близкая приятельница Л. В. Шапориной; супруги Н. Э. Радлов и Н. К. Шведе-Радлова (см. прим. 146 к Дневнику 1923–1929 годов); художница Валентина Михайловна Ходасевич (1894–1970). Ср. запись Ахматовой («Даты (малый список)»: «Царское Село. С большой В. А. Щеголевой в 1931 г. Средняя улица» (Ахматова А. Собр. соч. Т. 5. С. 224).

«Причитание» («Господеви поклонитесь...», 24 мая 1922).³⁵ Среди бумаг семейства Щеголевых, отложившихся в собрании М. С. Лесмана, имеются и три недатированных письма Ахматовой: одно адресовано П. Е. Щеголеву, два — Валентине Андреевне; вместе с двумя письмами Ахматовой к их сыну Павлу и ее письмами к другим корреспондентам они опубликованы Р. Д. Тименчиком.³⁶

Помимо описания встреч в литературно-художественной среде, дневниковые записи В. А. Щеголевой отражают обстоятельства ее семейной жизни. Колоритные, порой раблезианские зарисовки облика супруга, в котором многие современники подмечали кричащие противоречия,³⁷ дополняются сведениями об их сыне, Павле Павловиче Щеголеве (1903–1936), начинающем историке, лишь на пять лет пережившем свою мать. П. П. Щеголев по окончании исторического отделения Петроградского университета пошел по стопам своего отца — стал историком революционного движения, но не отечественного, а французского: изучал Великую французскую революцию и, главным образом, заговор Гракха Бабёфа, одновременно занимался французской просветительской философией XVIII века.³⁸ П. П. Щеголев начинал научную карьеру в новых идеологических условиях 1920-х годов и был вполне адаптирован в систему советских верований, вследствие чего летом 1928 года был направлен Народным комитетом по просвещению в Париж на два с половиной месяца для изучения периода Директории;³⁹ в результате этой командировки появилась его книга «После термидора. Очерки по истории термидорианской реакции» (Л., 1930).⁴⁰ Под псевдонимом «Л. Китаев» П. П. Щеголев написал предисловия к трем книгам, подготовленным его отцом.⁴¹

В. А. Щеголева была всей душой привязана к своему сыну. 30 января 1929 года Л. В. Шапорина записала в дневнике: «Сегодня была у Белкиных, и Валентина Андреевна Щеголева рассказывала, как воспитывался ее сын. Вся ее жизнь была посвящена ему. Читали, занимались, работали вместе. Как я ей завидую».⁴² В своих дневниковых суждениях Щеголева отмечает успехи сына на научной стезе, но в гораздо большей мере она озабочена его неудачной, по ее убеждению, женитьбой (октябрь 1926 года). О невестке она отзывалась резко и беспощадно, не скрывая от других своего

³⁵ Впервые опубли.: *Ахматова А. Anno Domini. Стихотворения: Кн. третья. 2-е изд., доп.* Пб.; Берлин: Петрополис; Алконост, 1923. С. 25. В альбом Щеголевой Ахматова вписала свое стихотворение 1928 года «Если плещется лунная жуть...» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 5).

³⁶ См.: *Тименчик Р.* Из переписки Анны Ахматовой // *Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman / Ed. by K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov.* Stanford, 1994. С. 453–456 (Stanford Slavic Studies; vol. 8).

³⁷ Ср., например, суждения о П. Е. Щеголеве Н. В. Измайлова: «Его знания, эрудированность и начитанность были огромны и разносторонни; его одаренность, <...> его талантливость, поражала с первой встречи. Я не знал и не знаю более блестящего, увлекательного и яркого собеседника и рассказчика, чем Щеголев <...>. И эта его одаренность, талантливость искрились и „брызгали“ из него в каждом его слове. И вместе с тем — удивительны были его скептическая беспринципность, его цинизм, его неразборчивость в средствах получения крупных гонораров» (*Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год.* СПб., 2003. С. 314).

³⁸ Подробнее см.: *Молок А. И.* Научные труды и педагогическая деятельность П. П. Щеголева (1903–1936) // *История и историки: Историографический ежегодник.* 1971. М., 1973. С. 237–251.

³⁹ О своих встречах с П. П. Щеголевым в Париже рассказал в мемуарном очерке «Щеголев и сын» критик и журналист А. В. Бахрах. См.: *Бахрах А.* По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж, 1980. С. 186–190.

⁴⁰ П. П. Щеголевым изданы также книги «Заговор Бабёфа» (Л., 1927) и «Гракх Бабёф» (М., 1933) в серии «Жизнь замечательных людей». Посмертно вышли в свет его «Очерки по истории Западной Европы. XVI–XVII вв. Курс лекций» (Л., 1938).

⁴¹ См.: Юденич под Петроградом: Из белых мемуаров / Ред. П. Е. Щеголева; предисловие Л. Китаева. Л., 1927 (2-е изд., доп. — Л., 1927); Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы / Ред. П. Е. Щеголева; вступ. статьи Л. Китаева и М. Е. Кольцова. Л., 1927 (2-е изд., доп. — Л., 1927); *Деникин А. И.* Поход на Москву (Очерки русской смуты) / Ред. П. Е. Щеголева; предисловие Л. Китаева. М., 1928.

⁴² *Шапорина Л. В.* Дневник. Т. 1. С. 78.

отношения к ней (та же Шапорина в поминальной записи о Щеголевой отмечает, что «Ирину она ненавидела всем сердцем»⁴³), и эти безудержные эмоции, видимо, не в малой мере объяснялись чувством ревности и неприятием того гедонистического стиля жизни, который внесла в щеголевский дом Ирина Валентиновна Тернавцева, дочь В. А. Тернавцева, глубоко «старорежимного» человека, бывшего чиновника Синода и богослова. Ирина слыла «одной из самых красивых женщин Петрограда»;⁴⁴ по словам профессора С. Б. Окуня, «в нее влюблялись факультеты»,⁴⁵ так что вполне объясним ее выбор в пользу молодого ученого с блестящими перспективами. Впрочем, их брак оказался непрочным (видимо, не без воздействия неблагоприятной семейной атмосферы): в 1931 году они разошлись, у П. П. Щеголева появилась новая, гражданская жена Антонина Николаевна Изергина (1906–1969), искусствовед и сотрудница Эрмитажа (позднее, в 1946 году, она вышла замуж за директора Эрмитажа академика И. А. Орбели), а Ирина Валентиновна в 1936 году стала женой художника Натана Альтмана (1889–1970). Позднее И. В. Щеголева-Альтман (сохранившая фамилию первого мужа) и Натан Альтман усыновили детей ее сестры Марии, отправленной в ссылку после расстрела мужа в 1937 году, после войны арестованной и умершей в тюрьме.⁴⁶

П. Е. Щеголев скоропостижно скончался 22 января 1931 года. Валентина Андреевна умерла в декабре того же года после второго инсульта.⁴⁷ Ненадолго пережил их Павел Павлович: он ушел из жизни 13 января 1936 года после тяжелой болезни и неудачной операции.

Архив П. Е. Щеголева в основной своей части оказался рассредоточенным между рукописными отделами двух академических институтов — Института мировой литературы им. М. Горького в Москве и Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Петербурге. Часть дневников В. А. Щеголевой хранится в московской части архива, в том числе литературно обработанный дневник за 1915–1916 годы под заглавием «Год страданий и бедствий»,⁴⁸ фрагменты из которого, содержащие сведения о Блоке, приводятся в цитированной выше публикации Е. Ю. Литвин и С. С. Гречишкина «Блок и В. А. Щеголева». Фонд П. Е. Щеголева в Пушкинском Доме имеет две части — разобранную, доступную исследователям,⁴⁹ и позднее поступившую от наследников А. Н. Изергиной и по сей день неразобранную.⁵⁰ В неразобранной части архива оказался и основной корпус дневников В. А. Щеголевой. Фрагменты из них ранее появлялись в печати: в указанной публикации Е. Ю. Литвин и С. С. Гречишкина, в публикациях А. М. Грачевой и Е. Р. Обатиной (цитаты из дневника 1901–1902 годов).⁵¹ Согласно предварительному описанию содержания дополнительной части фонда Щеголева, составленному С. С. Гречишкиным, в ней имеются шесть тетрадей с дневниковыми записями Щеголевой: 1) вологодский дневник 1902 года; 2) записи за 1904, 1906–1907 годы; 3) записи за 1906–1907 годы; 4) записи за 1908–1909 годы; 5) записи за 1916 год; 6) записи за 1930 год.

⁴³ Запись от 5 февраля 1932 года (Там же. С. 113).

⁴⁴ Полонская Е. Г. Города и встречи. М., 2008. С. 390. Ср. отзыв И. Л. Андроникова о ней и ее сестре Марии Валентиновне Малаховской: «...молодые женщины неправдоподобной красоты и редкого обаяния, талантливые, веселые, остроумные <...>» (*Андроников И.* Обаяние таланта // Бронислав Брониславович Малаховский / Сост. И. В. Щеголева-Альтман. Л., 1978. С. 28).

⁴⁵ Лурье Ф. Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 364.

⁴⁶ См.: Шуко Е. Г. Воспоминания о детстве, семье, близких / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019. С. 414.

⁴⁷ Лурье Ф. Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 365.

⁴⁸ ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 40.

⁴⁹ См.: Личные фонды Рукописного отдела Пушкинского Дома. Аннотированный указатель / Автор вступ. статьи, отв. ред. и отв. сост. Т. С. Царькова. СПб., 1999. С. 292–293.

⁵⁰ См. краткое описание в рубрике «Дополнения к фондам» в «Обзоре архивных материалов XVIII–XX вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР за 1974–75 гг.» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 124–125).

⁵¹ См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. С. 180–182.

В коллекции М. С. Лесмана представлена, таким образом, третья часть этого разрозненного документального источника.

Дневники В. А. Щеголевой в составе собрания М. С. Лесмана входят в подборку рукописных материалов, включающую также автографы ее стихотворений и переписку.⁵² Значительная часть текста этих дневников утрачена: множество листов вырвано, большие фрагменты записей густо вымараны и не поддаются прочтению. В результате этой «вивисекции» целый ряд записей представлен в ущербном виде: фразы, не имеющие конца или начала; эти фрагменты текста при публикации не воспроизводятся. Рукопись имеет беглый, черновой характер: содержит множество неразборчивых написаний, синтаксически не упорядоченных фраз; повсеместно не соблюдены пунктуационные нормы. Печатаемый текст приведен в соответствии с современными орфографическими и пунктуационными правилами — за исключением мест, не поддающихся однозначному исправлению (они обозначаются редакторской пометой: <так!>). Ряд лиц, упоминаемых в дневниках, в основном из бытового окружения В. А. Щеголевой (в том числе обозначенных инициалами или сокращенными написаниями имен и отчеств), не идентифицирован; в примечаниях они не фиксируются — или поясняются на основании той информации, которую можно почерпнуть о них в тексте.

Записи сделаны в двух тетрадах. В первой тетради (12 л.) — записи за декабрь 1919 года. Они в основном касаются бытовых условий жизни семьи Щеголевых, поселившейся в 1916 году в доме 10 по Большой Дворянской улице (кв. 6; с октября 1918 года по 1936 год она носила название 1-я ул. Деревенской Бедноты, затем переименована в ул. Куйбышева),⁵³ и рисуют весьма выразительную картину жизни обитателей Петрограда в ходе воплощения в действительность большевистского «военного коммунизма».

Вторая тетрадь (86 л. малого формата) включает записи за 1923–1929 годы, в них преобладают описания встреч автора со многими выдающимися представителями литературно-художественного мира (А. Ахматова, Ф. Сологуб, Е. Замятин, «серапионовы братья», К. Петров-Водкин и т. д.), даются достаточно характерные свидетельства, позволяющие судить о настроениях тех или иных авторов, которые они выражали в аспекте своей «частной» жизни.

<1>

1919. Декабрь.

Понедельник. 9/22.¹

Мороз 26°. Проснулась в 7 ч. Лежала, не хотелось вставать. Павлы спят.² Болит спина и ноги. Зажгла фитиль (лампа, сделанная на манер лампадки: из-под лекарства баночка, в нее налит керосин и вставлена пробка с фитилем (за фитиль с пробкой вчера заплатила 75 р.)). Наверху шум, тревожная беготня. Натянула детские чулки (Павлушины, когда ему было 8 л <ет>), мои все изодраны, 4 кофты, 2 фуфайки бумажн<ых> и 2 шерстяных, рейтузы, сапоги и боты, на голову повязку, вышла и слышу — наверху ват<ерклозет> дергают за ручку, и Кониц³ говорит: «Не идет»... Попробовала у себя... не идет... Вода остановилась, замерзла. В столовой 5° тепла. Наколола щепок, зажгла печурку. Открыла двери, заиграла марш... для зова Каролины.⁴ Через 5 минут она пришла. Павел Ел<исеевич> в отчаяньи: «Я не встану!..» Раздался крик: пошла вода; Кароль пошла наливать самовар и все свободные сосуды.

Заварили овсяный кофе. Съели последнее сало.

⁵² Осуществленное Л. П. Архиповой и Н. Г. Князевой описание этих материалов см.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. С. 326.

⁵³ Описание этой квартиры и ее план см.: *Лурье Ф.* Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 362–364.

Холодно, окна доверху покрыты льдом, из дверей неистово дует. Павлы ушли. В 2 ч. дня пошла к портнихе. В августе отдана материя, обещала к Рождеству сшить. Квартиру заперла на два замка, золот<ые> часы спрятала под шкаф на полу (всегда нужно ждать воров, не весте <?> ни дни ни часа). Села в трам. «Куда идет?» Никто не знает. Маршрут прямо по Каменноост<ровскому>, но сплошь и рядом неожиданно сворачивает в другую сторону. К счастью, при пересадке именно это и случилось, 8<-й> № пошел не по маршруту и свернул на Вас<ильевский> Ост<ров>, и я доехала до цели. Прихожу. Платье не кроила. «Возьмите материя, нас выселяют, дом берут на топливо. Нет времени шить. С утра стояла за номерами для дров. Завтра пойду за ними, надо привезти, потом на вокзал, посылку получать, сын прислал, потом за хлебом в лавку». Уговорились после Рождества, за продукты. Ее дочери сапожник сшил сапоги за 5 ф<унтов> муки, тоже с августа шил.

Домой шла пешком, все трамваи стояли. Зашла на рынок, купила мороженую брюкву за 160 р. 2 ф<унта>. Опоздала, прибежала домой, наколола дров, затопила печурку. Сварила жидкую пшеничную кашу. Затопила печку в спальне, испекла картошку. Поджарила постное масло с луком, и еще в виде сюрприза сварила кисель из сушеной черники с сахарином, не вкусно, но бедный Павлик был в восторге.

В 5 ч. прилетела Каролина, откуда-то притащила 5 ф<унтов> хлеба по 200 р. за ф<унт>. Это дешево, мародерка берет 225.

Пришла Груша,⁵ принесла мороженой картошки 10 ф<унтов> по 75 р. за ф<унт>. На Грушу смотреть страшно, вся распухла, хворает, потому и стирать не пришла. А теперь уж и вовсе стирать не придется, везде замерзла вода.

Пришли Павлы. Сын жалуется, болит нога: колено и ступня. Занятия в унив<ерситете> закончены до конца января.⁶

Ночью после чая в 12 часов стирала, выстирала 3 сорочки, 12 плат<ков>, 6 салф<еток> и 2 фуфайки. На руках появились еще мозоли. Легла в 2. У Пав<ла> Ел<исеевича> на руке опять открылся нарыв, — худосочие, его лихорадит. Дала ему хинин, больше ничего в доме нет. И еще как лакомство дала всем по ложке Cuprinol'a,⁷ 5 лет т<ому> назад был куплен от кашля, очень вкусный, сладкий сироп, пахнет апельсином. На ночь прочла 4 стр<аницы>.

23 <декабря>.

Утром проспали. Было светло уже. 10 ч. Кароль прилетела: вода замерзла. На самовар хватило. Зажарила хлеб на свиной коже, от сала. Пришла М-ме Кац <?>, предлагала сало по 550 на дум<ские?> деньги, а так как <?> их нет, то и пришлось отказаться. Пошла на рынок. Купила 2 ф<унта> мороженой моркови по 85 <р.> за фунт, 2 ½ ф<унта> старого мяса, тонкий край по 600 р. за фунт, 1 ф<унт> клюквы 60 р., 2 ф<унта> кислой капусты по 100 р. ф<унт>, 2 вафли тонких, как папиросная бумага (сюрприз для Павлуши), по 50 р. штука и из-под полы 1 ¼ сах<арного> песку по 1200 р.

Сахар на рынке грязный, заваленный из солдатских карманов, 2000 р. ф<унт>, масло 2200, рис (о чудо!) вдруг появился у торговки барского вида 850 р. ф<унт>. Свинина 1700 р., все это не по карману, можно только любоваться и слюни глотать.

Когда покупала мясо, подошли 2 товарища, один — штатский, каракулевая шапка и пальто с кар<акулевым> вор<отником>, вида свирепого, другой — красноармеец. Штатский подал квитанцию, потребовал 3 ф<унта> и прибавил: «Отвесь-ка мне 4 ф<унта> получше». Купчиха заметалась, заволновалась: «Выбирайте какое хотите, вот хорошенький кусочек, или вот этот с жирком». Но почему-то они ничего не ответили, и через минуту рядом им в мешок посыпались овощи, которые получше: брюква, морковь, свекла. Моя купчиха изводилась от волнения тем более, что в этот момент к ней подошел муж и шепотом на ухо заговорил: «Что ж ты, надо сейчас же послать....» — «Да я же....» — «Что ж ты же.... сама должна понимать.....».

«Мадамочка, купите молочка, самое лучшее». — «Цена?» — «130 бут<ылка>». Пробую: бурда, одобренная сахарином.

Поскорее домой. 3 часа. Затопила печку. Очистила овощи, вымыла мясо: отвратительное, одни кости, но все же мясо. П. Е. так страшно похудел, что это становится почти опасным. Гладила. Обедали: щи из свеж<ей> капусты и бефстроганов.

Шикарно. После обеда чинила сорочки, но под конец так захотела спать, что свалилась на диване, в 10 ч. пришел Кониц, только что приехал из Москвы, в 3 дня проел 5000, но сыт вполне не был. Там все же существуют кафе, в кот<орых> можно пообедать. В первый же день он, голодный, прямо с вокзала побежал искать пропитание, попал в вегетариан<скую> столовую, но, пообедав, почувствовал, что надо опять идти искать приют, где бы покормили, нашел: шикарное меню: котлеты с гарниром, бифштексы. Заказал, только что успел съесть 2 котлеты (превосходные, на масле, с картофелем ц<еной> 375 за 2), как появились 4 челов<ека>, во главе эlegantный юноша с манерами правоведа. «Ни с места, рук не поднимать. Проверка документов». У Кон<ица> все петрогр<адские> мандаты в полном порядке, помечены 18<-м> числом, в момент происхождения число было 20<-е>. Правовед, грассируя, спрашивает: «Вы часто здесь бываега?» — «Вы же видите, что позавчера я был в Петр<ограде>». — «Ваш адрес?» — «Николаев<ский> вокзал!»..... Его оставили в покое, но котлет 2-й заказанной порции получить ему не удалось. На другой день он опять зашел сюда. Хозяина увезли вместе с дневной выручкой в 40 000, по подозрению в продаже спиртн<ых> напитков. Через 3 дня хозяина освободили, но без выручки.

У нас замерзла вода, боимся, что замерзнет канализация, но что делать, как быть, никто не знает. Нужно в подвале отогреть трубы, но это можно сделать только в оттепель, иначе трубы лопнут. А жди ее теперь, эту оттепель, 24/11 декабря, когда зима только начала лютеть. Пока носим воду от товарищей, но они уже заявили претензию. Товарищи броневики, занимающие 1<-й> и 2<-й> номера 1-го этажа, за 2 месяца успевшие расколотить полы, обломать краны, ручки у дверей и превратить квартиры в конюшни. Между прочим, почему-то их жизнь особенно бьет ключом по ночам, когда они занимаются пилкой и колкой дров, а первое время и добыванием этих дров из пустых квартир. Из 10<-го> номера были вынесены шкафы и кровати красного дерева, благополучно распилены и торжественно сожжены. Народ молодой, нетерпеливый; они, например, никогда, несмотря на большие морозы, не закрывают за собой дверей, а уж если случайно кому из них и придет на ум закрыть наружную дверь, то раздается такой грохот, что валится штукатурка и дрожат стены. Наградил Господь силой, да и пропитание у них не плохое. Сегодня им на грузовике привезли тушу мяса, мешки с мукой, картофель, капусту в большом количестве и хлеб.

На ночь помазала Павлу Ел<исеевичу> руку иодом, последним, больше и купить нельзя. Температура повышена. Нарыв огромный. Почитала «Бесов».⁸ У Павлуши распухли еще больше пальцы на ногах.

24-е декабря.

Утро. Открыла двери. Пришла Анна Павловна.⁹ «Хочу добраться до Ф<инляндии>, говорят, за 5000 можно переправиться». Опять стук. Мародерка принесла хлеб 4 ½ <фунта>. Я деликатно заявила, что хлеба нам не нужно пока, пришел П. Е.: «Надо взять», — тут я не выдержала. «Зачем же платить 225 за фунт, когда мы купили и нам еще предлагают по 200». Мародерка позеленела, глаза вылезли, покраснела. «Значит, вам больше хлеба не заказывать, если не возьмете, то уже больше я совсем не буду носить». Я имею мужество подтвердить, хотя мы ей и должны еще 1500 р. Ставила компресс П. Е., нарыв вскрылся. Следовало бы посидеть дома, но необходимо идти в Рев<олюционный> Муз<ей>,¹⁰ на сегодня назначены хлопоты по добыванию валенок, перчаток, фуфаяк и др. П. Е. встретил вчера Чехонина.¹¹ «Я зарабатываю 3 ½ тысячи, а продаю 35 000...» Занялся торговлей.

Вспомнилось, как в последний раз Ев<гений> Ив<анович> Замятин¹² сказал: «Завтра начнем вторые штаны есть, отличные, англиские, с крапинками, одни уже съели». У Ашешева¹³ украли шапку в архиве, взамен выдали ему красноармейскую, баранью, у него в ней вид страшный, — сказал Павлуша.

На завтрак дала П. Е. хлеб с солью, ничего нет в доме. А Павлуша ушел совсем без завтрака.

Необходимо стирать. Это самое тяжкое. Когда я заявила Кар<олине>, чтобы она приготовила самовар, та разразилась негодованием. «Я не могу носить воды. Это трудно». И принесла-то она один раз 2 ведра всего-навсего, так как я, к счастью, своевре-

менно наполнила ванну водой. «Не носите, — ответила я, — сама буду носить. Вы ничего не хотите делать, я уже привыкла. Меня не удивишь». Но в награду все же выдала ей воблу. На рынке 1 ф<унт> воблы стоит 250. След<овательно>, я подарила ей 50 руб., ибо в фунте 5 штук.

Вспомнила, Ол. М. рассказывала: «Вчера в красн<ый> лазарет привезли раненых, белья не оказалось, так как все отправлено в стирку, в палатах 1° мороза. Так их и оставили лежать в грязи с вшами, на холоде».

.

Поставила воду на стирку.

Раздался стук в потолок, несчастная Зоя¹⁴ стучала ½ часа, я не слышала, она сообразила пойти наверх. Пришла замученная, опустилась на стул и заплакала жалкими бессильными слезами. «Вчера явился председ<атель> Комбеда,¹⁵ бывший прис<ажный> пов<еренный> Соколов: „Я все-таки должен вас отправить на принудительные работы“. Во-1-х, ей больше 40 лет, во-вторых, и главное, она больна тяжелой неизлечимой болезнью женских тазовых органов, болезнью, которая заставляет ее 20 дней в месяце лежать. Каждую ночь она ставит компрессы на ночь, у нее спайки кишок с маткой, воспаление мочевого пузыря. Ею представлены свидетельства от 3-х коммунальных врачей, и все-таки ее гонят. «Вы можете делать со мной, что хотите, я не пойду». — «Доставьте свидетельство от советского врача, Разъезжая 3». Это значит, нужно стоять дня 3 в очереди, чтобы добиться освидетельствования, на морозе, когда она стоять не может, и свидетельствовать ее будет или зубной врач, или фельдшер.

«У меня холод страшный, я сжигаю 12–14 огромных поленьев березовых, и больше 7° не могу натопить. Развился невроз сердца, с 3-х часов, когда начинается темнота, ни керосина, ни свечей у меня нет, мной овладевает смертельный ужас, и я лежу на диване, придушенная своими страшными мыслями. Надо ехать, больше ничего не остается. Но как ехать... к чужим людям с чуждым<и> взглядами, иными привычками».

Ее зовет к себе брат Ив<ан> Вас<ильевич>, крестьянин члена 1-й думы,¹⁶ пострадавшего в свое время, эмигрировавшего, проживавшего в Париже у <так!> революции, и теперь преследуемого. Он, между пр<очим>, исчез без вести.

Приезжайте, — пишут они Зое, — и хотя у нас отобрали все, Бог даст, все же проживем как-нибудь. «За 1000 р. мне предлагают устроить проезд и билет, продам что-нибудь, но бежать необходимо».

Я зажарила черный хлеб на корках от сала и угостила ее. Потом начала стирать, она же, сидя, выгладила еще мне сорочку П. Е.

Вечером П. Е. был в Ком-беде, выяснилось, что трубы отогреть, чтобы пошла вода, нельзя. Надо ждать оттепели!!! Иначе трубы лопнут!! Следовательно, до весны мы лишены воды, что будет.... страшно думать!

Принесли молоко, 170 р. бутылка. В 8 часов погасло электричество, топила печку, натопила до 11°, здесь же углями поставила самовар, пили чай с молоком. Бедный Павлуша был счастлив, выпил 4 чашки с хлебом, посыпанным песком. Немножко почитала. День прошел и слава Богу.

25/12 декабря.

У П. Е. распухла рука, переменяла компресс, позвонила Вас<илию> Дм<итриевичу>.¹⁷ Подошла Катер<ина> М.:¹⁸ «Это очень опасно, мож<ет> быть флегмона, сделайте компресс на всю руку, положите руку на перевязку».

Компресс на всю руку!! А где же взять ваты, компр<ессной> бумаги, бинтов? В аптеках не дают даже по рецепту докт<ора>.

Весь вечер плакала нервно. Чувствую, что навалился огромный камень, который не сдвинуть моими слабыми силами.

Все же после чая около 12 часов стирала, во время стирки погасло электричество, в темноте перевернула кувшин с водой, мыла пол, застыла совершенно, стирать пришлось в холодной воде. 5° тепла. Да, я и забыла о дневн<ых> происшествиях. В 12 часов дня пошла к В. Ив., взяла вещи на обмен, очень хочется продать что-нибудь или обменять. В. И. не застала, зашла к Никит<иной?>.¹⁹ Она категорически не советует

продавать на рынке. Вчера оцепили и отправили всех под арест. Были матери, у котор<ых> остались дома голодные дети, была дама, у нее дома остался тяжело больной муж, Н<икитина> вечером зашла его навестить, жена с утра исчезла, он лежит в жару без призора, голодный. Женщин отправляют в Чесменскую богадельню²⁰ и оттуда на принудительные работы. Я оставила вещи у нее и пошла купить что-нибудь на обед.

Мясо 850, телятина, одни кости, 650. Предлагали купить очень дохлую, замороженную курицу 400 р. фунт.

Купила 1 ф<унт> масла за 2200, 2 ф<унта> пшеница по 380 и 2 ф<унта> клюквы. На рынке у ворот стояла Ан<нуш>ка <?>, продавала бумажник и самодельные боты из солдатского, ярко зеленого сукна, она пианистка, окончила консерват<орию> с золотой медалью по роялю <?>. В другом углу очаровательная женщина в котиковой шубке продавала розовую шерстяную вязаную кофту.... 9000... «Она припачкана, еще ни разу не стиралась, но если вы выстираете, будет очень красиво, с белым....»

Страшно расшиблась, упала, минут 5 лежала, подошел солдат, помог встать. Долго стучала, пока Н<икитина> отперла, она ела свинину, муж из Кронштадта прислал, была очень сконфужена и старалась оправдаться. Домой опоздала, так как трам пошел в противоположную сторону, а окна заморожены.

Музей рев<олюции> посетили солдат 150 ч<еловек> и сестры милос<ердия>. Павлуша рассказывал. Были огорчены, что муз<ей> откроется только в янв<аре>,²¹ осматривали дворец. «Неужто царь через такую махонькую дверь ходил?» — спросил один любопыт<ный>, когда ему указали на детский подъезд.

Приехала Там<ара> Фед<оровна>. Когда ехала в вагоне туда, было жарко, 20°, на одной из станций сели в набитый вагон еще и 3 солдата — татары, один из них рядом с Там<арой>, через полчаса раздался крик: «Товарищи, спасите, убивают, грабят, спасите». Паника, так вдруг сосед говорит: «Не бойтесь, это наш кричит, у него бред, он еще не поправился от сыпного тифа, мы двое выздоровели, а его везем». Через минуту Т<амара> у себя на руке увидела огромную вошь.

Тиф — сыпной тиф... косит, косит без передышки.

Умерла преданная Маша, поехала добывать белую муку ребенку <нрзб.>... ее любимице, поехала их 5 человек, все заразились по дороге, 2 выжили, 3 умерло.

Была у Зои, день ее ангела, снесла в подарок 1 ф<унт> льняного масла, 1 ф<унт> пшеница, 1 ф<унт> муки и 4 конфеты. Она очень рада мне.

На стуле сидела жена полковника, завед<овавшего> батареей, обстреливающей враж<еские> аэропланы, замученная, муж болен сыпняком, поправляется... но рядом в комнате умирает хозяин квартиры, они живут в Парголово,²² в окно видно кладбище, на которое отвозят ежедневно сотни трупов, их сваливают, как дрова, без гробов, и лежат они не погребенные.

¹ Датировка — по старому и новому стилю.

² П. Е. Щеголев и П. П. Щеголев.

³ Инженер-технолог Василий Степанович Кониц; проживал на четвертом этаже дома И. Ф. Крымзенкова (построенного в 1912–1913 годах архитекторами Г. В. Войневичем и Д. Г. Фомичевым), в котором на третьем этаже семья Щеголевых занимала шестикомнатную квартиру. См.: Лурье Ф. Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 362.

⁴ Домашняя работница.

⁵ Прачка.

⁶ П. П. Щеголев в 1919 году, по окончании средней школы (бывшая гимназия К. Мая) осенью того же года поступил на историческое отделение Петроградского государственного университета.

⁷ Лекарство от заболевания дыхательных путей, лихорадки и т. п.

⁸ Видимо, не стихотворение Пушкина, а роман Достоевского.

⁹ Прибылева-Корба Анна Павловна (1849–1937) — член Исполнительного комитета партии «Народная воля», политкаторжанка; автор книги «„Народная воля“. Воспоминания о 1870–1880-х гг.» (М., 1926); член «Товарищества по изданию журнала „Былое“ и книг по истории революционного движения», организованного 21 июня 1919 года по инициативе П. Е. Ще-

голева. В архиве Щеголева сохранились 13 писем А. П. Прибылевой-Корба за 1917–1926 годы (ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 366).

¹⁰ Имеется в виду Музей Революции в Зимнем дворце (тогда именовавшемся Дворцом Искусств), учрежденный по инициативе А. В. Луначарского, М. Горького, В. Н. Фигнер, Щеголева и др. 9 октября 1919 года постановлением Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (председатели Г. Е. Зиновьев и А. В. Луначарский, секретарь М. Б. Каплан). В декабре 1919 года были определены штаты Музея, П. Е. Щеголев был одним из активных организаторов Музея, назначен в нем заведующим архивно-библиотечным отделом, выполнял основную административную работу, наряду с М. Б. Капланом (впоследствии директором Музея) (см.: *Емельянов Ю. Н.* П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. С. 36–38; *Лейкина-Сеирская В. Р.* Из истории Ленинградского музея Революции // Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. Вып. 3. С. 55–78). Подборка материалов, относящихся к деятельности Щеголева в Музее Революции, сохранилась в его архиве (ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 224–236).

¹¹ Чехонин Сергей Васильевич (1878–1936) — график, художник книги, мастер декоративно-прикладного искусства. В 1918 году принимал участие в разработке советской эмблематики, с того же года возглавлял художественный отдел Государственного фарфорового завода в Петрограде.

¹² Е. И. Замятин (1884–1937) по возвращении из Англии в Россию в сентябре 1917 года основался в Петрограде, где вел разнообразную литературно-общественную деятельность (работа в редколлегии издательства «Всемирная литература», в правлении Всероссийского союза писателей, в комитете Дома литераторов и т. д.).

¹³ Ашешов Николай Петрович (1866–1923) — журналист, драматург, прозаик, критик; секретарь редакции журнала «Былое».

¹⁴ Соседка по дому.

¹⁵ Имеется в виду домовый комитет бедноты.

¹⁶ Видимо, подразумевается: крестьянин губернии или уезда, выдвинувших данного депутата в 1-ю Государственную думу.

¹⁷ Врач Василий Дмитриевич Соколов — хирург, ранее ординатор детской городской больницы.

¹⁸ Жена В. Д. Соколова.

¹⁹ Видимо, соседки по дому или ближайшим домам.

²⁰ Чесменская военная богадельня (или Чесменский инвалидный дом) была открыта в 1836 году в перестроенном (по проекту А. Е. Штауберта) Чесменском путевом увеселительном дворце (1774–1777; архитектор Ю. М. Фельтен) на седьмой версте по дороге из Петербурга в Царское Село.

²¹ Объявление об открытии Музея Революции было опубликовано в «Петроградской правде» 10 января 1920 года (№ 6).

²² Дачное предместье к северу от Петрограда.

<2>

<ДНЕВНИК 1923–1929>

Очнусь ли я в другой отчизне,
Не в этой сумрачной стране?
И памятью об этой жизни
Вздохну ль когда-нибудь во сне?

Что мне спеть в этот вечер, сеньора,
Что б мне спеть, чтоб вам сладко спалось?

Александр Блок.¹

1923-й год. 20 июля.

Детское, бывшее Царское Село.

<2 листа с текстом вырваны.>

<...>

Пришла домой. Чудесно. Такой аромат цветов и свежесть, на балконе 40°. Легла, вдруг слышу голос: «В<алентина> А<ндреевна>». — Смотрю — Т<атьяна> Н<иколаевна>:² «О<льга> Аф<анасьевна> приехала, вас ждут с Фед<ором> Куз<ьмичем> в Екатер<ининском> парке».³

Федор Кузьмич! Милый, бедный Ф. К. Они сидели в тени и промерзли. Мы сейчас же пошли все домой к Ф. К. У него болит нога. Были судороги. После припадка сердечного немеет левая нога: «Должно быть, паралич будет, — сказал он. — Никаких излеществ не позволял я себе, не пил, не кутил, не влюблялся, а вот поди ж ты» — и засмеялся долгим нервным, невеселым смехом. Он очень устает и очень раздражается.

Завтра в Федор<овском> соборе прест<ольный> праздник в приделе Серафима Саровского.⁴ Сзади шла дама, она слышала мои слова, переспросила, верно ли она поняла о празднике Серафима. Я ответила. Вдруг Ф. К. вслед ей закричал: «Не ходите, это не настоящий праздник, это жульнический, установленный мерзавцами, настоящий будет через 13 дн<ей> по стар<ому> стилю». Она не слышала и прошла вперед. «Если она хочет молиться, не все ли равно когда», — вздумала я было вмешаться...

Тут и пошло. Он покраснел, начал браниться. Я хотела обратить все в шутку. Какой же вы сами-то христианин? Раздался крик: «Вы не смеете мне запрещать говорить, что я думаю. Это насилие, вы не имеете права». Насилу успокоили, уж я извинялась. Ол<ьга> Аф<анасьевна> вступилась: «Я тоже думаю так, как В. А., а вот Ф. К. с Анничкой строги. Анка матери не позволяет в церковь ходить⁵ (а сама-то и раньше никогда не ходила)».

<9 строк вымараны.>

Тожe борьба <1 слово вымарано>. Оличка С<удейкина> вся истаяла от страсти, еще похудела! Она успела мне бросить: «В. А., совершилось чудо, о каком я и мечтать не могла. „Он“ пришел ко мне. Я счастлива. Мож<ет> быть, больше никогда его не увижу, но все равно. Я совершенно невменяема».

Дома Ф. К. развеселился; когда он бывает несправедлив, то всегда стремится потом заглядеть, шутит, острит. Был милый, ласковый, дурашливый, угощал конфетами. Я ему подложила 2 пустые обертки, очень веселился.

Пришла Тamarочка Форш⁶ с прекрасным букетом из жасмина, бел<ых> лилий и красного шиповника Федор Кузьмичу. Читала стихи страшно робко, волновалась ужасно. Стихи хорошие. Она умненькая, нежная.

Ф. К. сначала был резок: «Почему так много поэтов, и все так хорошо пишут стихи. У вас стихи хорошие, но это все не свое. А где же свое, не похожее на то, что уже было написано? Лучше, если бы у вас были плохие стихи. Вы давно пишете?» — «С восьми лет». — «Значит, сколько же лет». — Я подсказала: «Лет 12–14».* — «Печатались?..» — «Нет». — «Надо печатать».

Мне очень хотелось с ней поговорить. Но я знала, что больше еще нужно Олиньке С<удейкиной>. По дороге она с таким волнением описала мне свое счастье. Как она не вынесла, утром пошла к нему, пригласила его на вечер. Под предлогом отъезда. Он согласился. Как вечером ждала. Пришел Кузьмин <так!>, Юркун,⁷ еще кто-то. ½ 9<-го> — его нет, 9 — нет. «Я вся побелела, но разыгрывала любезную хозяйку. Наконец, не выдержала. Кузьмин играл, и я предложила выпить вина, встала и вдруг вижу в окне: идет... идет он!⁸ Я как птица полетела к дверям. Какое счастье любить, о какое счастье. Он играл из „Дон Жуана“ дивно.⁹ Кузьмин был в восторге. А в 12 все начали прощаться и он, у меня онемели конечности. Я вежливо попросила его еще побыть немного. Он согласился. Все ушли. Анна¹⁰ сейчас же простилась. И когда мы остались одни, я не помню, как очутилась у его колен, и пламенем своей любви я растопила его холод, и он обнял меня, эти дорогие руки..... Я знаю, я знаю, что, мож<ет> быть, это больше не повторится, но это такое счастье. 2 года я выдерживала после страшного письма, в котором он прогнал меня, „я хочу быть один, писал он, не смейте никогда приходиться ко мне“. О, как я страдала все это время, что я вынесла, какие муки. И вот он был у меня. Эта голова Бога покоилась на моем плече. Эта ночь, я просыпалась, точно неслась куда-то ввысь. Он был подле меня. Он ушел в 11 ч. Корректный, строгий, и спросил: „Прощайте или до свиданья...“ — „До свиданья“, — ответила я».

«Как безумно я хотела бы иметь ребенка. У меня была бы цель, был бы смысл в жизни. О бедные, бедные, бездетные женщины. Но этого не может быть!» — приба-

* Ей оказалось 25 <Прим. В. А. Щеголевой>.

вила она холодным деланным тоном. — «Останьтесь у меня», — сказала я. — «Нет. Анна ждет меня». — «А как ее дела?» — спросила я. — «О, она так счастлива, ее любят так нежно, так беззаветно, а ей все равно, она заботлива, ласкова, внимательна, но любить не может.¹¹ Она любила один раз, но такой испепеляющей любовью, которая выжгла в ней все. А он уехал, через 2 недели женился в Лондоне.¹² „Пусть только придет, — говорит Анна. — Я выгоню его вон, как собаку“».

Все-таки они обе очаровательные, изумительные женщины.

И еще прибавила О<линька>: «Анне везет, ее так любят, а меня нет, меня никто не хочет». — «Может быть, бояться подойти к вам? Вы так прекрасны, так обаятельны! так пленительны!»

«Обаятельна!» И она улыбнулась с горькой иронией.

Как она мила, нежна, как достойна любви!

Мир полон загадок, хотя все как будто и просто.

Все утро просидела у памятника Пушкина с его стихами.¹³ Рядом лицей. Церковка. Было тихо. Точно во сне все это. Сто лет в сущности мгновение. Ф. К. постоянно говорит, что жизнь человека слишком коротка, что слишком рано изнашивается тело. Ведь только к 50-и годам мысль человеческая приобретает устойчивость, отточенность, «мне 60 лет, у меня истрепанное сердце и старое лицо, а вдохновение не покидает меня и ощущение жизни так же остро, как в 25 лет, родиться на этой милой земле, напиться ей не досыта и умереть. Нет, человек создан не совершенно». А здоровье его очень слабо, и как он, всю жизнь призывающий смерть, любит жизнь.

20 <июля>.

Звонят, звонят колокола! Вспомнила. Завтра Ильи пророка. Уж все равно перехожу в новый стиль.¹⁴ Принимаю!

«Илья пророк на печи промок», — говорили в детстве у нас в Малороссии. Под вечер забарабанил дождь. В 10 ч. я пошла встречать Павлов¹⁵ на вокзал. Приехал только старший. Очень приятно было увидеть его великолепную большую фигуру. Ник<олай> Ив<анович> Иорданский назначен послом в Италию.¹⁶ О нем в газетах помещены большие статьи. Но у него так много врагов среди эмигрантов....

П. Е. сделано предложение от Севзапкино написать сценарий: «Пушкин, его жизнь и смерть» и еще целый ряд биографий — сцен из жизни писателей.¹⁷ Это хорошо и в педагогическом отношении. Показать молодому поколению, как погибали гении под гнетом нелепой тягостной житейской обстановки.

В кино пока царит бедлам. Беспорядок невероятный. Но мечтают о большом и, пожалуй, года через 2 справятся. Они очень ухватились за П. Е. Он подал им целый ряд блестящих идей. Показать в кино, как путем неизбежных событий Россия должна была прийти к Революции и освобождению от абсолютизма. И в ярких картинах показать этот путь. Очень заняты подыскиванием актеров для «Дворец и крепость».¹⁸

Льет дождь.

Лена сказала: «Стерватория предсказывает, что дождь заладит на 3 недели».

10/<23> июля.¹⁹

Павел стар<ший> пробыл 4 дня вместо 2<-х>. Никуда не хотел выходить. Сидел, уткнув нос в глупый роман Жаколио.²⁰ Говорит: «Я отдыхаю от книг и людей, этот роман, занимая время, нисколько не трогает ни ума, ни сердца, точно сквозь решето просеивается без следа. Это и есть настоящий отдых».

Очень много говорили о Пушкине, весь вечер был ему посвящен.

«Как ты начал заниматься Пушкиным? — спросила я. — Ты увлекался восточными языками, был на вост<очном> фак<ультете>».²¹ — «Я одновременно слушал лекции и на филологич<еском> и под конец уже больше склонился к литературе, начал писать работу на премию.²² Пушкин меня привлекал еще на школьной скамье. А первый толчок дала работа о Раевском,²³ попутно я познакомился с Ефремовым,²⁴ который в этом направлении имел на меня большое влияние».

В парк я все-таки его вытащила.

В воскрес^е были гости: Соколовы В. Д. и К. М.²⁵ В. Д. старый заслуженный хирург, все время работавший не покладая рук, рисковавший очень многим, остался без места. Жена говорит, что он хотел покончить с собой. И он это сделал бы. Пришлось спасать его, поддерживать морально, тащить матер^иальные тяготы, он как ребенок, совершенно не способен к борьбе, к самозащите. Хирург без больницы, это все равно что музыкант без инструмента. Анекдот о ^{нрзб.} и правда о ^{вымарано.} Его пригласили к больному, заплатили 500 м^{иллионов}. Он возвратил деньги и сказал, что берет за визит миллиард. И еще: в больницу пришла женщина с ребен^{ком} и сказала, что у нее нет денег. «Ты оставь ребенка в больнице и сама сходи домой, добудь денег, тогда я тебя и буду лечить», — сказал хирург.

Положение врачей отчаянное, почти ½ безработных. Практика запрещена, в сущности, так как практикующие врачи должны платить очень большие налоги. Известные врачи, конечно, могут выработать на всё. А сколько среди них, обремененных семьями!

Павлуша²⁶ прислал поклон, просит сообщить, что у него все обстоит благополучно. В «Детское» не собирается.

Крепись, мамаша!

Август.

7-го будет 2 года со дня смерти Александра Блока.

<2 строки вымарано.>

Бедный Павлуша один справлялся, отстранив посторонних. Все-таки пересилила себя, в 2 ч. поехала в Петр^{оград}. А на другой день утром полуживая отправилась на Смоленское. В церковь зайти на обедню не было сил.²⁷ Прошла прямо на кладбище. У могилы сидел какой-то молодой человек, когда я опустилась на колени у креста и спрятала лицо в цветах, меня душили слезы, он быстро поднялся и ушел. Я положила и свои цветы на эту дорогую могилу, села на скамеечку и задумалась. Мне казалось, что уже поздно, никто больше не придет, но я ошиблась. Минут через 15 пришли из церкви: Люб^{овь} Дм^{итриевна}, Мар^{ия} Анд^{реевна}, Ев^{гений} П^{авлович} Иван^{ов}, Разумник-Ив^{анов}, Верховск^{ий} с женой,²⁸ 2 незнак^{омых} мне дамы. Это все, еще мин^{ут} через 10 пришла Дельмас.²⁹ <5 слов вымарано.> На кресте у Блока карандашом было написано: «Ты в поля отошел без возврата, Да святится имя Твое».³⁰

Была у Фед^{ора} Кузьм^{ича}. Как всегда добродушно придирался почти к каждому слову, но ласково, был весел и очень мил. Прочел мне 5-ю и 6-ю песни поэмы Мистрала «Мирейя».³¹ Чудесно. Из 12 песен он перевел уже 6, в такой короткий срок. Такая сочность и красочность и смелость образов, и реализм, насыщенный легендами Прованса, пропитанный католицизмом и южным страстным темпераментом. И ночь, когда я возвращалась домой, была полна очарования. Луна на чистом небе, собор Екатерины³² сиял всеми 5-ю золотыми куполами. Тихо, тихо и только звуки ноктюрна Шопена окрыляли тишину. Играла девушка в общежитии Сельскохоз^{яйственного} института. Окна открыты. Рояль у окна. Вокруг склоненные девичьи головы.

На другой день:

Раздирающая душу картина: чахоточного вида человек с тусклым, усталым взором тащит на спине шарманку и ведет за руку крошечную девочку не более полутора лет. Сеет беспросветный дождь, на панели мокро, ножки у девочки, обутые в сандалии, пропитались водой, она покорно идет с человеком с шарманкой, и я вижу их из своего окна, маячащими всё по одной улице. Наконец они зашли в наш двор. Льет ливень. Человек ставит шарманку и начинает петь истошным голосом: «Маруся отравилась»....³³ Ребенок обнял деревянную ногу шарманки и покорно стоит, уткнувшись в нее носиком. Страшно смотреть на эту маленькую спинку в пальтишке со сборками и на затылок в детском чепчике.

Сижу одна. 10-й день льет дождь.

Сегодня в газетах страшная весть. 11 городов Японии погибли, разрушены землетрясением, 6 минут, и достижений чело^{веческих} многовековых как не бывало.³⁴

Грандиозно. Жаль прекрасную страну восходящего солнца, жаль прекрасный, трудолюбивый народ. Бедствия неисчислимы.

В санатории дом<а> уч<еных>³⁵ никто ничего не знал, да когда и узнали, не выразили особого волнения. Где-то что-то там случилось! Хорошо, что мы живем на севере и у нас нет вулканов!

Вчера вечером в дом<е> уч<еных> был литер<атурный> вечер. Фед<ор> Кузьм<ич> тоже потихонечку приполз. Упрямый, на извозч<ике> ни за что не хочет ехать. Еле шел, прихрамывая. Они зашли за мной. Вид у него неважный. Опять сердце болело. Читал он первым, волновался, но потом отошел. Стихи прекрасные, но не все их слышали. Очень тихо начал. И руки дрожали, когда держал тетрадь. <Полторы строки вымараны.> Вален<тин> Кривич, сын Иннокен<тия> Анненского, прочел целый ряд стихов³⁶ <2 строки вымараны> значительны и по форме и по содерж<анию>. Еще Сюннерберг³⁷ очень хорошо, только уж чтец... он слабоватый. Затем поэт-земляк³⁸ читал сначала русские, а потом украинские стихи на родной мови. Из «родной мови» ничего не поняла. Юраша Верх<овский> лохматый, в нищенски заношенной толстовке прилетел ко втор<ому> отд<елению>, прочел поэму «Березка»,³⁹ трогательный он, и стихи очень милые. И в завершение О<льга> Д<митриевна> рассказ про Антон Ив<ановича> из быта самостийной Украины.⁴⁰ У нее в творчестве уклон к сарказму. Очень она гордится новым романом,⁴¹ говорит, что очень все хвалят, но мне его читать, видимо, не хочет и П<авлу> Е<лисеевичу> тоже. Здесь и фильма⁴² — не мож<ет> простить П. Е. того, в чем он совершенно не виноват. И я думаю, влияние Княжнина.⁴³ А влияниям она поддается чрезвычайно легко, как самая молодая легкомысл<енная> девушка. И вообще не так она проста, как говорит.

Зима.

1924 год. Январь.

Началось это так: проснулась утром, холодно, на окнах лед. Что-то тревожно стало; не захворала ли Ньюша.⁴⁴ Встала. Так и есть. Лежит. В комнате у нее и на кухне, я думаю, градуса 2 мороза. Отчаянье. Что делать? Встала, навьючила на себя 70 одежды и начала работать. Топила печи, сырые дрова без растопок. Вымазалась золой и сажей с ног до головы. В 4 часа на кухне звонок. О, счастье. Помощь пришла. Кто там? Голос <вымарано> «Мы...» И в кухню влезают. <Вымарано> с певицей <вымарано> Сер. — новая жена?⁴⁵ Пис<атель> (?) Алексеев⁴⁶ и <вымарано>. Позвала П. Е. Он очень огорчился сначала. Так хорошо с утра вошел в работу. Но человек он отходчивый. Через ½ ч<аса> на столе уже стояла бутылка коньяка, затем мадеры, затем портвейна и, наконец, последняя из запасов бутылка красного. Настроение у пьющих очень поднялось. <Вымарано> отозвав меня в сторону, назвала новую жену Пильняка мымрой, прибавив: «Променял кукушку на ястреба».⁴⁷ Потом она начала доезжать О<льгу> С<ергеевну>. У нас в Петербурге нельзя того, да нужно это. Требовала Пильняка к себе. Он спросил: «Оленька, можно мне?» «Нет, — сказала Ол<енька>. — Это рабство» <Вымарано.> «Почему, — спросила я, — ведь они делают то, что хотят», — «да, — сказал П<ильняк>, — если бы я хотел перейти к вам, я бы не спрашивал», а Оленька прибавила: «Я хочу, чтобы он всегда был со мной, мне скучно без него, я очень его люблю». <Строка вымарана> толкала меня ногой под столом. Было глупо и неловко.

Елис<еич> рассказывал, что Пил<ьяк> и Алекс<еев> отвели его в сторону и сказали: «Избавьте нас от этой бабы, вторые сутки доезжает, больше нет сил, не баба, а черт какой-то, стерва» <Полторы страницы вымарано.>

Потом, выпив всё, отправились все к Никитиным⁴⁸ обедать. А после обеда предполагалось чтение романа Пильняка⁴⁹ и рассказа Алексеева.

Обедали, всё было тихо (пока не пришел Толстой⁵⁰). Если не считать неловкого настроения Пильняка, он целовался все с Ол<ьгой> С<ергеевной>, носил ее на руках, потом она целовалась со всеми, потом они ревновали друг друга, опять целовались; вышли из-за стола и провалились. По этому поводу сделано было замечание, что их отсутствие через 9 м<есяцев> даст плоды. Толстой прибавил что-то о 8-час<овом> рабочем дне Пильняка и вылил на скатерть воду из бокала, ему нужен был бокал

для вина. Потом я раза 2 видела, как он проделывал то же и с остатками вина. Просто, не задумываясь, на скатерть! Европа... ничего не поделаешь! Напились окончательно. Людмила⁵¹ пошла рвать, запачкала мой мех и завалилась <вымарано> на кровать <вымарано>, где и опочила. А действие продолжалось.

Острили, рассказывали анекдоты, констатировали, что пока что, за столом, нет ни одно<го> <выскоблено⁵²>. Пили. Евг<ений> Ив<анович>⁵³ не пил, сидел тихо — смирный и улыбался <2 строки вымараны>. Начали собираться трезвые на чтение. Ольга Дмитриевна, Зощенко, Полонская, Мих<аил> Слонимский, Федин.⁵⁴ Ол<ьга> Дм<итриевна> мне вдруг говорит: «А знаете, В<алентина> Ан<дреевна>, М<ыма>рано> мне жаловался, что в „Правде“ не хотят помещать его статьи о моем романе.⁵⁵ Они сказали ему, что рекламировать Ольгу Форш не желают, так как она не октябрьского толка. Вы никому не говорили о Меньшом?»⁵⁶ Я успокоила ее, ибо я действительно никому не говорила, да мы и из дому не выходили. А дело-то ведь и так ясно. М. коммунист, прослушал роман и понял как нужно, а ей он объясняет, чтобы смягчить, иначе.

А потом Ол<ьга> Дм<итриевна> спросила: «А П. Е. роман будет писать?» Я засмеялась. Зачем?

«А мне говорили, что он будет писать!⁵⁷ И если бы вы знали, как люди злы и завистливы, что они говорят о П. Е., и если б вы знали, кто». Я не допытывалась, это все так нелепо, мелко и глупо. Я только сказала: «Если бы вы знали, какой законченный, какой <вымарано> *большой* и умный человек П. Е., вы бы этого не говорили. Чтобы поверить в это, нужно видеть его каждый день, жить с ним рука об руку. В нем полное отсутствие какой бы то ни было мелочности и полное равнодушие к суждению, сплетням и злобе людей». Вдруг входит Зоя⁵⁸ [и говорит, что] «сейчас по телефону говорит пролет<арский> поэт Семенов,⁵⁹ кот<орый> спрашивает, согласны ли русские писатели выразить сочувствие, сожаление по поводу смерти Ленина».⁶⁰ «Согласны», — раздалась пьяные голоса, но не очень единодушно. «Значит, можно сказать о вашем согласии. Все согласны?» «Кроме меня», — раздался голос <вымарано>. — «Почему?» <Вымарано; частично восстанавливается: Евг<ений> Ив<анович>>, «кроме меня». — «Вас не упоминать, хорошо!» А дело было так. Пьяный Н. Никитин говорил по телефону, сообщил, что у него собрание писателей, и сам предложил собрать подписи для выражения сочувствия. Замятин услышал и негодующим тоном выразил протест. «Как можете вы предлагать пьяным людям, ничего не соображающим, такую серьезную, ответственную вещь, как объявление в газетах за подписями. Будь они все трезвы, другое дело, а пьяные за себя не отвечают». Спьяна Павлуша⁶¹ негодовал, и даже плакал, разругал Зою,* <вымарано>. Ол<ьга> Дм<итриевна> нашла, что в нем много романтизма врожденного. «Вот все они, и Маркс, и материализм, и позитивизм, а подлинная закваска прорвет». Спросила у П. Е., уместен ли анекдот о Полисадове.⁶² «Учишь, учишь вас слову Божию, а потом вешаешь!» Вдруг раздался голос Всев<олода> Ив<анова>,⁶³ громкий с присвистом: «Да все вы пыль, пыль и больше ничего, личность уничтожена, писать нам нельзя, ибо пишем мы не то, что хотим, а то, что прикажут. Эй вы, скоморохи, катайте про совхозы, кооперативы и выжимайте из себя. Своего нет. Пыль, ... мать, пыль и больше ничего. Какой же может быть писатель из-под кнута, как может он развиваться, отливаться в свою форму, когда ему рожу всё в одну сторону сворачивают. У потаскухи Екатерины был Державин. У <вымарано> свои наемники псы. Пыль, сволочи. Погибшие, нет нам выхода, и ничего из нас не выйдет. Колька Никитин подражает Пильняку, я — Замятину. Вот и всё».... И долго еще говорил горячо и безнадежно. Я отошла.

За столом сидели Толстой и Алексеев. «Толстой, ты нищий, нищий, пришли к тебе писатели, друзья, а ты им чаю... чаю... с конфе...тка...ми. Нищий, когда мы к тебе приходили в Берлине, ты никогда трезвыми нас не отпускал, всего вдоволь было. Потатился в Россию, и меня потатил,⁶⁴ ну зачем ты сюда приехал, ну за-

* «Ты не должна была в этой пьяной шайке поминать имя Ленина, это святотатство».

А он плакал от негодования, что священное имя Л<енина> произносится в такой обстановке.

чем?» — «У меня 18 <человек> детей, понимаешь, 18» (Толстой). «Как... так вы думаете, что писатель Толстой для того приехал в Россию, чтобы пить, для этого разве должны возвращаться писатели на родину, и вы смеете это говорить и вам не стыдно», — вдруг вылезла я. Толстой заморгал и куда-то удрал. А обиженный Алексеев подсел ко мне. «А почему вы воображаете, что нужно было оставаться в России, что Р<оссия> вам дала, что дала крестьянину, я сам крестьянин,⁶⁵ какой нарез земли?» — «Не в нарезе дело, — сказала я, — а в сдвиге <?>, и что долю <?> России революции мы увидим через 10–20 лет,^{*} но писатели должны были сидеть здесь, страдать, голодать, омочить руки в крови, а не умывать их, не искать благополучица, не отряхнуть трусливо прах. Блок — вот чье имя вечно на скрижалях родины, он погиб, принес себя в жертву,^{**} но не ушел, не предал родину, не стал прихлебателем у французов, чехов и пр.». — «Вы не правы, вы сидели в голоде, холоде и ничего не видели, а я 9 стран объездил».⁶⁶ — «9 стран, от них для России ничего не дадите». Он злобно смотрел на меня и этого мне не простит.

У другого стола П. Е. разносил Замятина. Пьяным голосом, но очень уверенным и с темпераментом. «Принять надо рабочее-крестьян<ское> прав<ительство>, принять, а не замыкаться, до дна окунуться, войти в недра, вот тогда сможете писать, а так будете только повторяться, на одном месте стоять, роста не будет, в тупик попали, принять до дна все, что творится». Зам<ятин> задумчиво слушал, неуверенным голосом подавал скептические реплики, но все же под конец сказал: «Мож<ет> быть, вы и правы!» Направо в комнате Пильняк целов<ался> с Оленькой и спрашивал кого-то, целовал ты ее в живот? Я повернула опять <в> столовую. Тол<стой> сидел против Алекс<еева> и, тыча ему в нос пальцем, говорил: «Ты говно.... ты говно.... американская вонючка»; — «А ты, граф, 60 дол<ларов> спер. Мы тебе их собрали, а ты их на вокзале пропил». — «Нет, я их носильщику отдал».... Кто-то спросил: «А что, Яценко⁶⁷ не собирается в Россию?» — «Нет, — ответил Толстой. — Он служит. Живет ничего, а только перестал мыться, прачки отказываются ему подштанники стирать, 1 раз в год меняет».

Миша Слонимский не принимал никакого участия в разговорах, он все время танцевал фокстрот, простой, еще какой-то, шимми, танго, вальс, мотался, точно полотер по комнате, насвистывая разные мотивы. Зоценко смотрел, смотрел, слушал, потом потихоньку молча оделся и ушел; чтение не состоялось. Пьяный Пильняк сидел на полу, на коленях у него, поперек раскинувшись, лежала Оленька. Каким-то чудом мне удалось уговорить Елис<еича>, мы оделись и вышли. Сели на извозчика. На Марсовом⁶⁸ Елисеич свалился в сугроб, извозчик не заметил и далеко проехал вперед. Елисеич на четвереньках барахтался, пока наконец вылез. Кое-как добрались до дому. Но в кабинете он лег (как не раз уже бывало) на полу, и я, провозившись с ним до пота часа полтора, принесла подушку и покрыла его одеялом. Под утро он лег на постель.

1927 год. Февраль.

Дожили до 927-го года...

Это много. А главное, совершенно ни к чему. Больше жить не нужно. Никого ничему не научишь! Сыну я больше не нужна. Он строит свою жизнь. Не очень умело. И не раз расшибет себе лоб впереди, но я уж тут ничего не смогу поделать; моя песня спета, а для него звучат иные песни, иные мотивы. В сущности, конечно, это все та же канитель, те же лейтмотивы в пределах 30-ти лет (20–50), но он только что запел их, только что зажег огонь, и пламень его так буен, так неудержим, что сейчас в его жизни все горит пожаром, <6 строк вымарано>.

Хочу дожить еще до весны. Увидеть лето, осень. А зимой на покой. Глупые слова. Не от нас все это зависит.

Жизнь у нас трудная — нехорошая. Вещи все описаны, и все еще приходят какие-то типы, еще описывать... <Полстроки вымарано.>

<2 листа с текстом вырваны.>

* <Позднейшая приписка карандашом внизу страницы:> Увидели!!! на 14 год!!!

** <Позднейшая приписка карандашом внизу страницы:> и напрасно!

<...> сжимающую сердце при виде каждый день наплывающих векселей (для упрочения якобы благосостояния изд<ательств>ва) и безоглядную подпись П. Е. на этих векселях: П. Щеголев.⁶⁹

Я чувала, как растет снежным комом ком этих страшных векселей, я слышала первые раскаты отдаленного грома, как П. Е. впервые начал мне говорить: «Краков⁷⁰ что-то путает, Краков — рамоли, Краков погубит дело, но не могу же я — редактор — заниматься хозяйственными делами, не могу же я тратить на это время». Краков же неукоснительно приводил каких-то жуликов, где-то их откапывал, якобы финансистов, развивал при их помощи широкие перспективы развития и обогащения изд<ательств>ва «Былое», ловил на эту удочку П. Е., и тот опять подписывал векселя, учитывал же их Краков, и много тысяч учтенных им векселей не оказалось в бухгалтерских книгах «Былого», он их использовал для себя. Из кабаков не вылезил в Академ<ическом> <?> клубе, жил в Москве на широкую ногу, москов<ские> гост<иницы>, Кружок и пьянство, пьянство без передышки, без просвета.⁷¹ П. Е. я не оправдываю, он безвольный человек, пассивный (активным его можно заставить <быть> только до извест<ного> предела), доверчивый, слишком спокойный и слишком равнодушный, и «Былое» он, почуяв крах, тоже забросил, когда он понял, что дела изд<ательств>ва доведены до такого состояния, что в них страшно разбираться, он, как страус, спрятал голову под крыло и перестал ходить в редакцию, но векселя всё приносились, <вымарано> папашей Краковым и <строка вымарана> и все подписывались, «Коготок увяз, всей птичке пропасть». Проворовались и лопнули 4 издательства — распространители изд<аний> <и> т. п. <?> 60000. Не присылали подписных денег рекомендованные Кр<ако>вым конторы, Каганский удрал за границу, накрыв изд<ательств>во на 40 000,⁷² магазин в Москве (?! увлекательная идея обогащения) разворован,⁷³ и вместо прибыли в 50 000 ежемесячной, при возвращении его прежним хозяевам дал убытку 14 000.

Всех безобразий не перечесть. И в результате П. Е., положив в «Былое» чистых денег до 7000, не получая ни копейки гонорара, теперь еще должен выплачивать до 20 000 долга. Докатились! Конечно, он не коммерсант и хозяйств<енными> делами не интересовался и ни черта в них не понимал, но нельзя же быть пешкой в чужих руках, нельзя же так неоглядно доверять Кракову, и потом, оценив его бездарность, ограниченность и слабость к игорным домам, не найти мужества потребовать от него отчет и разом прекратить это несчастное издательство.

1927 год. 7-е марта.

Проснулась в 7 ч. Кончила «Пушкин в креслах» Гроссмана, начала Достоевского, его же.⁷⁴ П. Е. встал. Начался день с 10 часов. 3 раза звонила Жаку.⁷⁵ Он должен был вчера тотчас по приезде из Москвы привезти П. Е. взятую им «Саломею»⁷⁶ (продать не удалось, и мы попадаем опять в тину мук долговых) и деньги за 2 взятых им картинки (проданные уже давно, по слухам), но, конечно, он не явился в назначенный срок ни вчера, ни сегодня. Наконец, угрозой удалось вызвать его к телефону, и дело приняло совершенно неожиданный оборот, ибо Жак, не имея чем заплатить, принял наступательное положение, объявив, что за распространение оскорбительных для него, Жака, слухов (в частности, что он спер у П. Е. 2 картины, что пока ничем и не опровержено) он по расправе вызывает П. Е. на третейский суд. На что получил по телефону соответствующий ответ. Это первое.

Второе: звонил Тернавцев А. В.,⁷⁷ приглашал П. Е. сдавать ликвидаторам

<2 листа с текстом вырваны.>

<...> пошли хорошо, и Павлуша начал зарабатывать не плохо,⁷⁸ 150 и больше, до 200 р. в месяц, каковые целиком и тратил на себя. Затем он женился, и на нас свалилась новая обязанность содержать его жену, одевать, обувать, кормить и развлекать, ибо денег, им получаемых, оказалось двоим недостаточно, П. Е. выдавал ему еще, кроме совершенно полного содержания, до 100 р. в месяц. А летом поездка их в Евпаторию обошлась до 600 рублей. Дела П. Е. расстроились, но аппетиты молодых не только не уменьшились, но возросли. В начале года в сентябре дела Павлуши тоже по-

низились, отпал <?> <нрзб.> Зиновьева,⁷⁹ остался только университет — 24 р. в месяц, за вычетом 20. Это вызвало страшное раздражение в Ирине,⁸⁰ она кричала на него, обзывала дармоедом, «на кой ты мне черт сдался, если не будешь добывать денег!» Он ходил пришибленный, требовал у П. Е. деньги, и сказал <?>

<Лист с текстом вырван.>

<...> только денег, интересующейся только денежными радостями, тряпками, едой, питьем, танцами. Молодая женщина 21 года, властная, не добрая, эгоистка до кончиков ногтей, жадная, неделикатная, невоспитанная, невежественная, ничем не интересующаяся, ленивая, циничная, <слово вымарано>, нечуткая. Мы всячески старались внушить ей мысли о самообразовании, у нас столько книг и все мы вечно зарыты в книгах, она ничего не видит. Для нее шкафы с книгами — белая стена, и ни разу за 2 года она с волнением не подошла к ним, не увлеклась, не загорелась. Она читает по страницам, «я уже прочла 50 стр<аниц>», валяясь, и через 10 минут засыпает. Никакого духовного просвета, борения, страшная самоуверенность в своей неотразимости, внешне она очень легко привлекает внимание, у нее красивая головка, глаза. Но <вымарано> плохие зубы, <вымарано> огромные ноги <вымарано>.

Она грубо требует деньги у Павла, я слышала как-то, как она злым голосом женщины с улицы, визжа, кричала: «Давай деньги, давай деньги, деньги, себе половину взял, жирно будет», — и он покорно отдает, лишь бы не орала. Между ними бывают сцены грубые, и Пав<луша> тоже на грубость отвечает грубостью, и это тяжело и вызывает у меня горькие мысли. Но он к ней привык и любит ее, хотя и не так пламенно, как в первый год. Работа служит ему большим отводом и спасением.

Было свидание с Ольгой Дмитриевной. Наконец-то! Она чудесная. Живет так же под небом,⁸¹ в одной комнате, большой пыльной <?>, что-то устроено, прилажено, но это все не нужно ей, случайное, кость — традиции старой. Она свободная, горячая, умная женщина. С ней легко, она вливает бодрость. Дочь у нее Тамара очень уж хороша. Обаятельная внешне, с милым лицом, чудесными бархатными глазами, самостоятельная образованная девушка и непреклонная, так мне кажется, она не из тех, что уступают и меняются на мелочи. О. Д. полна жизни творческой: «Из меня прет, в проекте 5 романов, я чувствую, что только теперь научилась писать (молодая советская писательница, — смеется она!). И хорошо, что я осталась без денег, с 3 детьми во время революции,⁸² это толкнуло меня на работу, разбудило дремавшие силы, я чувствую благодарность моим предкам, накопившим для меня интеллект». Посудачили. Она очень тонкий психолог и с лёта улавливает сущность человека. Говорили и о Павлуше. «Сколько ей лет», — спросила она про Ирину. — «21». — «Не может быть, у нее такие опытные глаза, ей года 24, если не 26». Бродили по Мойке, к дому Пушкина, Марсову полю.

Очень метко охарактеризовала она Анну Андреевну. Грустно и больно, но кое с чем я не могла не согласиться. Пассивность, замкнутость, отсутствие побудителя. Она больше любит себя, чем свое творчество..... Но ведь она так больна и телом и духом! и несет такой крест... жить в доме Н. Н. вместе с А<нной> Ев<геньевной>...⁸³ Только ее такт и деликатность делают возможной эту жизнь. Но все же это признак пассивной жалости к Н. Н. и бессилия волевого. Ох, как ей трудно!

Вчера позвонила мне Люд<мила> Ник<олаевна> З<амятина>. Был чудный ранне-весенний день, яркое солнце, тихо, на солнце 10°, Евг<ений> Ив<анович> в Москве.⁸⁴ Пред этим 2 недели была она в М<оскве>, теперь он! У них неблагополучно внутри; снаружи же все, что надо, и деликатное обращение и сдержанность.

Но она дико несчастна, ревнует его ко всем, и в глазах у нее такая тревога, неуверенность и тоска, что жуть берет. У них нет спайки, нет тепла, они не принадлежат друг другу, т. е. она, д<олжно> б<ыть>, и рада бы принадлежать, но он... слишком ласково смотрит на всех женщин, слишком привлекает к нему эта ласковая его маска с зовущими глазами женскую человечью особь. А к ней он остыл, и, должно быть, отсюда и нервность, и частые разъезды, но деликатен и вежлив. А Бог их знает, что там у них наедине. Жутко.

И с творчеством у него не гладко. Пишет очень мало. Творческий запор. У него нет тем. Его последний роман [«Мы»]⁸⁵ <3 строки вымарано> обличительного типа вещь <4 строки вымарано> И это писать ему мешает. И не легко. Мы ходили с Л. Н. по солнечной стороне Каменноостровского. Много говорили. Что делать с А<нной> Анд<ревной>?!!

А когда я расставалась с З<амятиной>, меня поразили ее красные веки и отекшее лицо. Она много плакала в это утро. Бедняжка! Носить все в себе. Ни с кем не поделиться. Ведь никто не поможет. А я ведь тоже такая!!

18-е марта. День Парижской Коммуны.⁸⁶ Вечер. Пав<ел> Ел<исеевич> у себя в кабинете пишет статью о Ник<олае> П,⁸⁷ Павлуша в своей комнате тоже пишет доклад к завтрашнему выступлению в исследовательском институте, недавно основанном, во главе с Евг<ением> Викторовичем Тарле. Павлуша выбран секретарем.⁸⁸ В «Правде» ему предложили писать статьи об Италии, но, к сож<алению>, он не знает языка, следовало бы изучить. Ему это не трудно. В прошлое воскресенье он читал лекцию от общества марксистов в университете в актовом зале, переполненном слушателями, читал с большим успехом. «Кризис Англии». Пришел довольный, сказал мне, что ему доставляет огромное удовольствие говорить с эстрады, что он не волнуется, чувствует, когда нужно привлечь внимание, если оно начинает ослабевать у слушателя. Ир<ина> была с ним, слышала очень лестные отзывы. Серебряков⁸⁹ захватил его, назвав доклад превосходным, а молодого лектора и талантливым, и образованным.

Итак, мы втроем сидим мирно. А где же супруга? Она не может сидеть дома, ей скучно. Она отправилась в дом, где танцуют фокстрот. П. Е. называет этот дом притонным свиданий, и не без основания. И действительно хозяева приглашают только красивых и молодых женщин с кавалерами и берут 4 рубля за вечер с танцами. С дам не берут. Приглашаются и незнакомые, предлагают приводить с собой молодых женщин. Ир<ина> и Муся⁹⁰ бывали якобы в этом доме и раньше. Они вообще вращались в очень сомнительной среде, растленно повлиявшей на их вкусы, взгляды, поведение.

Это общество развратных мужчин, покупающих не дорого. Духи, цветы, шелковое белье — вот подарки, которыми осыпали сестер Тернавцевых их поклонники. Та сканье по кабакам выработало фривольное обращение с молодыми людьми, со всеми они на ты, со всеми целовались и больше. Меня интересует, что же думала их мать,⁹¹ как могла она спокойно принимать Лившица,⁹² Снопка,⁹³ Каплана⁹⁴ и проч. Как могла она не видеть шелкового белья, огромных флаконов духов Coti, какие выводы делала. Неужто она не понимала, что даром ничего не дарят, из-за одних прекрасных глаз, а на Мусеньке были и хорошенькие шелковые платья, и шелковые чулки, и у обеих сестер очень воспитанный вкус к дорогим вещам. Я никогда не забуду чувства ужаса, когда Ирина, переселяясь в наш дом и привезя *одну* простыню, показала мне какое-то необыкновенное шелковое белье с дорогим кружевом с шелковыми цветами и прибавила: «Это моя гордость!» Мне сделалось страшно. И эту девушку мой сын выбрал себе в жены. Разговоры были только о духах, пудре, шампанском, Европ<ейской> гостинице, кутежах. И все это с апломбом, пред которым я и П. Е. терялись. Конечно, год пребывания в нашем доме дал кое-какие положительные результаты, но очень слабые. И последние дни около месяца она опять совершенно отбилась от рук. Встает в час, пьет кофе, фыркает, если нет чего-нибудь мясного к завтраку, выпивает одну чашку, сейчас же одевается, намазывает губы и в поход, только ее и видели до часа ночи. Сидит дома только в дни, когда у нее менструации. Раньше она говорила, что бывает у Муси, но теперь Муся больна, у нее скарлатина, где же она бывает, с кем проводит время? Есть единственная подруга, Варя.⁹⁵ Тоже подозрительный тип. И Елена Висс<арионовна>⁹⁶ не раз высказывала жуткую мысль, что Варя сводница и у нее в квартире устраиваются свидания.

Варя — грубый тип, она живет с каким-то пожилым мужчиной, в прошлом году говорили: «она живет с одним»... в этом году говорят... «с мужем». Страшно накрашена, вообще низка <?>. И с ней Ир<ина> проводит целые дни, без передышки сплетничая и зубоскаля, в полном бездельи. Я начинаю приходить к заключению, что Па-

вел глуп или, верно, она его обводит вокруг пальца, он верит всему, что она говорит, а она лжет с удивительной легкостью и, когда у нее рыльце в пуху, говорит с ним таким льстивым голосом с такими интонациями, что он тает.

Мы с П. Е. молчим, но наблюдаем неустанно и утешительных выводов, к сожалению, не выводим. Вчера случайно я слышала ее разговор по телефону в таких интимных тонах, я догадалась, с кем она говорит, но никому не сказала, а вечером в час пришел П. Е. из театра Сатиры и рассказывал, что видел Ир<ину> со Снопковым и что она была страшно смущена, увидев его. Пришла домой через 40 м<инут> после П. Е. и начала так подлизываться к Павлу, что он растаял. П. Е. ему ничего не сказал. Жалко его тревожить, он так занят работой. Лукавая женщина, недаром в ней течет польская кровь. И откуда она свалилась на нашу голову, и за что мне послан этот крест. За Снопкова она собиралась замуж, так, по кр<айней> мере, она говорила, 2 раза, были куплены кольца, и оба раза дело расклеивалось, бранила его мать. Очевидно, она-то и была главной виновницей расхода, присмотревшись к нареченной. С ним она была близка. Это нам донесли тотчас по приезде из Эссен<туков>. Но тот же Снопков, не стесняясь меня, когда я была у Марьи Адамовны, тискал и целовал Мусю, невесту Малаховского,⁹⁷ очень это у них все просто. Но растленно. Точно у этих девушек не было матери, какие-то беспризорные.

И к матери отношение плохое, на словах мамочка — святая, а на деле мамочка ходит зимой в летнем пальто и без галош, и помыкают ей как половой тряпкой. Нужно быть справедливым, тяжелые года не могли не отразиться. Но внутреннее направление, духовное влияние, если бы оно было, должно было бы придать им иное содержание. Но ясно, что этого духовного влияния и не было, оттого и получились такие пустоцветы, бесталанные. А я, базируясь на отце, все еще надеялась на что-то, старалась освещать иным светом положительные многие поступки; молодость, тяжелое прошлое, недостатки, все образуются, но боюсь, что это не так, боюсь, что она слишком испорчена, отравлена, слишком подгнивший матерьял.

И еще я думаю, если бы она хоть как-нибудь показала свой интерес к чему-нибудь в области духа, проявила бы желание показать нам себя с хорошей стороны, мы бы иначе ценили ее, я так мечтала о дочери. Но этого нет и быть не может. Она держит себя вызывающе, уверенно, часто нагло. И нужно отдать справедливость, когда она молчит, ее внушительная фигура, надменный холодный взгляд вводят в обман, вам кажется, что за этой оболочкой кроется что-то интересное, не приятное, но такое, что занятно разгадать. Но стоит ей раскрыть рот, и сыпется такая пошлятина, поверхностность, детские мысли, беспомощная логика, и все это на отвратительном, провинциальном наречии. Всему можно было бы научить, но она ленива и ничего не хочет. На нас она плюет, что не раз высказывала: «Меня кормит мой муж!! Я живу у моего мужа! (А кормит-то П. Е.). А до остальных мне нет дела». Чем держит она Павла? Силой воли, она очень сильна. Эгоизмом. И ловкой игрой. Я все время слышу, как она говорит, никого не стесняясь: «Смотри, Павел, плохо будет!» Это когда Пав<ел> кутит без нее и придет поздно, причем она тоже веселится, в другом только месте. Ей можно, она королева, а Павел крепостной на оброке, должен сидеть деньги зарабатывать.

«Ты опять у Гурме⁹⁸ был (курники он любит), очень богат стал, нечего ходить, мог бы и сэкономить!!» Но теперь в ее обращении произошел перелом, после лекции, она поняла, что он представляет из себя ценность, и его статьи в «Правде»,⁹⁹ дающие деньги, и отзывы о нем, и теперь ему крышка, она его не выпустит. Вошется, лаской из него все можно сделать, и это она отлично учитывает. Удобно. Снопка для полов<ых> эмоций, Павел для содержания и не только, он ведь тоже и красивый и нежный, Снопка эффектнее и ловчее. Одно другому не мешает. Современно. Маленький мой, как ты влетел!

А если он счастлив?

А если я ригористка?

Нет, но какая-то чистоплотность должна же быть! Иначе — дно. Пошлость, хуже мещанства. Ну, довольно. Больше о ней я не скажу ни слова, плохого, если только не смогу написать хорошего.

Итак, ночь кончилась! П. Е. лег в шесть часов. Павлуша в 7. Писали всю ночь. П. Е. все же высказывает опасение за этот труд Павлуши, слишком мало времени, нужно дальше въедаться в материалы.¹⁰⁰ Но там в этом ученом собрании будут настоящие критики, и Тарле, и Кареев,¹⁰¹ и молодежь по специальности, выступать для Павла и интересно, и ответственно. Меня очень волнует по-хорошему это его выступление, лестно очень. Первым выступает Тарле. 2-м он. Цель общества совместно двигать науку.

Ну как же не записать.

Павел лег в 7, встал в 12 ½, следов<ательно>, он спал 5 ½ ч., волнуется. Я советую ему пред обедом поспать, — «нет, не смогу, у меня шок, но дол<жно> быть, когда вернусь, то завалюсь разом». Она тербит его, сегодня они получают деньги в «Правде», собираются, он торопит ее, и вдруг страшный крик истошный: «Молчать», — кричит Ирина, Павел тоже кричит: «Не ори», она ему в ответ: «Дурак, подумаешь, дурацкий доклад читать, событие, чтоб он провалился, этот доклад». Шум, у меня <полстроки вымарано> все застыло, — кухарка, ничего не понимающая, ничего не уважающая. Сейчас он заткнет ей глотку деньгами. Ее прорвало, но затем они помирились, конечно. Счастье еще, что он все это воспринимает не очень глубоко, как мне кажется. Бедняга, и в такой день, такое отношение от подруги жизни <две с половиной строки вымарано> П. Е. часто с тоской говорит: «На кого ни посмотрю вокруг, хуже нашей нет». Я никогда не думала, что у этого спокойного человека может быть чувство такого отращения и негодования, как у П. Е. к Ирине.

Естественно, конечно, что мы относимся к ней слишком чувствительно. Воспитывать сына 22 года, заботиться о развитии всех его духовных качеств, вырастить отличный экземпляр человеческой природы, любить его до самозабвения и видеть его попавшим в капкан такого заурядного, банального хищника не легко!! И сколько слез я пролила в прошлом году и какие муки пережила, и как болела ½ года. Знаю, что эта нелепая женитьба огняла у меня 10 лет жизни по крайней мере. Я разом состарилась. И еще любопытная черта. Стоит П. Е. пошутить с ней, попросить переписать какой-нибудь пустяк, она сейчас же принимает с ним тон самки, фривольный, тон «опытной» в обращении с мужчинами женщины, П. Е. еле переносит этот тон и негодует. Откуда у нее все это? Этот тон самого дурного качества? Как она его усвоила, если ей 21 г<од>. Но, однако, довольно, довольно! довольно! Себе дороже стоит.

Ну еще последнее. Часто Павел утром появлялся с совершенно изодраным лицом, это она его царапала, объяснив, что ногти — ее единственная защита. Это уж прямо из Лейкина,¹⁰² 80-е годы, юмористические рассказы для Сенной и Апраксина рынка, «Петербургский листок».¹⁰³ Товарищей его она терпеть не может, и когда они приходят, сейчас же настраивает лыжи из дому. «Ну уж твой Молок,¹⁰⁴ Розенберг,¹⁰⁵ я вовсе не желаю их видеть». Она вначале замышляла всю свою банду к нам перевести, Петя Снопко, Белуха,¹⁰⁶ Капланчик,¹⁰⁷ Лившиц. Но номер не прошел. Бывала Зинаида Фер.,¹⁰⁸ овца, кот<орой> Ир<ина> изрядно помыкала, но после сплетен у них произошел разрыв, и Зинаида Ф. <фраза не дописана>. Сначала Ир<ина> вызывающе говорила с ней по телефону и затем, когда З<инаида> ответила ей, что у нее достаточный материал против сест<ер> Т<ернавцевых>, Ир<ина> поджала хвост и пошла на попятный, оставя ее в покое. Зинаида же кое-что рассказала из ист<ории> Лившиц — Муся... но это уже нас не касается. Своего хватит. И [Муся все же лучше. Она жен]ственнее, мягче, [человечнее], у нее больше стыда, меньше наглости, из нее, мож<ет> быть, можно было бы сделать человека, и я думаю, Малаховскому это уместно. Впрочем, ручаться нельзя ни за что. Тоже яблочко с червинкой, из той же закваски. Но у нее ребенок,¹⁰⁹ и Малаховский с характером. Это поможет. И хорошо, если поможет, для ребенка. Я пишу все это и думаю: да неужто же эти женщины живут сейчас в наше время в советской России, где все работают, где все отягчены заботой если не о себе, то о близких, тревогой, где все стремятся приобрести знания во что бы то ни стало, ценой каких угодно лишений.

А по телефону всё те же звонки. П. Е. как укротитель со стаей тигров — кредитор. Говорит, что на этой неделе они его растерзают. Опять все то же нарастает: квартира, дрова и пр. и пр. А с шубой меня постигла неудача. Она не понравилась поку-

пательнице, и я боюсь, что... ее не удастся продать и позже. И правда она не первоклассная. Хорошо, если дадут руб<лей> 500–600.

Вчера вечером была с Ол<ьгой> Дм<итриевой> в Доме искусств.¹¹⁰ Она читала доклад о Павле Петровиче Чистякове.¹¹¹ Смело, сочно охарактеризовала его большую, ищущую, самобытную натуру, с бесконечной добротой, с тонким гениальным чутьем художника, как в отношении искусства, так и в отношении к окружающей жизни, природе, религии, людям. Петров-Водкин,¹¹² вспоминая свои встречи (их было не много) и рассказы окружающих, сказал, что в конце концов Чист<якову> не повезло, он был гениальным учителем, гениально все воспринимал и переживал, но его живопись никогда его не удовлетворяла, и он бросал целый ряд картин неоконченными. У него не было «документа» на великого художника, но человеком он был замечательным, необыкновенным, мудрым, бесконечно жалостливо относившимся ко всему заброшенному в проклятую тюрьму пыток, именуемую землей. Это мои слова, а он-то все принимал с любовью, с тончайшим чувством красок. И смерть понимал по-особенному, красиво и мудро. Умер 85<-ти> лет.

Но сын Чистякова,¹¹³ бывший на докладе, остался недоволен, и к О<льге> Дм<итриевне> не подошел, а когда она встретила с ним, поздоровался и не сказал ни слова. О. Д. взволнована и раздражена. Трудная это штука, д<олжно> б<ыть>, при близких, которые любовно отлили один облик в своем сердце, делать опыт характеристики с иным подходом в ином освещении. Во вторник она уезжает в Париж на 6 месяцев.¹¹⁴ Счастливая. Денег у нее много, относительно, конечно, но взять с собой можно только 150 — не знаю, дол<ларов> или рублей.

Ну и что я все это записываю, и зачем мне все это вспоминать, глупая баба, душа болит, как зверь, а я стараюсь развлекаться.

1929 год (27 и 28 г<оды> записаны в тетради другой, большой синей).

В понед<ельник> был юбилей Бентовина.¹¹⁵ После чествования ужинали, нас усадили всех вместе, рядом со мной сидел П. С. Сухотин,¹¹⁶ приехавший из Москвы, за ним Никитин, с другой стороны Толстой, Федин, П. Е. Отличный ужин, речи, все организовано весело, Валентинов¹¹⁷ острил, читали стихи, посвящ<енные> Бентовину. Старик умный, с достоинством отвечал. Словом, все хорошо. Но Сухотин уже угостился у Никитина и начал говорить нечто не подобающее. «Я <нрзб. 2 слова>». И страшно пил. «Вы мной не пренебрегайте!» Вот потеха! Когда начались танцы, ко мне подошел Юр<ий> Ал<ександрович>,¹¹⁸ настроение было повышенное, я предложила ему ответить на 2 вопроса, он подхватил меня под руку: «Я сам должен вам все рассказать», — мы уединились в пустую комнату. «Как вы живете? Где Шура?»¹¹⁹

«Шура играет в театре Грановской,¹²⁰ живет в В<асильевском> О<строве>. С этим закончено. Семейная жизнь? Л. В. замечательный человек,¹²¹ но, может быть, лучше бы ей жить отдельно, все равно детям¹²² жить в Ленинграде нельзя, врачи настаивают на их переселении хотя бы в Детское, но все равно выхода не было, в Париж денег больше посылать нельзя было».¹²³

«Ну, а вы?» — «Я влюблен до потери сознания! Она певица, некрасивая, чудные глаза и рот и так понимает меня и так волнуется моим творчеством. И я ее еще не поцеловал. И она говорит: „Не надо, это придет, а сейчас не надо“. Когда сегодня она чуть не попала под извозчика, я схватил ее и держал почти в объятиях, она стояла прижавшись. „Ну пойдёмте“. — „Нет, нет“, — сказала она. — „Какое счастье, что попался этот извозчик, и я могу так близко быть подле вас“. Сегодня она мне сказала, что любит меня. Вы понимаете меня?» — спросил Шап<орин>. — «Понимаю», <полторы строки вымараны>. «Я никогда так не работал, сегодня кончил симфонию, над которой бился 2 месяца, и это лучшее, что я написал.¹²⁴ <Полторы строки вымараны.> Это апофеоз страдающей интеллигенции. Нельзя, чтобы это прошло бесследно. И я это сделал. Вообще, я не знаю, что со мной делается, я не могу спокойно видеть женщин. Сейчас танцевал с Нат<алией> Вас<ильевной>,¹²⁵ она попросила меня держаться подальше». Говорит, а глаза у него смеются. «Ну тогда пойдёмте танцевать со мной?» — «А почему вы знаете, что с вами я буду спокоен». «О глупый», — сказала я

и засмеялась. — «Но вы [понимаете] меня». — «Ну, конечно, понимаю, творчеству нужно горение, огонь, вдохновение, пол — это всё, или почти всё». — «Вот, конечно, ну как я вас люблю, за то что вы всё понимаете».

Подле совершенно уже пьяного Елисеича сидела очень хорошенькая и оборотистая эстр<адная> певица, говорила ему какие-то пустяки. «Мне нужно поговорить с П. Е.», — подошел Толстой, она к нему: «Скажите, что важнее, — внешность или голос». — «И то и другое. Одни говорят — внешность, другие — голос». Пела она басом бездушно цыганские романсы. Певица никакая, но, м<ожет> б<ыть>, личиком кое-какую карьеру сделает.

Собиралась домой. Вдруг откуда-то выплыл Давид Семеныч Б<лок>, ¹²⁶ нуво-риш, и объявил, что мы все едем к нему в Евр<опейскую> гос<тимицу>. Я протестовала, ссылаясь на усталость. Но пришлось ехать. Уселись с Шапориным на извозчика. «Вы знаете, я чувствую страшный подъем сил, жаль, что поздно начал писать. Ведь, когда я держал экзамен в консер<ваторию>, меня забраковали по музыке». ¹²⁷ — «А как же у вас обнаружился ваш талант?» — «Ну, да это замечательно. Летом на юге в <слово пропущено> был концерт, приехал Глазунов, должны были исполнять его романсы, Стравинского и мой последний номером. Я был влюблен в М. Н. Волконскую и написал ей этот романс. ¹²⁸ Успех был колоссальный, бисировали. А на другой день я получил от Глазунова его портрет с надписью: таланту с большим будущим. Я, как вежливый человек, пошел его поблагодарить. „Постойте, ваша фамилия Шапорин? Вы не держали в консер<ватории> экзамен?“. — „Да, и провалился“. — „Вы должны поступить, должны учиться. Я это устрою“. Но мне было это трудно. Я кончал универ<ситет> (2-й факультет, зачем!?) (но это важно для общей культуры, вы правы!) ¹²⁹ и больше рассчитывать на помощь родных уже не мог, еще учиться... без субсидии. Глазунов подумал немного и сказал: „Я вам это устрою“. Он дал мне письмо к Т<ерещенко>. ¹³⁰ Я поехал к нему. Т<ерещенко> был покровитель молодых талантов, он издавал журнал <слово вымарано>, приносящий убыток, специально для поддержки писателей и художников. ¹³¹ На его средства было издано полное собрание сочинений Федора Сологуба, Ремизова. ¹³² Помещались стихи всех молодых поэтов, рисунки художников, ¹³³ это был настоящий меценат в лучшем смысле слова. После обычных фраз он спросил меня: „Сто р<ублей> в месяц вам будет довольно?“ Ну, вы понимаете... по тем временам, это развывало мне руки. А 2 раза в год я приезжал к нему с визитом, помню, на Пасху, он мне и говорит: „Вам надо отдохнуть, поезжайте за границу. Содержание вам будет сохранено и еще вы получите 500 р.“ Ну это уж было чересчур, я отказался. „Тогда поезжайте на юг“».

«Это был просвещеннейший и добрейшей души человек. Еще — когда я, очарованный стихами А. Блока, решил писать музыку „На поле Куликовом“, ¹³⁴ я просто пошел к нему, для моего замысла мне не хватало одного стихотворения. Пришел, Ал<ександр> Ал<ександрович> очень приветливо и мягко встретил меня и очень серьезно отнесся к моей просьбе. „Хорошо, я напишу вам стихи“. И написал! ¹³⁵

Приехали в Европейскую. 4 часа утра. Тихо, полумрак в коридоре, сонный лакей. Номер небольшой. Тотчас было принесено шампанское, апельсины, коньяк.

Елисеич заснул сначала в кресле, разбудить его не было сил. Пьяный Сухотин, но очень остроумный, начал забавлять публику рассказами. Восхищался талантом Тол<стого>. «Он не пером пишет, а.... и каждый писатель так пишет, только.... и можно писать „вечным“ пером». Смирнов-Сок<ольский>, эстрадный актер, ¹³⁶ тоже хвалил Толст<ого>. «Главное не то, как он пишет, а то, что он всё знает». Замечательно. И Алеша лепетал: «Да, я все знаю, ух, чего я только не знаю». Сокол<ьский>: «Я ведь в этой каше сам был, сам все пережил, всю „махновщину“. А он все знает, я никогда книг не покупаю, а „Хожд<ение> по мукам“ купил». ¹³⁷

А знания-то все Алеша получил у Павлуши. Павлуша давал ему книги, корректировал, исправлял, направлял идеологию, ¹³⁸ правда, А. Н. ездил в степи на места, на Кубань, и это все блестяще описано, картины внешние, путь внешний гражд<анской> войны. И книга имеет успех, но все-таки она не вытанцевалась и внутренне идеологически бессильна.

Начали будить Елисеича, он встал и лег на пол, дали ему подушку.

Нат<алья> Вас<ильевна> очень устала и, склонившись на стул своей милой головкой, старалась не слушать похабных рассказов Сухотина.

Давид Сем<енович> Б<лок> приставал ко мне: «Вы обидели меня, В. А., как же вы могли сказать, что я спаиваю П. Е. „Краков умер, появился Давид Блок“. Ах, как вы меня обидели. Я могу пить, но могу и не пить месяцами». — «Что-то незаметно». — «Какого вы обо мне плохого мнения». Я старалась его успокоить. «Вы не знаете, в каком я сейчас настроении, я, мож<ет> быть, доживаю последние дни. Я решил застрелиться». — «Почему?» — «Я гордый жид. Не могу больше жить в таких условиях». В 8 час<ов> утра разошлись. Толстые поехали в Детское,¹³⁹ мы — домой.

Между прочим, Никитин был необычайно скромен и тих. Как он изменился, его не узнать, совсем культурным человеком сделался, и это, видимо, влияние его второй жены Рене Ароновны.¹⁴⁰ Как он метался, когда Зоя уходила от него, как плакал. Но виноват во всем был сам. «Вчера у меня утром был сын Вовка,¹⁴¹ я еще спал, пришел только под утро, и вдруг чувствую — меня будят, и вижу рожицу Вовки, я, как добродетельный папаша, сейчас вылез и начал бегать пред ним на четвереньках, он испугался и закричал „боюсь“. Он часто приходит ко мне, занятый, на днях мы с ним снимались вдвоем».

Но писать он не может, нет подъема, и пишет очень мало.

Все-таки из всех вечеров у Толст<ых> самый приятный был тот, когда Алеша читал своего «Петра».¹⁴² Приглашали не всех поголовно, как трунят над Толстым: он идет по левой стороне Невского и кричит: «Приглашаю всю правую сторону к себе на воскресенье». Собралась литератур<ная> братия, Замятин, Шишков,¹⁴³ Никитин. П. Н. Медведев — «это тот, который завладел Любовью Дим<итриевной> и архивом Александра Блока, тот, который не давал печатать дневников Блока без своей книги, пришлось бросить ему эту кость, — сказал Федин, — ничего не поделаешь».¹⁴⁴ Круглое лицо, сладкая улыбочка, вкрадчивый голос. Молчалин возродился, Молчалин стал честолюбив, Молчалин пробился в люди. Был милый Федин, совесть наших дней. Никитин. Устиновы,¹⁴⁵ Радловы¹⁴⁶ и пр. Читал А. Н., как всегда, прекрасно. Первые 2 акта слушали, затаив дыхание, а дальше, несмотря на превосходный язык, блестящий диалог, пошло на убыль, затрепанная трактовка по трафарету. Ужасно жаль. Без ½ 11 гостей выгоняют, чтоб не опоздали на поезд, все гурьбой выбирают, торопясь. Мы с Елис<еичем> всегда едем, остальные идут пешком. Занимаем целый вагон, шуткам нет конца. Вносится предложение подать просьбу в Совнарком от гостей Толстых о прибавке поезда по воскресеньям в 1 час ночи. Досадно уходить в 10 ½, только настроишься. В 12 ½ мы дома. На столе шумит самовар. Милая Шура, оплот нашего дома, уж всегда позаботится. Ел<ена> Вис<сарионовна>¹⁴⁷ дремлет в уголку на диване, Павел II требует пищи. После чая я иду в свою комнату, пишу дневник, пришло настроение, П. Е. с Е. В. играют в дурака, он проиграл 60 мандаринов, но надеется отыграть.

А где же Ирина! На Ждановке 3, к<вартира> 24.¹⁴⁸ Она обставляет комнату стар<ыми> вещами и новыми поклонниками, собирая с них посильный мед.

И опять Ольга Дмитр<иевна> и 2 дня с нею в Детском. Такой отдых для души. Чудное снежное утро. Все Детское под тяжелым снежным покрывалом.

Я приехала днем. Она весело и радушно меня встретила. Назвала «грачиха» за мое серое с черным платье.

«У меня каждое утро прилетают под окна 6 щеглов, а сегодня не прилетели, потому что прилетела грачиха и распугала их». Потом она прочла мне пьесу.¹⁴⁹ Талантливо, интересно задумано и очень сценично. Конечно, я ей сказала о<б> этом. Она засмеялась: «Вот, говорят, когда женщина переходит в последнюю стадию возраста, она лишается гормонов, а уж сами понимаете, раз гормонов нет — конец, а я опровергаю целиком эту теорию, из меня прет». Димка¹⁵⁰ смеется: «Ты, мамаша, без гормонов; что поделаешь!» И еще я прибавила: «Пьеса нужная и важная для масс, культурно-просветительная». — «Да, да, вот это и есть моя цель, я хочу *им* послужить, чтоб

мозги их расшевелить, именно для культуры поработать, и я чувствую, что из меня выйдет драматург».

Во время обеда пришли Замятин и Петров-Водкин. Союз писат<елей> выдвигает О. Д. в совет, вот они ее и уговаривают.¹⁵¹ Пет<ров->Вод<кин> звал к себе пить чай, а потом идти к Разумнику Иванову.¹⁵²

Уже стемнело, когда мы выбрались на воздух, пошли в парк. Снег по колени, огромные ели раскинули лапы, точно в объятия тебя хотят схватить. Мы плутали и заблудились. Над деревьями меж облаков показалась туманная луна. Дух захватывало, так было хорошо. «Вы посмотрите, ведь это же баллада.... и по этим аллеям под этой луной бродил Пушкин», — «Жуковский», — подумала я. Ходили часа 2, забрели в церковь Елизаветинскую подле Лицея, никого не было, горели лампы, и было тихо, особой тишиной. Решили зайти к П<етрову->В<одкину> тут же в циркуле.¹⁵³ Только у него ход ужасный, сто котов, на каждом повороте черные, серые коты с горящими глазами. «Вот из-за этих котов мне сюда идти не хочется», — смеется О. Д. У Водкина жена французенка, очень милая, и девочка 7 лет.¹⁵⁴ Они ждали ее 17 л<ет>, и жена чуть не погибла во время родов.¹⁵⁵ П<етров->В<одкин> показывал замечательные 2 картины. Он писал их со страшной верой во время родов, когда не было надежды почти, и ребенок тоже мог умереть. Эта картина — икона Богоматерь, сонм неродившихся душ и рядом душа, воплощенная уже в тело ребенка, на которую взирает Богоматерь с умилением и мольбой.¹⁵⁶ Потрясающей силы вещь. И еще ряд портретов и эскизов, кот<орые> произвели на меня сильное впечатление, и я поняла и оценила впервые, какой это большой мастер. Девочка — их утешение, конечно, ее обожают и балуют, но отец старается все же быть строгим. Девочка милая, мы пошли смотреть картины, она еще не спала, я простилась с ней, и она требовала, чтобы я непременно завтра опять пришла к ней в гости. Сердечно поговорила с женой П<етрова->В<одкина>, у нее до сих пор болят ноги, от родов, и приходится их мазать особым составом и бинтовать, иначе она ходить не может. Она красивая, статная женщина. От них мы опять зашли в ту же церковку, кончалась служба, священник в какой-то изумительной голубой митре и голубой купол алтаря.

Почему существует зло на земле? Почему оно так сильно?

Говорили о многом. О З<амятин>ой. Ее никто не любит. Она несчастна. И почему так держится за Е<вгения>. Женщина должна быть самостоятельна. Ну как можно было бросать для Ев<гения> свою специальность. Быть врачом и бросить, променять на горькую участь нелюбимой жены писателя. И Ахм<атова> не ладная. Она все заботится о своей биографии, живет не полной жизнью. Ан<ну> Анд<реевну> я защищала. Так сложилась жизнь, нужно учитывать характер. Жизнь ее полна по-своему. «А сын? Как могла она бросить его.¹⁵⁷ Он подросток, теперь так важно ее влияние, почему же она ничего не делает для него, ничем не жертвует?» Что я могла ответить ей на это. Я не знаю.... я ничего не знаю.

На другой день утром мы опять бродили, зашли в ц<ерковь>, слушали изумительную службу <?> и пение. Днем я пошла к Толстым, с ними в парк. Они на лыжах, на санях, там же Е. И.¹⁵⁸ на лыжах. Хорошо. Вечером был обед, дикая сутолока, шум и гам невообразимые. Митя¹⁵⁹ голову потерял. Его чествовали, ему пели, за него пили. Он пришел в комнату, где сидел П. Е. с Медведевым, и ухарски сказал: «Я сейчас разобью вам морды», — на что П. Е. ответил: «А лучше мы тебе морду разобьем». Он страшно обиделся и тихо вышел.

3 дня у нас обедал П. С. Сухотин. Пьянство, пьянство и пьянство. Тоска и скука смертная.

Сухотин — типичный москвич, балагур, пьяница, похабник, но образованный, много переживший, много видевший человек. Он отлично знает древнецерковную живопись.¹⁶⁰ Говорил о необычайной древности нашей культуры в живописи, богомазы знали тайны итальянских красок, Дионисий¹⁶¹ ездил в Италию. Но без вина он выжатый лимон, а пить он может уйму.

П. Е. уехал в Москву, опять по делам Союза.¹⁶² Последнее мудрое решение Л<уначарского> закрыть оба общества и на развалинах их возродить единое.¹⁶³ Я понимаю

доводы их <?>. Там у них дефицит в 200 000, воровство, бесхозяйственность. А Ленинградский Союз стоит прочно, кормит массу народа, порядок образцовый. Руководители — строгие и твердые люди.¹⁶⁴ И когда эта канитель кончится. Сидит там 2-ю неделю. Устроил свои дела, подписал договор на «Лицейский период жизни Пушкина».¹⁶⁵ Доходят слухи, что кутит страшно. Видимо, получил деньги. «О жизнь без завтрашнего дня!»¹⁶⁶ Вот человек, который живет только сегодняшним днем! Умри он сегодня, мне придется через месяц стоять на углу с протянутой рукой, ибо, кроме долгов, он ничего не оставит, а жалкие вещи заберет Иринина Валентина или вернее прикажет?

<Лист с текстом вырван.>

<2 строки вымараны.>

Страшно с отчаянием плакала сегодня весь день. Ушла из дома, бродила по улицам, тяжело было возвращаться домой.

3-е февр. 1929 год.

Утром П. Е. прислал деньги. Вызвала Ольгу Дмитриевну по телефону и повезла ее на острова, ездили часа 3. Всё убеждала меня озаботиться приобретением угла под старость. «На пищу как-нибудь добудете. Главное, чтобы был угол, ибо на сына рассчитывать нечего, он подневольный, а смотреть из рук невестки (да еще такой) — это самое страшное». Но я с грустью (хотя и соглашаясь с ней) должна была сознаться, что на какие-либо сбережения мне рассчитывать нельзя. П. Е. все разметет, ни для кого не слово выскоблено всех 3 строки вымараны. Все уходит на прихлебателей и на чрево. Ведь он зарабатывает порядочные деньги, а я их никогда не вижу, но стоит появиться какому-нибудь пьянице из Москвы, вдруг появляются деньги, закуски, вина, шампанское. Ужасно. Вот итог всей жизни. И когда я ему высказала это в последний раз, он очень удивился, он, оказывается, так привык к моей скромности, к тому, что я (из гордости) молчу, что даже и не замечает, что я не имею для себя лично, для своих нужд ни одной копейки.

Вечером была у Замятиных. Очень хорошо.

Евгению Ивановичу принесли 8 пирогов. Л. Н. в панике: куда мне их девать. Евгений Иванович читал свои сказки замечательные, написанные в 18 году.¹⁶⁷ В 12 пришел композитор Дешев, много играл, очень талантлив. Был и Юрий,¹⁶⁹ подавлен; с этой любовью ему на плечи навалилось новое бремя. Он слишком добрый и нежный человек и глубже чувствует, чем следует в наше железное время. О. Д. задумала новую пьесу в музыкальном оформлении.¹⁷⁰ Я очень хотела, чтобы Юрий Александрович у нее поручила музыку. Но у нее дружба с Дешевым. И Юрий был вял на вечере, играть не хотел, после долгих упрасив играл без настроения. Игра Дешева ей больше нравится, и дело Юрия проиграно. А у меня такое впечатление, что Дешев под влиянием Шапорина, Шипорина шире, а Дешев острее. Может быть, я и ошибаюсь, по одному разу судить нельзя.

Толстые страшно лютят О. Д. Ей кажется, что они очень простодушные, не дорожат биографией, что все детское завидуют Толстому, потому и шипят. Разоблачать Толстых я не буду, она их совсем не знает, но пламень лести столь привлек, что ей трудно устоять. Толстые!! вероломные люди, поклонники успеха, никого не любящие и всё делающие с расчетом. О. Д. пошла по советскому пути, ее заручка всегда важна, ее выбирают в Совет. Для Толстых это не шутка. Наталья Васильевна очень умная и практичная женщина, она не живет, она делает жизнь, она любит славу, комфорт, популярность. Они богаты, богаче всех писателей. И Толстой ничего не пренебрежет, лишь бы деньги. Сколько судов, сколько чужих пьес под своим именем, но раз деньги — всё не беда. И этот гонор, нет, нет, да и попомнит она о графском происхождении, об этом говорится детям, она изучила геральдику, знает всех предков, все линии, но, конечно, не знает самой простой вещи (иначе как могла бы она волноваться графским происхождением).

Толстой не Толстой, а Бостром, помещик, тоже дворянин. С ним мать Толстого ушла от своего мужа графа Толстого и у него осталась жить и у него родила Алексея.¹⁷¹

Об этом очень много писалось в свое время, об этом знают все. Братья Ал<ексея> графы — протестовали, что он носит их фамилию, почему-то им не все равно это было.¹⁷² Но развода его мать не получила.¹⁷³ П. Е. в 23 году нашел в архиве замечательное письмо 1-го мужа матери Ал<ексея> Ник<олаевича>, вернее, прошение на имя государя с просьбой водворить обратно его жену гр<афиню> Толстую мужу, ибо она сумасшедшая и ушла беременная к помещику Бострому.

П. Е. благородно передал это письмо А<лексею> Н<иколаевичу>. И он, конечно, его уничтожил. А между тем какой это истор<ический> документ. И какой свиньей оказался Т<олстой>, когда над нами разразилась гроза с «Былым».¹⁷⁴ Т<олстые> тотчас отвернулись, перестали приглашать, они не любят неблагополучия. А теперь, когда П. Е. выплыл, опять уверения в любви и лесть. «2 недели тому назад мы решили, что папаша замечательный человек, необыкновенный, мы страшно его любим». Еще бы, «папаша» оказался в силе.

А с Белкиными какая грубая, недостойная история.¹⁷⁵ Когда Белкины нуждались, что приходилось слышать: «Ах эти Б<елкины>, опять их надо звать, ну, уж пойдешь, Ника,¹⁷⁶ позови». Раздражение росло и вылилось в отвратительную жестокую историю на концерте В<еры> А<лександровны>, когда перед ее выходом на эстраду Н<аталья> В<асильевна> ее бранила мешанкой, кричала, что она рада наконец поровать с ними окончат<ельно>. Мы застали Верочку в слезах и почти истерике, рядом с нею плакала ее ученица. Концерт был испорчен, нервность сообщилась ученикам, и они ввали все поголовно, а экс-графиня удалилась в Детское. Нет, Т<олстые> не добрые люди, и в них много мешанства. Они не ценят высокого звания «писателя», не дорожат людьми духа, они очень рядовые дворяне. А историю его наст<оящего> отца и матери знает вся Самарская губ<ерния>. <Полторы строки вымараны.>

Приехал П. Е. Дела его блестяще устроены, он будет [очень] много получать денег. <10 строк вымараны.> Но, как я и думала, присланные деньги выбираются постепенно, и скоро от них не останется ни копейки. В Москве ведет жизнь щедрого мещанина, устраивает приемы, угощения, и пусть, это его право, но вот что главное, в его пирах (эти пиры, когда у человека 260° сахара в крови), что совершенно сводит меня с ума, и когда он никак не реагирует, ибо все, что заставляет меня мучиться, не трогает его <6 строк вымараны>. Но когда прихотилась беда, — мамаша, пожалуйста, несите все тяготы. Сейчас кончил статью в «Огонек»,¹⁷⁷ пришел милый и говорит, смеясь: «Вот я в 2 часа заработал 200 р.» Я робко промолвила: «Дай мне из них 50 р.» — «У меня вперед все забрано».

Ну а если серьезная болезнь, длительная, тогда что? Услышала беспечнейший ответ: «Не знаю».

Что зарабатываю, то проживаю. Ну, вот как же не задуматься? Как не утвердиться окончательно в мысли, что я ничего решительно для него не значу, пустое место, пока жив, тебя кормят, как Е<лену> В<иссарионовну> (как Зинаиду¹⁷⁸), а в сущности ни заботы, ни внимания. <Три с половиной строки вымараны> умри я сегодня, через неделю обо мне не вспомнят. Пустое место. Итог жизни. Недурно..... А не все ли равно?.....

Тление нигилизма.

А П. Е. нигилист, и часто ум его бывает жесток, он слаб и мягок в общечитии, но без зерна подлинной доброты. Нигилист. И это очень страшно.

3 дня тому назад во вторник 5-го ф<евраля> я была у Шапориных. Стоят лютые морозы. Выше 20°. Я околелела в пустом трамвае. Прихожу, у них не теплее. Жизнь не налаженная. Начать с того, что двери на парад<ной> не забиты фанерой на месте выбитых стекол, а другие (наверху тоже выбито стекло) заклеены уже оторвавшейся газетой, дверей в столовую нет, д<олжно> б<ыть>, сожжены в свое время, и с лестницы по всей квартире несется ветер голубой. Не уютно, не устроено. Больные дети. Не подающая вида, но с каждым днем худеющая Л<юбовь> В<асильевна>, неустанно хлопочущая о заработке, энергичная (по-моему), замечательная женщина. Зачем он перевез их сюда, если не может справиться с собой, если жертва для детей, то надо приносить ее обоим.

Она рисует платья,¹⁷⁹ ходит в Кукольный театр,¹⁸⁰ пишет сценарий; дала Толстому для имени и порчи, как это полагается, переведенную ею пьесу Пиранделло.¹⁸¹ Но это все пока ничего не дает или дает гроши. У нее много литографий Орловского,¹⁸² но в очень плохом виде, все, что осталось от отца,¹⁸³ все, что когда-то, начинающей художницей, она успела вывезти. Мы хорошо побеседовали, подошла Кругликова,¹⁸⁴ но замерзли, и когда пришел Юр<ий> (его неж<иданно> вызвали в театр,¹⁸⁵ его помощник захворал), пора было уходить. Юр<ий> с недовольным лицом потребовал самовар. Л. В. не шевельнулась. «Да дайте же ему чаю», — сказала Верочка.¹⁸⁶ «Нет, ничего, горячий». Но, налив, раздраженно заметил: «Нет, такой чай пить нельзя». Юр<ий> очень напомнил мне Павлушу своими интонациями. Надо затопить камин, сейчас придет Богданов-Березов<ский>.¹⁸⁷ Но мы уже прощались. 23°, я 45 минут ждала 21 ном<ера>,¹⁸⁸ не дождалась, села в 13<-й>. И в результате на другой день вечером — 38,5°, вчера 39°, сегодня 37,8°, к сожалению, кажется, опять поправляюсь.

Все-таки до чего милый человек Федин, есть в нем какая-то закваска благородной писательской души старого закала. Выглядит он зловеще, но глаза сияют задором. 3-го февраля Радлова¹⁸⁹ сидела против него, но Дора¹⁹⁰ тоже, и при Доре у Радловой совсем другой тон с ним. «Знаешь, Костя, я нашла твои глаза, сколько раз мне хотелось уничтожить портрет, но один мазок, и тайна найдена». А Дора и не чувствует опасность.

Накануне был вечер 10-летия Серапионовых Братьев.¹⁹¹ Замятин прочел нам экспромтом, написан < > <Последующий текст утрачен.>

¹ Цитаты из стихотворных циклов (1909) «Венеция» («3. Слабее жизни гул упорный...») и «Флоренция» («5. Окна ложные на небе черном...») (Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 72, 74).

² Чеботаревская Татьяна Николаевна (1876–1968) — старшая сестра Анастасии Николаевны Чеботаревской, жены Ф. Сологуба; врач, постоянно жила в Москве.

³ Федор Сологуб (наст. имя Федор Кузьмич Тетерников; 1863–1927) лето 1923 года проводил в Детском Селе (жил по адресу: Церковная ул., 28). Судейкина Ольга Афанасьевна (урожд. Глебова; 1885–1945) — актриса, художница; эмигрировала в 1924 году. Об ее дружеских отношениях с Сологубом см.: *Мок-Бикер Э.* «Коломба десятилетия годов...» Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Париж; СПб., 1993. С. 80–85; Два письма О. А. Глебовой-Судейкиной к Ф. К. Сологубу / Публ. и прим. И. Кравцовой // Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 220–224. Сохранились шуточные экспромты Сологуба к Глебовой-Судейкиной (РГАЛИ. Ф. 482. Оп. 1. Ед. хр. 410). См. подборку материалов о ней в разделе «Судейкина»: *Ахматова А.* Поэма без героя / Вступ. статья Р. Д. Тименчика; сост. и прим. Р. Д. Тименчика при участии В. Я. Мордерера. М., 1989. С. 212–226.

⁴ Феодоровский Государев собор (собор Феодоровской иконы Божьей Матери) в Царском (Детском) Селе, построен по поручению Николая II в 1909–1912 годах (архитектор В. А. Покровский). Его нижний придел — преподобного Серафима Саровского.

⁵ Анна Ахматова и ее мать Инна Эразмовна Горенко (урожд. Стогова; 1856–1930).

⁶ Форш Тамара Борисовна (в замужестве Меншуткина; 1898–1979) — дочь О. Д. Форш; ботаник, гидрохимик.

⁷ Михаил Алексеевич Кузмин (1872–1936) и его близкий друг Юрий (Иосиф) Иванович Юркун (Юркунас; 1895–1938), прозаик.

⁸ По всей вероятности, имеется в виду трубач, профессор консерватории Александр Николаевич Шмидт (1889–1955); ср. дневниковую запись М. А. Кузмина от 16 июля 1923 года о визите к Глебовой-Судейкиной: «Были музыканты Фехтер <В. Э. Фехнер. — А. Л.> и Шмидт, кажется, любовь О<льги> Аф<анасьевны>. Играли много. Делали крешон. С Юр. ласковы. Ахматова не мешала и с гримасой, но клокнула <...> было очень, очень мило» (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 61; указано Н. А. Богомоловым).

⁹ «Дон Жуан» — опера Вольфганга Амадея Моцарта (1787; либретто Лоренцо да Понте).

¹⁰ Ахматова.

¹¹ Подразумеваются близкие отношения Ахматовой и Н. Н. Пунина, завязавшиеся в сентябре 1922 года.

¹² Имеется в виду Борис Васильевич фон Анреп (1883–1969), поэт, художник-мозаичист, в 1910-е годы сотрудник журнала «Аполлон»; адресат многих стихотворений Ахматовой, часто встречавшейся с ним в период его службы в армии в 1915–1916 годах. По свидетельству А. Г. Наймана, «он сделался для Ахматовой чем-то вроде amor de lonh, трубадурской „дальней любви“».

вечно желанной и никогда не достижимой. К нему обращено больше, чем к кому-либо другому, ее стихов, как до, так и после их разлуки» (*Найман А.* Рассказы об Анне Ахматовой. М., 1989. С. 86). См. мемуарный очерк Бориса Анрепа о встречах с Ахматовой «О черном кольце» с предвещающей его статьей Г. П. Струве «Анна Ахматова и Борис Анреп» и его же «Дополнительным комментарием» к нему (*Ахматова А.* Соч.: В 3 т. / Общ. ред. Г. П. Струве, Н. А. Струве, Б. А. Филиппова. Paris, 1983. Т. 3. С. 428–465; переизд. очерка в сокращении см.: Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. М., 1991. С. 83–90), а также раздел о Б. В. Анрепе и А. А. Ахматовой: *Казнина О. А.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С. 226–240; см. также: Из ахматовских материалов в архиве Гуверовского института / Публ. Л. Флейшмана // Ахматовский сборник. 1 / Сост. С. Дедюлин и Г. Суперфин. Париж, 1989. С. 165–193. Впервые побывавший в Англии в 1899 году и учившийся там в течение нескольких лет в частных школах, Анреп окончательно уехал в Лондон в сентябре 1917 года. К этому времени он был женат на Юнии Павловне Хитрово (с 1908 года) и параллельно (с 1911 года) вел семейную жизнь с Элен Мейтленд, с которой официально зарегистрировал брак весной 1918 года; во время пребывания в Англии (с 1916 года) завязал также романтические отношения с Оттолин Моррелл и Марией Нис, ставшей впоследствии женой Олдоса Хаксли. Спутницей Анрепа и его возлюбленной стала в ходе последнего путешествия в Англию Мария Волкова, сестра жены его брата Глеба, направлявшаяся в Лондон для работы в Русском правительственном комитете (см.: *Казнина О. А.* Русские в Англии. С. 227–232, 236; *Фарджен А.* Приключения русского художника. <СПб.>, 2003. С. 116–120). Кто именно в данном случае фигурирует в записи Щеголевой, сказать трудно; возможно, что в восприятии Ахматовой сложился некий собирательный образ «жены».

¹³ Бронзовый памятник А. С. Пушкину в царскоевском Лицейском садике (скульптура Р. Р. Баха), заложенный в день столетней годовщины рождения поэта и открытый 15 октября 1900 года. На трех сторонах гранитного пьедестала памятника высечены пушкинские строки, выбранные И. Ф. Анненским (тогда — директором Николаевской царскоевской гимназии). См.: А. С. Пушкин в изобразительном искусстве. Л., 1937. С. 168–169.

¹⁴ Ильин день (громоносный) — 20 июля ст. ст.

¹⁵ П. Е. Щеголев и П. П. Щеголев.

¹⁶ Иорданский Николай Иванович (псевдоним — Н. Негорев; 1876–1928) — журналист, публицист, общественный деятель, редактор журнала «Современный мир» в 1909–1917 годах, член РСДРП. В 1923 году был направлен в Италию дипломатическим представителем СССР, согласно правительственному постановлению от 16 июля 1923 года (см.: Известия. 1923. 17 июля. № 158. С. 1); отбыл из Москвы в Рим 24 июля (см.: Беседа с тов. Н. И. Иорданским // Там же. 24 июля. № 164. С. 1).

¹⁷ Фабрика «Севзапкино» в 1922–1925 годах в Петрограде (Невский пр., 80) входила в систему Петроградского кинопроизводства. В 1924 году Щеголев заключил договоры с «Севзапкино» на написание сценариев «Мирович» и «Княжна Тараканова», в 1925 году предложил новые темы: «Любовь самодержца», «Падение династии», «Жизнь и смерть Пушкина» (см.: *Емельянов Ю. Н.* П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. С. 62). Упомянутые замыслы остались нереализованными.

¹⁸ «Дворец и крепость» (1924) — историко-революционный фильм (режиссер А. В. Ивановский), поставленный по сценарию П. Е. Щеголева на основе его повести «Таинственный узник: Глава из книги об Алексеевском равелине» (Былое. 1919. № 14. С. 152–208; отд. изд. — Пг., 1919) и О. Д. Форш (параллельно работавшей над романом «Одежды камнем» на тот же исторический сюжет). См.: Дворец и крепость: Историческая кинодрама в десяти частях с прологом и эпилогом. Сценарий П. Е. Щеголева и О. Форш. Производство «Севзапкино». Пг., 1924. См. об этом: *Тамарченко А.* Ольга Форш: Жизнь, личность, творчество. 2-е изд., доп. Л., 1974. С. 264–269. Обязательства соавторской работы над сценарием и гонорарные условия за нее отражены в письмах Форш к Щеголеву за 1923 год (ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 472).

¹⁹ Авторская датировка — по старому стилю.

²⁰ Жаколио Луи (Jacolliot; 1837–1890) — французский писатель, проведший долгие годы в Индии и французских колониях; автор приключенческих романов, путевых очерков, книг по этнографии, сравнительному изучению индийской религии и мифологии.

²¹ По окончании гимназии в Воронеже с серебряной медалью Щеголев в 1895 году поступил на санскрито-персидско-армянский разряд факультета восточных языков Петербургского университета.

²² Имеется в виду удостоенное золотой медали (см. свидетельство Совета университета, выданное 12 марта 1898 года: *Лурье Ф.* Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 21) исследование Щеголева «Очерки истории отреченной литературы: Сказание Афродитиана» (Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1899. Т. 4. Кн. 1. С. 148–199; Кн. 4. С. 1304–1344).

²³ Раевский Владимир Федосеевич (1795–1872) — поэт, декабрист; с 1819 года член Союза благоденствия. Первая работа Щеголева о нем — опубликованная в 1899 году статья в Энцикло-

педическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (Т. XXIV (51). С. 103–104; подпись: П. Ш.), позже был опубликован биографический очерк «Владимир Раевский и его время» (Вестник Европы. 1903. № 6. С. 509–561). См.: *Щеголев П.* Первый декабрист Владимир Раевский: Из истории общественных движений в России в первой четверти XIX века. СПб., 1905.

²⁴ Ефремов Петр Александрович (1830–1907/1908) — публикатор и комментатор сочинений русских писателей, библиограф; член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1900 года). Под его редакцией многократно переиздавалось собрание сочинений Пушкина (с 1880 по 1903 год).

²⁵ См. прим. 17, 18 к дневнику 1919 года.

²⁶ П. П. Щеголев.

²⁷ Смоленское православное кладбище, на котором был похоронен А. Блок, и церковь Смоленской Божией Матери (1790).

²⁸ Вдова Блока Любовь Дмитриевна Блок (урожд. Менделеева; 1881–1939); Бекетова Мария Андреевна (1862–1938) — тетка Блока и его биограф, литератор, переводчица; Иванов Евгений Павлович (1879–1942) — литератор, ближайший друг Блока (см.: Александр Блок и Евгений Иванов: В 2 кн. СПб., 2017. Кн. 1. А. А. Блок и Е. П. Иванов. Переписка (1904–1920) / Сост., предисловие, подг. текста В. Н. Быстрова; комм. В. Н. Быстрова, при участии О. Л. Фетисенко; Кн. 2. Е. П. Иванов. Воспоминания о Блоке. Статьи / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко); Иванов-Разумник (наст. имя Разумник Васильевич Иванов; 1878–1946) — историк литературы и общественной мысли, критик, публицист, один из составителей и редакторов Собрания сочинений А. Блока в 12 томах, выпускавшегося «Издательством писателей в Ленинграде» в 1932–1936 годах (см.: Переписка <А. А. Блока> с Р. В. Ивановым-Разумником / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 366–414); Верховский Юрий Николаевич (1878–1956) — поэт, историк литературы, переводчик; его жена — Александра Николаевна Верховская (1876–1950).

²⁹ Дельмас — Любовь Александровна Андреева (урожд. Тишинская, по сцене Дельмас; 1879–1969), оперная артистка, исполнительница партии Кармен в одноименной опере Ж. Бизе (постановка в Театре музыкальной драмы), вдохновившая Блока на создание лирического цикла «Кармен» (март 1914 года).

³⁰ Начальные строки «Вступления» (1905) ко второй книге «Стихотворений» Блока с варьированным 1-м стихом («Ты в поля отошла без возврата»). См.: *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 7.

³¹ Над переводом поэмы провансальского поэта Фредерика Мистрала (Mistral; 1830–1914) «Мирейо» («Mirèio», 1859) Ф. Сологуб работал в 1923–1924 годах для Государственного издательства (первоначально — для издательства «Всемирная литература»). Выполненный им в полном объеме перевод остался неизданным, сохранился в автографе и машинописи (см.: *Стрельникова А. Б., Филочева В. В.* Библиография художественных переводов, выполненных Ф. Сологубом. Неизданные и несобранные поэтические переводы // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016. С. 646, 658).

³² Собор святой великомученицы Екатерины в Царском (Детском) Селе был воздвигнут на центральной площади города в 1835–1840 годах под наблюдением архитектора К. А. Тона. В 1938 году собор был закрыт, 10 июня 1939 года взорван; восстановлен в 2006–2010 годах.

³³ Популярная песня из репертуара бродячих шарманщиков, известна во множестве версий. См.: Ах романс. Эх романс. Ох романс: Русский романс на рубеже веков / Сост. В. Мордерер, М. Петровский. СПб., 2005. С. 257–259, 356–358.

³⁴ Землетрясение, произошедшее 1 сентября 1923 года (Великое землетрясение Канто; название — по наиболее пострадавшему району), практически полностью разрушило Токио и Йокогаму, погибло несколько сотен тысяч человек.

³⁵ Детскоесельская санатория Дома ученых, располагавшегося во дворце вел. кн. Владимира Александровича в Петрограде (Дворцовая наб., д. 26).

³⁶ Поэт Валентин Кривич (наст. имя Валентин Иннокентьевич Анненский; 1880–1936), видимо, выступал с чтением стихотворений И. Ф. Анненского, собранных им в сборнике «Посмертные стихи» (Пб.: Картонный домик, 1923).

³⁷ Сюннерберг Константин Александрович (псевдоним — Конст. Эрберг; 1871–1942) — теоретик искусства, критик, поэт; один из руководителей Вольной философской ассоциации в Петрограде.

³⁸ Подразумевается: украинец (В. А. Щеголева родилась на украинской земле).

³⁹ «Белая березка. Лирическая поэма» (Весна 1920. Томск) Ю. Н. Верховского, впервые опубли.: *Верховский Ю.* Струны: Собр. соч. / Сост., подг. текста, статья и комм. В. Калмыковой. М., 2008. С. 663–670.

⁴⁰ Форш Ольга Дмитриевна (урожд. Комарова; 1873–1961). Упомянут Антон Иванович Кашкин, гимназический учитель чистописания, — персонаж ее рассказа «Герои», в котором изображены эксцессы «украинизации» при петлюровском режиме. См.: *Форш О.* Собр. соч. М.; Л., 1928. Т. 1. Пятый зверь: Рассказы. С. 95–103.

вых наших профессоров» (Сорокин Вл. Воспоминания старого студента // Русская старина. 1888. Т. 60. № 12. С. 629).

⁶³ Всеволод Вячеславович Иванов (1895–1963), один из «серапионовых братьев».

⁶⁴ Г. В. Алексеев, заведовавший в 1922–1923 годах редакцией «Книгоиздательства писателей в Берлине» и председательствовавший в берлинском литературно-художественном объединении «Веретено», принял участие в сменовеховском движении и вернулся в Советскую Россию (Москва) 7 ноября 1923 года.

⁶⁵ Г. Алексеев родился в Москве, отец его был учителем, служил бухгалтером в приюте для сирот.

⁶⁶ Будучи участником Белого движения, Алексеев в 1920 году эвакуировался из Новороссийска через Константинополь на Кипр, «скитался по Греции, Венгрии, Югославии, был матросом на английском корабле, осел на далматинском острове Шипан, откуда в 1922 году перебрался в Берлин» (Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, 1983. С. 95). Более детально злоключения Алексея перечислены в биографической справке, составленной, безусловно, с его слов: «Бежав с английского парохода в Пирее, кочевал по Греции, Венгрии, славянским странам и т. д. Работал гидом по афинскому Акрополю, организатором рыбной артели, чистильщиком сапог; ездил с лекцией о Пушкине по городам Кроации, Сербии, Боснии и Герцоговины; служил матросом на итальянском пароходе и т. п. Был принят за далматинского шпиона и арестован в Фиуме, позднее в качестве „большевика“ арестован фашистами» (Писатели современной эпохи. Биобиблиографический словарь. М., 1995. Т. 2 / Подг. к изд. Н. А. Богомоловым. С. 21).

⁶⁷ Яценко Александр Семенович (1877–1934) — юрист, библиограф, профессор Юрьевского и Петербургского университетов; издавал в Берлине в 1921–1923 годах критико-библиографические журналы «Русская книга» и «Новая русская книга».

⁶⁸ Марсово поле.

⁶⁹ Кризисное положение дел с изданием журнала «Былое» и книжной серии «Библиотека журнала „Былое“», руководимым П. Е. Щеголевым, завершилось тем, что 3 февраля 1927 года Ленинградский губернский суд признал «кооперативное издательское товарищество „Былое“ несостоятельным должником и принудительную ликвидацию товарищества»; ликвидация состоялась в марте–апреле 1927 года (Емельянов Ю. Н. П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. С. 205–206). В рубрике «Судебная хроника» «Красной газеты» 4 февраля 1927 года сообщалось: «Издательство „Былое“ вчерашним определением губсуда признано несостоятельным должником. Издательство задолжало свыше 200 000 руб. Губсуд назначил ликвидационную комиссию. Издательство будет ликвидировано принудительным порядком» (цит. по: Лурье Ф. Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 338).

⁷⁰ Краков Павел Александрович (1871–1927) — деятель революционного движения, связанный с эсерами (см. справку о нем в кн.: Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию / Сост., комм., вступ. статья Т. Л. Пантелеевой. СПб., 2012. С. 417–418), журналист; заведующий конторой газеты «День»; после возобновления «Былого» в 1917 году — заведующий издательством, руководивший его финансовой деятельностью. В ходе работы уставной ликвидационной комиссии Краков в апреле 1927 года покончил с собой (бросился в Неву). См.: Лурье Ф. Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 333–338. Обстоятельства совместной работы со Щеголевым нашли отражение в 55 письмах Кракова к нему за 1920–1926 годы (ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 219–221).

⁷¹ Согласно расследованию, проведенному ликвидационной комиссией, Краков растраты не совершил; основной причиной финансового краха «Былого», кроме общего издательского кризиса, признано допущенное им полное запустение в делопроизводстве. См.: Лурье Ф. Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 338.

⁷² Каганский Захарий Леонтьевич (? — после 1949) — издатель журнала «Россия» (1922–1926), переводчик; впоследствии — владелец издательства «ALDI» («Agens Littéraire et Dramatique Internationale»). Ср. сообщения в записке Щеголева «Как возникло издательство „Былое“»: «Кроме общего кризиса крайне тяжело отозвались на „Былом“ банкротства крупных покупателей, закупавших издания целыми тиражами, — издательств Л. Френкеля и В. <так!> Каганского. Издательство Каганского под фирмой Россия заключило с „Былым“ договор на монопольное распространение изданий „Былого“, причем оно установило и тиражи выпускаемых книг. Вначале это издательство выполняло свои обязательства, платило деньги, затем исправно погашало свои векселя, но с отъездом Каганского за границу весной 1925 года начались перебои в платежах, частичные погашения, переписка векселей, а в начале 1926 года платежи издательства Каганского были прекращены» (цит. по: Там же. С. 333).

⁷³ Книжный магазин «Былого» был открыт в Москве в 1925 году П. А. Краковым, пригласившим на должность управляющего П. В. Гурского. Согласно свидетельству П. Е. Щеголева, «магазин вместо прибыли принес колоссальные убытки. Ревизия, произведенная издательством,

обнаружила не только бесхозяйственность ведения дела, но и недостачу денег в кассе и растрату их» (цит. по: Там же. С. 337). Ранее, в 1921–1923 годах книжный магазин «Былого» существовал в Петрограде (пр. Володарского, бывший и ныне Литейный пр., д. 46) под наблюдением П. Е. Щеголева, П. А. Кракова и В. А. Катловкера и под руководством ответственного заведующего А. С. Молчанова (см.: *Лурье Ф. М.* Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990. С. 121–122).

⁷⁴ Гроссман Леонид Петрович (1888–1965) — историк литературы, прозаик. Упомянуты его книги «Пушкин в театральных креслах» (Л., 1926) и «Поэтика Достоевского» (М., 1925).

⁷⁵ Жак — Яков Львович Израилевич (1887–1953), торговец антиквариатом.

⁷⁶ Картина из коллекции П. Е. Щеголева.

⁷⁷ Тернавцев Александр Валентинович (1897–1940) — бухгалтер; брат И. В. Щеголевой (см. о ней прим. 80).

⁷⁸ П. П. Щеголев по окончании в январе 1923 года Петроградского университета был оставлен при нем как научный сотрудник II разряда исследовательского Исторического института; после его упразднения — научный сотрудник факультета общественных наук Петроградского университета. С осени 1924 года преподавал историю стран Запада на общественно-педагогическом отделении университета, с осени 1925 года — доцент на факультете языка и материальной культуры; одновременно вел занятия по курсу новой истории в Коммунистическом университете. См.: *Молок А. И.* Научные труды и педагогическая деятельность П. П. Щеголева (1903–1936). С. 237–238.

⁷⁹ Речь идет, видимо, о дополнительном окладе, получаемом из партийно-правительственных инстанций. Зиновьев Григорий Евсеевич (наст. фам. Радомысльский; 1883–1936) — в 1907–1927 годах член ЦК ВКП(б), с декабря 1917 года председатель Петроградского совета, отстранен от руководства им в 1926 году. 23 октября 1927 года объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) принял постановление об исключении Зиновьева из ЦК ВКП(б). Наверняка нарастающая опала положила конец субсидиям и выплатам, связанным с его именем.

⁸⁰ Щеголева Ирина Валентиновна (урожд. Тернавцева; 1906–1993) — жена П. П. Щеголева (в 1926–1931 годах), дочь Валентина Александровича Тернавцева (1866–1940), религиозного публициста, до революции — чиновника особых поручений при обер-прокуроре Синода; с 1936 года — жена художника Н. И. Альтмана. См. мемуарный очерк о ней («Человек пиршественных столов») в кн.: *Романков Л.* Семь с половиной. СПб., 2012. С. 51–60.

⁸¹ В это время О. Д. Форш проживала по адресу: пр. Володарского (бывший и ныне Литейный), д. 9.

⁸² Помимо Тamarы (см. выше, прим. 6), у О. Д. Форш и ее мужа, военного инженера Бориса Эдуардовича Форша (1867–1920), были дочь Надежда Борисовна (в замужестве Вараке; 1896–1956) и сын Дмитрий Борисович Форш (1904–1967), горный инженер.

⁸³ Пунин Николай Николаевич (1888–1953) — искусствовед. Аренс Анна Евгеньевна (в замужестве Пунина; 1892–1943) — врач; жена Н. Н. Пунина. 4 ноября 1926 года А. А. Ахматова была выписана из квартиры В. К. Шилейко (Ленинград, ул. Халтурина (бывшая и ныне Миллионная), д. 5) и прописана в квартире Пунина по адресу: Фонтанка, д. 34, кв. 44 (*Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 233).

⁸⁴ Е. И. Замятин прибыл в Москву 6 марта 1927 года. Последнее его письмо к жене из Москвы датировано 14 марта (см.: *Рукописные памятники.* СПб., 1997. Вып. 3. Ч. 1. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина / Сост. Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова; предисловие и комм. М. Ю. Любимовой. С. 313–317).

⁸⁵ Над романом «Мы» Замятин работал в 1919–1921 годах, в 1921–1924 годах он провел ряд публичных чтений отрывков из него. Публикацию романа в СССР тогда организовать не удалось. См.: *Галушкин А. Ю.* К «допечатной» истории романа Е. И. Замятина «Мы» (1921–1924) // *Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman.* С. 366–375; К истории издания романа «Мы» / Вступ. статья, публ. и комм. Р. М. Янгирова // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 168–175; *Куртис Дж.* История издания романа «Мы», переводы и публикации // Замятин Евг. Мы: Текст и материалы творческой истории романа / Изд. подг. М. Ю. Любимова, Дж. Куртис. СПб., 2011. С. 502–505.

⁸⁶ День Парижской коммуны был объявлен в СССР официальным праздником в 1923 году; 18 марта 1871 года революционное восстание в Париже привело к свержению правительства Третьей республики, Парижская коммуна была провозглашена 28 марта (законодательный и исполнительный орган, с преобладанием двух фракций — бланкистов и прудонистов), подавлена в результате боев 21–28 мая.

⁸⁷ Статья П. Е. Щеголева «Николай П. Опыт характеристики» печаталась в «Красной газете» (вечерний выпуск) с 8 по 22 марта 1927 года; ее заключительная глава («6. Основная черта душевного склада») была опубликована там же 23–24 апреля 1927 года.

⁸⁸ Тарле Евгений Викторович (1875–1955) — историк; академик АН СССР (1927). Речь идет об открытом в начале 1927 года Ленинградском отделении Института истории РАНИОН (дирек-

тор — А. Е. Пресняков); секцию всеобщей истории в нем возглавил Тарле при ученом секретаре П. П. Щеголеве (см.: *Каганович Б. С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 33).

⁸⁹ Серебряков Михаил Васильевич (1879–1959) — историк, философ, доктор исторических наук, ректор Ленинградского университета в 1927–1930 годах.

⁹⁰ Сестра И. В. Щеголевой — Мария Валентиновна Тернавцева (в замужестве Малаховская; 1904–1948).

⁹¹ Мария Адамовна Тернавцева (урожд. Арцимович; 1872–1942), жена В. А. Тернавцева.

⁹² Возможно, подразумевается Яков Борисович Лившиц (1881–1942), директор и владелец издательства «Петроград».

⁹³ Имеется в виду Петр Павлович Снопков (1900–1942), график, декоратор, театральный художник; выпускник Высшего художественно-технического института (ВХУТЕИН); художник фильма А. Файнцимера «Поручик Киж» (1934). Вместе с будущим мужем М. В. Тернавцовой Б. Малаховским иллюстрировал книжку детских стихов Н. Асеева «Песни пищика» (М.; Л., 1925). См. о нем: *Кобринский А. А.* Мастер Петр: несколько штрихов к биографическим мифам Даниила Хармса // *Русская литература.* 2020. № 3. С. 217–231.

⁹⁴ Каплан Анатолий Львович (1903–1980) — художник, мастер книжной иллюстрации; окончил ВХУТЕИН в 1927 году. См. о нем: *Суриц Б.* Анатолий Львович Каплан. Очерк творчества. Л., 1972.

⁹⁵ Жена Олега Леонидовича Лялина (1903–1974), архитектора, художника промышленной графики, представителя конструктивизма.

⁹⁶ Бороздина Елена Виссарионовна (ок. 1860–1937) — вдова профессора Петербургского университета А. К. Бороздина, учителя и друга П. Е. Щеголева; в 1920–1930-е годы жила в комнате (которую снимал для нее Щеголев) на одной лестничной площадке с квартирой Щеголевых. См.: *Лурье Ф.* Пушкинест повеволе: Дела и дни П. Е. Щеголева. С. 366.

⁹⁷ Малаховский Бронислав Брониславович (1902–1937) — художник-карикатурист, книжный иллюстратор, архитектор; окончил ВХУТЕМАС. С его иллюстрациями была издана, в частности, книга А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (Л., 1936). Расстрелян 27 августа 1937 года как «польский шпион» (см.: *Щуко Е. Г.* Воспоминания о детстве, семье, близких. С. 406, 414). См. также: Бронислав Брониславович Малаховский / Сост. И. В. Щеголева-Альтман. Л., 1978.

⁹⁸ Кондитерская «Де-Гурме» (пр. 25 Октября (бывший и ныне Невский пр.), д. 76).

⁹⁹ Подразумевается «Ленинградская правда». П. П. Щеголев печатал в этой газете статьи на международные темы под псевдонимом Л. Китаев.

¹⁰⁰ Речь идет о первой монографии П. П. Щеголева — «Заговор Бабефа» (Л., 1927). История французской Тайной повстанческой директории (1796) во главе с Гракхом Бабефом была прослежена в ней на основе комплектов газеты «Tribun du peuple», брошюр и памфлетов из собрания Государственной публичной библиотеки в Ленинграде.

¹⁰¹ Кареев Николай Иванович (1850–1931) — историк, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1910); специалист по истории Франции XVII века и истории Великой французской революции.

¹⁰² Лейкин Николай Александрович (1841–1906) — прозаик, журналист; в 1881–1905 годах редактор-издатель популярнейшего юмористического журнала «Осколки».

¹⁰³ «Петербургский листок» — издававшаяся с 1864 года газета, ориентированная главным образом на невзыскательного и малообразованного читателя.

¹⁰⁴ Молок Александр Иванович (1898–1977) — историк; с 1924 года преподавал на общественно-педагогическом отделении факультета общественных наук Ленинградского университета (вел семинар по истории Парижской коммуны 1871 года); впоследствии — доктор исторических наук, профессор.

¹⁰⁵ Розенберг Александр Михайлович (Хаимович) (1900–1955) — историк; окончил аспирантуру Ленинградского университета по специальности «новая история Запада», с 1925 года работал в Ленинградском педагогическом институте на кафедре всеобщей истории.

¹⁰⁶ Белуха Евгений Дмитриевич (Нимич; 1889–1943) — график, театральный художник; член петроградского (ленинградского) общества экслибристов. См. библиографическую справку о нем: *Голлербах Э.* Встречи и впечатления / Сост., подг. текста и комм. Евг. Голлербаха. СПб., 1998. С. 533–534.

¹⁰⁷ А. Л. Каплан (см. выше, прим. 94).

¹⁰⁸ Неустановленное лицо.

¹⁰⁹ Малаховская Екатерина Брониславовна (1926–1988) — впоследствии балерина, преподаватель хореографического училища в Москве, жена литературоведа-романиста и переводчика Н. Б. Томашевского. Позднее в семье Малаховских родился ее брат — Валерий (Дмитрий) Брониславович (1932–2010), впоследствии профессор геологии и геоморфологии Ленинградского университета.

¹¹⁰ Дом искусств — первый творческий писательский клуб, организованный в 1919 году в доме Елисеевых на углу Мойки и Невского проспекта. Является главным действующим лицом в романе О. Форш «Сумасшедший корабль» (1930).

¹¹¹ Чистяков Павел Петрович (1832–1919) — художник, педагог. О. Д. Форш училась рисовать в его мастерской в 1895 году, в годы Первой мировой войны жила вместе с детьми в царскосельском доме Чистякова (см.: *Тамарченко А.* Ольга Форш: Жизнь, личность, творчество. С. 22–25). Прочитанный доклад, видимо, лег в основу ее статьи «Художник-мудрец», вошедшей в книгу: *Форш О. Д., Яремич С. П.* Павел Петрович Чистяков. Л., 1928. См. также комментарии Т. А. Кукушкиной: Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. М., 2018. Кн. 2. С. 105–106.

¹¹² Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939) — живописец, график, теоретик искусства, драматург, прозаик; в 1918–1932 годах профессор Академии художеств. Тесно общался с О. Д. Форш, давшей анализ его творческого метода в статье «О себе, Петрове-Водкине и Читателе» (1924). См.: *Тамарченко А.* Ольга Форш: Жизнь, личность, творчество. С. 274–291.

¹¹³ Всеволод Павлович Чистяков (1879–1929).

¹¹⁴ Вторник — 22 или 29 марта. О. Форш пробыла за границей с апреля до начала третьей декады 1927 года — сначала в Париже (до второй половины июля), затем в Люшоне (до сентября), Шартре, Тулузе, Лурде, Флоренции, Риме, Неаполе, Сорренто (в конце ноября в гостях у М. Горького). См.: Там же. С. 338; Лит. наследство. 1963. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. С. 596–601. По впечатлениям от пребывания во Франции и Италии Форш написала книгу очерков и рассказов «Под куполом» (Л., 1929).

¹¹⁵ Запись относится к январю 1929 года (ср. следующую датированную запись от 3 февраля). Понедельник — скорее всего, 31 января. Бентовин Борис Ильич (1865 или 1863 или 1864–1929) — драматург, театральный критик, журналист (см. о нем биографический очерк Норы Букс в книге: Театральные миниатюры Серебряного века. М., 2020. С. 324–326); с 1904 года член правления и бессменный секретарь Союза драматических и музыкальных писателей. Видимо, отмечалось 25-летие его пребывания на этом посту. Сохранились 17 писем Бентовина к Щеголеву за 1927–1929 годы (ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 65), посвященных в основном организационным делам Драмсоюза (Ленинградского общества драматических и музыкальных писателей), в одном из них, от 2 февраля 1929 года, Бентовин писал: «...большое спасибо Вам за те слова, которые Вы сказали мне на юбилее. Теперь не сомневаюсь в Ваших добрых чувствах».

¹¹⁶ Сухогин Павел Сергеевич (1884–1935) — поэт, прозаик, драматург, переводчик. В соавторстве с А. Н. Толстым написал пьесу «Это будет» (М., 1931). В письме к Щеголеву от 5 октября 1929 года Сухогин излагал содержание первого действия начатой им пьесы «Самшитовая трость» на сюжет из биографии Лермонтова (ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 440); с этим замыслом соотносится сценарий фильма «Кавказский пленник» («Гибель Лермонтова»; 1930, Севзапкино), написанный Щеголевым совместно с В. А. Мануйловым.

¹¹⁷ Валентинов Николай Владиславович (наст. фам. Вольский; 1879–1964) — журналист, публицист; социал-демократ (меньшевик до 1917 года). С 1922 года заместитель главного редактора «Торгово-промышленной газеты», в 1929–1930 годах редактировал в Париже газету «La Vie Economique des Soviets» — орган советского торгпредства, в конце 1930 года перешел на положение эмигранта.

¹¹⁸ Шапорин Юрий (Георгий) Александрович (1887–1966) — композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель; автор незаконченной оперы «Полина Гебль» (1925; 2 сцены были поставлены в Ленинградском театре оперы и балета) по либретто А. Н. Толстого и П. Е. Щеголева.

¹¹⁹ Шапорина Александра Федоровна (урожд. Киселева; 1907–1987) — вторая жена Ю. А. Шапорина (официально их брак был зарегистрирован в 1940-е годы).

¹²⁰ Подразумевается ленинградский театр «Комедия» (до 1925 года — «Пассаж»). Елена Маврикиевна Грановская (1877–1968) была ведущей актрисой его труппы.

¹²¹ Шапорина Любовь Васильевна (урожд. Яковлева; 1879–1967) — первая жена Ю. А. Шапорина; художница, переводчица, создательница первого в советской России театра марионеток. На протяжении нескольких десятилетий вела дневник, исключительный по тематическому охвату и по откровенности толкования исторических событий и советской бытовой жизни. См.: *Шапорина Л. В.* Дневник: [В 2 т.] / Вступ. статья В. Н. Сажина; подг. текста и комм. В. Ф. Петровой и В. Н. Сажина. М., 2011.

¹²² Дети Ю. А. Шапорина от первого брака — Василий Юрьевич (Георгиевич) Шапорин (1915–1995), театральный художник, и Елена Юрьевна (Георгиевна) Шапорина (1921–1932).

¹²³ С октября 1924 года до осени 1928-го Л. В. Шапорина с сыном и дочерью жила в Париже.

¹²⁴ Единственная симфония Шапорина (с-moll; ор. 11) для оркестра, с дополнительной духовой группой, смешанным хором и фортепиано в 4-х частях (на стихи В. Маяковского) была завершена в 1932–1933 годах; исполнена впервые 11 мая 1933 года в Москве в Большом театре.

¹²⁵ Крандиевская-Толстая Наталия Васильевна (1888–1963) — поэтесса; третья жена А. Н. Толстого (в 1915–1935 годах).

¹²⁶ Блок Давид Семенович — дирижер, директор московского кинотеатра «Колосс», член Ассоциации революционной кинематографии (АРК).

¹²⁷ Первую попытку поступить в Петербургскую консерваторию Шапорин предпринял в 1908 году, одновременно с поступлением на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1912 году. Александр Константинович Глазунов (1865–1936) был директором Петербургской консерватории в 1907–1917 годах.

¹²⁸ Фамилия М. Н. Волконской указана здесь ошибочно. Речь идет о некоей Марии Николаевне Толстой — «девушке, когда-то вызвавшей глубокое чувство композитора, как однажды признался сам Юрий Александрович» (*Грошева Е.* Певец России // Юрий Александрович Шапорин. Литературное наследие: статьи, письма. Статьи о творчестве Ю. А. Шапорина. Воспоминания современников / Сост., ред., вступ. статья и комм. Е. А. Грошевой. М., 1989. С. 46). Адресованный М. Н. Толстой романс для голоса с фортепиано «Я знаю, что значит безумно рыдать» (1911) на стихи К. Д. Бальмонта сохранился в рукописи в архиве автора (см.: Ю. А. Шапорин. Нотографический и библиографический справочник / Сост. Е. Садовников. М., 1966. С. 28). Впоследствии Шапорин посвятил М. Н. Толстой цикл из десяти романсов «Далекая юность» на стихи А. Блока (ор. 12, 1939).

¹²⁹ До поступления в Петербургский университет Шапорин учился с 1906 года на юридическом факультете Киевского университета. Описываемая встреча произошла во время пребывания Глазунова в Ялте в июле–августе 1911 года (см.: *Глазунов А. К.* Письма, статьи, воспоминания: Избранное. М., 1958. С. 350–351). В очерке «Из воспоминаний» (1961) Шапорин сообщает: «В 1911 году летом я приехал в Ялту. По просьбе М. Н. Толстой, с которой я там познакомился, я сочинил романс на слова К. Бальмонта «Я знаю, что значит безумно рыдать». Его исполнил известный тенор В. С. Севастьянов. И надо же было, чтоб на этом концерте присутствовал... Глазунов! На следующий день, встретив меня в городском саду, Севастьянов спросил: „Не тот ли вы Шапорин, который однажды неудачно пытался поступить в Петербургскую консерваторию? И если это вы, то Александр Константинович хотел бы с вами встретиться“. Встреча произошла на следующий день на даче у А. А. Спендиарова. Глазунов принял меня очень приветливо и весьма серьезно сказал, что мне обязательно надо учиться» (Юрий Александрович Шапорин. Литературное наследие... С. 72–73). Впоследствии Глазунов отмечал (в письме к М. О. Штейнбергу от 28 февраля 1935 года): «Конечно, Шапорин талантлив, в чем я убедился еще при первой нашей встрече с ним» (Глазунов: Исследования. Материалы. Публикации. Письма: В 2 т. Л., 1960. Т. 2. С. 88).

¹³⁰ Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) — крупный землевладелец, владелец сахарных заводов, финансист; член IV Государственной Думы, в 1915–1917 годах председатель киевского областного Военно-Промышленного комитета и товарищ председателя Всероссийского Военно-Промышленного комитета. После Февральской революции входил во Временное правительство (со 2 марта 1917 года — министр финансов, с 5 мая — министр иностранных дел). Ср. глухое упоминание о Терещенко в очерке Шапорина «Из воспоминаний»: «...в конце первого семестра, 1 декабря 1912 года, я был зачислен без экзамена в класс профессора Н. А. Соколова. Глазунов выхлопотал мне стипендию от частного лица и немалую по тому времени» (Юрий Александрович Шапорин. Литературное наследие... С. 73).

¹³¹ Подразумевается основанное Терещенко (вместе с его сестрами Е. И. и П. И. Терещенко) в 1912 году издательство «Сирин». См.: *Голлербах Е. А., Мухаркин Д. М.* Издательство «Сирин» // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: Сб. научных трудов. СПб., 2004. Вып. 12. С. 57–74.

¹³² Права на издание собраний сочинений Федора Сологуба и Алексея Михайловича Ремизова (1877–1957) семья Терещенко выкупила у издательства «Шиповник». В 1912 году в «Сирине» были переизданы «Сочинения» Ремизова (Т. 1–8), в 1913 году начато Собрание сочинений Сологуба (из 20 запланированных томов вышли в свет пятнадцать).

¹³³ Эти характеристики не подтверждаются практической деятельностью издательства «Сирин», печатавшего преимущественно авторов, получивших общественное признание, и не включавшего в свои издания изобразительный материал.

¹³⁴ Цикл из пяти стихотворений А. Блока (1908).

¹³⁵ Имеются в виду «Ария для кантаты Ю. Шапорина (Невеста ждет жениха)» («Я живу в отдаленном скиту...», 3 ноября 1919 года; авторская переработка стихотворения «Я живу в отдаленном скиту...», 1905) и «Хор татар для кантаты» («Идут века...», 14 ноября 1919 года); ср. запись Блока на черновом автографе: «Шапорин окончательно заказал мне для кантаты „Куликово поле“. 23.VIII.1919» (*Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 83–84, 484 (комм. Е. В. Ивановой)). Первые опубл.: *Блок А.* Незданые стихотворения: 1897–1919 / Ред. и прим. П. Медведева. Л., 1926. С. 142. Шапорин написал кантату только в 1938 году («На поле Куликовом». Симфония-кантата для солистов, хора и оркестра (ор. 14). Стихи А. Блока с изменениями

и дополнениями М. Л. Лозинского). См.: Блок и музыка: Хроника. Нотография. Библиография / Сост. Т. Хопрова, М. Дунаевский. Л., 1980. С. 163.

¹³⁶ Смирнов-Сокольский Николай Павлович (наст. фам. Смирнов; 1898–1962) — библиограф, историк книги, библиофил; артист эстрады, народный артист РСФСР (1958). См.: Н. П. Смирнов-Сокольский как историк книги и библиофил. Опыт библиографии / Сост. О. Г. Ласунский. Воронеж, 1967.

¹³⁷ Имеется в виду роман А. Н. Толстого, печатавшийся под заглавием «Хождение по мукам» в журнале «Новый мир» в 1927–1928 годах и выпущенный в свет отдельным изданием под заглавием «Хождение по мукам. Восемнадцатый год» (М.; Л., 1929).

¹³⁸ О том, что П. П. Щеголев консультировал Толстого в ходе работы над романом «Восемнадцатый год», свидетельствует сам автор, в ноябре 1927 года просивший В. П. Полонского, редактора «Нового мира», внести коррективы в текст, относившийся к упоминаниям Н. Д. Авксентьева (эсера, одного из лидеров «Союза возрождения России», председателя на Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 года): «...только что мне сказал Щеголев (молодой), что Авксентьева в Самаре не было. По матерьялам, которыми я пользовался, — он был. Но я верю Щеголеву. Поэтому в главе о Самаре нужно выбросить слова Говядина: „От ЦК эсеров — знаменитый Авксентьев, историческая личность“. И заменить их словами: „Все эсеры, непримиримейшие борцы...“» — и т. д. (Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. / Сост., подг. текстов писем и комм. А. М. Крюковой. М., 1989. Т. 2. С. 58–59).

¹³⁹ А. Н. Толстой и Н. В. Крандиевская-Толстая с детьми переехали на постоянное жительство в Детское Село летом 1928 года (Московская ул., д. 10). Колоритные подробности застолий в их детскосельском доме с участием Щеголева передает Н. В. Крандиевская-Толстая в своих «Воспоминаниях» (Л., 1977. С. 211–218).

¹⁴⁰ Никитина Ренэ Ароновна (урожд. Розеноер; 1897–1975) — вторая жена Н. Н. Никитина.

¹⁴¹ Никитин Владимир Николаевич (1924–1945) — сын Н. Н. и З. А. Никитиных.

¹⁴² Имеется в виду пьеса А. Н. Толстого «На дыбе» (Петр Первый), написанная во второй половине 1928 года. Отрывки из нее («Сцены из трагедии „Петр I“») были напечатаны в журнале «Красная новь» (1929. № 1), полностью «На дыбе (Петр Первый). Пьеса в двенадцати картинах» опубликована: Толстой А. Н. Собр. соч. М.; Л., 1929. Т. 14. См.: Толстой А. Н. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 10. С. 579–653.

¹⁴³ Прозаик и драматург Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) с 1928 года постоянно проживал в Детском Селе (Малая ул., д. 14). См.: Дневниковая запись К. В. Вяткиной о поездке в Детское Село в сентябре 1928 г. / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. В. Вострикова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019. С. 388–389. В собрании М. С. Лесмана сохранились две книги Шишкова с дарительными надписями В. А. Щеголевой — восьмой том Полного собрания сочинений (М.; Л., Земля и фабрика, 1926; «Многоуважаемой Валентине Андреевне Щеголевой — на добрую память пишет Вяч. Шишков. 15.12.26. Питер») и «Пятерка» (Изд-во писателей в Ленинграде, 1931; «Дорогой Валентине Андреевне Щеголевой — только что вышедшую свою книжку шлю на память, в надежде в скором времени увидеться лично. Вяч. Шишков. 10.П.31 г.»). См.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. С. 233.

¹⁴⁴ Медведев Павел Николаевич (1891–1938) — критик, литературовед; член Правления Ленинградского отделения Всероссийского Союза писателей. В 1920-е годы подготовил ряд изданий произведений А. Блока, в том числе на основе архива поэта, хранившегося тогда у Л. Д. Блок. Упоминаются выпущенные в свет Издательством писателей в Ленинграде (К. А. Федин — председатель Правления, руководившего его деятельностью) книги: Дневник Александра Блока / Под ред. П. Медведева. Л., 1928. Т. 1–2; *Медведев П.* Драммы и поэмы Ал. Блока: Из истории их создания. Л., 1928.

¹⁴⁵ Устинов Георгий Феофанович (1888–1932) — журналист, прозаик, критик; его жена — Елизавета Алексеевна Устинова (1897–?).

¹⁴⁶ Радлов Николай Эрнестович (1889–1942) — художник, искусствовед, педагог; его жена — Надежда Константиновна Шведе (урожд. Плансон; 1894–1944), художница.

¹⁴⁷ Е. В. Бороздина (см. выше, прим. 96).

¹⁴⁸ Квартира в доме на углу Ждановской наб. и Малого пр. Петроградской стороны (д. 3/1), в которой с 1925 по май 1928 года проживал А. Н. Толстой с семьей и в которой после их переезда в Детское Село поселилась семья Малаховских.

¹⁴⁹ Пьеса О. Форш «Причальная мачта» (1929) была опубликована в № 10 журнала «Звезда» за 1929 год. См.: Форш О. Собр. соч. М.; Л., 1930. Т. 5. Форш сообщила о ней М. Горькому 26 апреля 1929 года: «Я написала только что пьесу, которая худ<ожественным> советом Госдрамы (б. Александринка) принята единогласно к постановке и очень одобрена. <...> Пойдет пьеса осенью для открытия сезона» (Лит. наследство. Т. 70. С. 606). «Причальная мачта» была поставлена Ленинградским государственным академическим театром драмы им. А. С. Пушкина в октябре 1929 года (режиссер Л. С. Вивьен).

¹⁵⁰ Д. Б. Форш (см. выше, прим. 82).

¹⁵¹ Е. И. Замятин был тогда заместителем председателя Правления Ленинградского отделения Союза писателей; 28 января 1929 года был вновь единогласно избран в Правление (см.: *Кукушкина Т. А.* Е. И. Замятин в Правлении Всероссийского Союза писателей (Ленинградское отделение) // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 116). О. Д. Форш была избрана в состав Правления 13 октября 1929 года (см.: *Кукушкина Т. А.* Всероссийский Союз писателей. Ленинградское отделение (1920–1932). Очерк деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 116), уже после жесткой идеологической осенней кампании, направленной против Замятина и Б. Пильняка (см.: *Галушкин А.* «Дело Пильняка и Замятина». Предварительные итоги расследования // Новое о Замятине: Сб. материалов / Под ред. Л. Геллера. М., 1997. С. 89–146).

¹⁵² Иванов Разумник Васильевич (литературное имя — Иванов-Разумник; 1878–1946) — критик, публицист, историк русской литературы и общественной мысли; проживал в Детском Селе по адресу: Колпинская ул., д. 20.

¹⁵³ К. С. Петров-Водкин поселился в Детском Селе в декабре 1927 года по адресу: Лицей, кв. 6 (жилые комнаты в бывшем Царскосельском лицее).

¹⁵⁴ Жена Петрова-Водкина — Мария Федоровна Петрова-Водкина (урожд. Маргарита Йванович; 1886–1960); дочь — Елена Кузьминична Петрова-Водкина (в замужестве Дунаева; 1922–2008).

¹⁵⁵ Переживания, вызванные рождением дочери, Петров-Водкин отразил в письмах к матери за октябрь–декабрь 1922 года (*Петров-Водкин К. С.* Письма. Статьи. Выступления. Документы / Сост., вступ. статья и комм. Е. Н. Селизаровой. М., 1991. С. 222–223).

¹⁵⁶ Имеются в виду работы Петрова-Водкина «Умиление» (1921; холст, масло. 26,2 × 21,2) и «Мадонна с ребенком. Пробуждающая» (1922; дерево, масло. 17 × 13,4). См.: Кузьма Сергеевич Петров-Водкин. К 140-летию со дня рождения. СПб., 2018. С. 94.

¹⁵⁷ Сын Ахматовой и Н. С. Гумилева — Лев Николаевич Гумилев (1912–1992), впоследствии историк, географ, этнолог, доктор исторических наук (1961) и географических наук (1974); создатель учения о человечестве и этносах как биосоциальных категориях. Раннее детство провел в основном с бабушкой, А. И. Гумилевой, в усадьбе Слепнево близ Бежецка (Тверская губ.).

¹⁵⁸ Е. И. Замятин.

¹⁵⁹ Толстой Дмитрий Алексеевич (1923–2003) — младший сын А. Н. Толстого и Н. В. Крандиевской-Толстой; впоследствии композитор.

¹⁶⁰ В 1913–1914 годах П. С. Сухотин был секретарем редакции московского художественного журнала «София» (редактор — П. П. Мурагов), посвященного древнерусскому искусству, опубликовал в нем свою работу «Древнерусская повесть» (1914. № 2), сопроводив ее собственными переводами древнерусских текстов, ездил по церквям и монастырям России с целью сбора древнерусских рукописей.

¹⁶¹ Дионисий (ок. 1440 — после 1502/1503) — живописец, ведущий мастер московской школы XV века; основной автор фресок Ферапонтова монастыря (близ города Кириллова, ок. 1500–1503).

¹⁶² Имеется в виду Ленинградское отделение Всероссийского Союза писателей.

¹⁶³ Подразумеваются два отделения Союза писателей — ленинградское и московское.

¹⁶⁴ Согласно протоколу заседания Ленинградского отделения Правления Всероссийского Союза писателей от 27 марта 1928 года, председателем Правления был избран В. Я. Шишков, заместителями председателя — Е. И. Замятин и К. А. Федин (разыскания Т. А. Кукушкиной; см.: Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. Кн. 1. С. 109).

¹⁶⁵ Книгу на обозначенную тему П. Е. Щеголев не написал.

¹⁶⁶ Начальная строка стихотворения А. Ахматовой (1921) (*Ахматова А.* Anno Domini МСМXXI. Пб.: Петрополис, 1922. С. 14).

¹⁶⁷ Подразумеваются прозаические миниатюры Замятина, составившие сборник «Большим детям сказки» (Берлин; Пб.; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922); из них в 1918 году были впервые опубликованы «Иваны» и «Огненное А». См.: *Замятин Евг.* Собр. соч.: В 5 т. М., 2003. [Т. 2]. Русь. С. 9–10, 33–34.

¹⁶⁸ Композитор Владимир Михайлович Дешевов (1889–1955).

¹⁶⁹ Ю. А. Шапорин.

¹⁷⁰ Возможно, имеется в виду ранее, в 1927 году, возникший замысел, о котором Форш сообщает в воспоминаниях «Из переписки с Горьким»: «Я сделала в Сорренто попытку написать пьесу, в которой кое-что взято из рассказа Лескова „Скоморох Памфалон“. Художник Ракицкий, живший у Горького, стал делать эскизы к воображаемой постановке» (Звезда. 1945. № 2. С. 105). Пьеса планировалась для Театра В. Э. Мейерхольда. Горький относил идею пьесы по мотивам Лескова к «превосходным замыслам» Форш (см. его письмо к И. А. Груздеву от 14 октября 1930 года: *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2018. Т. 20. С. 72), она заверяла его (30 ноября 1930 года): «...в наказание вам, что неосновательно попрекаете „Памфалоном“,

вручу-ка я вам весной рукопись в 10 картинах с балетными и цирковыми номерами <...>» (Лит. наследство. Т. 70. С. 609. В публикации упомянутое в цитате заглавие прочитано неверно: «Памфлетом»). Однако пьеса тогда осталась незавершенной, Форш закончила работу над ней и дала ей заглавие «Живая вода» лишь в 1960 году. См.: *Тамарченко А.* Ольга Форш: Жизнь, личность, творчество. С. 366, 369–373.

¹⁷¹ Мать писателя, прозаик, очеркист, драматург Александра Леонтьевна Бостром (урожд. Тургенева, по первому мужу графиня Толстая; 1854–1906), ушла от мужа, предводителя уездного дворянства Самарской губернии графа Николая Александровича Толстого (1849–1900), покинув троих малолетних детей и будучи беременной А. Н. Толстым, к своему любовнику Алексею Аполлоновичу Бострому (1852–1921), члену уездной земской управы в городе Николаевске Самарской губернии, и стала его гражданской женой. А. Н. Толстой родился в Николаевске 29 декабря 1882 года. Обстоятельства, предшествовавшие его появлению на свет, проясняются из писем А. Л. Толстой к Бострому от 3 апреля 1882 года, где она сообщает о насилии, совершенном над нею ее мужем, и от 20 апреля 1882 года: «...я почти уверена, что беременна от него. <...> Желать так страстно ребенка от тебя и получить ребенка от человека, которого я ненавижу <...>» (цит. по: *Петелин В. В.* Жизнь Алексея Толстого: Красный граф. М., 2002. С. 48).

¹⁷² Старшие братья А. Н. Толстого — Александр Николаевич и Мстислав Николаевич Толстые. Со слов М. Н. Толстой Р. Б. Гуль свидетельствует: «Оба они не считали Алексея — ни графом, ни Толстым» (*Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции: В 3 т. М., 2001. Т. 1. Россия в Германии. С. 299). С. И. Дымшиц-Толстая в своих воспоминаниях отмечает, что Н. А. Толстой старших сыновей «оставил у себя, воспитав их в жестокой вражде к матери и младшему брату» (Воспоминания об А. Н. Толстом: Сб. / Сост. З. А. Никитина, Л. И. Толстая. М., 1973. С. 70–71). А. Н. Толстой получил официальные документы о причислении его к роду Толстых только в 1901 году — после смерти отца.

¹⁷³ Решение самарского епархиального начальства о расторжении брака Н. А. Толстого и А. Л. Толстой было вынесено 19 сентября 1883 года.

¹⁷⁴ Подразумеваются финансовые и делопроизводственные затруднения в кооперативном товариществе «Былое», начавшиеся с 1925 года и приведшие в 1927 году к гибели издательского предприятия. См.: *Лурье Ф. М.* Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. С. 122–125.

¹⁷⁵ Художник книги, график, живописец Вениамин Павлович Белкин (1884–1951) и его жена Вера Александровна Белкина (урожд. Попова; 1891–1960) — пианистка, музыкальный педагог. Белкин был близким другом А. Н. Толстого с конца 1900-х годов; по возвращении из-за границы в Петроград Толстые поселились в том же доме, где проживали Белкины (Ждановская наб., д. 3/1), квартира Толстых находилась над квартирой Белкиных. Подробнее см.: *Молок Ю.* Камея на обложке (К истории одной мистификации) // *Опыты* (Пб.; Париж). 1994. № 1. С. 121–134; Письмо художника В. П. Белкина к Л. В. Шапориной / Публ. А. Г. Носовой // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы*. СПб., 2011. С. 776–789.

¹⁷⁶ Ника — Никита Алексеевич Толстой (1917–1994), сын А. Н. Толстого и Н. В. Крандиевской-Толстой; впоследствии физик, общественный и политический деятель.

¹⁷⁷ Речь идет о статье «„Монах“ — неизданная поэма Пушкина» (Огонек. 1929. № 7 (307). С. <8–10>).

¹⁷⁸ Сергеева Зинаида Александровна (1900–1959) — секретарь П. Е. Щеголева в 1923–1931 годах.

¹⁷⁹ Л. В. Шапорина расписывала модные шелковые ткани (вместе с Н. П. Гойер), в 1929–1932 годах раскрашивала ткани для театральных костюмов (*Сажин В. Н.* Институтка: автопортрет в советском интерьере // Шапорина Л. В. *Дневник*. Т. 1. С. 15).

¹⁸⁰ Организованный Шапориной в 1919 году первый петроградский Театр марионеток функционировал в 1923–1924 годах как часть Театра юных зрителей, руководимого А. А. Брянцевым. В 1930 году Театр марионеток объединился с Театром Петрушки, созданным в 1924 году Е. С. Деммени, и стал называться Ленинградским театром кукол под руководством Е. С. Деммени (*Носова А. Г.* Л. В. Шапорина и ее фонд в Рукописном отделе // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год*. СПб., 2003. С. 108–109).

¹⁸¹ Шапорина перевела на русский язык пьесу итальянского прозаика и драматурга Луиджи Пиранделло (Pirandello; 1867–1936) «Каждый по-своему» («Ciascuno a suo modo», 1924). Перевод был выполнен ею в 1926 году, остался неизданным.

¹⁸² Орловский Александр Осипович (1777–1832) — живописец-баталист и жанрист, литограф собственных работ.

¹⁸³ Отец Шапориной — Василий Васильевич Яковлев (1839–1912), из дворянской семьи, служил по Министерству юстиции, мировой судья; статский советник. Подробнее о нем см.: *Носова А. Г.* Л. В. Шапорина и ее фонд в Рукописном отделе. С. 97–99.

¹⁸⁴ Кругликова Елизавета Сергеевна (1865–1941) — художник-график, мастер офорта, монотипии и силуэта; в 1922–1929 годах — профессор полиграфического факультета ленинград-

ской Академии художеств. В Театре марионеток в 1920 году Кругликова выступала как художник в постановках «Сказки о Емеле-дураке, или По щучьему веленью» Е. Я. Данько и «Вия» по Н. В. Гоголю (см.: Там же. С. 108). В 1906–1908 годах Шапорина занималась офортом в парижской мастерской Кругликовой (см.: *Шапорина Л. В.* В Париже у Кругликовой // *Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество: Сб. / Сост. П. Е. Корнилов. Л., 1969. С. 68–70).*

¹⁸⁵ Шапорин в 1928–1934 годах был заведующим музыкальной частью и дирижером Ленинградского театра драмы (бывшего Александринского).

¹⁸⁶ Возможно, В. А. Белкина.

¹⁸⁷ Богданов-Березовский Валериан Михайлович (1903–1971) — композитор, музыковед, музыкально-общественный деятель, педагог. Среди его работ — книга «Ю. А. Шапорин и его симфония» (Л.; М., 1934).

¹⁸⁸ Трамвайный маршрут.

¹⁸⁹ Н. К. Шведе-Радлова.

¹⁹⁰ Федина Дора Сергеевна (урожд. Александер; 1895–1953) — жена К. А. Фебина с 1922 года, ранее — машинистка в Издательстве З. И. Гржебина.

¹⁹¹ Организационное собрание литературной группы «Серапионовы братья» состоялось не десятью, а восемью годами ранее — 1 февраля 1921 года (см.: *Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. М., 2005. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. / Отв. ред. А. Ю. Галушкин. С. 20–21).* К. А. Фебин описал происходившее в дневнике (3 февраля 1929 года): «Первого — годовщина серапионов. Как ни традиционен этот день, было внезапно весело и молодо. Обычные гости — формалисты и даже Шкловский в числе них — не мешали и, кажется, веселились вместе с нами. Правда, ни слова о серьезных вопросах, ни одного повода к столкновению. <...> Была „стенная газета“, злая и остроумная (Зощенко, Тихонов, Каверин), было „кино“, поставленное Шварцем, с участием многих из серапионов и Форш. Шварц был в ударе, и „кино“ прошло блестяще, как во времена Лунца, в Доме искусств» (*Федин К.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1986. Т. 12. С. 35).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-191-201

© Т. М. Двинытина

«ЧТО ЕСТЬ ПОЭЗИЯ?» ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ «И. А. БУНИН И Е. А. БАРАТЫНСКИЙ»*

Утверждение в произведениях И. А. Бунина неиерархического образа мира, основанного на вибрации и связи всего со всем,¹ делает резонанс структурным принципом его художественной системы: лирическое «я» осознает себя в созвучии с природным космосом и вечностью, несет в себе отпечатки родовой истории и древности, обращено к «общей душе» человечества и наиболее остро и полно ощущает себя в любовной встрече, нерасторжимо сочетающей в себе полноту и счастья, и трагизма бытия. Главным событием в бунинском мире — если говорить о событии, рождающем творчество, — оказывается в любом случае миг отзыва, узнавания, внезапного эха, нахлынувшего воспоминания некогда бывшего и ныне ожившего чувства. Этот миг подобен уколу озарения и не имеет длительности, но остается долгим эхом в сознании автора и в художественной ткани его произведений. Таким образом, созвучие, основной принцип классической поэзии, становится ведущим принципом мира Бунина и определяет его самосознание поэта независимо от того, в стихах или в прозе он себя выражает.²

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01410-П «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»).

¹ См.: *Сливицкая О. В.* «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М., 2004. С. 60–61 и др.

² Многочисленные свидетельства того, что Бунин и в последние десятилетия жизни, уже почти полностью перейдя на прозу, продолжал считать себя именно поэтом, оставили А. В. Бахрах, И. В. Одоевцева, З. А. Шаховская, Т. Д. Муравьева-Логонова, С. Ю. Прегель, Б. Нарциссов и др.

На рубеже 1910–1920-х годов, на переходе к почти исключительно прозаическому творчеству, Бунин размышляет о сути поэзии особенно напряженно. За исключением, может быть, самых первых юношеских мечтаний и двух стихотворений 1915–1916 годов («Что в том, что где-то на далеком...» и «В горах», черновой набросок которого начинался словами «Что есть поэзия?»³) не было в его жизни периода, когда бы он в разговорах⁴ и статьях высказывался об этом так последовательно и определенно. В 1917–1920 годах обреченность, придававшая в его глазах миру повышенную ценность, разразилась утратой, прошлое и настоящее вспыхнули против друг друга, и из возникшей между ними бездны Бунину пришлось создавать свой мир заново. Первое время во Франции он был погружен в актуальные события и если и писал, то прежде всего публицистические статьи. К художественному творчеству Бунин возвращался трудно и постепенно, главный затвор снова, как и в прошлые периоды, открылся стихами. Летом и осенью 1922 года в Амбуазе Бунин пережил последний поэтический взлет. Череду написанных тогда стихотворений (почти 30) возглавил эмблематический текст его позднего творчества «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...», за ним последовали «Морфей», «В полночный час я встану и взгляну...», «Мечты любви моей весенней...» и другие стихи, отмеченные ясной соотносительностью с русской элегией XIX века.⁵ С тех пор ориентация на элегическую традицию начала определять весь строй мира Бунина, и очевиднее всего ей суждено было сказаться в его прозе. Главным предметом описания в ней становится прошлое, главной эмоцией — печаль, главным событием — утраченная любовь, главным действием и нарративным модусом — воспоминание.

В январе 1923 года Бунин пишет лекцию «Граф Алексей Константинович Толстой (Старая и современная поэзия)». 24 января он читает ее в Сорбонне, а 27 января В. Н. Бунина отмечает в дневнике: «Были у Цетлиных. Интересный разговор о поэтах, почему поэт должен быть консервативным, должен быть порождением быта. Ян развивал свою теорию о воспоминаниях, о наследственности, об органичности в поэзии».⁶ В 1925 году лекция была оформлена в статью «Инония и Китеж. К 50-летию со дня смерти гр. А. К. Толстого», в ней Бунин прямо говорит о том, что толчок, рождающий поэтическое движение, есть воспоминание. «А воспоминание, — употребляю это слово, конечно, не в будничном смысле, — живущее в крови, тайно связующее нас с десятками и сотнями поколений наших отцов, живших, а не только существовавших, воспоминание это, религиозно звучащее во всем нашем существе, и есть поэзия, священнейшее наследие наше, и оно-то и делает поэтов, сновидцев, священнослужителей слова, приобщающих нас к великой церкви живших и умерших. Оттого-то так часто и бывают истинные поэты так называемыми „консерваторами“, то есть хранителями, приверженцами прошлого. Оттого-то и рождает их только быт, вино старое. И оттого-то так и священны для них традиции, и оттого-то они и враги насильственных ломок священо растущего древа жизни».⁷

В этом высказывании содержится разгадка не только поэтической философии Бунина, но и его литературной позиции, и восприятия его современниками. Отмеченный

³ Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. Т. М. Двинятиной. СПб., 2014. Т. 2. С. 313 (Новая Библиотека поэта).

⁴ См., например, суждение Бунина об А. М. Дерибасе, записанное В. Н. Буниной 2 января 1920 года: «Ян говорил, что он любит Александра Михайловича за то, что он человек уходящего мира, в котором было так много прекрасного, благородного и настоящего. А грядущий мир ужасен, и никогда не примирится он с ним. И что в настоящую минуту, накануне эмиграции, он чувствует минувшую жизнь так остро, что трудно передать» (Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt a/M., 1977. Т. 1. С. 328).

⁵ Подробнее см.: Двинятина Т. М. Заметки о поэзии Бунина начала 1920-х годов // Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация. Материалы международного семинара. Тарту, 1997. С. 87–98.

⁶ Устами Буниных. Т. 2. С. 107.

⁷ Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; вступ. статья О. Н. Михайлова; комм. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. М., 1998. С. 168–169.

ими бунинский «консерватизм» в выборе поэтических тем и форм вырастает из его личной метафизики, вовсе не ограничиваясь стилистическими приемами, в которых, действительно, больше традиционного, чем новаторского. Но этот же своеобразно воспринятый консерватизм выводит на совершенно новый уровень художественной реальности, хотя и подготовленной в романтической лирике XIX века, но у Бунина приобретающей новый смысл и новое выражение. Верность прошлому означает не принижение настоящего, а углубление его, линейность времени превращается в стереоскопичность, прообраз расширяет образ, и взаимное отражение разновременных чувств и состояний создает картину цельного и вечного мира, пронизанного сетью сквозных мотивов и переключек.

В начале 1920-х годов ключевым предшественником во всей поэтической традиции для Бунина становится Е. А. Баратынский, который уже привлекал его пристальное внимание (см. статью «Е. А. Баратынский. По поводу столетия со дня рождения», 1900) и был заново открыт в первые годы эмиграции. Вскоре после приезда во Францию Бунин начинает готовить издание своих избранных ранних рассказов и стихотворений, в сентябре 1921 года оно выходит в Праге под названием «Начальная любовь». Тем самым первая в изгнании отсылка к Баратынскому оказывается «титულიной»:

Судьбой наложенные цепи
Упали с рук моих и вновь
Я вижу вас, родные степи,
Моя начальная любовь.⁸

При этом эпитафия к книге содержит иной эпитет, в источнике отсутствующий: «Родные степи, моя последняя любовь. *Е. Баратынский*». Ошибка это или умысел, неясно, но в мире Бунина такая замена в любом случае обретает дополнительное значение: начала и концы смыкаются, и взгляд переводится в ту область, где времени нет. Осенью 1923 года круг смерти, перерождения и воскрешения автора и мира завершается для Бунина рассказом «Несрочная весна», название которого заимствовано из стихотворения Баратынского «Я посетил тебя, пленительная сень...», печатавшегося также под заглавием «Запустение. Элегия» (<не позднее 1832–1833>). В финале рассказа Бунин прямо приводит строки Баратынского о «Летийской тени», «Призраке»:

Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую *несрочную весну*,⁹
Где разрушения следов я не примечу,
Где, в сладостной тени невянущих дубов,
У нескудеющих ручьев,
Я тень священную мне встречу...¹⁰

Найдя эту новую для себя интонацию и обретя опору в элегической традиции и поэтической философии памяти, Бунин переходит в иное художественное измерение, в котором бытосное существует наравне с настоящим, событие — наравне с последующим

⁸ *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем / Руководитель проекта А. М. Песков. М., 2002. Т. 2. Ч. 1. С. 182. В цитируемом издании все стихи напечатаны по старой орфографии, из которой мы сохраняем только написание слова «щастье». Отметим, что в некоторых изданиях Баратынского (1869, 1884) это стихотворение (1827) печаталось под заглавием «Родина», а также что присутствие комплекса мотивов, отраженных в нем, было значимо для Бунина и прежде: так, в «Автобиографической заметке» 1915 года, говоря о своих зарубежных странствиях, он вспоминал те же строки Баратынского. См.: *Бунин И. А.* Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М., 1967. Т. 9. С. 263.

⁹ Выделено Буниным. Варианты у Баратынского: «бессмертная весна» и «бессменная весна», см.: *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 301–306.

¹⁰ Цит. по: *Бунин И. А.* Собр. соч. Т. 5. С. 129. Наиболее подробно об элегическом подтексте «Несрочной весны» с привлечением и других параллелей (Державин, Батюшков) см.: *Канинос Е. В.* Поэзия Приморских Альп: Рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. М., 2014. С. 193–222.

его переживанием, прошлое становится не только личным, но и всеобщим, а лирический герой, автор, повествователь, по слову Ахматовой, *помнит все в одно и то же время*.¹¹

Мировоззренческие координаты этого заново осмысляемого мира описаны в рассказе «Цикады» (1925; в посмертных собраниях сочинений известен по позднему варианту названия «Ночь»). В нем задан философский камертон для будущей «Жизни Арсеньева» и сформулированы основы бунинского понимания поэзии. Как всякая философия, личное мировоззрение авторского «я» начинается здесь с определения жизни и смерти. «Мое рождение никак не есть мое начало. Мое начало и в той (совершенно непостижимой для меня) тьме, в которой я был зачат до рождения, и в моем отце, в матери, в дедах, прадедах, ибо ведь они тоже я, только в несколько иной форме, из которой весьма много повторилось во мне почти тождественно. <...> Не понимая, не чувствуя своего рождения, я не понимаю, не чувствую и смерти, о которой я тоже не имел бы даже малейшего представления, знания, а может, и ощущения, родился я и живи на каком-нибудь совершенно необитаемом, без единого живого существа, острове».¹²

Ощущения начала и конца, а вместе с ними ощущения времени и пространства «страшно зыбки».¹³ Эту зыбкость, проницаемость герою, автору дано переживать «особенно», ибо он принадлежит «к некоторому особому разряду людей <...>, которых называют поэтами, художниками». Далее — главное определение того, что составляет отличие этих людей: «Чем они должны обладать? Способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другие, чужие, не только самого себя, но и прочих, — то есть, как принято говорить, способностью перевоплощения и, кроме того, особенно живой и особенно образной (чувственной) Памятью».¹⁴ Здесь важно и тождество образного и чувственного, и Память, которую в наиболее значимых, существенных контекстах Бунин писал с прописной буквы, и, конечно, устремленность в прошлое, отзывающееся в настоящем, — именно на их стыке рождается творчество, синонимом и высшим выражением которого для Бунина была поэзия.

«Путь к бунинской философии лежит через бунинскую филологию — и только через нее», — писал В. Ходасевич по поводу сборника коротких рассказов Бунина «Божье древо».¹⁵ Так и в «Цикадах», «философия» моментально отражается в «филологии»: в следующем абзаце Бунин задает главным «личным» вопросом своего бытия: «Великий мученик или великий счастливец такой человек? И то и другое. Проклятие и счастье такого человека есть особенно сильное Я, жажда вящего утверждения этого Я и вместе с тем вящее <...> чувство тщеты этой жажды, обостренное ощущение Всебытия».¹⁶

Оксюмороны, которыми «прошит» и этот фрагмент, — не просто характерная особенность, а «последовательно выдержанный структурный принцип бунинского художественного мира. <...> Жизнь и смерть. Счастье и страдание. Прошлое и настоящее. Их слиянность и противопоставленность — вот что составляет сущность и микрообразов Бунина, и самого общего впечатления от его творчества».¹⁷ Это контрастное и единовременное ощущение жизни — плоть и дух бунинского мироздания. Но — уровнем ниже — о чем писать, о каких «земных пределах»? Качаясь и раскачиваясь между противоположными полюсами, куда — или точнее, когда — выплескивается эта волна (помимо ночного прибой в «Цикадах» и во множестве других бунинских рассказов,

¹¹ О феноменологической природе позднего творчества Бунина см.: Мальцев Ю. Иван Бунин, 1870–1953. Frankfurt a/M.; М., 1994. С. 302–321 и др.

¹² Бунин И. А. Собр. соч. Т. 5. С. 300–301.

¹³ Там же. С. 301.

¹⁴ Там же. С. 302.

¹⁵ Ходасевич В. [Рец. на: Бунин И. А. Божье древо. Париж, 1931] // Возрождение. 1931. 30 апр. № 2158.

¹⁶ Бунин И. А. Собр. соч. Т. 5. С. 302.

¹⁷ Сливцкая О. В. «Повышенное чувство жизни». С. 7. См. также: Мальцев Ю. В. Иван Бунин, 1870–1953. С. 76–80 и др.

вспомним «волнообразную» строфику стихотворения «Жизнь», 1904), когда безотчетное чувство обретает очертание? Ответ — в том же тексте чуть ниже: «Не раз испытал я нечто чудесное. Не раз случалось: вот я возвратился в те поля, где я был некогда ребенком, юношей, — и вдруг, взглянув кругом, чувствую, что долгих и многих лет, прожитых мной с тех пор, точно не было. Это совсем, совсем не воспоминание: нет, просто я опять прежний, совершенно прежний. <...> В такие минуты не раз думал я: каждый миг того, чем я жил здесь когда-то, оставлял, таинственно отпечатлевал свой след как бы на каких-то несметных, бесконечно-малых, сокровеннейших пластинках моего Я — и вот некоторые из них вдруг ожили, проявились. Секунда — и они опять меркнут во тьме моего существа».¹⁸ Эта секунда, даже не ее словесное выражение, а ровно эта секунда и есть, по Бунину, поэзия, ее суть и смысл.¹⁹

«Не раз случалось: вот я возвратился в те поля...» — помимо собственного, может быть, главного бунинского переживания и упования, это еще одна отсылка к Баратынскому, к его стихотворению «Родина» (1820–1821), начинающемуся словами «Я возвращусь к вам, поля моих отцов...».

Имя Баратынского не только очевидно определяет художественный строй бунинского творчества первой половины 1920-х годов, но и оказывается одним из главных в художественном пантеоне Бунина в целом. Как поэтическая ясность Пушкина, как космическое мироощущение Тютчева, как детализация пейзажа Фета, как лирическая новеллистика Полонского, так и художественная философия Баратынского стояла у основания поэтического мира Бунина.

Сходство проступает уже на самом общем и высоком уровне — осознания своей поэтической судьбы и хронотопа, в котором она разворачивается. Признание Баратынского «Мой дар убог и голос мой не громок...» не только проецируется на представление Бунина о своем творчестве, но и прямо отзывается в одном из его стихотворений («Портрет», 1917, 1924), как будто написанное от лица того самого «далекого потомка», о котором мечтал Баратынский. Сопоставим текст Баратынского с текстом Бунина:

ПОРТРЕТ

Мой дар убог и голос мой не громок,
Но я живу, и на земле мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах: как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношенье,
И как нашел я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я.

До начала октября 1828 года²⁰

Бродя по залам, чистым и пустым,
Спокойно озаренным бледным светом,
Кто пред твоим блистающим портретом
Замедлит шаг? Кто будет золотым
Восхищен сном, ниспосланным судьбою,
В жизнь давнюю, прожитую тобою?
— Кто б ни был он, познаешь ты, поэт,
С грядущим другом радость единенья
В стране, где нет ни горечи, ни тленья,
А лишь нерукотворный твой Портрет!

<9 сентября 1917; 1924>²¹

Баратынский обращен в будущее, Бунин — в прошлое, Баратынский спрашивает — Бунин отзывается, и его ответ перефразирует вопрос, переводя предположение «как знать?» в утверждение. И для того, и для другого эта взаимная обращенность дает смысл

¹⁸ Бунин И. А. Собр. соч. Т. 5. С. 303–304.

¹⁹ О том же — в стихотворении «В горах» (1916): поэзия — не выражение в словах чего-либо, а то, что подлежало бы выражению в словах, если бы оно было возможно, и принадлежит не эстетике, а онтологии. Подробнее см.: Двинятина Т. М. Специфика прозаического в поэзии И. А. Бунина // Русская литература. 1996. № 3. С. 197–205.

²⁰ Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 198. Этим стихотворением заканчивается упомянутая выше статья Бунина «Е. А. Баратынский. По поводу столетия со дня рождения» (Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 507–524).

²¹ Бунин И. А. Стихотворения. Т. 2. С. 258. Через эпитет «нерукотворный» стихотворение связывается с Пушкиным («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», 1836) и другими предложениями оды Горация «Ejegi monumentum».

существованию и прошлого, и будущего, и поэта-предка, и поэта/читателя — потомка. Да и стилистически: Баратынский нарочито прост, почти прозаичен, разговорная интонация его стихотворения связывает предложения внутреннего монолога, — Бунин, напротив, обращается к собеседнику и ориентируется на традицию элегии. Это проявляется и в выборе образов («блистающий портрет»), и в лексических формулах («восхищен сном, ниспосланным судьбою»), и в синтаксических инверсиях («по залам, чистым и пустым»; «в жизнь давнюю, прожитую тобою»), и в стиховой форме (5-стопный ямб, охватная рифмовка рамочных четверостиший аВВа и те же окончания в рифмах: «в сношенья / в поколенья» у Баратынского, «единенья / тленья» у Бунина).

Единение предка и потомка возможно в том мире, где «нет ни горечи, ни тленья», а главное — в пространстве, одинаково родном для каждого из них. Этот мир подробно обрисован Баратынским в элегии «Я посетил тебя, пленительная сень...» («Запустение»). То же название носит стихотворение Бунина, созданное в 1903 году и занимающее особое место в эволюции его художественной системы; в нем сделан самый большой шаг от чисто пейзажной лирики к зрелому воплощению родового мира, преобразованного временем и памятью:

Домой я шел по скату вдоль Оки <...>
 Но вот на перевале, за ложиной,
 Фруктовый сад листвою покраснел,
 И глянул флигель серою руиной. <...>
 Томит меня немая тишина.
 Томит гнезда родного запустенье.
 Я вырос здесь. Но смотрит из окна
 Заглохший сад. <...>²²

Здесь еще нет и не может быть той безысходности и последнего упования, которые озарят бунинское творчество после 1917 года. Ситуация одинокого осеннего возвращения в покинутую усадьбу в поисках «одного воспоминанья», явственный «отпечаток / Живой, возвышенной мечты», невозможность найти точный образ ушедшего, но ясное ощущение, что «здесь еще живет его доступный дух»,²³ который и «пророчит» будущую встречу, — весь этот комплекс мотивов Баратынского,²⁴ начатый Буниным в его «Запустении», доводится в рассказе «Несрочная весна», заглавный образ которого пришел к нему из той же элегии старшего поэта. Помимо «Запустения», ближайшими параллелями сюжету возвращения под *хранительный кров* служат уже упомянутые стихотворения: «Судьбой наложенные цепи...», откуда Бунин берет название своей книги «Начальная любовь», и «Родина» («Я возвращуся к вам, поля моих отцов...»), на которую он отзывается в рассказе «Цикады», а также одно из самых известных произведений Баратынского — «Отрывки из Поэмы: Воспоминания» (1819). В основе всех этих текстов, образующих важнейшее семантическое «гнездо» в поэзии Баратынского, лежит представление о родовой памяти как источнике личного бессмертия.

«Отрывки из Поэмы...» прочерчивают, кроме того, путь личной и художественной метафизики Бунина. Если мы рассмотрим этот текст Баратынского последовательно, по течению сменяющихся в нем тем, то их череда опишет, в конце концов, и бунинский мир, и текст Баратынского окажется своего рода метаописанием ключевых идей Бунина.

Баратынский начинает с обращения к памяти, которая одна может возратить «отъятое судьбой», т. е. «мгновенья легкокрылы» в их первозданной целостности, —

²² Там же. Т. 1. С. 262, 264.

²³ Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 301–306.

²⁴ Об укорененности образов Баратынского в римской элегической традиции (в частности, у Тибулла) и параллелях в стихах его современников (к примеру, у Батюшкова) см. в примечаниях И. А. Пильщикова: Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 324–341 («Отрывки из Поэмы: Воспоминания»), 394–402 («Я возвращуся к вам, поля моих отцов...»).

тем самым она примиряет и с жизнью, и со временем. Герой вспоминает и «были прежних лет, / И море бурное, и столь же бурный свет, / Мечтанья юности, восторги сладострастья, / Обманы радости и ветреного счастья»,²⁵ — и тогда его ближний мир кажется ему милее и приветнее. «Тебя я петь хочу», — говорит он памяти и, оглядываясь окрест себя, «тихо шепчет он: — „всего милей свобода!“». Такому же движению памяти, сначала мгновенному, от настоящего к истоку, затем медленному, от истока к настоящему, и наконец возвышающемуся — от настоящего вширь и ввысь, к вечному следует и лирический герой «вымышленной автобиографии»²⁶ Бунина, написанием которой будет увенчан самый «баратынский» период его жизни. В феврале 1929 года Бунин попросили рассказать, каким ему видится продолжение «Жизни Арсеньева» (к тому времени еще не была закончена и четвертая книга), и он ответил: «Вот молодой человек ездит, все видит, переживает войну, революцию, а затем и большевизм, и приходит к тому, что жизнь выше всего, и тянется к небу».²⁷ Таким образом, память, которая охватывает всю жизнь и устремляет человека к небу, — первая тема «Отрывков из Поэмы...», она же определяет и художественное течение «Жизни Арсеньева».

Но на пути «к небу» будут «мечты, надежды, наслажденья» (Баратынский): «...акцент стоит не только на феномене памяти, но и на самом прошлом, силую памяти воскрешенном и ставшем достоянием вечности».²⁸ Эта прелестная, узорчатая, переплетенная из великого множества отдельных впечатлений канва жизни просится в повторение — т. е. в творчество, которое можно считать второй темой «Отрывков из Поэмы...». Главное свойство творческого акта — передача ощущений, ибо «чувство выражать одно лишь может чувство» (Баратынский). Иначе говоря, вдохновение возникает из «отзыва прежних чувств», и повторение их в памяти — есть действие, предшествующее творческому запечатлению, первая его ступень, за которой следует собственно словесное *воплощение*. А далее, как писал Ю. В. Мальцев, «освобожденная от времени чувственность становится в памяти мостом между сегодня и всегда, атрибутом непреходящего <...>».²⁹ Вызвать давнее чувство в себе — и есть подспудная задача творчества. Свое собственное это чувство или нет — не столь важно, ибо оно черпается из общего резервуара и в него же возвращается, названным и прожитым заново.

И в стихах («У гробницы Вергилия», «В горах», оба 1916, и др.), и в прозе Бунин утверждает: «Поистине только одна, единая душа есть в мире».³⁰ Творчество сопровождается обращением к этой единой душе: то движение, которое совершится в ней творческим усилием одного, отзовется в душе каждого живущего (прочитавшего), потому что каждый живущий принадлежит ей.³¹ Отсюда и рассуждение о «несметных» и «сокровеннейших пластинках моего Я», разлитых в самом воздухе обжитого мира, в рассказе «Цикады» (на уровне личной философии), и настойчивый интерес к руинам, развалинам, всему, что несет на себе отпечаток давней жизни и последующего разрушения (в плане реального исторического времени), и регулярность употребления отдельных значимых образов (в структуре текстов).

«Дела великие», «века и поколенья» — третья тема «Отрывков из Поэмы...».

Рассказы дивные! волшебные картины!
Свободный, гордый Рим! блестящие Афины!³² —

и подобных воспоминаний различных моментов древней истории в тексте Баратынского множество. Попытки найти в современности следы былой славы, богатства,

²⁵ *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 99.

²⁶ Так В. Ф. Ходасевич назвал «Жизнь Арсеньева» (Возрождение. 1933. 22 июня. № 2942).

²⁷ Устами Буниных. Т. 2. С. 198; запись В. Н. Буниной от 13 февраля 1929 года.

²⁸ *Сливицкая О. В.* «Повышенное чувство жизни». С. 42.

²⁹ *Мальцев Ю. В.* Иван Бунин, 1870–1953. С. 86.

³⁰ *Бунин И. А.* Собр. соч. Т. 5. С. 91.

³¹ Подробнее об этом см.: *Сливицкая О. В.* «Повышенное чувство жизни». С. 18–32.

³² *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 100.

разнообразия, глубины, исторического величия и многоцветия поначалу способны вызвать лишь горестные восклицания:

Внимайте времени немому поученью!
 Познайте тления незыблемый закон!
 Из-под развалин сих вещает глухо он:
 «Все гибнет, все падет, — и грады, и державы»...³³

А далее следует важнейший переход:

Все губит, все мертвит невежества ярем.
 Но неужель для нас язык развалин нем?
 Нет, нет, лишь понимать умеете их молчанье, —
 И новый мир для вас создаст воспоминанье.³⁴

Бунин начинает там, где заканчивает Баратынский, и для него «язык развалин» вовсе не нем. Бунин в деталях провидит и «проживает» и стоянку древних кочевников у Храма Солнца в Баальбеке («Храм Солнца», 1907), и поход Александра Македонского по египетской пустыне к храму бога Амона («Александр в Египте», 1907), и движение звезды, приведшей волхвов к Младенцу Христу («Источник звезды. *Сирийский апокриф*», <1908>), и многое другое. Квинтэссенция его отношения заключена в стихотворении, написанном в 1909 году в потоке многих других «экзотических» стихов:

МОГИЛА В СКАЛЕ

То было в полдень, в Нубии, на Ниле.
 Пробили вход, затеплили огни —
 И на полу преддверия, в тени,
 На голубом и тонком слое пыли,
 Нашли живой и четкий след ступни.

Я, путник, видел это. Я в могиле
 Дышал теплом сухих камней. Они
 Сокрытое пять тысяч лет хранили.

Был некий день, был некий краткий час,
 Прощальный миг, когда в последний раз
 Вдохнул здесь тот, кто узкою стопою
 В атласный прах вдавил свой узкий след.

Тот миг воскрес. И на пять тысяч лет
 Умножил жизнь, мне данную судьбою.³⁵

«Умножение жизни» — вот то, к чему стремится Бунин, и след, оставленный далеким предком, — «эхо» давней жизни, «нырок» в нее — то, что и составляет момент, смысл и содержание поэтического переживания. У Баратынского молчание камней оборачивается «речью» камней, если есть волшебный ключ — воспоминание, т. е., в этом случае, поэтическое прозрение в глубину времени. У Бунина это *впечатление* конкретизируется, материализуется, спрямляется и оттого обретает, может быть, большую метафизическую силу. *Впечатление* напрямую связано с *впечатанным*, оставленным *следом*. Само слово *след* — одно из самых употребительных у Бунина

³³ Там же. С. 101.

³⁴ Там же. С. 102.

³⁵ Бунин И. А. Стихотворения. Т. 2. С. 71–72.

(см. хотя бы в стихотворениях «В Альпах», «Ночь», «В Колизее. Монолог Манфреда. Из Байрона», «За измену», «Огни небес», «У берегов Малой Азии», «Иерусалим», «Каин», «Источник звезды. Сирийский апокриф» и многих других). И как характерно для Бунина, что в приведенном стихотворении («Могила в скале») «живой и четкий след ступни» давно жившего и давно умершего человека виден именно на грани жизни и смерти!

Следующая, четвертая тема «Отрывков из Поэмы...» Баратынского — возвращение в ту «милую, священную страну, / Где жизни он провел прекрасную весну», т. е. ровно то, к чему так страстно и безысходно стремился Бунин всю свою жизнь — и в изгнании это чувство обрело еще больший трагический размах и силу:

О край моих отцов! о мирное наследство! <...>
 Не нужны почести, не нужно злато мне; —
 Отдайте прадедов мне скромную обитель. <...>
 Так перешедши жизнь незнаемой тропою,
 Свой подвиг совершив, усталую главою
 Склонюсь я наконец ко смертному одру;
 Для дружбы, для любви, для памяти умру;
 И все умрет со мной! —

Но поэзия всегда говорит и о бессмертии. Поэтому заключительная (условно говоря, пятая) тема «Воспоминаний» — воспоминания и есть, они залог продления жизни и в стихах, и в веках. Строка продолжается:

<...> Но вы, любимцы Феба,
 Вы, вместе с жизнью принявшие от Неба
 И дум возвышенных и сладких песней дар!
 Враждующей судьбы не страшен вам удар:
 Свой век опередив, заране слышит Гений
 Рукоплескания грядущих поколений.

³⁶

Здесь соединяются две идеи: жизнь не кончается смертью, и воспоминания (облеченные Гением в искусство? сами по себе?) сулят бессмертие (и таким образом мысль закольцовывается, см. обращение к памяти в первой строке: «Посланница небес, бессмертных дар счастливый...»). Воспоминания, «любимцы Феба» — залог связи человека и с родом, и с миром, и одно от другого не отделимо, и то и другое продолжается и по ту, и по другую сторону жизни.

Существенных различий, пожалуй, два. Первое состоит в том, что у Баратынского нет деления на воспоминания и память, которое окажется важным для Бунина: воспоминания — единичны и пронзительны, память — всеохватна, она — «вечное настоящее»,³⁷ равна душе и бессмертна — если бессмертна душа. Кроме того, память — мерило тех дел и чувств, которым подобает быть оставленным в слове, ибо «недавнее еще недостойно памяти» и, значит, недостойно стать произведением: только «отжившее, прошлое», и то «далеко не все: далеко не все: лишь достойное того», облачается «в некую легендарную поэзию», преобразуется и становится искусством.³⁸ Второе связано с тем, что Баратынский останавливается на личной и родовой памяти, — обе они принадлежат психологии, культуре, быту и истории. У Бунина не менее важна *прапамять*, т. е. властвующая над человеком сумма несметных жизненных впечатлений его прямых или далеких предков и имеющая, кроме уже названных, и онтологическое,

³⁶ Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 102–103.

³⁷ Мальцев Ю. В. Иван Бунин, 1870–1953. С. 12.

³⁸ См.: Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 366.

и во многом фатальное значение. Эти «приращения» в равной степени можно отнести и на счет собственной, личной и художественной природы Бунина, и на счет исторического движения, обострения в XX веке того чувства, прояснения того провидения, которые проступали уже в поэзии Баратынского.

Двадцатому веку принадлежит и главное бунинское чувство — «взаимное эхо» красоты и страдания, прелести и отчаяния, горечи и сладости мира, предельная сжатость и нерасторжимость контрастных состояний души. Но прообраз этой оксюморонности дан уже в стихах Баратынского («Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...», до мая 1820 года):

Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам,
 Не испытав его, нельзя понять и счастья:
 Живой источник сладострастья
 Дарован в нем его сынам.
 Одни ли радости отрадны и прелестны?
 Одно ль веселье веселит?
 Бездейственность души счастливых тяготит;
 Им силы жизни неизвестны.³⁹

Помимо тезиса «страдание — условие познания счастья», от которого один шаг до бунинского наложения «счастье — страдание», тут выражена и идея о том, что счастье без страдания — бездейственность души, мнимое счастье. Труд души — переживание страдания, его осознание и преобразование, без которых — все *мнимо*. И этот круг мысли вновь приводит к утверждению *чувства*:

Хвала всевидящим богам!
 Пусть мнимым счастьем для света мы убоги,
 Счастливы нас бедней, и праведные боги
 Им дали чувственность, а чувство дали нам.⁴⁰

При этом отдельного внимания достойно то, что, противопоставленное (неоформленной, спонтанной и преходящей) чувственности, чувство здесь — это чувство мысли, чувство поэтическое. Бунин же будет стремиться сочетать то и другое и в чувстве поэтическом повторять, воскрешать, умножать мимолетное.

Не только для Бунина, но и для поэтов следующего поколения Баратынский был едва ли не главным поэтическим «другом из прошлого». В статье «О собеседнике» (1913) О. Мандельштам полностью привел его «Мой дар убог и голос мой не громок...» и сравнил себя с путешественником, нашедшим давным-давно выброшенную мореплавателем «запечатанную бутылку с именем своим и описанием своей судьбы». «Читая стихотворение Баратынского, я испытываю то же самое чувство, как если бы в мои руки попала такая бутылка. Океан всей своей огромной стихией пришел ей на помощь — помог исполнить ее предназначение, и чувство провиденциального охватывает нашедшего. В бросании мореходом бутылки в волны и в посылке стихотворения Баратынским есть два одинаковых отчетливо выраженных момента. Письмо, равно и стихотворение, ни к кому в частности определенно не адресованы. Тем не менее оба имеют адресата: письмо — того, кто случайно заметит бутылку в песке, стихотворение — „читателя в потомстве“. Хотел бы я знать, кто из тех, кому попадутся на глаза названные строки Баратынского, не вздрогнет радостной и жуткой дрожью, какая бывает, когда неожиданно окликнут по имени».⁴¹

³⁹ Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 151.

⁴⁰ Там же. С. 152.

⁴¹ Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. / Сост. А. Г. Мец. М., 2010. Т. 2. Проза. С. 7. См. также в более поздней статье Мандельштама «Буря и натиск» (1923) о том, что «Ходасевич культивировал тему Баратынского: „Мой дар убог и голос мой негромок“» (Там же. С. 134).

Бунина Баратынский окликнул, и Бунин этот зов расслышал. Поэзия была для него тем миготом узнавания в себе опыта прошлой жизни, через который ему открывался путь в вечность.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-201-208

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА С. М. СОЛОВЬЕВА О ПОЭЗИИ Е. А. БАРАТЫНСКОГО*

(ПОДГОТОВКА ТЕКСТА © В. П. ТРОИЦКОГО, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И КОММЕНТАРИИ © Ю. Ю. АНОХИНОЙ)

В 1925 году три заседания Литературной секции ГАХН были посвящены поэзии Е. А. Баратынского. На семинаре подсекции русской литературы прозвучали доклады Ю. Н. Верховского, С. М. Соловьева и Г. О. Винокура.¹ На фоне первого послереволюционного десятилетия всплеск интереса к творчеству Баратынского хоть и кажется удивительным, но имеет объяснение: празднование 125-летия со дня рождения поэта. Кроме того, в 1925 году, как показывает Н. А. Богомолов, члены Литературной секции ГАХН поставили своей задачей изучать историю символизма.² В таком контексте обращение к Баратынскому как одному из тех, кого поэты-символисты считали своими предшественниками, вполне логично: оно предстает предварительным этапом на пути решения основной задачи. Действительно, мироощущение, выразившееся в лирике Баратынского, оказалось во многом близким большинству символистов, например Вяч. Иванову, В. Я. Брюсову, К. Д. Бальмонту,³ а также тем поэтам, которые выступали с научными докладами в ГАХН — Ю. Н. Верховскому и С. М. Соловьеву.

Верховский, как известно, обращался к творчеству Баратынского и как поэт, и как филолог.⁴ Он не только пытался обосновать представление о поэтике Баратынского как о символистской,⁵ но и изучал архивные материалы,⁶ разыскивал неопубликованные произведения и письма поэта, осуществлял научную подготовку Собрания

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01432), Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

¹ 10 апреля Верховский прочел два доклада: «Неизданное стихотворение Баратынского и несколько наблюдений над мотивами его поэзии» и «Из неизданных писем Е. А. Баратынского», в тот же день прозвучала первая часть доклада Соловьева, вторая часть — 29 мая. 5 июня с докладом «Баратынский и символизм» выступал Винокур (Государственная академия художественных наук: Отчет 1921–1925. М., 1926. С. 150, 155, 156; протоколы заседаний см.: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. № 23; тезисы докладов см.: Там же. Оп. 2. № 2).

² *Богомолов Н. А.* Другое литературоведение: Занятия Подсекции истории русской литературы ГАХН 1925–1929 // *Русская литература и философия: пути взаимодействия* / Отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2018. С. 461–476.

³ О традиции Баратынского в XX веке см.: *Гельфонд М. М.* «Читателя найду в потомстве я...»: Баратынский и поэты XX века. М., 2012; *Лекманов О.* Баратынский и старшие модернисты: попытка обобщения // *Параболы: Studies in Russian Modernist Literature and Culture: In Honor of John E. Malmstad* / Ed. by N. Bogomolov. Frankfurt a/M., 2011. С. 29–43 (при участии М. М. Гельфонд).

⁴ О посвященных поэзии Баратынского разысканиях Верховского не только свидетельствуют сохранившиеся материалы, но и рассказывает сам ученый в «Автобиографии»: *Верховский Ю. Н.* Автобиография // *Верховский Ю. Н.* Струны: Собр. соч. / Сост., подг. текста, статья и комм. В. Калмыковой. М., 2008. С. 732.

⁵ *Верховский Ю.* О символизме Баратынского // *Труды и дни. 1912.* № 3. С. 1–9.

⁶ Е. А. Баратынский: Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских / С введением и прим. Ю. Верховского. Пг., 1916.

сочинений Баратынского — правда, так и не вышедшего.⁷ В 1925 году в ГАХН Верховский рассказал об обнаруженных им стихотворении «Вот верный список впечатлений...» и письмах поэта Н. В. Путьате. Так, в центре внимания Верховского были, прежде всего, источниковедческие проблемы изучения творчества Баратынского. Винокура, выступившего с докладом «Баратынский и символизм», интересовало, как произведения поэта были восприняты в литературном процессе начала XX века. Докладчик полемизировал с символистским прочтением лирики Баратынского, т. е., в сущности, выступал против интерпретации, предложенной в дореволюционной статье Верховского «О символизме Баратынского» (1912).⁸ Доклад Соловьева, сконцентрировавшегося на художественной философии и проблемах поэтики Баратынского, предстает своего рода «связующим звеном» — между источниковедением и рецензией. Сами формулировки тем докладов показывают, что подход «гахновцев» к творчеству поэта был системным и продуманным.

Часть материалов, связанных с докладами о Баратынском в ГАХН, введена в научный оборот. В России текст доклада Винокура опубликован С. Г. Бочаровым в 2002 году.⁹ Содержание доклада Верховского раскрыто в диссертации С. А. Звоновой.¹⁰ При этом тезисы Соловьева, оставаясь неопубликованными, почти не привлекали внимание исследователей, хотя некоторые ученые указывают на этот материал.¹¹ Между тем знакомство с тезисами позволяет уточнить сложившееся представление об изучении творчества Баратынского в ГАХН. Кроме того, публикуемый материал отражает ход мысли Соловьева не как критика, реагировавшего на литературные новинки, не как переводчика великих писателей-мыслителей И. В. Гете, Сенеки, У. Шекспира, не как филолога-классика, а как литературоведа, в центре внимания которого оказалось творчество одного из самых ярких русских поэтов. Поэтому публикация дает возможность обратиться к лирике Баратынского с нового ракурса — сквозь призму восприятия «последнего Соловьева».

Неясно, была ли поэзия Баратынского предметом исследовательских штудий Соловьева вне заседаний в ГАХН,¹² в отличие от Верховского и Винокура.¹³ Можно предположить, что интерес к творчеству этого поэта у Соловьева возник еще в юности, благодаря И. Л. Поливанову, заменившему на посту директора знаменитой гимназии своего отца. В 1903 году Соловьев был вхож в его дом. В «Воспоминаниях» Соловьев писал: «Иван Львович доставал том Боратынского и анализировал наиболее трудные

⁷ Издательство «Academia» к XVII съезду ВКП(б): Задачи, перечень изданий, план. М.; Л., 1934. С. 78.

⁸ Сущность полемики определил С. Г. Бочаров в предисловии к подготовленной им публикации: *Винокур Г. О. Баратынский и символисты: [републикация] / Подг. текста и прим. С. Г. Бочарова // К 200-летию Боратынского: Сборник материалов международной научной конференции, состоявшейся 21–23 февраля 2000 г. (Москва–Мураново). М., 2002. С. 30.*

⁹ Там же. С. 28–50.

¹⁰ *Звонова С. А. Творчество Ю. Н. Верховского в историко-культурном контексте первой трети XX века. Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. С. 30–31.*

¹¹ О существовании тезисов пишет С. Г. Бочаров во вступительной статье к публикации доклада Винокура: *Винокур Г. О. Баратынский и символисты: [републикация]. С. 31.* Сведения о тезисах дает и Т. Ф. Нешумова в комментарии к письму Д. С. Усова, сообщавшего Е. Я. Архипову о грядущем выступлении Соловьева в ГАХН (*Усов Д. С. «Мы сведены почти на нет...»: В 2 т. М., 2011. Т. 2. Письма / Сост., вступ. статья, подг. текста, комм. Т. Ф. Нешумовой. С. 318; письмо от 25 мая 1925 года.*)

¹² Автор монографии о Соловьеве М. Смирнов замечает, что в 1920-е годы Соловьев «писал литературоведческие работы, оставшиеся неопубликованными: о творчестве Боратынского и о „Гизсте“ Сенеки» (*Смирнов М. Последний Соловьев. М., 2014. С. 103*). Остается открытым вопрос, идет ли здесь речь о подготовке доклада для ГАХН или о какой-то другой работе.

¹³ Винокур неоднократно обращался к анализу лирики Баратынского, правда, как показал М. И. Шапир, далеко не все замыслы ученый успел довести до конца. Например, незавершенной является статья, опубликованная спустя почти полвека после смерти ученого: *Винокур Г. О. Я и ты в лирике Баратынского (Из этюдов о русском поэтическом языке) // Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика / Сост. Т. Г. Винокур, М. И. Шапир. М., 1990. С. 241–250.*

запутанные философски и синтаксически стихи. Это он делал мастерски. Но мы уже начинали ожесточенно спорить».¹⁴ Поливанов присутствовал на докладе в ГАХН.¹⁵

В свою очередь, сам Соловьев способствовал пробуждению интереса к Баратынскому у Андрея Белого, который вспоминал о том, как вдохновенно его друг декламировал стихи из «Пироскафа».¹⁶

Отсылки к Баратынскому возникают в диалоге Соловьева с другим поэтом-символистом — А. А. Блоком. Например, в письме от 9 июля 1905 года финальная строка из стихотворения «На что вы дни? Юдольный мир явленья...» вплетена в повествование о жизни Соловьева в деревне: «Ловлю рыбу каждый вечер, но не вылавливаю более пяти. Все-таки — это самое теперь прекрасное и „венец пустого дня“».¹⁷ Спустя почти месяц — новое напоминание о Баратынском в письме Блоку от 3 августа: «Особенно не пугайся моей угрюмости, я ищу ее, временно она необходима. Надо увиться как саваном этой угрюмостью, чтобы защищать свою сущность от „дыханья посторонней суеты“».¹⁸ Глубже раскрыть перед адресатом суть своего внутреннего состояния Соловьеву позволяет строчка из стихотворения Баратынского «Чудный град порой сольется...», на что справедливо указывают публикаторы переписки, Н. В. Котрелев и А. В. Лавров.¹⁹

Спустя почти десять лет ироничные стихи из эпиграммы «Люблю деревню я и лето...» выразили отношение Соловьева, находившегося в Дедове, к гостям, на скучную беседу с которыми он сетовал в письме Н. А. Врангель-Левицкой от 30 мая 1916 года.²⁰ Такая «вплетенность» поэзии Баратынского в ткань реальной жизни показывает, что обращение Соловьева к Баратынскому в 1925 году не было случайностью: видимо, оно было подготовлено давним личным интересом к поэту.

И хотя полностью реконструировать доклад, прозвучавший в ГАХН, к сожалению, нельзя, все же интересно проанализировать выдвинутые Соловьевым положения и попытаться восстановить ход его рассуждений.

Первая часть доклада была посвящена лирическому наследию Баратынского, а вторая, главным образом, — поэмам. В центре внимания Соловьева были такие стихотворения, как «Истина» (1823), «Мы пьем в любви отраву сладкую...» (1824), «Наяда» (1826), «Череп» (1824–1826), «Буря» (1826), «Последняя смерть» (1827), «Бывало, отрок звонким кликом...» (1831), «Смерть» (1828–1834), «Не ослеплен я музую моей...» (1832–1833), «Осень» (1837), «Благословен святое возвестивший!..» (1839), «На что вы дни! Юдольный мир явленья...» (1840), «Ахилл» (1841), «Скульптор» (1841–1842), «Люблю я вас, богини пеня...» (1842–1843), «Пироскаф» (1844) и «Дядьке-итальянцу» (1844). Исходя из этого, можно предположить, что стихотворения, созданные Баратынским в зрелые годы, представлялись Соловьеву более интересными, чем ранняя лирика. Во второй части доклада рассматривались поэмы «Эда» (1826), «Бал» (1828), «Наложница» (1831), а также сделанный Баратынским критический разбор «Тавриды» А. Муравьева и письма поэта: к матери — А. Ф. Баратынской, к друзьям И. В. Киреевскому и Н. В. Путяте. Характерно, что внимание докладчика было сосредоточено именно на творчестве поэта, а не на его биографии. Биографические сведения упоминаются только для объяснения мировоззренческих изменений, отразившихся в поэзии. Например, о любви поэта к жене упоминается в связи с тем, что, как полагает

¹⁴ Соловьев С. М. Воспоминания. М., 2003. С. 370.

¹⁵ См.: Усов Д. С. «Мы сведены почти на нет...». Т. 1. Стихи. Переводы. Статьи. С. 477.

¹⁶ Белый А. Начало века: Берлинская редакция (1923) / Изд. подг. А. В. Лавров. СПб., 2014. С. 554.

¹⁷ Переписка А. А. Блока с С. М. Соловьевым (1896–1915) / Вступ. статья, публ. и комм. Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // Лит. наследство. 1980. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 1. С. 398.

¹⁸ Там же. С. 400.

¹⁹ Там же.

²⁰ Письма Сергея Михайловича Соловьева к Наталии Александровне Врангель-Левицкой и ее воспоминания / Публ. и подг. текста Н. Г. Прозоровой и Н. В. Левицкой // Toronto Slavic Quarterly. 2008. № 26 (<http://sites.utoronto.ca/tsq/26/index26.shtml>; дата обращения: 31.07.2021).

Соловьев, именно под ее влиянием представление о бессмысленности жизни перестало быть доминантой миропонимания поэта.

Тезисы отразили взгляд Соловьева на идейное содержание поэзии Баратынского, правда, соловьевское определение ее сущности, на первый взгляд, содержит противоречие. Творчество Баратынского названо «поэзией страсти и мысли». Однако такое определение объединяет два в равной степени значимых для художественного мира поэта начала: иррациональное и аналитическое, в то же время оно подчеркивает психологическую тонкость и философскую глубину творчества Баратынского.

В понимании Соловьева оба существенных для Баратынского понятия — страсть и мысль — многогранны. По мысли Соловьева, представление о страсти в поэзии Баратынского амбивалентно. Любовная страсть имеет деструктивную природу, она разрушает и опустошает душу, на это Соловьеву позволила указать неточная цитата из стихотворения «Мы пьем в любви отраву сладкую...». Вместе с тем сущность страсти онтологически значима, поскольку, по Баратынскому, полнота бытия недостижима без страстей и сомнений — к такому выводу привел докладчика анализ стихотворения «Череп».

Неоднозначность выразившегося в тезисах представления о сущности мысли поэта состоит в том, что эта мысль оказывается наследницей сразу нескольких мало совместимых друг с другом традиций. Докладчик обнаружил в произведениях Баратынского и философию чувственных наслаждений в духе последователей Эпикура (видимо, речь шла о ранних посланиях друзьям-стихотворцам, А. А. Дельвигу, Н. М. Коншину и др.). Соловьев отметил также близкое стоикам представление Баратынского о смерти, представляющей в стихотворении «Смерть» «охранительницей мирового порядка», началом, избавляющим от страданий. И наконец, не остались незамеченными эсхатологические интуиции, выразившиеся в поэтической антиутопии «Последняя смерть». Преодолеть противоречия и внутренний разлад, по Соловьеву, Баратынскому помогли жизненные метаморфозы, а именно — его счастливая женитьба на Н. Л. Энгельгардт. Возможно, что любовь, согласно логике тезисов, привела поэта и к своего рода «высшему синтезу» — преодолению пессимизма, противоречий между мыслью и страстью, в идею «живой веры». В первой части тезисов отмечено, что такого рода «синтез» выразился в стихотворениях «Ахилл» и «Осень». Интересно, что во второй части Соловьев интерпретирует стихотворение «Осень» иначе — как произведение, в котором свойственный Баратынскому пессимизм достиг абсолюта. Представленное в тезисах понимание стихотворений Баратынского не всегда строго беспристрастно. Так, например, Соловьев выступил против идеи поэта об опасности прогресса.

Эстетические воззрения Баратынского тоже были проанализированы в докладе. Мысль поэта о процессе творчества предстает сопряженной с оппозицией рационального и иррационального. Недаром, характеризуя образ «ваятеля» из стихотворения «Скульптор», Соловьев называет инструмент его творчества, резец, прилагательным «постепенный». Слово «постепенно» возникает в произведении Баратынского, где оно усилено наречием «неторопливо». Эти слова раскрывают отношение творца, самого скульптора, к акту созидания, они подчеркивают, что в этом процессе важен не только порыв гения, но и ремесло мастерового. Согласно Соловьеву, еще одним компонентом, кроме порыва-воображения и мастерства, в концепции искусства Баратынского оказывается разум. Риторический вопрос, заданный поэтом в его разборе «Тавриды» А. Муравьева, в тезисах стал декларацией «необходимости» рассудочного контроля над воображением. В понимании Соловьева художник Баратынского — демиург, его разум и воля призваны подчинить себе и преобразовать материю.

Объяснение чуждости гражданских мотивов лирике Баратынского Соловьев находит в письме поэта И. В. Киреевскому. В нем Баратынский рассуждает о том, что современный поэт вынужден сосредоточиться на внутренней жизни, а не на жизни общества, потому что общество еще не готово к восприятию «поэзии веры», то есть гражданской поэзии. Такого рода «эгоизм» поэта позволит лучше понять человеческую душу, а значит, и правдивее раскрыть ее движения в художественном произведении. По Соловьеву, единственным произведением, которому присуще социальное начало,

оказывается поэма «Эда»: в ней действие разворачивается в 1807 году, когда Российская империя утверждала свои позиции в Финляндии.

Определяя место поэм Баратынского в литературном процессе, Соловьев помещает их как бы между творчеством А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского. Пушкинскому творчеству противопоставлены не только поэмы, но и стихотворения Баратынского. Пушкин и Баратынский, по мнению докладчика, соотносятся как античные поэты Гомер и Архилох. Можно предположить, что в основе противопоставления — оппозиция между свойственной произведениям Пушкина эпичностью, его интересам к историческим событиям и склонностью Баратынского к малым жанрам, сосредоточенностью поэта на психологической проблематике.

По Соловьеву, с Достоевским Баратынского роднит стремление к глубокому познанию человеческой природы, в том числе и греховной. Нечто соприродное Баратынскому Соловьев обнаружил не только в творчестве Достоевского, но и в «последующей литературе», которая, как он замечает, в качестве ориентира выбрала не Пушкина, а его собрата по перу. Думается, что здесь докладчик говорил о символистской, в том числе и своей собственной поэзии, неслучайно Соловьев называл Баратынского в числе тех авторов, на которых он ориентировался, создавая первую книгу стихов «Цветы и ладан» (1907), в предисловии к которой писал: «Главными образцами для меня были: Гораций, Ронсар, Пушкин, Кольцов, Баратынский, Брюсов и Вяч. Иванов».²¹

Итак, тезисы охватывают разные аспекты поэзии Баратынского: выразившиеся в ней философско-эстетические идеи, вопросы художественной выразительности. Анализ тезисов показывает, что понимание Соловьевым творчества «поэта мысли» сформировалось в результате вдумчивого и самостоятельного анализа, а не под влиянием его дяди и духовного учителя В. С. Соловьева, который не принял поэзии Баратынского из-за излишней, по мнению философа, рефлексии.²² Представление о внутренней диалектичности, присущей творчеству поэта, роднит С. М. Соловьева скорее с В. Я. Брюсовым, утверждавшим в финале статьи «Мировоззрения Баратынского» (1898), что творческое становление Баратынского — это путь от эпикурейства через нигилизм к «покаянному возвращению к вере».²³

Тезисы доклада представлены в двух частях в виде машинописи и хранятся в РГАЛИ: Ф. 941 (ГАХН). Оп. 2. № 2. Л. 126 (первая часть), Л. 190 (вторая часть). В первой части тезисов фамилия поэта напечатана через «о», во второй — через «а»: при публикации такое начертание сохранено. Пунктуация приводится по машинописному тексту.

П/секц<ия> русск<ой> литературы
Литер<атурная> Секц<ия> РАХН 10/IV — <19>25 г.

ТЕЗИСЫ С. М. СОЛОВЬЕВА: «ПОЭЗИЯ БАРАТЫНСКОГО»

Недоступность поэзии Баратынского. «Необщее выражение»¹ лица его Музы. Пушкин и Баратынский — как два противоположных поэтических типа — Гомер и Архилох русской поэзии. Отрицательный отзыв Баратынского об «Евгении Онегине».² Сравнение стихотворения Пушкина «Нереида» и стихотворения Баратынского «Наяда».³ Баратынский как поэт французской школы.⁴

Баратынский — поэт страсти и мысли. Поэзия разрушительной и опустошительной страсти.⁵ Анализ «глухой глубины сердца».⁶ Антитеза страстей и холодной

²¹ Соловьев С. Цветы и ладан: первая книга стихов. М., 1907. С. 10.

²² О восприятии поэзии Баратынского см.: Анохина Ю. Ю. Личность и поэзия Е. А. Баратынского в русской философской мысли конца XIX — начала XX века: Вл. Соловьев и В. В. Розанов о поэте // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева / Отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2018. С. 310–325.

²³ Брюсов В. Я. Мировоззрения Баратынского // Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 35.

истины.⁷ Страсти и заблуждения, как «условия и пища бытия».⁸ Эпикурейский призыв к «легкомыслию».⁹ Стоический апофеоз смерти, как охранительницы мирового порядка.¹⁰ Картина конца человечества, успехи техники, «великолепный пир разума», бесплодность брачных союзов и общая смерть.¹¹ Смягчение настроения Баратынского под влиянием любви. «Ахилл» и «Осень» — выход из пессимизма в идее «живой веры»¹² и «оправданного промысла».¹³

Понимание Баратынским искусства. Ваятель, прозревший нимфу в глыбе камня и постепенным резцом снимающий кору за корой.¹⁴ Необходимость поверять воображение рассудком.¹⁵ Рифма, как лесное эхо, «златая игра стихов», как отвечание звуков звукам.¹⁶ Страх Баратынского перед его Музой. «Любовь Камен с враждой Фортуны — одно».¹⁷ Переход Баратынского к практическим задачам, занятия сельским хозяйством.¹⁸ Отсутствие общественных интересов.¹⁹ «Поэзия индивидуальная одна для нас естественна». «Эгоизм — наше законное божество».²⁰ Дань русскому империализму в поэме «Эда».²¹

Поэтические приемы Баратынского. Антитеза и контраст. Архаизмы и неологизмы, периодичность. Дактилическая рифма, как <...>²² для Баратынского. Метры Баратынского, комбинация разностопных ямбов.

И по форме, и по содержанию Баратынский прокладывал в поэзии новые, самостоятельные пути и не хотел идти за Пушкиным.²³ Пушкин победил Баратынского, но последующая русская поэзия пошла за «певцом „Пиров“ и грусти томной».²⁴

Баратынский и Италия. Предсмертное путешествие Баратынского.²⁵ Давнее его стремление в «область свободную <влажного>²⁶ бога», и желание господствовать над стихией.²⁷ Поэзия «Пироскафа». Погружение в «роскошно-<вегетативную>²⁸ жизнь Италии». Послание к дядьке-итальянцу Боргезе.²⁹ Смерть Баратынского.³⁰

П/секция русской литературы
Литературная Секция ГАХН 29/V — <19>25 г.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА С. М. СОЛОВЬЕВА «ПОЭЗИЯ БАРАТЫНСКОГО» (ОКОНЧАНИЕ)

I. Поэмы Баратынского.³¹ Баратынский в своих поэмах стремится быть независимым от Пушкина и прокладывает новые пути. Баратынский — предшественник Достоевского в своем анализе двух областей «сияния и тьмы»,³² в своем сострадании к падшей женщине и «давней жрице любви».³³ Слабость общественных интересов Баратынского. Официальный патриотизм и милитаризм его поэмы «Эда». Мрачный пессимизм поэмы «Наложница». Обычная тема Баратынского: борьба ума с чувством, цивилизации с природой. Стремление Баратынского к искусству жизни, оставление поэзии для забот сельскохозяйственных. Возрастание пессимизма Баратынского до последних пределов в стихотворении «Осень». Поэт, бывший прежде «царем блистательных туманов», осознает себя «созерцателем бесплодных дебрей».³⁴ Душа поэта сомкнула «тесный круг подлунных впечатлений».³⁵

II. Баратынский и Италия. Давнее стремление Баратынского увидеть «небо Торквата».³⁶ Давнее стремление Баратынского к морю. «Гордыне человека» отрадна борьба с «гневом яростных волн океана».³⁷ Предчувствие смерти в стихотворении «Пироскаф». «Роскошно-вегетативная жизнь Италии» в сравнении со «сложной общественной жизнью Европы».³⁸ В природе Компании <так!> Баратынского пленяют яркие контрасты света и тени, четкость очертаний, отсутствие романтической меланхолии задумчивости. Последнее стихотворение Баратынского «Послание дядьке-итальянцу». Контрасты ужасов и нег, «вулканов и цветов». «Златое безмыслие»³⁹ последних дней Баратынского.

III. Заключение. Неверный взгляд Баратынского на значение науки и цивилизации. Отрицательный отзыв Белинского.⁴⁰ Белинский и романтики 40-х годов. Анализ,

антитеза и контраст — типичные особенности мышления Баратынского, как поэта латино-французской школы. Торжество сознания над косным материалом природы, как «победа неги».⁴¹

¹ Из стихотворения Баратынского «Не ослеплен я музою моей...».

² Вероятно, здесь Соловьев имеет в виду отзыв, содержащийся в письме Баратынского И. В. Киреевскому (начало марта 1832 года). Это письмо впервые было опубликовано в «Татевском сборнике С. А. Рачинского» в 1899 году и могло быть известно Соловьеву: «В разные времена я думал о нем разное. Иногда мне „Онегин“ казался лучшим произведением Пушкина, иногда напротив. Ежели б все, что есть в „Онегине“, было собственностью Пушкина, то без сомнения, он ручался бы за гений писателя. Но форма принадлежит Байрону, тон тоже» (Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899. С. 41).

³ Стихотворение Баратынского «Наяда» (1826) — вольный перевод стихотворения А. Шенье.

⁴ 10 сентября 1824 года А. А. Дельвиг писал Пушкину о влиянии французской поэзии на Баратынского: «Послание к Богдановичу исполнено красотою; но ты угадал: оно в несчастном роде дидактической. Холод и суеверие французское пробиваются кой-где. Что делать? Это пройдет! Баратынский недавно познакомился с романтиками, а правила Французской школы всосал с материнским молоком. Но уж он начинает отставать от них» (Русский архив. 1880. Кн. 2. С. 500).

⁵ Соловьев неточно цитирует стихотворение Баратынского «Мы пьем в любви отраву сладкую...» (1825): «Огонь любви — огонь живительный, / Все говорят; но что мы зрим? / Опустошает, разрушительный, / Он душу, объятую им!» (Баратынский Е. А. Полн. собр. соч.: В 2 т. / Под ред. и с прим. М. Л. Гофмана. СПб., 1914. Т. 1. С. 69).

⁶ Цитата из поэмы «Бал».

⁷ Возможно, в докладе речь шла о стихотворении «Истина».

⁸ Из стихотворения «Череп».

⁹ Эпикурейские мотивы звучат, например, в послании Н. М. Коншину «Живи смелей, товарищ мой...».

¹⁰ Образ из стихотворения «Смерть».

¹¹ Описанная Соловьевым картина разворачивается в стихотворении «Последняя смерть».

¹² Из стихотворения «Ахилл».

¹³ Из стихотворения «Осень».

¹⁴ Речь идет о стихотворении «Скульптор».

¹⁵ В разборе поэтического сборника «Таврида» (1827) А. Н. Муравьева Баратынский, критикуя автора за неудачный стих, вопрошает: «Можно ли писать таким образом и никогда не поверять воображения рассудком?» (Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 211).

¹⁶ Такое представление о рифме выразилось в стихотворении «Бывало, отрок звонким кликом...».

¹⁷ Цитата из стихотворения «Люблю я вас, богини пеня!..».

¹⁸ О том, что у Баратынского случались периоды отказа от поэзии в пользу «хозяйственной деятельности», писал М. Л. Гофман в биографической очерке, см., например: Гофман М. Л. Е. А. Баратынский // Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. Т. 1. С. LXXXIV.

¹⁹ В поэзии Баратынского гражданские мотивы — редкость. Известна одна политическая эпиграмма Баратынского — на А. А. Аракчеева («Отчизны враг, слуга Царя...», 1824–1825).

²⁰ Цитата из письма Баратынского И. В. Киреевскому (отправлено до 19 июня 1832 года): «Поэзия веры не для нас. Мы так далеко от сферы новой деятельности, что весьма неполно ее разумеем и еще менее чувствуем. На европейских энтузиастов мы смотрим почти так, как трезвые на пьяных, и ежели порывы их иногда понятны нашему уму, они почти не увлекают сердца. Что для них действительность, то для нас отвлеченность. Поэзия индивидуальная одна для нас естественна. Эгоизм — наше законное божество, ибо мы свергнули старые кумиры и еще не уверовали в новые. Человеку, не находящему ничего вне себя для обожания, должно углубиться в себя. Вот покамест наше назначение. Может быть, мы и вздумаем подражать (Barbier), но в этих систематических попытках не будет ничего живого, и сила вещей поворотит нас на дорогу, более нам естественную» (Татевский сборник С. А. Рачинского. С. 47–48).

²¹ Как указывал Баратынский в предисловии к поэме, действие в ней разворачивается в 1807 году: «...перед самым открытием нашей последней войны в Финляндии» (Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 15). Формулировка Соловьева — явная уступка официальной фразеологии 1920-х годов и насаждавшемуся свыше социологическому методу.

²² В машинописи слово пропущено. Скорее всего, говорилось о том, что дактиль не характерен для Баратынского — так показало исследование, проведенное почти полвека спустя С. Шахвердовым: Шахвердов С. Метрический репертуар Е. А. Баратынского (материалы к метрическому справочнику) // *Quinquagenario*. Сб. статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1972. С. 224.

²³ О стремлении к творческой независимости от Пушкина Баратынский писал в предисловии к поэме «Эда»: «...следовать за Пушкиным ему показалось труднее и отважнее, нежели идти новой, собственной дорогою» (*Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 16).

²⁴ Так назвал Баратынского Пушкин в романе «Евгений Онегин».

²⁵ О заграничном путешествии Баратынских писал Гофман: *Гофман М. Л.* Е. А. Баратынский. С. LXXXVII.

²⁶ В машинописи пропущено слово «влажный». Строки из стихотворения Баратынского «Пироскаф»: «С детства влекла меня сердца тревога / В область свободную влажного бога» (*Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 170).

²⁷ Из стихотворения «Пироскаф».

²⁸ Из письма Баратынского Н. В. Путяте, отправленного из Италии в апреле–мае 1844 года (Русский архив. 1867. Кн. 2. С. 294). В машинописи пропущено слово «вегетативную».

²⁹ Итальянец Джьячинто Боргезе был воспитателем Баратынского с 1805 до 1810 года. Исходя из упоминаний о Дж. Боргезе в письмах поэта, Баратынский сохранил дружеское расположение к своему «ментору» и впоследствии.

³⁰ Баратынский умер в Неаполе 11 июля (29 июня) 1844 года. По словам Н. В. Путяты, сердце поэта не выдержало волнений, связанных с внезапной болезнью жены — так об этом писал М. Л. Гофман в очерке о поэте (см.: *Гофман М. Л.* Е. А. Баратынский. С. XC).

³¹ Всего Баратынский написал шесть поэм: «Пиры» (1821), «Эда» (1825), «Телема и Макар» (1827), «Бал» (1828), «Переселенье душ» (1829) и «Цыганка» (1831).

³² Из стихотворения «Благословен святое возвестивший!..».

³³ Неточная цитата из поэмы «Бал».

³⁴ Стремление уйти от поэзии к заботам о хозяйстве поэтически выразилось в стихотворении «На посев леса». Видимо, о нем и размышлял Соловьев.

³⁵ Из стихотворения «На посев леса».

³⁶ Имеется в виду стихотворение «Небо Италии, небо Торквата...».

³⁷ Неточная цитата из стихотворения «Буря».

³⁸ Из письма Баратынского Путятам (апрель–май 1844 года): «В три дня, как на крыльях, перенеслись мы из сложной общественной жизни Европы в роскошно-вегетативную жизнь Италии» (Русский архив. 1867. Кн. 2. С. 294).

³⁹ Из стихотворения «Дядьке-итальянцу».

⁴⁰ В. Г. Белинский ценил художественное мастерство Баратынского, но философия поэта оказалась чуждой критику. Наиболее остро неприятие критиком идей Баратынского выразилось в отзыве на «Сумерки», см.: *Белинский В. Г.* Сумерки. Сочинение Евгения Баратынского. Москва, 1842. Стихотворения Евгения Баратынского. Две части. Москва. 1835 // Отечественные записки. 1842. Т. 25. № 12. С. 49–70.

⁴¹ Из стихотворения «Скульптор».

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-208-223

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ И ЕГО «ИСТОРИЧЕСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ» (ИВАН ЛУКАШ — КРИТИК РОМАНА «ВЗВИХРЕННАЯ РУСЬ»)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © Е. Р. ОБАТНИНОЙ)

В современной исследовательской литературе редки случаи репрезентации ранее неизвестных высказываний современников, посвященных творчеству А. М. Ремизова. Такой затерянной на страницах периодики русского зарубежья оказалась статья беллетриста и критика Ивана Лукаша «Мышиная Россия. О книге А. М. Ремизова „Взвихренная Русь“», появившаяся в рижской газете «Слово» 10 сентября 1927 года. Обнаружением факта этой публикации ремизоведение обязано литературоведу-библиографу Ю. И. Абызову, составившему роспись труднодоступного периодического издания,¹ и профессору Л. Спроге, которая в статье «Гонение на ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ: А. М. Реми-

¹ Газета «Слово» 1925–1929: Роспись / Сост. Ю. Абызов. Рига, 2003.

зов в русских изданиях Риги (1922–1940 гг.)» привела обширную цитату из рецензии Лукаша, объединив это печатное выступление журналиста с другими неизвестными откликами, вкуче образовавшими в русскоязычной печати латышской столицы вектор негативного восприятия ремизовской прозы и ее мифологических аспектов.²

Новый роман Ремизова по характеру структурно-композиционного решения стал единственным в своем роде художественно-документальным произведением постреволюционного времени, в котором сквозь призму авторского сознания была представлена хроника двух революций и первых лет советской власти.³ В контексте эмиграции издание такой книги не могло не вызвать отклика в душах соотечественников, для которых историческое содержание романа являлось такой же частью их личной биографии, как и для самого автора. В этом смысле критики, встретившие «Взвихренную Русь» в 1927 году, являются не только профессиональными литераторами, воспринимавшими новое произведение в системе эстетических критериев своего времени, но и «историческими» читателями, рецепция которых наиболее аутентично отражает взгляд на запечатленную писателем-летописцем историю страны и судьбу человека.⁴

Статья «Мышиная Россия» — колоритный документ критической рецепции, обстоятельства создания которого проясняют материалы личного архива Ремизова. Сближение с представителем младшего поколения литераторов Иваном Созонтовичем Лукашем (1892–1940), уроженцем Петербурга, начавшим свой литературный путь в радиусе творческих исканий петроградских эгофутуристов,⁵ произошло только в эмиграции,⁶ когда Ремизов уже жил в Париже. Интенсивный обмен письмами между ними установился в октябре 1925 года в связи с началом издания в Риге ежедневной русской газеты «Слово», в которой Лукаш занял место редактора литературного отдела.⁷ Отвечая на приглашение к сотрудничеству, Ремизов, по всей вероятности,

² *Спроге Л.* Гонение на ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ: А. М. Ремизов в русских изданиях Риги (1922–1940 гг.) // *Slavica* — 2015: filoloģijas pētījumi. Zinātnisku materiālu un rakstu krājums. Rīga, 2015. С. 49–61 (*Rusistica Latviensis* 5).

³ Роман был выпущен в формате книги в конце декабря 1926 года издательством С. В. Рахманинова «ТАИР», названным по именам дочерей композитора — Татьяны и Ирины, которые занимались фактическим руководством «книжным делом», финансируемым их отцом. Подробнее о подготовке книги к печати см.: *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть вторая: Были и небыли парижских будней // *Литературный факт.* 2020. № 4 (18). С. 15–18.

⁴ Обращение к понятию «исторического» читателя, подразумевающему широкий контингент реципиентов-современников (включающий узкопрофессиональный круг литературных критиков), исторический и культурный опыт которых соотносим с жизненным и творческим горизонтом того или иного писателя, — подсказано нам исследовательской практикой историко-литературного комментирования Р. Д. Тименчика, в частности, представленной в его книге «Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века» (М.; Иерусалим, 2017).

⁵ См. о нем статью А. В. Чанцева (Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. К–М. С. 401–403). Биографические сведения на момент февраля 1916 года, раскрывающие журналистскую деятельность Лукаша, см. в его письме А. А. Измайлову (ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. № 183).

⁶ Знакомство писателей, очевидно, состоялось в Берлине в 1922 году, когда Лукаш и Ремизов входили в творческое объединение «Веретено». В частности, о привлечении Ремизова к сотрудничеству в журналах «Сполохи» и «Веретёныш», издаваемых литераторами «Веретена», см.: *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. // *Литературный факт.* 2018. № 7. С. 31–33; автобиографические материалы, освещающие революционные годы в России и начало 1920-х годов в эмиграции, см.: *Серков А. И.* Массонская ложа Великий Свет Севера и русские писатели (1922–1933 гг.); <http://memphis-misraim.ru/library/articles/masonskaya-lozha-velikiisvet-severa-i-russkie-pisateli/>; дата обращения: 06.04.2021. Значительный биографический материал о жизни Лукаша в 1925–1927 годах содержится в статье и публикации писем писателя, адресованных П. Б. Струве: *Равдин Б.* Иван Лукаш между Берлином, Парижем и Ригой (К истории рижской журналистики 1920-х гг.) // *Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. Essays in Honor of Vladimir Khazan* / Eds. L. Fleishman and F. Poljakov. Berlin, 2018. С. 83–104.

⁷ Другим редактором газеты стал в 1925 году Н. Бережанский (наст. имя и фам. Н. Г. Козырев; 1984–1935), выступавший в берлинской и рижской печати с критикой ремизовской «обезьяней темы» и как оппонент писателя в вопросах использования фольклорных источников. См.: *Спроге Л.* Гонение на ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ. С. 55–57.

упомянул о гарантиях, обеспечивающих ему независимость от идеологических целей редакционной политики.⁸ В частности, подобные опасения, касающиеся «политизации» литературы, могла вызвать у него программная статья парижской газеты «Возрождение», учрежденной в июне 1925 года, в которой П. Б. Струве сформулировал направление нового печатного органа: «Мы начинаем наше издание в трудный и ответственный момент и вполне отдаем себе отчет в этом. Россия, как национальное государство, пережила и изживает сейчас величайшую в ее истории катастрофу. <...> В сущности, перед нами — двуединая задача. Необходимо *освободить* родину от коммунистического ига. *Разом и навсегда*».⁹ Лукаш в стремлении развеять сомнения писателя, характеризуя цели нового рижского издания, был вынужден пуститься в заверения, не скупясь на обещания:

«Глубокоуважаемый Алексей Михайлович,

можете быть совершенно покойны, что „Слово“ не будет „Возрождением“.

Она строится по типу т<ак> наз<ываемых> больших, либеральных, беспартийных газет.¹⁰

Дело — громадное, прошу мне поверить. К политике Вы никакого касательства иметь не будете, разумеется. Но имя Ваше — должно украсить наш литературный отдел.

Если дадите читабельную, газетную повесть, — мы *выпустим ее отдельным художественным изданием*,¹¹ конечно, если условия будут приемлемыми.

Для первого № „Слова“ — просим Вашу вещицу. Причем необходима Ваша фотография, надпись и кусочек рукописи для клише <...>».¹²

На протяжении 1925–1926 годов между корреспондентами установились теплые отношения, и Лукаш уже передавал приветы от своих домочадцев, мечтая о встрече в Париже, куда планировал перебраться, оставив относительно благополучную жизнь в Прибалтике ради литературной карьеры и, как он писал Струве, чтобы принять участие в «борьбе за национальное освобождение» в центре русского зарубежного мира.¹³ По своим политическим убеждениям Лукаш, как участник белого движения, вступивший в Добровольческую армию летом 1918 года, наиболее подходил редакции «Возрождения». Предложение к сотрудничеству пришло к нему в персональном письме Струве еще накануне запуска первого номера газеты в тираж, не позднее 16 мая 1925 года.¹⁴ Только в конце апреля 1927-го рижанин смог перебраться в парижское предместье Бельвю. Как мы скоро убедимся, в ходе написания статьи о романе «Взвихренная Русь» молодой журналист-писатель надеялся на свой дебют в газете Струве в качестве литературного критика, разделяющего идеологическое направление редакции. Именно эта политическая ориентация, на наш взгляд, подготовила акценты его суждений, которые отчасти должны были войти в противоречие с уже прозвучавшими в печати высокими

⁸ В частности, о столкновении с политическими взглядами парижских редакций см.: *Обатнина Е. Р.* Избранные страницы из альбома А. М. Ремизова «Зарубежная цензура»: политика и этика // *Русская литература*. 2020. № 3. С. 208–217.

⁹ Цит. по: *Кудрявцев В. Б.* Периодические и неперидические коллективные издания русского зарубежья. 1918–1941: Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать. М., 2011. Ч. 1. С. 157. См. также: *Кутаренкова Т. С.* П. Б. Струве — редактор газеты «Возрождение» // *Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2011. № 6 (68). С. 76–85.

¹⁰ Ср. анонс будущего издания, рассылаемый Лукашом потенциальным авторам: *Равдин Б. Иван Лукаш между Берлином, Парижем и Ригой*. С. 87–88.

¹¹ Подчеркнуто рукой Лукаша.

¹² Amherst College Center for Russian Culture. Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers (далее — Amherst). Series 1. Box 4. Folder 12.

¹³ Ср. письмо Ремизову от 26 мая 1926 года, по тону которого можно судить о смене официального уровня общения на доверительный: «Хороший, как я хочу удрать в Париж, писать, но чем, ради Бога, чем жить. Как здоровье Серафимы Павловны? Ваши Шурка и Иван Лукаш» (Amherst. Series 1. Box 4. Folder 1a).

¹⁴ См.: *Равдин Б. Иван Лукаш между Берлином, Парижем и Ригой*. С. 83–84.

оценками произведения, и прежде всего, со статьей Н. К. Кульмана, опубликованной на страницах «Возрождения» летом.¹⁵ Критик и профессиональный филолог не только в личном письме, адресованном писателю, выразил свое мнение о значении книги как об «одном из замечательных явлений в русской литературе», но и стал первым из «исторических» читателей, кто назвал новое произведение Ремизова «эпопеей», тем самым признав масштабность и историческую ценность ремизовского повествования.

Для Ремизова издание «Взвихренной Руси» представляло собой творческий итог исторического периода, осмысление которого для него, как и для соотечественников, связывалось с отождествлением личной судьбы с судьбой национальной общности. Роман, опубликованный спустя 10 лет после октябрьского переворота, сохранил предельное самораскрытие авторской личности и опыт создания нового дискурсивного пространства, где фактическое (дневник), ирреальное (сны) и мифологическое (локус Обезвельволпала) стали реалиями творческой жизни, неотделимой от жизни бытовой.

К лету 1927 года роман Ремизова был отмечен в пяти отзывах «профессиональных» читателей (Ю. Айхенвальда, К. Мочульского, Мих. Осоргина, Н. Кульмана, М. Гофмана),¹⁶ которые, по преимуществу, оценили книгу как выдающееся произведение современной прозы,¹⁷ однако внимание к ней быстро угасало. Ремизов не был удовлетворен ни рекламой, ни критикой, считая, что роман намеренно «замалчивается»¹⁸ и, соответственно, ограничен в продаже тиража.¹⁹ Несомненно, Лукаш был одним из тех, на кого он возлагал надежды как на потенциального автора очередной рецензии. Тем не менее сохранившиеся в архиве Ремизова письма, относящиеся, по всей вероятности, к августу, подтверждают, что молодой писатель, получивший от Ремизова «задание» по распространению информации о романе в доступных органах печати, самостоятельно взял на себя инициативу отзыва на книгу и для доработки черновой рукописи попросил прислать экземпляр книги на 3–4 дня.²⁰ Статья вскоре была закончена, но результаты критического прочтения «Взвихренной Руси» настолько шли вразрез с уже высказанными в печати оценками, что перед публикацией Лукаш решил обсудить их непосредственно в переписке с автором:

«2 сентября 1927, Бельвю»

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, мысли сходятся. Как раз в день получения Вашего письма — я решил послать Вам на просмотр мою статью о Вашей замечательной, но зловещей для меня книге.

¹⁵ Кульман Н. Новая эпопея (<Рец. на:> Алексей Ремизов. «Взвихренная Русь». Изд. Таир. Париж, 1927) // Возрождение. 1927. 21 июля. № 779. С. 5. Полную публикацию текста письма Кульмана см.: Обатнина Е. Р. Алексей Ремизов: между рецепцией и авторефлексией (Избранные страницы альбома «Зарубежная цензура». 1923–1931) // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 4. С. 260–261.

¹⁶ См. библиографию критических отзывов 1927 года: А. М. Ремизов: Библиография (1902–2020) / Авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко // <http://pushkinskiydom.ru/remizov/Bibliografiay/pages/PartII/1927.html>; дата обращения: 29.07.2021.

¹⁷ См. также об «обратной» рецепции Ремизова на статьи Ю. И. Айхенвальда и М. Л. Гофмана, посвященные выходу в свет «Взвихренной Руси»: Обатнина Е. Р. Алексей Ремизов: между рецепцией и авторефлексией. С. 257–259.

¹⁸ Ср. письмо Ремизова П. П. Сувчинскому с просьбой о публикации в журнале «Версты»: «Нельзя сделать объявление о выходе „Взвихр<енной> Руси“: книга бойкотируется и под запретом: в Последн<их> Новост<ях> Демидов, слушая З<инаиду> Н<иколаевну> Гиппиус»; в Возрождении Ходосевич <sic!>. Потому и прошу» (Bibliothèque nationale de France. № 39609744; письмо от 26 июня 1927 года).

¹⁹ Ср. письмо М. А. Осоргина, который высказал свое мнение о перспективах книги на парижском книжном рынке: «Мне говорили в магазине (в Роднике), что после Вашей „Оли“, которая идет хорошо, стали раскупать и „Взвихр<енную> Русь“. Но не забудьте, что новое правопписание отнимает до 25% обычных покупателей. А главное — то, что Ремизов не по зубам эмигрантскому читателю» (Amherst. Series 1. Box 4. Folder 12; письмо от 29 июля 1927 года).

²⁰ Ibid. Письмо не датировано.

Тут мою статью — прилагаю. Я написал ее давно, думал над нею и решил, что не могу ее публиковать. Поймут не так. Подумают — вот как он набросился на Ремизова. Опасаюсь, что и у Вас может сложиться такое впечатление.

А между тем — это мое глубокое и честное размышление о *внутреннем* образе Вашей книги, и Вас как редчайшем русском мыслителе.

Я назвал статью Гнилой Вьюгой и думаю, что самое изумительное и проникновенное в Вашей Асычьей книге <—> это внутренняя правда о вихре Руси, — которая в том, — что весь этот вихрь только мышинный визг и гнилой ветер над страной теплокровных. Но публиковать статьи, в опасениях, что не поймут меня, что и Вас могло бы даже обидеть мое литературное суждение (верное и честное) — я, без согласия и без замечаний Ваших, — не решаюсь.

А потому, посылая Вам статью, прошу отзыва Вашего — после которого затащу Вам и „Взвихренную Русь“. Сердечный наш привет.

С глубоким уважением,

Иван Лукаш

P. S. Статью прошу мне вернуть. Если думаете, что можно печатать, то, по-моему, в „Возрождении“ больше читателей.

P. S. Письмо Ваше — посылаю в Ригу. В декабре „Перезвоны“ посвящ<аются> „Пожару Москвы“, — дайте им, пожалуйста.²¹

Доподлинная реакция Ремизова на критику Лукаша обнаружилась в письме писателя его жене — Серафиме Павловне 3 сентября 1927 года. Упомянув о рецензии Лукаша, он был довольно откровенно раздражен критическими аргументами, которые, возможно, предварительно обсуждались в личном разговоре с молодым литератором, состоявшемся при возвращении книги: «Писал письма: ответил Лукашу (ну, и дурак!) — это заняло очень много времени, п<отому> ч<то> дурак. Но одного не мог объяснить ему: „В<звихренная> Русь» — фальшивое заглавие: «взвихрять» выдуманный глагол“. Я мог только ответить, что все русские понимают. И целый ряд мест в его рецензии зачеркнул крас<ым> каранда<шом>, как фактическую неправду. Я еще никогда в жизни такой глупости не читал, Унковский — (кажется) мастером».²²

Интерпретация критика не могла не вызвать досады писателя, поскольку, предвосхищая подобные суждения его читателей, он раскрыл на страницах романа тождество своего «Я» с мироощущением обыкновенного человека, захваченного в воронку революционного смерча: «...свидетельство мое о всеобщем восстании в величайший год русской жизни есть свидетельство так приспособившегося к жизни, а иначе и невозможно, что как раз самое кипучее — события великих дней оказались закрыты для глаз, и осталось одно — дуновение, отсвет, который выражается в снах, да случайно западавшее слово в неоглушенное шумом ухо, да обрывки события, подсмотренного глазом, для которого ничего не примелькалось».

И суд мой есть суд тоже человека, только забившегося в нору, для непрестанной духовной работы, с сердцем — почему не сказать? — птицы, вздрагивающем при каждом уличном стуке и стучащем ответно со стуком сердца всей страды мира».²³

Концентрация внимания критика на главном символическом концепте ремизовской книги — «вихре» и снижение его до метафоры «гнилой ветер» в контексте творческой биографии Ремизова коррелирует с ситуацией идеологического столкновения, тяжело пережитого писателем в 1918 году. Тогда известный историк литературы Иванов-Разумник, в начале 1910-х годов выведший его имя в разряд передовых писателей современности, выступил на страницах печати главным оппонентом в вопросе о преобразовательной силе революционного процесса, символически ассоциированном со

²¹ Ibid.

²² Ремизов А. М. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1926–1927 / Комм. Е. Р. Обатниной; подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 99.

²³ Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 5. Взвихренная Русь. С. 81–82.

стихией «вихря», опубликовав во второй книге альманаха «Скифы» ремизовское «Слово о гибели Русской земли» в сопровождении собственной статьи «Две России», изобличавшей в Ремизове реакционера, глубоко враждебного идее революции.²⁴

Иванов-Разумник и Лукаш — два «исторических» читателя — расценивали произведение писателя с позиций своего политического и исторического опыта; старший — поэму «Слово о гибели русской земли» и близкую к ней тематически поэму «Огневица», которые в композиции романа «Взвихренная Русь» являются кульминационными «событиями» авторского осмысления исторической действительности; младший — роман в целом. И хотя Лукаш, в отличие от предшественника, никогда не был вдохновлен идеей революционного обновления, ремизовскую позицию негероического человека он характеризовал, прибегая к образу обывателя, сходному с «всесветным Мещанином» — антигероем, сознание которого приписывалось Ремизову идеологом «скифства».²⁵ Лукаш в силу собственных политических убеждений и обстоятельств личной судьбы, уже в 1918 году перебросившей его из Петрограда в Киев, по всей вероятности, не имел представлений о литературно-политической ситуации, сложившейся вокруг ремизовского «Слова» в 1918 году. В частности, поэтому недоступным для него символическим языком была написана и «Огневица», показавшая критику лишь сумятицей невнятных ницшеанских мотивов. Таким образом, размышляя над ремизовской Россией, младший «исторический» читатель не заметил в романе ни слоя противостояния революционному максимализму выразителей «скифской» идеи революционного «вихря», не смог он воспринять и функциональной роли темы Обезьяньей Великой и Вольной Палаты, которая актуализировала ценность духовных связей творческих людей, переживающих время исторического слома. Ремизов, очевидно, даже не считал необходимым раскрыть своему молодому оппоненту подтексты и идею романа, который, вобрав в себя автобиографические сюжеты, стал манифестацией веры в неиссякаемую духовную силу, накопленную национальной культурой.

Лукаш, как следовало ожидать, получив авторскую редакцию рецензии, в следующем письме изобразил раскаянье в неточности высказанных критических интерпретаций, однако мысли своей не изменил: роман в его личном восприятии так и остался лишь хроникой выживания беспомощного человека и явно не соответствовал масштабу катастрофы, ассоциированной со стихией вихря. Пытаясь мотивировать свою критику, он отвечал:

«Хороший Алексей Михайлович,

теперь я понял, в чем дело; я испугался Вашей книги, потому и завертел не в ту сторону. Я переработал мой отзыв: теперь он достоин Вас. Теперь основа его не в том, что Вы „хитрец“, а в том, что Вы — открыли в вихре — Мышиную Россию. Под таким заголовком и даю его в „Слове“. Конечно, все Ваши замечания — приняты мною. Изменен тон — у меня, действительно, была мучительная подозрительность, и даже грубость.

Теперь я скажу то, что хотел сказать о Вашей книге и о Вас — без плоских чувствований. Вы мне еще дороже и ближе стали после нашей переписки. Я думаю, что никто так не любит Вас по-настоящему, как я.

Ваш сердечно,

Иван Лукаш».²⁶

²⁴ Иванов-Разумник Р. В. Две России // Скифы. Пг., 1918. Сб. 2. С. 201–231.

²⁵ Тема неспособных к полету в вихре революции — «бескрылых», ассоциируемая с образом «всесветного Мещанина», возникает в написанной Ивановым-Разумником в июне 1917 года второй части «скифского» манифеста, опубликованной в первом сборнике «Скифы» (Пг., 1917) в составе программной статьи («Вместо предисловия»).

²⁶ Amherst. Series 1. Box 4. Folder 12. Датируется 6 сентября 1927 года по письму Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло, в котором сообщалось: «Только от Лукаша письмо, что он исправил свою статью по моим замечаниям» (Ремизов А. М. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1926–1927. С. 102).

Статья появилась через четыре дня — в субботнем выпуске рижского «Слова», вопреки первоначальным надеждам Лукаша на публикацию в «Возрождении».²⁷ В ней сохранились без изменений такие негативно окрашенные эпитеты и определения, как «гнилой ветер над страной теплокровных» и Ремизов — «хитрец», поначалу смущавшие и самого автора рецензии.

В истории рецепции романа «Взвихренная Русь» статья Ивана Лукаша останется исключительным случаем отклика «исторического» читателя, который не только не принял ремизовский образ России, не только поставил под сомнение художественную целесообразность авторской поэтики и мифологии, но и создал отягощенный негативными коннотациями литературный портрет писателя. Ремизов здесь был тщательно выписан как литературный уникум — редкий по природной уродливости «кунсткамерный человек русской литературы», темный в помыслах, сравнимых разве что с «философией» Свидригайлова, насквозь поддельный в своих откровениях, наполненных культурными эрзацами, — от лексикона гимназиста до «заплачек о России» и «полупризнаний в стиле Нитцше». Ремизов, охарактеризованный Лукашем, — это выразитель мировоззрения «мышино» народа, «мышино» России, в годы исторического смерча обеспокоенный лишь тем, как бы раздобыть «крупок». Вся эта тенденциозная интерпретация писателя и его затаенного «мирка» восходит к довольно ехидной юмореске, появившейся в берлинском журнале «Веретёныш», в котором сотрудничал и Лукаш. Под шаржем Вл. Белкина, представившим Ремизова в прямом сходстве с обезьяной, было размещено сатирическое пояснение, соотносившее писателя отнюдь не с близким эволюционным «родственником», а с другим, менее развитым представителем животного мира: «Человека и не видать, а только пыль мохнатенькая и паутина. И в паутине мышонок — но что-то возится и пискает. Однако же у мышки круглая плешка на макушке видна, и круглые очки как у старенького книгожы, торгующего антикварным товаром под башней Сухаревой».²⁸

Словесный портрет неизвестного шутника отчетливо перекликается с пассажами статьи Лукаша 1927 года, где петроградская реальность 1917–1921 годов ассоциирована с мышиною возней и озвучена «визгом из щелей». В своем прочтении романа критик силился присвоить Ремизову собственную мысль о России, выродившейся в «мышинный» народ. Именно поэтому, с его точки зрения, едва ли не единственной одобрительной оценки в романе заслуживает глава «Петербург — Петрова память», собравшая рассказы о начинаниях Петра I. Прошлое Российской империи, достойное эпических форм изображения, стало магистральной темой беллетристики Лукаша-писателя. В предисловии к сборнику «Сны Петра» (1933) он раскрыл мотивацию личного обращения к рассказам из петровской эпохи: «...подбирая для сборника рассказы, написанные мною в разное время, мне показалось, что в них есть одна мысль, за которой я следовал несколько лет: мысль о том, что мое отечество было обречено на ту его судьбу, которая раскрылась на глазах нашего поколения».²⁹

Характерно, что в те же годы Лукаш создаст художественную контроверзу ремизовской «Взвихренной Руси» — роман о выживании «маленького» человека в революционной разрухе, который назовет, соответственно личному пониманию масштаба исторического контекста — «Вьюга».³⁰ Когда в 1936 году книга стала объектом анализа литературных критиков, в рецензии Вл. Ходасевича прозвучали рассуждения о свойствах ученичества, подражательства и преемственности. Литературными учителями Лукаша, оказавшими влияние на повествовательный строй его прозы, были названы Достоевский и Лесков.³¹ Однако критик, увлеченный литературными аналогиями прошлого века, не рассмотрел возможность другой модели ученичества, в основе

²⁷ Вполне вероятно, возвращение Лукаша в лоно «Слова» объяснялось отказом парижской редакции, уже напечатавшей отзыв Н. К. Кульмана.

²⁸ *Зеленый* [Макогон Н. Е. ?]. Внезапности. Опыт моментальной фотографии без натуры // *Веретёныш*. 1922. № 3. С. 15.

²⁹ *Лукаш И.* Сны Петра: Трилогия в рассказах. Белград, 1931. С. 3.

³⁰ *Лукаш И.* Вьюга. Париж, 1936.

³¹ Опул.: *Возрождение*. 1936. 18 июня. № 4032.

которой не подражание и влияние, а противоречие и дискуссия. История написания критической статьи «Мышиная Россия», конгруэнтные связи романов «Взвихренная Русь» и «Вьюга», а также переосмысление темы снов в творчестве Лукаша подсказывают имя более близкого ему учителя и старшего литературного современника.

В истории же личных отношений Алексея Ремизова и его «исторического» читателя Ивана Лукаша после публикации в «Слове», по всей вероятности, наступила пауза. Однако переживаемый в Париже кризис, связанный, как мы предполагаем, с профессиональными проблемами, подвиг младшего писателя возобновить общение. Осенью 1928 года он, отвечая на книжную посылку Ремизова, с редкой доверительностью, подтверждающей нашу гипотезу о роли автора «Взвихренной Руси» в биографии Лукаша, писал:

«Глубокоуважаемый Алексей Михайлович,

Искренне и горячо благодарю Вас за книги, которые с таким трогательным вниманием присылаете Вы, и „Иоанна Лествичника“³² — моего святого, и „Образы царства“.

И то, и другое дало мне ясного глубокого утешения, и я прошу Вас передать мою благодарность и о. Цебрикову и кн. Шаховскому,³³ от которого я получил Лествицу.

Вашу милую, своеобразную руку, даже рисунки нахожу я на присланных книгах. Сердечно благодарю и за них.

Как будто около меня, в тишине и безвестности <sic!>, но близко, ходят неслышные друзья и помогают моему человеческому одиночеству в парижской нашей темнице. Не знаю, чем заслужил я такое внимание ко мне и такое доверие.

Простите меня, если чем-либо и когда-либо огорчил Вас — словами ли моими, писательскими ли работами, или просто моим человеческим образом. Простите, что во власти душевных движений дурно видел свет, Бога и человека, и судьбу моего отечества, увлекался бессильными злобами, ходил за мертвыми надеждами.

Во все прежде во мне — не верю, все эмоции мои прежние угасли. Одного прошу у своей совести — смирения перед отечеством и перед тем, что свершается там, и духовной свободы.

Я хожу во вне, как ходил, а внутри я иной и один. И безмолвия своего не нарушу, и одиночества не променяю. Сердечное Вам спасибо за внимание. Мой Шурка вместе со мной.³⁴ Сердечно приветствую Вас и Серафиму Павловну.

С глубоким уважением,
Иван Лукаш».³⁵

Ниже публикуется библиографическая редкость — критическая статья И. Лукаша, текст которой впервые воспроизводится в полном объеме по печатному источнику:

³² Византийский философ, богослов, игумен Синайского монастыря, Иоанн (525–595 (605) или 579–649), прозванный Лествичником по названию его духовных наставлений, озаглавленных «Лествица».

³³ Георгий Владимирович Цебриков (1896/1900–1966) — активист брюссельской Академической группы; участник литературного клуба «Единорог» (1924–1925); священнослужитель православной (рукоположен в сан дьякона 15 декабря 1925 года) и впоследствии католической церкви; прозаик, переводчик; жил в Бельгии. Дмитрий Алексеевич Шаховской, князь (архиепископ Иоанн, литературный псевдоним Странник; 1902–1989) — писатель, поэт; проповедник, епископ Православной церкви в Америке. В эмиграции с 1921 года. В 1924–1925 — участник брюссельского литературного клуба «Единорог» (1924–1925); с 1924-го — член бельгийского Пен-Клуба; редактор журнала «Благонамеренный» (Брюссель, 1926); 23 августа 1926 года на Афоне принял постриг в первый иноческий чин; по возвращении из Греции 1 ноября поступил в парижскую Духовную академию (Свято-Сергиевский православный богословский институт).

³⁴ Повторяющееся в письмах к Ремизову имя, возможно, принадлежало вымышленному персонажу внутреннего мира Лукаша, который, также по нашим предположениям, мог по образу совпадать с одноименным маленьким героем ремизовского рассказа «Китаец» (1916).

³⁵ Amherst. Series 1. Box 5. Folder 2. Недатированное письмо сохранилось в альбоме Ремизова с корреспонденцией мая–ноября 1928 года, среди эпистолярия, полученного в октябре.

Слово (Рига). 1927. 10 сент. № 619. С. 3. Дореволюционная орфография и пунктуация газетной публикации приведены в соответствие с современными правилами, за исключением устаревшего либо авторского написания слов и имен (чорт, чортушка, Нитцше, разможженный); без дополнительных конъектур исправлены некоторые ошибки типографского набора, а также опечатки в цитатах; в отдельных случаях прямого цитирования восстановлены кавычки. В качестве факультативных дополнений к обширному историко-литературному комментарию, представленному в научном издании,³⁶ примечания к тексту статьи Лукаша раскрывают символические подтексты цитат из романа «Взвихренная Русь», не принятые во внимание критиком.

Публикатор сердечно благодарит профессора Карлова университета в Праге Миру Набелкову (Mira Nábělková) за предоставление сканированной копии полного текста статьи И. С. Лукаша с экземпляра газеты «Слово» из фондов Национальной библиотеки Чешской республики — единственной из известных государственных коллекций русскоязычной эмигрантской печати, располагающей полным комплектом этого труднодоступного периодического издания.³⁷

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИВАН ЛУКАШ. МЫШИНАЯ РОССИЯ. О КНИГЕ А. М. РЕМИЗОВА «ВЗВИХРЕННАЯ РУСЬ»

В Париже недавно вышла в свет замечательная и во всем особливая книга. Это — «Взвихренная Русь» А. Ремизова. (Отрывки из нее печатались в свое время в «Перезвонах»¹).

И по заданию, и по объему — 534 стр., — книгу Ремизова надобно признать самой значительной среди книг большой литературы.

Русь от февраля 1917 г. до октября,² и в октябре — полет России в пустоту... Громадную эпопею, отображение тоски смертной и запеклого страха, потрясение небес и земли, разрушение тайны жизни и тайны смерти, когда свалилась Россия, как груды мерзлых дров, в груды трупов — вот, думал я, — все сжала крепкая рука мастера, и вот книга его, как дымное солнце в капле вод...

И перечитывал я книгу А. М. Ремизова, и думал над нею. И должен сказать: — нет, это не так.

Именно взвихренной Руси — вовсе нет в этой особливой, во всем своеобразной книге, «ремизовской» до последнего типографского знака.

Вся его книга — в его же словах:

«Так от Распутина, от Царского и измены, от 14 февраля ко „всеобщему восстанию“, от колбасы до торта ивановского и доелись. Тут подали самовар»...

Нет, не тяжкий вихорь, не метание ветра, не гроза грозная, а какой-то тепленький ветерок из щели, сквознячок легкий, даже чуть припахивающий гнильцой, — этакая смесь восстаний и колбасы, тортов и шаманских завываний, нелепых снов — абракадабры, как называет их сам Ремизов («мне еще снились сны — я над моей абракадаброй»),³ слов простых, человеческих, трогательных до дуновения слез («Белое сердце») и долгой, с завитушками, с усмешками, выписанной повести о том, как с чердаков дома на Васильевском Острове, по весне, двинулись по лестницам вниз отмерзлые, под первым теплым ветром, потоки нечистот человеческих.⁴

Таким вот теплым ветром с гнильцой и пахнет вся эта ремизовская книга о России. И еще подобна она мутной фотографии: знаете, как бывает снимок ясный, — все точно и твердо, — вдруг все начинает дрожать, сливаться, путаться, — хари, руки,

³⁶ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5.

³⁷ См.: http://www.emigrantica.ru/item/slovo-riga-1925-1929?category_id=86; дата обращения: 29.07.2021.

усы; животы, ножки столов, фонари, — все лезет друг на друга, все мешается в одно туманное пятно.

Туманное пятно — книга Ремизова.

Ремизов, самый «хитрый» из русских писателей, он сам говорит о себе, что у него «острая лисья шапка» и что идет он, как шаман, «под вой и бой бубна».⁵

Это хитрец литературы российской, этот махонький, затаенный человек с калмыцким лицом, с пресловутой игрой в «обезьянью палату», с обезьяньим царем Асыкой,⁶ с корорыгами, расщепыгами, ведьмаками, паучихами на веревочке⁷ — сколько «представляется» в своей книге о России. Мечется туда-сюда:⁸ в «абракадабру», в довольно наигранные, в русском «стиле» о России,⁹ которую нет-нет, а сам же и мазнет облезлым асыкиным хвостом,¹⁰ в этакие прищипленные полупризнания, о чем-то, в сны, с гвоздями и молниями, в стиле Нитцше, которые кончаются поломанной «лягушачьей лапкой»,¹¹ — мечется, представляется, фыркает со всех страниц чортовой пылью.

Но все взметенное, весь вихрь русский, на проверку <sic!>, — только тепленький ветер, а гром Божий над Русью только мышинный визг из щели. Он и эпитафии такие главам дает: «вошли мы в щель четвертую»...¹²

Именно бури, именно вихря, именно колыхания духа, горения крови пролитой и проливаемой, тайны крови открытой, тайны убийства живых — удушения России — удушья. «А Бог есть дух и дышит где хочет»¹³ — именно удушения Бога-Духа, России, — нет в книге Ремизова.

Голод и «где бы крупок достать»,¹⁴ голодные смерти в 1919-ый «вошьгод»,¹⁵ потоки нечистот по теплому ветру и снова — «где бы крупок»... Мышиная Россия.

Мышиная Россия — вот музыка ремизовского «взвихрения»; мышиная, ремизовская Русь.

Только для «февральской революции» набираются у Ремизова такие торжественные слова, такие слова, что им даже не веришь:

«Петербург горел, горели черные гнезда: суд, война и неволя. Земля шаталась».

Полноте, Алексей Михайлович, — мы еще живы и помним февраль: и Петербург вовсе уже не так торжественно горел, и земля, право, не шаталась.¹⁶

А было, действительно, то, что вы сами же верно рассказываете через одну страницу:

«Одного городского везли на санках — на таких санках кладь возят — лежал он ничком, перевязанный, и разможженная его нога болталась в крови. Два солдата сидели по бокам и один из них сломанным прикладом долбил его по шее».

И потом, если «горели черные гнезда неволи» (так гимназисты в 1905 году «выражались»), то зачем же все эти «заплачки» о гибели Руси:

«Брат мой, — несчастен час — твоя Россия погибла». И вот этакая «ве-е-ечная па-а-а-мять» по Руси, в разрядку,¹⁷ и заявление, по сему поводу, о раскаленной душе вот таким столбцом:

Рас-
ка-
лена
душа.¹⁸

А на самом деле не думает ли настоящий, затаенный Ремизов о Руси то, что он сам говорит о ней ниже:

«Ты весь Китеж изводи сетями — пусто озеро, ничего не найдешь»...

И вместо вечной памяти в разрядку — сам же пускается в дичь и чушь, тут же, тоже в разрядку, объявляя:

«Я хочу этой жизни про-ку-ку-ре-кать пету-х-о-м»...¹⁹

Ну, и отлично, петухом, так петухом, у каждого свой голос, — но причем тут «взвихрь» России? И стыдно за что-то и горько: не за Россию ли?

Ремизов — самый странный из странных, причудливейший из причудливых...

Путается в кривых и растопытах, юлит, хитрит, бьет Асыкиным облезлым хвостом. Этот кунсткамерный человек российской литературы²⁰ — дуэт чортовой

пылью, — скажет вдруг простое и горячее слово, что напеклось на самой душе, — и пошел снова вертеть колесом чортов хвост...

И почему таким поставила его судьба среди живых? Я думаю, что искусная хитрость словес — его великое страдание и его стиль. Ведь так, как он, никому не написать. Ремизов — странный метеор среди всех писателей русских когда-либо бывших, он — особняк во всем: прямо сказать — единственный.

Кто он Ремизов, в островерхой лисьей шапке, — затаенная мышь с крупками, чортушка, наказанный от Бога земным путем, кликуша наш болезный и милый, окликанный Устюжиной и Звенигородом,²¹ а то калмыцкий шаман?

Все есть в нем, Асыке — царе обезьяньем. И все это есть в его редкой и странной книге.

И чем больше думаешь о ней, тем странно-милее, тем теплее становится она: все мы — с гнильцой, все мы — по крупам-то не прочь. Мы-то разве — герои? и когда жили мы там, в вошьгод, чтобы жить, думали и мы о том, что вот «вода из крана не идет», что «нечистоты на лестнице обмерзли»...

Мышиные души, мышинная Россия, жалкая, тепленькая, дрожащая, со слепыми детенышами в шерстке — вот «взвихренная Русь» Ремизова, — гнилой ветер над страной теплокровных.

Мышиную Россию, а над нею ветер гнилой, — вот какую правду тяжкую открывает нам Ремизов во всей этой взвихренной Руси.

Хитрейший хитрец, и в какую абракадабру запутал он свою страшную истину. Десятки страниц посвящены у него нелепице слов о литературных друзьях.²² Много снов выдуманных, но таких вещных (а не вещей) прямо со страниц идут, не оторваться:

«И вижу в зеркале. И. А. Рязановский в пожарной каске, верхом с портфелем, едет на Выборгскую сторону в „Кресты“».

«А. Р. Кугель лезет бородой в мешок, из которого торчат селедочные головки».

«У А. А. Архангельского сбоку три ноздри выросло» и т. д.

Манера эта выдумана не Ремизовым: еще в 20-х годах девятнадцатого славного века написан (и, конечно, забыт) замечательный литературный «Парнасский Адрес-Календарь», редактором «Сына Отечества» Воейковым.²³

У Воейкова один из персонажей «то ковыки созерцает, то обнюхивает пыль», другой — обер-банщик торговых гиппокреных бань, имеет через плечо веник на лыке, на шее носит шиш на пестрой тесьме, а в петлице раскольничью бороду на голубой ленте» и т. д.²⁴

От «Парнасского Адрес-Календаря» Воейкова и «три ноздри» и прочие «шиши» теперешних «сновидений» Ремизова.

В одном из его снов: «открытый алтарь, около Царских врат священник предсказывает, волоса у него все в шпильках для завивки. Священник посмотрел на меня и вижу, что недоволен:

„Посмотрите“, сказал он, „сколько внешней скорби, а на самом деле индеец“...

Вот мы и не знаем, кто Ремизов — «настоящий» или «индеец».²⁵ И не внешняя ли скорбь — вся его «заплачка» о Руси, вся его «взвихренная Русь»?

Жалость берет и тревога, такая жалость берет, когда читаешь книгу Ремизова: во все тайные двери стучится, у всех порогов шарит, и вдруг — шмыг в щель, в абракадабру, в теплый ветер с гнильцой, в мышинные крупки; в мышиную свою музыку...

И вдруг — заканчивается вся его книга о гнилом русском ветре мощными канонами...²⁶

И вдруг, в конце книги, — крутой поворот от коммуны к Великому Петру и замечательный по силе слова рассказ о том, как при государе Петре строили мост через Мою-Реку. И вдруг словословие комиссарам Петровым, выписанное в столбец — как на советском декрете, — и целая вдруг глава о «Бронштейновой ведомости», о «полатном мастере» Браунштейне, который может все.²⁷

Так, под всей пылью и под всей раскачкой русского вихря, — учуял Ремизов ветер, гнилой, визг мышинный, — а за тем гнилым ветром — воздух железной России и железных российских людей, которые могут все.

В этом, по-моему, и заключается внутренний образ новой и замечательной книги Ремизова, редкого писателя-метеора, чортушки литературы российской, Асыки-обезьяньего царя, окликанного и жалостного полужуродивого, — кого, едва поймешь, любишь так странно и так горько со всей его «абракадаброй», паучьими шорохами-во-рохами и прочей — по слову Достоевского, — нечистью банной...²⁸

¹ Речь идет о публикации двух глав из романа «Взвихренная Русь», состоявшейся в рижском журнале «Перезвоны» (1925–1929; ред.-изд. С. А. Белоцветов): Ремизов А. 1) Рожь: Из книги «Взвихренная Русь» (1919–1920) // Перезвоны. 1925. № 3. С. 64–65; 2) Неугасимые огни: Из книги «Взвихренная Русь» // Там же. 1926. № 20. С. 628–631.

² Границы времени действия в романе-эпопее «Взвихренная Русь» соответствуют Дневнику писателя, который был начат 27 февраля — с описания событий начала Февральской революции (23 февраля), и завершен в августе 1921 года (см.: Ремизов А. М. Дневник 1917–1921 г. / Подг. текста и комм. А. М. Грачевой // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 385). Первоначальное название «Временник», под которым состоялись публикации отдельных глав романа в 1917 году в петроградской и московской печати, а затем, в 1922-м, в эмигрантском Берлине («Эпопея»), подчеркивало летописную функцию повествования, ориентированного на памятник древнерусской литературы XVII века — «Временник» дьяка Ивана Тимофеева. Хронотоп повествования в романе разворачивается по двум пространственно-временным осям. Подробнее см.: *Sinany-MacLeod H.* Структурная композиция «Взвихренной Руси» // Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. Slobin. Columbus, [1987]. P. 237–244 (UCLA Slavic Studies. Vol. 16).

³ Точная цитата из рассказа «Труддезертир» (глава «На даровых хлебах»). Подразумевается литературная обработка личных сновидений, которые начиная с 1908 года образовали в творческом наследии Ремизова специфический жанр, характеризующийся алогизмом и абсурдизмом. См. историю развития жанра, получившего итоговое завершение в книге «Маргын Задека: Сонник» (Париж, 1954): Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7. Ахру. С. 586–610. Определение «абракадабра» в контексте ремизовских самооценок наделялось ироническим смысловым оттенком, указывающим на распространенное в эмиграции мнение о его «снотворчестве». Одна из резонансных в критике публикаций «снов» Ремизова с участием известных писателей, поэтов и художников состоялась на страницах редактируемой И. С. Лукашем газеты: Ремизов А. Мои сны: Литературные // Слово. 1925. 11 нояб. № 1. С. 3. Утверждая жанр «снов» как творческое преодоление границ реальности, писатель даже обратился к читателям с воззванием: «Послушай-те! Это вовсе не такая ерунда, как сразу вам покажется» (Звено. 1925. 26 окт. № 143. С. 3). Подробнее о позиции писателя, продолжавшего традицию классиков русской литературы, см.: *Обатнина Е. Р.* А. М. Ремизов в борьбе за «сон»: материалы к творческой биографии // Русская литература. 2021. № 1. С. 161–168.

⁴ Подразумевается рассказ «Труддезертир», история первой публикации которого в парижском журнале «Современные записки» (1925. Кн. 26. С. 161–183) для Ремизова была связана с редакционным изъятием фрагмента, содержащего натуралистическое описание бытового процесса — «величайшей кучи», обнаруженной на шестом этаже лестничной площадки. Рассказ повествует о реалиях петроградской жизни в 1919–1920 годах, когда писатель жил на 14 линии Васильевского острова в доме 31. Ср. упоминание о визите редактора журнала в письме Ремизова к С. П. Ремизовой-Довгелло: «Был днем Вишняк о „Дезертире“: смягчить какие-то места» (цит. по: Ремизов А. М. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1925 / Комм. Е. Р. Обатниной; подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 93). Автограф с вычеркнутым красным карандашом фрагментом (со слов: «Охотники залезали на самый верх...» до слов «...чуть легкая пенка») сохранен Ремизовым в альбоме «Зарубежная цензура» (Amherst. Series 2. Box 16. Folder 29). В издании романа «Взвихренная Русь» (Париж, 1927) фрагмент полностью восстановлен.

⁵ Ср. очерк «К Звездам — памяти А. А. Блока»: «Где-то однажды, а может, не раз мы встречались — на каком перепутье? — вы закованный в латы с крестом, я в моей лисьей острой шапке под вой и бой бубна...» (цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 385).

⁶ Подробнее о литературном фантоме см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: история Обезьяньей Великой и Вольной Палаты А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001). Возможно, называя игру «пресловутой», Лукаш как сотрудник русских периодических изданий в Риге подразумевал критические отклики на ремизовские «обезьяньи» тексты, появившиеся в русскоязычной местной прессе, в частности на статьи его соредатора в газете «Слово» Н. Г. Бережанского. Подробнее см.: *Строге Л.* Гонение на ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ. С. 49–61.

⁷ Подразумевается ремизовская коллекция природных артефактов и народных игрушек, ассоциированных с мифологическим bestiарием западно- и восточнославянской мифологии, которые были навязаны на веревку, протянутую по стене его кабинета. Этот экзотический элемент интерьера оставался неизменным в доме писателя с 1910 года, тогда же она впервые

привлекла внимание журналистов и литературных критиков. Подробнее см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 3. Оказион. С. 618–619 (комм.). Об обстановке петербургской квартиры на Васильевском острове см.: *Книпович Е.* Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 24–25; описание последней квартиры на Троицкой см.: *Милашевский В. А.* Вчера, позавчера... М., 1989. С. 156–157. Ср. описание коллекции в берлинской квартире писателя: «В окно с воли вечером при электричестве моя комната — волшебное царство. Паук — паук прямо над моим столом пустил во все углы нить, и по нитям тянутся к нему жертвы — маленькие игрушечные звери: львы, носороги, волки, зебры, лошади, коровы, козы, козлы, олени, свиньи, лисицы, лягушки, зайцы, петухи, сухие цветы, листья, сучки, корешки, звезды, и племянник унтергрудника <...>, и вот сам гешпенст, — эти жертвы пауковы...» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. СПб., 2015. Т. 11. Зга. С. 484). В настоящем фрагменте имени мифологических существ восходят к миниатюрам Ремизова, принятым И. С. Лукашем к публикации в газете «Слово» под названием «Образы России: крылатые, рогатые, хвостатые» (1926. 28 мая. № 158. С. 2).

⁸ Оценка структурно-композиционных особенностей романа, характеризующихся contaminaciónей разнообразных жанров. Ср. наблюдения другого критика романа, который отмечал, что Ремизов «не считается с привычными определениями жанров: в „Взвихренной Руси“ — краткие заметки перемежаются с рассказами; большие повести вставлены между двумя снами — и лирические монологи чередуются с сухими записями дневника. Этот прием, создавая впечатление непосредственности, обуславливает „интимный тон“ книги» (цит. по: *Мочульский К.* Кризис воображения: Статьи, Эссе. Портреты / Сост., предисловие, прим. С. Р. Федякина. Томск, 1999. С. 283).

⁹ Речь идет о поэме «Слово о погибели Русской земли», инкорпорированной в главу «Москва» без названия (со слов: «Широка раздольная Русь, родина моя...»; впервые: Россия в слове. Литературное приложение к газете «Воля вольная» («Воля страны»). 1917. 28 нояб. № 1. С. [2]; под заголовком «Слово о погибели земли русской»). По стилю и содержанию поэма восходит к памятнику древнерусской литературы XIII века, известному по спискам XV–XVI веков (подробнее см.: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000 (Studiorum Slavico-rum Monumenta. Т. 19)). Появление ремизовской поэмы в 1918 году вызвало резонансную дискуссию об отношении к революционным событиям в России и идеологической позиции писателя. Подробнее см.: *Иезутова Л. А.* «Слово о погибели земли русской» А. М. Ремизова в газете «Воля Народа» // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб., 1994. С. 67–80; *Обатнина Е. Р.* А. М. Ремизов: «Битва под Разумником» (К вопросу об авторстве и историческом контексте одного памфлета) // Русская литература. 2013. № 3. С. 188–203. Художественные достоинства поэмы были высоко оценены писателями, выражавшими мнение либеральной интеллигенции (среди них Федор Сологуб, Ан. Чеботаревская, Е. И. Замятин и др.). Ср. также оценку способствовавшего появлению поэмы в печати М. М. Пришвина, который считал это произведение «художественным памятником русского патриотизма», равнозначным «Слову о полку Игореве» и «Истории государства Российского» Карамзина (*Пришвин М. М.* Дневник 1920–1922 / Подг. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; комм. Я. З. Гришиной. СПб., 2016. С. 195).

¹⁰ Подразумевается корпус художественных текстов, созданных в мифологическом локусе «Обезьяней Великой и Вольной Палаты» (глава «Обезвельволпал»), в котором объединены как сюжеты реальной жизни, связанные с мифической деятельностью Палаты, так и основные «законодательные» документы тайного общества, в котором писатель отвел себе роль «канцеляриста». Ср. концовку «Манифеста» царя Асыки: «...дан в дремучем лесу на левой тропе у сороковца и помазан собственноручно; скрепил и деньги серебряной бумагой получил бывш. канцелярист обезвельволпала cancellarius —» (цит. по: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5. С. 208).

¹¹ Речь идет о символике автобиографической поэмы (глава «Москва», часть XVIII), начинающейся со слов: «— — распростертый крестом, брошен лежал я на великом поле...» (впервые под названием «Огневица»: Дело народа. 1917. 22 окт. № 187. С. 5 (литературное приложение «Литература и революция»; № 10); 24 дек. № 241. С. 3–4). Ср.: «И вот я на земле — — // Я лежу на земле, обтянутый сырой перепонкой, и не разбитое крыло, прячу я за спиной мою переломанную лягушину лапку» (цит. по: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5. С. 169). О символической семантике поэмы см.: *Обатнина Е. Р.* «Крылатый» или «земляной»? (К истории творческих взаимоотношений А. М. Ремизова и «скифов») // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М., 2009. С. 484–495 (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. 75); о нищанских мотивах поэмы см. также: *Обатнина Е.* Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М., 2008. С. 52–57 (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. 71).

¹² Эпиграф к рассказу «Четвертый круг» не прояснен. Его символические формы (круг и щель), вероятнее всего, восходят к архитектонике Ада, представленной Данте в виде многоярусной каменной воронки. Однако в известных переводах «Божественной комедии», к которым мог обращаться Ремизов, использовалось слово «круг» (или «русло»), а также «ямы»

(«рвы») для описания восьмого круга. Словоупотребление «злые щели» стало каноническим в русской стихотворной традиции только благодаря переводу М. Л. Лозинского (1939). Тема загробного мира в рассказе распространена на мир реальный, воспринимаемый как «мертвый каменный мешок». Это определение является ремизовским инвариантом дантовых «злых щелей» и «каменных воронок».

¹³ Контаминация цитат из Евангелия от Иоанна: «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4: 24); «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Ин. 3: 8).

¹⁴ Мотив добывания круп, связанный с реалиями бытовой жизни в Петрограде 1917–1919 годов, в частности, проходит сквозь повествование рассказа «Хлеба». Ср.: «Хлеба не было да и круп оставалось всего на донышке. Хоть бы круп достать!» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 32). Уменьшительная словоформа множественного числа («крупок» — вместо круп) принадлежит Лукашу, который намеренно погасил внутренний пафос ремизовского описания, подчеркивая обывательский характер личного опыта писателя в революционные годы. Между тем проблема выживания проникла даже в шуточные документы Обезвлолпала, идея которого во многом состояла в манифестации товарищеской взаимопомощи, не разделяющей быт и духовную сферу жизни. Голодной весной 1917 года доктор и журналист В. Н. Унковский был удостоен «обезьяньего знака первой степени с крупинкою ячневою» — «за крупы всякие, за книги из-под развалин извлеченные, за память в трудные дни» (цит. по: *Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные*. С. 131).

¹⁵ Ср.: «Самый из смертельных годов — вошьгод — 1919-ый!» (рассказ «Именины», глава «Окнища»; Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 259).

¹⁶ Интерпретация, искажающая содержание рассказа «Суд непосужаемый», который был создан по дневниковым записям и отражал исполненное тревогой и самыми мрачными предчувствиями отношение писателя к событиям. Ср. заключительные слова рассказа: «И всю ночь я слушал. Будто летел — с волною в грозу» (Там же. С. 37). Ср. также дневниковую запись писателя: «Ответственность, которую взял на себя народ, и на мне легла она тысячепудовая. Что будет дальше, сумеют ли устроиться, не напутали бы чего, не схулиганили бы, — столько дум, столько тревог за Россию. <...> И весь вечер, все часы, все минуты одна дума: о России, сумеет ли устроиться? Ведь, народ темен. Бродят. Куда добредут?» (Там же. С. 423–424, 426).

¹⁷ Описание особенностей типографской наборки концовки поэмы «Слово о погибели Русской земли» (глава «Москва»), которое имитирует заключительный возглас церковного отпевания. Ср. впечатление другого «исторического» читателя «Взвхренной Руси» — редактора журнала «Современные записки» В. В. Руднева, который в личном письме Ремизову отметил, подражая заключительные слова поэмы: «Особенно меня потрясла „Вечная Память“ <...>. До чего всё это идет от души к душе, — и как адекватно нашей русской трагедии!» (Amherst. Series 1. Box 4. Folder 10).

¹⁸ Финал второй части из поэмы «Красный звон» (глава «Весна-Красна»).

¹⁹ Подразумевается набранная разрядкой концовка рассказа «Отпуск». Ср.: «— я наперекор взвиwu теснящихся вещей, с которыми срочен, как утробный, продираясь сквозь живую, бьющуюся живым сердцем толчею жизни, я хочу этой же самой жизни, через все ее тысячекратные громы под хлест и удары в отдар — про к у к у р е к а т ь п е т у х о м» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 5. С. 76; глава «Медовый месяц»). Смысл этого пассажа в структуре романа латентно связан с рассказом-сном «Асыка». Ср.: «И в замеревшей тишине, дерзко глядя на страшного всадника, перед лицом ненужной, ненавистой, непрощенной смерти, я, предводитель обезьян Австралии, Африки и Южной Америки, прокричал гордому всаднику и ненавистой мне смерти трижды петухом» (Там же. С. 225), а также со строками «Слова о погибели Русской земли»: «Закукарекал бы, да головы нет: давно оттяпана!» (С. 143). См. раскрытие мифологической семантики образа в комментарии А. М. Грачевой к поэме: Там же. С. 410. О символической природе образа петуха, с которым Ремизов ассоциирует собственную миссию в годы революции, см.: *Доценко С. Проблемы поэтики А. М. Ремизова: Автобиографизм как конструктивный принцип творчества*. Таллин, 2000. С. 113–114.

²⁰ Характеристика содержит аналогию с коллекцией «редкостей» — древних аномальных или курьезных артефактов как природного, так и рукотворного происхождения, начало которой было положено Петром I и предназначалось для первого российского музея в Санкт-Петербурге, получившего название Кунсткамера (от нем. кабинет редкостей). Учитывая двойственность отношения Лукаша к феномену Ремизова, который был склонен расценивать художественное мышление писателя как аномальное, определение «кунсткамерный человек» сближает предложенный критиком образ со знаменитой коллекцией «монстров» амстердамского анатома Ф. Рюйша, приобретенной Петром I для Санкт-Петербургской Кунсткамеры в 1716 году.

²¹ Аллюзия к названию сборника Ремизова «Звенигород Окликанный: Николины притчи» (Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алатас, 1924), в состав которого также был включен рассказ «Прокопий Праведный» (1915), написанный по мотивам жития Проккопия Устюжского к картине Н. Рериха «Прокопий Праведный за неведомых плавающих молится».

²² Подразумевается серия абсурдистских «снов» с участием известных литераторов, включенная в композицию романа. Материалы личного архива писателя и его жены С. П. Ремизовой-Довгелло подтверждают, что Ремизов действительно практиковал запись своих подлинных сновидений, в которых фигурировали его «литературные друзья», однако в ходе работы над романом имена действующих лиц нередко менялись по воле автора. См., в частности, описание работы над «снами» в романе «Взвихренная Русь»: А. М. Ремизов. «На вечерней заре»: Главы из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / Комм. Е. Р. Обатниной; подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 8. С. 57.

²³ Александр Федорович Воейков (1779–1839) — поэт, переводчик, журналист, в 1820–1822 годах стал редактором-издателем (совместно с Н. И. Гречем) известного исторического, литературного и общественно-политического журнала «Сын отечества» (1812–1857). В литературном окружении «Арзамасского общества безвестных людей» (1818–1820) особым успехом пользовались расхвалившиеся в списках дружеские пародии на арзамасцев и памфлеты на писателей из противоборствующих литературных кругов, а также чиновников, занимавших высокие государственные посты. Таким популярным стихотворным произведением стала сатира «Дом сумасшедших» (1814–1838), а прозаической пародией в форме официального справочника должностных лиц государственных учреждений Российского государства выступил «Парнасский Адрес-календарь» (1818–1820), в котором имена известных литераторов были помещены в комическую «Роспись чиновных особ, служащих при дворе Феба и нижних земских судах Геликона, с краткими замечаниями об их жизни и заслугах». Эти сочинения представляли собой колоритную иллюстрацию к атмосфере литературного быта круга «арзамасцев» и имели подтексты, связанные с актуальными эстетическими, этическими и общественными дискуссиями на страницах печати. Ремизовские абсурдистские сновидения, в которых его литературные современники были помещены в самые неправдоподобные сюжеты, лишь по внешнему принципу оксюморона напомнили И. С. Лукашу комические характеристики известных литераторов и государственных деятелей, представленных Воейковым в фантастических образах и комических положениях. Судя по приведенным критиком цитатам из Воейкова, весьма отдаленная литературная корреляция двух явлений русской литературы возникла благодаря изданию, вернувшему сатиры известного литературного деятеля «пушкинской поры» не только в историю русской литературы, но и на полки читателей начала XX века: *Воейков А. Ф. Дом сумасшедших*. С приложением «Парнасского Адрес-Календаря» А. Ф. Воейкова и «Дома сумасшедших в Москве» гр. Е. П. Ростопчиной / Вступ. статья и историко-литературный комм. И. Розанова и Н. Сидорова. М., [1911]. См. также другую редакцию текстов, получивших распространение в многочисленных списках: *Воейков А. Ф. Поздняя рукопись «Сумасшедший дом» (1814–1838)* / Публ. А. К. Афанасьева // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2007. [Т. XVI]. С. 681–702.

²⁴ С искажениями и опечатками цитируются фрагменты из сатиры «Дом сумасшедших» и «Парнасского Адрес-календаря», характеризующие славянофилов, адептов классицизма — Михаила Трофимовича Каченовского (1775–1842) и Александра Семеновича Шишкова (1754–1841). См.: *Воейков А. Ф. Дом сумасшедших*. С. 16, 71, 73.

²⁵ Прочитированный «сон» из главы «Москва» восходит к записи сновидения от 3 июля 1917 года, сохранившейся в дневнике Ремизова. Ср.: «Около церкви открытый алтарь. Там священник около царских врат предсказывает, у него волосы в шпильках для завивки. Перед ним женщина. Он ей говорит что-то. Сергей подошел первый. За ним я. Он посмотрел на меня и говорит: „посмотрите сколько видимой скорби и искания, а на самом деле на индейке женился“» (цит. по: *Ремизов А. М. Собр. соч.* Т. 5. С. 462).

²⁶ Канон — церковное песнопение в похвалу святого или праздника. Речь идет о заключительном «видении», со слов: «И вот — вижу — над южными дверями от Богородицы блеснули глаза, архангелы метнулись» до финальной фразы: «Неугасимые огни горят над Россией!» (Там же. С. 397–398).

²⁷ Серия рассказов, образующих главу «Петербург — Петрова память», в основу которых положены документальные материалы и исторические сюжеты петровского времени. Исторические реалии и имена главы в значительной степени раскрыты в исследовательской работе: *Вахненко Е. Е. «Взвихренная Русь» А. М. Ремизова: Справочник-комментарий*. Иркутск, 2012. Сходная тема петровского государственного строительства получила собственное художественное решение в сборнике И. Лукаша «Сны Петра: Трилогия в рассказах» (Белград, 1931). См. также: *Носов Н. Н. Отражение идейного многообразия творчества И. С. Лукаша в диалогии «Дом усопших» и «Дьявол» // Обсерватория культуры*. 2019. Т. 16. № 6. С. 652–665.

²⁸ Ср.: «...будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность» (*Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.*: В 30 т. М., 1973. Т. 6. Преступление и наказание. С. 221). Через аллюзию к онтологическим фантазиям Свидригайлова Лукаш ставит под сомнение мировоззрение Ремизова, в произведениях которого, в частности и во «Взвихренной Руси», встречается образ паука, однако критик не принимает во внимание

волшебной и жизнеутверждающей семантики, изменяющей парадигматику символических значений, сообщенных образу паука в произведениях Достоевского. Ср.: «Жили мы у Делион на Кирхштрассе. Только что начали обживать: подвесил я над столом паука, открыл „Обезьяню палату“ и за работу» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 5. С. 538); «И гляжу в высоту: „Крылатый паук, зашей рану на моем сердце!“ И на зов мой спускается мохнатый холодный паук. И тьма еще темней и еще безысходней. А там — я чувю: колыхает рассвет!» (Там же. С. 229).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-223-230

© *Е. Н. Пенская*

«ТЕХНИКА ИСКУССТВЕННЫХ ШВОВ»: К ТИПОЛОГИИ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК М. М. ЗОЩЕНКО*

Современное зощенковедение в последние пятнадцать–двадцать лет заметно набирает интенсивность. Этому способствует в том числе цифровизация архива М. М. Зощенко.¹ Однако электронный доступ к материалам не только открывает новые возможности комплексного изучения, поиска, сопоставления публицистических и художественных текстов, но и выявляет лакуны. Появление итоговых исследований,² проведение юбилейных мероприятий,³ выпуск собрания сочинений Зощенко,⁴ публикация архивных материалов⁵, тем не менее, подтверждают и дисбаланс в характере исследовательских обращений к архивам, и соотносению тех пластов, что так или иначе получили научную интерпретацию, и тех, что остались «за бортом». Такая научная неравномерность не в последнюю очередь объясняется разрозненностью архивов — крупные комплексы хранятся в Пушкинском Доме,⁶ в РГАЛИ. Отдельные группы документов находятся в ЦГАЛИ СПб, в фондах ГЛМ «XX век»,⁷ в частных собраниях. Существенным подспорьем в комментаторской и текстологической работе являются введенные в научный контекст эго-документы — фрагменты дневников Зощенко, его переписка; кроме этого, расшифрованные черновые варианты, стенограммы обсуждений его сочинений в издательствах, письма читателей с авторскими пометами дополняют исследовательский ландшафт. Тем не менее пока еще трудно говорить даже о подступах к полному освоению этих архивов. На общем фоне, пожалуй, наименее изученными представляются записные книжки Зощенко. Эпизодические усилия не меняют картины.⁸ Поэтому трудно не согласиться с тем, что «совершенно очевидна

* Работа выполнена при поддержке РФФ. Проект 19-18-00353, НИУ ВШЭ.

¹ На литературном портале «Автограф» представлена значительная часть архива М. М. Зощенко, хранящегося в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, см.: <http://zoshchenko.literature-archive.ru/ru> (дата обращения: 31.07.2021).

² Мих. Зощенко: pro et contra: Антология / Сост., вступ. статья, комм. И. Н. Сухих. 2-е изд., испр. СПб., 2015.

³ Альманах «XX век»: Сб. статей / Сост. Д. А. Суховой. СПб., 2015. Вып. 7. В данный выпуск вошли материалы Международной научной конференции «Феномен Зощенко в культуре XX–XXI веков», состоявшейся в Санкт-Петербурге 27–28 ноября 2014 года и приуроченной к 120-летию со дня рождения писателя. Здесь собраны новейшие исследования, касающиеся разных аспектов современного зощенковедения.

⁴ *Зощенко М. М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 2008.

⁵ Творчество Михаила Зощенко. Новые материалы. Исследования. Библиография: Сб. статей / Отв. ред. В. П. Муромский, А. Д. Семкин. СПб., 2015.

⁶ *Запевалов В. Н.* Документальные материалы М. М. Зощенко в Пушкинском Доме // Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии: В 3 кн. СПб., 1997. Кн. 1. С. 5–37.

⁷ См.: <http://museum-xxvek.ru/fondyi> (дата обращения: 31.07.2021).

⁸ *Зощенко М.* Из тетрадей и записных книжек // Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. Ю. В. Томашевский. М., 1994. С. 105–134; Из дневниковых записей М. М. Зощенко (1916–1921) /

необходимость и настоящей полной публикации всего корпуса записей, и кропотливой работы с текстами <...> Это бесценный материал для понимания творческой и филологической эволюции Михаила Михайловича Зощенко». ⁹

Как известно, изменение статуса черновика, ¹⁰ а также принципов интерпретации эго-документов сопряжено с современным пониманием культуры как пространства, свободного от критериев иерархии. Отсутствие границ между жанрами и видами текстов также является одной из фундаментальных характеристик искусства в эпоху модернизма. Следствием такой трансформации художественной системы, ее структуры и стилей является заметно возрастающий интерес к тем формам, что считались периферийными и служебными. Записные книжки, обладая высокой жанровой пластичностью, закономерно попадают в эпицентр широкого профессионального, издательского внимания ¹¹ и читательского спроса. Подобная популярность порождает большой терминологический разброс, предполагающий одновременно и автономию, и подчиненность общим закономерностям литературного процесса. Специфика записных книжек допускает многовалентное атрибутирование их природы, синонимичной языковой, тематической лаборатории художника, автобиографической и дневниковой самоидентификации, родственна документам, совмещающим историческую достоверность и мистификацию. Несмотря на рост обзоров ¹² и монографических описаний, ¹³ записные книжки были и остаются слабо изученным жанром.

Выступая в 1930 году в кабинете начинающего писателя в ленинградском Доме печати, Зощенко описал две системы своей работы. Первая опирается на творческое напряжение или вдохновение, когда сюжет, композиция чрезвычайно быстро сложи-

Публ. А. И. Михайлова // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 3. С. 102–111.

⁹ Семкин А. Д. Неопубликованные записные книжки М. М. Зощенко. Попытка описания // Изв. Саратовского ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16. Вып. 1. С. 85–90.

¹⁰ См. об этом: Лехциер В. Апология черновика или «Пролегомены во всякой будущей...» // Новое литературное обозрение. 2000. № 4. С. 43–51.

¹¹ Во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов совместными усилиями издателей и текстологов возникает целая библиотека эго-документов. См., например: Блок А. А. Записные книжки / Вступ. статья Е. Ивановой. М., 2000; Волошин М. А. Записные книжки / Сост., предисловие и прим. В. Купченко. М., 2000; Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М., 2001; Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002; Довлатов С. Д. Записные книжки. СПб., 2007; Ерофеев В. В. 1) Записные книжки 1960-х годов. Первая публикация полного текста. М., 2005; 2) Записные книжки. М., 2007. Кн. 2; Замятин Е. И. Записные книжки. М., 2001; Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подг. текста К. Н. Суворовой; вступ. статья Э. Г. Герштейн; вводные заметки к записным книжкам, указатель В. А. Черных. М.; Torino, 1996; Ильф И. А. Записные книжки. М., 2001; Платонов А. П. Записные книжки: материалы к биографии / Публ. М. А. Платоновой; сост., подг. текста, предисловие и прим. Н. В. Корниенко. М., 2000; Хармс Д. И. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. / Подг. текста Ж.-Ф. Жаккара и В. Н. Сажина; вступ. статья и прим. В. Н. Сажина. СПб., 2002; Цветаева М. И. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. / Сост., подг. текста, предисловие и прим. Е. Б. Коркиной и М. Г. Крутиковой. М., 2000–2001; Шаламов В. Т. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2004. Зощенко на этой «книжной полке» отсутствует.

¹² Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики): Монография. Екатеринбург, 1997; Местергази Е. Г. Документальное начало в литературе XX века. М., 2006; Михеев А. В. Вокруг, около и вместо. Триумф комментария // Иностранная литература. 1999. № 5. С. 157–159; Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М., 2007; Симкин Я. Р. Записные книжки писателей // Научно-культурологический журнал RELGA. 2005. № 7 (109).

¹³ Демидова О. Р. О камер-фурьерских журналах и о журнале Ходасевича // Ходасевич В. Ф. Камер-фурьерский журнал. М., 2002. С. 4–22; Грякалова Н., Иванова Е. Записные книжки Александра Блока без купюр // Наше наследие. 2013. № 105. С. 90–105; Смирнова Е. Е. Записные книжки Вен. Ерофеева 1960-х годов в составе авторского сверхтекста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2010; Терехина В. Н. Текстология заглавий у Маяковского: инерция или традиция? // Творчество В. В. Маяковского. М., 2020. Вып. 4. Кн. 2. В. В. Маяковский в контексте мировой культуры. С. 257–263. См. также публикацию Л. В. Хачатурян «„Как делать стихи“: Свердловская записная книжка В. В. Маяковского» (Русская литература. 2020. № 4. С. 252–268; 2021. № 1. С. 190–205).

лись в воображении, и их остается зафиксировать на бумаге. Вторая — в отсутствие творческого состояния предполагает свободное владение техникой письма. Он учительски раскрывает писательские навыки, которые вроде бы нетрудно освоить, достаточно держать форму, тренироваться и проделывать регулярные упражнения. «Например, рассказ „Баня“: фразу за фразой вытаскивал я из записной книжки, вставляя слова, причем техника была настолько высока, что вы теперь не замечаете в этом рассказе искусственных швов».¹⁴

Вырастает значение запасника, запасного ресурса, процесс заготовок в котором обретает самостоятельную ценность: «Почти каждый день, вечером, я заношу в свою записную книжку несколько слов, одну, две фразы, иногда образ, какую-нибудь встречу, причем всё очень кратко, одним словом, одной фразой. Это вошло уже в привычку, и я все это проделываю почти каждый день. Весь улов за день я заношу в записную книжку... В моей записной книжке три отдела. В одном отделе слова. Я записываю те слова, которые мне показались интересными. Может быть, это новые слова, может быть, они интересны по своей необычности, может быть, это жаргонные слова или слова, которые употребляют рабочие в разговоре».¹⁵

Зощенковская формула писательства состоит из нескольких «переменных»: выбор сюжета, любовь к предмету, умение создавать литературные произведения. Но записная книжка — это «корень», величина постоянная.

Записная книжка в прозе Зощенко выступает в нескольких ипостасях, мотивирующих условия повествования, в том числе речевые: 1) атрибут сюжета, сложившиеся обстоятельства, ход действия, 2) характеристика персонажа. Рассказ «На заводе» (1930) попадает в категорию заметок «Из записной книжки», что якобы гарантирует буквальность и достоверность фактов. Такой ход не раз повторяется автором. Повесть «Возмездие» (1937) задумывалась к 20-летию Октябрьской революции. В ней участники в неформальной обстановке делились своими воспоминаниями о прошлой боевой жизни; автор за вечер «вдоль и поперек» исписал свою записную книжку интересными заметками и сюжетами. Почти дословно повторяется такая же «преамбула» в «Никогда не забудете. Рассказы о партизанах» (1940-е годы). Мемуары о подвигах тщательно фиксируются автором-свидетелем. Графическая деталь — заполненность «вдоль и поперек» — соответствует тому, как в реальности выглядят записные книжки Зощенко.

Еще один тип функционирования записной книжки в мире Зощенко — это маскировка, мистификация, футляр, предмет для легкого шантажа. Рассказы «У подъезда» (1938) и «В трамвае» (1936) состоят из диалогов с дворником, задержавшим автора-героя и подозревающим его в нарушении порядка и немислимых преступлениях, перебранки кондуктора и безбилетного пассажира. В конце концов в первом случае герой, не выдержав, вынимает записную книжку, увидев лишь кончик которой дворник сразу меняет тактику поведения, пропуская «товарища», а во втором случае мнимый безбилетник достает из записной книжки крупную купюру — три червонца, что вызывает еще большее возмущение кондуктора. Записная книжка наделена особым свойством и обладает магическим действием в советском быту, непостижимым образом физически воздействуя на ситуации, меняет расстановку «сил», стимулируя внезапную развязку.

Наконец, в повести «Перед восходом солнца» (первые шесть глав опубликованы в журнале «Октябрь» в 1943 году) присутствие записных книжек беспрецедентно. Упоминание сведений из них здесь имеет структурное, смысловое и сюжетообразующее значение, на макроуровне размечает биологические ритмы, акцентирует вехи истории и цивилизации. На микроуровне выстраивается классификация тематических «узлов» в записных книжках.

1) Записная книжка выступает в своей накопительной систематизирующей энциклопедической функции, аккумулирующей сведения о природе и географии:

¹⁴ Зощенко М. М. Как я работаю // Михаил Зощенко: pro et contra. С. 52.

¹⁵ Там же. С. 53.

«Все мои тетради, записные книжки стали заполняться сведениями о воде. Эти тетради сейчас передо мной. С улыбкой я просматриваю их. Вот записи о самых сильных бурях и наводнениях в мире. Вот подробнейшие цифры глубин морей и океанов. Вот сведения о наиболее бурных водах. О скалистых берегах, к которым не могут подойти корабли. О водопадах. Вот сведения об утонувших людях. О первой помощи утопленникам. Вот запись, подчеркнутая красным карандашом: „71 процент земной поверхности находится под водой и только 29 процентов суши“. Трагическая запись! Красным карандашом приписано: „3/4 земного шара — вода!“ Вот еще трагические записи, из которых можно увидеть, каков процент воды в теле людей, животных, растений: „Рыбы — 70–80 %, медузы — 96 %, картофель — 75 %, кости — 50 %...“

Какая проделана гигантская работа! Какая бессмысленная! Вот целая тетрабочка исписана сведениями о ветрах. Это понятно: ветер — причина наводнений, причина бурь, штормов. Кусочек из записи: „3 метра в 1 секунду — шевелятся листья; 10 метров в 1 секунду — качаются большие ветви; 20 метров в 1 секунду — сильный ветер; 30 метров в 1 секунду — буря; 35 метров в 1 секунду — буря, переходящая в ураган; 40 метров в 1 секунду — ураган, разрушающий дома“. Под записью справка: тай — чрезвычайный, фунг — ветер. Тайфунг в 1892 году (остров Маврикия) — 54 метра в секунду! Вот еще одна тетрадь о наводнениях в Ленинграде. Перелистывая эти мои тетради, я сначала улыбался. Потом улыбка сменилась скорбью. Какая трагическая борьба! Какой „интеллектуальный“ и вместе с тем варварский путь нашло сознание для того, чтобы путем знаний „освоить“ противника, уничтожить страх, одержать победу! Какой трагический путь был найден! Он был в соответствии с моим умственным развитием». ¹⁶

2) Записная книжка — автоархив, регистратор, самоописание, нередко хранящее вещественные доказательства внутренних конфликтов, динамики интимных психологических метаморфоз:

«Я боролся с этим неосознанным страхом путем знаний. Была проделана гигантская борьба. Следы этой трагической бессмысленной борьбы остались в моих записных книжках, в моей литературе. Тогда я раскрыл свои записные книжки, рассчитывая на их страницах найти следы новой грандиозной борьбы, следы новых схваток с неосознанным противником. Однако в записных книжках я на этот раз не нашел того, что искал. Не было ни цифр, ни справок. Не было ничего такого, что могло говорить о повышенной заинтересованности к новому объекту». ¹⁷

3) Записная книжка — медицинский фактор, концентрация показателей, диагноз, симптом, история болезни:

«Рев тигра или льва, когда-нибудь услышанный ребенком в зоологическом саду, довершил этот символический образ. Я открыл свои записные книжки с расчетом найти в них соответствующие записи, с надеждой увидеть следы нового поединка — борьбы с хищниками путем знаний, кои были в соответствии с моим умственным развитием. Однако в записных книжках никаких сведений о тиграх я не обнаружил. Ну что ж! Я в жизни не сталкивался с тиграми. Я видел их только в клетках. Я был в безопасности от них. И тут не было резона защищаться путем знаний. Но вот, разыскивая в своих записных книжках сведения о тиграх, я натолкнулся на целую серию однообразных записей. Эти записи крайне удивили меня. Они были медицинского характера и касались главным образом паралича, удара, кровоизлияния в мозг. В моих записных книжках было много медицинских справок, но справки об ударах повторялись необыкновенно часто. Тут были объяснения причин, перечисления симптомов, способы лечения и профилактики». ¹⁸

Замысел повести «Перед восходом солнца» относится к середине 1930-х годов, и он вырос в течение десятилетия. Тем ощутимей убедительно проявленное в нем — итоговое — всевластие записных книжек, апелляция к которым происходит согласно

¹⁶ Зоценко М. М. Перед восходом солнца // Зоценко М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2008. Т. 7. С. 215.

¹⁷ Там же. С. 221.

¹⁸ Там же. С. 257–258.

внутренней авторской необходимости, что вызывает реконфигурацию жанровой формы. Валентность документа трансформируется, на глазах аудитории переходит на авансцену повествования, занимая одну из ключевых позиций, вовлекает весь «аппарат» черновика — внутренний и внешний, скрупулезно поданный в визуальных коннотациях.

Обостренное чувство черновика, проникновение его в живую плоть текста опирается на крупный массив реальных документов-заготовок.

В Пушкинском Доме в фонде Зоценко «собраны 14 из сохранившихся записных книжек с записями творческого характера и подготовительные материалы к неустановленным произведениям».¹⁹

Документы пронумерованы, скорее всего, владельцем или теми, кто передавал материалы — вдовой и сыном. Нумерация не последовательна.²⁰

№ 1 (1930-е годы). 55 л. Наброски к произведениям о разных авторах (комментарии, римейки, продолжения, замечания, анекдотические заметки) — например, Лескова, Гоголя, Чехова, Блока. Имеются записи бытового характера.

№ 7 (1936–1952). 70 л. Сюжеты и темы произведений; пословицы и поговорки.

№ 8 (1939). 32 л. На л. 1–14 все надписи крестообразно зачеркнуты; 15 л. содержит карандашный рисунок, на котором изображены крючки и прикрепленные к ним «горлышками вверх» — висящие фигуры. Они напоминают мешки, бутылки или тела. 15–25 л. включают наброски. Страницы озаглавлены: «Скетчи», «Сатира», «Крокодил». На л. 26–28 «психоанализ-выписки». 29–30 л. — рисунки (клоун, женская голова с «шеей-воротником» из птичьих перьев, отдельные слова). Сюжет рассказа обозначен как «Пляски Святого Витте» (л. 31).

№ 12 (1936–1952). 94 л. Записи разнородного характера: фрагменты драматических произведений, рисунки, адреса и телефоны, бытовые памятки.

№ 18 (1941–1945). 44 л. Записи идут вразбивку: сентябрь 1941 — эвакуация в Москву, 14 октября — в Алма-Ату. Отмечены 20 тетрадей-заготовок будущей книги «Перед восходом солнца». Наброски военных рассказов, антифашистских фельетонов, сценариев к фильмам «Солдатское счастье» и «Опавшие листья». Апрель 1943 года — приезд в Москву, упоминания о работе в редколлегии журнала «Крокодил». 1944–1945 — наброски комедии (очевидно, «Парусиновый портфель») и пьес для театров. На л. 31, 33, 37, 39 — заголовок: «Воспоминания». На л. 29, 36, 41 — пометы: «Страх». На л. 35 — помета «Fin войны» без указания конкретной даты. К концу — записи телефонов, адреса, бухгалтерские счета.

№ 20 (карандашный номер 18; 1938–1939). 120 л. (Атрибуция карандашом: «Психоанализ»). Классификация снов. «Энциклопедия сновидений». На л. 12–14 размещен список тех, с кем предстоят встречи: Гладков, Павленко, Катаев, Шварц.

№ 22 (1946). 27 л. Наброски к рассказам «Пчелы», «Волки и овцы» и др. Продолжение записи «Сны». На листах другого формата — предположительно из блокнота — вклеены варианты сведений о воде и ветре, совпадающие и дополняющие те, что использованы в повести «Перед восходом солнца» (л. 11–17). На л. 11 поперек горизонтальных записей на полях вертикальная помета: «скучно».

№ 23 (1946–1948). 82 л. На серой обложке рукой Зоценко проставлен номер 101. Контуры цифр обведены чернильным карандашом. Наброски произведений о войне, в частности о партизанах. Рассказы. Фельетоны. Телефоны и адреса тех, с кем Зоценко контактировал, на последних страницах. Зачеркивания полностью отсутствуют.

№ 24 (1950-е годы). 33 л. Наброски к произведениям на зарубежные темы. Комментарий В. В. Зоценко. Практически все листы перечеркнуты крестообразно. На последних трех страницах записи телефонов.

¹⁹ ИРЛИ. Опись ф. 501. Оп. 1 (Творческие документы и подготовительные материалы к ним за 1914–1958). Л. 17. См. также на портале «Автограф»: http://zoshchenko.literature-archive.ru/sites/default/files/f.501_op_1.pdf (дата обращения: 31.07.2021).

²⁰ Отсканированные версии дневников и записных книжек Зоценко (ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 547–554) доступны на портале «Автограф»: <http://zoshchenko.literature-archive.ru/digital-archive/dnevniki-i-zapisnye-knizhki> (дата обращения: 31.07.2021).

№ 25 (1950-е годы). 47 л. Наброски произведений; фразы-«двойчатки» — например, «У него в большом достатке / Нынче только недостатки»; «Дамоклов меч висит надежно / Над тем, кому все делать можно»; «Идет первой роты фельдфебель, / Несет необходимую мебель»; «Три бабы, с флером вокруг повойника, / Несут любимые блюда покойника: / Ножки, печенку и пупок под соусом, / Все три они вопят жалобным голосом» (Из Прутков. «Церемониал погребения тела в бозе усопшего поручика и кавалера Фаддея Козьмича П...»); подсчеты умерших ежегодно — в Европе, на планете; наброски повести «Чугунная тень. Медный всадник» открывают перечень планов к «40-летию Октября».

№ 26 (1950-е годы). 46 л. На обложке стерт номер рукой Зоценко: 51. Темы, наброски сюжетов, отдельные слова, перечень лекарств и медицинских терминов.

№ 29–30 (1950-е годы). 295 л. Исторические сюжеты. Размышления о назначении художника, о сути писателя.

№ 32 (начинается в марте 1958 года). 27 л. Записи сделаны на перекидных листах блокнота, скрепленных пружиной. Имена реальные и исторические (Сперанский), перечень лекарств. Набросок словесного портрета Евтушенко («походочка расслабленная с челочкой на лбу... плясун прославленный, перспективный...»); сатирические рассуждения о капитализме и коммунизме. На обложке приплетенного блокнота типографски напечатаны цифры: 1917–1937. Стихи, темы рассказов для журналов, воспоминания, опорные слова которых занесены в разделенное на квадраты пространство блокнотной страницы. Обозначены «временные регламенты» — разделы: «В далеком прошлом», «В детстве», «В недавнем прошлом».

Записные книжки однотипны. Они открываются вклеенной вырезкой календаря; страницы расчерчены карандашом в виде таблицы, каждая «клетка» которой заполнена по вертикали или горизонтали простым, либо чернильным карандашом, или перьевой ручкой. Часть записей датируется. Зачеркнутые крест-накрест сведения соотносятся с календарными датами (числа также обведены карандашом или ручкой); бытовые планы считаются выполненными или утрачивают свой актуальный характер, а наброски сюжетов, имен, цифровые выкладки использованы. Их путь от записной книжки к тексту произведения или соотнесенность с эпистолярной группой документов предстоит проследить.

При всем разнообразии набросков, заносимых в записные книжки на протяжении нескольких десятилетий, наблюдается повторение одной и той же интенции — Зоценко предельно сконцентрирован на речевых единицах. Страницы его блокнотов — окошки — испещрены цифрами и словами, которые претерпевают всевозможные манипуляции. Жизнь языка — одна из главных материй, с которой непрестанно работает Зоценко, пробует речевую плоть, наблюдая и активно используя подвижность слова. Неслучайно, думается, обостренная, почти физиологическая чувствительность к микроязыковым нюансам отражается в записных книжках. Эти документы представляют собой сложно и вместе с тем просто и наглядно организованные системы, нередко соблюдающие рубричный принцип, и предполагают авторскую атрибуцию по разным категориям, жанровым в том числе. Симбиозы пословиц и поговорок — самостоятельные речевые миры. Они напоминают «коллекции языковых клише», содержат фразеологические обороты, побасенки, обрывки анекдотов и размещаются в параллельных столбцах странично.

Нами выбран показательный фрагмент одной из крупных записных книжек Зоценко — № 12. Данный корпус записей в ней тематически и хронологически продолжает и дополняет записную книжку № 7. Очевидно, сложная нумерация объясняется тем, что в процессе ее заполнения участвовал и сам владелец, и позднее, при обработке и подготовке к передаче архива, его жена В. В. Зоценко. На коричневой коленкоровой обложке есть карандашные памятки в верхнем левом углу. Вверху справа надписи сделаны крупными строчными буквами; контуры разноразмерных литер с нажимом обведены ручкой, внутреннее пространство объемных букв заштриховано карандашом: «Слова», «Поговорки», «Сюжеты», «Театр», «Кино», «Эстрада». Тем же шрифтом выполнены надписи, обозначающие два основных времен-

ных периода: «1936–1937», «1938–1940» (второй, видимо, уточнялся по мере работы: карандашом дописаны даты «<19>42», «<19>44», до 1952 года).

Записная книжка по своей структуре напоминает журнал, содержащий разделы, причем эти рубрики существуют в двух регистрах: с одной стороны, они воспроизводят то, что обозначено на обложке, а с другой, добавляют новые. Например, возникают сверх задуманных рамок «афоризмы», «стихи», «газеты».

Язык «формульный», автоматический обнаруживается на страницах записных книжек и становится объектом пристального внимания, погружения, речевых операций и упражнений. Вычлененные из риторического контекста, из своей привычной канцелярской, бюрократической среды, фразы создают отдельную языковую реальность, открытую, бесконечно пополняемую словесную систему. «Столбцы», приведенные ниже, не редкость для Зоценко. Но выделенная нами в таблице конкретная подборка особенно выразительна. Отметим свойственные ей характерные особенности:

1) Последовательность списка стереотипов, расположенных в левой и правой частях страницы.

2) Шаблоны, вызывающие рождение новых речевых звеньев: одна строка и автономна как отдельное «ядро», и вызывает другую, сцеплена с предыдущей и последующей, образуя целое.

3) Речевые обороты наделены своей внутренней драматургией, интонациями; в них просматриваются коллизии, сюжеты, наблюдаются своеобразные грамматические отношения между отдельными элементами, повторами и кульминациями. Правая колонка ощутимо бравурна. В левой слышится угроза и агрессия.

Неустанная забота	Наполненная клеветническими измышлениями
Яркое выражение	С огромным подъемом
Вся деятельность его	Нашел свое отражение (яркое)
Беззаветное служение	С огромным вниманием
Пронизано повседневной заботой	Поднимает на новые трудовые подвиги
Особое внимание будет обращено	Поднять на новую еще большую ступень
Опираясь на успех	Вписывает новую славную страницу
Является новым свидетельством	Нашел горячий отклик
Новые выдающиеся успехи	Резкой критике подвергся
Самоотверженный созидательный труд	Ценная инициатива
Ведомый	Присвоено звание
За короткий исторический срок	Жизненно важная задача
Завоевание новых вершин	Всемерно содействовать
Во всех отраслях знания	Священная обязанность
С еще большей энергией	Морально-политическое воспитание
Коварный и злобный враг	Следует наконец сказать
Успешно претворяют в жизнь	Нашел горячий отклик
Это является основой	В обстановке огромного политического и трудового подъема
Свидетельствующее еще о том	С большим воодушевлением
Раздувание военного психоза	Мобилизует на досрочное выполнение
Продemonстрировало свою подлую готовность	Систематически перевыполнял
С огромной благодарностью будет встречено	Можно смело сказать
Это яркий образец заботы	Ярко свидетельствуют
Взволнованную речь произнес	Нужно твердо понять
Резким диссонансом прозвучало	Добился значительных результатов
Проникновенно	Всемерно содействовать
Вдохновленный повседневной заботой	Создали предпосылки для ²¹
С чувством законной гордости	
Успешно разрешат эти задачи	
В центре внимания	
Следует отметить	

²¹ Зоценко М. М. Записная книжка № 12 // ИРЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Ед. хр. 549. Л. 40. Орфография Зоценко сохранена. — Е. П.

Само собой разумеется
Подверг резкой критике
Продемонстрировали всему миру
Глубокое миролюбие
Внесли новый вклад
Благородное дело борьбы
В лице его
Верный и надежный оплот
Заклеймили позором
Это свидетельствует о том
В соответствии с решением

Пословицы рассыпаны во всех дневниках, блокнотах, но в двух записных книжках — седьмой и двенадцатой — сконцентрированы, распределены по логико-тематическим группам: «Причина и следствие», «Красота и любовь», «Свое и чужое». Зоценко «тасует» группы, как карты. Повторяет, переиначивает, одно и то же записывает в разных вариантах. «Козла обходи сзади, коня спереди, а человека со всех сторон», «Люди друг для друга и лекарства и болезни» — такие «пары», «двойчатки» повторяются в разных пословичных подрубриках. Очевидно, что Зоценко создает свои наборы, пословичные ярусы, моделирует ситуации, сюжеты. Пословичные своды в зоценковских записных книжках, их подвижность, пополняемость в данном литературном закулиссе свидетельствуют о том, как живая материя речи возникает из неживой и насколько умственный, смысловой резерв трюизмов и штампов продуктивен для рождения творчества. Комбинации пословиц — и шире клишированных форм — вносят в записные книжки лабораторное измерение, где экспериментальным путем выявляется потенциал текста и закономерности зоценковской грамматики — паремии как основы его художественного мира.

Записные книжки, таким образом, рассматриваются не только как вспомогательный источник, позволяющий реконструировать путь от черновика к чистовику, проследить генезис текста и его творческую историю, но интерпретируются как факт литературного процесса, связующее звено между разными его этапами, пространство, где возникают литературные практики будущего. Если говорить о формировании литературного канона XX века, то благодаря поэтике записных книжек, вторгающихся своей речевой плотью в литературную повседневность писателя, отчетливой устанавливается родство между творчеством Зоценко, его произведениями, по речевой природе своей снимающими границу между стихом и прозой, и теми, кто в 1950–1960-х годах начал реабилитировать речь, скомпрометированную советским официозом. Диагноз, поставленный Зоценко в своих сочинениях и записных книжках, во многом открыл дорогу концептуалистам, работавшим с феноменом массового клишированного сознания. В его книжках воссоздан контекст этого «готового языка» стандартов, шаблонных фраз, что позволяет обнаружить ключи к человеческому подоснованию, к мифам, ритуалам, «по канве которых мы живем, сами того не ведая».²²

²² Янечек Дж. Всеволод Некрасов и русский литературный концептуализм // Новое литературное обозрение. 2009. № 5. С. 67.

ЗАМЕТКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-231-232

© В. Я. Звиняцковский (Украина)

«ЮБИЛЕЙ» А. П. ЧЕХОВА: НЕИЗВЕСТНОЕ НАЧАЛО СЦЕНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Согласно мемуарному свидетельству И. Л. Леонтьева-Щеглова, Чехов «драматургом <...> сделался <...>, можно сказать, нечаянно, попав однажды в театр Корша на представление заигранной одноактной пьески „Победителей не судят“ (сюжет пьески вертится на укрошении грубого, но добродушного моряка великосветской красавицей). <...> У Корша отличались г-жа Рыбчинская и г. Соловцов, находившийся, кстати сказать, в приятельских отношениях с Чеховым. Соловцов, своей дюжей фигурой, зычным голосом и резкой манерой подходивший как нельзя более к заглавной роли, настолько понравился Чехову, что у него, как он сам мне рассказывал, явилась мысль написать для него „роль“... нечто вроде русского медведя, взамен французского. Таким образом, появился на свет водевиль „Медведь“ — чеховский театральный первенец, жизненностью и оригинальностью оставивший далеко за флагом своих шаблонных водевильных сверстников».¹

И дальше Леонтьев-Щеглов рассказывает о первом сценическом успехе Чехова — представлении «Медведя».

Но если Чехов был обязан своему приятелю Н. Н. Соловцову (1857–1902) и «нечаянной» идеей стать драматургом, и первым сценическим успехом, то и Соловцов был обязан своему приятелю Чехову переходом от шаблонных водевильных характеров к не вполне шаблонным. И это лишь первое, чем оба друг другу были обязаны... Подводя итог многолетней дружбе, Чехов писал О. Л. Книппер 15 января 1902 года: «Умер Соловцов. Мне даже не верится. Я от него получал громадные телеграммы, то поздравительные, то деловые, зарабатывал через него по крайней мере рублей 200 в год...».²

Поздравительные телеграммы были связаны с тем огромным успехом (как видим по приведенной выше цитате, коммерческим в том числе), которым всегда, без единого исключения, пользовались в Киеве и Одессе пьесы Чехова, поставленные здесь впервые именно Солов-

цовым. А в Москве он единственный при жизни Чехова ставил «Лешего». Таким образом, можно сказать, что Соловцов был у истоков сценической истории всех более или менее заметных драматических произведений Чехова (разумеется, кроме «Вишневого сада», до которого не дожил).

Читатель, сведущий в чеховедении, может мне решительно возразить: мол, *нельзя* так сказать, ибо к более или менее заметным произведениям чеховской драматургии мы относим и чеховские водевили, «жизненностью и оригинальностью оставившие далеко за флагом своих шаблонных водевильных сверстников». А это не только «Медведь», но еще и как минимум «Юбилей». А про него, в свою очередь, из комментария к академическому собранию сочинений нам известно, что он впервые был поставлен 28 ноября 1900 года, и отнюдь не Соловцовым.³

Последнее обстоятельство выглядит странным. Организатор рискованного предприятия — Киевского товарищества драматических артистов, Соловцов с 1891 года избрал миссию удивлять требовательную, капризную, но совершенно нетеатральную киевскую публику. Он решил стать здесь не очередным гастролером, а создать первый в городе постоянно действующий драматический театр. А для этого был необходим именно нешаблонный, незаигранный репертуар. Это — одна сторона медали.

А вот и другая — литографированное издание разрешенной к постановке новой пьесы: Юбилей. Шутка в 1-м действии А. Чехова. М., 1892. Неужели Соловцов им не воспользовался?

К счастью, существует летопись истории драматического театра в Киеве за XIX столетие — по 1893 год включительно. И вот почти в самом конце этой летописи читаем, что весенний сезон Киевского товарищества драматических артистов в 1893 году открылся 31 марта, и в афишах этого первого спектакля значились: «„Счастливец“, ком<едия> в 4 д. Немиров<ича>-Даценко; „Юбилей“, шутка в 1 д. Чехова в 1-й раз в Киеве».⁴ Смеем пред-

¹ Леонтьев-Щеглов И. Л. Из воспоминаний об Антоне Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 59–60.

² Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1981. Т. 10. С. 170.

³ См.: Там же. Соч.: В 18 т. Т. 12. С. 397.

⁴ Николаев Н. И. Драматический театр в г. Киеве: Исторический очерк (1803–1893 гг.). Киев, 1898. С. 199.

положить, что это могла быть и «мировая» премьера, не отмеченная в академическом 30-томнике.

Упоминание о «Юбилее» в театральной летописи Н. И. Николаева подтверждается и откликами в печати. Так, 2 апреля в газете «Киевлянин» можно было прочесть следующее: «Спектакль 31 марта закончился новой одноактной пьеской А. П. Чехова „Юбилей“. Это пьеска несколько карикатурная, но не лишённая наблюдательности и той свежести юмора, блестяки которого рассеяны по всем крошечным беллетристическим произведениям талантливого автора. Благодаря непринужденной и оживленной игре г. Чужбинова, г-жи Шаравъевой, г. Долинова и г-жи Чужбиновой в театре все время стоял несомлакаемый хохот. Театр был полон».⁵

Эта мини-рецензия в контексте многочисленных отзывов газеты «Киевлянин» на прижизненные постановки пьес Чехова по-своему уникальна. Дело в том, что эта газета на протяжении полутора десятилетий вела унылую и мелочную войну с серьезными произведениями упомянутого «талантливого автора», блестяки юмора которого, как снисходительно указывал киевский рецензент, «рассеяны по всем крошечным беллетристическим» его произведениям. Что ж, некогда Чехов в молодом задоре сам объявил войну мракобесному орга-

⁵ Из. Ал-ский [Александровский И. В.]. Театральные заметки // Киевлянин. 1893. 2 апр. № 90.

ну печати, и как раз в одной из «блесток» своей юмористики, точнее в одном из «Обер-верхов», опубликованных в «Осколках» почти ровно за десять лет до цитированной рецензии — 9 апреля 1883 года:

Верх благонамеренности

Нам пишут, что на днях один из сотрудников «Киевлянина», некий Т., начитавшись московских газет, в припадке сомнения сделал у самого себя обыск. Не нашедши ничего предосудительного, он все-таки сводил себя в квартал.⁶

Театральным обозревателем «Киевлянина» с начала 1880-х служил Измаил Владимирович Александровский (годы жизни точно неизвестны, примерно 1850-е — 1920-е). Вряд ли именно он ассоциировал себя с героем «Верха благонамеренности», и вряд ли вообще у этого героя был конкретный прототип — дело было в общем реакционном, охранительном духе «Киевлянина», известном всей Российской империи. Но как бы то ни было, Александровский последовательно ругал все киевские соловцовские спектакли по пьесам Чехова, начиная «Ивановым» и кончая «Тремя сестрами».

Однако же «Юбилей» привел обозревателя в благодушно-снисходительное настроение. Видимо, игра соловцовской труппы была и впрямь «непринужденной и оживленной».

⁶ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Соч. Т. 2. С. 106.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-232-235

© М. М. Павлова

НОВОНАЙДЕННЫЙ ЭКСПРОМТ ФЕДОРА СОЛОГУБА. ИЗ ДОПОЛНЕНИЙ К DUBIA

Злободневные экспромты, пародии и эпиграммы Федора Сологуба, ходившие в годы Первой русской революции в устной форме и в списках, остаются практически неизвестными и не разысканными.

По свидетельству современников, у Сологуба их было немало и, судя по всему, эти неподцензурные тексты имели широкую известность в кругах творческой элиты, как и сатирические стихи поэта — «Шут», «Четыре офицера...», «Веселая народная песня», «У правительства — нагайки, пулеметы и штыки...», «Халдейская песня» и некоторые другие, печатавшиеся в 1905–1906 годах в боевых журналах «Зритель», «Сигнал», «Пламя», «Вольница».

До нас дошли лишь единичные опусы из этого корпуса, почти все они относятся к разряду dubia, поскольку сообщаются мемуари-

стами. Вл. Пяст, например, записал: «Не помню, однако, посмел ли кто-нибудь напечатать ту стихотворную сказочку, которая кончается так:

Погаснул газ, погасло электричество, —
И спряталось его величество».¹

Еще один неподцензурный текст процитировал Андрей Белый в «Начале века», сопроводив его комментарием: «В 905 году он очень ярко откликнулся на расстрел рабочих; его жальщие пародии на духовенство и власть были широко распространены в Петербурге:

¹ Пяст Вл. Встречи / Сост., вступ. статья, подг. текста, комм. Р. Тименчика. М., 1997. С. 26.

пахло тлением. И я помню, как это ощущение покойный Ф. К. Сологуб¹¹ в конце января 1905 года запечатлел шуткой-стихом, написанной за чайным столом у Мережковских среди писательской болтовни об „идушей революции“. Он черкнул карандашом на маленьком кусочке бумаги, который я взял себе в карман:

Под палачами рухнул мост.
Городовой убит — Романов.
Поверьте — также будет прост
Конец насилий и обманов.

Злая шутка — оказалась пророчеством и чрезмерно дорогим для нас уроком.¹²

В статье, направленной против советского режима, уповая на скорое «издыхание» большевиков, Карташев вспоминает начало революционного 1905 года — события, воспринимавшиеся как предвестие крушения самодержавия. В воспоминаниях, однако, допущен анахронизм. За давностью лет мемуарист спутал очередность событий (буквально последовал за текстом сологубовского экспромта).

Обрушение Египетского моста произошло не в 1904 году накануне Рождества, а после Кровавого воскресенья. Оба происшествия — гибель городского Петра Романова, убитого картечью 6 января во время торжественного церемониала водосвятия у Зимнего дворца (в присутствии царя, свиты и митрополита), и катастрофа, произошедшая 24 января на Фонтанке, широко и подробно освещались в прессе,¹³ обыгрывались в сатирических куплетах,¹⁴ комментировались в дневниках и мемуарах современников.¹⁵

«Несчастный случай» с городским многими посчитали покушением на цареубийство. Например, известная беллетристка, приятель-

ница А. С. Суворина, С. И. Смирнова-Сазонова 6 января записала в дневнике: «По городу пустили слухи, что в Госуд<аря> стреляли. Да из чего стреляли-то? Из пушки в Петропавлов<ской> Крепости, по кот<орой> проверяют часы. Вместо холост<ого> патрона вставили будто бы боевой и пальнули через Неву»; 7 января: «Слух о покушении на царя оказался верен. Когда он б<ыл> на Иордани, с батареей на бирже делали салюты да и пустили раз картечью. Пули щелкнули в помост Иордани, разбили окна в Зимн<ем> дворце и тяжело ранили городского. В правительствен<ном> сообщении это объясняют несчаст<ой> случайностью. Артиллеристы гов<орят>, что тут не могло б<ыть> случайности».¹⁶

В прибавлении к «Правительственному вестнику» была помещена заметка с показателями очевидцев: «...во время величественной иорданской церемонии, когда митрополит Антоний совершал водоосвящение и по сигналу ракеты в момент погружения креста загредел салют артиллерии, непостижимым образом в одном из холостых зарядов оказалось несколько патронов с пулями старого образца, которые при выстреле перелетели через Неву, осыпали часть Иордани, коробку подъезда и колонны Зимнего Дворца, оставив на них заметные следы. Одной пулей пробило знамя Морского корпуса, одной пулей ранило городского; две пули пробили стекла Николаевского зала и залетели в самый зал, упав под хорами»; «Вместе с первым выстрелом первой батареи я услышал звук вроде разрыва ракеты и удивился, отчего пускают вторую ракету. В то же мгновенье я увидел, что шагах в 20-ти от меня упал городской и что снег вокруг его головы был окровавлен. Сначала я подумал, что он ранен ракетой, и потом только узнал о его ране картечной пулей».¹⁷

С еще большими деталями и натуралистическими подробностями газетные репортеры освещали катастрофу 24 января 1905 года: «„Мост провалился, Египетский мост провалился! Солдаты утонули!“ — так кричала толпа, бегом устремляясь к Фонтанке. Со всех сторон неслись, гремя звонками, пожарные обозы, бежали матросы, везли санитарные кареты.

Тысячи народа, целое море голов по обеим сторонам набережной у моста. Ужасная картина!

Весь мост, длиною 21 сажень, рухнул в воду. За уцелевшие железные балки, перила, за обломки льдин цепляются солдаты Конно-гренадерского полка, женщины в платках, извозчики, рабочие. Страшный вопль, крик о спасении стоит в воздухе. Масса лошадей, разбрасывая брызги, бьется по горло в воде, некоторые лошади падают, увлекая в воду старающихся их вытащить солдат. Извозчик сидит на едва видном из воды облучке саней и изо-

¹¹ Ф. Сологуб ушел из жизни 5 декабря 1927 года.

¹² Борьба за Россию. 1929. № 146/147. 1 октября. С. 2–3.

¹³ Подробное описание церемониала см., например: Крещенский парад // Новости и Биржевая газета. 1905. 7 (20) янв. № 7. С. 2 (без подписи).

¹⁴ См., к примеру: «Вот слушай: января шестого / Был день крещения Христова... / Плятя обычаем предков дань, / Пошел и я на Иордань, / Чтоб видеть, как митрополит / В Неве водичу освятят» (Стихотворная сатира Первой русской революции (1905–1907) / Вступ. статья А. А. Нинова; сост., подг. текста и прим. Н. Б. Банк, Н. Г. Захаренко и Э. М. Шнейдерман. Л., 1969. С. 525; неизвестный автор).

¹⁵ Январские события 1905 года исчерпывающим образом изучены историками Первой русской революции, в отечественной историографии на этот счет сложилась обширная литература. Цель нашей заметки — ввести в научный оборот неучтенные мемуарный эскиз А. В. Карташева и эпиграмму Сологуба.

¹⁶ ИРЛИ. Ф. 285. Ед. хр. 45. Л. 525.

¹⁷ Несчастный случай 6 января // Новое время. 1905. 7 (20) янв. № 10366. С. 2–3 (без подписи).

всей силы дергает вожжами лошадь, голова которой уходит все больше и больше в воду. <...> Толпа громко винила в катастрофе думу и управу» и т. д. В заключение вслед за изложением рассказов очевидцев репортер не пожалел красок: «Жалкую картину представляет теперь бывший Египетский мост. На его красных, облупившихся от времени арках с египетскими иероглифами торчат оборванные цепи, железные балки, а внизу, из воды, еле видны, уже подернувшиеся льдом, переломанная чугунная решетка, доски, балки, скрепления, в виде каких-то фантастических цветов... Посередине бывшего моста качается уцелевший газовый фонарь...»¹⁸

В эпиграмме «Под палачами рухнул мост...», написанной по свежим январским впечатлениям 1905 года, Сологуб фиксирует обратную хронологическую последователь-

¹⁸ Вл. С. Провал Египетского моста // Новое время. 1905. 21 янв. (3 февр.). № 10373. С. 4.

ность недавних событий. По-видимому, это отвечало авторскому импульсу и общей профетической направленности текста, отражавшего общественные ожидания. «По русской народной поговорке, — предрекали газетчики, — когда два однородных несчастья произошли, то и третьему не миновать. У нас в Петербурге провалились уже два моста: Дворцовый¹⁹ и Египетский. Очередь за третьим. Надо бы, по крайней мере, отдалить эту очередь на возможно продолжительный срок».²⁰

¹⁹ Речь идет о плашкоутном мосте, наведенном в связи с переносом в 1896 году наплавного Дворцового моста к Зимнему дворцу, где затем был возведен постоянный. Плашкоутный мост был открыт в декабре 1897 года, однако в апреле 1899 года несколько плашкоутов затонули, движение стало невозможно, ремонт был завершен в мае того же года.

²⁰ По поводу провала Египетского моста // Новости и Биржевая газета. 1905. 22 янв. (4 февр.). № 16. С. 2 (без подписи).

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-236-239

© А. Ю. Соловьев

Д. И. ФОНВИЗИН ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ: ЗАДАЧИ И РЕШЕНИЯ*

«Недоросль» Д. И. Фонвизина, пожалуй, одно из немногих произведений русской литературы XVIII века, до сих пор сохраняющих живую читательскую — и зрительскую — аудиторию. За последние тридцать лет вышло несколько значимых исследований, посвященных автору комедии: перевод книги А. Стричека «Денис Фонвизин: Россия эпохи Просвещения» (1994; на французском языке вышла в 1976 году), подготовленное международным коллективом издание по-французски «Писем из Франции» (1995), биографические работы Н. Д. Кочетковой (в «Словаре русских писателей XVIII века», 2010) и М. Ю. Люстрова (в серии «Жизнь замечательных людей», 2013), а также главы в монографиях, материал которых шире творчества Фонвизина (О. Б. Лебедевой (1996), В. Ю. Проскуриной (2017)). Не потеряли актуальности и исследования К. В. Пигарева (1954), Г. П. Макогоненко (1961), П. Н. Беркова (1977), а также старые труды П. А. Вяземского и В. О. Ключевского. Однако работы, посвященные Фонвизину, публикуются крайне редко, и, как кажется, их число несоизмеримо месту писателя в истории русской литературы. У Фонвизина до сих пор нет ни академического Полного собрания сочинений, ни летописи жизни и творчества, ни персональной библиографии. Поэтому появление новой книги о Фонвизине — это большое событие, сопряженное с большой ответственностью, так как работе предстоит выдержать сравнение с названными выше трудами, большая часть которых стала классическими.

Рецензируемое издание из разряда тех, что заполняют лакуну самим фактом выхода в свет и вместе с тем привлекают пристальное и придирчивое внимание заинтересованных лиц.

Книга М. Ю. Осокина состоит из трех неравных частей: 1) «Краткая хронология „Недоросля“» (с. 7–21); 2) текст комедии (с. 27–135); 3) комментарии к ней, занимающие большую часть объема издания (с. 136–516). Каждая из частей требует осмысления, потому что в каждом случае мы имеем дело с отдельным науч-

ным вопросом, адекватного ответа на который пока нет.

Автор предваряет разговор о «Недоросле» кратким вступлением, поясняющим цель исследования, заключающуюся в расширении и ревизии «свода интерпретаций» комедии, среди которых, с его точки зрения, выделяются три группы, требующие переоценки в наибольшей степени. Это представление о трагическом пафосе пьесы, о ее антикрепостнической направленности, а также о проявлении в ней тенденции к так называемому просветительскому реализму. Исходя из сказанного и следовало бы оценивать полученные результаты, но значение работы, может быть вопреки воле автора, выходит за пределы поставленных им задач.

«Краткая хронология», составленная с добросовестной опорой на все известные источники, восстанавливает ход работы Фонвизина над «Недорослем» и историю его прижизненных публикаций и постановок. К сожалению, здесь М. Ю. Осокин непоследовательно применяет критический подход. В летописи, где ожидаешь встретить только факты, находим и спорные оценки, и пристрастные свидетельства современников, включенные в свод без комментариев. Так, «Письма из Франции» названы «галлофобскими» и «основательно обобравшими» (с. 8) книгу Ш. П. Дюкло «Размышления о нравах сего века» — со ссылкой лишь на своеобразную и отнюдь не научную позицию П. А. Вяземского, получившую еще до публикации возражения со стороны Пушкина; это тем более странно, что история вопроса М. Ю. Осокину известна. Отзыв французского дипломата М. Корберона о лени и праздности Фонвизина (с. 9) определенно был вызван неприязненным отношением к его шефу Н. И. Панину, проводнику антифранцузской внешней политики;¹ вряд ли его можно считать

* Осокин М. Ю. Комический театр г-на Фонвизина. «Недоросль»: комментарий. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 560 с.

¹ Отметим известную М. Ю. Осокину оценку В. П. Степанова, справедливо, на наш взгляд, считавшего, что Корберон в этом свидетельстве вынужден был «спорить и опровергать мнение о Фонвизине своей светской знакомой», находившейся, как и многие, под обаянием личности писателя (Степанов В. П. Poleмика вокруг Д. И. Фонвизина в период

подтверждением того, что летом 1780 года продолжалась пришедшая на 1770-е годы пауза в фонвизинской комедιοграфии. Отводя свидетельство П. Н. Арапова о публичных читках Фонвизинным «Недоросля» (не подвергающееся сомнению биографами²), автор утверждает, что это не согласуется с желанием драматурга «сохранить аноним» при московской постановке пьесы. Впрочем, с таким желанием не согласуется и самый факт организации представления — напомним, уже после попытки вывести комедию на сцену в Петербурге. Если же разграничить понятия полной конфиденциальности, которое, кажется, подразумевает исследователь под «анонимом», и «безымянного произведения»,³ т. е. просто не подписанного именем автора, то ясно, что чтение «Недоросля» в избранном кругу московских ценителей не противоречит намерению скрыть свое имя от широкой публики.

Хронология «Недоросля» подводит нас к текстологии пьесы. Ее автографа не сохранилось. Есть несколько прижизненных изданий и рукописи (писарская копия), содержащая исправления текста рукой Фонвизина (РГБ, ф. 472, карт. 1, № 1). Разночтения между вариантами, оставшиеся в советское время практически без внимания, существенны.

Текстологическая подготовка публикуемой в книге комедии представляет значительный интерес, так как впервые за много десятилетий, точнее, спустя почти 130 лет (после выхода в свет «Материалов для полного собрания сочинений Д. И. Фонвизина» Н. С. Тихонравова) «Недоросль» издан с вариантами.⁴ Текст «Недоросля» опубликован Осокиным по второму изданию комедии 1788 года — по иным принципам, чем в ставшем типовым для последующих изданий Собрании сочинений 1959 года под редакцией Г. П. Макогоненко.⁵ Данный

создания «Недоросля» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 207).

² Ср.: Кочеткова Н. Д. Фонвизин Денис Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. Р–Я. С. 313; Люстров М. Ю. Фонвизин. М., 2013. С. 180 (сер. «Жизнь замечательных людей. Малая сер.»).

³ Аноним // Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984. Т. 1. С. 71.

⁴ В последний раз варианты комедии, по-видимому, готовил Г. А. Гуковский для собрания сочинений Фонвизина в издательстве «Academia» (не было издано, см.: РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 1605. Ход подготовки собрания (Гуковский занимался им совместно с Я. Л. Барсковым) отражен в материалах издательства, см.: Там же. Ед. хр. 213.

⁵ В нем была применена контаминация текста первого издания «Недоросля» (1783) и авторизованного списка, хранящегося ныне в РГБ, причем места включенных дополнений не обозначены. Ср., например: у Тихонравова и в настоящем издании на с. 35 диалог Простакова и Скотинина в конце 5-го явления 1-го действия с намеком на родство Скотинина и Мит-

эдиционный подход может вызывать вопросы, но он должен, наконец, спровоцировать движение в этой области. Правда, М. Ю. Осокин полностью повторяет издание Тихонравова, вплоть до применения дореформенной орфографии и использования тех же условных обозначений источников.

Изучение вариантов вскрывает непоследовательность решений в других изданиях. Так, варианты рукописи РГБ и издания 1830 года под редакцией П. П. Бекетова (в котором был использован не дошедший до нас автограф) в ряде случаев совпадают между собой и отличаются от первого издания «Недоросля», но расходятся в других, что не было учтено в публикации 1959 года.

Выбор основного источника текста обоснован целями издания: отойти от «составленного в СССР» текста «Недоросля», показать текст, доступный современникам, и эволюцию замысла. Но пункт о современниках оставляет сомнения. М. Ю. Осокин опирается на тезис, что таков был «Недоросль», воспроизводившийся в печати до 1830-х годов. Однако совсем не обязательно, в особенности для литературы XVIII века, что это — «текст, которым располагали современники» (с. 25), так как для каких-либо выводов сохранилось слишком мало данных. Предполагается, что публика знакома с «Недорослем» в основном по печатным изданиям, но нужно учитывать, во-первых, постановки (есть упоминания об отдельных постановках, так, например, Екатерина II видела «Недоросля» в сокращенном виде), а во-вторых, списки — о которых информации порой недостаточно. Представляется очень вероятным, что по крайней мере ранние списки были сделаны не с изданий, а с театральных рукописей (а возможно, учитывая распространение пьесы через чтение Фонвизиным, и с его автографа). Поиск и изучение театральных копий, в том числе далеких по времени — дело будущего.

Наконец, наиболее обширная, не менее проблемная и самая увлекательная часть издания — комментарий. Несмотря на деятельные усилия в этой области, предпринимавшиеся П. А. Ефремовым, Н. С. Тихонравовым, Я. Л. Барсковым, Г. А. Гуковским, П. Н. Берковым, Г. П. Макогоненко и с разной степенью успеха воплощенные в изданиях, академический комментарий к «Недорослю» не написан.

Комментарий М. Ю. Осокина содержит множество сведений, как почерпнутых из исследовательской литературы, так и найденных самим автором, например, параллели между «Недорослем» и другими комедиями русского репертуара. В большей степени, чем комментарий, это опыт медленного чтения с толкованием мотивов действий персонажей, пояснениями сюжетных связей, драматургической

рофанушки приводится в сноске как вариант, находящийся в двух источниках; Г. П. Макогоненко внес его в основной текст (Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 112).

техники. См., например: «Этот комок поспешных реплик и передает взволнованность встречей, и избавляет зрителя от необходимости еще раз выслушивать то, о чем он и так уже знает» (с. 262; о диалоге Софьи и Милона в начале 2-го действия). Сочтем это достоинством работы Осокина, поскольку труднее всего преодолеваемое современным читателем препятствие — не понять язык или мировоззрение, а «усвоить культуру чтения XVIII столетия». ⁶ Проникновению в ее ритм и суть способствует и обогащение комментария за счет контекста, раскрываемого далеко не только в тех случаях, когда Фонвизин заимствовал что-то из других сочинений. Нельзя не отметить его широту.

Структура комментария представляется недостаточно продуманной. Иногда фрагменты текста рассматриваются изолированно, как если бы они существовали только в «Недоросле», что влечет исследователя к неверным выводам. Например, рассуждение о слове «Госпожа» перед фамилией Простаковой в списке действующих лиц как «знаке субординации», перевернутых отношений ее с мужем (с. 144) игнорирует очевидный факт, что в других комедиях того времени использовалось то же обозначение, которое, очевидно, указывало на благородный статус персонажей женского пола и было нейтральным (вспомним «госпожу Ханжакину», «госпожу Вестникову» или «госпожу Ворчалкину» в комедиях Екатерины II, упоминаемых здесь же (с. 145)).

В целом стоявшую перед автором задачу дать широкий литературный контекст и «свод интерпретаций» можно считать перевыполненной. М. Ю. Осокин показывает многочисленные интерпретации тех или иных мест и тем комедии, называет множество соответствий в литературе XVIII века, не только русской. ⁷ (Упомянем, что, несмотря на несогласие с рядом трактовок, выраженное порою в резком виде, исследователь приводит их с максимальной полнотой, и читатель имеет возможность сформулировать свое суждение с опорой на материал.) Но значительным отступлением от жанра нам кажется смещение исследования пьесы и собственно комментария. Так, рассуждение о пословице «По кафтану встречают, а по уму провожают» как о паремнологическом контексте (или даже претексте) «Недоросля» (в связи с этим упоминаются и екатерининские пьесы) выводит к перспективной теме. Афористический стиль Фонвизина, подаривший русскому языку и культуре немало острых слов и выражений, имеет и биографический контекст (работа писателя над словарем синонимов — «Сословником», вообще его многолетний интерес к лексикографии), и историко-ли-

тературную перспективу. И тема эта, несмотря на многочисленные исследования, до сих пор не исчерпана. Однако ее нельзя рассматривать на материале какого-либо одного места комедии, а здесь именно так и происходит: рассуждение подано как комментарий к реплике госпожи Простаковой «Кафтан весь испорчен» (на с. 182–184). Отчасти комментаторскую стратегию М. Ю. Осокина объясняет оговорка: «За точку отсчета (для данной темы. — А. С.) реплика берется потому, что в ней первый, но не последний раз возникает (данная. — А. С.) тема» (с. 193). Но перспективнее было бы выделить несколько общих тем, касающихся всего текста в целом, как это часто делается в академических изданиях.

Отметим также, что комментарии часто бывают избирательны и включают побочные сюжеты. Так, Бурда из «Вздорщницы» Сумарокова, безусловно, входит в близкий контекст образа Простаковой, но не имеет отношения к сюжету «портной обворовывает заказчика», который, в свою очередь, связан с *одной* из трактовок сцены между Простаковой и Тришкой (1 д., 2 явл.). Привязка этой трактовки именно к словам «Он, вор, везде его обузил. Митрофанушка, друг мой! Я чаю, тебя жмет до смерти» видится произвольной или, по меньшей мере, не более обоснованной, чем к другим репликам Простаковой о Тришке. К теме инцеста в «Недоросле», которой уделено немало страниц комментария, совсем не относится упоминание «готической» традиции Х. Уолпола и Н. М. Карамзина (с. 205), это явно дань просветительской задаче издания.

Между комментарием к литературному произведению и его интерпретацией существует граница, которую автор, на наш взгляд, часто переходит. Это явствует, например, из комментария к реплике вбегающего Митрофана (1 д., 2 явл.): он «чувствует, что наклеивается ссора, и специально торопится («вбегает»), чтобы успеть раньше отца, создать впечатление, что тот медлит, т. е. подогревает конфликт...» (с. 197). Такие психологические трактовки действий персонажей, основывающиеся на логике и общем представлении об отношениях между персонажами пьесы, уместнее в эссе, чем в комментарии.

Вспомним, однако, рассуждения Р. Д. Тищенко: «Беда и достоинство всякого комментария — я напому очевидную вещь — в том, что он рассчитан не на века, а на сегодняшний уровень понимания и непонимания, на толкование сегодняшнего читателя». ⁸ — и признаем, что, возможно, таков запрос нашей эпохи: нам уже настолько неясны мотивы поступков персонажей, что от исследователя требуется в первую очередь их объяснение. Главное же, что заставляет с вниманием отнестись к опыту М. Ю. Осокина, — малое присутствие в науч-

⁶ Гуськов Н. А. История русской литературы XVIII века: учебная книга. СПб., 2013. С. 9.

⁷ Подытожить тему «Фонвизин и Хольберг» помогло бы вышедшее годом позже издание: Люстров М. Ю. Людвиг Хольберг и русско-скандинавские литературные связи в XVIII веке. М., 2021. С. 49–78.

⁸ Речь на презентации комментария А. А. Долинина к набоковскому «Дару» 28 ноября 2019 года, см.: <http://polka.academy/materials/588> (дата обращения: 31.07.2021).

ном поле изучения XVIII века проблемы комментария (как и монографических образцов этой работы: можно назвать, например, комментарий Л. И. Кулаковой и В. А. Западава к «Путешествию из Петербурга в Москву» (1974)).

Укажем в конце на досадное несовершенство издательской подготовки книги, проявившееся, в частности, в количестве опечаток, обидном для издательского дома, давно и успешно занимающегося филологической продукцией. Обширному комментарию остро не хватает указателя имен (а отчасти и произведений). Электронная версия на данный момент (декабрь

2020 — июль 2021 года) недоступна. В описании книги указано, что это второе издание, но первого не найти в библиотечных каталогах. Тираж — 300 экземпляров — не дает надежды, что комментарием смогут воспользоваться студенты и тем более школьники для подготовки к экзаменам (что заявлено автором как одна из целей). Однако специалистам книга М. Ю. Осокина послужит если и не источником открытий, то одной из отправных точек для обращения к проблеме научного издания Д. И. Фонвизина и к проблеме научного комментирования произведений русской литературы XVIII века.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-239-240

© А. О. Дёмин

ПУБЛИКАЦИЯ ИЗ АРХИВА Г. Р. ДЕРЖАВИНА В КНИГЕ О БИТВЕ ПРИ САЛАМИНЕ*

Книга Е. В. Лукина представляет собой подборку исторических и литературных сочинений, посвященных битве при Саламине (480 год до н. э.), которую составитель полагает первым масштабным военным конфликтом между Западом и Востоком, сражением свободы и тирании.

Е. В. Лукин (род. 1956) — петербургский прозаик, поэт, историк, переводчик. Окончил исторический факультет Ленинградского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза писателей России. Лауреат литературных премий. Очерк его биографии и творчества находится на с. 286–288.

В книгу вошли фрагменты русских переводов из трудов древних и новых авторов, посвященных этому событию: восьмая книга «Истории» Геродота, трагедия Эсхила «Персы», ном «Персы» Тимофея Милетского, биографический очерк о Фемистокле из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, оперное либретто П. Метастазо «Фемистокл» в двух переводах, стихи Ригаса Фереоса и Дионисия Соломоса о битве при Саламине. Специально для этого издания Е. В. Лукин сделал переводы поэмы Тимофея и «Гимна свободе» Соломоса, а также составил краткие примечания к произведениям.

Внимание специалистов по творчеству Г. Р. Державина должна привлечь первая полная публикация его перевода оперного либретто П. Метастазо «Фемистокл». Рукопись хранится в фонде Державина в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Ф. 96. Оп. 1. № 28). Отрывок

из нее впервые был напечатан в «Сочинениях Державина» Я. К. Гротом (СПб., 1867. Т. 4. С. 799–802) вместе с отрывками еще целого ряда оперных переводов и оригинальных замыслов поэта.

В начале XIX века Державина занимала идея создания литературной основы для русской музыкальной драмы. Он посвятил отдельную главу жанру оперы в своем итоговом историко-теоретическом сочинении «Рассуждение о лирической поэзии» и сделал несколько любопытных творческих опытов. Это были драмы смешанного типа «Добрыня» и «Пожарский», трагедия с хорами «Ирод Великий» и оперные либретто. В жанре серьезной оперы были написаны «Грозный, или Покорение Казани» и «Есфирь». В жанре комическом — «Рудокобы» и «Дурочка умнее умных». Остались также наброски комических опер «Батмендий», «Девушка на возу» и «Счастливый горбун». Одновременно поэт изучал лучшие иноземные образцы на практике и переводил на русский язык сочинения признанного мастера в жанре либретто — П. Метастазо: «Титово милосердие» и «Фемистокл». Не зная итальянского языка, Державин привлек к этой работе молодого князя П. Г. Гагарина, который переложил для него прозой лирические драмы Метастазо «Фемистокл» и «Аттилий Регул», а также самое начало либретто «Олимпиада». Эти переводы хранятся в архиве Державина в ИРЛИ (Ф. 96. Оп. 14. № 38 и 30). Они содержат также заметки Гагарина о способах перевода и имеют значение лишь подспорья для стихотворного державинского труда.

Научное издание драматических переводов Державина — задача еще не решенная. Грот, по-видимому, первоначально ставил ее перед собой. Об этом свидетельствуют полные

* Лукин Е. В. Запад против Востока: 2500 лет первой битве. СПб.: Алетейя, 2020. 301 с.

копии «Титова милосердия» и «Фемистокла» середины XIX века с его примечаниями (Ф. 96. Оп. 1. № 29. Л. 34–74; № 28. Л. 45–98). В печать, однако, попали только отрывки из них. Текстология «Фемистокла» особенно сложна. В писарской копии полного перевода с поправками Державина все вокальные номера (арии и ансамбли) построчно зачеркнуты и над каждой строкой вписан новый вариант, на л. 43 об. находятся три варианта финального хора. Кроме того, в других рукописях можно встретить черновые наброски перевода: РНБ. Ф. 247 (Державин). Т. 4. Л. 96 об. — 97; ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. № 45. Л. 23–23 об. Разработка эдичионного режима подачи всех этих источников и установление дефинитивного текста является непостоянной научной задачей. Сопоставление державинского перевода с подстрочником Гагарина должно стать со временем темой отдельного исследования. Уместно также размышление о том, как сюжет, связанный

с битвой при Саламине и завершающийся торжественным примирением главных антагонистов: афинского полководца Фемистокла и персидского царя Ксеркса, — соотносится с обстановкой победоносного завершения Отечественной войны 1812 года. Датировку перевода косвенно дают черновые записи оригинального оперного либретто Державина «Грозный, или Покорение Казани», опубликованного в 1813 году, которые сделаны на тех же листах, что и черновые наброски «Фемистокла».

Разумеется, книга Е. В. Лукина «Запад против Востока» имеет самостоятельное научно-популярное, публицистическое и художественное значение. И все же она не должна затеряться и пройти мимо будущего исследователя позднего творчества и издателя драматических сочинений Г. Р. Державина, который в силу специализации своего интереса не уделял бы ей должного внимания.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-240-247

© С. Н. Гуськов

ЛИТЕРАТУРА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ XIX ВЕКА Обзор новых исследований*

Взаимодействие государственной власти и литературы и связанная с этим проблема институтов литературы — актуальное направление в современных исторических, социологических и собственно литературоведческих исследованиях. Цензура, история чтения, литературные общества, премии, вообще случаи разнообразных контактов литературы с государственной властью вызывают в настоящее время устойчивый интерес ученых-гуманитариев. Количество исследований о литературе и государстве во всех возможных вариациях данной темы абсолютно необозримо. Поэтому важной проблемой при обращении к этой теме является выбор исследовательского ракурса. В настоящем обзоре мы обратились преимущественно к работам о том, как писатели встраивались в систему государственных институтов. Такой подход кажется нам на сегодняшний день оптимальным, потому что позволяет сочетать социологический подход к литературе с вниманием к автору и к литературному тексту, который при всех трансформациях фило-

логической оптики остается конечным объектом собственно литературоведческого исследования. Возрастающее многообразие научного инструментария, на наш взгляд, не должно загромождать то, к чему движется филолог, — к смыслу текста. Выбранный ракурс отнюдь не сужает область изучения — проблематика новейших работ по теме естественным образом строится на персональном биографическом материале — но дает возможность более прагматически структурировать обширный материал.

Если ранее интерес историков литературы к служебной деятельности писателя, как правило, оставался в пределах биографического дискурса и даже и в этих границах был скорее факультативным, а самостоятельные статьи, а тем более монографии на эту тему единичными, то в последнее время произошло расширение исследовательского поля и служебная деятельность писателей стала рассматриваться как в рамках новых направлений изучения истории литературы, так и в непосредственной связи с анализом художественных текстов. Как представляется, такое изменение можно объяснить несколькими причинами. Важное место занимают методологические причины: так называемый «исторический поворот», развитие исторической социологии, размывание границ гуманитарных наук вооб-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-112-50227 (Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-112-50227).

ще и истории литературы в частности. Благодаря этим переменам в истории литературы большее место стали уделять изучению биографии писателя, историческому и политическому контексту его творчества, прагматике литературы. Можно объяснить это изменение и собственно идеологическими причинами, более активным интересом к консервативной идеологии и — в связи с ним — к писателям, которые ее придерживались. Отход от периодизации литературы, обусловленной этапами революционно-освободительного движения, возродил исследовательское внимание к писателям, которые не были настроены к власти оппозиционно, а напротив, по убеждениям или в силу обстоятельств сочетали литературное творчество с государственной службой. Для них коммуникация с властью часто оказывалась значимой не только в житейском, но и в творческом и идеологическом смыслах, и поэтому ее следует учитывать при характеристике их биографии и творчества.

Тема «Государство и литература» рассматривается учеными по преимуществу на историческом материале XVIII и начала XIX века — периода, когда литература и авторами, и представителями власти воспринималась как часть государственного проекта. Это касается и «персонального» ракурса. Так, несколько интересных работ посвящены писателю-чиновнику с «двойной идентичностью» И. И. Дмитриеву.¹ Долгая служебная деятельность П. А. Вяземского была проанализирована еще в монографии М. И. Гиллельсона.² Неизбежная идеологическая составляющая текста не умаляет важности того, что тема государственной службы поэта вообще исследовалась в это время. В монографии были опубликованы важнейшие для понимания служебной деятельности и идеологической позиции Вяземского документы. В начале нового века вышла в свет монография П. В. Акулышина,³ в которой была предпринята попытка рассмотреть Вяземского «как политического и общественного деятеля, представителя „просвещенной дворянской бюрократии“». ⁴ Пример Вяземского, служебная карьера и творчество которого продолжались так долго, показыва-

ет, что отношения писателя и власти становятся еще более многоаспектными в середине XIX века, когда происходит автономизация литературного поля и профессионализация литератора.

Тема «писатель на государственной службе» обычно находит отражение в исследованиях, посвященных тому или иному литературо-чиновнику.⁵ Поскольку тема относительно нова, обобщающие работы единичны. Но их нельзя не отметить. Дальше всех в этом направлении продвинулась И. Рейфман, автор монографий, в которых была предпринята попытка осмыслить феномен служащего литератора не как частный случай, а как вполне типичное и нередкое в истории русской литературы явление. В монографии «How Russia Learned to Write: Literature and the Imperial Table of Ranks» (2016) подведены некоторые промежуточные итоги продолжительного изучения отношения русских писателей к государственной службе. Рейфман свойственна не только хронологическая широта подхода к проблеме (охвачен практически весь период существования петровской Табели о рангах, с 1722 до 1917 года), но и предметная: служба и чины рассмотрены в книге не только как биографическая характеристика русских писателей-дворян, но и как топос в их творчестве. Как и некоторые другие исследователи «чиновничьего» ракурса истории русской литературы, Рейфман особое внимание уделяет XVIII — началу XIX века.⁶

В главе 1 «To Serve or to Write? Noble Writers in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries» («Служба или творчество? Писатели-дворяне в XVIII — начале XIX века») Рейфман сравнивает различные модели публичного поведения писателей-чиновников: «Представления о том, какое место в их жизни должны занимать служба и литература, варьировались

⁵ Несколько интересных работ посвящены И. И. Дмитриеву: *Велижев М. Б.* «Сенатор» vs. «Поэт»: (авто)биографическая мифология и литературная репутация И. И. Дмитриева // *Avtobiografiya: Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*. 2016. № 5. С. 117–150; *Костин А. А.* И. И. Дмитриев — председатель Комиссии под председательством Ивана Дмитриева (1816–1819) // *Иван Иванович Дмитриев (1760–1837): Жизнь. Творчество. Круг общения*. СПб.: ПИЯФ, 2010. С. 92–108 (сер. «Петербург в европейском пространстве науки и культуры»; Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Вып. 6).

⁶ *Reyffman I.* 1) *How Russia Learned to Write: Literature and the Imperial Table of Ranks*. Madison: University of Wisconsin Press, 2016; 2) *Rank and Style: Russians in State Service, Life, and Literature*. Boston, MA: Academic Studies Press, 2012; 3) *Pushkin the Titular Councilor // Taboo Pushkin: Topics, Texts, Interpretations* / Ed. by A. D. Gillespie. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2012.

¹ *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001; *Проскурина В. Ю.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006; *Основа К. А.* Придворная словесность: Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

² *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969.

³ *Акулышин П. В.* П. А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. М.: Памятники исторической мысли, 2001.

⁴ Там же. С. 3.

от убеждения в том, что писательство — это разновидность государственной службы, до признания, что литература и служба несовместимы, включая ряд промежуточных позиций. Признавали они публично свой писательский статус (и, таким образом, выпускали в свет свои литературные произведения) или предпочитали сохранить его в тайне (и, таким образом, не печатались совсем или печатались анонимно), часто зависело от их конкретного взгляда на отношения между службой и писательством».⁷ С этой точки зрения в главе противопоставлены творческие стратегии А. П. Сумарокова, который считал писательство разновидностью службы («presents his writing as a form of service»),⁸ и А. Т. Болотова, убежденного в том, что служба вредна писателю («viewed service as inimical to writing»).⁹ Столь же однозначные позиции в этом поле занимали А. А. Ржевский и И. Ф. Богданович. Особое внимание уделено в главе биографическим траекториям писателей, которые искусно балансировали между литературным творчеством и служебными занятиями. В этом ряду представлены биография и творчество Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева и некоторых других авторов. Рейфман обращается к анализу творчества, воссоздав служебную траекторию литератора, что позволяет ей оценивать литературные произведения в нетривиальном ракурсе, рассматривать литературу как в некотором смысле производную государственной службы. Такой подход оказывается плодотворным не только по отношению к практически поголовно служившим авторам XVIII века, но и к литераторам следующего столетия, когда не служащий дворянин уже не выглядел подозрительно, а писательство постепенно приобрело статус профессии. На первый взгляд неожиданно, но абсолютно убедительно исследование о служебной карьере Пушкина.¹⁰ В общей сложности Рейфман обращается к биографиям приблизительно двадцати литераторов, от А. П. Сумарокова до А. А. Фета. Конечно, творчество и служебные карьеры избранных для исследования писателей представлены в книге с неодинаковой степенью подробности (большее внимание привыч-

но уделено таким авторам, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский), но разносторонний характер изучения, интерес и к биографии, и к поэтике делают эту книгу в некотором смысле попыткой написать альтернативную историю русской литературы. Как отмечается в недавней рецензии, «книга Рейфман <...> освещает не замеченный ранее ракурс русской литературы и открывает новые возможности для интерпретации творчества писателей-чиновников».¹¹ Эта попытка нашла продолжение и в недавно вышедшей в свет англоязычной «Истории русской литературы»,¹² среди авторов которой была и Рейфман. Взаимоотношения литературы и государственной власти стали одной из важных тем в этой книге.¹³

Весьма значителен вклад в разработку темы «Литература и власть» автора книг и статей по исторической социологии А. И. Рейтблата. В предисловии к книге «Как Пушкин вышел в гении» замечено: «Хотя Пушкин присутствует в ее названии, эта книга — не о нем. В центре внимания тут — социальные аспекты русской литературы 1820–1840-х гг.: ее внутреннее устройство как социального института и ее внешние связи с политическими, а в какой-то степени и экономическими институтами русского общества того времени».¹⁴ Акцент на исследовании взаимоотношений литературы и политики (экономики) Рейтблат называет важнейшей особенностью социологического подхода.¹⁵ В главе «Писатели и III отделение» Рейтблат на основе публикуемых архивных материалов пересматривает традиционное представление о сотрудничестве литераторов и жандармов: «...связь ряда журналистов и литераторов с III отделением — не досадное исключение, обусловленное низкими моральными качествами этих людей, а закономерное явление, демонстрирующее специфические черты российской литературной системы того времени».¹⁶ Обращение за помощью и документально подтвержденное сотрудничество значительного числа литераторов с жандармским управлением, как считает Рейтблат, восходит к концепции литературного труда, распространенной еще в XVIII веке, согласно которой «литераторы — это своего рода чиновники на службе у правительства».¹⁷ Сотрудни-

⁷ «Their methods of balancing writing and service ran the gamut from insisting that writing is a type of service to considering writing inconsistent with service, with various intermediary positions in between. Whether they acknowledged their writing publicly (and thus published their literary works) or preferred to keep it private (and thus did not publish or published anonymously) often depended on their particular view of the relationship between service and writing» (*Reyffman I. How Russia Learned to Write*. P. 22).

⁸ *Ibid.* P. 27.

⁹ *Ibid.* P. 29.

¹⁰ Она, впрочем, подготовлена предшествующими работами исследовательницы, см., например: *Reyffman I. 1) Rank and Style; 2) Pushkin the Titular Councilor*. P. 41–57.

¹¹ *Scollins K. Irina Reyffman «How Russia Learned to Write // Pushkin Review*. 2019. № 21. P. 232.

¹² См.: *Kahn A., Lipovetsky M. N., Reyffman I., Sandler S. A history of Russian literature*. New York: Oxford University Press, 2018.

¹³ См., например, главы «Imperial Censorship» (p. 368–373), «State bureaucrats (chinovniki)» (p. 452–455).

¹⁴ *Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи*. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 12.

¹⁶ Там же. С. 155.

¹⁷ Там же.

чество с властью, как показывают найденные и опубликованные учеными архивные документы, литераторы 1820–1840-х годов использовали для получения преимуществ в конкуренции с коллегами, для преодоления цензурных препятствий или просто для добывания дополнительных денежных средств. Хотя в этой и других работах Рейтблат обращается по преимуществу к социологическому методу исследования, т. е. изучает общественные процессы, ему часто важен и персональный ракурс. Так, обозначенная в 2001 году тема обыденного сотрудничества писателей с политической полицией нашла отражение в новейших работах Рейтבלата о Ф. В. Булгарине, Н. И. Грече и Н. А. Полевом.¹⁸ Стоит отметить, что собственно литературное творчество изучаемых авторов, как правило, остается вне сферы интересов ученого.

Как представляется, в этом ряду должна еще быть названа санкт-петербургская исследовательница истории цензуры Н. Г. Патрушева.¹⁹ Хотя собственно от литературоведческих позиций она еще дальше, чем Рейтблат, ее работы о российской цензуре и цензорах, в том числе библиографические словари,²⁰ подготовленные с ее участием, весьма существенны для изучения интересующей нас проблемы, в частности потому, что писатели, в том числе достаточно крупные, часто выступали и в роли цензоров.²¹ Заметим попутно, что писатели в XIX веке из разных видов государственной службы часто предпочитали цензорскую, несмотря на сомнительный в глазах общества статус этого занятия. Играли роль «стабильный доход и служебные привилегии».²² Соответственно и работы о писателях-цензорах преобладают в числе исследований, посвященных писателям-чиновникам.

Так, например, служебная деятельность дипломата и цензора Ф. И. Тютчева на сего-

дняшний день изучена довольно подробно. Значительное количество документов и свидетельств современников о дипломатической службе поэта было опубликовано в тютчевских томах «Литературного наследства».²³ На основе десятков дел из Архива внешней политики Российской империи и других архивов введен в научный оборот ряд неизвестных ранее документов и написано уникальное исследование дипломатической карьеры поэта.²⁴ В этом исследовании Т. Г. Динесман описала ряд ярких эпизодов из жизни Тютчева-дипломата, в том числе, например, его участие в возведении на престол первого короля Греции Оттона.²⁵ Освещены и связи дипломатической и творческой деятельности поэта.²⁶ Благодаря этому труду проявилась «роль Тютчева в делах Мюнхенской миссии», стало очевидно, что наиболее влиятельной была позиция Тютчева в период с 1828 по 1833 год, когда послом был граф И. А. Потемкин, это была роль «не подчиненного чиновника, а помощника и советника».²⁷

Следующий этап служебной биографии Тютчева — в Комитете цензуры иностранной — также привлекает внимание современных исследователей. Документы (отчеты о деятельности Комитета за несколько лет) были опубликованы еще в 1935 году.²⁸ М. Брискман, хотя и сомневался в авторстве всех текстов, все же высказывал уверенность, что «...заключения этих отчетов принадлежат Тютчеву лично».²⁹ Свидетельством современного интереса к этому периоду службы Тютчева являются работы Г. В. Жиркова,³⁰ который освещает и деятельность Тютчева в Совете Главного управления по делам печати, в котором тот стремился занимать позицию «посредника между властью и печатью».³¹ Службе в целом, включая и цензорскую, в некоторой части

¹⁸ Рейтблат А. И. 1) Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2016; 2) Наблюдательный Наблюдатель: Н. И. Греч и III отделение // Литературный факт. 2018. № 10. С. 108–164; 3) Н. А. Полевой и III отделение // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 228–251.

¹⁹ См., например: Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013 (сер. «Книга в России в XIX — начале XX века»), и др.

²⁰ Цензоры Российской империи: конец XVIII — начало XX века. Библиографический словарь. СПб.: Российская национальная библиотека, 2013.

²¹ См. об этом: Патрушева Н. Г. Литераторы — чиновники цензурного ведомства // Чины и музы: Сб. статей. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017. С. 27–40.

²² Там же. С. 29.

²³ Лит. наследство. 1988–1989. Т. 97. Ф. И. Тютчев. Кн. 1–2. См. также: Летопись жизни и творчества Тютчева: В 3 кн. / Отв. ред. Т. Г. Динесман. [М.]: Мураново, 1999–2012; Тютчев в документах, статьях и воспоминаниях современников / Ред.-сост. Г. В. Чагин. М.: Книга и бизнес, 1999.

²⁴ Динесман Т. Г. Ф. И. Тютчев. Страницы биографии (К истории дипломатической карьеры). М.: ИМЛИ РАН, 2004.

²⁵ Там же. С. 23–28.

²⁶ См., например, с. 20–21 (о переводе Тютчевым панегирика короля Баварии Людвигу, обращенного к Николаю I).

²⁷ Там же. С. 4.

²⁸ Брискман М. Тютчев в Комитете цензуры иностранной // Лит. наследство. 1935. Т. 19–21. С. 565–578.

²⁹ Там же. С. 566.

³⁰ См., например: Жирков Г. В. «Но мыслью обнял все, что на пути заметил...»: три ипостаси Ф. И. Тютчева // У мысли стоя на часах... Цензоры России и цензура / Под ред. Г. В. Жиркова. СПб.: изд-во СПбГУ, 2000. С. 100–158.

³¹ Там же. С. 149.

посвящена книга С. А. Экштута.³² Значительное место дипломатической и цензурской работе Тютчева уделено в последнем томе словаря «Русские писатели...».³³ Это издание в целом можно считать важнейшим справочным пособием не только по истории русской литературы вообще, но и по теме «литераторы и государственная власть» в частности, служебная деятельность писателей освещена здесь, как правило, весьма тщательно.

В рамках заявленной темы нельзя не отметить довольно многочисленные публикации материалов служебной деятельности писателей. Такого рода источники традиционно воспринимались как факультативные даже в научно подготовленных собраниях сочинений. Теперь они публикуются и составляют отдельные тома, как, например, в собраниях сочинений И. А. Гончарова и К. Н. Леонтьева.

Пожалуй, один из самых активно изучаемых сейчас в интересующем нас ракурсе авторов — И. А. Гончаров. Внимание к Гончарову обусловлено, как представляется, уникальным сочетанием его служебной и писательской карьер. Обычное в научной литературе противопоставление службы и творчества как взаимоисключающих жизненных стратегий («Служба была вечной язвой, разъедавшей его существование...») биографией этого автора не подтверждается. Творческий путь Гончарова тесно переплетен с восхождением по служебной лестнице, а некоторые классические произведения (например, травелог «Фрегат „Паллада“») вообще появились в результате выполнения «служебного задания». Интерес к чиновничьей стороне биографии Гончарова до самого последнего времени возникал крайне избирательно и эпизодически. Начало служебной карьеры Гончарова в Департаменте внешней торговли Министерства финансов крайне редко привлекало литературоведов.³⁴ Не существовало в исследовательском поле и службы Гончарова в качестве редактора правительственной газеты «Северная почта» в 1862–1863 годах.³⁵ Не-

сколько большее внимание уделялось обстоятельствам его службы на фрегате «Паллада»,³⁶ но по большей части эти сведения интересовали ученых как вспомогательные, для подготовки издания и комментирования текста очерков путешествия.³⁷ Однако с началом публикации Полного собрания сочинений и писем Гончарова этот интерес значительно усилился. Так, уже в 2000 году в составе Полного собрания вышел в свет третий том,³⁸ включающий в себя официальные документы и материалы «японской» экспедиции под руководством вице-адмирала Е. В. Путятина, секретарем которого был Гончаров. Многие документы были напечатаны впервые. Объем служебных бумаг, составленных писателем в экспедиции, огромен: помимо отчетов и донесений от имени Путятина Гончаров фиксировал содержание переговоров с японцами и вел дипломатическую переписку. Отчасти поэтому составители тома опубликовали документы выборочно.³⁹ Тем не менее публикация этого материала, безусловно, в очень большой степени дополнила как историю российской дипломатии на Дальнем Востоке, так и творческую историю произведения Гончарова. Упомянутый том Полного собрания сочинений Гончарова, кроме официальных документов, содержит и весьма пространные комментарии к тексту очерков «Фрегат „Паллада“», что делает его бесценным источником сведений, относящихся к важному этапу служебного и творческого пути писателя. Последующие исследования этого этапа биографии и творчества Гончарова, в том числе иностранные, написаны с опорой на это научное издание.⁴⁰

верной почты“», адресованной министру внутренних дел П. А. Валуеву. См.: *Ковалев И. Ф. И. Гончаров — редактор газеты «Северная почта» // Русская литература. 1958. № 2. С. 130–141.*
³⁶ См., например: *Орнатская Т. И. И. А. Гончаров — член кают-компании фрегата «Паллада» // И. А. Гончаров: Материалы междунард. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова / Отв. ред. И. А. Кутейников. Ульяновск: Стрелец, 1994. С. 146–156; Алексеев А. Д. И. А. Гончаров — автор официального «Отчета о плавании фрегата „Паллада“ // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»...: Сб. статей к 90-летию Н. К. Пиксанова / Отв. ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Наука, 1969. С. 370–375.*

³⁷ См., например: *Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия: В 2 т. / Изд. подг. Т. И. Орнатская; отв. ред. Д. В. Ознобишин. Л.: Наука, 1986 (сер. «Литературные памятники»).*

³⁸ *Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 2000. Т. 3. Фрегат «Паллада». Материалы путешествия; Очерки; Предисловия; Официальные документы экспедиции / Ред. Т. А. Лапицкая, В. А. Туниманов.*

³⁹ Там же. С. 393.

⁴⁰ См., например: *Bojanowska E. A. World of Empires: The Russian Voyage of the Frigate Pallada. Cambridge, L.: The Belknap Press of*

³² *Экштут С. А. Тютчев: тайный советник и камергер. М.: Прогресс-традиция; Астра семь, 2003 (перезд.: М.: Молодая гвардия, 2013 (сер. «Жизнь замечательных людей»)).*

³³ *Лейбов Р. Г., Основат А. Л. Тютчев Федор Иванович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.; СПб.: Нестор-история, 2019. Т. 6. С–Ч. С. 350–361.*

³⁴ Пожалуй, можно назвать только две статьи на эту тему: *Муратов А. Б. И. А. Гончаров в министерстве финансов // И. А. Гончаров: Новые материалы о жизни и творчестве писателя / Под ред. П. С. Бейсова. Ульяновск, 1976. С. 37–57; Лобкарева А. В. На службе в Департаменте: Поиски и находки Музея И. А. Гончарова. К 180-летию со дня рождения писателя // Ульяновская правда. 1992. 20 июня. № 117–118 (20.311–20.312). С. 8–9.*

³⁵ Единственным исключением до начала 1990-х годов стала публикация гончаровской служебной записки «О способах издания „Се-

Карьера Гончарова-цензора и соответствующие материалы интересовали ученых в начале XX века, когда были опубликован значительный массив материалов по теме;⁴¹ в советский период внимание исследователей к этой теме полностью затухает (исключением, пожалуй, стала только «Летопись...»,⁴² в которой отмечена и цензорская деятельность) и возобновляется только в 1990-х годах.⁴³ Этот важный этап служебной биографии Гончарова был отражен в десятом томе «Материалы цензорской деятельности» упомянутого Полного собрания сочинений. Здесь впервые были опубликованы все обнаруженные «отзывы», «рапорты», «мнения», «записки», относящиеся ко времени службы Гончарова сначала в Петербургском цензурном комитете, а затем в Совете министра внутренних дел по делам книгопечатания и Совете Главного управления по делам печати. Как отмечалось в рецензии на вышедшее издание, «публикация таких материалов еще не стала для литературоведов обычным делом, не имеет устоявшейся традиции, и данное издание, скажем сразу, может стать образцом для подражания и осмысления будущих издателей служебных документов писателей, имевших опыт государственной службы (например, служебных бумаг М. Е. Салтыкова-Щедрина)».⁴⁴ Убеждение Андре Мазона в том, что «и в таких бумагах, от которых веет какой-то канцелярской скукой, возможно отыскать отражение умственной и нравственной личности Гончарова»,⁴⁵ очевидно, в какой-то степени разделяли и составители тома, заметившие, что «в некоторых гончаровских отзывах, при

том что они остаются канцелярскими документами, заметны и личный взгляд на рассматриваемый им текст, и собственное отношение к затронутым в нем вопросам, и подчас живое чувство, вызванное возникшей в связи с произведением ситуацией, иногда весьма драматичной».⁴⁶ Однако ценность цензорских документов не только в этом. Уже в комментарии к изданию подчеркивалось, что цензорские отзывы писателя могут быть соотнесены с его литературно-критическим наследием: «В непосредственной связи с этической позицией Гончарова стоит его требование к форме, в которой проводится идея и выражаются гражданские и моральные воззрения автора. Для Гончарова законна и приемлема форма, основанная на логическом порядке анализа, сохраняющая правильную пропорцию в изображении явления и способствующая установлению истины и справедливости. Пренебрежение этими условиями губит самые благие намерения автора, вносит хаос и раздор в сферу науки и политики, разрушает нормальные отношения между литературой и обществом, необходимые для действительного прогресса. Мотив этот хорошо просматривается во многих вынесенных Гончаровым приговорах. Будучи в своей художественной и литературно-критической практике привержен строго объективной, уравновешенной, в истоках своих классической форме, он последовательно карал отступления от нее в подлежащей его суду печати, исполняя тем самым в известной степени функции литературной критики, эстетические требования которой в ту пору не всегда были на должной высоте».⁴⁷ Связь служебной и творческой деятельности Гончарова прослеживалась в работах нескольких исследователей. В том числе и в наших статьях было указано на то, что цензорская служба оказала влияние на изменение жанрового состава произведений писателя и его обращение к литературной критике, а также рассмотрено несколько случаев непосредственного воздействия служебных обстоятельств Гончарова на творческую историю романа «Обрыв».⁴⁸ Цензорская служба Гончарова как попытка посредничества между властью и литературой анализировалась К. Ю. Зубковым,⁴⁹ его же статья

Harvard University Press, 2018 (см. также рец.: Зубков К. Ю. Гончаров как империалист // Новое литературное обозрение. 2018. № 6 (154). С. 333–338).

⁴¹ Документы, имеющие отношение к цензорской службе, начали публиковать очень рано. См., например: Гончаров И. А. 1) Цензорские отзывы (19). 1865 / Предисловие К. А. Военского // Русский вестник. 1906. № 10. С. 579–619; 2) Цензорские отзывы и рапорты (11). 1856–1865 // Mazon A. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. Paris, 1914. P. 349–351, 364–365, 369–370, 377–381, 383–385, 388–393, 417–421; 3) Цензорские отзывы (21). 1866 / Комм. В. Е. Евгеньева-Максимова // Голос минувшего. 1916. № 11. С. 137–156; № 12. С. 141–174, и др.

⁴² Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова / Под ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

⁴³ Котельников В. А. Гончаров как цензор // Русская литература. 1991. № 2. С. 24–51.

⁴⁴ Макеев М. С. Критика и библиография. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем... // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 6. С. 207–212.

⁴⁵ Мазон А. А. Гончаров как цензор: К освящению цензорской деятельности И. А. Гончарова // Русская старина. 1911. Т. 145. Январь–февраль–март. С. 478.

⁴⁶ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 2014. Т. 10. Материалы цензорской деятельности / Подг. текста и прим. К. Ю. Зубкова, В. А. Котельникова; ред. тома А. Г. Гродецкая, Т. А. Лапицкая. С. 448.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ См., например: Гуськов С. Н. Материалы цензорской деятельности И. А. Гончарова как творческий источник романа «Обрыв» // Гончаров после «Обломова». СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015. С. 26–39, и др.

⁴⁹ Зубков К. Ю. Между властью и писательским миром: И. А. Гончаров и проекты цензурных реформ 1858–1859 гг. // Чины и музы. С. 310–331.

посвящена роли Гончарова-эксперта в присуждении Уваровской литературной премии.⁵⁰ Сотрудниками группы по изданию Полного собрания сочинений Гончарова в Пушкинском Доме было написано еще несколько статей, освещающих различные этапы служебной деятельности писателя и связи этой деятельности с его художественным творчеством: службы в канцелярии симбирского губернатора Загряжского в 1834 году,⁵¹ в Департаменте внешней торговли Министерства финансов в 1830–1850-х годах,⁵² в Министерстве внутренних дел в качестве главного редактора газеты «Северная почта»⁵³ и др. Столь интенсивное (по крайней мере, в сравнении с другими писателями) внимание ученых к чиновной деятельности Гончарова обусловлено, по нашему мнению, особой ролью государственной службы писателя в его творчестве, до последнего времени по разным причинам не проясненной, — и в какой-то степени тем, что в настоящее время осуществляется подготовка соответствующих томов Полного собрания сочинений писателя.

Похожая ситуация сложилась и с материалами служебной деятельности К. Н. Леонтьева. Публикация большого массива архивных документов была осуществлена в Пушкинском Доме также в составе Полного собрания сочинений и писем.⁵⁴ Отмечая недостаточную изученность биографии писателя вообще, автор предисловия к тому отмечает, что наименее исследованной «является тема „Леонтьев на государственной службе“».⁵⁵ Стремясь ликвидировать обнаруженные лакуны, составители тома постарались представить разнообразные служебные документы русского консерватив-

ного государственного деятеля и писателя, начиная с рапортов в нижегородскую врачебную управу Леонтьева-лекаря (в конце 1850-х) до цензорских докладов, «стяжавших автору репутацию московского Тарквемады»,⁵⁶ и других материалов, имеющих отношение к периоду службы Леонтьева в Московском цензурном комитете (1880–1887). Опубликованы и многочисленные документы консульской службы писателя (1864–1871), в приложениях помещены также аттестаты и формулярные списки Леонтьева за 1854–1887 годы. Интерес к служебной деятельности Леонтьева нашел отражение и в научных статьях,⁵⁷ однако пока он не столь интенсивен.

Первый и относительно малоизученный период государственной службы Н. С. Лескова был рассмотрен в статье М. А. Кучерской,⁵⁸ написанной по материалам Центрального государственного исторического архива Украины. Исследовательница опубликовала материалы, имеющие отношение к службе Лескова в киевской Казенной палате с 1849 по 1860 год. Канцелярские дела о рекрутских наборах, которые составлял Лесков, не только уточняют недостаточно изученные обстоятельства этого периода биографии писателя, но и могут послужить материалом для комментария к произведениям Лескова (рассказу «Владычный суд» и др.). Статью и публикуемые в ней документы можно рассматривать как дополнение к интригующей публикации материалов служебной деятельности Лескова в томе «Литературного наследства».⁵⁹

Во второй раз Лесков поступил на службу уже известным писателем. Его служба в особом отделе Ученого комитета Министерства народного просвещения с 1874 по 1883 год освещалась еще в мемуарах его сына А. Н. Лескова,⁶⁰ свидетельства о службе Лескова оставил и его биограф А. И. Фаресов, книга которого с комментарием вошла в недавно вышедший сборник «Лесков в воспоминаниях современников».⁶¹ Анализ служебной деятель-

⁵⁰ *Зубков К. Ю. И. А. Гончаров и награда графа Уварова // Русская литература. 2018. № 4. С. 60–77.*

⁵¹ *Гуськов С. Н. Как жандармы Гончарова спасли // Там же. 2016. № 4. С. 70–84.*

⁵² *Романова А. В. «Работы было немного...»: И. А. Гончаров — переводчик в Департаменте внешней торговли // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 282–292.*

⁵³ *Гайнцева Э. Г. И. А. Гончаров в «Северной почте» (История одной газетной публикации) // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвящ. 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова / Сост. М. Б. Жданова, А. В. Лобкарева, И. В. Смирнова. Ульяновск: «Печатный двор», 1998. С. 261–267; *Калинина Н. В. Эпизод из жизни романиста: как И. А. Гончаров стал редактором правительственной газеты // Чины и музы. С. 332–356; Гуськов С. Н. Экономика патриотизма (И. А. Гончаров в «Северной Почте») // Складчина: Сб. статей к 50-летию профессора М. С. Макеева / Под ред. Ю. И. Красносельской и А. С. Федотова. М.: ОГИ, 2019. С. 63–70.**

⁵⁴ *Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2017. Т. 10. Документы служебной деятельности. Кн. 1, 2.*

⁵⁵ Там же. Кн. 2. С. 320.

⁵⁶ Там же. С. 321.

⁵⁷ См.: *Фетисенко О. Л. Константин Леонтьев. Теория и практика государственной службы // Чины и музы. С. 539–551.*

⁵⁸ *Кучерская М. А. Столоначальник Лесков // ЛЕО PHILOLOGIAE: Фестшрифт в честь 70-летия Льва Иосифовича Соболева. М., 2016. С. 178–196.*

⁵⁹ О жизни Лескова в Киеве в 1860–1861 годах. По документам Центрального государственного исторического архива Украины / Вступ. статья, публ. и комм. Л. И. Левандовского // Лит. наследство. 2000. Т. 101. Незданный Лесков. Кн. 2. С. 295–321.

⁶⁰ *Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 409–411; Т. 2. С. 176–199.*

⁶¹ Лесков в воспоминаниях современников. М.: Новое литературное обозрение, 2018 (сер. «Россия в мемуарах»).

ности Лескова за этот период был проведен в статье С. А. Рейсера.⁶² Наиболее полно корпус рецензий и других документов, составленных Н. С. Лесковым в 1874 году, был опубликован в очередном томе Полного собрания сочинений писателя.⁶³ В сопроводительной статье к тому отмечено, что в служебных рецензиях Лескова «заключен важный материал, характеризующий его позиции в вопросах социальных, педагогических, богословских, исторических и других»,⁶⁴ констатирована и тесная связь служебной и творческой деятельности Лескова: «Среди опубликованных литературно-критических статей писателя есть такие, которые дословно повторяют текст рецензий, зафиксированных в Журнале Особого отдела, или же имеют незначительную правку».⁶⁵ Служебная деятельность Лескова в Министерстве народного просвещения рассматривалась также в статьях О. В. Макаревич.⁶⁶ Как отмечено в одной из них, «служба в особом отделе Ученого комитета Министерства народного просвещения — значительный этап биографии и творческой судьбы Лескова <...> именно деятельность писателя по рецензированию книг для народного и детского чтения во многом определила векторы его творческого пути в 1870–1880 гг.».⁶⁷

Любопытное суждение Лескова об отношении к писателям на государственной службе передает его современник А. И. Фаресов. В разговоре с государственным контролером Т. И. Филипповым Лесков возмущается пренебрежительным мнением государственных чиновников о литераторах: «Я ведь сам служил и знаю этот взгляд о писателях на государственной службе. Хорошо еще, что где-то их терпят... Точно деятельность в литературе ничего не стоит для государственных интересов; точно какой-нибудь секретарь и делопроизводитель — более полезный член государства! <...> Пора в такой малокультурной стране, как Россия, ценить писателя выше чиновника и принимать его на службу, не жалея денег и не сомневаясь в том, что государство выиграет и в частности и в общем, если литературные

люди войдут в его учреждения и салоны».⁶⁸ Разговор этот происходил в 1895 году незадолго до смерти Лескова.

Это мемуарное свидетельство показывает новое сформировавшееся на протяжении XIX века отношение к писателю: «писатель выше чиновника», писатель должен приниматься государством на службу именно в качестве писателя, а не копииста или начальника департамента.

Вяземский в начале XIX века должен был убеждать общественное мнение, что можно быть поэтом и дельным человеком одновременно: «Выражение: он человек, к делам неспособный! он поэт! реже слышится <...> любовь к изящному, утонченное образование ума, сила и свежесть чувства, склонность к занятиям возвышенным, искусство мыслить и изъясняться правильно на языке природном и другие душевные и умственные принадлежности писателя не вредят здравому рассудку, твердости в правилах, чистоте совести, быстроте и точности соображений и горячему усердию к пользе общественной, требуемому от государственного человека».⁶⁹ Лесков настаивает уже на том, что писатель не только выше чиновника, но и полезен государству как таковой. Литература на протяжении XIX века эмансипировалась от государства и превратилась в экономически и идеологически самостоятельную сферу деятельности. Становился самоценным и статус литератора. Эти процессы происходили на протяжении XIX века и отражены в личных траекториях писателей, вовлеченных в те или иные виды государственной службы.

В XXI веке усиливается интерес исследователей к изучению истории русской литературы в контексте деятельности государства. Одна из форм этого интереса — рассмотрение биографических и творческих траекторий писателей в связи с их государственной службой, публикация материалов служебной деятельности писателей, подробное изложение их служебных биографий, сопоставление событий и материалов службы с творческой биографией писателей и их текстами.

Обзор исследований по теме позволяет с некоторой уверенностью утверждать, что нынешнее довольно интенсивное внимание к теме «Литература и государственная власть» связано с масштабными процессами, происходящими в гуманитарных науках: с корректировкой научной парадигмы, историческим поворотом, возрастающей ролью историко-социологических и дигитальных исследований.

⁶² Рейсер С. А. Н. С. Лесков и народная книга // Русская литература. 1990. № 1. С. 181–193.

⁶³ Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Книговек, 2016. Т. 13.

⁶⁴ Чуднова Л. Г. Н. С. Лесков в Министерстве народного просвещения // Там же. С. 538.

⁶⁵ Там же. С. 537.

⁶⁶ См., например: Макаревич О. В. Н. С. Лесков и книги для народа (К истории издания сборника «Зеркало жизни истинного ученика Христова») // Русская литература. 2018. № 4. С. 83–90.

⁶⁷ Макаревич О. В. «В самом благонамеренном духе...»: литература для народа в оценке Н. С. Лескова // Чины и музы. С. 509–510.

⁶⁸ Фаресов А. И. Против течений: Н. С. Лесков, его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем // Лесков в воспоминаниях современников. С. 89.

⁶⁹ Вяземский П. А. Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. 112.

ПРОСТО О СЛОЖНОМ: КНИГА ДЛЯ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ*

В книге Екатерины Ильиничны Ляпушкиной (1963–2018), волею судьбы ставшей итоговой,¹ собраны работы трех разных жанров (учебное пособие, научные статьи, монография), посвященные проблеме, которую можно назвать одной из центральных в профессиональной биографии автора — литературоведа, специалиста по истории русской литературы, доцента Санкт-Петербургского университета, до последнего в своей жизни семестра читавшего курс герменевтики, прекрасными иллюстрациями к которому становились ее научные статьи 1990–2010-х годов. При кажущейся дробности и жанровой неоднородности состава книга очень цельная и методологически строго выдержанная: различные части и главы не только взаимодополняют друг друга, но в совокупности убедительно демонстрируют справедливость правила герменевтического круга, гласящего, что для понимания целого необходимо понимание его частей, каждая из которых, в свою очередь, невозможна без понимания целого.

Книга состоит из двух разделов, полностью соответствующих заявленному в названии замыслу: представить историю и сущность литературной герменевтики и продемонстрировать возможности герменевтического подхода для анализа художественных текстов. В первую, теоретическую часть вошло учебное пособие Е. И. Ляпушкиной «Литературная герменевтика», состоящее из четырех глав,² воссоздающих пройденный философской гер-

меневтикой путь от античности до рубежа XX–XXI веков: от античной и классической филологии, библейской экзегезы и юриспруденции до философской дисциплины, методологии гуманитарных наук, обретения онтологического статуса и возвращения к филологии в виде рецептивной эстетики, «объясняющей» герменевтики и структурализма как варианта последней. От толкования «темных мест» в текстах античных авторов и перевода памятников античной литературы на языки современных литератур, толкования священных текстов, разработки приемов и способов толкования текстов юридических до осознания единства принципов понимания и интерпретации любых герменевтических объектов («универсальная» герменевтика Ф. Шлейермахера), различения методов «понимания» и «объяснения» (В. Дильтей), феноменологической «прививки» к герменевтике XIX века (Э. Гуссерль), совершившего переворот разграничения понятий «сущее» и «бытие» (М. Хайдеггер), признания значимости традиции и «исторического перевода», диалогичности любой интерпретации (Г.-Г. Гадамер), введения категории «имплицитного» читателя и «горизонта ожидания», понимания принципиальной незавершенности любого текста (В. Изер и др.), отношения к тексту как к внешней «манифестации» его глубинных структур и связанных с ними функций (структуралисты) и признания принципа свободы исследовательской позиции равным принципу авторитетности автора (постструктуралисты).

Хронологическому принципу изложения соответствует его основной вектор — линейный, от истоков через последовательно реконструируемые этапы развития к современному состоянию, однако линия эта не всегда прямая: при необходимости она обретает округлость, позволяя автору вернуться вспять, чтобы продемонстрировать переклички и взаимосвязи между различными теориями и подходами, поскольку каждый последующий этап представлял собой позитивное или негативное, а чаще — полемическое развитие предыдущего. В результате читатель получает исчерпывающее представление о генезисе и эволюции литературной герменевтики, воссозданных в режиме герменевтического круга, ср.: «...остается лишь констатировать, что герменевтическая мысль, описав своеобразный круг, вновь приходит к тому, с чего она когда-то начиналась и от чего она на определенном этапе своего развития отказалась, — она возвращается к заинтересованности в человеке» (с. 101).

* Ляпушкина Е. И. Литературная герменевтика: теория и практика / Под ред. Е. Н. Григорьевой. СПб.: Росток, 2020. 400 с.

¹ Строго говоря, первым посмертным изданием является книга «Введение в литературную герменевтику. Теория и практика» (М., 2019); рецензируемое издание представляет собой расширенный вариант предыдущего: в него включена также монография «Русская идиллия XIX века и роман И. А. Гончарова „Обрыв“», подготовленная к изданию на основании защищенной в 1993 году кандидатской диссертации (впервые опубликована в 1996 году).

² Впервые: Ляпушкина Е. И. Введение в литературную герменевтику: Учебное пособие. СПб., 2002 (содержание: «Философская герменевтика XIX века» (с. 9–17); «Литературоведческие рецензии философской системы Дильтея» (с. 17–24); «Философская герменевтика XX века» (с. 24–67); «Философская герменевтика XX века и литературоведение» (с. 68–94)).

Вторую, практическую часть книги составили шесть статей Е. И. Ляпушкиной 1990–2010-х годов³ и вышеупомянутая монография. Анализируя художественные тексты, Е. И. Ляпушкина вновь обращается к основным поло-

³ «Афоризм в художественной структуре романа И. С. Тургенева „Рудин“» (с. 103–139; впервые: Русская литература. 2003. № 3. С. 114–132); «Комедия А. Н. Островского „Свой люди — сочтемся“: поэтика финала» (с. 140–159; впервые: Концепция и смысл. Сборник статей в честь 60-летия профессора В. М. Марковича. СПб., 1996. С. 223–240); «„Что могут означать такие выходы?“: Поэтика эпатажа в романе Ф. М. Достоевского „Бесы“» (с. 161–196; впервые: Homo universalis. Памяти А. Б. Муратова: Сб. статей / Под ред. А. А. Карпова. СПб., 2009. С. 79–110); «„...О том следует молчать“ («Ultima Thule» Набокова и философия молчания)» (с. 197–208; впервые: Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2016. Сер. 9. Вып. 3. С. 83–91); «„Карусель истины“ (смысл эпиграфа в романе В. В. Набокова „Дар“)» (с. 209–221; впервые: Русская литература. 2020. № 1. С. 205–210); «Рассказ Т. Толстой „Сюжет“ в свете герменевтики П. Рикера» (с. 223–247).

жениям герменевтической теории в обоих ее изводах: философском и литературоведческом, цитируя ставшие классическими труды западных и отечественных исследователей, в ряде случаев полемизируя с ними, опираясь на существующие интерпретации художественных текстов и предлагая свои варианты их прочтения. Как и в теоретической части, единым для всех работ и, таким образом, «сквозным» для книги в целом является структурообразующий принцип возвратного кругового движения, в некоторых случаях повторяющийся принцип организации интерпретируемого текста (см., например, статью «„...О том следует молчать“...»).

Объединенные под одной обложкой труды Е. И. Ляпушкиной, написанные просто о сложнейших проблемах, с соблюдением безупречной логики, с исчерпывающим знанием предмета исследования и с глубоким уважением как к нему, так и к эвентуальному читателю, позволяют «добраться до самой основы» (с. 3; вступ. статья М. Н. Виролайнен «Уроки герменевтики»), увидеть и осознать, что такое и как «работает» литературная герменевтика и до какого уровня постижения заключенного в тексте многообразия смыслов возможно пойти, если читать его медленно и вдумчиво.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-249-251

© И. В. Аршинова

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И БРИТАНСКИЙ МОДЕРНИЗМ В ПЕРСПЕКТИВЕ НЕЛИНЕЙНЫХ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ*

Общеизвестным является тот факт, что на рубеже XIX–XX веков английская культура испытала на себе мощное влияние русской культуры и в особенности литературы. Ранние этапы английской рефлексии над этим явлением, нередко называвшимся в критической и научной литературе «русской лихорадкой», практически синхронны самому явлению. Впрочем, как отмечал еще в 1955 году Гилберт Фелпс во вводной главе к работе «Русский роман в английской художественной литературе», «когда оглядываешься на весь объем комментариев (описывающих русское влияние на английскую литературу. — И. А.), просыпается любопытный факт: какими бы энтузиастическими они ни были, они редко выходят за рамки самого неопределенного из обобщений» («it rarely goes beyond the vaguest of

generalizations»).¹ Вышедшая весной 2020 года книга профессора Оксфордского университета Ребекки Бисли «Русомания. Русская культура и возникновение британского модернизма, 1881–1922», уже во введении цитирующая пронизательное наблюдение Фелпса (р. 5), во многом направлена, как представляется, на решение заложенной в этой формулировке проблемы. Привлекая, без преувеличения, огромный массив разнообразных релевантных для избранного периода источников — от хорошо известных критических статей и художественных текстов до вводимых в монографии в научный оборот труднодоступных архивных материалов, — исследовательница прочерчивает подробную карту литературных сетей («networks», включающих как отдельных авторов, критиков, переводчиков, исследователей, преподавателей, издателей

* *Beasley R. Russomania. Russian Culture and the Creation of British Modernism, 1881–1922. Oxford: Oxford University Press, 2020. 560 p.*

¹ *Phelps G. The Russian Novel in English Fiction. London, 1956. P. 11–12. Здесь и далее перевод мой — И. А.*

и т. д., так и литературные, а также политические и религиозные группы), на которую накладывается историко-литературный, переводоведческий, аналитический комментарий. Методология призвана показать, во-первых, то, по каким каналам русская литература распространялась в Великобритании, как это распространение интенсифицировалось, затем достигло своей кульминации в годы Первой мировой войны и в 1920-х годах постепенно сошло на нет, а во-вторых и, с точки зрения общей концепции монографии, в главных, то, как ход этого процесса определял генезис британского модернизма и в свою очередь сам был определен им.

Построенная по хронологическому принципу, «Русомания» в четырех основных и трех вставных главах прослеживает историю усвоения и интерпретации русской литературы британскими протомодернистами и модернистами, искавшими пути для переопределения современной литературы и в особенности романа. В первой главе исследовательница анализирует деятельность эмигрантов-народников, подробно останавливаясь на истории членов кружка Чайковцев, для которых пропаганда русской литературы была частью пропаганды революционной. Анализируя их статьи, переводы, а также разнообразные контакты с представителями британских литературных кругов, близкими им по политическим воззрениям, Бисли указывает на то, что именно здесь берет свое начало та ветвь модернистской литературы, которая в качестве модели избрала литературу русскую, а не французскую. Вторая глава посвящена дискуссиям о будущем английского романа на страницах издания «The English Review» в годы, предшествовавшие Первой мировой войне. Размежевание авторов этого журнала происходило не по поколенческому принципу, а по тому, на какую модель литературы они ориентировались и как себя позиционировали — как последователи французской, флоретрианской, традиции (и, соответственно, «художники») или как продолжатели традиций английского и русского романа XIX века, в первую очередь, Диккенса и Толстого (и, соответственно, «пропагандисты»)². В третьей главе исследуются трансформации многослойных русско-британских отношений в период Первой мировой войны. С одной стороны, в это время русская литература становится стратегически важным инструментом в руках британского Бюро военной пропаганды для создания политически актуального образа союзнического государства, с другой — в дискуссиях писателей и поэтов сталкиваются два возникших как реакции на войну комплекса идей, тяготеющих к русской и французской традициям соответственно. Особое внимание уделяется именно «русфильскому» направлению мо-

дернизма, представляемому Д. Г. Лоуренсом, К. Мэнсфилд и Дж. М. Мерри, которое формировалось в борьбе с нарождающимся «франкофильским» модернизмом Т. С. Элиота. Заключительная четвертая глава, также прослеживая генеалогию «русфильской» ветви британского модернизма, исследует группу авторов, связанных поначалу с имажизмом и журналом «The Egoist», а затем сформировавших собственную эстетическую программу в споре с ними и через обращение, прежде всего, к Достоевскому, видя в его творчестве воплощение идеи искусства как духовной миссии. Кроме того, в главе анализируется, как британская литература восприняла революционные события 1917 года в России и раннюю советскую культуру и как доминирующим русским влиянием на английскую литературу стало влияние Чехова. Три вставные главы посвящены частным сюжетам, связанным с магистральным: ранней истории «Уайтчепелской группы» и ее контактам с модернистами; осмыслению русского театра, оперы, балета и затем кино в Британии и британской прессе; истории преподавания русского языка и литературы в Англии.

Таким образом, развивая и в то же время уточняя тезис Дональда Дэйви о том, что русское влияние на английскую литературу носило не «формальный» характер, а скорее представляло собой «вызов (a challenge), брошенный англо-американской литературной культуре»³ (р. 8), Бисли показывает, что, с точки зрения генеалогии британского модернизма, этот «вызов» и, соответственно, британский «ответ» (или даже, точнее, «ответы») на него были неотъемлемыми составляющими спора о будущем английского романа и — шире — английской литературы в целом, спора, встроенного в свою очередь в общеевропейские дискуссии о природе языка, понятиях культуры и цивилизации, взаимосвязи языкового и национального и т. д. Показывая, как релевантные факты русской литературы, инкорпорируясь в английский контекст, становились аргументами в поединке между сторонниками французской и русской моделей литературы, Бисли наглядно демонстрирует, что именно в этом агоне британский модернизм, в том виде, в каком он институционализировался к середине 1920-х годов, и был в значительной степени сформирован. Утверждение в конечном итоге «франкофильской» модели, получившей тем самым статус «универсальной» в рамках английского зрелого модернизма, означало предпочтение ценностей, связываемых с ней, ценностям, которые к концу протомодернистского периода стали прочно ассоциироваться с русской культурой. К таким ценностям Бисли относит: жизнь (как противоположность первоочередной для «франкофильского» направления искусству, стилю и технике), реализм (как противоположность формализму), вовлеченность (как противопо-

² Историко-культурно обусловленные значения обоих понятий в контексте эстетической программы журнала реконструируются в самой главе.

³ *Davie D. Russian Literature and Modern English Fiction. Chicago, 1965. P. 9.*

ложность отстраненности), природу (как противоположность культуре), сельское (как противоположность городскому), национальное (как противоположность интернациональному), дух (как противоположность материализму или машине) и романтизм (как противоположность классицизму) (р. 38, 433).

В свете сказанного особенно любопытным кажется то, что Ребекка Бисли использует во многом синонимичное «русской лихорадке», но все же отличное от нее понятие «русомании» для заглавия и, кроме того, никак не апеллирует к метафорике болезни.⁴ Поясняя в финальных строках выбор названия, она де-

⁴ Ср., например, у Фелпса: «Во всей истории русского романа в Англии <...> трудно найти хотя бы один светлый промежуток времени, когда имели место нормальные процес-

сы культурной ассимиляции и оценивания. Более того, лихорадки проходят так же внезапно, как и приходят, и в период выздоровления пациент, оглядываясь на свою болезнь, склонен спрашивать себя, не было ли все, что происходило с ним во время нее, чистой галлюцинацией» (*Phelps G. The Russian Novel in English Fiction*. P. 14).

сы культурной ассимиляции и оценивания. Более того, лихорадки проходят так же внезапно, как и приходят, и в период выздоровления пациент, оглядываясь на свою болезнь, склонен спрашивать себя, не было ли все, что происходило с ним во время нее, чистой галлюцинацией» (*Phelps G. The Russian Novel in English Fiction*. P. 14).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-251-253

© В. Ю. Вьюгин

ФУНДАМЕНТ ДЛЯ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ: ОБ ИЗДАНИИ «СОЧИНЕНИЙ» А. П. ПЛАТОНОВА*

Писать рецензии на собрания сочинений непросто уже потому, что настоящая, детальная и всесторонняя оценка такой работы по силам только поколениям исследователей, которые им будут пользоваться. Но такие рецензии необходимы, как необходимы любой конструктивный диалог и — в науке ничуть не меньше, чем в коммерции — информативная реклама. Ни в коем случае не желая забегать вперед, в предлагаемом отклике на вышедший в прошлом году очередной, четвертый, том «Сочинений» А. П. Платонова я ставлю перед собой лишь очень скромную задачу: поделить первые впечатления о нем и, главное, просто рассказать, как он сделан.

Но вначале чуть-чуть истории. Работа над собранием началась давно. Первый том в двух книгах вышел еще в 2004 году и включал в себя тексты писателя, созданные с 1918 по 1927 год. Первая книга — рассказы и стихотворения,¹

* Платонов А. П. Сочинения. Т. 4. 1928–1932: В 2 кн. / Гл. ред. Н. В. Корниенко; ред. тома Н. И. Дужина; Кн. 1. Повести / Подг. текста и комм. Н. И. Дужиной и Н. В. Умрюхиной. М.: ИМЛИ, 2020. 653 с.; Кн. 2. Рассказы. Пьесы. Сценарии. Статьи / Подг. текста и комм. Е. В. Антоновой, Б. Дооге, Н. И. Дужиной, Р. Е. Клементьева, Н. В. Корниенко, Д. С. Московской, М. В. Осипенко (Богомоловой), Е. А. Роженцевой, Н. В. Умрюхиной. М.: ИМЛИ, 2020. 841 с.

¹ Платонов А. П. Сочинения. М., 2004. Т. 1. 1918–1927. Кн. 1. Рассказы. Стихотворе-

торая — статьи.² Следующий том появился после значительного перерыва в 2016 году и содержал произведения 1926–1927 годов.³ Третий, отведенный роману «Чевенгур», на момент написания этой рецензии практически готов к печати. Четвертый — тот, о котором идет речь.

Долгая пауза объясняется отнюдь не бездействием «команды». Все это время исследовательская группа (состав которой варьируется, хотя ядро постоянно) была занята интенсивными архивными и текстологическими разысканиями, что, помимо других публикаций,

ния / Подг. текста и комм. О. Ю. Алейникова, Е. В. Антоновой, М. В. Гах, Н. В. Корниенко, Н. М. Мальгиной, Д. С. Московской, М. А. Платоновой, Е. А. Роженцевой, Л. В. Суматохиной, Е. Д. Шубиной, Е. А. Яблокова; гл. ред. Н. В. Корниенко; ред. тома Е. В. Антонова.

² Платонов А. П. Сочинения. М., 2004. Т. 1. 1918–1927. Кн. 2. Статьи / Подг. текста и комм. Е. В. Антоновой, О. С. Капельницкой, Н. В. Корниенко, М. А. Платоновой, Е. А. Роженцевой, Л. В. Суматохиной, Е. А. Яблокова; гл. ред. Н. В. Корниенко; ред. тома Е. В. Антонова.

³ Платонов А. П. Сочинения. М., 2016. Т. 2. 1926–1927. Повести. Рассказы. Сценарии. Статьи / Подг. текста и комм. Е. В. Антоновой, М. В. Богомоловой, Н. И. Дужиной, Н. В. Корниенко, Д. С. Московской, Е. А. Папковой, Е. А. Роженцевой, Л. В. Суматохиной; гл. ред. Н. В. Корниенко; ред. тома Н. В. Корниенко, Е. А. Роженцева.

нашло отражение в двух книгах серии «Архив А. П. Платонова»,⁴ в издании писем Платонова «...Я прожил жизнь»,⁵ в обстоятельной работе члена группы Е. В. Антоновой «Воронежский период жизни и творчества А. П. Платонова»;⁶ в подготовке сборников научных статей и материалов из цикла «Страна философов»;⁷ наконец, в самой непосредственной причастности к выпуску рассчитанного на широкий круг читателей, но, вне всяких сомнений, очень важного восьмитомного собрания сочинений Платонова, опубликованного в 2011 году издательством «Время». Ряд рукописей Платонова был обнародован в электронном виде,⁸ а в рамках разговора о собрании сочинений это существенно уже потому, что открывает возможность каждому судить, насколько выбранная стратегия подготовки текстов (определение основного текста, особенности транскрипции и т. п.) точна и насколько она отвечает характеру материала.

Такова лишь самая заметная часть работы, и подготовительной, и одновременно самоценной, без которой качественное собрание сочинений невозможно представить.

Основательность подхода к предмету просматривается даже в именовании собрания, которое названо составителями всего лишь «научным». В предисловии к первому тому говорится: «Предлагаемое издание не является Полным собранием сочинений академического типа. Такое Собрание сочинений А. П. Плато-

нова — дело далекого будущего, и наше издание призвано способствовать его приближению».⁹ Тем не менее ясно, что задачи, которые его составители ставят перед собой, соответствуют самым высоким критериям «академичности»: «Издание призвано представить наиболее полный свод всех выявленных к настоящему времени художественных произведений писателя, восстановить достоверный облик классика на основании предшествующего опыта и заново проверенных и открытых источников...».¹⁰ Сразу после выхода первого тома не осталось никаких сомнений в том, что осуществляемая коллективом исследователей работа беспрецедентна по охвату материала, тщательности его текстологической подготовки и комментирования. Представить себе, что в обозримом будущем, если говорить о творчестве Платонова, появится нечто, превосходящее его в этих отношениях, очень трудно.

Теперь, собственно, о четвертом томе. Как в первой, так и во второй книге половину объема занимают комментарии, а если учесть, что они набраны кеглем меньшего размера, то больше половины.

В первую книгу входят повести «Впрок», «Котлован» и «Ювенильное море», которые составляют первый раздел. Во втором разделе представлена редакция «Впрок» и фрагменты «Котлована», исключенные автором из машинописи.

Вторая книга включает в себя самые разнообразные материалы, среди которых, — отмечая только самые важные или, по крайней мере, самые известные, — «Че-Че-О (Областные организационно-философские очерки)», «Усомнившийся Макар», «Отмежеванный Макар», пьесы «Дураки на периферии», «Шарманка», сценарии «Машинист» и «Гурбинщики», а помимо этого, еще заметки, корреспонденции, статьи, наброски, технические проекты...

Комментарий к первой книге тома открывается очерком писательской работы Платонова, которая реконструируется на основе разных источников в неразрывной связи с политическим и культурным контекстом 1928–1929 годов. Такое введение уже само по себе — самый серьезный вклад в исследование творческой биографии писателя, поскольку содержит массу документированных подробностей его жизни, до сих пор или мало известных, или не известных вовсе.

Авторы комментария отталкиваются от высказанного самим Платоновым тезиса: «я <...> всегда хотел быть именно политическим писателем», — и прямо увязывают появление практически всех его текстов со сменяющимися одна другую политико-культурными кампаниями. Политичность вместе с тем не мешала Платонову, по мысли комментаторов, быть писателем, если так можно выразиться, «аллегорическим». По характеристике составителей

⁴ Архив А. П. Платонова. М., 2009. [Кн. 1] / Отв. ред. Н. В. Корниенко. 688 с.; Архив А. П. Платонова. М., 2019. Кн. 2. Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция / Отв. ред. Н. В. Корниенко.

⁵ Платонов А. П. «...Я прожил жизнь»: письма, 1920–1950 гг. / Сост. и вступ. статья Н. В. Корниенко; под общ. ред. Н. В. Корниенко, Е. Д. Шубиной. М., 2013.

⁶ Антонова Е. В. Воронежский период жизни и творчества А. П. Платонова: биография, текстология, поэтика. М., 2016.

⁷ «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 2005. Вып. 6. По материалам Шестой международной научной конференции, посвященной 105-летию со дня рождения А. П. Платонова, 21–24 сентября 2004 года / Отв. ред. Н. В. Корниенко; сост. Н. В. Корниенко и Е. А. Рожнецва; «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 2011. Вып. 7. По материалам Седьмой международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения А. П. Платонова, 21–23 сентября 2009 года / Отв. ред. Н. В. Корниенко; сост. Е. А. Рожнецва и Н. В. Умрюхина; «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 2017. Вып. 8. Андрей Платонов и его современники: исследования и материалы / Отв. ред. Н. В. Корниенко; сост. М. В. Богомолова и Е. А. Рожнецва.

⁸ См.: <http://rukopisi.imli.ru/catalog/22>; дата обращения: 31.07.2021.

⁹ Платонов А. П. Сочинения. Т. 1. С. 5.

¹⁰ Там же.

тома, «Котлован» — это повесть «абсолютно реалистическая в деталях, которые естественно комментируются по документам времени, и при этом — аллегорическая» (кн. 1, с. 355).

Перспектива политического, исторического, включая историко-литературный, комментария позволяет составителям подойти к важнейшим, собственно, текстологическим проблемам издания. Как отмечают исследователи, тексты Платонова трудно датировать, основываясь на его собственных записях и пометах. Поэтому выявление канвы «реальных» событий в его нарративах, скрывающихся за «аллегорическим», зачастую фантазмагорическим, планом, и их соположение с хроникой эпохи, а также тщательно восстанавливаемой биографией автора остается одной из немногих возможностей судить о времени создания произведений.

Другая краеугольная для каждого научного издания текстологическая проблема связана с выбором основного текста для публикации. Составители «Сочинений» Платонова тоже уделяют ей самое пристальное внимание. Их выбор всегда основан на результатах анализа многочисленных, а точнее, всех доступных на данный момент источников, которые позволяют выявить последовательность работы автора над произведением. Тщательно реконструируемая динамика становления текста с учетом его «промежуточной» рецепции — внутрииздательских оценок произведения и реакции на них автора — составляет значительную часть комментариев. Вместе с тем составители прослеживают почти исключительно негативную рецепцию «официальной критикой» тех многочисленных произведений Платонова, которые чудом были опубликованы. В первую очередь это касается повести «Впрок».

Такова структура общих комментариев, которые, как и следует ожидать от собрания сочинений, дополняются подробными постраничными комментариями к каждому из опубликованных текстов. О характере последних тоже следует сказать несколько слов.

Платонов, как известно, писатель «трудный», «философический». Если бы он оставался только фактографом и только «очеркистом», вряд ли его творчество получило бы столь ошутимое признание как на родине, так и среди читателей в других странах. Платоновский стиль провоцирует на то, чтобы отыскивать в его произведениях не только самые очевидные литературные аллюзии, полемику, влияния, но и, действительно, «философию» — «встраивать» его в историю идейных брожений XX века в целом.

Существует обширная и очень интересная литература, которая как раз этому и посвящена. Без «спекулятивного» — в самом положительном смысле слова, — «умозрительного» прочтения Платонов как писатель просто немыслим. Однако само по себе очень верное стремление к «глубинному» исследованию мировоззренческой системы автора создает опасность при комментировании его произведений в рамках собрания сочинений. Долголетний

коллективный опыт «философской герменевтики» платоновских текстов показывает, насколько легко бывает, подчинившись ее правилам, отвлечься от специфики платоновского письма. При утрате же внимания к последнему процесс обнаружения идейных связей грозит слишком общими интерпретациями и в результате бесконечным смыслопорождением, мало соотносящимся с авторской интенцией.

Уже по этой причине ограничения, накладываемые комментаторами на самих себя, очень оправданны. Группа подготовки «Сочинений» Платонова сделала выбор в пользу реального, исторического комментария, что хочется только приветствовать. Его составители в первую очередь соотносят «фикциональную реальность» Платонова с фактографией, прежде всего, как уже отмечалось, с политическими сюжетами времени, «расшифровывая» «темные места» и объясняя их генезис. Пройти этот путь — от реалий к фикции, от конкретики к абстракции — необходимо. Но ясно, что такой подход не может быть единственным. Избранная комментаторами позиция несколько не означает запрета на другие подходы. Очевидно, что более или менее адекватное понимание Платонова возможно лишь при синтетическом взгляде, если воспользоваться словами Е. Толстой-Сегал, на «связи низших уровней текста с высшими».

Никакое исследование не бывает бесспорным. Если говорить, например, о границах того же комментирования, то, возможно, в издание, ориентированное на академическое сообщество, нет большого смысла включать объяснения следующего типа: «...душевный бедняк... — Определение „душевный“ образовано от слова „душа“, существование которой отрицало материалистическое мировоззрение» (кн. 1, с. 417).

Наверняка «Сочинения» вызовут и какие-то другие вопросы, несогласия и дополнения — так и должно быть. Это несколько не умаляет заслуг составителей.

Значительную часть тома занимают редакции. Нет смысла еще раз говорить о том, насколько они важны для изучения творчества писателя. Вторая книга тома, помимо прочего, содержит архивные материалы, отражающие технические проекты Платонова, без которых он как писатель и мыслитель тоже непредставим.

Составители позаботились о том, чтобы продемонстрировать читателю, как писал Платонов в буквальном смысле: в томе воспроизводятся избранные листы рукописей писателя. (Остается только пожалеть, что в нем не нашлось места вклейкам с факсимиле автографов на высококачественной бумаге и в цвете, что у издательства, видимо, не хватило на это материальных ресурсов.)

Если подытожить сказанное — коллектив исследователей, работающих над «Сочинениями» Платонова, планомерно и очень размеренно создает фундамент переосмысления всего наследия писателя, и четвертый том в очередной раз это доказывает. Хочется поздравить коллег с большим успехом.

ПОЭТИКА ПРОМЕЖУТКА КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА*

В основе подхода Ярославы Ананко¹ к берлинским стихам В. Ф. Ходасевича — концепция «промежуток» Ю. Н. Тынянова. Это зафиксировано в подзаголовке книги — «поэтика промежуток» — и многочисленных рассуждениях об этом на страницах рецензируемого труда. В «Промежутке» Тынянов отвел Ходасевичу небольшую подглавку. Но дело не в объеме, а в широком контексте понятия «промежутки». В одной из своих последних работ Ю. М. Лотман придавал ему универсальный для русской культуры смысл: «Это то, что перестает быть, в столкновении с тем, что начинает быть».² Историю русской культуры Лотман рассматривал как «цепь взрывов»:³ крещение Руси, Петровская реформа, Октябрьская революция. Автор рецензируемой книги справедливо пишет: «...тыняновское понятие промежуток, подхваченное Лотманом, содержит „взрывной“ метарефлексивный потенциал» (с. 17).

Одна из парадигм эпистемы промежуток — это время одиночек и критической инерции. Ходасевич сравнивал себя с М. Цветаевой: «...остались навек одиночками, „дикими“», критики «не знают, куда нас приткнуть» (с. 9). Цветаева, выйдя из символизма, его преодолела, с оставанием экспериментировала то с московским вариантом акмеизма, то с авангардом, но оставалась в своих исканиях одна. Однако в поисках своего «я» разница Цветаевой с Ходасевичем есть: она безудержно рвалась все же в будущее («Поэма Воздуха» — апогей), Ходасевич оборачивался назад. Не случайно в Берлине Ходасевич входит в окружение М. Горького.

* Ананко Я. Каникулы Каина: Поэтика промежуток в берлинских стихах В. Ф. Ходасевича. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.

Работа выполнена в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 21-18-00131).

The work was done at A. M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the grant of the Russian Science Foundation (RSF, project number 21-18-00131).

¹ Научный сотрудник Института славыстики Берлинского университета им. Гумбольда.

² Лотман Ю. М. Тезисы к семиотике русской культуры // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 408.

³ Там же. С. 409.

Строки Тынянова в «Промежутке» («В стих, „завещанный веками“, плохо укладываются сегодняшние смыслы»)⁴ — своеобразная «подводка» к подглавке о Ходасевиче. Здесь и в следующем далее отзыве Тынянова о Ходасевиче («Его стих нейтрализуется культурой XX века»)⁵ тоже характерная черта эпистемы промежуток.

Ананко так понимает суждение Тынянова: «Ходасевич игнорирует <...> внутреннюю динамику <...> стиха и берет для своей поэзии только внешнюю, стабильную <...> „рамку“, столь любезную и узнаваемую читателем» (с. 26). Это происходит на фоне «распада литературной личности и автопоэтологического пакта» (с. 44). На фоне упадка поэтических течений появляются литературные одиночки: «...благодаря (само)изоляции фигура поэта аккумулирует субъект, который призван <...> искать (мета)поэтический „выход“ из промежуток» (с. 45). Ананко оперирует понятиями «поэтическое лицо» и «литературный персонаж» (с. 55). По ее мнению, помимо «автора», «повествователя» и «героя» «концептуальный персонаж» (Ж. Делёз) «включает в себя абсолютное лицо, идеальный субъект высказывания» (с. 64). Еще одна черта поэзии Ходасевича — «сумерки хронотопографии» (с. 65). В «Европейской ночи» Ходасевича исследовательница видит, как «артикуляция жизнетворческой неопределенности перекодируется в автопоэтологическую ревизию. Реализацией этой ревизии становится поэтика промежуток в берлинских стихах Ходасевича» (с. 82). После Берлина Ходасевич стихов не пишет — только прозу. В этом тоже можно увидеть тыняновское пророчество: «Промежутки» начинается с признания в литературе очередного верховенства прозы над поэзией.

Несколько загадочное название рецензируемой книги «Каникулы Каина» проясняется в главе «Каин в чистилище». Речь идет о трагедии «У моря». Из него выросли сборник «Европейская ночь» и его название: «Под европейской ночью черной / Заламывает руки он» (с. 83). Сначала цикл был обозначен как «Каин». Ананко считает его «главным героем и автопоэтологическим персонажем берлинской части „Европейской ночи“» (с. 84). В таком контексте убедительно и подробно разбирается каждое стихотворение из цикла. Здесь много ценных наблюдений. Одно из них касается завершающего, четвертого стихотворения («Изломала, одолевает / Нестерпимая ску-

⁴ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 173.

⁵ Там же.

ка с утра»). В нем фиксируется тавтологический «сюжет фрондерства и фаталистического фланерства» (с. 116–125). В Каине видятся интертекстуальные черты от Фауста и Печорина до Передонова, в которого вселяется мелкий бес скуки. Устанавливается внешний культурный контекст цикла: «Каин» Байрона, его перевод Бунина, Гумилев («Потомки Каина»), Мережковский («Каинов дым»). К «каиномании» (с. 126) отнесены Адам, Прометей, Фауст, Гамлет, др. (с. 128).

Ананко рассматривает проблему «Ходасевич и Польша» (здесь тоже идет речь о Каине, Мицкевича), а одна из глав рецензируемой книги называется «Берлинский бестиарий». «Ходасевич собирает собственный <...> общеевропейский Зоо, заселенный <...> сверхъестественными существами и тварями, нелюдь и неогофмановской нечистью» (с. 164). Рядом с Зоологическим садом в Берлине селятся русские, как их называл в одном из писем Ходасевич, «зоологические эмигранты» (с. 165). В стихотворении Ходасевича «С берлинской улицы...» исследовательнице видятся «жизнетворческо-культурософские подтексты, свя-

занные с Белым» (с. 193). Символистское «золото» Андрея Белого («Золото в лазури») у Ходасевича «превращается в ироничную золотую желчь <...> болезненность». Здесь автобиографический подтекст, связанный с болезнью автора знаменитого стихотворения «Перед зеркалом»: «Разве мама любила такого, / Желтосерого, полуседого...». У Ананко неожиданное развитие этой темы: «...собачье-волчья образность развивает семантику <...> мутации поэзии в прозу; желчная заря „волчьей жизни“ постулирует приход новой (не)поэзии» (с. 198). В последующих двух главах Ананко рассматривает такие темы, как «Атлантида метрополии» (с. 210), «консервация взрыва», «сюжет суицидального форсирования фатального взрыва» (с. 242), «берлинский блуд и бред» (с. 260).

Один из выводов Ананко: в «Европейской ночи» «повествуется о том, как в критическом промежутке русской поэзии, в эмигрантско-каникулярном чистилище Берлина происходит растение и истление, разлад и распад — решающая автодеконструкция русского модернизма» (с. 294).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-255-256

© О. Б. Карасик-Андайк, © И. Е. Лунина

ЖИЗНЬ И НАСЛЕДИЕ М. М. БАХТИНА В ДВУХ САРАНСКИХ МОНОГРАФИЯХ*

125-летие со дня рождения Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975) — серьезный повод для того, чтобы присмотреться к достижениям отечественного бахтиноведения. Завершение в 2012 году Собрания сочинений мыслителя ознаменовало новый этап в изучении его научного наследия.

Две рецензируемые монографии появились в рамках проекта «Бахтинская энциклопедия», цель которого — осмысление и представление своего рода справочника идей, терминов, трудов М. М. Бахтина, определение биографической составляющей наследия ученого и его круга, выявление научных и историко-культурных контекстов.

* Михаил Михайлович Бахтин: Проблемы изучения биографии и научного наследия. Монография / О. Е. Осовский, В. Л. Махлин, В. И. Лаптин [и др.]; отв. ред. С. А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. Вып. 1. 176 с. (Бахтинская энциклопедия: материалы); Михаил Михайлович Бахтин: Личность и наследие. Монография / О. Е. Осовский, В. П. Киржаева, С. А. Дубровская [и др.]; отв. ред. С. А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. [Вып. 2.] 232 с.

Как указывается в предисловии к первой монографии, своей задачей авторы «видят реконструкцию „бахтинского пространства“, создание своего рода гипертекста, завершение которого обеспечит попадание читателя во „внутренний мир“ М. М. Бахтина, в историю его жизни и в историю его идей. Все это позволит понять те вехи диалога, которые разворачиваются у мыслителя в „большом времени“ не только с предшественниками и современниками (от Рабле до Достоевского, от Канта до Кассирера), но и с огромными пластами культуры» (с. 3).

Очевидно, что такая работа требует напряженного труда, поскольку сюжет почти каждой из статей для энциклопедии нуждался в специальном исследовании. Эти «рабочие материалы», представленные в форме научных статей, и послужили основой для рецензируемых книг. В этом, похоже, и причины некоторой «жанровой нестыковки»: обе монографии больше напоминают сборники научных статей. Впрочем, это не упрек рецензентов авторам, а скорее констатация факта, нередкого в сегодняшней научной жизни. Эта жанровая расплывчатость компенсируется новизной и важностью содержания.

Напомним, что изучение наследия Бахтина в Саранске, в стенах Мордовского университета (до 1957 года — Пединститута), где ученый проработал почти четверть века, имеет давнюю традицию: от «Проблем поэтики и истории литературы»¹ до «М. М. Бахтина в Саранске».²

Комплексный характер проводившегося исследования определил структуру обеих книг, включившую три раздела: «Биография», «Теория, фон, контексты», «Практика». Главы монографий — результат большой архивной работы, прежде всего это касается восстановления биографического контекста жизни Бахтина и его окружения. Так, опираясь не только на материалы местного архива, но и на документы из личного архива Бахтина В. И. Лаптуна и С. А. Дубровская дают развернутый анализ писем к Бахтину некогда декана литфака пединститута, а затем ответственного сотрудника Министерства просвещения РСФСР Г. С. Петрова, сыгравшего известную роль в трудоустройстве Бахтина в Саранске и оказывавшего ему разнообразную помощь в 1940–1950-е годы. Заметный вклад в понимание того, как организовывалась жизнь Бахтина в Саранске, выстраивались отношения с официальной властью и администрацией Пединститута, вносят главы «Менялись директора — менялось отношение...», «Бахтин и администрация Мордовского пединститута 1945–1950 гг.». Конечно, эта история выглядела бы куда более объемно, будь она опубликована единым текстом, но здесь, надо полагать, проявились неизбежные издержки поэтапного исследования.

Добавим, что в монографиях усилен поиск исследовательского инструментария, позволяющего по-новому работать с широким биографическим контекстом. В этом смысле представляется перспективной идея «бахтинского фильтра». Так, в ходе анализа «Словаря русских литературоведов XX века»³ выделяется круг ученых, так или иначе пересекавшихся с Бахтиным за время его научно-педагогической карьеры, и круг этот, как мы видим, оказывается весьма внушительным (от Г. Л. Абрамовича и С. С. Аверинцева до М. А. Лифшица и Ю. М. Лотмана). Еще одним источником сведений становится впервые введенный в научный оборот каталог инскриптов на подаренных Бахтину книгах,⁴ что позволяет оценить мас-

штабы влияния Бахтина-ученого в 1950-е — начале 1970-х годов.

Не менее важны для авторов вопросы бахтинской терминологии и порождаемых ею проблемных полей: специальное внимание уделяется здесь таким понятиям, как «большое время», «гибридная конструкция», «смеховое слово». Примечательны и попытки восстановления историко-научных контекстов бахтинских идей, начиная с европейского философского (В. Л. Махлин) и заканчивая теоретико-историко-литературным (С. А. Дубровская, В. П. Киржаева, О. Е. Осовский).

Закономерно и появление раздела, связанного с «бахтинскими практиками». В нем авторы не обходят и проблему «спорных текстов». Не вступая в полемику с противниками бахтинского соавторства «Формального метода в литературоведении» и «Марксизма и философии языка», они достаточно объективно воспроизводят аргументацию обеих сторон. Очевидно, что О. Е. Осовский и В. П. Киржаева склоняются к признанию этих книг если не исключительно бахтинскими, то большей частью своего текста обязанными именно Бахтину. Представлены здесь и различные формы комического дискурса и его карнавально-смеховых составляющих, характерных для отечественной литературы первой трети XIX века и сегодняшнего дня.

Генетическая связь монографий с замыслом «Бахтинской энциклопедии» обозначена в приложении, где представлен ряд статей проекта. Здесь как нельзя выразительнее проявляется идея «оживления» бахтинского пространства. Таковы биографические статьи о Г. В. Горбатском и Н. В. Яковлеве. Первый — коллега Бахтина по школе в Невеле в 1918 году, ставший впоследствии известным ленинградским полярником, второй — многолетний сотрудник Пушкинского Дома, близкий друг В. Н. Волошинова, участник совместно с П. Н. Медведевым «лекторского десанта» в Саранск в 1936 году и научный руководитель диссертации все того же Г. С. Петрова. Впервые эти фамилии с далекой периферии бахтинской биографии обретают смысловое наполнение.

Среди других статей заслуживают внимания подробная справка о Савёлове, информация о газете «Культура и жизнь», серии «Труды по знаковым системам», заседании к 75-летию юбилею М. М. Бахтина Лингвистического объединения при лаборатории вычислительной лингвистики МГУ и др.

В целом, рецензируемые книги — свидетельство того, что творчество Бахтина по-прежнему остается в центре изучения. Предлагаемые в них подходы дают возможность расширить исследовательский инструментарий, круг привлекаемых источников, оценить сделанное и обозначить перспективы дальнейшего освоения бахтинского наследия.

¹ Проблемы поэтики и истории литературы: Сб. статей / Отв. ред. С. С. Конкин. Саранск, 1973.

² М. М. Бахтин в Саранске: Документы, материалы, исследования / [Редкол.: О. Е. Осовский — отв. ред. и др.]. Саранск, 2002–2006. Вып. 1, 2–3.

³ Русские литературоведы XX века: Библиографический словарь. М.; СПб., 2017. Т. 1. А–Л / Сост. А. А. Холиков; под общ. ред. О. А. Клинка и А. А. Холикова.

⁴ Издания с дарственными надписями в коллекции «Личная библиотека М. М. Бахтина» Национальной библиотеки имени А. С. Пушкина

Республики Мордовия: Каталог / Сост. Н. Н. Земкова; ред. О. А. Пальгина. Саранск, 2018.

ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-257-261

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «„ПРОСНУТЬСЯ ЗНАМЕНЫТЫМ...“: СТРАТЕГИИ ЛИТЕРАТУРНОГО УСПЕХА И ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ В ЭПОХУ FIN DE SIÈCLE»

5–6 октября 2020 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошла Международная научная конференция «„Проснуться знаменитым...“: Стратегии литературного успеха и литературная репутация в эпоху fin de siècle». С приветственным словом к участникам обратилась заведующая Отделом новейшей русской литературы А. М. Грачева. Во вступительном слове председатель оргкомитета А. С. Александров отметил, что намеченные заседания продолжают научную дискуссию, начатую в прошлом году в рамках конференции «Литературная критика в массовых периодических изданиях 1890–1920-х годов: жанры, приемы, авторы», на которой участники обсуждали вопросы, так или иначе связанные с заметным и своеобразным явлением литературного процесса начала XX века — «фельетонной критикой».¹ Основной заголовок конференции не случаен, он отсылает нас все к тем же критикам-фельетонистам: в 1894 году небольшая серия стихотворений В. Я. Брюсова была напечатана в сборнике, вышедшем под заглавием «Русские символисты». Этот первый выпуск «Русских символистов» так же, как и последовавшие вскоре два других (1894 и 1895), взбудоражили информационное пространство: в газетах замелькали рецензии, заметки, пародии. Брюсов в своем дневнике вспоминал: «Имя „Валерий Брюсов“ вдруг сделалось популярным <...> и чуть ли не нарицательным. Иные даже хотели видеть в Валерии Брюсове лицо коллективное, какого-то нового Козьму Пруткову, под которым скрываются писатели, желающие не то вышутить, не то прославить пресловутый в те дни „символизм“. Если однажды утром я и не проснулся „знаменитым“, как некогда Байрон, то, во всяком случае, быстро сделался печальным героем мелких газет и бойких, неразборчивых на темы фельетонистов».²

¹ См.: *Александрова Э. К., Александров А. С.* Фельетонная критика конца XIX — начала XX века: Проблемы изучения (Обзор научной конференции ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) // *Филологические науки: Научные доклады высшей школы.* 2020. № 3. С. 127–136.

² *Брюсов В.* Из моей жизни: Автобиографическая и мемуарная проза / Сост., подг.

Неслучаен и выбор временного периода для анализа предложенных вопросов — рубеж веков. С бурным расширением информационного пространства начиная с конца XIX века, развитием рынка свободной печати, ростом тиражей ежедневных массовых изданий, повышением их авторитета и значения традиционные способы оценки художественных произведений (такие, как обстоятельная рецензия, обзорная статья в «толстом журнале») отходят на второй план. Особое значение в начале XX века приобретает информационный шум, сам факт обсуждения, и не важно, хвалят ли писателя, его произведение, постановку или ругают, а многие механизмы обретения популярности и даже формирования культа, зародившиеся в этот период, можно отчетливо наблюдать в более поздние эпохи вплоть до нашего времени.

Открывал конференцию К. Ю. Зубков (Санкт-Петербург). В своем докладе «Академик А. В. Никитенко в поисках нигилистов: литературные премии, радикальные демократы и русская драматургия в 1870-е годы» исследователь обратился к институтам, способствовавшим формированию литературной репутации в России 1870-х годов — редакциям журналов, литературным премиям и критике. Анализируя награждение Д. Минаева Уваровской премией за пьесу «Разоренное гнездо» (другое название — «Спетая песня», 1874), докладчик показал, что и вручившие награду академики, и осуждавшие их за это радикальные критики исходили из устаревшего концептуального аппарата, восходившего к спорам о «нигилизме» 1860-х годов и неадекватного для литературной ситуации следующего десятилетия.

В продолжение темы премирования А. С. Кириллова (Рязань) прочла сообщение «Литературная и театральная полемика вокруг пьесы П. П. Гнедича „Перекасти-поле“ в конце XIX века». Пьеса стала ярким примером неоднозначной критической оценки одного произведения и литературным, и журнально-газетным, и театральным сообществами. С одной стороны, пьеса получила признание в виде Грибоедовской премии от Общества рус-

текста, послесловие и комм. В. Э. Молодякова. М., 1994. С. 74.

ских драматических писателей в 1890 году, с другой — подавляющее большинство критиков охарактеризовали «Перекапти-поле» как «безвкусную и бесталанную вещь», «жалкий вздор», на который не стоило бы тратить силы талантливых актеров и испытывать терпение публики. При этом очевидно, что постановка пьесы, в частности в Малом театре, произвела большое впечатление и имела немалый успех. Современники объясняли это парадоксальное явление скандалом, связанным с образом князя Ханькова-Алсуфьева, напомиавшим Л. Н. Толстого.

Необычайный писательский успех, граничащий с «прижизненной канонизацией», стал предметом исследования целого ряда участников конференции. В докладе С. А. Ипатовой (Санкт-Петербург) «„Геростратово деяние“ как эффективная формула литературного успеха: антифетиана» речь шла о направленном пародическом «конструировании» негативной литературной репутации А. А. Фета начиная с 1860-х годов и вплоть до конца века, когда в полемике о назначении поэта в общественной жизни, которую вели «утилитаристы» против направления «чистого искусства», именно поэзия Фета стала основным объектом критического неприятия, осмеяния и остракизма в многочисленных злобных пародиях, в основном знаменитого версификатора и «короля рифмы» Д. Д. Минаева.

В выступлении В. Н. Крылова (Казань) «Литературная критика конца XIX — начала XX века о феномене писательского успеха М. Горького» было подчеркнуто, что уже в ранних критических откликах формируется своего рода миф: Горький обязан успехом тому, что возвел на пьедестал босяка (маргинала). Опержая академическую историю литературы, критика начинает воспринимать Горького как «живого» классика через частые сравнения с классиками XIX века и признанными писателями-современниками, закладывая основу для его ранней канонизации. Для понимания успеха Горького важно принять во внимание, что горизонт ожидания читателей приближался к горизонту ожиданий автора. Как реакция на успех в конце 1890-х — начале 1900-х годов появляются фельетоны, в которых высмеивались крайности, преувеличения критики о Горьком, метонимическое перенесение биографии на творчество. Они могут быть рассмотрены и как обратная сторона его невероятной популярности.

В докладе Г. Н. Боевой (Санкт-Петербург) «„Итак, я хочу быть известным, хочу приобрести славу...“: стратегии литературного успеха Леонида Андреева» в свете идей Р. Барта об истории письма, отражающего психоисторические и антропологические запросы времени, и теории П. Бурдьё о поле литературы были проанализированы стратегии успеха Леонида Андреева на фоне «борьбы агентов» реализма и модернизма. Было показано, что писателю удалось максимально присвоить разные виды «капитала», а именно: экономического (тиражи, гонорары, собрания сочинений), куль-

турного (признание большей частью профессионального сообщества), социального (сотрудничество сначала в газете «Курьер», затем — в издательстве «Знание» и альманахе «Шиповник», в конце жизни — в газете «Русская воля»), наконец, символического (феноменальная прижизненная слава). Особое внимание было уделено «капитализации» Андреевым юридического образования и его опыта работы судебным хроникером.

Двухтомному изданию Павла Муратова «Образы Италии» (1911–1912) посвятила свое выступление И. В. Ваганова (Ярославль) «„Читаю теперь „модного“ Муратова...“: неожиданный успех „Образов Италии“ П. П. Муратова в восприятии современников». Книга, ставшая, по мнению читателей начала XX века, «лучшим спутником в блуждании по Италии», способствовала появлению в литературно-художественной среде понятия «муратовского чувства Италии», многогранного, емкого и весьма современного термина «образы Италии».³ А споры о жанре книги, так же как и о причинах ее внезапного и ошеломляющего успеха, как отметила исследовательница, не прекращаются до сих пор.

Доклад В. Э. Молодыхова (Япония) «„Фанфары оркестра Муз“: поэзия и поза Джорджа Сильвестра Вирека глазами американской критики 1900-х годов» был посвящен творчеству самой яркой звезды американского декадентства начала XX века. Этнический немец, с детства живший в США, Вирек (1884–1962) не просто дебютировал стихами, написанными на немецком языке, но сумел привлечь к себе внимание американской критики, оценившей феномен поэта, воспитанного в традиции английского языка, но пишущего на — немецком. Оставив язык предков и вознамерившись, по его словам, «стать американским классиком», талантливый поэт и мастер самопиара книгой стихов «Ниневия» (1907) вызвал оживленную полемику в прессе, не всегда состоявшую из похвал, но привлек к себе внимание таких видных литераторов эпохи, как Дж. Хьюнекер и Р. Ле Гальенн, У. Брэдли и П. Поллард, Р. Гилдер и Л. Унтермейер, а также Г. Мюнстерберг и Э. Синклер. Реакция в целом консервативной американской критики и читающей публики на декадентские стихи в середине 1900-х годов радикально отличалась от реакции русской критики и публики на декадентские опыты К. Бальмонта и В. Брюсова десяти-

³ При обсуждении доклада было упомянуто, что термин «образы Италии» был положен в основу названия конференции, проходившей в Пушкинском Доме в 2012 году. Коллективный труд, основанный на ее материалах, посвящен восприятию образов Рима и Италии в русской философской и народной мысли, искусстве и литературе начиная с XIII века. См.: Образы Италии в России — Петербурге — Пушкинском Доме / Отв. ред. А. Б. Шишкин. СПб., 2014 («Россия — Запад — Восток»: Литературные и культурные связи; вып. 2).

тилетию раньше, подчеркнул в заключение докладчик.

Явлению, противоположному писательскому успеху, также было уделено внимание докладчиков. В выступлении Ю. Б. Орлицкого (Москва) «„Предтеча безвестных гармоний“». Несколько размышлений о феномене Ивана Лялечкина» была рассмотрена уникальная литературная судьба поэта, вошедшего в петербургскую литературную и театральную жизнь в начале 1890-х годов и активно включившегося в разные сферы профессиональной деятельности: в 1893–1894 годах он выступает как поэт, переводчик (К. Мендеса, Ф. Петрарки, А. Шопенгауэра), литературный и театральный критик, участвует в подготовке антологий («4 времени года», антологии русской эротической поэзии, переводов Петрарки), попадает в состав знаменитой книги братьев Перцовых «Молодая поэзия» (1895) рядом с К. М. Фофановым, К. Льдовым, Д. С. Мережковским, Н. М. Минским, К. Д. Бальмонтом, В. Я. Брюсовым и отмечается в рецензиях А. М. Скабичевского и В. А. Шуфа. Лялечкин был убежденным сторонником нарождающегося русского символизма, о чем свидетельствует его переписка с Брюсовым, который высоко ценил его лирику и посвятил ему одно из стихотворений. Сохранились также его письма к начинающему Бунину, по отношению к которому Лялечкин выступает как наставник. Однако в возрасте 24 лет поэт умирает, и его имя надолго пропадает с горизонта.

Сообщение Л. В. Павловой и И. В. Романовой (Смоленск) было посвящено литературной судьбе Гервасия Ефремовича Псальмова (1848–1900). «Крестьянская» тема, доминирующая в его стихах, существенно отличается по своему содержательному и формальному решению как от кольцовской традиции XIX века, так и от «новокрестьянской» поэзии, уверенно привлекавшей к себе читателей в 1910–1920-е годы. При жизни Псальмова лишь несколько стихотворений были опубликованы в различных провинциальных периодических изданиях. В 1914 году, спустя более десяти лет после его смерти, вышло в свет Собрание сочинений. Однако время требовало иных поэтических откровений, имя поэта-самоучки из смоленской глубинки осталось неизвестным. Целенаправленное филологическое исследование творчества Псальмова началось в 2010-е годы, ряд наблюдений и выводов свидетельствуют о художественном своеобразии его поэзии, явившей собой своего рода «невыстроенный путь» развития так называемой крестьянской лирики в отечественной литературе.

Скандал, эпатаж и другие формы достижения сиюминутного успеха, как ни в какую другую эпоху, расцвели на рубеже веков. Ю. С. Ромайкина (Саратов) в докладе «Литературная репутация А. И. Куприна как автора сборника „Земля“» подчеркнула, что в 1908–1909 годах в прессе активно тиражировался смелый, скандальный образ писателя: «модные» темы пола и социальных пороков в опубликованных в «Земле» произведениях («Суламифь», «Яма») сочетались с вызывающим поведением автора, что обеспечивало скандальную репутацию как Куприну, так и печатавшему его тексты «Московскому книгоиздательству». В 1911 году благодаря публикации «Гранатового браслета» большая часть критиков признала реабилитацию таланта скандального автора. Читатели также становились участниками купринского мифотворчества: их мнение о литературных произведениях, отраженное в личных и открытых письмах, безусловно, влияло на формирование литературной репутации писателя. Активная реклама сборников «Земля» и цензурные проволочки, связанные с их изданием, также подогревали интерес к произведениям Куприна и обеспечивали коммерческий успех альманаху.

В целом ряде докладов были освещены личности писателей-символистов или — близких к символистским кругам, а также отдельные модернистские тексты. В. В. Филичева (Санкт-Петербург) в выступлении «Стратегия распространения первых книг Ф. Сологуба» рассказала о шагах, предпринятых писателем после выхода из печати первого сборника стихов («Стихи. Книга первая». СПб., 1896). Действия Сологуба удалось проследить благодаря реестру входящей/исходящей корреспонденции (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 81). В течение декабря 1895 — марта 1896 года издание было разослано более чем в 60 редакций журналов и газет для отзыва, а также в 40 книжных магазинов; помимо этого, частным лицам, в училища, библиотеки и книжные магазины отправлялись объявления о выходе книги. Однако все это не привело к желаемому результату, и после сразу трех изданий, отмеченных 1896 годом (также «Тени: Рассказы и стихи» и «Тяжелые сны»), Сологуб не выпускал отдельных книг до 1904 года, публикуя прозу, стихи и статьи в периодических изданиях. Особое внимание исследовательница уделила географии распространения сборника, свидетельствующей о возможном расчете писателя на интерес провинциального читателя.

В докладе Н. Ю. Грякаловой (Санкт-Петербург) «Статья И. Ф. Анненского „О современном лиризме“ как антиманифест, или На что обиделся Александр Блок...», методологически ориентированном на теорию литературного поля П. Бурдьё, в указанном ракурсе были рассмотрены отношение Блока к программным статьям журнала «Аполлон» и позиция редакции в целом. Поскольку статья Анненского не была завершена, а ее опубликованные части были выдержаны в памфлетном стиле, ниспровергающем статус уже признанных к 1909 году поэтов-символистов, то собственно программная сторона данного выступления была нивелирована и актуализировалась исключительно его полемическая часть. С учетом данных параметров «антиманифеста» Анненского, а также на основе семанто-стилистического анализа отдельных фрагментов докладчица оценила реакцию Блока на

выступление, с одной стороны, в психологическом аспекте — как обиду на недружественный выпад старшего современника, с другой — как свидетельство изменений самого литературного поля и перераспределения сил внутри него.

Доклад А. А. Чабан (Москва) «„Стихи Нелли“ как мистификация и метарефлексия» был посвящен анонимной книге стихов В. Брюсова. Исследовательница остановилась не на мистификаторской составляющей сборника, а рассмотрела книгу как экспериментальную лабораторию, где мэтр подводит промежуточные итоги лирики 1900-х — начала 1910-х годов, пытаясь показать литературной обществу, какие образы и приемы из его стихов и произведений поэтов-современников прочно вошли в поэзию. Во-первых, это отмеченная исследователями и критиками стилизация наиболее ярких явлений поэзии 1910-х годов (эгофутуризм, женская поэзия), в рамках которой, во-вторых, избираются наиболее характерные, по мнению Брюсова, тематические открытия 1900-х: любовная тема реализуется во многом сквозь призму поэтики раннего Брюсова, тема города (в трагедийном аспекте) — через творчество Блока.

Выступление Е. А. Глуховской (Санкт-Петербург) «Книга стихов М. Шагинян „Orientalia“ (1913): стратегии работы с модернистским наследием в советское время» было посвящено истории первого литературного успеха Шагинян. После 1913 года «Orientalia» была переиздана несколько раз, дополняясь новыми стихотворениями. Анализ и сопоставление отзывов критиков на эти издания позволил выявить особенности восприятия поэзии Шагинян и характер их изменения в 1920-е годы, а также проследить, каким образом советские критики пытались адаптировать модернистское прошлое Шагинян к требованиям современной литературы.

В докладе А. С. Пахомовой (Эстония) «Куда плыли „Марсельские матросы“? (Литературная репутация М. А. Кузмина во второй половине 1910-х гг.)» была проанализирована история этого малоизученного объединения в контексте творчества и литературной репутации ее наиболее заметного участника. Сделаны наблюдения, уточняющие отношение Кузмина к литературным группам: не отвергая техническую общность приемов, писатель отрицательно относился к любым иерархиям внутри группы. Однако анализ творчества «матросов» Ю. Дегена и М. Вандаса позволяет сделать вывод, что основной моделью, бытующей в этом кружке, была именно ориентация на раннее творчество Кузмина. Создание объединения предстает как попытка поэта упрочить свою литературную репутацию, переживающую кризис в 1917 году, и как жизнетворческий проект, претворяющий в жизнь мечты о настоящем литературном братстве, сплотившемся перед лицом стихии.

С докладами также выступили Л. Г. Каяниди (Смоленск) — «„Сон Мелампа“ и визионерский опыт Вячеслава Иванова: к интерпре-

тации концепции тройственных браков» и Е. Л. Куранда (Санкт-Петербург) — «Как Осип Иванович проснулся Юрием Юркуном».

Особенности метафикциональной поэтики были рассмотрены Д. М. Бреслером (Санкт-Петербург) в выступлениях «Монтаж аттракционов, оперетт и эстрадных номеров: роман А. Н. Егунова „По ту сторону Тулы“ и проблема медиального статуса литературы в 1910–1920-е годы». Главный герой произведения одновременно вовлечен в события художественного мира и в процесс написания романа. Основные вопросы метафикциональной прозы, отчасти сформулированные Б. М. Эйхенбаумом, — как создаются художественные тексты и как быть писателем — весьма уточняются: роман Егунова совершает попытку определить возможности литературы как медиа в контексте новых для своего времени форм хранения и передачи информации (аудиовидеозаписи). В романе присутствует большое количество цитат из легких музыкальных жанров, оперетт и проч., передается опыт живого присутствия на конкретных постановках 1910–1920-х годов, опыт посещения парков и проч., — что позволяет проблематизировать свойства литературного текста в контексте музыки (звучания), телесности и визуальных образов, доступных человеку того времени.

Е. Е. Вахненко (Иркутск) в сообщении «Литературная личность А. М. Ремизова в стихотворных посвящениях современников» представила тематический обзор стихотворных посвящений Ремизову, отражающих специфику его жизнетворческих позиций. Корпус выявленных поэтических обращений к писателю составил 21 текст и принадлежит 16 авторам, входящим в его литературное окружение. Стихотворный портрет Ремизова уникален и узнаваем читателем, прежде всего, через поэтический диалог: обращение авторов к образам, темам и мотивам, раскрывающим общность художественного видения и мироустройства. Поэтическая рецепция образа Ремизова связана с особенностями художественного восприятия действительности (актуализация в творчестве мотивов страдания, боли, зла, жестокости); с репрезентацией писателем собственной личности в определенном ракурсе — как демонологической сущности (бесовское обличье, кикимора). В отдельных шуточных посвящениях звучит интерес к личности Ремизова и событиям его творческой биографии в контексте дружеского непринужденного общения.

В заданном ракурсе были рассмотрены писательские стратегии представителей литературы первой русской эмиграции. Е. Р. Обатнина (Санкт-Петербург) в своем докладе «Алексей Ремизов: между рецепцией и авторефлексией (избранные страницы альбома «Зарубежная цензура», 1923–1931)» остановилась на малоизученной проблеме авторской организации личного архива, методологии которой является прямым выражением писательской авторефлексии. Иллюстрацией к постановке вопроса послужил ремизовский альбом «Зару-

бежная цензура». В рукодельном конволюте были собраны рукописи произведений, не пропущенных в редакциях эмигрантских изданий, газетные вырезки с критическими откликами и письма редакторов — материалы, в которых писатель объективировал скрытую от внешнего мира реакцию на критику и различные стереотипы восприятия его творческого диапазона. Взаимная рецепция писателя и профессиональных читателей была продемонстрирована на примере специфического отбора для альбома критических отзывов, посвященных роману «Взвихренная Русь» (1927), которые выявляют несовпадение «горизонтов ожидания» как критиков, так и самого писателя. Особенно остро этот диссонанс проявился в статье И. Лукаша под названием «Мышиная Россия» (1927), оказавшейся за рамками альбома.

Э. К. Александрова (Санкт-Петербург) в сообщении «„Это отличный дебют“: К проблеме литературной репутации Г. Газданова после выхода романа „Вечер у Клэр“» подчеркнула, что издание вызвало широкий отклик у критики русского зарубежья. М. Осоргин, Г. Адамович, В. Вейдле, В. Ходасевич, М. Слоним, П. Пильский, К. Зайцев и др. выступили с рецензиями, в которых ставили автора на первое место среди писателей-младоземigrants, наряду с В. Набоковым. В то же время одна из главных особенностей сюжетного построения романа — «развертывание длинной цепи образов-ассоциаций», «серия воспоминаний, переходящих из одного в другое» — была воспринята как несомненное влияние М. Пруста. Однако, по позднему признанию самого Газданова, ко времени создания своего первого романа он еще не прочел произведений фран-

цузского модерниста. В выступлении были подняты вопросы о решении темы прустовского влияния в последующем творчестве Газданова, о способах преодоления и правомерности этого стереотипа его литературной репутации.

В докладе В. В. Шадурского (Великий Новгород) «Писатель Марк Алданов — борец и джентльмен» проанализированы ситуации, в которых М. А. Алданов проявлял качества политика, общественного деятеля и публициста, боровшегося с большевиками разными средствами в 1917 — начале 1920-х годов. Принципиальность, сильное волевое начало помогли Алданову реализоваться в художественном творчестве, а также поддерживать дружбу с И. А. Буниним. На материалах переписки писателей 1941–1953 годов автор доклада показал алдановское участие в жизни и поддержании репутации Бунина. Рассмотрены случаи оказания финансовой помощи, заботы о здоровье Бунина и атмосфере в его доме, сохранении его имени первого писателя эмиграции, а также редакторская работа и содействие публикации рассказов сборника «Темные аллеи», очерка «Русский Дон Жуан». Дано описание рискованных поступков Алданова ради сохранения дружбы.

По материалам двух конференций 2019 и 2020 годов планируется издать коллективный труд. Тема прошедшей конференции прокладывает связующую нить к заседанию следующего года, рабочее название которого — «Механизмы формирования литературных репутаций в конце XIX — начале XX века».

© Э. К. Александрова

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-261-266

ДЕВЯТЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ЗАЧЕРКНУТЫЙ ТЕКСТ В ПЕРСПЕКТИВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ»

7 октября 2020 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялся Девятый научно-практический семинар «Зачеркнутый текст в перспективе художественного высказывания», в работе которого участвовали российские и зарубежные ученые из Санкт-Петербурга, Москвы, Воронежа, Екатеринбурга, КНР.

На семинаре, по традиции посвященном зачеркнутому тексту (в широком его толковании), были рассмотрены вопросы теоретического и практического плана. В том числе — проблемы, касающиеся форм, способов и функций зачеркиваний, используемых как в процессе работы над текстом, так и в качестве самостоятельного художественного приема (включая фигуры редукции — умолчание, эллипсис, монтаж, контаминация, неполное ци-

тирование и пр.). Также было продолжено начатое на предыдущем семинаре изучение проблематики писательских юбилеев в аспекте феномена «зачеркнутого». Научные заседания велись в смешанном (очном и дистанционном) формате. Одно из двух заседаний транслировалось на YouTube-канале Пушкинского Дома.

Первым — с докладом «Зачеркнутое и недосказанное в неопубликованном блокноте А. Платонова — корреспондента „Красной звезды“» выступил О. Ю. Алейников (Воронеж). Предметом его рассмотрения явились записи А. Платонова времен Великой Отечественной войны, обнаруженные в государственном архиве Воронежской области. В процессе текстологического исследования Алейниковым была уточнена датировка вводимого в научный оборот документа, расшифрованы сокращенные,

зачеркнутые и нераскрытые записи, истолкован ряд «темных мест» и иносказательных рисунков, которые составляли одну из примет рукописной «подобыской литературы» (термин В. Хализева), существовавшей в подцензурную эпоху. Докладчик предложил свой комментарий к записям и рисункам А. Платонова, указывающим на эмоционально-психологическое состояние «вчерашних врагов», находившихся в лагерях для военнопленных, а затем, после всего этого, ставших «боевыми товарищами». Отметив взаимосвязь зачеркнутого и недосказанного в блокноте А. Платонова фронтовых лет, докладчик сделал вывод, что в этих записях зафиксировано реальное разнообразие позиций и мнений в польских частях. В условиях недоговоренности Платонов следует особым стратегиям письма, избегая пропагандистских схем. Он осовременивает «пиктографический» способ хранения информации, сокращая до минимума авторскую модальность. В блокноте оставлены незаполненными одиннадцать листов, и это свидетельствует о том, что Платонов сам планировал возвратиться к записям 1944 года.

В докладе Е. Л. Куранды (Санкт-Петербург) «Цитирование и псевдоцитирование из исчезнувшего романа Юр. Юркуна» речь шла, прежде всего, о текстах самого Юр. Юркуна (наст. имя: Иосиф (Юозас) Юркунас), в которых он скрыто цитировал высказывания М. А. Кузмина, что было вполне объяснимо ввиду взаимовлияния, наблюдавшегося в творчестве обоих писателей в течение ряда лет. Затем Куранда остановилась на рассыпанных в разных источниках цитатах и псевдоцитатах из не дошедших до нас произведений «позднего Юркуна». Для подтверждения первого тезиса докладчица проанализировала запись Юркуна 1921 года в альбоме А. А. Радловой, где были использованы речевые обороты из статьи Кузмина «Голос поэта» (Жизнь искусства, 1921, 26–29 марта), посвященной книге Радловой «Корабли» (1920). Другой пример был связан с рукописными материалами романа Юркуна, изъятыми вместе со всем архивом при аресте в 1938 году. Роман, главы из которого писатель читал друзьям летом 1920 года, имел варианты названия — «Город в тумане», «Туман за решеткой». Художник В. А. Милашевский, присутствовавший на этих чтениях, задался целью спустя сорок восемь лет в собственном романе «Нелли» (1968) восстановить по памяти атмосферу и содержание исчезнувшего произведения и назвал свою «фантастическую», по его словам, попытку — «Псевдо-Юркун». В докладе были представлены фрагменты текста Милашевского, которые Куранда определила как «псевдоцитаты» из романа Юркуна, позволяющие в какой-то степени вернуть этот фактически «зачеркнутый» при трагических обстоятельствах сюжет в историю литературы начала 1920-х годов.

Следующий доклад «К феномену метаязыкового комментария (в свете проблемы зачеркнутого текста)», прочитанный Б. Ф. Шиф-

риным (Санкт-Петербург), был посвящен теоретическому аспекту. Как отметил выступавший, термин метаязыковой комментарий и сама постановка вопроса восходят к Р. Якобсону. В решении проблем перевода, в деле истолкования смысла и осуществления полноценной коммуникации метаязыковой комментарий востребован как основной инструмент. В первую очередь, это касается ситуаций культурной, семиотической, языковой неэквивалентности, когда несоизмеримость носит обоюдный характер. Например, при коллизии соприкосновения «мира детей» (или субкультуры подростков) с «миром взрослых». Ощущение лакун в высказывании и в знаковой коммуникации, будучи прагматически значимым, являясь собой симптомом зачеркнутого текста. Уже простой знак зачеркивания свидетельствует о метаязыковой активности. Попутные примечания и поправки («фигурально выражаясь», «если можно так выразиться» и т. п.) являются, по наблюдению докладчика, типичными случаями метаязыкового комментария. Далее Шифрин привел знаменитый пример зачеркивания (речевой акт, сам себя отменяющий): «Идет дождь, но я так не считаю», а также напомнил о нарочитой игре с иллюзией, известной по картинам Р. Магритта. Рядом с изображениями предметов на том же полотне художник помещал надписи: «Это не яблоко», «Это не трубка». У Магритта предмет может выступать как «заклеивающий» часть лица, в данном случае — ключевого текста: это букет цветов, закрывающий от зрителя устремленный на него взгляд молодой женщины («Великая война», 1964). Такой текст предстает прагматическим непознанным. К аналогичным зачеркиваниям Шифрин отнес своего рода реплики (голос «от автора», фото и кинокадры, титры на экране и т. п.), зачеркивающие предшествующее высказывание персонажа (например, в «театре отчуждения» Б. Брехта), цель которых довести до абсурда речевые клише и поведенческие стереотипы обывателя. Исследования последних лет, отметил докладчик, обнаружили огромный потенциал манипулирования «речевым происходящим», при помощи подобных метаязыковым стратегиям.

Н. В. Лоцинская (Санкт-Петербург) в докладе «„Серебряная пыль“ — зачеркивание как припоминание (об одном рифмованном фрагменте в записной книжке А. А. Блока)» обратила внимание на одну из функций зачеркиваний, которая затрудняет атрибуцию зачеркнутого текста. Как продемонстрировала докладчица, магия восприятия зачеркнутого правленного текста в качестве проявления работы над неким творческим замыслом порой может ввести текстолога в заблуждение. Речь идет о нескольких рифмованных строчках, которые в архивном описании записной книжки Блока, сделанном в середине 1970-х годов, фигурировали просто как набросок из трех строк. В таком качестве текст мог по ошибке попасть в число незавершенных замыслов Блока, каковым он ни в коей мере не являлся. Подсказкой для атрибуции

стала в данном случае рифмовка (быль / пыль), позволившая связать данный текст со строками популярного в те годы романа на стихи С. Г. Петрова-Скитальца «Колокольчики-бубенчики звенят...». Указав на происхождение правленных строчек, Лощинская подробно изложила обстоятельства их появления в записной книжке Блока в начале июля 1911 года.

В докладе Л. В. Лукьяновой (Санкт-Петербург) «„Смехач“ vs Айвазовский: „Девятый вал“ как зачеркнутый текст» объектом анализа явился рекламный креолизованный текст «Девятый вал» («Смехач», 1926, № 48), утилитарной целью которого было привлечение подписчиков. Однако, по наблюдению выступавшей, у этой акции существовал и другой уровень общения с читателем, отражавший художественно-эстетическую программу редакции журнала (художников, поэтов, писателей, среди которых были Б. Антоновский, Н. Радлов, К. Мазовский (наст. имя Карл Станиславович Шандадушис), М. Зоценко и др.). Из романтического регистра (противостояние человека и стихии, надежды и трагедии) прецедентный текст Айвазовского посредством словесных и визуальных маркеров переводится в буднично-комический план, определяемый эстетикой «Смехача». «Другой вариант картины, более правильный и менее страшный» лишен центрального образа (обесилевших после кораблекрушения уцелевших моряков, цепляющихся за обломок мачты) и замещен бодрым подписчиком «Смехача». В финале словесного текста графические приемы (название журнала, набранное жирным шрифтом, гораздо большего размера, чем заглавие «Девятый вал», визуально соотносимое с ним) становятся еще одним средством, подчеркивающим противостояние двух художественных систем. Феномен Айвазовского как маркер обывательского вкуса, а шире — культуры нопа в целом, и как знак отторгаемой академической традиции на пути формирования новой эстетики будет затем востребован, по наблюдению Лукьяновой, и в других сатирических изданиях второй половины 1920-х годов (например, «Бегемот», «Пушка» и др.).

Е. И. Колесникова (Санкт-Петербург) и Янь Мэйпин (КНР) в докладе «Рассказ В. Пелевина „Хрустальный мир“ как приквел поэмы А. Блока „Двенадцать“» связали проблематику «зачеркнутого» с практикой квазижанра. Рассказ В. О. Пелевина «Хрустальный мир» (1991) наполнен блоковскими знаками: петроградская промозглая ветреная погода, аптечная вывеска, желтые окна, фонарь, лозунг «Вся власть учредительному собранию» на красной растяжке, воющая собака, патруль («...сомкнутым строем скакали двенадцать юнкеров»). Эпиграфом к рассказу взяты строчки стихотворения Блока «Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...» (1904): «Вот — третий на пути. О, милый друг мой, ты ль / В измятом картузе над взором оловянным?» Их случайное визуальное совпадение с образом вождя помогает читателю распознать не

названного в тексте персонажа. События происходят в ночь с 24 на 25 октября 1917 года. Их значимость и последствия не осознаются на уровне героев (стражей «хрустального мира» Николая Муромцева и Юрия Поповича), но ярко проступают на уровне читающего рассказа. Писатель апеллирует к сознанию советского и постсоветского читателя, для которого образ вождя революции стал узнаваемым по устоявшимся штампам. Это обыгрывается автором на всех уровнях: внешность («хищное монголоидное лицо с бородкой»), окружение (Н. К. Крупская, опознаваемая по портретным деталям и семантике фамилии — «мешок с крупой»; политический оппонент — Плеханов на броневике), аллюзия заглавия ленинской статьи «Шаг вперед, два шага назад» («назад можно, вперед нельзя»), отсылка к знаменитому высказыванию о кухарках («кухарки с красными бантами»), намек на слухи о связях с Германией (часы с готической надписью: «От генерального штаба» и др.). В результате происходит «деформация канона» (Р. Якобсон): у читателя наступает понимание, что вместо реальной личности он имел в сознании набор узнаваемых деталей. Если Блок невольно оказался, как отмечено в докладе, у истоков формирования советского риторического универсума, то целью произведения Пелевина стало развоплощение образа вождя, что для времени написания рассказа было весьма актуально.

В докладе Ю. Б. Орлицкого (Москва) «Блэкаут в современной русской поэзии: от вербального к визуальному» понятие «зачеркивание» было соотносено с одним из поэтических приемов концептуалистов. Отметив, что блэкаут в современной русской поэзии связан с именем Андрея Черкасова и его книгой «Ветер по частям» (2018), докладчик предложил обозначить это явление не как «поэзия зачеркивания» (термин М. Мартынова), а как «поэзия закрашивания», поскольку она ориентирована, прежде всего, на визуальный эффект. В традиции визуальной поэзии вербальный компонент часто оказывается абсолютно декоративным — как, например, у испанского поэта Х.-М. Ульяна (1944–2009), использовавшего технику закрашивания отдельных частей текста или вводившего в свои произведения фрагменты на арабском, китайском и других недоступных обычному читателю языках. В русской поэзии в качестве предшественника Черкасова называли Вс. Некрасова (предложение К. Корчагина). Однако, по мнению Орлицкого, это имя уместнее приводить в связи с руинированием поэтического текста. А методу Черкасова более соответствует опыт создания композиций за счет закрашивания частей сторонних объектов. Такой эксперимент по деконструкции «готовых форм» (на материале сборника классической лирики на осетинском языке и партитуры немецкого композитора) был предпринят группой поэтов в составе Ры Никоновой (наст. имя А. А. Тарсис), Б. Констриктора (наст. имя Б. М. Аксельрод),

Д. Пригова и С. Сигея (наст. имя С. В. Сигов). Этот коллективный проект Ры Никонова описала в 25-м номере самиздатского журнала «Транспонанс» (1984).

В докладе С. В. Чебанова (Санкт-Петербург) «Зачеркивание как темподесиненция посредством темпофиксации» проблематика зачеркнутого была рассмотрена с точки зрения концепции исторических реконструкций. Как изложил докладчик, С. В. Мейен, разрабатывавшая, с учетом представлений о политемпорализме В. Н. Финогентова, общую концепцию исторических реконструкций, выделил три типа следов времени: темпофиксацию, при которой объект сохраняет в себе следы истории (времени), темпосепарацию, при которой результаты временных изменений отделяются от объектов, и темподесиненцию, при которой следы процессов стираются. С этой точки зрения, зачеркивание, сохраняя написанный текст, является темпофиксацией, обеспечивающей изъятие фрагмента ранее созданного текста, т. е. проявляется как темподесиненция. Однако эта темподесиненция является таковой только с семиотической точки зрения, так как при этом план выражения легко восстанавливается, а зачеркивающая черта является знаком уничтожения только плана содержания исходного текста. Поскольку наиболее надежным способом зачеркивания как акта темподесиненции является нанесение иной надписи поверх зачеркиваемого текста, то последний превращается в палимпсест, в котором еще ярче представлена темпофиксация. Вымарывание, предполагая полное уничтожение плана выражения, претендует на то, чтобы быть темподесиненцией обоих планов знака. Сделать это, как заключил докладчик, оказывается все сложнее по мере развития методов трасологии, позволяющих реконструировать все большее разнообразие восстанавливаемых фрагментов уничтоженного тела знака (т. е. обнаружить его статус как темпофиксатора).

В докладе Г. Н. Боевой (Санкт-Петербург) «Литературный интернет-мем как редуцированная биография писателя в рецепции современного читателя» феномен «зачеркнутого» был рассмотрен в связи с трансформацией в массовом сознании литературных репутаций под влиянием интернет-пространства. На основе интернет-мемов было прослежено, какие составляющие литературных репутаций писателей из национального канона являются актуальными для пользователей Рунета. Травестийное начало при генерировании мемов оказывается, по наблюдению выступавшей, сродни противопоставленной официозности карнавальная смеховая культура (М. Бахтин). Вместе с тем некоторые интернет-опусы созданы по тем же принципам, что и стихи концептуалистов и полотна соц-арта, создатели этой продукции самоутверждаются за счет своих «жертв». При этом, подчеркнула докладчица, в эпоху постграмотности (М. Маклюэн) литература продолжает быть мощным аккумулято-

ром культурного капитала (П. Бурдье), перераспределяемого на новых условиях. Рунет формирует новое восприятие классики и новую, «редуцированную» мифологию, отличную от мифологии «эпохи Гутенберга»: Толстой становится воплощением многописания, Пушкин — максимального совершенства, Достоевский — мрачности, Есенин — хулиганства и т. д. На примере Довлатова выступавшая продемонстрировала мем, создателю которого удалось отразить представление о художественном мире этого писателя: *«Довлатов: Кофе со вкусом утренней горечи, заслоняющей вчерашний позор»*.

В докладе И. В. Вагановой (Санкт-Петербург) «Как журналистская публикация „зачеркнула“ доступ к Карабахскому архиву Н. А. Некрасова» была рассмотрена конфликтная ситуация, возникшая при проведении некрасовских дней, приуроченных к 25-летию со дня смерти поэта. Самые масштабные мероприятия, которые состоялись в декабре 1902 года в Ярославле, сопровождался «окололитературным» скандалом, возбужденным журналистским расследованием Ф. В. Смирнова. Описав свою поездку в Грешнево, где прошло детство Н. А. Некрасова, он обвинил родственников в том, что они не берегут память писателя, поскольку в единственном сохранившемся здании усадьбы его брат Федор Алексеевич открыл трактир, в котором распивали крепкие напитки. Смирнов обратился к общественности с предложением выкупить то, что осталось от усадьбы, и открыть там народную библиотеку и школу. В ответ племянник поэта, будущий книгоиздатель К. Ф. Некрасов, вступился за семейную честь и вызвал журналиста на дуэль, которая, судя по всему, не состоялась. Однако скандал не прошел бесследно. Когда К. Ф. Некрасов задумал издание творческого наследия и материалов биографии поэта, он никого не допускал до архива, хранившегося в Карабихе. Никакие доводы некрасовцев, таких как В. Евгеньев-Максимов, Вс. Чешихин, не убедили К. Ф. Некрасова открыть Карабахский архив литературной общественности. Выпущенное им при помощи сотрудника издательства Н. Ашукина издание «Архив села Карабихи» (1916) получило немало критических замечаний. Это не изменило позицию К. Ф. Некрасова, собиравшегося самостоятельно подготовить и второй том Карабахского архива, но его планам, как пояснила докладчица, не суждено было сбыться.

В докладе О. Н. Кулишкиной и Л. Н. Полубоариновой (Санкт-Петербург) «Фигуры редукиции в лагерном романе Г. Мюллер „Качели дыхания“» в качестве одного из проявлений «зачеркивания» были рассмотрены (в свете идеи культурной гибридности, предложенной Х. Бабой) знаки ущербности в романе немецко-румынской писательницы Г. Мюллер (род. 1935) «Качели дыхания» (2009). В докладе была изложена фабула романа, семнадцатилетний герой которого, представитель немецкого меньшинства в Румынии, интернируется

в январе 1945 года в советский трудовой лагерь, где его жизнь отмечена стиранием различий и редукцией жизненно важных субстанций (еда, одежда и т. п.). Фигуры редукции представлены в романе на трех уровнях: слова-композиции со знаком ущербности, гибридные «инвалидные» образы и центральный уровень, связанный с выработкой героем новой идентичности гибридного типа. Параметры ущербности и гибридности отчетливо актуализируются в тех пассажах романа, в которых идет речь об Ангеле Голода, с которым героиня ощущает себя двойственно единым (пока он с тобой, ты жив). Этот амбивалентный антропоморфный образ концентрирует в себе все грани человеческой уязвимости — биологической (реакции на голод, холод, изматывающий труд) и психологической (тоска по дому). Как показано в докладе, стратегия выживания героя сводится к тому, чтобы отказать от собственной идентичности, отделить от себя свои «слишком человеческие» реакции («зачеркнуть» себя самого и стать не тем, кто ты есть).

А. М. Меньщикова и Т. А. Снигирева (Екатеринбург) представили совместный доклад на тему «Анна Ахматова: 30 лет спустя», в котором феномен литературного юбилея был рассмотрен в нескольких аспектах, затрагивающих как особенности художественного сознания А. А. Ахматовой, так и рецепцию ее образа. Особое чувствование времени позволяло Ахматовой узнавать прошлое в настоящем. Это определяло образ ее мира, делая возможным актуализацию связи между разновременными явлениями, а значит, целостность судьбы или, по В. Н. Топорову, единства образа проживаемой ею жизни как в пределах собственной биографии, так и в историко-культурном процессе. Сравнение двух юбилеев Ахматовой позволяет, как отмечено в докладе, остаться в пределах уже установившейся традиции и сделать определенные выводы относительно тенденций в ахматоведении, а также — рецепции образа Ахматовой к моменту столетия (1989 год) и спустя тридцать лет после него. Комплекс мероприятий, проводимых в 1989 году, можно расценивать, по наблюдению докладчиц, как попытку сохранить живое звучание голоса Ахматовой, желание продолжить диалог (вплоть до публикации «Письма Анне Андреевне Ахматовой на тот свет» Ивана Игнатова в «Ахматовском сборнике» 1989 года) и стремление закрепить целостный образ поэта, разоблачая риторику советской критики. В свою очередь, юбилей 2019 года показал, что водружение бронзовой статуи на постамент не только свершившееся событие, но и факт, успешный спровоцировать тенденцию к ниспровержению сложившегося идеала. В результате в докладе был сделан вывод, что изменение формата — от журнала к интернет-порталу, от пространства открывшегося музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме — к сайту музея привело к изменению семиотики юбилея и стало новой вехой в рецепции поэта в XXI веке.

Хань Юйци (КНР) представила результаты своего исследования в докладе «Китайское булгаковедение: лакуны и перспективы». В ее материалах, опосредованно перекликающихся с темой «зачеркивания», были обрисованы особенности в изучении творчества М. А. Булгакова китайскими филологами, которые обусловлены национальными традициями, государственной политикой, идеологией, общим состоянием науки. Булгаковское творчество, как отметила Хань Юйци, стало известно в Китае только в 1980-х годах. До этого не было сделано переводов даже тех произведений, которые тиражировались в СССР до перестройки; при этом официально ни одно из произведений не запрещалось. Однако на первый план выходили либо одобренные еще И. В. Сталиным «Дни Турбиных» (пьеса была переведена первой), либо лидер переизданий во всем мире — «Мастер и Маргарита» (имеет более десяти вариантов переводов). До сих пор в Китае существует единственный перевод «Белой гвардии» (популярностью роман не пользовался). Характерно, что Булгакова в Китае относят к писателям-модернистам. Это подтверждается включением его пьес в большой сборник «Писатели Серебряного века», где имеется целый раздел «Бег: коллекция пьес Булгакова». Туда вошли семь пьес писателя: «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров», «Мольер», «Иван Васильевич», «Бег», «Батум». Булгаковская драматургия пользуется в Китае неизменным успехом. Были переведены почти все пьесы Булгакова, кроме «Последних дней», «Адама и Евы», «Блаженства (Сон инженера Рейна)», а также адаптации сценариев («Мертвые души», «Война и мир», «Дон Кихот», «Полуомный Журден»). Неизвестны китайским исследователям попытки написания Булгаковым «Истории СССР». В настоящее время нет полного собрания сочинений. Самым солидным изданием произведений Булгакова является четырехтомник. Китайские булгаковеды плохо знакомы с англоязычными исследованиями и в основном опираются на российские научные работы. При этом их оценки творчества писателя неоднозначны. Некоторые исследователи, например Тун Даоин, высказывают критические замечания относительно «мрачных красок», которыми Булгаков изображает «светлую советскую эпоху». Вызывает большой интерес фантастический и комический элементы в поэтике Булгакова. Так, в ознаменование 100-летия со дня рождения была переведена и издана повесть «Рокковые яйца» (1991). Начиная с 1980-х годов ежегодно защищаются десятки магистерских диссертаций, но докторских, посвященных Булгакову, до сих пор не так много. В Китае, как отметила Хань Юйци, мало известно о личной жизни писателя, его политических взглядах и отношениях с властями, а также не существует единого центра булгаковедения.

Семинар сопровождался активным обсуждением проблем, которые были обозначены до-

кладчиками в ходе заседаний. Хотя круг участников и направленность исследований менялись с течением времени, на всех девяти семинарах поддерживалась преемственность в разработке заглавной темы проекта. Эти постоянство и многоаспектность были подчеркнуты в выступлении Е. И. Колесниковой, отметившей, с одной стороны, важность сохранения сложившегося подхода к изучению

«зачеркнутого», с другой — необходимость расширения формата регулярных встреч, которые в дальнейшем станут проходить в виде ежегодных конференций на тему: «Художественная трансформация как творческий процесс».

© *Н. В. Лоцинская*

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-266-268

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЗВЕЗДИЕ ГИППИУСОВ: ПОЭТОВ, ПРОЗАИКОВ, КРИТИКОВ, УЧЕНЫХ, ПЕДАГОГОВ...»

12 октября 2020 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась международная научная конференция «Созвездие Гиппиусов: поэтов, прозаиков, критиков, ученых, педагогов...», приуроченная к 115-летию Пушкинского Дома.

Конференция была посвящена творческому, научному и педагогическому наследию представителей сразу нескольких поколений рода Гиппиусов, сыгравших важную роль в развитии отечественной культуры и оставивших яркий след в истории России и Пушкинского Дома.

В ходе открытия конференции Г. В. Петрова (Санкт-Петербург) представила выставочный проект «Гиппиусы и Пушкинский Дом», осуществленный коллективом сотрудников Отдела новой русской литературы (Г. В. Петровой), Рукописного отдела (И. В. Кошкинко), Литературного музея (В. С. Логиновой, Д. С. Маркосян) ИРЛИ РАН. Основой выставочной экспозиции стали материалы, которые до сих пор почти неизвестны исследователям. На выставке были представлены автографы (документы, письма, художественные произведения, статьи), рисунки и иконографические материалы из архива журнала «Русская старина», личных архивов П. В. Быкова, В. П. Буренина, М. А. Бекетовой, К. А. Сюнерберга (Эрберга), Р. В. Иванова (Иванова-Разумника) и, конечно, братьев Вл. В. Гиппиуса и Вас. В. Гиппиуса, а также экспонаты из фондов портретной фотографии Литературного музея и редкие книжные издания из библиотечных фондов ИРЛИ РАН. Выставочные материалы охватили период развития отечественной культуры с середины XIX до середины XX века и отразили события творческой биографии переводчика Д. И. Гиппиуса (1813–1893), издателя и редактора Э. Э. Гиппиуса, общественного деятеля и писателя А. И. Гиппиуса (1855–?), поэта-символиста, критика, прозаика, драматурга, педагога Вл. В. Гиппиуса (1876–1941), поэта и ученого В. В. Гиппиуса (1890–1942), ученого Е. Вл. Гиппиуса (1903–

1985) и художницы Н. А. Гиппиус (1905–1994), а также их творческого окружения. Центральное место в экспозиции заняли материалы, связанные с периодом научной работы Вас. В. Гиппиуса в Институте русской литературы АН СССР, начиная с 1932 года и до гибели в блокадном Ленинграде в начале 1942 года.

Научные доклады участников конференции преимущественно носили характер архивных открытий и были сосредоточены на исследовании творческого наследия братьев Владимира Васильевича Гиппиуса и Василия Васильевича Гиппиуса, до сих пор фактически не изученного и не введенного в научный оборот.

Первое заседание было посвящено парадоксам творческой биографии Вл. В. Гиппиуса, загадке его жизнотворческой стратегии. В выступлении Е. В. Ивановой (Москва) «Вл. Гиппиус: противоречия характера», открывавшем научную часть конференции, речь шла о раннем периоде формирования русского символизма и о важной роли, которую в этом процессе сыграл Вл. Гиппиус, один из его «тайных» основателей.

В свою очередь Ю. Б. Орлицкий (Москва) в докладе «Стих и проза в творчестве Владимира Гиппиуса» поделился наблюдениями над творческими экспериментами Вл. Гиппиуса в области обновления средств и приемов художественного языка и построения поэтического образа. Основываясь на анализе ряда прижизненных публикаций поэта и неопубликованных материалов из его личного архива, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН, Орлицкий высказал мысль об особой тяге поэта к «прозаической миниатюре», к синтезированной приемов прозаической и поэтической речи. Резюмируя, докладчик отметил, что в творчестве Вл. Гиппиуса, поэта-новатора, фактически был осуществлен прорыв к новому типу стиха.

Мысль о значительности фигуры Вл. Гиппиуса в историко-литературном процессе начала XX века была развита В. Н. Быстровым (Санкт-Петербург), который сосредоточил внимание на своеобразном диалоге Вл. В. Гиппи-

уса и З. Н. Гиппиус, развернувшимся в начале 1910-х годов. Быстров представил целый комплекс поэтических и критических текстов Вл. Гиппиуса и З. Гиппиус, находящихся в особых диалогических отношениях друг с другом. Речь шла о поэтической книге Вл. В. Гиппиуса «Возвращение», опубликованной под псевдонимом Вл. Бестужев в 1912 году, стихотворении З. Н. Гиппиус «Псалмопевцу» (1914) и ряде других текстов. При этом следует сказать, что впервые выявленный исследователем диалог двух поэтов частично относится и к истории создания неопубликованной поэтической книги Вл. Гиппиуса «Затмение звезд», рукопись которой обнаружена Быстрым в личном архиве поэта. Кроме того, стоит заметить, что наблюдения докладчика по-новому осветили проблему взаимоотношений поэта Вл. Гиппиуса с литературной эпохой и специфику его творческого самоопределения.

Другой ипостаси разнообразно одаренной личности Вл. Гиппиуса было посвящено выступление Т. В. Игошевой (Санкт-Петербург) «Вл. Гиппиус о критическом методе и назначении критики». Исследовательница, проанализировав большой корпус как опубликованных критических статей и выступлений Вл. Гиппиуса, так и архивных материалов, высказала мысль о том, что его критический метод выделяется на фоне многообразных подходов в модернистской критике начала XX века. По мысли докладчицы, критический метод Вл. Гиппиуса восходит к модели «органической критики» Ап. Григорьева, становится ее своеобразным продолжением, применением к современному литературному материалу.

В докладе Г. В. Петровой (Санкт-Петербург) речь шла о послереволюционном периоде творческого пути Вл. Гиппиуса. Петрова впервые представила научной общественности архивные материалы 1920–1930-х годов, связанные с работой Гиппиуса над созданием «романа» «Созвездье рыб», которая стала своеобразной репликой автора в «спорах натуралистов и формалистов». Исследовательница представила роман Гиппиуса как неизвестный символистский роман, экспериментальный роман-силлогизм, который значительно расширяет научные представления о символистской прозе и в целом о процессе обновления романной формы первой половины XX века.

Е. Л. Куранда (Санкт-Петербург) в свою очередь рассказала о целом ряде новых материалов, связанных с творческой биографией Вл. Гиппиуса послереволюционного периода. Разговор шел о творческих связях Вл. Гиппиуса с семьей Радловых, Э. Ф. Голлербахом, о его работе в ТЕО Наркомпроса. Куранда представила и «пакет» документов 1929 года в связи с попыткой Вл. Гиппиуса оформить персональную пенсию. Уникальность обнаруженных исследовательницей артефактов заключается не только в том, что они свидетельствуют об активной культурно-педагогической и твор-

ческой позиции Вл. Гиппиуса, определяя его значимое место в кругу известных современников, но и конкретизируют представления о противоречиях культурно-исторической ситуации первых десятилетий советской власти.

В продолжение выступления Е. Л. Куранды прозвучал и доклад Е. А. Тахо-Годи (Москва) «Вл. Гиппиус и Ю. Айхенвальд», в котором также затрагивался период работы Вл. Гиппиуса в Российском институте истории искусств и руководства группой архивных разысканий при ТЕО Наркомпроса. Тахо-Годи отметила внимание Ю. Айхенвальда к поэме Вл. Гиппиуса «Влюбленность» (1917) и его интерес к взглядам Вл. Гиппиуса на проблему развития современного театра в связи с новыми социальными условиями существования искусства, формированием новой школы и процессом распространения всеобщей грамотности.

Доклады, прозвучавшие на втором научном заседании, были связаны с освещением отдельных событий творческой и научной биографии Василия Васильевича Гиппиуса.

Сообщение В. В. Аствацатуровой-Жирмунской (Санкт-Петербург) «Научное и литературное окружение В. В. Гиппиуса» основывалось на анализе переписки В. В. Гиппиуса и В. М. Жирмунского, хранящейся в частном собрании и опубликованной в книге «В. М. Жирмунский. Начальная пора. Дневники. Переписка», вышедшей в издательстве «Новое литературное обозрение» в 2013 году. Особое внимание докладчица уделила периоду формирования будущего ученого В. В. Гиппиуса, а именно его обучению в Санкт-Петербургском университете и участию в семинарии профессора Ф. А. Брауна и научном кружке Д. К. Петрова. В докладе затрагивалась история создания В. Гиппиусом поэмы «Волшебница» (1913), были представлены его контакты с литераторами и литературными объединениями 1910-х годов.

Ю. Ю. Анохина (Москва) в своем выступлении обратилась к малоизвестному и не оцененному факту научной биографии Вас. Гиппиуса, связанному с его участием вместе с Ю. Н. Верховским в подготовке собрания сочинений Е. А. Баратынского, задуманного в издательстве «Academia» в 1930-е годы. Подробно проанализировав неопубликованную статью Вас. Гиппиуса, посвященную поэзии Баратынского, которая должна была стать вступительной статьей к первому тому собрания сочинений поэта, докладчица пришла к выводу, что многие высказанные наблюдения ученого до сих пор не потеряли своей актуальности. В первую очередь это касается тезиса о философской направленности творчества Баратынского, поэта-мыслителя.

Завершилось научное заседание разговором о педагогических открытиях Вас. Гиппиуса. Е. Н. Кутеева (Санкт-Петербург) обратилась к интерпретации оригинального принципа, поборником которого был Вас. Гиппиус-педагог, «принципа самодеятельности в воспитании».

Подводя некоторые предварительные итоги состоявшегося научного диалога, следует отметить, что материал, представленный в докладах и сообщениях участников конференции, значительно расширил границы научного описания творческих биографий братьев Влади-

мира и Василия Гиппиусов и конкретизировал представление об их вкладе в развитие отечественной культуры первой половины XX века.

© Г. В. Петрова

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-268-270

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПИСАТЕЛЬ И ЕГО МУЗА В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ КОНЦА XIX–XX ВВ.»

15 октября 2020 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась Всероссийская научная конференция «Писатель и его Муза в литературном процессе конца XIX–XX вв.», организованная Отделом новейшей русской литературы. В ней приняли участие ученые из Москвы и Санкт-Петербурга. В свете реалий настоящего времени конференция проводилась в онлайн режиме на платформе ТелеМост.

В своем вступительном слове председатель оргкомитета Т. В. Игошева отметила, что традиционно научные доклады посвящаются самим писателям, оригинальность же данной конференции заключается в том, что внимание выступающих направлено на писательских муз в их разнообразных ипостасях, ролях и функциях.

Утреннее заседание открылось докладом Д. М. Магомедовой (Москва) «Разговор с Гением: об одном типе стихотворного диалога». В докладе проблема писателя и Музы рассматривалась в аспекте исторической поэтики. Его цель: обратить внимание на одну разновидность русского стихотворного диалога, получившего распространение в лирике первой трети XIX века, его можно назвать «разговор с Гением». Именование «Гений» в этом жанре имеет, по меньшей мере, два синонима: Ангел и Муза, хотя возможны и иные знаковые замены. Сквозной анализ стихотворных диалогов в русской лирике XVIII–XX веков позволил выделить несколько основных тематических групп, среди которых наиболее многочисленной оказалась «диалог-манифест», внутри него, в зависимости от типа собеседников и сюжетного развития темы, наиболее заметны такие разновидности, как «состязание» (разговор равноправных собеседников-поэтов), разговор с профаном и разговор с Гением (Музой). Разговор-состязание, в отличие от двух других, в русской лирике распространен мало. Разговор с Гением приобрел гораздо большую частотность (В. Кюхельбекер, А. Дельвиг, Е. Катенин, К. Аксаков, М. Цветаева и др.). Такой диалог имеет устойчивую сюжетную схему: 1. появление Гения перед поэтом; 2. импера-

тивные монологи Гения, предписывающего поэту определенную гражданскую программу творчества; 3. элегические сетования поэта на собственную слабость и бессилие, отчуждение от императивной программы Гения; 4. вариативные концовки: разрыв Гения с поэтом или «воскрешение» поэта к новому призванию. Эта схема неожиданно воплотилась и в диалоге Н. А. Некрасова «Поэт и Гражданин», где соединились два типа диалога-манифеста: разговор с Гением и разговор с профаном, желающим играть роль Гения. В конце доклада сопоставлялись традиции русской и западноевропейской диалогической лирики, в которой Муза — не навязывающий свою программу Гений, а возлюбленная поэта. Отмечена особая роль «Разговора с Гением» М. И. Цветаевой, где тема творческого онемения осознается и декларируется как самоценная.

Доклад О. Р. Демидовой (Санкт-Петербург) «Клио и Мнемозина в диалогии Михаила Осоргина» основан на романной диалогии М. Осоргина («Свидетель истории» и «Книга о концах»), воссоздающей основные события российской истории первых двух десятилетий XX века: революция 1905–1907 годов, межреволюционное десятилетие, события февраля и октября 1917 года, последовавшие за Октябрьским переворотом террор и Гражданская война. Наряду с главными героями, каждый из которых имеет свой реальный прототип, сквозными для обоих романов, как и для творчества Осоргина в целом, являются музы Истории и Памяти, персонифицирующие центральные концепты мировоззрения автора.

Свой доклад «ДвоеВерие Евгения Иванова» О. Л. Фетисенко (Санкт-Петербург) посвятила неизвестным деталям биографии Е. П. Иванова (1879–1942), ближайшего друга А. Блока, одного из колоритных представителей литературного Петербурга Серебряного века. Юношеское поклонение В. Ф. Коммиссаржевской приучило его вести дневник (первый шаг к будущему писательству) и через размышление о значении имени Бера привело к обретению веры религиозной. Кончина актрисы в 1910 году дала толчок к написанию

статьи «О Вере», ставшей одним из претекстов главного труда Иванова — толкования на Евангелия. Но слово «двоеверие» отсылает и к другой жизненной коллизии — периоду своеобразного раздвоения Иванова между двумя вдохновляющими его платоническими влюбленностями. Не ведая того, «соперницей» великой актрисы стала ее тезка, дальняя родственница Иванова В. Н. Дюкова.

Заседание продолжил доклад Е. В. Глуховой (Москва) «Эмилий Метнер в письмах к Мариэтте Шагинян: казус „эпистолярного дневника“». В своем докладе, основанном на архивных материалах, Глухова обратилась к реконструкции непростых взаимоотношений Э. К. Метнера и М. Шагинян, продолжавшихся, начиная с 1912 года, в течение нескольких лет. Шагинян в определенном смысле стала музой Метнера, его ближайшим другом, секретарем и помощником. Метнер, в свою очередь, прилагал усилия по формированию мировоззрения юной писательницы, подчас совершая насилие над ее собственными взглядами. В центре внимания докладчика оказался дневник Метнера, отразивший сложные, подчас драматические перипетии этих взаимоотношений. Глухова особо отметила, что записи Метнера носили не дневниковый, а эпистолярный характер. Оригинальный жанр, форма и содержание «эпистолярного дневника» стали предметом анализа в этом информационно насыщенной сообщении.

В докладе Е. В. Ивановой (Москва) «Музы позднего Блока» речь шла об отношениях поэта с Е. Ф. Книпович и Н. А. Павлович, которых условно можно назвать музами послереволюционного периода творчества Александра Блока. Отношения с ними складывались и развивались на фоне и в связи с большой служебной деятельностью, которую он вел в эти годы, и потому они были больше похожи на «производственный роман». Иванова обратила внимание также на послание Блока, адресованное М. И. Бенкендорф («Вы предназначены не мне...»), имеющее романтический подтекст, и на письмо Бенкендорф Блоку, раскрывающее судьбу этого послания.

Утреннее заседание завершилось докладом М. В. Орловой (Москва) «Иоанна Брюсова — адресат лирических посвящений поэтов начала XX в.». И. М. Брюсову (урожд. Рунт; 1876–1965) принято считать женщиной неприемлемой, умалявшей себя рядом с известным мужем. Однако жена поэта-символиста, хозяйка его квартиры, его секретарь, переводчица, корректор, редактор и даже курьер, стала не только адресатом любовных посвящений Брюсова разных лет — от незаконченной поэмы «Первая любовь» (1897) до стихотворений 1910-х годов («Моей Джени» и др.). Она вдохновляла и других поэтов своего времени, сумевших разглядеть в ней женственность, ум, ироничность, будила «чувства тайно-спящие», как писал очарованный женой друга К. Д. Бальмонт в своем стихотворении «Я буду ждать тебя...» (1899). Доклад сопровождался

компьютерной презентацией, основанной на материалах рукописных и книжных фондов Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Москва) и Рукописного отдела Российской государственной библиотеки.

Вечернее заседание открыла Е. И. Гончарова (Санкт-Петербург) с докладом «„Мистическая трагедия“ (Василий Розанов и Аполлинария Суслова)». В нем рассматривались отношения литератора с его первой женой. Основная тема творчества Розанова — тема пола, в связи с которой получили развитие и другие волнующие писателя вопросы: семья, критика христианского аскетизма. Проблематика творчества вытекала из личного опыта Розанова: неудачного первого брака, невозможности добиться развода от Сусловой после разрыва и, как следствие, «незаконнорожденность» его детей от второго брака. В докладе анализировалось неопубликованное письмо Розанова к Сусловой, позволяющее сделать вывод: вопрос «христианского брака» начал интересовать литератора уже во второй половине 1880-х годов. Также рассматривалось ценное для биографии Розанова неопубликованное письмо о Сусловой к критику А. С. Глинке-Волжскому (1916). Вопросы семьи и пола, занимавшие писателя с 1880-х годов, в дальнейшем обрастали подробностями и добавлениями в книгах «В мире неясного и нерешенного», «Семейный вопрос в России», «Около церковных стен», «Уединенное», «Мимолетное» и «Опавшие листья». Корни этих тем произрастали из «пятилетней мучительной драмы» первого брака Розанова.

В докладе Н. Ю. Грякаловой (Санкт-Петербург) «К кому же все-таки обращено стихотворение А. Блока „Испанке“?» был поставлен вопрос об адресате стихотворения и оспорена гипотеза о том, что оно вдохновлено образом гитаны в исполнении артистки «малого жанра» Казарозы (Б. Г. Шеншевой). На основе документально-биографических материалов и обращения к историко-культурному контексту выдвинута альтернативная версия: имплицитным адресатом стихотворения является Л. Д. Блок, исполнявшая роль Испанки в спектакле Териокской антрепризы в июне 1912 года. Сам текст рассматривается как «геральдическая конструкция» (прием «mise en abyme») с отсылкой к пантомиме Вс. Мейерхольда «Влюбленные», поставленной по одноименной картине испанского художника Англады-и-Камарасы, декодирующей ситуацию «любовного треугольника».

Заседание продолжил доклад Т. В. Игошевой (Санкт-Петербург) «Музы „Мужичкого сфинкса“ М. А. Зенкевича». Выделяя ключевые смыслообразующие культурные каналы, повлиявшие на формирование замысла романа Зенкевича «Мужичкий сфинкс» (1921–1928), Игошева, в первую очередь, остановилась на влиянии тургеневско-блоковской метафоры «Россия — сфинкс» на комплекс идей народной Руси в романе. Кроме того, она выдвинула тезис о том, что кроме мужского

гендерного значения «сфинкс» у Зенкевича содержит в себе еще и женский гендерный аспект, формирующий образ женщины-сфинкса, важный для раскрытия содержания первой, «городской» части романа. Центральный женский образ романа Эльга Густавовна, воплощая собой типаж роковой женщины, женщины-сфинкса эпохи модерн, вместе с тем создан не без влияния на него образа А. Ахматовой.

В докладе А. М. Грачевой (Санкт-Петербург) «Казус мистической Встречи в русском Париже 1930-х гг. (Роман В. Емельянова «Свидание Джима»)» был дан анализ единственного опубликованного в 1938 году произведения писателя первой волны русской эмиграции, члена русской масонской ложи «Северная Звезда» В. Н. Емельянова (1899–1963). Анализ романа показал, что его основой является символистский сюжет о мистической Встрече главного героя — писателя с Душой Мира, с Вечной Женственностью — сверхчувственными субстанциями, на мгновение воплощающимися в облике его возлюбленной — земной девушки. «Ключом» к раскрытию смысла произведения Емельянова являются символика и образность Вл. Соловьева и «младшего» символиста-соловьёвца А. Блока. «Свидание Джима» «пронизано» точными и скрытыми цитатами и аллюзиями на произведения этих писателей. Другим «ключом» к пониманию романа в плане его аллегорико-дидактического прочтения предстает масонская символика. «Свидание Джима» — это история о движении «профана» (писателя, затем девушки) по ступеням мистического процесса посвящения. Его этапами являются «испытания» (погружение в мир материи, обретение ложных спутников), «смерть» и «воскресение» (возрождение) — переход на высший уровень сознания и бытия.

На неизвестных ранее архивных материалах основывался доклад Ю. М. Валиевой (Санкт-Петербург) «Прекрасная Амалия (к биографии прима обэриутского театра)». В нем приводились сведения, касающиеся биографии и истории семьи одной из ведущих участниц обэриутских театральных постановок А. Я. Гольдфарб, входившей в близкий круг обэриутов/чинарей и выступавшей под сценическим псевдонимом «Амалия Грин».

Ю. Б. Орлицкий (Москва) в докладе «„Сама себе муза“: уникальный феномен Музы Константиновны Павловой (1917–2006)» проанализировал логику творческого развития незаслуженно забытой русской поэтессы, автора широко известных переводов польских авторов («Король Матиуш Первый» Я. Корчака, стихи М. Конопницкой, Я. Ляхоня, Я. Ивашкевича,

пьесы С. Мрожека), а также Назыма Хикмета, Г. Гейне, Ф. Гарсиа Лорки, Э. Ионеско и других писателей. Окончив Ленинградскую консерваторию, Павлова дебютировала как оригинальный поэт книгой «Полосатая смерть» (Ереван, 1943), многие стихи в которой посвящены ленинградской блокаде; ее поэзия 1950–1970-х годов, испытывая сильное влияние обэриутов и мастеров литературы абсурда, печаталась в там- и самиздате, абсурдистские пьесы шли во многих странах Европы, а миниатюры вошли в репертуар театра А. Райкина. В 1990-е годы две книги ее драматургии и брошюра стихов вышли в России. Мастер современного стиха, Павлова одной из первых нашла точный эквивалент верлибру Н. Хикмета и во многом способствовала его утверждению в сознании русского читателя. Муза Павлова активно участвовала в литературной жизни Москвы, сохранились интересные мемуары о ней Ч. Гусейнова, Э. Лимонова, М. Жванецкого.

На конференции также был представлен стендовый доклад С. В. Федотовой (Москва) «„Муза кукурузы“ на развилке творческого пути Корнея Чуковского 1910-х гг.». Предметом рассмотрения в нем стало шуточное стихотворение писателя «О Иза, Муза кукурузы! К тебе так благосклонны Музы...», которое адресовано И. Я. Кремер и записано в его дневнике 15 апреля 1914 года. Анализ биографического подтекста, историко-литературного контекста, а также игровой поэтики этого мадригала приводит к неожиданным выводам, опровергающим его оценку как «легкомысленного стишка» (И. Лукьянова). Согласно предложенной гипотезе, стихотворение является блестящей пародией на «поэзы» Северянина и «интимные песенки» Изы Кремер, а кроме того, обыгрывает аллюзии на классиков (Пушкина, Крылова, Некрасова). Анализируемый текст представлен как своего рода аккумулятор творческих исканий Чуковского первой половины 1910-х годов и в этом смысле как символ развилки писательского пути, предопределяющей смену его литературных амплуа: от Чуковского-критика — к Чуковскому-сказочнику и некрасоведу.

Доклады сопровождалась вопросами и оживленным обсуждением, в котором приняли участие все присутствующие. Конференция закончилась подведением итогов и построением планов на будущее. Благодаря трансляции на YouTube-канале Пушкинского Дома за ходом конференции смогло наблюдать значительное число зрителей.

© О. А. Лундберг

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-271-273

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
«НА ПУТИ К ИСТОРИЧЕСКОЙ НАРРАТОЛОГИИ»***

15–16 октября 2020 года в Институте филологии и истории РГГУ в рамках научной конференции «Белые чтения» состоялись заседания международного научного семинара «На пути к исторической нарратологии». Актуальность темы встречи обусловлена давно назревшей необходимостью модифицировать категориальный аппарат современной теории повествования, ориентированный в первую очередь на синхронический анализ нарратива.

Доклад К. А. Баршта (Санкт-Петербург) «Об аксиологическом потенциале нарратива» был посвящен ценностной составляющей повествовательных произведений. Ключевой категорией здесь оказывается поступок — важно проследить логику перехода поступка героя в сюжетное событие. В зависимости от характера такого перехода выделяется несколько типов персонажей: сибарит, герой, гений, святой. Предлагаемая в докладе терминология ориентирована на идеолого-эстетический аспект повествования.

В сообщении И. В. Кузнецова (Новосибирск) «Текстовые формы событийности в их сущности и исторической динамике» затрагивалось понятие «текст-мысль». Референтом нарративного высказывания может выступить мысль. Ее словесная актуализация исторически изменчива и прошла те же стадии семиотической «эволюции», что и нарратив (индексальная, эмблематическая, иконическая, метаболическая).

В. А. Миловидов (Тверь) в докладе «От интенсивной к экстенсивной нарратологии: эскиз исторического анализа» отметил, что различные типы сюжета выстраиваются в диахронический ряд: циклический (интенсивный) и кумулятивный (экстенсивный) нарративы сменяют друг друга — от упорядочивающего, системного представления о мире литература переходит к художественному освоению эмпирического многообразия действительности (XX век), т. е., в сущности, возвращается к более архаичным формам повествования.

В докладе В. Б. Зусевой-Озкан (Москва) «К истории поэтической наррации: проблема прозаического автокомментария в русской поэме XVIII и XX вв.» в сравнительном ключе была исследована проблема автометарефлексии на материале силлабической поэмы П. Буслаева «Умозрительство душевное...» (1734) и произведения М. А. Амелина «Веселая наука» (1999). Если первый снабжает свои рассуждения повышенной дидактичностью, ориентиру-

ется на канон (эпоха рефлексивного традиционализма), то второй, напротив, отказывается от подобных тактик, актуализирует игровое измерение поэтического повествования.

В. И. Тюпа (Москва) в докладе «Осевая нарратологическая категория» рассмотрел нарративные стратегии словесности в их исторической динамике (сказание, притча, анекдот). Нарративная стратегия Евангелия существенно выделяется на фоне повествовательных практик своего времени сопряжением прецедентной картины мира и этоса личностной солидарности. Классический роман осваивает вероятностную картину мира, на основании которой складывается несколько новых нарративных стратегий, разнящихся своими этосами.

В. Г. Тимофеев (Санкт-Петербург) в рамках доклада «Диахронизация нарративного претекста» представил размышление о границах интерпретационной активности адресата повествования, которые имеют исторические причины. Ментальная репрезентация претекста обусловлена принадлежностью реципиента к той или иной эпохе. Исследователь прокомментировал несколько произведений XIX–XX веков (А. С. Пушкина, М. М. Зощенко, В. В. Набокова, А. Г. Битова).

Г. А. Жиличева (Новосибирск) в докладе «Принципы эпизодизации в нарративах русской литературы XVIII–XX вв.» предложила трактовку членения текста на эпизоды как исторически подвижного явления, прошедшего несколько стадий развития: от линейного порядка повествуемых событий в «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина до принципа поэтических эквивалентностей у А. П. Чехова и децентрализации эпизодического членения в текстах постмодернизма.

Е. Ю. Моисеева (Москва) показала неоднозначность феномена, вынесенного в заглавие ее сообщения «Исторические особенности ненадежной наррации в русской прозе». Маркеры и критерии ненадежного повествования крайне сложно определить, более того — они в значительной мере зависят от рецептивных установок читателя. В центре внимания исследователя оказались «Драма на охоте» А. П. Чехова, а также книга М. Степановой «Памяти памяти».

В докладе А. Е. Агрatina (Москва) «Проблема точки зрения в свете исторической нарратологии» было проанализировано соотношение двух базовых повествовательных перспектив — нарраториальной и персональной (В. Шмид) — и выделено несколько исторически продуктивных модусов (способов) перспективации (монофокальный, вариофокальный, бифокальный, трансфокальный), первый из которых возникает еще в древнерусской словесности, а последний формируется в творчестве

* Хроника подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект РНФ № 20-18-00417).

А. П. Чехова. Исследователь отметил, что в XX веке, а затем в современной прозе под вопросом оказывается дифференциация нарративной и персональной точек зрения.

В сообщении Е. Ю. Козьминой (Екатеринбург) «Фантастический нарратив в русской литературе XIX века» было выделено два типа фантастических повествований, свойственных отечественной литературе указанного периода: притчевое и анекдотическое. Если первое демонстрирует балладное двоемирие (герой потустороннего мира проникает в мир повседневный) и неопределенность самоидентификации нарратора (диегетический/недиегетический), унаследованную от Карамзина, то второе зачастую предстает в качестве пародии.

Ю. Л. Троицкий (Москва) в докладе «Нарративные структуры рецепции («прелестные письма» Степана Разина)» проинтерпретировал перформативы, относящиеся к эпохе Смутного времени, как явление дориторической дискурсивной формации. Они анонимны, репрезентируют прецедентную картину мира, ориентированы на представления, уже существующие в сознании воспринимающих.

А. Д. Степанов (Санкт-Петербург) поднял малоизученную на данный момент тему «Чехов и Флобер (к вопросу об эволюции «объективного» повествования)». Чеховское повествование 1895–1900 годов (точка зрения персонажа сочетается с оценками и словами нарратора) напоминает флюберовскую манеру рассказывания. Сходства между двумя художественными системами просматриваются и в свете проблемы «случайной» детали (А. П. Чудаков).

В докладе «Канон русской повести и вставной текст „Драмы на охоте“ А. П. Чехова» Н. Н. Кириленко (Москва) обнаружила признаки жанра повести во вставном нарративе одного из наиболее сложных произведений ранней чеховской прозы. Исследователь пришел к выводу, что «Драма на охоте» наследует традицию русской повести, с одной стороны, и классического романа — с другой.

В сообщении «От „События“ А. П. Чехова к „Открытию“ З. Н. Гиппиус: нарративные особенности и жанр рассказа» О. В. Федунина (Москва) поставила вопрос об исторической поэтике малых эпических жанров. Рассказ является собой динамическое равновесие двух стратегий повествования — притчи и анекдота. Это равновесие присуще текстам обоих авторов, однако Гиппиус задается вопросом о самоидентичности героя-ребенка, что приводит к изменению жанровых границ рассказа.

А. Молнар (Венгрия) в докладе «Нарративная традиция и отталкивание от нее в лагерной прозе (Солженицын и Имре Кертеc)» представила рассуждение о смене повествовательных приемов манифестации лагерного опыта в художественной литературе: третий личный нарратив, построенный на совмещении моноличности и полифонии (А. И. Солженицын), уступает место полуавтобиографическому повествованию, имитирующему непо-

средственное наблюдение за рассказываемыми событиями (И. Кертеc).

А. В. Корчицкий (Москва) в сообщении «Режимы достоверности в реалистическом нарративе и за его пределами» предложил изучать категорию достоверности/недостоверности в контексте трансформации эстетических представлений в литературе эпохи модерн (XVIII век — настоящее время). Данная категория реализуется в трех основных вариантах: как феномен восприятия героя; в аспекте разграничения диегетической и экстардиегетической наррации; как результат читательской рецепции.

В докладе Я. О. Глембоцкой и И. В. Кузнецова (Новосибирск) «Ментальная событийность в русских нарративах XX–XXI вв.» была высказана идея о постепенном увеличении роли ментатива в литературе. Эта тенденция имеет предпосылки: русская словесность всегда была идеологична, и «текст-мысль» выступил для нее как наиболее адекватный модус презентации. Катализатором описываемого процесса становится эссеизация литературы, происходившая в XX столетии.

О. А. Гримова (Краснодар) в докладе «Перволичное повествование как ресурс моделирования нарративной идентичности в классическом и современном тексте» сопоставила роман М. П. Шишкина «Всех ожидает одна ночь» и трилогию Л. Н. Толстого. В прозе Толстого эмоциональное состояние персонажа, отношение «я» к «другому» получает объяснение и оценку. У Шишкина доступ персонажа к собственному «я» утрачивается, а «другие» становятся «дублями» героя («я» замещается «он»). В современной литературе создается модель архетипического «я», соотносимого с любу́м говорящим.

Сообщение Л. Е. Муравьевой (Санкт-Петербург) «*Mise en abyme*: смысловые эффекты в диахронической перспективе» было посвящено понятию, описывающему любой текстовый фрагмент, который устанавливает отношения подобия с основным текстом — причем как в плане истории, так и в плане дискурса (согласно терминологии С. Чэтмена). Докладчик охарактеризовал различные функции *mise en abyme*, а точнее — их реализации в истории мировой литературы (произведения А. П. Чехова, А. Жюль, Н. Саррот, В. В. Набокова).

А. Скубачевска-Пневска (Польша) в сообщении «Эволюция метанарративности в университетском романе» рассмотрела авторефлексивный компонент литературного повествования. По наблюдениям исследователя, жанр университетского романа сюжетно метафоризирует взаимодействие и противостояние различных литературоведческих теорий. Собственно авторефлексивный компонент становится обязательным в так называемом филологическом романе, который создается на границе дискурсов — художественного и научного.

В докладе «Нарратив и перформатив в новейшей литературе» В. Л. Шуникова (Москва) были прослежены две ключевые тенденции

в произведениях избранного периода: нарративизация драмы (автор по своим возможностям приближается к эпическому нарратору); ослабление нарративного характера эпики (уподобление повествования ремаркам), «уравнивание» всех говорящих субъектов, «мерцающий», неопределенный образ нарратора.

Важнейший результат состоявшейся встречи — более или менее завершенное понимание

границ исторической нарратологии в системе гуманитарного знания, а также курс на дальнейшее обновление теории повествования в свете существующих научных традиций, в частности, исторической поэтики А. Н. Веселовского.

© А. Е. Агретин

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-273-275

ДЕВЯТЫЙ АГИОГРАФИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

2 декабря 2020 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошел Девятый агиографический семинар, который был посвящен широкому кругу вопросов, связанных с изучением агиографических и гимнографических сочинений, а также истории культов русских святых.

Первым прозвучал доклад Т. Б. Карбасовой (Санкт-Петербург) «О сборниках житий русских святых XV в.». Объектом ее изучения стали сборники, появившиеся в середине XV века, часто бывшие конволютами и включавшие как жития, так и службы святым, как правило, не только русским. К концу века состав сборников претерпевает некоторые изменения: очевидно тяготение к избавлению от служб, превращению сборника в собственно житийный; у этого сборника появляется название «Минея новым чудотворцам». Появление этой Минеи становится зримым воплощением начала формирования собора русских святых. Он складывается, по мнению исследовательницы, как «собор чудотворцев», а сам этот процесс Карбасова связывает с утверждением автокефалии русской церкви (не случайно почти не известно сборников житий русских святых, происходящих с территории Великого княжества литовского). Обнаружен целый ряд свидетельств того, что с середины XV века русские святые начинают восприниматься как особая общность, и это осознание в XVI веке приведет к окончательному оформлению «собора русских святых».

А. В. Духанина (Москва) в докладе «Новые данные о рукописной традиции Жития Исидора Твердислова» отметила, что рукописная традиция этого памятника исследована слабо: многие редакции текста не выявлены, не прояснены взаимоотношения известных редакций. До последнего времени в научный оборот были введены списки Жития, датированные концом XV — началом XVI века. Обнаружен более ранний список Жития, 70-х годов XV века, существование которого является еще одним аргументом, подтверждающим ошибоч-

ность встречающейся в поздних источниках даты кончины Исидора Твердислова (1474 год). Известная, но неизученная проложная редакция, включенная в первое издание мартовского тома печатного Пролога 1643 года, как выяснилось, была составлена не позднее 40-х годов XVI века в Пскове и относится к целому комплексу проложных редакций, созданных при митрополите Макарии во второй — третьей четвертях XVI века в рамках унификации почитания русских святых. Этот комплекс через рукописные Прологи перешел в печатный Пролог. Выявлены еще четыре проложные редакции Жития, старшая из которых была составлена не позднее начала XVI века, когда, очевидно, Житие Исидора и начинает включаться в Прологи. Три из выявленных проложных редакций, появившихся в интервале рубежа XV и XVI — конца XVI века, происходят из Пскова. Отдельная редакция Жития была составлена во второй половине XVI века для стихного Пролога.

В докладе А. В. Пигина (Санкт-Петербург) «Житие Александра Ошевенского в редакции Тулуповской минеи» были представлены итоги изучения одной из редакций Жития Александра Ошевенского (памятника XVI века) — Минеиной, созданной в первой трети XVII века и вошедшей в состав Четких минеи книжника Троице-Сергиевого монастыря Германа Тулупова (РГБ. Ф. 304.1 (Главное собр. Троице-Сергиевой лавры). № 695). Сопоставление Минеиной редакции с двумя более ранними редакциями Жития — Пространной и Основной — позволило исследователю прийти к выводу о том, что она была создана на основе первоначального текста Жития (Пространной редакции). Основные направления переработки исходного текста в Минеиной редакции заключались в его сокращении, в усилении абстрагирующего идеализирующего начала, включении новых предисловия и заключительной похвалы. Источниками для новых риторических фрагментов Минеиной редакции послужили предисловие в Житии митрополита

Алексея и Слово похвальное Дионисию Глушицкому. Докладчик связал создание Минеиной редакции с попытками ввести имя Александра Ошевенского в 1630–1640-е годы в официальный московский круг святости. Минеиная редакция была составлена в Троице-Сергиевом монастыре, но сам Герман Тулузов являлся только переписчиком этого текста, включившим его в свои Четырех миеи.

Е. А. Рыжова (Сыктывкар) в докладе «К проблеме атрибуции „русских произведений“ печатного сборника „Рай мысленный“ (1658–1659 гг.)» рассмотрела вопросы авторства двух «русских» произведений, включенных в вышедший в типографии валдайского Иверского монастыря книжный конволют. Впервые, это Слово о создании Иверской обители и о перенесении мощей Иакова Боровичского из Свято-Духова монастыря в Боровичах в новооснованный монастырь на Валдае, которое было включено в основную часть сборника 28 октября 1658 года и имело помету о написании его патриархом Никоном во время пребывания в Иверском валдайском монастыре. И во-вторых, безымянное Слово о явлении мощей праведного Иакова, помещенное в сборник в качестве приложения 3 августа 1659 года; оно по сложившейся еще в XIX веке традиции по аналогии с предшествующим сочинением также приписывается Никону. Исследовательница на основе стилистического анализа текстов пришла к выводу о различной художественной манере их создателей. Произведение из основной части сборника, как оказалось, является циклом из шести построенных по традиционной схеме видений, обрамленных введением и заключением, что присуще писательской манере патриарха Никона в целом. Документальную основу одного из видений докладчица обнаружила в письме патриарха Никона царю Алексею Михайловичу от 27 февраля 1654 года. Другое «русское» сочинение характеризуется, по ее мнению, ярким барочным стилем, искусным владением риторическими приемами, наличием специфического авторского топоса «мир лестный». Это позволило исследовательнице выдвинуть предположение о причастности к созданию второго текста ближайшего сподвижника патриарха Никона, известного писателя Епифания Славинецкого. В пользу этого, с ее точки зрения, свидетельствует включение произведения в посмертный перечень трудов, составленный учеником писателя Евфимием Чудовским, а также помещение сделанной на основе этого сочинения Проложной редакции Слова о явлении мощей Иакова Боровичского в Печатный Пролог 1655–1660 годов.

В докладе О. В. Панченко (Санкт-Петербург) «Кем и когда был составлен первый Соловецкий патерик (РНБ. Софийское собр. № 452)?» было представлено комплексное текстологическое исследование крупнейшего свода житий соловецких святых, который П. М. Строев в свое время назвал «Соловецким патериком». Особое внимание докладчик уде-

лил композиции этого сборника и уточнению времени его создания, которое Панченко отнес к 10–20-м годам XVIII века. Этот вывод существенно расходится с представлениями большинства современных исследователей, которые вслед за Строевым датируют этот сборник концом XVII века. В докладе также была рассмотрена редакторская деятельность составителя этого агиографического свода и проведен анализ содержания пяти созданных этим книжником новых патериковых сказаний, включенных им в состав Софийского сборника.

Продолжила работу семинара А. А. Романова (Санкт-Петербург), которая в докладе «Основатели и игумены русских монастырей рубежа XIV–XV вв., носившие имя Савва: заметки к историографии проблемы» обозначила проблемы реконструкции биографий святых игуменов русских монастырей, живших на рубеже XIV и XV веков и носивших имя Савва, среди которых Савва Вишерский, Савва Сторожевский, Савва Тверской и Савва Стромьинский. Были рассмотрены некоторые случаи ошибочного отождествления деталей биографии преподобных Савв, обусловленные как противоречивыми свидетельствами источников, так и большим количеством гипотез, толкующих эти противоречия. В частности, на примере Саввы Стромьинского исследовательница продемонстрировала, как появление источников почитания исключительно в эпоху после Смуты может быть истолковано прежде всего как попытка Стромьинского монастыря отождествить древнее захоронение на территории монастыря с именем ученика Сергия Радонежского. При этом она сделала оговорку, что с учетом распространенности имени Савва в первой половине XV века нельзя полностью исключить существование могилы чтимого подвижника с таким именем на территории Стромьинского монастыря.

Доклад А. Е. Тарасова (Москва) «Житийный мотив „место красно“ и эстетические запросы основателей русских средневековых монастырей» был посвящен распространенному в агиографии топосу, посредством которого авторы житий передавали поиски подвижником подходящего места для иноческого подвига. По мнению докладчика, этот топос находится на «стыке» текста и тех реалий, с которыми объективно сталкивался подвижник. Допустив, что средневековые монахи являются носителями традиционной культуры, Тарасов показал: для человека внутри такой традиции, если речь идет о создании культовой постройки, важна не красота места, а представительность («на видном месте», «чтобы далеко было видно»), где главным критерием является его заметность. Более того, согласно мифоритуальным представлениям, мир за пределами освоенного пространства, особенно лес, в принципе является чужим и опасным. Поэтому понятие «место красно» при описании выбора подвижником места подвига в средневековой агиографии скорее следует рассматривать в контексте агиографического канона, а не буквального

указания на красоту. В то же время нет оснований вовсе отрицать наличие эстетического посыла у средневекового основателя монастыря. Однако желание достижения красоты необходимо рассматривать не как предшествующее поселению подвижника, а в качестве результата его (и его последователей) деятельности по преобразованию чуждого пространства, которое должно обрести черты освященного, своего, а вместе с этим — красивого и полезного.

А. В. Носов (Москва) представил доклад «Сакрализация пространства: по Житию Арсения Коневского и Сказанию о Валаамском монастыре», понимая под сакрализацией процесс качественного преобразования пространства, когда избранное отшельниками место освобождалось из-под власти чуждого, профанного мира, после чего нечистое место становилось пригодным для монастырского строительства. Согласно рассмотренным памятникам, по его мнению, отправной точкой сакрализации пространства было воздвижение креста при вселении подвижников в пустыню, а ее завершение происходило при появлении храма новой обители. Для авторов Жития и Сказания центральной темой была борьба с пережитками языческих культов и духовная «брань» преподобных в рамках сакрализации пространства. Окончательное очищение избранных мест стало возможным только благодаря победе святых над «темными силами», а именно после изгнания бесов с Коневца и насильственного выселения с Валаама язычников-бесопоклонников. Попутно докладчик отметил отсутствие сведений о миссионерской политике новгородского архиепископа Иоанна на Ладожском озере.

Завершал Девятый агиографический семинар доклад М. С. Егоровой (Санкт-Петербург) «Стихира-осмогласник св. Александру Невскому и „чин целования“ образа: аспекты средневековой интермедальности», посвященный уникальному музыкально-поэтическому тексту, который зафиксирован в единственном списке середины XVII века в нотированном кодексе из собрания Д. В. Разумовского (РГБ. Ф. 379. № 63), — стихире св. Александру Нев-

скому «Радуйся и веселися, граде Владимире», исполнявшейся, согласно ремарке в рукописи, в составе так называемого чина целования после отпуста утрени на всенощном бдении. Особенностью стихир является музыкальная форма «осмогласника» (песнопение распето на все восемь гласов), использовавшаяся в древнерусской литургической традиции достаточно редко. Текст рассматривается в аспекте его интермедальных связей с памятниками визуального искусства, которые не просто обнаруживают тематическую общность, но и позволяют говорить о комплексе художественных текстов, оформляющих конкретное сакральное пространство, в контексте истории службы св. Александру Невскому и традиции его литургического почитания в XVII веке. Автор доклада предположила, что создание осмогласника св. Александру Невскому в конце XVI — первой половине XVII века тесно связано либо с пространством гробницы святого во владимирском Богородице-Рождественском монастыре, где песнопение могло исполняться в день его памяти в ходе «чина целования» раки, либо с пространством храма св. Александра Невского в Кремле, для которого на рубеже XVI–XVII веков была создана икона святого с 36 клеймами.

Девятый агиографический семинар проходил в гибридном режиме, с использованием телемоста и прямой трансляции на YouTube-канале, что открыло новые возможности для ведения дискуссии. В обсуждении прозвучавших докладов смогли принять участие Е. В. Романенко (Москва) и А. Г. Мельник (Ростов Великий), а посредством чата YouTube к дискуссии подключились коллеги из Санкт-Петербургского государственного университета и Российской национальной библиотеки. Несмотря на условия пандемии, семинар смог собрать свою традиционную аудиторию. В завершение участники заседания договорились о теме следующего семинара, который предполагается, как обычно, в первую среду декабря.

© С. А. Семячко

ПАМЯТИ МИХАИЛА ДМИТРИЕВИЧА КОНДРАТЬЕВА

11 июля 2021 года на 93-м году жизни скончался старейший сотрудник Пушкинского Дома, многолетний ответственный секретарь журнала «Русская литература» Михаил Дмитриевич Кондратьев. Завершился долгий и плодотворный путь человека яркого, неординарной личности с умом, характером и убеждениями. Его профессиональная карьера началась вполне традиционно. Окончив русское отделение филологического факультета Ленинградского университета в 1952 году, в течение пяти лет Михаил Дмитриевич преподавал литературу в Ломоносовском морском и Ленинградском мореходном училищах, а затем поступил в аспирантуру и осенью 1957 года был зачислен в штат Института русской литературы в качестве младшего научного сотрудника и редактора только что возникшего пушкинского журнала. Последнее обстоятельство стало поворотным пунктом в его биографии. Обладая всеми качествами, необходимыми для успешной исследовательской работы, Михаил Дмитриевич в силу свойственного ему перфекционизма отказался от стези ученого и волею судеб избрал научную журналистику как область приложения своих филологических и организаторских талантов. С весны 1963 года в течение сорока с лишним лет он был ответственным секретарем «Русской литературы». Но даже добровольно покинув свой пост в апреле 2004 года (что далеко не часто встречается в академической среде), годами продолжал исправно посещать редакцию, принимая деятельное участие в ее текущей работе.

Журнал «Русская литература», как и целый ряд других инициированных институтами Академии наук СССР новых периодических изданий конца 1950-х годов, в момент своего возникновения был характерным «оттепельным» проектом с широкой программой исследований в области истории русской литературы на всех этапах ее существования и установкой на сотрудничество как с советскими литературоведами, так и с зарубежными славистами. Такой подход требовал не только от главного редактора и членов редколлегии, но и от руководящего редакцией ответственного секретаря обширных знаний и особых компетенций. Не удивительно, что свой рабочий день Михаил Дмитриевич неизменно начинал с посещения читального зала библиотеки Пушкинского Дома, где знакомился со свежей прессой, текущей периодикой, новыми научными изданиями. И эту интеллектуальную привычку быть в курсе филологических нови-

нок, а также новостей культуры и политики, равно как ясность ума и умение жить интересами сегодняшнего дня, т. е. быть современником в каждый момент своего исторического времени, он сохранил до последних дней.

Позиция ответственного секретаря одна из ключевых в любом журнале. По сути он является модератором всего многоступенчатого процесса превращения ряда разрозненных материалов в осязаемый номер. В круг его обязанностей входит не только переписка с авторами, подбор рецензентов, организация заседаний редколлегии, руководство редакцией, весь комплекс взаимоотношений с издательством, но и разрешение неизбежных противоречий между участниками этого вида деятельности. С последней задачей Михаил Дмитриевич справлялся с блеском истинного дипломата. Как справедливо отметила в свое время заместитель главного редактора «Русской литературы» Г. Я. Галаган, «те, кому довелось работать с ним, хорошо знают, сколь велика была роль его опыта и выдержки в преодолении конфликтных ситуаций, неизбежных в деле, где извечно существует потребность в защите высоких моральных принципов от размывания щелочью релятивизма» (Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 382).

Михаил Дмитриевич принадлежал к поколению «детей врагов народа». Репрессии непосредственно коснулись и его собственной семьи. Всю жизнь он с болью вспоминал печально знаменитое «проработочное» заседание в Большом актовом зале Ленинградского университета, где шельмовали почтенных профессоров — славу отечественной гуманитарной науки. «В назидание потомству» организаторы согнали на это мероприятие студентов-первокурсников и предусмотрительно закрыли на ключ входные двери. Острое чувство стыда, которое Михаил Дмитриевич испытал в тот день, стало своеобразным камертоном его отношения к людям: стремление встать на сторону несчастных и гонимых, а также терпимость к инакомыслию при всей твердости личных убеждений. И эта травма, без сомнения, определила научный интерес Кондратьева-аспиранта к нравственной проповеди Л. Н. Толстого, которая, в свою очередь, оказала влияние на строй личности Кондратьева-человека.

В период застоя, когда красный карандаш цензора бесовски порхал по благородным листам гранок, выкорчевывая последнюю «крамолу» из уже отредактированных и мно-

гократно просеянных сквозь сито авторской самоцензуры под недреманным оком «идейных» членов редколлегии статей, именно Михаил Дмитриевич — не только по должности, но в силу исповедуемого нравственного императива — был тем, кто бился в Главлите за каждое слово. Ему, человеку слишком долго и близко сталкивавшемуся с цензурой, безусловно, была близка максима «Запрещено запрещать». Именно благодаря Михаилу Дмитриевичу в условиях цензуры и партийного руководства «Русская литература» стала академическим журналом с человеческим лицом. Вот почему с началом Перестройки он всеми силами способствовал приходу в редколлегию наиболее авторитетных ученых своего поколения, которые в результате стерли «случайные черты», искажившие облик «Русской литературы» в позорное не только для гуманитариев предшествующее двадцатилетие. Экономические трудности следующих лет поставили академические журналы на грань выживания. Многие из них приостановили выход в свет или вовсе прекратили существование. Но Михаил Дмитриевич продолжал работать над номерами вопреки нарастающим финансовым и организационным проблемам и этим спас свой журнал на крутых виражах истории.

Редакционную деятельность Михаил Дмитриевич воспринимал как миссию. И потому считал своим долгом всячески продвигать в «Русской литературе» заслуживающие внимания работы провинциальных исследователей, а также начинающих ученых, которые нередко редактировал сам. Именно здесь многие пушкинодомские аспиранты опубликовали первые в жизни статьи и тем самым вступили в большую науку. В начале пути им посчастливилось работать над текстом с таким тонким стилистом, умным, внимательным и доброжелательным редактором, как Михаил Дмитриевич. Среди прочего, так формировались их представления о качестве подготовки рукописи в печать. Впоследствии многие вспоминали об этом с благодарностью.

Журнал был всей жизнью Михаила Дмитриевича. Осознавая место этого издания в истории отечественной науки второй половины XX века, как настоящий историк он сделал еще одну важную вещь — тщательно подготовил и передал в Рукописный отдел Пушкинского Дома редакционный архив «Русской литературы».

Вместе с тем большой общественный темперамент не позволял ему сосредоточиться исключительно на работе в журнале. Причем благородной целью этой деятельности было

именно служение ближним. Вот лишь два характерных примера. Зная его глубокую порядочность, коллеги делегировали Михаила Дмитриевича в профсоюзный комитет Института. И к своим новым обязанностям он отнесся отнюдь не формально. При решении спорных вопросов, несмотря на давление влиятельных лиц, Михаил Дмитриевич всегда занимал принципиальную позицию, не боясь навлечь на себя неприятности. Если же дело касалось реальной помощи людям, попавшим в беду, он прилагал все усилия, чтобы выручить, оказать и материальную, и моральную поддержку. Другой случай касается непосредственно редакции «Русской литературы». Друг юности Михаила Дмитриевича, филолог-русист Юрий Константинович Рыбников, трудившийся в издательстве Эрмитажа, после разгрома знаменитой «такелажной» выставки (1964), одним из участников которой был его добрый приятель поэт Владимир Уфлянд, был изгнан с работы с «волчьим билетом» и долгое время вынужден скитаться по пригородным музеям в качестве экскурсовода. Несмотря на пристальное внимание партийных органов к «идейной выдержанности» сотрудников любых, в том числе и академических, печатных органов, Михаил Дмитриевич добился того, что Юрий Константинович вернулся в профессию. На протяжении тридцати пяти лет он был высоко ценимым авторами редактором нашего журнала. Юрий Константинович ушел из жизни незадолго до самого Михаила Дмитриевича — 3 июня 2021 года. Их многолетняя дружба, вопреки разнице характеров и противоположности политических взглядов, была ярким образцом взаимной толерантности по-настоящему интеллигентных людей.

Когда накануне 90-летия ему задали вопрос о подарке, Михаил Дмитриевич ответил, что хотел бы еще раз побывать в Пушкинском Доме. И силами друзей и близких это желание удалось осуществить. Несмотря на то что он уже лет десять не был в Институте, поприветствовать юбиляра, выразить ему свою любовь и уважение собрались десятки пушкинодомцев разных поколений. До конца верный самому себе в ответном благодарственном слове растроганным отношением коллег Михаил Дмитриевич признался, что все же главным подношением этого дня стал для него свежий номер «Русской литературы».

Светлая память!

*Друзья и коллеги
по Пушкинскому Дому*

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
В 2021 ГОДУ**

	№	Стр.
Литература и литературоведение: общая граница. К юбилею Всеволода Евгеньевича Багно	2	11
Секрет обаяния ученого и просветителя. К 90-летию со дня рождения Петра Романовича Заборова	2	8
«Служа великим целым века...». К 90-летию со дня рождения Николая Николаевича Скатова	2	5
Шестьдесят три года в Пушкинском Доме. К юбилею Нины Федотовны Будановой	4	5

СТАТЬИ

Бодрова А. С. Литературные общества в России первой половины XIX века: проблемы междисциплинарного описания	1	5
Виролайнен М. Н. О жанровой природе лирики Золотого века	4	7
Петрова Г. В. Модернистский журнал-манифест и его читатели (к истории эстетической коммуникации в России)	2	14

ГОД ДОСТОЕВСКОГО

Аршинова И. В. Ф. М. Достоевский в воспоминании Э. А. Казалета: восстановление и «пересобирание» памяти	3	29
Багно В. Е. Достоевский: вступая в третье столетие (взгляд изнутри на взгляд со стороны)	3	5
Димитриев В. М. Картина Достоевского и панорама Толстого: к истории одной параллели у Вяч. Иванова и Андре Жида	3	36
«Не правда ли, самый прекрасный триумф духа?»: речь Андре Сюареса на столетие Ф. М. Достоевского (вступительная заметка и перевод с французского В. М. Дмитриева). П р и л о ж е н и е. Андре Сюарес. Столетие Достоевского	3	12
Стасюк Анджей (Польша). Остается Рогожин? (перевод с польского П. С. Козеренко)	3	26
Сухарский Тадеуш (Польша). Метафизические поиски Анджея Стасюка	3	25
Тарасова Н. А. Проект интернет-портала «Достоевский и мир»: к проблеме рецепции жизни и творчества писателя в современном мире	3	50

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Переписка Ю. Г. Оксмана и Н. К. Гудзия (1930–1965) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. А. Фролова) (<i>Окончание</i>)	1	19
---	---	----

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. А. НЕКРАСОВА

Макеев М. С. Некрасовская текстология в XXI веке: проблемы нового научного издания стихотворений Н. А. Некрасова в серии «Новая Библиотека поэта» . . .	4	27
Успенский П. Ф., Федотов А. С. Гражданское как интимное: дискурсивный контрапункт в стихотворении Н. А. Некрасова «Ночь. Успели мы всем насладиться...»	4	38
Флаэрти Дженнифер (США). Новый человек и <i>народ</i> : лирический голос и поэтическое народовластие у Н. А. Некрасова	4	52

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ А. А. БЛОКА

Грачева А. М. А. А. Блок в неизданной книге А. М. Ремизова «С. П. Р<емизова>-Д<овгелло>»	3	119
Грякалова Н. Ю. Фетовская «фаустиана» в интерпретации А. А. Блока (к герменевтике чтения)	3	85
Закрыжевская Е. А. Память и текст: Н. Н. Берберова об А. А. Блоке	3	134
Лощинская Н. В. «Бесконечно жадно хочется мне жить...»: об одном стихотворении Скитальца и стихии романа в лирике А. А. Блока	3	94
Поливанов К. М. «Белая ночь» Б. Л. Пастернака и «Из воспоминаний об Александре Блоке» К. И. Чуковского: о возможностях взаимодействия лирики и мемуарного текста	3	128
Янь Мэйпин (КНР), Колесникова Е. И. Блоковский контекст рассказа М. М. Зощенко «Дрова»	3	108

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. Н. АНДРЕЕВА

Быстров В. Н. «...Написана эта штука в один почти что присест, начисто...»: Творческая история рассказа Л. Н. Андреева «В подвале»	3	64
Козьменко М. В. Э. фон Гартман и Л. Н. Андреев: переключки двух пессимизмов. Статья 1	3	53
Переписка Л. Н. Андреева и И. И. Ясинского (вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. С. Александрова)	3	70

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Александр Ильменев (А. М. Ремизов). На распутье (публикация А. М. Грачевой) . .	1	157
Алексей Ремизов и его «исторический читатель» (Иван Лукаш — критик романа «Взвихренная Русь») (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Р. Обатиной). Приложение. Иван Лукаш. Мышиная Россия. О книге А. М. Ремизова «Взвихренная Русь»	4	208
Альтшуллер Марк (США). Трагедия бытия и поиски спасения. «Маленькие трагедии» и «Повести Белкина»	1	86
Безродный М. В. (ФРГ). Из комментария к «Пиковой даме»: 11–16	4	103
Белоусов М. С., Белоусов А. С. Ода А. С. Пушкина «Клеветникам России» в контексте французской прессы	4	89
Березкина С. В. Неопубликованное послание С. П. Шевырева к молодым профессорам Московского университета	1	117
Бильдюг А. Б., Васкул А. И., Комелина Н. Г. «Память места»: фольклорные сюжеты и мотивы в рассказах об Ануфриевском ските на Зимнем берегу Белого моря	1	213
Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Неизвестная литературная эпиграмма П. А. Вяземского в архиве Я. К. Грота	2	92
Васильева М. А. «Бесконечный круг» Бориса Божнева	2	184

Вахненко Е. Е. Очерки In memorem в творческом наследии А. М. Ремизова: новонайденное «послание» парижскому Некрополю. Приложение. Алексей Ремизов. <«Памятное слово» А. Ю. Доброму>	2	218
Вендитти Микела (Италия). Жанр надписи в творчестве Г. Р. Державина (стихи на смерть собаки)	2	31
Гардзанити Марчелло (Италия). «Слово о нестроениях и безчиниях» Максима Грека. К источникам Плача Василии	1	55
Глуховская Е. А. В. О. Нилендер в кругу поэтов «нео-пушкинской школы»	2	133
Двнятина Т. М. «Что есть поэзия?» Заметки к теме «И. А. Бунин и Е. А. Баратынский»	4	191
Золотухин В. Т., Григорьева Е. Н. Сонет Д. В. Вeneвитинова «К тебе, о чистый дух, источник вдохновенья...»: датировка, поэтика, шеллингианский сюжет	3	156
Иванова Т. Г. Трансформации топоса «битва как пир» в исторических песнях XVIII–XIX веков	4	77
«Как делать стихи»: свердловская записная книжка В. В. Маяковского. Часть 2 (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Л. В. Хачатурян)	1	190
Кибальник С. А. Криптографическая поэтика рассказа Ф. М. Достоевского «Вечный муж» (черновые наброски и биографический подтекст)	4	108
Клейнер Ю. А. Несколько предположений о повести Н. В. Гоголя «Нос»	3	161
Коренева М. Ю. Об одном отклике на смерть Райнера Марии Рильке: «русский» постскрипtum	1	169
Корконосенко К. С. Русские персонажи в творчестве Рамона дель Валье-Инклана	2	210
Кумпан К. А. Д. С. Мережковский — ученик третьей гимназии (заметки комментатора). Часть 1	1	124
Кумпан К. А. Д. С. Мережковский — ученик третьей гимназии (заметки комментатора). Часть 2	2	104
Лавров А. В. Дневники В. А. Щеголевой в собрании М. С. Лесмана	4	148
Левина-Паркер Маша (США). Лолита в «Лолите»	3	226
Лекманов О. А. О стихотворении О. Э. Мандельштама «Чернозем»	2	215
Миросниченко Е. И., Фоменко Д. П. Проблема взаимодействия вербального и визуального в текстах группы «41°»	4	136
Мисникевич Т. В. «...В буквальном смысле слова пересоздать на другом языке»: к вопросу о специфике переводческой манеры Федора Сологуба	4	123
Муравьева О. С. Александр Пушкин на rendez-vous	2	53
Нагорная Я. В. Святочные обходы дворов в Поморье (по материалам экспедиций Пушкинского Дома)	2	240
Новые материалы из амхерстского архива Мережковских. 2. Н. А. Бердяев в «дневниках» Т. Н. Гиппиус (1906–1908) (подготовка текста и комментарии М. М. Павловой)	2	144
Обатнин Г. В. К биографии Вяч. Иванова: поездка в Палестину	4	129
Обатнина Е. Р. А. М. Ремизов в борьбе за «сон»: материалы к творческой биографии	1	161
Пенская Е. Н. Театральные альбомы М. А. Булгакова в историко-культурном контексте	1	178
Пенская Е. Н. «Техника искусственных швов»: к типологии записных книжек М. М. Зощенко	4	223
Переписка В. Я. Брюсова с Е. В. Аничковым (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. А. Богомолова)	3	178
Поливанова Д. К., Поливанов К. М. Тема рождения искусства и вариации Шекспира в цикле Б. Л. Пастернака «Сон в летнюю ночь»	1	145
Полторак С. Н., Зотова А. В. Она создала Даниила Гранина	2	232
Рождественская М. В. Из историко-литературного комментария к последнему году жизни Игоря Северянина	2	228
Савельева Н. В. Споры о единогласном пении и московское издание Октоиха 1649 года	4	65

Сысоева А. В. «Тему гражданской войны нельзя сдавать в архив»: об отношении ЛБО ЛОКАФ к издательскому проекту Максима Горького	1	206
Тезисы доклада С. М. Соловьева о поэзии Е. А. Баратынского (подготовка текста В. П. Троицкого, вступительная статья и комментарии Ю. Ю. Анохиной) . .	4	201
Титаренко С. Д. Вячеслав Иванов и Якоб Бёме (теория религиозного символизма и актуализация наследия немецкого мистика)	2	173
Токарев Д. В. «Hölderlin даст объяснение»: поэтическая мысль Фридриха Гёльдерлина и ее рецепция Борисом Поплавским	2	194
Трахтенберг Л. А. Басня И. И. Хемницера «Метафизический ученик»: история сюжета	1	70
Тянь Вэньцзюань (КНР). Два ориентализма: роль восточной лексики в поэме Дж. Г. Байрона «The Bride of Abydos» и ее русском переводе И. И. Козлова	2	50
Фетисенко О. Л. «Нужно только выждать время»: К. Н. Леонтьев и Э.-М. де Вогуэ . .	2	87
Филиппова Е. М. Письма И. А. Гончарова в эпистолярно-литературном контексте . .	2	78
Халиуллин К. Р. Антинаполеоновские кампании 1805–1807 годов и военная тема в русской поэзии	3	142
Хохлова Н. А. Об археографической деятельности А. И. Тургенева (материалы к биографии). Часть 1	1	73
Хохлова Н. А. Об археографической деятельности А. И. Тургенева (материалы к биографии). Часть 2	2	63
Чжоу Лу (КНР), Люсий А. П. Образы Китая в творческом сознании Г. Р. Державина и А. С. Пушкина	2	40
Шумило С. М. (Украина). Литературные источники Слова на Фомину неделю Кирилла Туровского	2	26

ЗАМЕТКИ

Богомолов Н. А. , Пономарева Е. А. Addenda	1	227
Гречаная Е. П. Два французских стихотворения в сборнике В. К. Третьяковского «Езда в остров любви»	1	225
Звиняцковский В. Я. (Украина). «Юбилей» А. П. Чехова: неизвестное начало сценической истории	4	231
Павлова М. М. Новонайденный экспромт Федора Сологуба. Из дополнений к dubia . .	4	232
Романова А. В. Ефрем Барышев и Вальтер Скотт. Из комментария к некрологу И. А. Гончарова «Е. Е. Барышев»	2	252
Хачатурян Л. В. М. А. Булгаков в поисках революционной пьесы: сценическая хроника «Дней Турбиных»	3	249

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Алпатов С. В. У истоков русской рукописной традиции Нового времени (Шамин С. М. Иностранцы «памфлеты» и «курьезы» в России XVI — начала XVIII столетия. М.: Весь Мир, 2020. 392 с.)	3	253
Аршинова И. В. Русская литература и британский модернизм в перспективе нелинейных кросс-культурных взаимодействий (Beasley R. Russomania. Russian Culture and the Creation of British Modernism, 1881–1922. Oxford: Oxford University Press, 2020. 560 p.)	4	249
Вьюгин В. Ю. Фундамент для переосмысления: об издании «Сочинений» А. П. Платонова (Платонов А. П. Сочинения. Т. 4. 1928–1932: В 2 кн. / Гл. ред. Н. В. Корниенко; ред. тома Н. И. Дужина; Кн. 1. Повести / Подг. текста и комм. Н. И. Дужиной и Н. В. Умрюхиной. М.: ИМЛИ, 2020. 653 с.; Кн. 2. Рассказы. Пьесы. Сценарии. Статьи / Подг. текста и комм. Е. В. Антоновой, Б. Дооге, Н. И. Дужиной, Р. Е. Клементьева, Н. В. Корниенко, Д. С. Москвоской, М. В. Осипенко (Богомолловой), Е. А. Рожнецовой, Н. В. Умрюхиной. М.: ИМЛИ, 2020. 841 с.)	4	251

Грачева А. М. Италия в русских судьбах конца XIX — первой половины XX века (Русское присутствие в Италии в первой половине XX века. Энциклопедия / Ред.-сост. Антонелла д'Амелия, Даниела Рицци. М.: РОССПЭН, 2019. 864 с.) . . .	2	255
Гуськов С. Н. Литература и государственная власть в России XIX века. Обзор новых исследований	4	240
Данилевский Р. Ю. Первая монография о русских связях Фридриха Рюккерта (Uhrig Max-Rainer. Auf Gewundenen Pfaden Friedrich Rückert und Russland. Baden-Baden: Ergon Verlag, 2019. 130 S.)	3	262
Демидова О. Р. Просто о сложном: книга для медленного чтения (Ляпушкина Е. И. Литературная герменевтика: теория и практика / Под ред. Е. Н. Григорьевой. СПб.: Росток, 2020. 400 с.)	4	248
Дёмин А. О. Публикация из архива Г. Р. Державина в книге о битве при Саламине (Лукин Е. В. Запад против Востока: 2500 лет первой битве. СПб.: Алетейя, 2020. 301 с.)	4	239
Дубровская С. А. Музыка русской словесности: книга американской исследовательницы о русской литературе и музыкальной культуре (Эмерсон К. Очерки по русской литературной и музыкальной культуре / Пер. с англ. И. Буровой и А. Разина. СПб.: Academic Studies Press; БиблиоРоссика, 2020. 559 с. (сер. «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»))	3	263
Карасик-Апдайк О. Б., Лунина И. Е. Жизнь и наследие М. М. Бахтина в двух саранских монографиях (Михаил Михайлович Бахтин: проблемы изучения биографии и научного наследия: монография / О. Е. Осовский, В. Л. Махлин, В. И. Лапун [и др.]; отв. ред. С. А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. Вып. 1. 176 с. (Бахтинская энциклопедия: материалы); Михаил Михайлович Бахтин: личность и наследие: монография / О. Е. Осовский, В. П. Киржаева, С. А. Дубровская [и др.]; отв. ред. С. А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. [Вып. 2.] 232 с.)	4	255
Клинг О. А. Поэтика промежутка как научная проблема (Ананко Я. Каникулы Каина: Поэтика промежутка в берлинских стихах В. Ф. Ходасевича. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.)	4	254
Лавров А. В. Андрей Белый под микроскопом (Левина-Паркер М., Левин М. Шедевр трудного чтения: «Петербург» Андрея Белого. СПб.: Нестор-История, 2020. 582 с.)	1	229
Лаппо-Данилевский К. Ю. Вячеслав Иванов и его немецкоязычные издатели (Vjačeslav Ivanov und seine deutschsprachigen Verleger / Hrsg. von Michael Wachtel und Philip Gleissner; unter Mitwirkung von Vladimir Janzen. Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Peter Lang, 2019. 374 S., 22 Abb. (Russian Culture in Europe; vol. 14))	2	257
Мисникевич Т. В. Василий Каменский — мастер эпистолярного жанра (Василий Каменский. Материалы и исследования / Науч. ред. и сост. Н. Г. Фиртич. СПб.: Издательство Общества «Аполлон», 2019. 560 с.)	1	232
Орлова Е. И. Русская критика как феномен культуры (Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры, композиция, стиль. 2-е изд., испр. М.: Юрайт, 2019. 231 с.)	2	254
Поддубцев Р. А. Вызволяющий из цепей: учение А. Ф. Лосева о стиле (Лосев А. Ф. Учение о стиле / Общ. ред. и сост. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи; вступ. статья К. В. Зенкина. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 456 с.)	1	233
Соловьев А. Ю. Д. И. Фонвизин для современного читателя: задачи и решения (Осокин М. Ю. Комический театр г-на Фонвизина. «Недоросль»: комментарий. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 560 с.)	4	236
Соловьев А. Ю. Русская литература путешествий в исследованиях последних лет	3	254

ХРОНИКА

Агратин А. Е. Международный научный семинар «На пути к исторической нарратологии»	4	271
--	---	-----

Александрова Э. К. Международная научная конференция «„Проснуться знаменитым...“: стратегии литературного успеха и литературная репутация в эпоху fin de siècle»	4	257
Андрианова М. Д. Второй Междисциплинарный научный семинар «Формы культурного ресайклинга в современной России: тенденции и интерпретации»	3	279
Бояркина П. В. Международные научные чтения памяти Вадима Эразмовича Вацуро	3	283
Галашева Т. Н. Восьмой агиографический семинар	1	238
Двинятина Т. М. Международная научная конференция «И. А. Бунин и его время»	2	274
Денисенко С. В. Седьмая Апрельская междисциплинарная международная научная конференция «Все запреты мира: табу в литературе и искусстве»	2	268
Долгих Е. Н. XL Некрасовская конференция	1	240
Елкина А. А. Международная научная конференция «Старость как сюжет»	2	265
Кибальник С. А. Международный научно-исследовательский семинар «Проблема цифровой текстологии произведений Достоевского»	2	271
Комелина Н. Г. Международная научная конференция «Чтения к 100-летию со дня рождения Б. Н. Путилова и К. В. Чистова»	2	260
Конусова Е. Д. Аввакумовские чтения. К 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума	3	268
Линдеберг О. А. Всероссийская научная конференция «Писатель и его Муза в литературном процессе конца XIX–XX вв.»	4	268
Лобакова И. А., Ромодановская В. А. Конференция молодых ученых «Вопросы славянорусского рукописного наследия»	1	235
Лощинская Н. В. Девятый научно-практический семинар «Зачеркнутый текст в перспективе художественного высказывания»	4	261
Обатнина Е. Р. XXIV Научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома	3	276
Петрова Г. В. Международная научная конференция «Созвездие Гиппиусов: поэтов, прозаиков, критиков, ученых, педагогов...»	4	266
Пешкова В. В. IX Международная конференция молодых ученых и аспирантов «Жизнь и смерть в литературе, фольклоре, истории (к 75-летию победы в Великой Отечественной войне)»	3	265
Семячко С. А. Девятый агиографический семинар	4	273
Памяти Бориса Федоровича Егорова	1	231
Памяти Михаила Дмитриевича Кондратьева	4	276
Памяти Николая Алексеевича Богомолова	1	295
Курочкин А. В. Письмо в редакцию	3	287

SUMMARIES

Мария Наумовна Виrolайнен

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Mariia Naumovna Virolainen

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

virolainen@mail.ru

О ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЕ ЛИРИКИ ЗОЛОТОГО ВЕКА

ON THE GENRES OF THE GOLDEN AGE LYRICAL POETRY

В статье опровергается традиционное представление о том, что в пушкинскую эпоху поэтика жанров сменяется поэтикой устойчивых стилей. Описана жанровая определенность, характерная для ранних этапов лирического творчества наиболее крупных поэтов эпохи, показано, что феномен, часто характеризующийся как смешение или диффузия жанров лирики 1820–1830-х годов, представляет собой сложную жанровую оркестровку, основанную на четкой дифференциации жанров.

Ключевые слова: пушкинская эпоха, лирика, жанр, эстетика, поэтика.

The article refutes the traditional view that in Pushkin's era the poetics of genres was replaced by the poetics of stable styles. The genre certainty, characteristic for the early lyrical works of the leading poets of the time, is described. It is demonstrated that the phenomenon often identified as the blending or the diffusion of lyrical poetry genres in the 1820s and 1830s is a complex genre orchestration based on a clearcut differentiation of genres.

Key words: Pushkin's era, lyrical poetry, genre, aesthetics, poetics.

Список литературы

1. *Алексеев П. В.* Д. П. Ознобишин и Хафиз: Проблемы перевода суфийской поэтики // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Филология. 2013. № 2 (22).
2. *Альми И. Л.* «Зимний вечер» // Лирика А. С. Пушкина: Комментарий к одному стихотворению. М., 2006.
3. *Асмус В. Ф.* Немецкая эстетика XVIII века. М., 1962.
4. *Батюшков К. Н.* Соч. / Ред., статья и комм. Д. Д. Благого. М.; Л., 1934.
5. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: [В 13 т.]. М., 1953–1959. Т. 5, 9.
6. *Бонди С. М.* Историко-литературные опыты Пушкина // Лит. наследство. 1934. Т. 16–18.
7. *Вацуру В. Э.* Лирика пушкинской поры: Элегическая школа. СПб., 1994.
8. *Вацуру В. Э.* Русская идиллия в эпоху романтизма // Вацуру В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000.
9. *Васильев А. З.* Из истории категории «жанр» // Проблемы исторической поэтики. 1990. Вып. 1.
10. *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М.; Л., 1941.
11. *Вяземский П. А.* Стихотворения / Сост., подг. текста и прим. К. А. Кумпан; вступ. статья Л. Я. Гинзбург. Л., 1986 (Библиотека поэта. Большая сер.).
12. *Гинзбург Л. Я.* О лирике. 2-е изд., доп. Л., 1974.
13. *Гречаная Е. П.* Андре Шенье — поэт // Шенье А. Сочинения 1819 г. М., 1995 (сер. «Литературные памятники»).
14. *Григорьева Е. Н., Золотухин В. Т.* Сонет Д. В. Веневитинова «К тебе, о чистый дух, источник вдохновенья...»: Датировка, поэтика, шеллингианский сюжет // Русская литература. 2021. № 3.

15. *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1981.
16. *Западов В. А.* Последняя часть «Рассуждения о лирической поэзии» Г. Р. Державина // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16.
17. *Кардаш Е. В.* Стихотворение Пушкина «Аквилон»: К вопросу об историко-литературном контексте // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2016. Вып. 32.
18. *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подг. Н. В. Королева, В. Д. Рак. Л., 1979 (сер. «Литературные памятники»).
19. *Лаппо-Данилевский К. Ю.* «Анакреонтические песни» Г. Р. Державина и традиция русской анакреонтической оды XVIII века // Литературный факт. 2017. № 5.
20. *Ларионова Е. О.* Неосуществленное собрание стихотворений Пушкина 1836 года // Пушкинская конференция в Стенфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001.
21. *Ларионова Е. О.* Собрание стихотворений 1836 г. (ПД 848–859) <Описание> // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2. Кн. 1.
22. *Малафеев К. А.* «Я думал стихами...»: Историко-документальные очерки о лирических стихах А. С. Пушкина. Рязань, 2000.
23. *Мальчукова Т. Г.* Античные и христианские традиции в изображении человека и природы в произведениях А. С. Пушкина. Петрозаводск, 2007.
24. *Маркович В. М.* Трансформации русской лирики в первые десятилетия XIX века // Русская литература. 2015. № 2.
25. *Матяш С. А.* Незданное «Общее оглавление» последнего прижизненного собрания сочинений В. А. Жуковского (К вопросу о жанровой системе поэта) // Русская литература. 1974. № 2.
26. *Мейлах Б. С.* Лицейские лекции (По записям А. М. Горчакова) // Красный архив. 1937. Т. 1 (80).
27. *Михайлова Н. И.* Василий Львович Пушкин. М., 2012.
28. *Модзалевский Б. Л.* Библиотека Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910.
29. *Остафьевский архив князей Вяземских.* СПб., 1899. Вып. 1.
30. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937–1959. Т. 3, 11, 13.
31. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., 1997. Т. 17 (дополнительный). Рукою Пушкина.
32. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2. Кн. 1; СПб., 2019. Т. 3. Кн. 1.
33. *Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1916. Вып. 2.
34. *Реизов Б. Г.* Воспоминание из Андре Шенье у Пушкина // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика В. В. Виноградова. Л., 1971.
35. *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма: Князь Одоевский. М., 1913. Т. 1. Ч. 1.
36. *Сандомирская В. Б.* Из истории пушкинского цикла «Подражания древним» (Пушкин и Батюшков) // Временник Пушкинской комиссии 1975. Л., 1979.
37. *Сандомирская В. Б.* «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9.
38. *Семенко И. М.* Батюшков и его «Опыты» // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977 (сер. «Литературные памятники»).
39. *Сидяков Л. С.* «Стихотворения Александра Пушкина» и русский стихотворный сборник первой трети XIX века // Проблемы современного пушкиноведения: Сб. статей. Псков, 1994.
40. *Словарь русского языка XVIII века.* СПб., 1992. Вып. 7.
41. *Томашевский Б. В.* Капнистовская тетрадь // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2. Кн. 1.
42. *Тынянов Ю. Н.* Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
43. *Уэллек Р., Уоррен О.* Теория литературы. М., 1978.
44. *Хитрова Д.* Ода как мадригал: К описанию одного стихотворения Баратынского // Пушкинские чтения в Тарту 4. Пушкинская эпоха. Проблемы рефлексии и комментария: Материалы международной конференции. Тарту, 2007.
45. *Цейтлин А. Г.* Жанры // Литературная энциклопедия. [М.], 1930. Т. 4.
46. *Шенье А.* Сочинения 1819 г. / Изд. подг. Е. П. Гречаная. М., 1995 (сер. «Литературные памятники»).

References

1. *Alekseev P. V. D. P.* Oznobishin i Khafiz: Problemy perevoda sufiskoi poetiki // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Ser. Filologiya. 2013. № 2 (22).
2. *Al'mi I. L.* «Zimnii vecher» // Lirika A. S. Pushkina: Kommentarii k odnomu stikhotvoreniu. M., 2006.
3. *Asmus V. F.* Nemetskaia estetika XVIII veka. M., 1962.
4. *Batiushkov K. N.* Soch. / Red., stat'ia i komm. D. D. Blagogo. M.; L., 1934.
5. *Belinskii V. G.* Poln. sobr. soch.: [V 13 t.]. M., 1953–1959. T. 5, 9.
6. *Bondi S. M.* Istoriko-literaturnye opyty Pushkina // Lit. nasledstvo. M., 1934. T. 16–18.
7. *Ginzburg L. Ia.* O lirike. 2-e izd., dop. L., 1974.

8. *Grechanaia E. P.* Andre Shen'e — poet // Shen'e A. Sochineniia 1819 g. M., 1995 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
9. *Grigor'eva E. N., Zolotukhin V. T.* Sonet D. V. Venevitinova «K tebe, o chisty dukh, istochnik vdokhnoven'ia...»: Datirovka, poetika, shellingianskii suzhet // Russkaia literatura. 2021. № 3.
10. *Kardash E. V.* Stikhotvorenii Pushkina «Akvilon»: K voprosu ob istoriko-literaturnom kontekste // Vremennik Pushkinskoi komissii. SPb., 2016. Vyp. 32.
11. *Khitrova D.* Oda kak madrigal: K opisaniiu odnogo stikhotvoreniia Baratynskogo // Pushkinskie chteniia v Tartu 4. Pushkinskaia epokha. Problemy refleksii i komentariia: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Tartu, 2007.
12. *Kiukhel'becker V. K.* Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i / Izd. podg. N. V. Koroleva, V. D. Rak. L., 1979 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
13. *Lappo-Danilevskii K. Iu.* «Anakreonticheskie pesni» G. R. Derzhavina i traditsiia russkoi anakreonticheskoi ody XVIII veka // Literaturnyi fakt. 2017. № 5.
14. *Larionova E. O.* Neosushchestvennoe sobranie stikhotvoreniia Pushkina 1836 goda // Pushkinskaia konferentsiia v Stenforde, 1999: Materialy i issledovaniia. M., 2001.
15. *Larionova E. O.* Sobranie stikhotvoreniia 1836 g. (PD 848—859) <Opisanie> // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2004. T. 2. Kn. 1.
16. *Malafeev K. A.* «Ia dumal stikhami...»: Istoriko-dokumental'nye ocherki o liricheskikh stikhakh A. S. Pushkina. Riazan', 2000.
17. *Mal'chukova T. G.* Antichnye i khristianskie traditsii v izobrazhenii cheloveka i prirody v proizvedeniakh A. S. Pushkina. Petrozavodsk, 2007.
18. *Markovich V. M.* Transformatsii russkoi liriki v pervye desiatiletiia XIX veka // Russkaia literatura. 2015. № 2.
19. *Matiash S. A.* Neizdannoe «Obshchee oglavlenie» poslednego prizhiznennogo sobraniia sochinenii V. A. Zhukovskogo (K voprosu o zhanrovoi sisteme poeta) // Russkaia literatura. 1974. № 2.
20. *Meilakh B. S.* Litseiskie lektsii (Po zapisiam A. M. Gorchakova) // Krasnyi arkhiv. 1937. T. 1 (80).
21. *Mikhailova N. I.* Vasilii L'vovich Pushkin. M., 2012.
22. *Modzalevskii B. L.* Biblioteka Pushkina: Bibliograficheskoe opisanie. SPb., 1910.
23. Ostaf'evskii arkhiv kniazei Viazemskikh. SPb., 1899. Vyp. 1.
24. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1937–1959. T. 3, 11, 13.
25. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch. M., 1997. T. 17 (dopolnitel'nyi). Rukoiu Pushkina.
26. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2004. T. 2. Kn. 1; SPb., 2019. T. 3. Kn. 1.
27. *Reizov B. G.* Vospominanie iz Andre Shen'e u Pushkina // Poetika i stilistika russkoi literatury: Pamiati akademika V. V. Vinogradova. L., 1971.
28. *Rezanov V. I.* Iz razyskanii o sochineniakh V. A. Zhukovskogo. SPb., 1916. Vyp. 2.
29. *Sakulin P. N.* Iz istorii russkogo idealizma: Kniaz' Odoevskii. M., 1913. T. 1. Ch. 1.
30. *Sandomirskaia V. B.* Iz istorii pushkinskogo tsikla «Podrazhaniia drevnim» (Pushkin i Batiushkov) // Vremennik Pushkinskoi komissii 1975. L., 1979.
31. *Sandomirskaia V. B.* «Otryvok» v poezii Pushkina dvadtsatykh godov // Pushkin: Issledovaniia i materialy. L., 1979. T. 9.
32. *Semenko I. M.* Batiushkov i ego «Opyty» // Batiushkov K. N. Opyty v stikhakh i proze. M., 1977 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
33. *Shen'e A.* Sochineniia 1819 g. / Izd. podg. E. P. Grechanaia. M., 1995 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
34. *Sidiakov L. S.* «Stikhotvoreniia Aleksandra Pushkina» i russkii stikhotvornyi sbornik pervoi treti XIX veka // Problemy sovremennogo pushkinovedeniia: Sb. statei. Pskov, 1994.
35. Slovar' russkogo iazyka XVIII veka. SPb., 1992. Vyp. 7.
36. *Tomashevskii B. V.* Kapnistovskaia tetrad' // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2004. T. 2. Kn. 1.
37. *Tseitlin A. G.* Zhanry // Literaturnaia entsiklopediia. [M.], 1930. T. 4.
38. *Tynianov Iu. N.* Oda kak oratorskii zhanr // Tynianov Iu. N. Poetika. Istoriia literatury. Kino. M., 1977.
39. *Uellek R., Uorren O.* Teoriia literatury. M., 1978.
40. *Vatsuro V. E.* Lirika pushkinskoi pory: Elegicheskai shkola. SPb., 1994.
41. *Vatsuro V. E.* Russkaia idilliia v epokhu romantizma // Vatsuro V. E. Pushkinskaia pora. SPb., 2000.
42. *Vasil'ev A. Z.* Iz istorii kategorii «zhanr» // Problemy istoricheskoi poetiki. 1990. Vyp. 1.
43. *Viazemskii P. A.* Stikhotvoreniia / Sost., podg. teksta i prim. K. A. Kumpan; vstup. stat'ia L. Ia. Ginzburg. L., 1986 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
44. *Vinogradov V. V.* Stil' Pushkina. M.; L., 1941.
45. *Zapadov V. A.* Posledniaia chast' «Rassuzhdeniia o liricheskoi poezii» G. R. Derzhavina // XVIII vek. L., 1989. Sb. 16.
46. *Zhirmunskii V. M.* Gete v russkoi literature. L., 1981.

Михаил Сергеевич Макеев

профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Mikhail Sergeevich Makeev

Professor, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University;
Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

mmakeev@icloud.com

**НЕКРАСОВСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ:
ПРОБЛЕМЫ НОВОГО НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ
Н. А. НЕКРАСОВА В СЕРИИ «НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»**

**NEKRASOV TEXTUAL CRITICISM IN THE 21ST CENTURY:
PROBLEMS OF THE NEW ACADEMIC EDITION OF N. A. NEKRASOV'S POEMS
IN THE NEW LIBRARY OF A POET SERIES**

Центральная задача работы — пересмотр характерных для советской текстологии представлений о воздействии цензуры на произведения Некрасова как исключительно репрессивном, ведущем к повреждению текста. На ряде примеров («Несчастные», «Железная дорога») показано, как реакция цензора становилась для поэта стимулом для художественной переработки текста. Наличие аргументов в пользу цензурного вмешательства не должно приводить к отступлению от принципа последнего прижизненного издания и «реконструкции» текста по другим источникам.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, текстология, цензура, стихотворение «Железная дорога», русская поэзия второй половины XIX века.

The goal of the article is to revise the engendered notions of the Soviet textual criticism concerning the impact of censorship on Nekrasov's works as exclusively repressive and leading to the distortion of the text. A number of texts («The Unfortunate», «The Railroad») show that the censor's input encouraged the poet to further improve the text. The presence of arguments in favor of censorship interference should not, however, lead to deviations from the principle of the last lifetime edition and to the «reconstruction» of the text from other sources.

Key words: N. A. Nekrasov, textual criticism, censorship, the poem «The Railroad», Russian poetry of the second half of the 19th century.

Список литературы

1. Бухтаб Б. Я. Заметки о текстах стихотворений Некрасова // Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта». М., 1963.
2. Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966.
3. Гин М. М. О своеобразии реализма Некрасова. Петрозаводск, 1966.
4. Гин М. М. От факта к образу и сюжету. М., 1971.
5. Грешневская тетрадь Н. А. Некрасова / Предисловие, транскрипция и комм. М. С. Макеева. Ярославль, 2015.
6. Зубков К. Ю. Aleksander Ostrovskii and the Censor: Between Oppression and Symbiosis // Russian Literature. 2020. Vol. 113.
7. Мельгунов Б. В. Из комментария к стихотворениям Некрасова // Некрасовский сборник. Л., 1978. [Вып.] VI.
8. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 1948–1953.
9. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981–2000.
10. Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений: В 3 т. Л., 1967 (Библиотека поэта. Большая сер.).
11. Некрасовский сборник. Л., 1973. [Вып.] V. Поэзия любви и гнева.
12. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 14.
13. Чуковский К. И. От дилетантизма к науке: Заметки текстолога // Новый мир. 1954. № 2.
14. Шапир М. И. Статьи о Пушкине. М., 2009.

15. *Darnton R.* Censors at Work: How States Shaped Literature. New York; London, 2014.
 16. Russian Literature. 2020. Vol. 113.

References

1. *Bukhshtab B. Ia.* Zametki o tekstakh stikhotvorenii Nekrasova // Izdanie klassicheskoi literatury. Iz opyta «Biblioteki poeta». M., 1963.
2. *Chernyshevskii N. G.* Poln. sobr. soch.: V 15 t. M., 1949. T. 14.
3. *Chukovskii K. I.* Ot diletantizma k nauke: Zametki tekstologa // Novyi mir. 1954. № 2.
4. *Darnton R.* Censors at Work: How States Shaped Literature. New York; London, 2014.
5. *Garkavi A. M.* N. A. Nekrasov v bor'be s tsarskoi tsenzuroi. Kaliningrad, 1966.
6. *Gin M. M.* O svoeobrazii realizma Nekrasova. Petrozavodsk, 1966.
7. *Gin M. M.* Ot fakta k obrazu i siuzhetu. M., 1971.
8. Greshnevskaiia tetrad' N. A. Nekrasova / Predislovie, transkriptsiia i komm. M. S. Makeeva. Iaroslavl', 2015.
9. *Mel'gunov B. V.* Iz kommentariia k stikhotvoreniiam Nekrasova // Nekrasovskii sbornik. L., 1978. [Vyp.] VI.
10. *Nekrasov N. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 12 t. M., 1948–1953.
11. *Nekrasov N. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 15 t. L., 1981–2000.
12. *Nekrasov N. A.* Poln. sobr. stikhotvorenii: V 3 t. L., 1967 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
13. Nekrasovskii sbornik. L., 1973. [Vyp.] V. Poeziia liubvi i gneva.
14. Russian Literature. 2020. Vol. 113.
15. *Shapir M. I.* Stat'i o Pushkine. M., 2009.
16. *Zubkov K. Iu.* Aleksander Ostrovskii and the Censor: Between Oppression and Symbiosis // Russian Literature. 2020. Vol. 113.

Павел Федорович Успенский

доцент Школы филологических наук
 Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

Pavel Fedorovich Uspenskij

Associate Professor, National Research University *Higher School of Economics* in Moscow
 paveluspenskij@gmail.com

Андрей Сергеевич Федотов

старший преподаватель филологического факультета
 Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Andrei Sergeevich Fedotov

Senior Lecturer, Department of Philology,
 Lomonosov Moscow State University
 anfed86@icloud.com

ГРАЖДАНСКОЕ КАК ИНТИМНОЕ: ДИСКУРСИВНЫЙ КОНТРАПУНКТ В СТИХОТВОРЕНИИ Н. А. НЕКРАСОВА «НОЧЬ. УСПЕЛИ МЫ ВСЕМ НАСЛАДИТЬСЯ...»

PUBLICITY AS INTIMACY: DISCOURSIIVE COUNTERPOINT IN N. A. NEKRASOV'S POEM «NOCH'. USPELI MI VSEM NASLADIT'SA...»

Статья посвящена интерпретации и исторической контекстуализации стихотворения Н. А. Некрасова «Ночь. Успели мы всем насладиться...». Стихотворение понимается как текст, в котором по принципу контрапункта соединяются интимный и социальный дискурсы. Такой синтез, как

показано в статье, поддерживался идеологией и практиками некрасовского окружения 1840-х — конца 1850-х годов. Фиктивные браки, тройственные союзы, коммунальные эксперименты с сексуальностью были актуальными историческим фоном стихотворения. Последовательно связывали гражданскую и эротическую энергию человека и произведения Н. Г. Чернышевского, диалог с которыми обнаруживается в «Ночь. Успели мы всем насладиться...». Однако радикальные любовные эксперименты русских интеллектуалов 1840–1860-х годов столкнулись с неразрешимыми внутренними противоречиями, а сама идея о прочной связи гражданского и интимного потерпела историческое поражение, что привело к маргинализации эротического прочтения стихотворения Некрасова.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, Н. Г. Чернышевский, интимный и социальный дискурсы, любовные эксперименты 1840–1860-х годов, поэтика.

The article offers an interpretation and historical contextualization of N. A. Nekrasov's poem «*Noch'. Uspeli my vsem nasladit'sia...*» («Night. We had ample time to enjoy it all...»). The poem is understood as a text in which, according to the principle of counterpoint, intimate and social discourses merge. The article shows that such a synthesis was supported by the ideology and practices of Nekrasov's entourage of the 1840s — late 1850s. Fictitious marriages, triple alliances, communal experiments with sexuality were the pertinent historical background of the poem. The civil and erotic energy of an individual was consecutively connected with the works of N. G. Chernyshevskii, the dialogue with which is found in «*Noch'. Uspeli my vsem nasladit'sia...*». Still, the radical sexual experiments of the Russian intellectuals of the 1840–1860s faced insoluble internal contradictions, and the very idea of a strong connection between the civil and the intimate suffered a historical defeat, which led to the marginalization of the erotic reading of Nekrasov's poem.

Key words: Nikolay Nekrasov, Nikolay Chernyshevskii, intimate and social discourses, love experiments in the 1840–1860s, poetics.

Список литературы

1. Вдовин А. В. Николай Добролюбов: разночинец между духом и плотью. М., 2017.
2. Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 9.
3. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 23.
4. Данилевская М. Ю. Стихотворение Н. А. Некрасова «Над чем мы смеемся...»: первоначальная и каноническая редакции // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2020. № 4.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. СПб., 2016. Т. 6.
6. Ключкин К. Women's Prose in the Modernizing Cultural Economy: 1850s–1870s // Складчина: Сборник статей к 50-летию профессора М. С. Макеева. М., 2019.
7. Кон И. С. Сексуальная культура в России. М., 2019.
8. Лурье С. Я. Такой способ понимать. М., 2007.
9. Макеев М. С. Николай Некрасов. М., 2017 (сер. «Жизнь замечательных людей»).
10. Макеев М. С. Николай Некрасов: Поэт и предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2009.
11. Макеев М. С. Опыт реконструкции утраченных помет Н. А. Некрасова // Могут ли тексты лгать? К проблеме работы с недостоверными источниками. Таллинн, 2014.
12. Макеев М. С. Поэзия Некрасова и идеология русской радикальной интеллигенции середины XIX века // К 60-летию профессора А. И. Журавлевой. М., 1998.
13. Малиа А. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М., 2010.
14. Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008.
15. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 2.
16. Паперно И. Семиотика бытового поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996.
17. После Сталина. Позднесоветская субъективность (1953–1985): Сб. статей. СПб., 2018.
18. Примочкина Н. Н. Творческое наследие Н. А. Некрасова в интерпретации Горького // Примочкина Н. Н. Горький: личность и творчество на фоне эпохи. М., 2019.
19. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1947. Т. 2. Кн. 1.
20. Рансьер Ж. Эмансипированный зритель. Н. Новгород, 2018.
21. Скафтымов А. П. Чернышевский и Жорж Занд // Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958.
22. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм, социализм. М., 2004.
23. Степина М. Ю. Образы и мотивы «Божественной комедии» Данте в лирике Н. А. Некрасова // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2016): Сб. науч. трудов XVIII Всероссийской науч. конф.: В 2 ч. СПб., 2017. Ч. 2.

24. Успенский П. Ф. Гипотеза Якобсона, Глеб / Иванович и перверсия: безумие Г. Успенского и его рассказ «Выпрямила» // Новое литературное обозрение. 2020. № 2.
 25. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1950. Т. 5.
 26. Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2 т. М., 1967.
 27. Ямпольский И. Г. Стихи Некрасова в произведениях других писателей // Некрасовский сборник. СПб., 1998. [Вып.] XI–XII.
 28. Kliutchkine K. Between Ideology and Desire: Rhetoric of the Self in the Works of Nikolai Chernyshevskii and Nikolai Dobroliubov // Slavic Review. 2009. Vol. 68. № 2.
 29. Naiman E. Sex in Public. The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton, 1997.

References

1. Chernyshevskii N. G. Poln. sobr. soch.: V 15 t. M., 1950. T. 5.
2. Danilevskaia M. Iu. Stikhotvorenie N. A. Nekrasova «Nad chem my smeemsia...»: pervonachal'naia i kanonicheskaia redaktsii // Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tikhogo okeana. 2020. № 4.
3. Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch. i pisem: V 35 t. SPb., 2016. T. 6.
4. Gertsen A. I. Sobr. soch.: V 30 t. M., 1956. T. 9.
5. Gor'kii M. Sobr. soch.: V 30 t. M., 1953. T. 23.
6. Iampol'skii I. G. Stikhi Nekrasova v proizvedeniakh drugikh pisatelei // Nekrasovskii sbornik. SPb., 1998. [Вып.] XI–XII.
7. Kliutchkine K. Between Ideology and Desire: Rhetoric of the Self in the Works of Nikolai Chernyshevskii and Nikolai Dobroliubov // Slavic Review. 2009. Vol. 68. № 2.
8. Kliuchkin K. Women's Prose in the Modernizing Cultural Economy: 1850s–1870s // Skladchina: Sbornik statei k 50-letiiu professora M. S. Makeeva. M., 2019.
9. Kon I. S. Seksual'naia kul'tura v Rossii. M., 2019.
10. Lur'e S. Ia. Takoi sposob ponimat'. M., 2007.
11. Makeev M. S. Nikolai Nekrasov. M., 2017 (ser. «Zhizn' zamechatel'nykh liudei»).
12. Makeev M. S. Nikolai Nekrasov: Poet i predprinimatel' (oчерki o vzaimodeistvii literatury i ekonomiki). M., 2009.
13. Makeev M. S. Opyt rekonstruktsii utrachennykh pomet N. A. Nekrasova // Mogut li teksty lgat'? K probleme raboty s nedostovernymi istochnikami. Tallinn, 2014.
14. Makeev M. S. Poeziia Nekrasova i ideologiya russkoi radikal'noi intelligentsii serediny XIX veka // K 60-letiiu professora A. I. Zhuravlevoi. M., 1998.
15. Malia A. Aleksandr Gertsen i proiskhozhdenie russkogo sotsializma. 1812–1855. M., 2010.
16. Matich O. Eroticheskaia utopiia: novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii. M., 2008.
17. Naiman E. Sex in Public. The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton, 1997.
18. Nekrasov N. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 15 t. L., 1981. T. 2.
19. Paperno I. Semiotika bytovogo povedeniia: Nikolai Chernyshevskii — chelovek epokhi realizma. M., 1996.
20. Posle Stalina. Pozdnesovetskaia sub'ektivnost' (1953–1985): Sb. statei. SPb., 2018.
21. Primochkina N. N. Tvorcheskoe nasledie N. A. Nekrasova v interpretatsii Gor'kogo // Primochkina N. N. Gor'kii: lichnost' i tvorchestvo na fone epokhi. M., 2019.
22. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 16 t. M.; L., 1947. T. 2. Kn. 1.
23. Rans'er Zh. Emansipirovannyi zritel'. N. Novgorod, 2018.
24. Shelgunov N. V., Shelgunova L. P., Mikhailov M. L. Vospominaniia: V 2 t. M., 1967.
25. Skaftymov A. P. Chernyshevskii i Zhorzh Zand // Skaftymov A. P. Stat'i o russkoi literature. Saratov, 1958.
26. Staits R. Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nihilizm, sotsializm. M., 2004.
27. Stepina M. Iu. Obrazy i motivy «Bozhestvennoi komedii» Dante v lirike N. A. Nekrasova // Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniia — 2016): Sb. nauch. trudov XVIII Vserossiiskoi nauch. konf.: V 2 ch. SPb., 2017. Ch. 2.
28. Uspenskii P. F. Gipoteza Iakobsona, Gleb / Ivanovich i perversiia: bezumie G. Uspenskogo i ego rasskaz «Vypriamiла» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2020. № 2.
29. Vdovin A. V. Nikolai Dobroliubov: raznochinets mezhdou dukhom i plot'iu. M., 2017.

Дженнифер Флаэрти (США)

постдокторант-исследователь, Университет Нью-Йорка

Jennifer Flaherty (USA)

Postdoctoral Research Fellow,
Jordan Center for Advanced Study of Russia at New York University

jflaherty@berkeley.edu

**НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК И НАРОД:
ЛИРИЧЕСКИЙ ГОЛОС И ПОЭТИЧЕСКОЕ НАРОДОВАСТНИЕ
У Н. А. НЕКРАСОВА**

**THE NEW MAN AND THE PEOPLE:
THE LYRICAL VOICE AND POETIC DEMOCRACY IN N. A. NEKRASOV**

В статье анализируются способы выражения индивидуального в поэзии Н. А. Некрасова как образец демократического пафоса, отличного от образца самопожертвования 1860-х годов. Поэма «Кому на Руси жить хорошо» рассматривается как кульминация уникального сочетания индивидуального лирического голоса Некрасова и общих эмоциональных переживаний, созданных звуком, что символизирует стремление к свободе действий среди интеллигенции и народа и привлекает внимание к языковой форме как комбинированный поэтический и политический акт.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, крестьяне в поэзии, политический аффект, лирический индивидуализм, народовластие, самопожертвование.

This article analyzes the expression of individual limitation in Nekrasov's poetry as a model of democratic pathos which departs from the 1860s standard of self-sacrifice. *Who Lives Well in Russia* is treated as a culminating expression of Nekrasov's unique combination of individual lyric voice and the shared affective experiences created by sound, which symbolizes a bid for agency among the intelligentsia and the *narod* alike and draws attention to linguistic form as a combined poetic and political act.

Key words: Nekrasov, peasants in poetry, political affect, lyric individualism, nineteenth-century democracy, self-sacrifice.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 1.
2. Беньямин В. Рассказчик: Размышления о творчестве Николая Лескова // Беньямин В. Озарения / Пер. с нем. Н. М. Берновской и др. М., 2000.
3. Гинзбург Л. Я. О лирике. М., 1997.
4. Диди-Юберман Ж. Сделать наглядным (Rendre sensible) / Пер. с фр. Е. Смирновой // Prostory: <http://prostory.net.ua/ua/krytyka/491-sdelat-naglyadnym-rendre-sensible> (дата обращения: 20.05.2021).
5. Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1962. Т. 2.
6. Евгенийев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М., 1947.
7. Иванова Н. Н. Традиции стихотворной речи в лирике Некрасова // Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык лирики XIX в.: Пушкин, Некрасов. М., 1981.
8. Корман Б. О. Лирика Некрасова. Ижевск, 1978.
9. Макеев М. С. Николай Некрасов. М., 2017 (сер. «Жизнь замечательных людей»).
10. Макеев М. С. Николай Некрасов: Поэт и предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2009.
11. Малиа М. Александр Герцен и происхождение русского социализма, 1812–1855 / Пер. с англ. А. Павлова и Д. Узланера. М., 2010.
12. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 1, 5.
13. Орлицкий Ю. Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности. М., 2008.
14. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия / Пер. с фр. и прим. В. Е. Лапицкого. СПб., 2013.
15. Рансьер Ж. Разделяя чувственное / Пер. с фр. В. Лапицкого, А. Шестакова. СПб., 2007.
16. Саженина Е. В. «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова: К вопросу о реализме поэтического высказывания // Карабиха: Историко-литературный сб. Ярославль, 2016. Вып. 9.

17. Тынянов Ю. Н. Стиховые формы Некрасова // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
18. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 11.
19. Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969.
20. Ahmed S. Cultural Politics of Emotions. London, 2014.
21. Durkheim E. Socialism and Saint-Simon / Transl. by Ch. Sattler. London, 1985.
22. Hamburger K. Logic of Literature / Transl. by M. Rose. Bloomington, 1993.
23. Kliutchikine K. Between Sacrifice and Self-Indulgence: Nikolai Nekrasov as a Model for the Intelligentsia // Slavic Review. 2007. Vol. 66. № 1.
24. Mill J. S. What Is Poetry? Victorian Poetry and Poetic Theory. Ontario, 1999.
25. Rancière J. Staging the People: The Proletarian and his Double / Transl. by D. Fernbach. London, 2011.
26. Theory of the Lyric. Cambridge, 2015.
27. What is a People? New York, 2013.

References

1. Ahmed S. Cultural Politics of Emotions. London, 2014.
2. Bakhtin M. M. Sobr. soch.: V 7 t. M., 1996. T. 1.
3. Ben'iamin V. Rasskazchik: Razmyshleniia o tvorchestve Nikolaiia Leskova // Ben'iamin V. Ozareniiia / Per. s nem. N. M. Bernovskoi i dr. M., 2000.
4. Chernyshevskii N. G. Poln. sobr. soch.: V 15 t. M., 1939. T. 11.
5. Didi-Iuberman Zh. Sdelat' nagliadnym (Rendre sensible) / Transl. by E. Smirnovoi // Prostory: <http://prostory.net.ua/ua/krytyka/491-sdelat-naglyadnym-rendre-sensible> (data obrashcheniia: 20.05.2021).
6. Dobroliubov N. A. Sobr. soch.: V 9 t. M., 1962. T. 2.
7. Durkheim E. Socialism and Saint-Simon / Transl. by Ch. Sattler. London, 1985.
8. Eikhnenbaum B. M. O poezii. L., 1969.
9. Evgen'ev-Maksimov V. E. Zhizn' i deiatel'nost' N. A. Nekrasova. M., 1947.
10. Ginzburg L. Ia. O lirike. M., 1997.
11. Hamburger K. Logic of Literature / Transl. by M. Rose. Bloomington, 1993.
12. Ivanova N. N. Traditsii stikhotvornoii rechi v lirike Nekrasova // Grigor'eva A. D., Ivanova N. N. Iazyk liriki XIX v.: Pushkin, Nekrasov. M., 1981.
13. Kliutchikine K. Between Sacrifice and Self-Indulgence: Nikolai Nekrasov as a Model for the Intelligentsia // Slavic Review. 2007. Vol. 66. № 1.
14. Korman B. O. Lirika Nekrasova. Izhevsk, 1978.
15. Makeev M. S. Nikolai Nekrasov. M., 2017 (ser. «Zhizn' zamechatel'nykh liudei»).
16. Makeev M. S. Nikolai Nekrasov: Poet i predprinimatel' (ocherki o vzaimodeistvii literatury i ekonomiki). M., 2009.
17. Malia M. Aleksandr Gertsen i proiskhozhdenie russkogo sotsializma, 1812–1855 / Per. s angl. A. Pavlova i D. Uzmanera. M., 2010.
18. Mill J. S. What Is Poetry? Victorian Poetry and Poetic Theory. Ontario, 1999.
19. Nekrasov N. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 15 t. L., 1981. T. 1, 5.
20. Orbitskii Iu. B. Dinamika stikha i prozy v russkoi slovesnosti. M., 2008.
21. Rancière J. Staging the People: The Proletarian and his Double / Transl. by D. Fernbach. London, 2011.
22. Rans'er Zh. Nesoglasie: Politika i filosofiiia / Per. s fr. i prim. V. E. Lapitskogo. SPb., 2013.
23. Rans'er Zh. Razdeliiaia chuvstvennoe / Per. s fr. V. Lapitskogo, A. Shestakova. SPb., 2007.
24. Sazhenina E. V. «Komu na Rusi zhit' khorosho» N. A. Nekrasova: K voprosu o realizme poeticheskogo vyskazyvaniia // Karabikha: Istoriko-literaturnyi sb. Iaroslavl', 2016. Vyp. 9.
25. Theory of the Lyric. Cambridge, 2015.
26. Tynianov Iu. N. Stikhovye formy Nekrasova // Tynianov Iu. N. Poetika. Istoriia literatury. Kino. M., 1977.
27. What is a People? New York, 2013.

Наталья Вячеславовна Савельева

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natalya Vyacheslavovna Savelyeva

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

n.v.savelieva@inbox.ru

**СПОРЫ О ЕДИНОГЛАСНОМ ПЕНИИ
И МОСКОВСКОЕ ИЗДАНИЕ ОКТОИХА 1649 ГОДА**

**DISPUTES ON CHURCH DEANERY,
AND THE MOSCOW EDITION OF THE *OCTOECHOS* OF 1649**

В статье рассматривается двухтомный Октоих, изданный в январе 1649 года, в период споров о единогласном пении и церковном благочинии. Впервые названы и проанализированы рукописные и печатные источники всех предисловий, предпосланных Октоиху, а также высказаны предположения о связи этих текстов с кругом полемистов, не только имевших непосредственное отношение к московским книгоиздательским процессам, но и обладавших достаточным статусом, чтобы влиять на выбор публикуемых текстов.

Ключевые слова: Москва, 1649 год, кружок ревнителей благочестия, московский Печатный двор, единогласное пение, церковный обряд.

The article deals with the two-volume *Octoechos* published in Moscow in January 1649, in the period of disputes concerning the unanimous singing and church deanery. For the first time in the scholarly practice, the handwritten and printed sources of all the prefaces are identified and analyzed, and suggestions are offered concerning the connection of these texts with the community of polemicists who were not only directly related to the Moscow publishing processes, but also had enough authority to influence the selection of texts for publication.

Key words: Moscow, 1649, community of «zealots of ancient piety», Moscow Printing House, unanimous singing, church practice.

Список литературы

1. *Белякова Е. В.* К проблеме изучения биографий справщиков Московского печатного двора эпохи церковных реформ XVII в.: Шестак Мартемьянов и Захарий Афанасьев // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 13–14 октября 2016 г.). М., 2016.
2. *Вознесенский А. В.* К истории славянской печатной Псалтири. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтирь. М.; СПб., 2010.
3. *Вознесенский А. В.* Старообрядческие издания XVIII — начала XIX века: Введение в изучение. СПб., 1996.
4. *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: Сводный каталог: В 2 кн. М., 2003. Кн. 1.
5. *Дианова Т. В., Костюхина Л. М.* Водяные знаки рукописей России XVII века. М., 1980.
6. *Живов В. М.* Два этапа дисциплинарной революции в России XVII и XVIII столетия // *Cahiers du monde russe*. 2012. Vol. 53. № 2–3.
7. *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: Сводный каталог / Под ред. Н. П. Киселева. М., 1958.
8. *Казанцева Т. Г.* Глава 16 «Книги о вере». К вопросу об источниках // *Рукописи XVI–XXI вв.: Исследования и публикации*. Новосибирск, 2013.
9. *Лавров А. С.* Новые данные о «ревнителях благочестия». Документы РГАДА. 1649–1650 гг. // *Исторический архив*. 2008. № 1.
10. *Лавров А. С., Морохин А. В.* Ревнители благочестия: очерки церковной и литературной деятельности. СПб., 2021.
11. *Мещерский Н. А.* История христианской литургической письменности: Специальный курс лекций / Подг. Е. Н. Мещерской. СПб., 2013.
12. *Опарина Т. А.* Царская грамота 1660 г. о наказании священника, не принявшего единогласного пения // *Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии*. СПб., 2004.

13. *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984.
14. *Парфентьев Н. П.* Шестак (Шестой) Мартемьянов // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4.
15. *Поньрко Н. В.* Обновление Макариева Желтоводского монастыря и новые люди XVII в. — ревнители благочестия // *ТОДРЛ.* Л., 1990. Т. 43.
16. *Преображенский А. В.* Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVII-го века: Исторические сведения и письменные памятники. СПб., 1904 (Памятники древней письменности и искусства. Вып. 155).
17. *Ромодановская Е. К.* Агафоник // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 1.
18. *Ромодановская Е. К.* Литературное творчество патриарха Никона и старообрядческие писатели // *Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки.* Новосибирск, 1992.
19. *Румянцева В. С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986.
20. *Савельева Н. В.* История и литературное наследие ревнителей благочестия: Новый взгляд // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* М., 2021. № 3.
21. *Савельева Н. В.* Трактаг Гавриила Севира, митрополита Филадельфийского, «О Святыях семи тайнах церковных» в славянских переводах XVII в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* М., 2022 (в печати).
22. *Сазонова Л. И.* Украинские старопечатные предисловия конца XVI — первой половины XVII в. (особенности литературной формы) // *Русская старопечатная литература (XVI — первая четверть XVIII в.): Тематика и стилистика предисловий и послесловий* / Ред. А. С. Демин. М., 1981.
23. *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002.
24. *Флоря Б. Н.* Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI — первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М., 2019.
25. *Шеламанова Н. Б.* Славяно-русский октоих (ненотный) XII–XIV вв. // *Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР.* М., 1976. Вып. 2. Ч. 2.
26. *Шустова Ю. Э.* Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): Источниковедческое исследование. М., 2009.
27. *Шустова Ю. Э.* Типография Львовского братства как преемник книгоиздательской традиции Ивана Федорова // *Федоровские чтения — 2003* / Ред. Е. Л. Немировский. М., 2003.
28. *Запаско Я., Исаевич Я.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків виданих на Україні. Львів, 1981. Кн. 1.
29. *Lavrov A.* L'héritage littéraire des «zélateurs de piété» moscovites: mythe ou réalité? // *Revue des études slaves.* 2008. Т. 79. Fasc. 1–2.

References

1. *Beliakova E. V.* К проблеме изучения биографии справщиков Московского печатного двора эпохи тserkovnykh reform XVII v.: Shestak Martem'ianov i Zakharii Afanas'ev // *Srednevekovaia lichnost' v pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikakh: Materialy mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 13–14 oktiabria 2016 g.).* М., 2016.
2. *Dianova T. V., Kostiukhina L. M.* Vodiane znaki rukopisei Rossii XVII veka. М., 1980.
3. *Floria B. N.* Rossiia i vostochnoslavianskie zemli Pol'sko-Litovskogo gosudarstva v kontse XVI — pervoi polovine XVII v. Politicheskie i kul'turnye sviazi. М., 2019.
4. *Guseva A. A.* Izdaniia kirillovskogo shrifta vtoroi poloviny XVI veka: Svodnyi katalog: V 2 kn. М., 2003. Кн. 1.
5. *Kazantseva T. G.* Glava 16 «Knigi o vere». K voprosu ob istochnikakh // *Rukopisi XVI–XXI vv.: Issledovaniia i publikatsii.* Novosibirsk, 2013.
6. *Lavrov A.* L'héritage littéraire des «zélateurs de piété» moscovites: mythe ou réalité? // *Revue des études slaves.* 2008. Т. 79. Fasc. 1–2.
7. *Lavrov A. S.* Novye dannye o «revniteliakh blagochestiia». Dokumenty RGADA. 1649–1650 gg. // *Istoricheskii arkhiv.* 2008. № 1.
8. *Lavrov A. S., Morokhin A. V.* Revniteli blagochestiia: ocherki tserkovnoi i literaturnoi deiatel'nosti. SPb., 2021.
9. *Meshcherskii N. A.* Istoriia khristianskoi liturgicheskoi pis'mennosti: Spetsial'nyi kurs lektsii / Podg. E. N. Meshcherskoi. SPb., 2013.
10. *Oparina T. A.* Tsarskaia gramota 1660 g. o nakazanii sviashchennika, ne priniavshego edinoglasnogo peniia // *Rukopisnaia kniga Drevnei Rusi i slavianskikh stran: ot kodikologii k tekstologii.* SPb., 2004.
11. *Panchenko A. M.* Russkaia kul'tura v kanun Petrovskikh reform. L., 1984.
12. *Parfent'ev N. P.* Shestak (Shestoi) Martem'ianov // *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi.* SPb., 2004. Vyp. 3. Ch. 4.

13. *Ponyrko N. V.* Obnovlenie Makarieva Zheltovodskogo monastyria i novye liudi XVII v. — revniteli blagochestiia // TODRL. L., 1990. T. 43.
14. *Preobrazhenskii A. V.* Vopros o edinoglasnom penii v russkoi tserkvi XVII-go veka: Istoricheskie svedeniia i pis'mennye pamiatniki. SPb., 1904 (Pamiatniki drevnei pis'mennosti i iskusstva. Vyp. 155).
15. *Romodanovskaia E. K.* Agafonik // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. SPb., 2004. Vyp. 3. Ch. 1.
16. *Romodanovskaia E. K.* Literaturnoe tvorcestvo patriarkha Nikona i staroobriadcheskie pisateli // Traditsionnaia dukhovnaia i material'naia kul'tura russkikh staroobriadcheskikh poseleonii v stranakh Evropy, Azii i Ameriki. Novosibirsk, 1992.
17. *Rumiantseva V. S.* Narodnoe antitserkovnoe dvizhenie v Rossii v XVII veke. M., 1986.
18. *Savel'eva N. V.* Istorii i literaturnoe nasledie revnitelii blagochestiia: Novyi vzgliad // Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki. M., 2021. № 3.
19. *Savel'eva N. V.* Traktat Gavriila Sevira, mitropolita Filadel'fiiskogo, «O Sviatykh sedmi tainakh tserkovnykh» v slavianskikh perevodakh XVII v. // Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki. M., 2022 (v pechati).
20. *Sazonova L. I.* Ukrainskie staropechatnye predislovia kontsa XVI — pervoi poloviny XVII v. (osobennosti literaturnoi formy) // Russkaia staropechatnaia literatura (XVI — pervaiia chetvert' XVIII v.): Tematika i stilistika predislovii i posleslovii / Red. A. S. Demin. M., 1981.
21. *Shelamanova N. B.* Slaviano-russkii oktoikh (nenotnyi) XII–XIV vv. // Metodicheskie rekomendatsii po opisaniiu slaviano-russkikh rukopisei dlia Svodnogo kataloga rukopisei, khraniashechikhsia v SSSR. M., 1976. Vyp. 2. Ch. 2.
22. *Shustova Iu. E.* Dokumenty L'vovskogo Uspenskogo Stavropigiiskogo bratstva (1586–1788): Istochnikovedcheskoe issledovanie. M., 2009.
23. *Shustova Iu. E.* Tipografii L'vovskogo bratstva kak preemnik knigoizdatel'skoi traditsii Ivana Fedorova // Fedorovskie chteniia — 2003 / Red. E. L. Nemirovskii. M., 2003.
24. *Stefanovich P. S.* Prikhod i prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii v XVI–XVII vekakh. M., 2002.
25. *Voznesenskii A. V.* K istorii slavianskoi pechatnoi Psaltiri. Moskovskaia traditsiia XVI–XVII vekov. Prostaia Psaltir'. M.; SPb., 2010.
26. *Voznesenskii A. V.* Staroobriadcheskie izdaniia XVIII — nachala XIX veka: Vvedenie v izuchenie. SPb., 1996.
27. *Zapasko Ia., Icaevich Ia.* Pam'iatki knizhkovogo mistetstva: Katalog starodrukiv vidanikh na Ukraïni. L'viv, 1981. Kn. 1.
28. *Zernova A. S.* Knigi kirillovskoi pechati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vekakh: Svodnyi katalog / Pod red. N. P. Kiseleva. M., 1958.
29. *Zhivov V. M.* Dva etapa distsiplinarnoi revoliutsii v Rossii XVII i XVIII stoletii // Cahiers du monde russe. 2012. Vol. 53. № 2–3.

Татьяна Григорьевна Иванова

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tat'iana Grigor'evna Ivanova

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

tgivanova@inbox.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ ТОПОСА «БИТВА КАК ПИР» В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ XVIII–XIX ВЕКОВ

TRANSFORMATIONS OF THE *BATTLE AS A FEAST* TOPOS IN THE HISTORICAL SONGS OF THE 18–19TH CENTURIES

На материале разных циклов русских исторических песен XVIII–XIX веков, созданных в солдатской среде, рассматривается универсальный топос «битва как пир», явленный еще в Слове о полку Игореве. Привлекаются песни разных циклов — о русско-шведских, русско-турецких, русско-французских войнах. Топос используется в двух основных ситуациях: в словах русских

солдат, обращенных к неприятелю, 2) в словах персонажа, воспринимающего свое ранение или тяготы военной жизни в кулинарных образах. Выделяются разные версии топоса: с топонимической составляющей (сухари, печенные в Москве и Туле); с образами столового убранства (скатерти, тарелки и пр.); с расшифровкой метафорических образов (столики — полк Преображенский); свертывание топоса до одного слова («угощать» противника). Наблюдения над текстами песен сведены в таблицу, наглядно демонстрирующую, что ядро образной системы топоса составляют образы, связанные с зерновыми культурами (хлеб, пироги, сухари и пр.). Частотность зерновых образов свидетельствует о том, что песни опираются на бытовой, обрядовый и фольклорный опыт русского крестьянства.

Ключевые слова: исторические песни XVIII–XIX веков, топос «битва как пир», кулинарные образы топоса.

Drawing the material from the various cycles of the Russian historical songs composed by the soldiers in the 18–19th centuries, the article considers the universal *battle as a feast* topos that had first emerged in the *Lay of Igor's Regiment*. Songs from various cycles are analyzed, those about the Russian-Swedish, Russian-Turkish, Russian-French wars. The topos is primarily used in two situations: in the words addressed by the Russian soldiers to the enemy and in the words of a character who perceives his injury or hardships of military life through culinary images. Various versions of the topos are identified: with a toponymic component (flatbreads baked in Moscow and Tula); with elements of table decoration (tablecloths, plates, etc.); with decoding of metaphorical images (tables — Preobrazhensky Regiment); folding the topos into one word («treat» the enemy). Observations on the lyrics are summarized in a table, which clearly demonstrates that the core of the figurative system of the topos is comprised of the images associated with grain (bread, pies, flatbreads, etc.). The frequent use of grain images leads to believe that the songs were based on the mundane, ritual and folkloric experiences of the Russian peasantry.

Key words: historical songs of the 18–19th centuries, *battle as a feast* topos, culinary images of topos.

Список литературы

1. Валенцова М. М., Белова О. В. Пиво // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2009. Т. 4.
2. Гура А. В. Пирог // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2009. Т. 4.
3. Исторические песни / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. С. Н. Азбелева. М., 2001.
4. Исторические песни XVIII века / Изд. подг. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971.
5. Исторические песни XIX века / Изд. подг. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973.
6. Русская изба: Иллюстрированная энциклопедия / Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Е. Л. Мадлевская, Н. Н. Соснина, О. М. Фишман, И. И. Шангина. СПб., 1999.
7. Слово о полку Игореве / Вступ. статья, подг. древнерусского текста Д. Лихачева; сост. и комм. Л. Дмитриева; художник В. А. Фаворский. М., 1983 (сер. «Классики и современники. Поэтическая библиотека»).
8. Толстая С. М. Хлеб // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2012. Т. 5.
9. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 1995. Т. 1.

References

1. Entsiklopediia «Slova o polku Iгореve» / Отв. ред. О. В. Tvorogov. SPb., 1995. T. 1.
2. Gura A. V. Pirog // Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheski slovar' / Pod obshch. red. N. I. Tolstogo. M., 2009. T. 4.
3. Istoricheskie pesni / Sost., vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. S. N. Azbeleva. M., 2001.
4. Istoricheskie pesni XVIII veka / Izd. podg. O. B. Alekseeva i L. I. Emel'ianov. L., 1971.
5. Istoricheskie pesni XIX veka / Izd. podg. L. V. Domanovskii, O. B. Alekseeva, E. S. Litvin. L., 1973.
6. Russkaia izba: Illiustrirovannaia entsiklopediia / D. A. Baranov, O. G. Baranova, E. L. Madlevskaia, N. N. Sosnina, O. M. Fishman, I. I. Shangina. SPb., 1999.
7. Slovo o polku Iгореve / Vstup. stat'ia, podg. drevnerusskogo teksta D. Likhacheva; sost. i komm. L. Dmitrieva; khudozhnik V. A. Favorskii. M., 1983 (ser. «Klassiki i sovremenniki. Poeticheskai biblioteka»).
8. Tolstaia S. M. Hleb // Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheski slovar' / Pod obshch. red. N. I. Tolstogo. M., 2012. T. 5.
9. Valentsova M. M., Belova O. V. Pivo // Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheski slovar' / Pod obshch. red. N. I. Tolstogo. M., 2009. T. 4.

Михаил Сергеевич Белоусов

доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Mikhail Sergeevich Belousov

Associate Professor, St. Petersburg State University

m.belousov@spbu.ru

Александр Сергеевич Белоусов

заведующий редакционно-издательским отделом
Государственного музея-заповедника «Петергоф»;
младший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета

Alexander Sergeevich Belousov

Head of Publishing Department, Peterhof State Museum Reserve;
Junior Researcher, St. Petersburg State University

belousov1504@gmail.com

**ОДА А. С. ПУШКИНА «КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ»
В КОНТЕКСТЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ**

**ALEXANDER PUSHKIN'S ODE «TO THE SLANDERERS OF RUSSIA»
IN THE CONTEXT OF THE FRENCH MASS MEDIA**

Статья посвящена интерпретации оды А. С. Пушкина «Клеветникам России» в контексте анализа средств массовой информации Франции. В рамках исследования производится сопоставительный анализ отдельных статей французских газет со стихотворением. Устанавливается круг источников, которые привлекал поэт для написания литературного сочинения, что позволяет утверждать о его многоаспектности и разнонаправленности.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, французская пресса, Польша, Польское восстание, «Клеветникам России».

The article offers an interpretation of Alexander Pushkin's ode «To the Slanderers of Russia» in the context of the analysis of French mass media. As a part of the research work, the comparative analysis of the various articles in the French newspapers and of the poem was performed. The sources used by the poet in writing the work are established, they seem to prove its multidimensional and multidirectional character.

Key words: A. S. Pushkin, French press, Poland, Polish Uprising, «To the Slanderers of Russia».

Список литературы

1. Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Сочинения Пушкина. СПб., 1855. Т. 1.
2. Беляев М. Д. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832. Л., 1927 (Труды Пушкинского Дома; вып. 48).
3. Виролайнен М. Н. Русский романтизм в проекции на европейскую романтическую литературу // Мир русского слова. 2015. № 4.
4. Ивинский Д. П. Князь П. А. Вяземский и А. С. Пушкин. М., 1994.
5. Карпович М. М. Лекции по интеллектуальной истории (XVIII — начало XX века). М., 2012.
6. Ларионова Е. О. Курс лекций Адама Мицкевича в Collège de France: «Русская идея» в зеркале польского мессианизма // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010.
7. Лотман Ю. М. Из размышлений над творческой эволюцией Пушкина (1830 год) // Лотман Ю. М. Избр. произведения. Таллин, 1992. Т. 2.
8. Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960–1990. Евгений Онегин: Комментарий. СПб., 1995.

9. *Маринин М. О.* Польская революция 1830–1831 гг. и внешняя политика Великобритании и Франции (историко-культурологический аспект) // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 4.
10. *Муравьева О. С.* «Вражды бессмысленной позор...» (Ода «Клеветникам России» в оценках современников) // Новый мир. 1994. № 6.
11. *Муравьева О. С.* Клеветникам России («О чем шумите вы, народные витии?..») // Пушкинская энциклопедия. СПб., 2012. Вып. 2. Е–К.
12. *Новоселов В. Р.* Поверженные боги войны: Трофейные артиллерийские орудия Отечественной войны 1812 года. К 200-летию юбилею победы России в Отечественной войне 1812 года. М., 2012.
13. *Орехов В. В.* «Клеветникам России»: авторская позиция и литературная репутация // Учен. зап. Кривого федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3.
14. *Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб., 2017.
15. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977. Т. 3.
16. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 11, 14.
17. *Пушкин А. С.* Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и прим. Б. С. Мейлаха. Л., 1954. Т. 1.
18. *Пыпин А. Н.* Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 1.
19. Словарь языка Пушкина: В 4 т. 2-е изд., доп. М., 2000. Т. 4.
20. *Томашевский Б. В.* Французские дела 1830–1831 гг. по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832. Л., 1927 (Труды Пушкинского Дома; вып. 48).
21. *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2.
22. *Трубецкой С. П.* Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011.
23. *Фомичев С. А.* Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. Л., 1986.
24. *Францев В. А.* Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. Опыт исторического комментария к стихотворениям: «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» // Пушкинский сборник. Прага, 1929.
25. *Фризман Л.* Пушкин и польское восстание 1830–1831 годов // Вопросы литературы. 1992. № 3.
26. *Belousov M. S., Belousov A. S.* The Beginning of Congress Poland in the Discourse of the French Press // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2019. Vol. 64. Iss. 4.
27. *Dvornichenko A. Y., Kudrayvtseva R.-E. A.* The First Russian Lithuanists: the Karamzin's Case // Bylye Gody. 2020. Vol. 57. Iss. 3.
28. *Lewalski K. F.* The French medical mission to Poland during the insurrection of 1830–31 // The Polish Review. 1965. Vol. 10. № 2.

References

1. *Annenkov P. V.* Materialy dlia biografii Aleksandra Sergeevicha Pushkina // Sochineniia Pushkina. SPb., 1855. Т. 1.
2. *Beliaev M. D.* Pol'skoe vosstanie po pis'mam Pushkina k E. M. Khitrovo // Pis'ma Pushkina k Elizavete Mikhailovne Khitrovo. 1827–1832. L., 1927 (Trudy Pushkinskogo Doma; vyp. 48).
3. *Belousov M. S., Belousov A. S.* The Beginning of Congress Poland in the Discourse of the French Press // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2019. Vol. 64. Iss. 4.
4. *Dvornichenko A. Y., Kudrayvtseva R.-E. A.* The First Russian Lithuanists: the Karamzin's Case // Bylye Gody. 2020. Vol. 57. Iss. 3.
5. *Fomichev S. A.* Poeziia Pushkina. Tvorcheskaia evoliutsiia. L., 1986.
6. *Frantsev V. A.* Pushkin i pol'skoe vosstanie 1830–1831 gg. Opyt istoricheskogo kommentariia k stikhotvoreniiam: «Klevetnikam Rossii» i «Borodinskaia godovshchina» // Pushkinskii sbornik. Praga, 1929.
7. *Frizman L.* Pushkin i pol'skoe vosstanie 1830–1831 godov // Voprosy literatury. 1992. № 3.
8. *Ivinskii D. P.* Kniaz' P. A. Viazemskii i A. S. Pushkin. M., 1994.
9. *Karpovich M. M.* Lektzii po intellektual'noi istorii (XVIII — nachalo XX veka). M., 2012.
10. *Larionova E. O.* Kurs lektsii Adama Mitskevicha v Collège de France: «Russkaia ideia» v zerkale pol'skogo messianizma // K istorii idei na Zapade: «Russkaia ideia». SPb., 2010.
11. *Lewalski K. F.* The French medical mission to Poland during the insurrection of 1830–31 // The Polish Review. 1965. Vol. 10. № 2.
12. *Lotman Iu. M.* Iz razmyshlenii nad tvorcheskoi evoliutsiei Pushkina (1830 god) // Lotman Iu. M. Izbr. proizvedeniia. Tallin, 1992. Т. 2.
13. *Lotman Iu. M.* Pushkin: Biografiia pisatel'ia. Stat'i i zametki, 1960–1990. Evgenii Onegin: Kommentarii. SPb., 1995.
14. *Marinin M. O.* Pol'skaia revoliutsiia 1830–1831 gg. i vneshniaia politika Velikobritanii i Frantsii (istoriko-kul'turologicheskii aspekt) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. 2012. № 4.

15. Murav'eva O. S. «Vrazhdy bessmyslennoi pozor...» (Oda «Klevetnikam Rossii» v otsenkakh sovremennikov) // Novyi mir. 1994. № 6.

16. Murav'eva O. S. Klevetnikam Rossii («O chem shumite vy, narodnye vitii?..») // Pushkinskaia entsiklopediia. SPb., 2012. Vyp. 2. E–K.

17. Novoselov V. R. Poverzhennye bogi voiny: Trofeinye artilleriiskie orudiia Otechestvennoi voiny 1812 goda. K 200-letnemu iubileiu pobedy Rossii v Otechestvennoi voine 1812 goda. M., 2012.

18. Orekhov V. V. «Klevetnikam Rossii»: avtorskaia pozitsiia i literaturnaia reputatsiia // Uchen. zap. Krymskogo federal'nogo un-ta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2019. T. 5 (71). № 3.

19. Potapova N. D. Tribuny syrykh kazematov. Politika i diskursivnye strategii v dele dekabristov. SPb., 2017.

20. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 10 t. 4-e izd. L., 1977. T. 3.

21. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 16 t. M.; L., 1937–1959. T. 11, 14.

22. Pushkin A. S. Stikhotvoreniia / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. B. S. Meilakha. L., 1954. T. 1.

23. Pypin A. N. Pol'skii vopros v russkoi literature // Vestnik Evropy. 1880. № 1.

24. Slovar' iazyka Pushkina: V 4 t. 2-e izd., dop. M., 2000. T. 4.

25. Tomashevskii B. V. Frantsuzskie dela 1830–1831 gg. po pis'mam Pushkina k E. M. Khitrovo // Pis'ma Pushkina k Elizavete Mikhailovne Khitrovo. 1827–1832. L., 1927 (Trudy Pushkinskogo Doma; vyp. 48).

26. Tomashevskii B. V. Pushkin. M.; L., 1961. Kn. 2.

27. Trubetskoi S. P. Zapiski. Pis'ma I. N. Tolstomu 1818–1823 gg. SPb., 2011.

28. Virolainen M. N. Russkii romantizm v proektsii na evropeiskuiu romanticheskuiu literaturu // Mir russkogo slova. 2015. № 4.

Михаил Владимирович Безродный

преподаватель Института славистики Гейдельбергского университета

Mikhail Vladimirovich Bezrodny

Lecturer at the Institute of Slavic Studies at Heidelberg University

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ПИКОВОЙ ДАМЕ»: 11–16

COMMENTS TO THE *QUEEN OF SPADES*: 11–16

Анализ значения карточных терминов *пароли* и *пароли-пе* позволяет прояснить, почему обладание тайной трех верных карт дало возможность отыгаться Чаплицкому, но стало роковым для Германна. Помимо этого, в сообщении комментируются эпитафия к третьей главе пушкинской повести и литературные источники сцены посещения героя покойной графиней, а также уточняются, пистолетом какой марки Германн ей ранее угрожал и что такое гербовые ленты.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Пиковая дама», соник, пароли, пароли-пе, эпитафия к третьей главе, письма в четыре страницы, карманный пистолет, гербовая лента (= аксельбант).

The analysis of the playing card terms *paroles* and *paroles-pe* clarifies why the secret of the three sure cards made Chaplitsky win back his loss, but proved fatal to Hermann. Besides, the report comments on the epigraph to the third chapter of Pushkin's novella, as well as on the literary sources of the late Countess's visit to the protagonist; it is specified which particular pistol Hermann used to threaten her, and what *gerboviie lenty* are.

Key words: A. S. Pushkin, *Queen of Spades*, *sonic*, *paroles*, *paroles-pe*, epigraph to the third chapter, four-page letters, pocket gun, *Achselband*.

Список литературы

1. <Ашукин Н. С.> Карточная игра // Путеводитель по Пушкину. М.; Л., 1931.
2. Безродный М. В. Из комментария к «Пиковой даме»: <1–4> // Unacknowledged Legislators: Studies in Russian History and Poetics in Honor of Michael Wachtel. Berlin u. a., 2020.
3. Безродный М. В. Из комментария к «Пиковой даме»: 5–6 // Slavica Revalensia. 2020. Vol. 7.
4. Безродный М. В. Из комментария к «Пиковой даме»: 7–10 // Пространство безграничной словесности: Сборник статей к 70-летию В. Е. Багно. СПб., 2021.

5. Большой академический словарь русского языка. М.; СПб., 2011. Т. 15.
6. Вахитов С. Карточная терминология и жаргон XIX века: Словарь. Уфа, 2006.
7. Вашингтон-Ирвинг. Приключения моего дяди // Атеней. 1829. Ч. 4.
8. Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Вып. 2.
9. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941.
10. Воспоминания об А. С. Пушкине Л. Павлицева. М., 1890.
11. Воспоминания Осипа Антоновича Пржецлавского // Русская старина. 1883. Т. 39.
12. Все сочинения Василия Александровича Вонлярлярского. СПб., 1853. Ч. 1.
13. Высочайше утвержденный церемониал погребения Московского военного генерал-губернатора, генерала от кавалерии светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына // История Московского купеческого общества, 1863–1913. М., 1916. Т. 2. Вып. 1.
14. Дебрецени П. Блудная дочь: Анализ художественной прозы Пушкина. СПб., 1995.
15. Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время путешествия его из Кронштада в Константинополь. СПб., 1834.
16. Изъявления прибыточные государству, Федора Салтыкова, 1714 г. // Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897.
17. Катаева И. Н. «Пестрый фараон»: История одной группы карточных терминов // Русская речь. 2005. № 6.
18. Михайлова Н. И. Москва в петербургской повести Пушкина «Пиковая дама» // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2011. Т. 70. № 1.
19. Мое знакомство с А. С. Пушкиным: (Из воспоминаний Александры Михайловны Каратыгиной) // Русская старина. 1880. Т. 28. Вып. 7.
20. <Морозов П. О.> Примечания // Пушкин А. С. Сочинения и письма. СПб., 1904. Т. 5.
21. Муравьева О. С. Комментарии <к «Пиковой даме»> // Проспер Мериме = Pr. Mérimée — Alexandre Pouchkine = А. С. Пушкин: <Сб.>. М., 1987.
22. Муравьева О. С. Карты // Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. СПб., 2003. Т. 1.
23. Отрывок из «Рассказов одного путешественника». Соч. В. Ирвинга // Сын отечества. 1825. Ч. 102. № 14.
24. Приключение моего дяди. Из «Повестей одного путешественника». Соч. Дж. Крейона (Вашингтон-Ирвинга) // Дамский журнал. 1825. Ч. 10. № 8.
25. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937–1948. Т. 3. Кн. 1; Т. 6; Т. 8. Кн. 1; Т. 13; Т. 15.
26. Рак В. Д. Словарь устарелых и редко употребляемых слов // Пушкин А. С. Собр. соч. СПб., 1994. Т. 4.
27. Синельников Ф. М. Жизнь, военные и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского с достоверным описанием частной или домашней его жизни от самого рождения до славной его кончины и погребения... СПб., 1814. Ч. 6.
28. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1959. Т. 9.
29. Словарь языка Пушкина. М., 2000. Т. 3.
30. Сундуюева Е. В. Отражение лексики карточной игры в переводах повести «Пиковая дама» А. С. Пушкина на монгольские языки // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 2 (31).
31. Файбисович В. М. Изображения пистолетов в пушкинских рукописях // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016.
32. «Хризомания, или Страсть к деньгам» А. А. Шаховского / <Предисловие,> публ. <и прим.> Л. Н. Киселевой // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1999.
33. Чхаидзе Л. В. О реальном значении мотива трех карт в «Пиковой даме» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3.
34. Чхаидзе Л. В. Пометки Пушкина на письме к нему А. П. Плещеева: (Еще о реальном значении мотива трех карт в «Пиковой даме») // Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973.
35. Шварцбанд С. М. Логика художественного поиска А. С. Пушкина от «Езерского» до «Пиковой дамы». Иерусалим, 1988.
36. Шевцов В. В. Карточная игра в России (конец XVI — начало XX в.): История игры и история общества. Томск, 2005.
37. Chauveau J.-P. Français ponte, ou distinguer pour unir // Estudis Romànics. 2019. Vol. 41.
38. Hoyle's games improved. London, 1800.
39. <Irving W.> Tales of a traveller by G. Crayon. London, 1824. Vol. 1.
40. L'Encyclopédie méthodique, ou par ordre de matières... Paris, 1789. Т. 3.
41. Mémoires de J. Casanova de Seingalt. Paris, 1832. Т. 8.
42. Niqex M. Commentaires // Pouchkine A. La Dame de Pique; Le Nègre de Pierre le Grand. La Bibliothèque russe et slave, 2016. Электронное изд. Comment. 93.
43. Œuvres complètes de Voltaire. Paris, 1821. Т. 46, 50, 52.
44. Œuvres complètes de W. Irving. Paris, 1825. Vol. 1.
45. <Shelley M.> On ghosts // The London magazine. March 1824.

References

1. <Ashukin N. S.> Kartochnaya igra // Putevoditel' po Pushkinu. M.; L., 1931.
2. Bezrodny M. V. Iz kommentariia k «Pikovoi dame»: <1–4> // Unacknowledged Legislators: Studies in Russian History and Poetics in Honor of Michael Wachtel. Berlin u. a., 2020.
3. Bezrodny M. V. Iz kommentariia k «Pikovoi dame»: 5–6 // Slavica Revalensia. Vol. 7.
4. Bezrodny M. V. Iz kommentariia k «Pikovoi dame»: 7–10 // Prostranstvo bezgranichnoi slovesnosti: Sbornik statei k 70-letiiu V. E. Bagno. SPb., 2021.
5. Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo iazyka. M.; SPb., 2011. T. 15.
6. Chauveau J.-P. Français *ponte*, ou distinguer pour unir // Estudis Romànics. 2019. Vol. 41.
7. Chkhaidze L. V. O real'nom znachenii motiva trekh kart v «Pikovoi dame» // Pushkin: Issledovaniia i materialy. M.; L., 1960. T. 3.
8. Chkhaidze L. V. Pometki Pushkina na pis'me k nemu A. P. Pleshcheeva: (Eshche o real'nom znachenii motiva trekh kart v «Pikovoi dame») // Vremennik Pushkinskoi komissii. 1971. L., 1973.
9. Debreceni P. Bludnaia doch': Analiz hudozhestvennoi prozy Pushkina. SPb., 1995.
10. Faibisovich V. M. Izobrazheniia pistoletov v pushkinskikh rukopisiah // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2015 god. SPb., 2016.
11. Hoyle's games improved. London, 1800.
12. <Irving W.> Tales of a traveller by G. Crayon. London, 1824. Vol. 1.
13. Iz'iaveniia pribytochnye gosudarstvu, Fedora Saltykova, 1714 g. // Pavlov-Sil'vanskii N. Proekty reform v zapiskah sovremennikov Petra Velikogo. SPb., 1897.
14. Kataeva I. N. «Pestryi faraon»: Istoriia odnoi gruppy kartochnykh terminov // Russkaya rech'. 2005. № 6.
15. «Khrizomaniia, ili Strast' k den'gam» A. A. Shahovskogo / <Predislovie,> publ. <i prim.> L. N. Kiselevoi // Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie. Tartu, 1999.
16. L'Encyclopédie méthodique, ou par ordre de matières... Paris, 1789. T. 3.
17. Mémoires de J. Casanova de Seingalt. Paris, 1832. T. 8.
18. Mihailova N. I. Moskva v peterburgskoi povesti Pushkina «Pikovaia dama» // Izv. RAN. Ser. lit. i iaz. 2011. T. 70. № 1.
19. Moe znakomstvo s A. S. Pushkinym: (Iz vospominanii Aleksandry Mihailovny Karatyginoi) // Russkaia starina. 1880. T. 28. Vyp. 7.
20. <Morozov P. O.> Primechaniia // Pushkin A. S. Sochineniia i pis'ma. SPb., 1904. T. 5.
21. Murav'eva O. S. Karty // Byt pushkinskogo Peterburga: Opyt entsiklopedicheskogo slovaria. SPb., 2003. T. 1.
22. Murav'eva O. S. Kommentarii <k «Pikovoi dame»> // Prosper Merime = Pr. Mérimée — Alexandre Pouchkine = A. S. Pushkin: <Sb.>. M., 1987.
23. Niquex M. Commentaires // Pouchkine A. La Dame de Pique; Le Nègre de Pierre le Grand. La Bibliothèque russe et slave, 2016. Электронное изд. Comment. 93.
24. Œuvres complètes de Voltaire. Paris, 1821. T. 46, 50, 52.
25. Œuvres complètes de W. Irving. Paris, 1825. Vol. 1.
26. Otryvok iz «Rasskazov odnogo puteshestvennika». Soch. V. Irvinga // Syn otechestva. 1825. Ch. 102. № 14.
27. Prikluchenie moego diadi. Iz «Povestei odnogo puteshestvennika». Soch. Dzh. Kreiona (Vashington-Iringa) // Damskii zhurnal. 1825. Ch. 10. № 8.
28. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1937–1948. T. 3. Kn. 1; T. 6; T. 8. Kn. 1; T. 13; T. 15.
29. Rak V. D. Slovar' ustarelyh i redko upotrebliaemykh slov // Pushkin A. S. Sobr. soch. SPb., 1994. T. 4.
30. <Shelley M.> On ghosts // The London magazine, March 1824.
31. Shevcov V. V. Kartochnaia igra v Rossii (konets XVI — nachalo XX v.): Istoriia igry i istoriia obshchestva. Tomsk, 2005.
32. Shvartsband S. M. Logika khudozhestvennogo poiska A. S. Pushkina ot «Ezerskogo» do «Pikovoi damy». Ierusalim, 1988.
33. Sinel'nikov F. M. Zhizn', voennye i politicheskie deyaniia ego svetlosti general-fel'dmarschala kniazya Mihaila Larionovicha Golenishcheva-Kutuzova-Smolenskogo s dostovernym opisaniem chastnoi ili domashnei ego zhizni ot samogo rozhdeniia do slavnoi ego konchiny i pogrebeniia... SPb., 1814. Ch. 6.
34. Slovar' iazyka Pushkina. M., 2000. T. 3.
35. Slovar' sovremennoego russkogo literaturnogo iazyka. M.; L., 1959. T. 9.
36. Sundueva E. V. Otrazhenie leksiki kartochnoi igry v perevodah povesti «Pikovaia dama» A. S. Pushkina na mongol'skie iazyki // Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. 2020. № 2 (31).
37. Vahitov S. Kartochnaia terminologiiia i zhargon XIX veka: Slovar'. Ufa, 2006.
38. Vashington-Irving. Priklucheniia moego diadi // Atenej. 1829. Ch. 4.
39. Vinogradov V. V. Stil' «Pikovoi damy» // Vremennik Pushkinskoi komissii. M.; L., 1936. Vyp. 2.
40. Vinogradov V. V. Stil' Pushkina. M., 1941.
41. Vospominaniia ob A. S. Pushkine L. Pavlishcheva. M., 1890.
42. Vospominaniia Osipa Antonovicha Przhelavskogo // Russkaia starina. 1883. T. 39.
43. Vse sochineniia Vasiliiia Aleksandrovicha Vonliarliarskogo. SPb., 1853. Ch. 1.

44. Vysochaishe utverzhdennyi ceremonial pogrebeniia Moskovskogo voennogo general-gubernatora, generala ot kavalerii svetleishego kniazia Dmitriia Vladimirovicha Golitsyna // Istoriiia Moskovskogo kupecheskogo obshchestva, 1863–1913. M., 1916. T. 2. Vyp. 1.

45. Zapiski admirala A. S. Shishkova, vedennye im vo vremia puteplavaniia ego iz Kronshtada v Konstantinopol'. SPb., 1834.

Сергей Акимович Кибальник

ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Sergei Akimovich Kibal'nik

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences; Professor, St. Petersburg State University

kibalnik007@mail.ru

КРИПТОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА РАССКАЗА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ВЕЧНЫЙ МУЖ» (ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ И БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ)

CRYPTOGRAPHIC POETICS OF F. M. DOSTOEVSKY'S SHORT STORY THE ETERNAL HUSBAND (ROUGH SKETCHES AND BIOGRAPHICAL SUBTEXT)

В статье развивается гипотеза о том, что рассказ Ф. М. Достоевского «Вечный муж» представляет собой реинтерпретацию романа А. И. Герцена «Кто виноват?» (1847). Сохранившаяся в черновиках помета, относящаяся, по-видимому, к будущему характеру Трусоцкого, становится ключом к разгадке биографического подтекста произведения. Помимо собственных переживаний Достоевского в ходе его романов с М. Д. Исаевой и А. П. Суловой, оно, судя по всему, опирается также на впечатления от семейной драмы Герцена и Огарева.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Вечный муж», А. И. Герцен, биографический подтекст.

The article suggests that F. M. Dostoevsky's short story *The Eternal Husband* is a reinterpretation of A. I. Herzen's novel *Who Is to Blame?* (1847). A note preserved in the drafts, that seems to refer to the future character of Trusotsky, serves as a key to unraveling the biographical subtext of the work. It seems that, apart from Dostoevsky's own romantic experiences with M. D. Isaeva and A. P. Suslova, the story was based on his attitudes to the family drama of Herzen and Ogarev.

Key words: F. M. Dostoevsky, *The Eternal Husband*, A. I. Herzen, biographical subtext.

Список литературы

1. А. И. Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956.
2. Алексин В. Об одном из прототипов Фомы Опискина // Достоевский и мировая культура. М., 1998. № 10.
3. Баршт К. А. Достоевский: этимология повествования. СПб., 2019.
4. Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 4, 22, 29. Кн. 1.
5. Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 2015.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 16, 23, 24, 28. Кн. 2.
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 35 т. Л., 1974. Т. 9.
8. Дрыжакова Е. Н. Герцен на Западе. СПб., 1999.
9. Дрыжакова Е. Н. По живым следам Достоевского. СПб., 2008.
10. Кибальник С. А. «Село Степанчиково и его обитатели» как криптопародия // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19.
11. Кибальник С. А. Из рассказов «новых людей» о «новых людях» (Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» как закамouflированный памфлет против А. И. Герцена) // Текст и традиция. СПб., 2021. № 9.
12. Кибальник С. А. Криптографические образы И. С. Тургенева в творчестве Ф. М. Достоевского 1860-х годов // Филологические науки. 2019. № 3.
13. Кибальник С. А. Морфология романа Достоевского и современные проблемы теории интертекстуальности // Кибальник С. А. Чехов и русские классики: проблемы интертекста. СПб., 2015.
14. Кибальник С. А. Нечаевцы или петрашевцы? (О прототипах главных героев романа Достоевского «Бесы») // Неизвестный Достоевский. 2020. № 2.

15. *Кибальник С. А.* Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб., 2013.
16. *Козьмин Б. П.* Герцен, Огарев и «молодая эмиграция» // Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России: Избр. труды. М., 1961.
17. *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т.* СПб., 1999. Т. 2. 1865–1874.
18. *Лит. наследство. 1956.* Т. 63. Герцен и Огарев. Кн. 3.
19. *Лит. наследство. 1997.* Т. 99. Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. Кн. 1.
20. *Н. П. Огарев в воспоминаниях современников.* М., 1989.
21. *Назирова Р. Г.* Пародии Чехова и французская литература // Назирова Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сб. статей. Уфа, 2005.
22. *Расшифрованный дневник А. Г. Достоевской* // *Лит. наследство. 1973.* Т. 86. Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования.
23. *Серман И. З.* «Провинциалка» Тургенева и «Вечный муж» Достоевского // Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем. М.; Л., 1966.
24. *Серман И. З.* Достоевский и Ап. Григорьев // Достоевский и его время. Л., 1971.
25. *Созина Е. К.* Сознание и письмо в русской литературе. Екатеринбург, 2001.
26. *Тарасова Н. А.* Текстологический анализ и новые факты истории текста (на материале рукописей Ф. М. Достоевского) // Достоевский и мировая культура. 2020. № 2.
27. *Grenier S.* Dostoevsky's Polemic with Herzen in *The Eternal Husband* // XV Симпозиум Международного общества Ф. М. Достоевского «Достоевский и журнализм»: Тезисы докладов = XV International Dostoevsky Symposium «Dostoevsky and Journalism»: Abstracts. М., 2013.

References

1. *A. I. Gertsen v vospominaniakh sovremennikov.* М., 1956.
2. *Alekin V.* Ob odnom iz prototipov Fomy Opiskina // Dostoevskii i mirovaia kul'tura. М., 1998. № 10.
3. *Barsht K. A.* Dostoevskii: etimologiya povestvovaniia. SPb., 2019.
4. *Dostoevskaiia A. G.* Vospominaniia. М., 2015.
5. *Dostoevskii F. M.* Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1976. Т. 16, 23, 24, 28. Кн. 2.
6. *Dostoevskii F. M.* Poln. sobr. soch.: V 35 t. L., 1974. Т. 9.
7. *Dryzhakova E. N.* Gertsen na Zapade. SPb., 1999.
8. *Dryzhakova E. N.* Po zhivym sledam Dostoevskogo. SPb., 2008.
9. *Gertsen A. I.* Sobr. soch.: V 30 t. М., 1957. Т. 4, 22, 29. Кн. 1.
10. *Grenier S.* Dostoevsky's Polemic with Herzen in *The Eternal Husband* // XV Simpozium Mezhduнародного obshchestva F. M. Dostoevskogo «Dostoevskii i zhurnalizm»: Tezisy dokladov = XV International Dostoevsky Symposium «Dostoevsky and Journalism»: Abstracts. М., 2013.
11. *Kibal'nik S. A.* «Selo Stepanchikovo i ego obitateli» kak kriptoparodiia // Dostoevskii: Materialy i issledovaniia. SPb., 2010. Т. 19.
12. *Kibal'nik S. A.* Iz rasskazov «novykh liudei» o «novykh liudiakh» (Roman N. G. Chernyshevskogo «Chto delat'») kak zakamuflirovannyi pamflet protiv A. I. Gertsena // Tekst i traditsiia. SPb., 2021. № 9.
13. *Kibal'nik S. A.* Kriptograficheskie obrazy I. S. Turgeneva v tvorchestve F. M. Dostoevskogo 1860-kh godov // Filologicheskie nauki. 2019. № 3.
14. *Kibal'nik S. A.* Morfologiya romana Dostoevskogo i sovremennye problemy teorii intertekstual'nosti // Kibal'nik S. A. Chekhov i russkie klassiki: problemy interteksta. SPb., 2015.
15. *Kibal'nik S. A.* Nechaevtsy ili petrashevtsy? (O prototipakh glavnykh geroev romana Dostoevskogo «Besy») // Neizvestnyi Dostoevskii. 2020. № 2.
16. *Kibal'nik S. A.* Problemy intertekstual'noi poetiki Dostoevskogo. SPb., 2013.
17. *Koz'min B. P.* Gertsen, Ogarev i «molodaia emigratsiia» // Koz'min B. P. Iz istorii revoliutsionnoi mysli v Rossii: Izbr. trudy. М., 1961.
18. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: V 3 t.* SPb., 1999. Т. 2. 1865–1874.
19. *Lit. nasledstvo. 1956.* Т. 63. Gertsen i Ogarev. Кн. 3.
20. *Lit. nasledstvo. 1997.* Т. 99. Gertsen i Ogarev v krugu rodnykh i druzei. Кн. 1.
21. *N. P. Ogarev v vospominaniakh sovremennikov.* М., 1989.
22. *Nazirov R. G.* Parodii Chekhova i frantsuzskaia literatura // Nazirov R. G. Russkaia klassicheskaia literatura: sravnitel'no-istoricheskii podkhod. Issledovaniia raznykh let: Sb. statei. Ufa, 2005.
23. *Rasshifrovannyi dnevniki A. G. Dostoevskoi* // *Lit. nasledstvo. 1973.* Т. 86. F. M. Dostoevskii: Novye materialy i issledovaniia.
24. *Serman I. Z.* «Provintsiialka» Turgeneva i «Vechnyi muzh» Dostoevskogo // Turgenevskii sbornik. Materialy k Polnomu sobraniu sochinenii i pisem. М.; Л., 1966.
25. *Serman I. Z.* Dostoevskii i Ap. Grigor'ev // Dostoevskii i ego vremena. L., 1971.
26. *Sozina E. K.* Soznanie i pis'mo v russkoi literature. Ekaterinburg, 2001.
27. *Tarasova N. A.* Tekstologicheskii analiz i novye fakty istorii teksta (na materiale rukopisei F. M. Dostoevskogo) // Dostoevskii i mirovaia kul'tura. 2020. № 2.

Татьяна Владимировна Мисникевич

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Vladimirovna Misnikevich

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

tamisquevich@yandex.ru

**«...В БУКВАЛЬНОМ СМЫСЛЕ СЛОВА ПЕРЕСОЗДАТЬ НА ДРУГОМ ЯЗЫКЕ»:
К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МАНЕРЫ ФЕДОРА СОЛОГУБА**

**«...LITERALLY, TO RECREATE IN ANOTHER LANGUAGE»:
CONCERNING THE SPECIFICS OF THE TRANSLATION STYLE
OF FYODOR SOLOGUB**

В статье рассмотрены специфические особенности переводческой манеры крупнейшего поэта-символиста Федора Сологуба (1863–1927), являющегося одним из лучших переводчиков французских модернистов, в первую очередь Поля Верлена, на русский язык. На примере различных версий перевода стихотворения Верлена «Bruxelles. Simples fresques. I» показано, как Сологуб пытается подобрать оптимальный вариант для передачи ритмики, фоники, лексики, образного строя оригинала, добиваясь «точности» в передаче того или иного уровня текста, но не всегда сохраняя его главную смысловую доминанту.

Ключевые слова: русский символизм, французский символизм, межкультурные связи, художественный перевод, Ф. Сологуб, П. Верлен.

The article considers the specific features of the translation style of the greatest symbolist poet Fyodor Sologub (1863–1927), who was one of the best translators of the French Modernists, primarily Paul Verlaine, into Russian. The analysis of various versions of the translation of Verlaine's poem «Bruxelles. Simples Fresques. I» demonstrates how Sologub was searching for the best way to render the rhythm, phonics, vocabulary, figurative structure of the original, achieving «accuracy» in the rendition of a particular level of the text, yet sometimes failing to preserve its main semantic dominant.

Key words: Russian Symbolism, French Symbolism, intercultural relations, literary translation, F. Sologub, P. Verlaine.

Список литературы

1. Багно В. Е. Федор Сологуб — переводчик французских символистов // Багно В. Е. «Дар особенный»: Художественный перевод в истории русской культуры. М., 2016.
2. Багно В. Е., Булатовский И. В., Яснов М. Д. Отчаянная любовь. Поль Верлен и его русские переводчики // Верлен П. Стихотворения: В 2 т. / Изд. подг. Г. К. Косиков, В. Е. Багно, И. В. Булатовский. СПб., 2014. Т. 1 (сер. «Литературные памятники»).
3. Багно В. Е., Мисникевич Т. В. Верлен в подстрочниках и Верлен в переводе: творческая лаборатория Федора Сологуба // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 3.
4. Верлен П. Избранное из его восьми книг, а также юношеских и посмертно изданных стихов, в переводе с предисловием и примечаниями Георгия Шенгели / [Сост. и послесловие В. Перельмутера]. М., 1996.
5. Гаспаров М. Л. «В минуту жизни трудную...» (3-ст. ямб: дифференциация ореола) // Гаспаров М. Л. Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти. М., 2000.
6. Гаспаров М. Л. Подстрочник и мера точности // Гаспаров М. Л. О русской поэзии. Анализ. Интерпретации. Характеристики. М., 2001.
7. Мисникевич Т. В. «Основной» текст и вариант как проблема перевода («L'ombre des arbres dans la rivière embrumée...» в творческом диалоге Федора Сологуба и Поля Верлена) // Русская литература. 2015. № 4.
8. Поль Верлен: канва биографии / Сост. И. В. Булатовский // Верлен П. Стихотворения: В 2 т. / Изд. подг. Г. К. Косиков, В. Е. Багно, И. В. Булатовский. СПб., 2014. Т. 1 (сер. «Литературные памятники»).
9. Стрельникова А. Б. Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. Томск, 2010.

10. *Филичева В. В.* «Соединение наших переводов могло бы быть полезно» (Ф. Сологуб и В. Брюсов в работе над переводами П. Верлена) // *Текстология и историко-литературный процесс*. М., 2016. Вып. 4.

11. *Шаталина Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба (Материалы к описанию) // *Неизданный Федор Сологуб* / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997.

References

1. *Bagno V. E.* Fedor Sologub — perevodchik frantsuzskikh simvolistov // Bagno V. E. «Dar osobennyi»: Khudozhestvennyi perevod v istorii russkoi kul'tury. М., 2016.

2. *Bagno V. E., Bulatovskii I. V., Iasnov M. D.* Otchaiannaia liubov'. Pol' Verlen i ego russkie perevodchiki // Verlen P. Stikhotvoreniia: V 2 t. / Izd. podg. G. K. Kosikov, V. E. Bagno, I. V. Bulatovskii. SPb., 2014. T. 1 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).

3. *Bagno V. E., Misnikevich T. V.* Verlen v podstrochnikakh i Verlen v perevode: tvorcheskaia laboratoriiia Fedora Sologuba // *Studia Litterarum*. 2020. T. 5. № 3.

4. *Filicheva V. V.* «Soedinenie nashikh perevodov moglo by byt' polezno» (F. Sologub i V. Briusov v rabote nad perevodami P. Verlena) // *Tekstologiya i istoriko-literaturnyi protsess*. М., 2016. Вып. 4.

5. *Gasparov M. L.* «V minutu zhizni trudniui...» (3-st. iamb: differentsiatsiia oreola) // Gasparov M. L. *Metri i smysl: Ob odnom iz mekhanizmov kul'turnoi pamiati*. М., 2000.

6. *Gasparov M. L.* Podstrochnik i mera tochnosti // Gasparov M. L. *O russkoi poezii. Analizy. Interpretatsii. Kharakteristiki*. М., 2001.

7. *Misnikevich T. V.* «Osnovnoi» tekst i variant kak problema perevoda («L'ombre des arbes dans la riviere embrumee...» v tvorcheskom dialoge Fedora Sologuba i Polia Verlena) // *Russkaia literatura*. 2015. № 4.

8. Pol' Verlen: kanva biografii / Sost. I. V. Bulatovskii // Verlen P. Stikhotvoreniia: V 2 t. / Izd. podg. G. K. Kosikov, V. E. Bagno, I. V. Bulatovskii. SPb., 2014. T. 1 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).

9. *Shatalina N. N.* Biblioteka F. Sologuba (Materialy k opisaniuu) // *Neizdannyi Fedor Sologub* / Pod red. M. M. Pavlovoi i A. V. Lavrova. М., 1997.

10. *Strel'nikova A. B.* F. Sologub — perevodchik poezii P. Verlena. Tomsk, 2010.

11. *Verlen P.* Izbrannoe iz ego vos'mi knig, a takzhe iunosheskikh i posmertno izdannykh stikhov, v perevode s predislavim i primechaniiami Georgiia Shengeli / [Sost. i posleslovie V. Perel'mutera]. М., 1996.

Геннадий Владимирович Обатнин

адъюнкт-профессор, доцент русской литературы университета Хельсинки

Gennadii Vladimirovich Obatnin

Assistant Professor, University of Helsinki

gennadi.obatnin@helsinki.fi

К БИОГРАФИИ ВЯЧ. ИВАНОВА: ПОЕЗДКА В ПАЛЕСТИНУ

TOWARDS THE BIOGRAPHY OF VYACH. IVANOV: A TRIP TO PALESTINE

В статье рассматривается пасхальная поездка Вяч. Иванова в Палестину в 1900 году как значительный биографический факт, многократно отразившийся в его творчестве. Воспоминание о ней открытым и латентным образом стало источником поэтического вдохновения зимой–весной 1915 года. Кроме анализа этого биографического контекста, в работе исправляются накопившиеся в исследовательской литературе ошибки из-за неверной датировки стихотворения «Дельфины».

Ключевые слова: Вяч. Иванов, биография, строфика, Палестина, А. Н. Толстой.

Vyacheslav Ivanov's Easter trip to Palestine in 1900 is considered in the article as a significant biographical fact, which was repeatedly reflected in his works. In the winter and spring of 1915, open and hidden memories of the trip became a source of inspiration for the poet. In addition to analyzing this biographical context, the article corrects the errors that have emerged in the research literature due to the false dating of the poem «The Dolphins».

Key words: Vyacheslav I. Ivanov, biography, stanza, Palestine, Alexey N. Tolstoy.

Список литературы

1. Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. И. Кейдана. М., 1997.
2. Вяч. Иванов: pro et contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 2016. Т. 2.
3. *Гельфонд М. М.* «Читателя найду в потомстве я...»: Боратынский и поэты XX века. [М.], 2012.
4. *Герцык Е. К.* Лики и образы. М., 2007.
5. *Иванов В.* Ars mystica. Послание (к А. М. Д-скому) / Подг. текста Е. Глуховой, С. Титаренко; комм., приложения С. Титаренко // Символ. 2008. № 53–54.
6. *Иванов В. И.* По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы / Отв. ред. К. А. Кумпан. СПб., 2018. Кн. 1, 2.
7. *Иванов В. И.* Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. I–IV.
8. *Иванов В. И.* Стихотворения и поэмы. Трагедия: [В 2 кн.]. СПб., 1995 (Новая Библиотека поэта. Большая сер.).
9. *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце. М., 1992.
10. *Илюшин А. А.* Русское стихосложение. М., 2004.
11. История и поэзия. Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исследование и комм. Г. М. Бонгард-Левина, Н. В. Котрелева, Е. В. Ляпустиной. М., 2006.
12. *Котрелев Н. В.* Вячеслав Иванов. «Атика и Галилея» (из материалов к комментарию на корпус лирики) // Scripta Gregoriana: Сб. в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина. М., 2003.
13. *Обатнин Г. В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994.
14. *Обатнин Г. В.* История текста как метод его анализа: О стихотворении Вяч. Иванова *Земля* // Историческое и надвременное у Вячеслава Иванова: К 150-летию Вяч. Иванова. *Dialettica tra contingenza storica e valore universale in Vjačeslav Ivanov*. Salerno, 2017 (Europa Orientalis; vol. 35).
15. *Плунгян В. А.* Тонический стих Вячеслава Иванова: К постановке проблемы // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб., 2010. Вып. 1.
16. «Серебряный век» в волшебной стране: заметки и дневники / Публ. Н. В. Котрелева // Русская Сицилия. *La Sicilia dei Russi* / Науч. ред. и сост. М. Талалай. М., 2013.
17. *Толстая Е. Д.* Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М., 2013.
18. *Толстой А. Н.* Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 3.
19. *Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1937.
20. *Чуковский К. И.* Алексей Толстой // Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. М., 2001. Т. 5.
21. *Anokhina Yu. Yu.* «Snovidets Mnemoziny»: dreaming of Mnemosyne: Evgeny Boratynsky's poetry in Vyacheslav Ivanov's aesthetics // *Studies in East European Thought*. 2020. Vol. 72.

References

1. *Anokhina Yu. Yu.* «Snovidets Mnemoziny»: dreaming of Mnemosyne: Evgeny Boratynsky's poetry in Vyacheslav Ivanov's aesthetics // *Studies in East European Thought*. 2020. Vol. 72.
2. *Chukovskii K. I.* Aleksei Tolstoi // *Chukovskii K. I. Sobr. soch.*: V 15 t. M., 2001. T. 5.
3. *Fet A. A.* Poln. sobr. stikhotvorenii. L., 1937.
4. *Gel'fond M. M.* «Chitatelia naidu v potomstve ia...»: Boratynskii i poety XX veka. [M.], 2012.
5. *Gertsyk E. K.* Liki i obrazy. M., 2007.
6. *Iliushin A. A.* Russkoe stikhoslozhenie. M., 2004.
7. *Istoriia i poeziiia. Perepiska I. M. Grevsia i Viach. Ivanova* / Izd. tekstov, issledovanie i komm. G. M. Bongard-Levina, N. V. Kotreleva, E. V. Liapustinoi. M., 2006.
8. *Ivanov V.* Ars mystica. Poslanie (k A. M. D-skomu) / Podg. teksta E. Glukhovoii, S. Titarenko; komm., prilozheniia S. Titarenko // *Simvol*. 2008. № 53–54.
9. *Ivanov V. I.* Po zvezdam. Opyty filosofskie, esteticheskie i kriticheskie. Stat'i i aforizmy / Otv. red. K. A. Kumpan. SPb., 2018. Kn. 1, 2.
10. *Ivanov V. I.* Sobr. soch. Briussel', 1971. T. I–IV.
11. *Ivanov V. I.* Stikhotvoreniiia i poemu. Tragediia: [V 2 kn.]. SPb., 1995 (Novaia Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
12. *Ivanova L.* Vospominaniia: Kniga ob ottse. M., 1992.
13. *Kotrelev N. V.* Viacheslav Ivanov. «Attika i Galileia» (iz materialov k kommentariiu na korpus liriki) // *Scripta Gregoriana: Sb. v chest' semidesiatiletiiia akademika G. M. Bongard-Levina*. M., 2003.
14. *Obatnin G. V.* Istoriia teksta kak metod ego analiza: O stikhotvorenii Viach. Ivanova *Zemlia* // *Istoricheskoe i nadvremennoe u Viacheslava Ivanova: K 150-letiiu Viach. Ivanova. Dialettica tra contingenza storica e valore universale in Vjačeslav Ivanov*. Salerno, 2017 (Europa Orientalis; vol. 35).
15. *Obatnin G. V.* Iz materialov Viacheslava Ivanova v Rukopisnom otdela Pushkinskogo Doma // *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1991 god*. SPb., 1994.

16. *Plungian V. A. Tonicheskie stikh Viacheslava Ivanova: K postanovke problemy // Viacheslav Ivanov: Issledovaniia i materialy. SPb., 2010. Vyp. 1.*

17. «Serebrianyi vek» v volshebnoi strane: zametki i dnevniki / Publ. N. V. Kotreleva // *Russkaia Sitsiliia. La Sicilia dei Russi / Nauch. red. i sost. M. Talalai. M., 2013.*

18. *Tolstaia E. D. Kliuchi schast'ia: Aleksei Tolstoi i literaturnyi Peterburg. M., 2013.*

19. *Tolstoi A. N. Poln. sobr. soch. M., 1949. T. 3.*

20. *Viach. Ivanov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Viacheslava Ivanova v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei: Antologiya. SPb., 2016. T. 2.*

21. *Vzyskuiushchie grada: Khronika chastnoi zhizni russkikh religioznykh filosofov v pis'makh i dnevnikh / Sost., podg. teksta, vstup. stat'ia i komm. V. I. Keidana. M., 1997.*

Евгений Игоревич Мирошниченко

аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Evgeniy Igorevich Miroshnichenko

Postgraduate Student, Institute of History, St. Petersburg State University

miroshnichenkoeu@gmail.com

Дарья Петровна Фоменко

магистрантка филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Daria Petrovna Fomenko

MA Student, Department of Philology, St. Petersburg State University

dpfomenko@mail.ru

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕРБАЛЬНОГО И ВИЗУАЛЬНОГО В ТЕКСТАХ ГРУППЫ «41°»

INTERACTION BETWEEN VERBAL AND VISUAL IN THE TEXTS OF GROUP «41°»

Статья посвящена практике визуализации текста в творчестве группы «41°». Авторы статьи приходят к выводу, что визуальные приемы являются смыслообразующими не только в качестве дополнения к вербальной составляющей текста, но и как основа для самой вербализации. Последняя реализуется двумя способами: типографским (у И. Терентьева и И. Зданевича) и рукописным (у А. Крученых), при этом практика визуализации текста в творчестве группы «41°» тесно соотносится с теоретическими наработками ее участников.

Ключевые слова: группа «41°», А. Крученых, И. Зданевич, И. Терентьев, футуризм, визуальная поэзия.

The article analyses the practices of text visualization in the works by the «41°» group. It is suggested that visual devices play an essential role not only as the complements to the verbal component of a text, but also as the basis for verbalisation per se. In the texts, the combination of these aspects is realised through two strategies: typographic (I. Terentiev and I. Zdanevich), and handwritten (A. Kruchonykh). The practice of text visualization is closely related to the group's theoretical pursuits in the sphere of language.

Key words: «41°» group, A. Kruchonykh, I. Zdanevich, I. Terentiev, Futurism, visual poetry.

Список литературы

1. *Багратион-Мухранели И. Л. В поисках обновления языка театра. «Дра» Ильи Зданевича // Драма и театр. Тверь, 2012.*

2. Герчук Ю. Я. Закавказский футуризм // Литературно-художественный авангард в социокультурном пространстве российской провинции: история и современность. Сборник статей участников международной научной конференции. Саратов, 2008.
3. Герчук Ю. Я. Типографические опыты Ильи Зданевича и наборная графика русских футуристов и конструктивистов // Дада по-русски: Сб. науч. статей / Ред. К. Ичин. Белград, 2013.
4. Гик А. В. Особенности языка драм Ильи Зданевича // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. Т. 19.
5. Карасик М. Типографская *pitërka deïstf* Ильи Зданевича // Ильязд. XX век Ильи Зданевича. Материалы международной конференции. М., 2018.
6. Магаротто Л. «Типографская революция» итальянского футуризма и художественная деятельность В. Каменского и И. Зданевича // Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н. И. Харджиева / Под ред. М. Б. Мейлаха и Д. В. Сарабянова. М., 2000.
7. Магаротто Л. Илья Зданевич: от итальянского футуризма до драматической пенталогии // Дада по-русски: Сб. науч. статей / Ред. К. Ичин. Белград, 2013.
8. Никольская Т. Игорь Терентьев в сборнике «Поэзия неведомых слов» // 70 лет «Поэзии неведомых слов». Материалы конференции. М., 2020.
9. Никольская Т. Фантастический город. М., 2005.
10. Рослый А. Уроки албанского от Зданевича // PROSODIA. 2015. № 2.
11. Сахно И. Стереоскопическая образность графической поэзии Ильи Зданевича // Russian Literature. 2017. Vol. 91.
12. Терентьев И. Маршрут шаризны // Терентьев И. Собр. соч. Болонья, 1988.
13. Фабер В. Искусство во второй степени. К вопросу интертекстуального присутствия Ильи Зданевича и Алексея Крученых в творчестве Игоря Терентьева // Дада по-русски: Сб. науч. статей / Ред. К. Ичин. Белград, 2013.
14. Цвигун Т. В. Пробел «в тексте» / «среди текстов» / «как текст» русского авангардизма // Вестник Российского гос. ун-та им. И. Канта. 2008. № 8.
15. Цвигун Т., Черняков А. Теория поэзии и поэзия теории (о «17 еРУндовых оРУдиях» Игоря Терентьева) // Терентьев И. Два типографических шедевра: Факсимильное издание. Статьи. Комментарии. СПб., 2014.
16. Циглер Р. Группа «41°» // Russian Literature. 1985. Vol. 17. Issue 1.
17. Циглер Р. Поэтика Крученых поры 41° // L'Avanguardia a Tiflis: studi, ricerche, cronache, testimonianze, documenti / Ed. L. Magarotto, M. Marzaduri, G. Pagani Cesa. Venezia, 1982.
18. Шевченко Е. С. Заумный вертеп Ильи Зданевича (о поэтике драматического цикла «Аслабличья») // Вестник Самарского гос. ун-та. 2009. № 5 (71).
19. Janecek G. The Look of Russian Literature. Princeton, New Jersey, 1984.
20. Janecek G. Zaum: The Transrational Poetry of Russian Futurism. San Diego, 1996.
21. Tsipuria B. H₂SO₄. The Futurist Experience in Georgia // International Yearbook of Futurism Studies. 2011. Vol. 1. Part 1.

References

1. Bagration-Mukhraneli I. L. V poiskakh obnovleniia iazyka teatra. «Dra» Il'i Zdanevicha // Drama i teatr. Tver', 2012.
2. Faber V. Iskustvo vo vtoroi stepeni. K voprosu intertekstual'nogo prisutstviia Il'i Zdanevicha i Alekseia Kruchenykh v tvorchestve Igoria Terent'eva // Dada po-russki: Sb. nauch. statei / Red. K. Ichin. Belgrad, 2013.
3. Gerchuk Iu. Ia. Tipograficheskie opyty Il'i Zdanevicha i nabornaia grafika russkikh futuristov i konstruktivistov // Dada po-russki: Sb. nauch. statei / Red. K. Ichin. Belgrad, 2013.
4. Gerchuk Iu. Ia. Zakavkazskii futurizm // Literaturno-khudozhestvennyi avangard v sotsiokul'turnom prostranstve rossiiskoi provintsii: istoriia i sovremennost'. Sbornik statei uchastnikov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Saratov, 2008.
5. Gik A. V. Osobennosti iazyka dram Il'i Zdanevicha // Trudy instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova. 2019. T. 19.
6. Janecek G. The Look of Russian Literature. Princeton, New Jersey, 1984.
7. Janecek G. Zaum: The Transrational Poetry of Russian Futurism. San Diego, 1996.
8. Karasik M. Tipografskaia *pitërka deïstf* Il'i Zdanevicha // Il'iazd. XX vek Il'i Zdanevicha. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. M., 2018.
9. Magarotto L. «Tipografskaia revoliutsiia» ital'ianskogo futurizma i khudozhestvennaia deiatel'nost' V. Kamenskogo i I. Zdanevicha // Poeziia i zhivopis': Sbornik trudov pamiatii N. I. Khardzhieva / Pod red. M. B. Meilakha i D. V. Sarab'ianova. M., 2000.
10. Magarotto L. Il'ia Zdanevich: ot ital'ianskogo futurizma do dramaticheskoi pentalogii // Dada po-russki: Sb. nauch. statei / Red. K. Ichin. Belgrad, 2013.
11. Nikol'skaia T. Fantasticheskii gorod. M., 2005.
12. Nikol'skaia T. Igor' Terent'ev v sbornike «Poeziia nevedomykh slov» // 70 let «Poezii nevedomykh slov». Materialy konferentsii. M., 2020.
13. Roslyi A. Uroki albanskogo ot Zdanevicha // PROSODIA. 2015. № 2.

14. *Sakhno I.* Stereoskopicheskaia obraznost' graficheskoi poezii Il'i Zdanevicha // Russian Literature. 2017. Vol. 91.
15. *Shevchenko E. S.* Zaumnyi vertep Il'i Zdanevicha (o poetike dramaticheskogo tsikla «Aslablich'ia») // Vestnik Samarskogo gos. un-ta. 2009. № 5 (71).
16. *Terent'ev I.* Marshrut sharizny // Terent'ev I. Sobr. soch. Bolon'ia, 1988.
17. *Tsigler R.* Gruppa «41°» // Russian Literature. 1985. Vol. 17. Issue 1.
18. *Tsigler R.* Poetika Kruchenykh pory 41° // L'Avanguardia a Tiflis: studi, ricerche, cronache, testimonianze, documenti / Ed. L. Magarotto, M. Marzaduri, G. Pagani Cesa. Venezia, 1982.
19. *Tsipuria B.* H₂SO₄. The Futurist Experience in Georgia // International Yearbook of Futurism Studies. 2011. Vol. 1. Part 1.
20. *Tsvigun T. V.* Probel «v tekste» / «sredi tekstov» / «kak tekst» russkogo avangardizma // Vestnik Rossiiskogo gos. un-ta im. I. Kanta. 2008. № 8.
21. *Tsvigun T., Cherniakov A.* Teoriia poezii i poeziiia teorii (o «17 eRUndovykh oRUDIakh» Igoria Terent'eva) // Terent'ev I. Dva tipograficheskikh shedeavra: Faksimil'noe izdanie. Stat'i. Kommentarii. SPb., 2014.

Александр Васильевич Лавров

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandr Vasil'evich Lavrov

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

irliran@mail.ru

ДНЕВНИКИ В. А. ЩЕГОЛЕВОЙ В СОБРАНИИ М. С. ЛЕСМАНА

V. A. SHCHEGOLEVA'S DIARIES IN M. S. LESMAN'S COLLECTION

Валентина Андреевна Щеголева — актриса, адресат ряда лирических стихотворений А. Блока, жена видного историка русского освободительного движения и пушкиниста П. Е. Щеголева. Ее дневники извлечены из собрания крупнейшего библиофила М. С. Лесмана. Дневник за 1919 год рисует выразительную картину пореволюционной разрухи в Петрограде; дневник 1923–1929 годов отражает ряд колоритных эпизодов из литературно-художественной жизни того времени, очерчивает портреты писателей группы «Серапионовы братья», а также Е. Замятина, О. Форш, К. Петрова-Водкина, Ю. Шапорина и др.

Ключевые слова: история русской литературы 1920-х годов, литературный быт, текстология.

Valentina A. Shchegoleva was an actress, the addressee of several poems by A. Blok, the wife of P. E. Shchegolev, a renowned historian of the Russian liberation movement and a prominent Pushkin scholar. Her Diaries are a part of the collection of the great Russian bibliophile M. S. Lesman. The Diary of 1919 offers an impressive picture of the post-revolutionary devastation in Petrograd; the Diary covering 1923–1929 reflects a number of episodes concerning the literary and artistic life of the day, and contains lively portraits of the members of «Serapion Brothers» group, as well as of E. Zamyatin, O. Forsh, K. Petrov-Vodkin, Yu. Shaporin, etc.

Key words: history of the Russian literature of the 1920s, daily routine, textual studies.

Список литературы

1. А. С. Пушкин в изобразительном искусстве. Л., 1937.
2. Александр Блок и Евгений Иванов: В 2 кн. СПб., 2017. Кн. 1. А. А. Блок и Е. П. Иванов. Переписка (1904–1920) / Сост., предисловие, подг. текста В. Н. Быстрова; комм. В. Н. Быстрова, при участии О. Л. Фетисенко; Кн. 2. Е. П. Иванов. Воспоминания о Блоке. Статьи / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко.
3. Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог / Под ред. В. Н. Орлова. М., 1979. Вып. 2. Письма к Александру Блоку / Сост. Н. Т. Панченко, К. Н. Суворова, М. В. Чарушникова.
4. Ах романс. Эх романс. Ох романс: Русский романс на рубеже веков / Сост. В. Мордерер, М. Петровский. СПб., 2005.

5. Ахматова А. Поэма без героя / Вступ. статья Р. Д. Тименчика; сост. и прим. Р. Д. Тименчика при участии В. Я. Мордерер. М., 1989.
6. Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. М., 2001. Т. 5.
7. Ахматова А. Соч. Т. 3 / Общ. ред. Г. П. Струве, Н. А. Струве, Б. А. Филиппова. Paris, 1983.
8. Бахрах А. По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж, 1980.
9. Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 2, 3.
10. Блок А. Неизданные стихотворения: 1897–1919 / Ред. и прим. П. Медведева. Л., 1926.
11. Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8.
12. Блок в поэзии его современников / Вступ. статья и публ. Ю. М. Гельперина // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3.
13. Блок и музыка: Хроника. Нотография. Библиография / Сост. Т. Хопрова, М. Дунаевский. Л., 1980.
14. Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009.
15. Бронислав Брониславович Малаховский / Сост. И. В. Щеголева-Альтман. Л., 1978.
16. Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию / Сост., комм., вступ. статья Т. Л. Пантелеевой. СПб., 2012.
17. Верховский Ю. Струны: Собр. соч. / Сост., подг. текста, статья и комм. В. Калмыковой. М., 2008.
18. Воспоминания об А. Н. Толстом: Сб. / Сост. З. А. Никитина, Л. И. Толстая. М., 1973.
19. Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. М., 1991.
20. Галушкин А. «Дело Пильняка и Замятина». Предварительные итоги расследования // Новое о Замятине: Сб. материалов / Под ред. Л. Геллера. М., 1997.
21. Галушкин А. Ю. К «допечатной» истории романа Е. И. Замятина «Мы» (1921–1924) // Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman / Ed. by K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov. Stanford, 1994 (Stanford Slavic Studies; vol. 8).
22. Глазунов А. К. Письма, статьи, воспоминания: Избранное. М., 1958.
23. Глазунов: Исследования. Материалы. Публикации. Письма: В 2 т. Л., 1960. Т. 2.
24. Голлербах Е. А., Мухаркин Д. М. Издательство «Сирин» // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: Сб. научных трудов. СПб., 2004. Вып. 12.
25. Голлербах Э. Встречи и впечатления / Сост., подг. текста и комм. Евг. Голлербаха. СПб., 1998.
26. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2018. Т. 20.
27. Грошева Е. Певец России // Юрий Александрович Шапорин. Литературное наследие: статьи, письма. Статьи о творчестве Ю. А. Шапорина. Воспоминания современников / Сост., ред., вступ. статья и комм. Е. А. Грошевой. М., 1989.
28. Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции: В 3 т. М., 2001. Т. 1. Россия в Германии.
29. Два письма О. А. Глебовой-Судейкиной к Ф. К. Сологубу / Публ. и прим. И. Кравцовой // Новое литературное обозрение. 1994. № 7.
30. Дневник Ал. Блока / Под ред. П. Медведева. Л., 1928. Т. 1, 2.
31. Дневниковая запись К. В. Вяткиной о поездке в Детское Село в сентябре 1928 г. / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. В. Вострикова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019.
32. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978.
33. Емельянов Ю. Н. П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. М., 1990.
34. Замятин Евг. Собр. соч.: В 5 т. М., 2003. [Т. 2]. Русь.
35. Из ахматовских материалов в архиве Гуверовского института / Публ. Л. Флейшмана // Ахматовский сборник. 1 / Сост. С. Дедюлин и Г. Суперфин. Париж, 1989.
36. Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928 г. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003.
37. К истории издания романа «Мы» / Вступ. статья, публ. и комм. Р. М. Янгирова // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации. СПб., 2002.
38. Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995.
39. Казнина О. А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997.
40. Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации / Сост.: М. С. Лесман, Н. Г. Князева, Н. Г. Захаренко, Л. П. Архипова, А. Х. Горфункель, Р. П. Дмитриева, Т. Р. Руди. М., 1989.
41. Кобринский А. А. Мастер Петр: несколько штрихов к биографическим мифам Даниила Хармса // Русская литература. 2020. № 3.
42. Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века. М., 2016–2018. Кн. 1, 2.
43. Кузмин М. Дневник 1905–1907 / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000.
44. Кузмин М. Дневник 1908–1915 / Предисловие, подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005.
45. Кукушкина Т. А. Всероссийский Союз писателей. Ленинградское отделение (1920–1932). Очерк деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006.

46. *Кукучкина Т. А. Е. И. Замятин в Правлении Всероссийского Союза писателей (Ленинградское отделение) // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации. СПб., 2002.*
47. *Куртис Дж. История издания романа «Мы», переводы и публикации // Замятин Евг. Мы: Текст и материалы творческой истории романа / Изд. подг. М. Ю. Любимова, Дж. Куртис. СПб., 2011.*
48. *Лейкина-Свирская В. Р. Из истории Ленинградского музея Революции // Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. Вып. 3.*
49. *Лит. наследство. 1963. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка.*
50. *Лит. наследство. 1981–1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 2, 3.*
51. *Литвин Е. Ю., Гречишкин С. С. Блок и В. А. Щеголева // Лит. наследство. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3.*
52. *Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. М., 2005. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград, 1921–1922 гг. / Отв. ред. А. Ю. Галушкин.*
53. *Личные фонды Рукописного отдела Пушкинского Дома. Аннотированный указатель / Автор вступ. статьи, отв. ред. и отв. сост. Т. С. Царькова. СПб., 1999.*
54. *Лукницкий П. Н. Аsumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. 1924–25 гг. Paris, 1991.*
55. *Лукницкий П. Н. Аsumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. 1926–1927. Париж; М., 1997.*
56. *Лурье Ф. М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990.*
57. *Лурье Ф. Пушкинист поневоле: Дела и дни П. Е. Щеголева. СПб., 2017.*
58. *Медведев П. Драммы и поэмы Ал. Блока: Из истории их создания. Л., 1928.*
59. *Мок-Бикер Э. «Коломба десятих годов...» Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Париж; СПб., 1993.*
60. *Молок А. И. Научные труды и педагогическая деятельность П. П. Щеголева (1903–1936) // История и историки: Историографический ежегодник. 1971. М., 1973.*
61. *Молок Ю. Камея на обложке (К истории одной мистификации) // Опыты (Пб.; Париж). 1994. № 1.*
62. *Н. П. Смирнов-Сокольский как историк книги и библиофил. Опыт библиографии / Сост. О. Г. Ласунский. Воронеж, 1967.*
63. *Найман А. Рассказы об Анне Ахматовой. М., 1989.*
64. *Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997.*
65. *Носова А. Г. Л. В. Шапориная и ее фонд в Рукописном отделе // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003.*
66. *Островская С. К. Дневник / [Вступ. статья Т. С. Поздняковой; послесловие П. Ю. Барсковой; подг. текста и комм. П. Ю. Барсковой и Т. С. Поздняковой]. М., 2018.*
67. *Переписка <А. А. Блока> с Р. В. Ивановым-Разумником / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Лит. наследство. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 2.*
68. *Переписка А. А. Ахматовой и Н. Н. Пунина / Публ. Т. М. Двинятиной // Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005.*
69. *Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. / Сост., подг. текстов писем и комм. А. М. Крюковой. М., 1989. Т. 2.*
70. *Петелин В. В. Жизнь Алексея Толстого: Красный граф. М., 2002.*
71. *Петров-Водкин К. С. Письма. Статьи. Выступления. Документы / Сост., вступ. статья и комм. Е. Н. Селизаровой. М., 1991.*
72. *Пильняк Б. А. Письма: В 2 т. М., 2010. Т. 2. 1923–1937 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек.*
73. *Писатели современной эпохи. Библиографический словарь. М., 1995. Т. 2 / Подг. к изд. Н. А. Богомоловым.*
74. *Письма Александра Блока к родным / С предисловием и прим. М. А. Бекетовой. Л., 1927. <Т. 1>.*
75. *Письмо художника В. П. Белкина к Л. В. Шапориной / Публ. А. Г. Носовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы. СПб., 2011.*
76. *Полонская Е. Г. Города и встречи. М., 2008.*
77. *Пунин Н. Мир светел любовью: Дневники. Письма / Сост., предисловие, прим. и комм. Л. А. Зыкова. М., 2000.*
78. *Ремизов А. М. «Некролог» П. Е. Щеголеву / Вступ. заметка, публ. и прим. Е. Р. Обатиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999.*
79. *Романков Л. Семь с половиной. СПб., 2012.*
80. *Рукописные памятки. СПб., 1997. Вып. 3. Ч. 1. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина / Сост. Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова; предисловие и комм. М. Ю. Любимовой.*
81. *«Серрапионовы братья» в зеркалах переписки. М., 2004.*
82. *Стрельникова А. Б., Филичева В. В. Библиография художественных переводов, выполненных Ф. Сологубом. Неизданные и несобранные поэтические переводы // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016.*

83. *Тамарченко А.* Ольга Форш: Жизнь, личность, творчество. 2-е изд., доп. Л., 1974.
84. Театральные миниатюры Серебряного века. М., 2020.
85. *Тименчик Р.* Из переписки Анны Ахматовой // Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman / Ed. by K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov. Stanford, 1994 (Stanford Slavic Studies; vol. 8).
86. *Толстой А. Н.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 10.
87. *Толстой А. Н.* Собр. соч. М.; Л., 1929. Т. 14.
88. *Тумаркина Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997.
89. *Фарджен А.* Приключения русского художника. <СПб.>, 2003.
90. *Федин К.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1986. Т. 12.
91. *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, 1983.
92. *Форш О.* Собр. соч. М.; Л., 1930. Т. 5.
93. *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008.
94. *Чулкова Н.* Александр Блок (из воспоминаний) // Новый журнал (Нью-Йорк). 2002. Кн. 226.
95. *Шапорина Л. В.* В Париже у Кругликовой // Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество: Сб. / Сост. П. Е. Корнилов. Л., 1969.
96. *Шапорина Л. В.* Дневник: [В 2 т.] / Вступ. статья В. Н. Сажина; подг. текста и комм. В. Ф. Петровой и В. Н. Сажина. М., 2011.
97. *Щуко Е. Г.* Воспоминания о детстве, семье, близких / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019.
98. Ю. А. Шапорин. Нотографический и библиографический справочник / Сост. Е. Садовников. М., 1966.

References

1. A. S. Pushkin v izobrazitel'nom iskusstve. L., 1937.
2. Akh romans. Ekh romans. Okh romans: Russkii romans na rubezhe vekov / Sost. V. Morderer, M. Petrovskii. SPb., 2005.
3. *Akhmatova A.* Poema bez geroia / Vstup. stat'ia R. D. Timenchika; sost. i prim. R. D. Timenchika pri uchastii V. Ia. Morderer. M., 1989.
4. *Akhmatova A.* Sobr. soch.: V 6 t. M., 2001. T. 5.
5. *Akhmatova A.* Soch. T. 3 / Obshch. red. G. P. Struve, N. A. Struve, B. A. Filippova. Paris, 1983.
6. Aleksandr Blok i Evgenii Ivanov: V 2 kn. SPb., 2017. Kn. 1. A. A. Blok i E. P. Ivanov. Perepiska (1904–1920) / Sost., predislovie, podg. teksta V. N. Bystrova; komm. V. N. Bystrova, pri uchastii O. L. Fetisenko; Kn. 2. E. P. Ivanov. Vospominaniia o Bloke. Stat'i / Sost., vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. O. L. Fetisenko.
7. Aleksandr Blok. Perepiska. Annotirovannyi katalog / Pod red. V. N. Orlova. M., 1979. Vyp. 2. Pis'ma k Aleksandru Bloku / Sost. N. T. Panchenko, K. N. Suvorova, M. V. Charushnikova.
8. *Bakhrakh A.* Po pamiati, po zapisiam: Literaturnye portrety. Parizh, 1980.
9. *Blok A. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 1997. T. 2, 3.
10. *Blok A.* Neizdannye stikhotvoreniia: 1897–1919 / Red. i prim. P. Medvedeva. L., 1926.
11. *Blok A.* Sobr. soch.: V 8 t. M.; L., 1963. T. 8.
12. Blok i muzyka: Khronika. Notografiia. Bibliografiia / Sost. T. Khoprova, M. Dunaevskii. L., 1980.
13. Blok v poezii ego sovremennikov / Vstup. stat'ia i publ. Iu. M. Gel'perina // Lit. nasledstvo. 1982. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 3.
14. *Bogomolov N. A.* Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: Dokumental'nye khroniki. M., 2009.
15. Bronislav Bronislavovich Malakhovskii / Sost. I. V. Shchegoleva-Al'tman. L., 1978.
16. *Burtsev V. L.* Bor'ba za svobodnuiu Rossiiu / Sost., komm., vstup. stat'ia T. L. Pantelevoi. SPb., 2012.
17. *Chernykh V. A.* Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi. 1889–1966. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008.
18. *Chulkova N.* Aleksandr Blok (iz vospominanii) // Novyi zhurnal (N'iu-Iork). 2002. Kn. 226.
19. Dnevnik Al. Bloka / Pod red. P. Medvedeva. L., 1928. T. 1, 2.
20. Dnevnikovaia zapis' K. V. Viatkini o poezdke v Detskoe Selo v sentiabre 1928 g. / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. A. V. Vostrikova // Ezhegodnik Rukopisnogo otдела Pushkinskogo Doma na 2018–2019 gody. SPb., 2019.
21. Dva pis'ma O. A. Glebovoi-Sudeikinoi k F. K. Sologubu / Publ. i prim. I. Kravtsovoi // Novoe literaturnoe obozrenie. 1994. № 7.
22. *Emel'ianov Iu. N. P. E.* Shchegolev — istorik russkogo revoliutsionnogo dvizheniia. M., 1990.
23. Ezhegodnik Rukopisnogo otдела Pushkinskogo Doma na 1976 god. L., 1978.

24. *Fardzhen A.* Priklucheniia russkogo khudozhnika. <SPb.>, 2003.
25. *Fedin K.* *Sobr. soch.:* V 12 t. M., 1986. T. 12.
26. *Fleishman L., Kh'iuz R., Raevskaia-Kh'iuz O.* *Russkii Berlin 1921–1923: Po materialam arkhiva B. I. Nikolaevskogo v Guverovskom institute.* Paris, 1983.
27. *Forsh O.* *Sobr. soch. M.; L., 1930.* T. 5.
28. *Galushkin A.* «Delo Pil'niaka i Zamiatina». *Predvaritel'nye itogi rassledovaniia // Novoe o Zamiatine: Sb. materialov / Pod red. L. Gellera. M., 1997.*
29. *Galushkin A. Iu. K «dopechatnoi» istorii romana E. I. Zamiatina «My» (1921–1924) // Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman / Ed. by K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov. Stanford, 1994 (Stanford Slavic Studies; vol. 8).*
30. *Glazunov A. K. Pis'ma, stat'i, vospominaniia: Izbrannoe. M., 1958.*
31. *Glazunov: Issledovaniia. Materialy. Publikatsii. Pis'ma: V 2 t. L., 1960.* T. 2.
32. *Gollerbakh E. A., Mukharkin D. M. Izdatel'stvo «Sirin» // Knizhnoe delo v Rossii v XIX — nachale XX veka: Sb. nauchnykh trudov. SPb., 2004. Vyp. 12.*
33. *Gollerbakh E. Vstrechi i vpechatleniia / Sost., podg. teksta i komm. Evg. Gollerbakha. SPb., 1998.*
34. *Gor'kii M. Poln. sobr. soch. Pis'ma: V 24 t. M., 2018.* T. 20.
35. *Grosheva E. Pevets Rossii // Iurii Aleksandrovich Shaporin. Literaturnoe nasledie: stat'i, pis'ma. Stat'i o tvorchestve Iu. A. Shaporina. Vospominaniia sovremennikov / Sost., red., vstup. stat'ia i komm. E. A. Groshevoi. M., 1989.*
36. *Gul' R. Ia unes Rossiiu. Apologiia emigratsii: V 3 t. M., 2001. T. 1. Rossiia v Germanii.*
37. *Iu. A. Shaporin. Notograficheskii i bibliograficheskii spravochnik / Sost. E. Sadovnikov. M., 1966.*
38. *Iz akhmatovskikh materialov v arkhive Guverovskogo instituta / Publ. L. Fleishmana // Akhmatovskii sbornik. 1 / Sost. S. Dediulin i G. Superfin. Parizh, 1989.*
39. *Izmailov N. V. Vospominaniia o Pushkinskom Dome. 1918–1928 gg. / Publ. N. A. Prozorovoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1998–1999 god. SPb., 2003.*
40. *K istorii izdaniia romana «My» / Vstup. stat'ia, publ. i komm. R. M. Iangirova // Evgenii Zamiatin i kul'tura XX veka: Issledovaniia i publikatsii. SPb., 2002.*
41. *Kaganovich B. S. Evgenii Viktorovich Tarle i peterburgskaia shkola istorikov. SPb., 1995.*
42. *Kaznina O. A. Russkie v Anglii: Russkaia emigratsiia v kontekste russko-angliiskikh literaturnykh sviazei v pervoi polovine XX veka. M., 1997.*
43. *Knigi i rukopisi v sobranii M. S. Lesmana: Annotirovannyi katalog. Publikatsii / Sost.: M. S. Lesman, N. G. Kniazeva, N. G. Zakharenko, L. P. Arkhipova, A. Kh. Gorfunkel', R. P. Dmitrieva, T. R. Rudi. M., 1989.*
44. *Kobrinskii A. A. Master Petr: neskol'ko shtrikhov k biograficheskim mifam Daniila Kharmisa // Russkaia literatura. 2020. № 3.*
45. *Konstantin Fedin i ego sovremenniki: Iz literaturnogo naslediia XX veka. M., 2016–2018. Kn. 1, 2.*
46. *Kukushkina T. A. E. I. Zamiatin v Pravlenii Vserossiiskogo Soiuz pisatelei (Leningradskoe otdelenie) // Evgenii Zamiatin i kul'tura XX veka: Issledovaniia i publikatsii. SPb., 2002.*
47. *Kukushkina T. A. Vserossiiskii Soiuz pisatelei. Leningradskoe otdelenie (1920–1932). Ocherk deiatel'nosti // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2001 god. SPb., 2006.*
48. *Kurtis Dzh. Istoriia izdaniia romana «My», perevody i publikatsii // Zamiatin Evg. My: Tekst i materialy tvorcheskoi istorii romana / Izd. podg. M. Iu. Liubimova, Dzh. Kurtis. SPb., 2011.*
49. *Kuzmin M. Dnevnik 1905–1907 / Predislovie, podg. teksta i komm. N. A. Bogomolova i S. V. Shumikhina. SPb., 2000.*
50. *Kuzmin M. Dnevnik 1908–1915 / Predislovie, podg. teksta i komm. N. A. Bogomolova i S. V. Shumikhina. SPb., 2005.*
51. *Leikina-Svirskaia V. R. Iz istorii Leningradskogo muzeia Revoliutsii // Ocherki istorii muzeinogo dela v Rossii. M., 1961. Vyp. 3.*
52. *Lichnye fondy Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma. Annotirovannyi ukazatel' / Avtor vstup. stat'i, otv. red. i otv. sost. T. S. Tsar'kova. SPb., 1999.*
53. *Lit. nasledstvo. 1963. T. 70. Gor'kii i sovetskie pisateli. Neizdannaiia perepiska.*
54. *Lit. nasledstvo. 1981–1982. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 2, 3.*
55. *Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov: Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografia. M., 2005. T. 1. Ch. 2. Moskva i Petrograd. 1921–1922 gg. / Otv. red. A. Iu. Galushkin.*
56. *Litvin E. Iu., Grechishkin S. S. Blok i V. A. Shchegoleva // Lit. nasledstvo. 1982. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 3.*
57. *Luknitskii P. N. Acumiana. Vstrechi s Annoi Akhmatovoi. T. I. 1924–25 gg. Paris, 1991.*
58. *Luknitskii P. N. Acumiana. Vstrechi s Annoi Akhmatovoi. T. II. 1926–1927. Parizh; M., 1997.*
59. *Lur'e F. M. Khraniteli proshlogo. Zhurnal «Byloe»: istoriia, redaktory, izdateli. L., 1990.*
60. *Lur'e F. Pushkinist ponevole: Dela i dni P. E. Shchegoleva. SPb., 2017.*

61. *Medvedev P.* Dramy i poemy Al. Bloka: Iz istorii ikh sozdaniia. L., 1928.
62. *Mok-Biker E.* «Kolombina desiatykh godov...» Kniga ob Ol'ge Glebovoi-Sudeikinoini. Parizh; SPb., 1993.
63. *Molok A. I.* Nauchnye trudy i pedagogicheskaiia deiatel'nost' P. P. Shchegoleva (1903–1936) // Istorii i istoriki: Istoriograficheskii ezhegodnik. 1971. M., 1973.
64. *Molok Iu.* Kameia na oblozhke (K istorii odnoi mistifikatsii) // Opyty (Pb.; Parizh). 1994. № 1.
65. N. P. Smirnov-Sokol'skii kak istorik knigi i bibliofil. Opyt bibliografii / Sost. O. G. Lasunskii. Voronezh, 1967.
66. *Naiman A.* Rasskazy ob Anne Akhmatovoi. M., 1989.
67. Neizdannyi Fedor Sologub / Pod red. M. M. Pavlovoi i A. V. Lavrova. M., 1997.
68. *Nosova A. G. L. V.* Shaporina i ee fond v Rukopisnom otdel' // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1998–1999 god. SPb., 2003.
69. *Ostrovskaiia S. K.* Dnevnik / [Vstup. stat'ia T. S. Pozdniakovoi; posleslovie P. Iu. Barskovoi; podg. teksta i komm. P. Iu. Barskovoi i T. S. Pozdniakovoi]. M., 2018.
70. Perepiska <A. A. Bloka> s R. V. Ivanovym-Razumnikom / Vstup. stat'ia, publ. i komm. A. V. Lavrova // Lit. nasledstvo. 1982. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 2.
71. Perepiska A. A. Akhmatovoi i N. N. Punina / Publ. T. M. Dviniatinoi // N. Gumilev, A. Akhmatova: Po materialam istoriko-literaturnoi kollektcii P. Luknitskogo. SPb., 2005.
72. Perepiska A. N. Tolstogo: V 2 t. / Sost., podg. tekstov pisem i komm. A. M. Kriukovoi. M., 1989. T. 2.
73. *Petelin V. V.* Zhizn' Alekseia Tolstogo: Krasnyi graf. M., 2002.
74. *Petrov-Vodkin K. S.* Pis'ma. Stat'i. Vystupleniia. Dokumenty / Sost., vstup. stat'ia i komm. E. N. Selizarovoi. M., 1991.
75. *Pil'niak B. A.* Pis'ma: V 2 t. M., 2010. T. 2. 1923–1937 / Sost., podg. teksta, predislovie i prim. K. B. Andronikashvili-Pil'niak i D. Kassek.
76. Pisateli sovremennoi epokhi. Biobibliograficheskii slovar'. M., 1995. T. 2 / Podg. k izd. N. A. Bogomolovym.
77. Pis'ma Aleksandra Bloka k rodnym / S predisloviem i prim. M. A. Beketovoi. L., 1927. <T. 1>.
78. Pis'mo khudozhnika V. P. Belkina k L. V. Shaporinoi / Publ. A. G. Nosovoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2009–2010 gody. SPb., 2011.
79. *Polonskaia E. G.* Goroda i vstrechi. M., 2008.
80. *Punin N.* Mir svetel liubov'iu: Dnevnik. Pis'ma / Sost., predislovie, prim. i komm. L. A. Zykova. M., 2000.
81. *Remizov A. M.* «Nekrolog» P. E. Shchegolevu / Vstup. zametka, publ. i prim. E. R. Obatninoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1995 god. SPb., 1999.
82. *Romankov L.* Sem' s polovinoi. SPb., 2012.
83. Rukopisnye pamiatniki. SPb., 1997. Vyp. 3. Ch. 1. Rukopisnoe nasledie Evgeniia Ivanoviicha Zamiatina / Sost. L. I. Buchina, M. Iu. Liubimova; predislovie i komm. M. Iu. Liubimovoi.
84. «Serapionovy brat'ia» v zerkalakh perepiski. M., 2004.
85. *Shaporina L. V.* Dnevnik: [V 2 t.] / Vstup. stat'ia V. N. Sazhina; podg. teksta i komm. V. F. Petrov i V. N. Sazhina. M., 2011.
86. *Shaporina L. V.* V Parizhe u Kruglikovoi // Elizaveta Sergeevna Kruglikova. Zhizn' i tvorchestvo: Sb. / Sost. P. E. Kornilov. L., 1969.
87. *Shchuko E. G.* Vospominaniia o detstve, sem'e, blizkikh / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. M. M. Pavlovoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2018–2019 gody. SPb., 2019.
88. *Strel'nikova A. B., Filicheva V. V.* Bibliografiia khudozhestvennykh perevodov, vypolnennykh F. Sologubom. Neizdannye i nesobrannye poeticheskie perevody // Fedor Sologub: Razyskaniia i materialy. M., 2016.
89. *Tamarchenko A.* Ol'ga Forsh: Zhizn', lichnost', tvorchestvo. 2-e izd., dop. L., 1974.
90. Teatral'nye miniatiury Serebrianoego veka. M., 2020.
91. *Timenchik R.* Iz perepiski Anny Akhmatovoi // Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman / Ed. by K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov. Stanford, 1994 (Stanford Slavic Studies; vol. 8).
92. *Tolstoi A. N.* Poln. sobr. soch.: V 15 t. M., 1949. T. 10.
93. *Tolstoi A. N.* Sobr. soch. M.; L., 1929. T. 14.
94. *Tumarkina N.* Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoii Rossii. SPb., 1997.
95. *Verkhovskii Iu.* Struny: Sobr. soch. / Sost., podg. teksta, stat'ia i komm. V. Kalmykovoi. M., 2008.
96. Vospominaniia ob A. N. Tolstom: Sb. / Sost. Z. A. Nikitina, L. I. Tolstaia. M., 1973.
97. Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi / Sost. V. Ia. Vilenkin i V. A. Chernykh. M., 1991.
98. *Zamiatin Evg.* Sobr. soch.: V 5 t. M., 2003. [T. 2]. Rus'.

Татьяна Михайловна Двинятина

старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН;
ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Mikhailovna Dvinyatina

Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences;
Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

tatiana.dvinyatina@gmail.com

«ЧТО ЕСТЬ ПОЭЗИЯ?»

ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ «И. А. БУНИН И Е. А. БАРАТЫНСКИЙ»

WHAT IS POETRY?

OBSERVATIONS ON THE TOPIC «I. A. BUNIN AND E. A. BARATYNSKY»

В статье рассматриваются параллели между художественными системами И. А. Бунина и Е. А. Баратынского: сходное понимание своей роли в литературном мире, связь творческого акта с воспоминанием, обращенность к родовой памяти как залого бессмертия, сознание неразрывной связи контрастных состояний души и бытия. Влияние Баратынского усилилось после отъезда Бунина из России: только обретя опору в элегической традиции, писатель смог пересоздать и собственный художественный мир, и образную систему своих произведений. Проза Бунина первой половины 1920-х годов вбирает в себя целый комплекс мотивов и прямых цитат из поэзии Баратынского, чьи «Отрывки из Поэмы: Воспоминания» (1819) могут быть прочитаны как метаописание бунинского мира эмигрантских лет.

Ключевые слова: И. А. Бунин, Е. А. Баратынский, эстетика, философия, поэзия.

The article outlines the parallels between the artistic systems of Ivan Bunin and Evgenii Baratynsky. They shared the same view concerning their role in the literary world, the connections between creativity and reminiscences, the way they treated their familial memory as a guarantor of immortality, their awareness of the unbreakable link between the contrasting states of soul and existence. Baratynsky's influence grew after Bunin's departure from Russia: only once he had found support in the elegiac tradition, Bunin managed to recreate both his own artistic world and the figurative system of his art. The stories Bunin wrote in the first half of the 1920s absorbed a significant body of motifs and direct quotes from Baratynsky's poetry. The latter's *Fragments from the Poem: Recollections* (1819) can be read as a meta-description of the world of Bunin's émigré years.

Key words: I. A. Bunin, E. A. Baratynsky, aesthetics, philosophy, poetry.

Список литературы

1. *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем / Руководитель проекта А. М. Песков. М., 2002. Т. 1; Т. 2. Ч. 1.
2. *Бунин И. А.* Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; вступ. статья О. Н. Михайлова; комм. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. М., 1998.
3. *Бунин И. А.* Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М., 1966–1967. Т. 5, 9.
4. *Бунин И. А.* Стихотворения: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. Т. М. Двинятиной. СПб., 2014 (Новая Библиотека поэта).
5. *Двинятина Т. М.* Заметки о поэзии Бунина начала 1920-х годов // Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация. Материалы международного семинара. Тарту, 1997.
6. *Двинятина Т. М.* Специфика прозаического в поэзии И. А. Бунина // Русская литература. 1996. № 3.
7. *Капинос Е. В.* Поэзия Приморских Альп: Рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. М., 2014.
8. *Мальцев Ю.* Иван Бунин, 1870–1953. Frankfurt a/M.; М., 1994.
9. *Мандельштам О. Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. / Сост. А. Г. Мец. М., 2010. Т. 2. Проза.
10. *Сливицкая О. В.* «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М., 2004.
11. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt a/M., 1977–1981. Т. 1, 2.
12. *Ходасевич В.* [Рец. на: Бунин И. А. Божье древо. Париж, 1931] // Возрождение. 1931. 30 апр. № 2158.

References

1. *Boratynskii E. A.* Poln. sobr. soch. i pisem / Rukovoditel' proekta A. M. Peskov. M., 2002. T. 1; T. 2. Ch. 1.
2. *Bunin I. A.* Publitsistika 1918–1953 godov / Pod obshch. red. O. N. Mikhailova; vstup. stat'ia O. N. Mikhailova; komm. S. N. Morozova, D. D. Nikolaeva, E. M. Trubilovoi. M., 1998.
3. *Bunin I. A.* Sobr. soch.: V 9 t. / Pod obshch. red. A. S. Miasnikova, B. S. Riurikova, A. T. Tvardovskogo. M., 1966–1967. T. 5, 9.
4. *Bunin I. A.* Stikhotvoreniia: V 2 t. / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i prim. T. M. Dviniatinoi. SPb., 2014 (Novaia Biblioteka poeta).
5. *Dviniatina T. M.* Spetsifika prozaicheskogo v poezii I. A. Bunina // Russkaia literatura. 1996. № 3.
6. *Dviniatina T. M.* Zametki o poezii Bunina nachala 1920-kh godov // Kul'tura russkoi diaspor: samorefleksii i samoidentifikatsiia. Materialy mezhdunarodnogo seminara. Tartu, 1997.
7. *Kapinos E. V.* Poezii Primorskikh Al'p: Rasskazy I. A. Bunina 1920-kh godov. M., 2014.
8. *Khodasevich V.* [Rets. na: Bunin I. A. Bozh'e drevo. Parizh, 1931] // Vozrozhdenie. 1931. 30 apr. № 2158.
9. *Mal'tsev Iu.* Ivan Bunin, 1870–1953. Frankfurt a/M.; M., 1994.
10. *Mandel'shtam O. E.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 3 t. / Sost. A. G. Mets. M., 2010. T. 2. Proza.
11. *Slivitskaia O. V.* «Povyshennoe chuvstvo zhizni»: Mir Ivana Bunina. M., 2004.
12. Ustami Buninykh. Dnevniky Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: V 3 t. / Pod red. M. Grin. Frankfurt a/M., 1977–1981. T. 1, 2.

Юлия Юрьевна Анохина

научный сотрудник

Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Iuliia Iur'evna AnokhinaResearcher, A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Science

jul.anokhin@gmail.com

Виктор Петрович Троицкий

старший научный сотрудник,

«Дом А. Ф. Лосева — научная библиотека и мемориальный музей»

Viktor Petrovich TroitskiiSenior Researcher, *The Losev House — The Library and The Museum*

Vicpetro10.11@mail.ru

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА С. М. СОЛОВЬЕВА О ПОЭЗИИ Е. А. БАРАТЫНСКОГО**ABSTRACTS OF S. M. SOLOV'EV LECTURE
ON EVGENII BARATYNSKY'S POETRY**

В научный оборот вводятся тезисы доклада С. М. Соловьева «Поэзия Баратынского». С этим докладом Соловьев выступал на заседаниях подсекции русской литературы в ГАХН 10 апреля и 29 мая 1925 года. Публикация тезисов призвана раскрыть филологический метод Соловьева, а также уточнить сложившееся представление об изучении творчества Е. А. Баратынского в ГАХН.

Ключевые слова: С. М. Соловьев, ГАХН, Е. А. Баратынский, поэзия, эстетика, история литературоведения.

The article introduces the academic community to the abstracts of S. M. Solov'ev's lecture *Baratynsky Poetry*. The lecture was in two parts, and was delivered at the meetings of the Russian Literature Department of GAKhN on the 10th of April and 29th of May 1925. The abstracts are in-

strumental for tracing Solov'ev's philological method and gaining better understanding of how Baratynsky's poetry was studied in GAKhN.

Key words: S. M. Solov'ev, GAKhN, E. A. Baratynsky, poetry, aesthetics, history of literary studies.

Список литературы

1. *Анохина Ю. Ю.* Личность и поэзия Е. А. Боратынского в русской философской мысли конца XIX — начала XX века: Вл. Соловьев и В. В. Розанов о поэте // Литература и религиозно-философская мысль конца XIX — первой трети XX века. К 165-летию Вл. Соловьева / Отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2018.
2. *Белый А.* Начало века: Берлинская редакция (1923) / Изд. подг. А. В. Лавров. СПб., 2014.
3. *Богомолов Н. А.* Другое литературоведение: Занятия Подсекции истории русской литературы ГАХН 1925–1929 // Русская литература и философия: пути взаимодействия / Отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2018.
4. *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч.: В 2 т. / Под ред. и с прим. М. Л. Гофмана. СПб., 1914.
5. *Брюсов В. Я.* Мировоззрения Боратынского // Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6.
6. *Верховский Ю. Н.* Автобиография // Верховский Ю. Н. Струны: Собр. соч. / Сост., подг. текста, статья и комм. В. Калмыковой. М., 2008.
7. *Верховский Ю.* О символизме Боратынского // Труды и дни. 1912. № 3.
8. *Винокур Г. О.* Боратынский и символисты: [републикация] / Подг. текста и прим. С. Г. Бочарова // К 200-летию Боратынского: Сборник материалов международной научной конференции, состоявшейся 21–23 февраля 2000 г. (Москва–Мураново). М., 2002.
9. *Винокур Г. О.* Я и ты в лирике Боратынского (Из этюдов о русском поэтическом языке) // Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика / Сост. Т. Г. Винокур, М. И. Шапир. М., 1990.
10. *Гельфонд М. М.* «Читателя найду в потомстве я...»: Боратынский и поэты XX века. М., 2012.
11. Государственная академия художественных наук: Отчет 1921–1925. М., 1926.
12. *Е. А. Боратынский: Материалы к его биографии.* Из Татевского архива Рачинских / С введением и прим. Ю. Верховского. Пг., 1916.
13. *Звонова С. А.* Творчество Ю. Н. Верховского в историко-культурном контексте первой трети XX века. Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006.
14. Издательство «Academia» к XVII съезду ВКП(б): Задачи, перечень изданий, план. М.; Л., 1934.
15. *Лекманов О.* Боратынский и старшие модернисты: попытка обобщения // Параболы: Studies in Russian Modernist Literature and Culture: In Honor of John E. Malmstad / Ed. by N. Bogomolov. Frankfurt a/M., 2011 (при участии М. М. Гельфонд).
16. Переписка А. А. Блока с С. М. Соловьевым (1896–1915) / Вступ. статья, публ. и комм. Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // Лит. наследство. 1980. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 1.
17. Письма Сергея Михайловича Соловьева к Наталии Александровне Врангель-Левицкой и ее воспоминания / Публ. и подг. текста Н. Г. Прозоровой и Н. В. Левицкой // Toronto Slavic Quarterly. 2008. № 26.
18. *Смирнов М.* Последний Соловьев. М., 2014.
19. *Соловьев С. М.* Воспоминания. М., 2003.
20. Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899.
21. *Усов Д. С.* «Мы сведены почти на нет...»: В 2 т. / Сост., вступ. статья, подг. текста, комм. Т. Ф. Нешумовой. М., 2011.
22. *Шахвердов С.* Метрический репертуар Е. А. Боратынского (материалы к метрическому справочнику) // *Quinquagenario*. Сб. статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1972.

References

1. *Anokhina Iu. Iu.* Lichnost' i poeziia E. A. Boratynskogo v russkoi filosofskoi mysli kontsa XIX — nachala XX veka: Vl. Solov'ev i V. V. Rozanov o poete // Literatura i religiozno-filosofskaia mysl' kontsa XIX — pervoi treti XX veka. K 165-letiiu Vl. Solov'eva / Otv. red. i sost. E. A. Takho-Godi. M., 2018.
2. *Belyi A.* Nachalo veka: Berlinskaia redaktsiia (1923) / Izd. podg. A. V. Lavrov. SPb., 2014.
3. *Bogomolov N. A.* Drugoe literaturovedenie: Zaniatiia Podseksiii istorii russkoi literatury GAKHN 1925–1929 // Russkaia literatura i filosofia: puti vzaimodeistviia / Otv. red. i sost. E. A. Takho-Godi. M., 2018.
4. *Boratynskii E. A.* Poln. sobr. soch.: V 2 t. / Pod red. i s prim. M. L. Gofmana. SPb., 1914.
5. *Briusov V. Ia.* Mirovozzreniia Boratynskogo // Briusov V. Sobr. soch.: V 7 t. M., 1975. T. 6.
6. *E. A. Boratynskii: Materialy k ego biografii.* Iz Tatevskogo arkhiva Rachinskikh / S vvedeniem i prim. Iu. Verkhovskogo. Pg., 1916.

7. *Gel'fond M. M.* «Chitatelia naidu v potomstve ia...»: Boratynskii i poety XX veka. M., 2012.
8. Gosudarstvennaia akademiia khudozhestvennykh nauk: Otchet 1921–1925. M., 1926.
9. Izdatel'stvo «Academia» k XVII s'ezdu VKP(b): Zadachi, perechen' izdani, plan. M.; L., 1934.
10. *Lekmanov O.* Baratynskii i starshie modernisty: popytka obobshcheniia // Paraboly: Studies in Russian Modernist Literature and Culture: In Honor of John E. Malmstad / Ed. by N. Bogomolov. Frankfurt a/M., 2011 (pri uchastii M. M. Gel'fond).
11. Perepiska A. A. Bloka s S. M. Solov'evym (1896–1915) / Vstup. stat'ia, publ. i komm. N. V. Kotreleva i A. V. Lavrova // Lit. nasledstvo. 1980. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 1.
12. Pis'ma Sergeia Mikhailovicha Solov'eva k Natalii Aleksandrovne Vrangel'-Levitskoi i ee vospominaniia / Publ. i podg. teksta N. G. Prozorovoi i N. V. Levitskoi // Toronto Slavic Quarterly. 2008. № 26.
13. *Shakhverdov S.* Metricheskii repertuar E. A. Baratynskogo (materialy k metricheskomu spravochniku) // Quinquagenario. Sb. statei molodykh filologov k 50-letiiu prof. Iu. M. Lotmana. Tartu, 1972.
14. *Smirnov M.* Poslednii Solov'ev. M., 2014.
15. *Solov'ev S. M.* Vospominaniia. M., 2003.
16. Tatevskii sbornik S. A. Rachinskogo. SPb., 1899.
17. *Usov D. S.* «My svedeny pochti na net...»: V 2 t. / Sost., vstup. stat'ia, podg. teksta, komm. T. F. Neshumovoi. M., 2011.
18. *Verkhovskii Iu. N.* Avtobiografia // Verkhovskii Iu. N. Struny: Sobr. soch. / Sost., podg. teksta, stat'ia i komm. V. Kalmykovo. M., 2008.
19. *Verkhovskii Iu.* O simvolizme Boratynskogo // Trudy i dni. 1912. № 3.
20. *Vinokur G. O.* Baratynskii i simvolisty: [republikatsiia] / Podg. teksta i prim. S. G. Bocharova // K 200-letiiu Boratynskogo: Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, sostoiavsheisia 21–23 fevralia 2000 g. (Moskva–Muranovo). M., 2002.
21. *Vinokur G. O.* Ia i ty v lirike Baratynskogo (Iz etiudov o russkom poeticheskom iazyke) // Vinokur G. O. Filologicheskie issledovaniia: Lingvistika i poetika / Sost. T. G. Vinokur, M. I. Shapir. M., 1990.
22. *Zvonova S. A.* Tvorchestvo Iu. N. Verkhovskogo v istoriko-kul'turnom kontekste pervoi treti XX veka. Dis. ... kand. filol. nauk. Perm', 2006.

Елена Рудольфовна Обатнина

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Rudol'fovna Obatnina

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

lena.eo@mail.ru

**АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ И ЕГО «ИСТОРИЧЕСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ»
(ИВАН ЛУКАШ — КРИТИК РОМАНА «ВЗВИХРЕННАЯ РУСЬ»)**

**ALEXEI REMIZOV AND HIS «HISTORICAL READER»
(IVAN LUKASH AS THE CRITIC OF THE NOVEL *RUSSIA SWIRLED UP*)**

Статья посвящена малоизвестному критическому отклику на роман А. М. Ремизова, который в истории русской эмиграции стал первым творческим опытом осмысления революционной стихии через призму автобиографической прозы. Автор исследует особенности рецепции романа с точки зрения «исторического» читателя — современника, исторический и культурный опыт которого соотносим с жизненным и творческим горизонтом писателя. Редкие эпистолярные материалы реконструируют историю отношений Ивана Лукаша и Алексея Ремизова.

Ключевые слова: русская эмиграция, критическая рецепция, «исторический» читатель, революционная стихия, автобиографическая проза, А. М. Ремизов, И. С. Лукаш.

The article deals with an obscure critical response to the novel by A. Remizov, that turned to be the Russian emigres' first creative attempt of understanding the revolutionary disaster through the prism of autobiographical prose. The author details the reception of the novel from the perspective of the «historical» reader — a contemporary whose historical and cultural experiences are similar to the

mundane and creative experiences of the writer. Rare epistolary materials help to reconstruct the history of the relationship between Ivan Lukash and Alexei Remizov.

Key words: Russian emigration, critical reception, «historical» reader, revolutionary element, autobiographical prose, A. Remizov, I. Lukash.

Список литературы

1. А. М. Ремизов: Библиография (1902–2020) / Авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко // <http://pushkinskiydom.ru/remizov/Bibliografiya/pages/PartII/1927.html>; дата обращения: 29.07.2021.
2. Вахненко Е. Е. «Взвихренная Русь» А. М. Ремизова: Справочник-комментарий. Иркутск, 2012.
3. Воейков А. Ф. Поздняя рукопись «Сумасшедший дом» (1814–1838) / Публ. А. К. Афанасьева // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2007. [Т. XVI].
4. Газета «Слово» 1925–1929: Роспись / Сост. Ю. Абызов. Рига, 2003.
5. Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000 (Studiorum Slavicorum Monumenta; Т. 19).
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1973. Т. 6. Преступление и наказание.
7. Доценко С. Проблемы поэтики А. М. Ремизова: Автобиографизм как конструктивный принцип творчества. Таллин, 2000.
8. Иезуитова Л. А. «Слово о погибели земли русской» А. М. Ремизова в газете «Воля Народа» // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб., 1994.
9. Книпович Е. Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987.
10. Кудрявцев В. Б. Периодические и неперіодические коллективные издания русского зарубежья. 1918–1941: Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать. М., 2011. Ч. 1.
11. Кутаренкова Т. С. П. Б. Струве — редактор газеты «Возрождение» // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2011. № 6 (68).
12. Милашевский В. А. Вчера, позавчера... М., 1989.
13. Мочульский К. Кризис воображения: Статьи, Эссе. Портреты / Сост., предисловие, прим. С. Р. Федякина. Томск, 1999.
14. Носов Н. Н. Отражение идейного многообразия творчества И. С. Лукаша в диалогии «Дом усопших» и «Дьявол» // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16. № 6.
15. Обатнина Е. Р. А. М. Ремизов: «Битва под Разумником» (К вопросу об авторстве и историческом контексте одного памфлета) // Русская литература. 2013. № 3.
16. Обатнина Е. Р. А. М. Ремизов в борьбе за «сон»: материалы к творческой биографии // Русская литература. 2021. № 1.
17. Обатнина Е. Р. Алексей Ремизов: между рецензией и авторефлексией (Избранные страницы альбома «Зарубежная цензура». 1923–1931) // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 4.
18. Обатнина Е. Р. Избранные страницы из альбома А. М. Ремизова «Зарубежная цензура»: политика и этика // Русская литература. 2020. № 3.
19. Обатнина Е. Р. «Крылатый» или «земляной»? (К истории творческих взаимоотношений А. М. Ремизова и «скифов») // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М., 2009 (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. 75).
20. Обатнина Е. Р. Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть вторая: Были и небыли парижских будней // Литературный факт. 2020. № 4 (18).
21. Обатнина Е. Р. Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: начало эмиграции. 1921–1922 гг. // Литературный факт. 2018. № 7.
22. Обатнина Е. Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М., 2008 (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. 71).
23. Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: история Обезьяньей Великой и Вольной Палаты А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.
24. Пришвин М. М. Дневник 1920–1922 / Подг. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; комм. Я. З. Гришиной. СПб., 2016.
25. Раевин Б. Иван Лукаш между Берлином, Парижем и Ригой (К истории рижской журналистики 1920-х гг.) // Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. Essays in Honor of Vladimir Khazan / Eds. L. Fleishman and F. Poljakov. Berlin, 2018.
26. Ремизов А. М. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1925 / Комм. Е. Р. Обатниной; подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 1 (15).
27. Ремизов А. М. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1926–1927 / Комм. Е. Р. Обатниной; подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 4 (18).
28. Ремизов А. М. «На вечерней заре»: Главы из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / Комм. Е. Р. Обатниной; подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 8.

29. Ремизов А. М. Дневник 1917–1921 г. / Подг. текста и комм. А. М. Грачевой // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 5. Взвихрѣнная Русь.
30. Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 3. Оказион.
31. Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 5. Взвихрѣнная Русь.
32. Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7. Ахру.
33. Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2015. Т. 11. Зга.
34. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. К–М.
35. *Спроге Л.* Гонение на ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ: А. М. Ремизов в русских изданиях Риги (1922–1922) // *Slavica* — 2015: filoloģijas pētījumi. Zinātnisku materiālu un rakstu krājums. Rīga, 2015 (Rusistica Latviensis 5).
36. *Тименчик Р. Д.* Что вдрут: Статьи о русской литературе прошлого века. М.; Иерусалим, 2017.
37. *Sinany-MacLeod H.* Структурная композиция «Взвихрѣнной Руси» // *Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer* / Ed. by G. Slobin. Columbus, [1987] (UCLA Slavic Studies. Vol. 16).

References

1. A. M. Remizov: Bibliografija (1902–2020) / Avt.-sost. E. Obatnina, E. Vakhnenko // <http://pushkinskijdom.ru/remizov/Bibliografiy/pages/PartII/1927.html>; data obrashchenia: 29.07.2021.
2. *Dostoevskii F. M.* Poln. sobr. soch.: V 30 t. M., 1973. T. 6. Prestuplenie i nakazanie.
3. *Dotsenko S.* Problemy poetiki A. M. Remizova: Avtobiografizm kak konstruktivnyi printsip tvorchestva. Tallin, 2000.
4. Gazeta «Slovo» 1925–1929: Rospis' / Sost. Iu. Abyzov. Riga, 2003.
5. *Gracheva A. M.* Aleksei Remizov i drevnerusskaia kul'tura. SPb., 2000 (Studiorum Slavicorum Monumenta; T. 19).
6. *Iezuitova L. A.* «Slovo o pogibeli zemli russkoi» A. M. Remizova v gazete «Volia Naroda» // *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy* / Otv. red. A. M. Gracheva. SPb., 1994.
7. *Knipovich E.* Ob Aleksandre Bloke. Vospominaniia. Dnevnik. Kommentarii. M., 1987.
8. *Kudriavtsev V. B.* Periodicheskie i neperiodicheskie kollektivnye izdaniia russkogo zarubezh'ia. 1918–1941: Zhurnalistika. Literatura. Iskusstvo. Gumanitarnye nauki. Pedagogika. Religii. Voennaia i kazach'ia pechat'. M., 2011. Ch. 1.
9. *Kutarenkova T. S. P. B. Struve* — redaktor gazety «Vozrozhdenie» // *Vestnik RGGU. Ser. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*. 2011. № 6 (68).
10. *Milashevskii V. A.* Vchera, pozavchera... M., 1989.
11. *Mochul'skii K.* Krizis vobrazheniia: Stat'i, Esse. Portrety / Sost., predislovie, prim. S. R. Fediakina. Tomsk, 1999.
12. *Nosov N. N.* Otrazhenie ideinogo mnogoobraziia tvorchestva I. S. Lukasha v dilogii «Dom usopsikh» i «D'iavol» // *Observatoriia kul'tury*. 2019. T. 16. № 6.
13. *Obatnina E. R. A. M. Remizov v bor'be za «son»: materialy k tvorcheskoi biografii* // *Russkaia literatura*. 2021. № 1.
14. *Obatnina E. R. A. M. Remizov: «Bitva pod Razumnikom» (K voprosu ob avtorstve i istoricheskom kontekste odnogo pamfleta)* // *Russkaia literatura*. 2013. № 3.
15. *Obatnina E. R.* Aleksei Remizov: mezhdru retseptsiei i avtorefleksiei (Izbrannye stranitsy al'boma «Zarubezhnaia tsenzura». 1923–1931) // *Studia Litterarum*. 2020. T. 5. № 4.
16. *Obatnina E. R.* Etiudy k tvorcheskoi biografii A. M. Remizova: 1926–1927 gg. Chast' vtorai: Byli i nebyli parizhskikh budnei // *Literaturnyi fakt*. 2020. № 4 (18).
17. *Obatnina E. R.* Etiudy k tvorcheskoi biografii A. M. Remizova: nachalo emigratsii. 1921–1922 gg. // *Literaturnyi fakt*. 2018. № 7.
18. *Obatnina E. R.* Izbrannye stranitsy iz al'boma A. M. Remizova «Zarubezhnaia tsenzura»: politika i etika // *Russkaia literatura*. 2020. № 3.
19. *Obatnina E. R.* «Krylatyi ili «zemlianoi»? (K istorii tvorcheskikh vzaimootnoshenii A. M. Remizova i «skifov») // *Na rubezhe dvukh stoletii: Sb. v chest' 60-letii Aleksandra Vasil'evicha Lavrova*. M., 2009 (Novoe literaturnoe obozrenie. Nauchnoe prilozhenie. Vyp. 75).
20. *Obatnina E.* Remizov: Lichnost' i tvorcheskie praktiki pisatel'ia. M., 2008 (Novoe literaturnoe obozrenie. Nauchnoe prilozhenie. Vyp. 71).
21. *Obatnina E.* Tsar' Asyka i ego poddannye: istoriia Obez'ian'ei Velikoi i Vol'noi Palaty A. M. Remizova v litsakh i dokumentakh. SPb., 2001.
22. *Prishvin M. M.* Dnevnik 1920–1922 / Podg. teksta Ia. Z. Grishinoin, A. V. Kiselevoi, L. A. Riazanovoi; komm. Ia. Z. Grishinoin. SPb., 2016.
23. *Ravdin B.* Ivan Lukash mezhdru Berlinom, Parizhem i Rigoi (K istorii rizhskoi zhurnalistiki 1920-kh gg.) // *Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. Essays in Honor of Vladimir Khazan* / Eds. L. Fleishman and F. Poljakov. Berlin, 2018.
24. *Remizov A. M.* «Na vechernei zare». Glava iz rukopisi; Pis'ma k S. P. Remizovoi-Dovgello. 1925 / Komm. E. R. Obatninoi; podg. teksta E. R. Obatninoi i A. S. Uriupinoi // *Literaturnyi fakt*. 2020. № 1 (15).
25. *Remizov A. M.* «Na vechernei zare». Glava iz rukopisi; Pis'ma k S. P. Remizovoi-Dovgello. 1926–1927 / Komm. E. R. Obatninoi; podg. teksta E. R. Obatninoi i A. S. Uriupinoi // *Literaturnyi fakt*. 2020. № 4 (18).

26. *Remizov A. M.* «Na večernei zare»: Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S. P. Remizovoi-Dovgello. 1921–1922 gg. (okonchanie) / Komm. E. R. Obatninoi; podg. teksta E. R. Obatninoi i A. S. Uriupinoi // Literaturnyi fakt. 2018. № 8.
27. *Remizov A. M.* Dnevnik 1917–1921 g. / Podg. teksta i komm. A. M. Grachevoi // *Remizov A. M. Sobr. soch. M., 2000. T. 5. Vzvikhrennaia Rus'*.
28. *Remizov A. M. Sobr. soch. M., 2000. T. 3. Okazion.*
29. *Remizov A. M. Sobr. soch. M., 2000. T. 5. Vzvikhrennaia Rus'*.
30. *Remizov A. M. Sobr. soch. M., 2002. T. 7. Akhru.*
31. *Remizov A. M. Sobr. soch. SPb., 2015. T. 11. Zga.*
32. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M., 1994. T. 3. K–M.*
33. *Sinany-MacLeod H.* Strukturnaia kompozitsiia «Vzvikhrennoi Rusi» // *Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. Slobin. Columbus, [1987] (UCLA Slavic Studies. Vol. 16).*
34. *Sproge L.* Gonenie na OBEZVELVOLPAL: A. M. Remizov v russkikh izdaniakh Rigi (1922–1922) // *Slavica — 2015: filologijas petijumi. Zinatnisku materiālu un rakstu krājums. Rīga, 2015 (Rusistica Latviensis 5).*
35. *Timenchik R. D.* Chto vdruz: Stat'i o russkoi literature proshlogo veka. M.; Ierusalim, 2017.
36. *Vakhnenko E. E.* «Vzvikhrennaia Rus'» A. M. Remizova: Spravochnik-komentarii. Irkutsk, 2012.
37. *Voeikov A. F.* Pozdniaia rukopis' «Sumasshedshii dom» (1814–1838) / Publ. A. K. Afanas'eva // *Rossiiskii arkhiv: Istoriia otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. M., 2007. [T. XVI].*

Елена Наумовна Пенская

профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

Elena Naumovna Penskaya

Professor, National Research University *Higher School of Economics* in Moscow
e.penskaya@gmail.com, lpenskaya@hse.ru

«ТЕХНИКА ИСКУССТВЕННЫХ ШВОВ»: К ТИПОЛОГИИ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК М. М. ЗОЩЕНКО

«ARTIFICIAL SUTURE TECHNIQUE»: ON THE TYPOLOGY OF THE NOTEBOOKS BY M. M. ZOSHCHENKO

Феномен «записной книжки» в наследии Зощенко рассматривается в нескольких ипостасях: писательская лаборатория, мотивация повествования, атрибут сюжета, характеристика персонажа. В Пушкинском Доме в фонде Зощенко собраны 14 из сохранившихся записных книжек с записями творческого характера и подготовительные материалы к неустановленным произведениям. Особое внимание уделено анализу их структуры, тематических разделов, закономерностям пословичных комплексов.

Ключевые слова: черновик, генезис текста, паремия, клише, блокнот, речь, архив.

The phenomenon of the «notebook» in the legacy of Zoshchenko is considered in several guises: the writer's laboratory, narrative motivation, a feature of the plot, character description. The Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) houses 14 of Zoshchenko's preserved notebooks with manuscript marginalia and preparatory materials for unidentified works. Special attention is paid to the analysis of their structure, thematic sections, patterns of proverbial complexes.

Key words: draft, genesis of the text, parremia, cliché, notebook, speech, archive.

Список литературы

1. Альманах «XX век»: Сб. статей / Сост. Д. А. Суховой. СПб., 2015. Вып. 7.
2. *Блок А. А.* Записные книжки / Вступ. статья Е. Ивановой. М., 2000.
3. *Волошин М. А.* Записные книжки / Сост., предисловие и прим. В. Купченко. М., 2000.
4. *Гаспаров М. Л.* Записи и выписки. М., 2001.
5. *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002.

6. Грякалова Н., Иванова Е. Записные книжки Александра Блока без купюр // Наше наследие. 2013. № 105.
7. Демидова О. Р. О камер-фурьерских журналах и о журнале Ходасевича // Ходасевич В. Ф. Камер-фурьерский журнал. М., 2002.
8. Довлатов С. Д. Записные книжки. СПб., 2007.
9. Ерофеев В. В. Записные книжки 1960-х годов. Первая публикация полного текста. М., 2005.
10. Ерофеев В. В. Записные книжки. М., 2007. Кн. 2.
11. Замятин Е. И. Записные книжки. М., 2001.
12. Запевалов В. Н. Документальные материалы М. М. Зощенко в Пушкинском Доме // Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии: В 3 кн. СПб., 1997. Кн. 1.
13. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подг. текста К. Н. Суворовой; вступ. статья Э. Г. Герштейн; вводные заметки к записным книжкам, указатель В. А. Черных. М.; Torino, 1996.
14. Зощенко М. Из тетрадей и записных книжек // Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. Ю. В. Томашевский. М., 1994.
15. Зощенко М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2008.
16. Из дневниковых записей М. М. Зощенко (1916–1921) / Публ. А. И. Михайлова // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии: В 3 кн. СПб., 2002. Кн. 3.
17. Ильф И. А. Записные книжки. М., 2001.
18. «Как делать стихи»: Свердловская записная книжка В. В. Маяковского» / Вступ. статья, подг. текста и комм. Л. В. Хачатурян // Русская литература. 2020. № 4; 2021. № 1.
19. Лехциер В. Апология черновика или «Пролегомены во всякой будущей...» // Новое литературное обозрение. 2000. № 4.
20. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики): Монография. Екатеринбург, 1997.
21. Местергази Е. Г. Документальное начало в литературе XX века. М., 2006.
22. Мих. Зощенко: pro et contra: Антология / Сост., вступ. статья, комм. И. Н. Сухих. 2-е изд., испр. СПб., 2015.
23. Михеев А. В. Вокруг, около и вместо. Триумф комментария // Иностранная литература. 1999. № 5.
24. Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М., 2007.
25. Платонов А. П. Записные книжки: материалы к биографии / Публ. М. А. Платоновой; сост., подг. текста, предисловие и прим. Н. В. Корниенко. М., 2000.
26. Семкин А. Д. Неопубликованные записные книжки М. М. Зощенко. Попытка описания // Изв. Саратовского ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16. Вып. 1.
27. Симкин Я. Р. Записные книжки писателей // Научно-культурологический журнал RELGA. 2005. № 7 (109).
28. Смирнова Е. Е. Записные книжки Вен. Ерофеева 1960-х годов в составе авторского сверхтекста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2010.
29. Творчество Михаила Зощенко. Новые материалы. Исследования. Библиография: Сб. статей / Отв. ред. В. П. Муромский, А. Д. Семкин. СПб., 2015.
30. Терехина В. Н. Текстология заглавий у Маяковского: инерция или традиция? // Творчество В. В. Маяковского. М., 2020. Вып. 4. Кн. 2. В. В. Маяковский в контексте мировой культуры.
31. Хармс Д. И. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. / Подг. текста Ж.-Ф. Жаккара и В. Н. Сажина; вступ. статья и прим. В. Н. Сажина. СПб., 2002.
32. Цветаева М. И. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. / Сост., подг. текста, предисловие и прим. Е. Б. Коркиной и М. Г. Крутиковой. М., 2000–2001.
33. Шаламов В. Т. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2004.
34. Янечек Дж. Всеволод Некрасов и русский литературный концептуализм // Новое литературное обозрение. 2009. № 5.

References

1. Al'manakh «XX vek»: Sb. statei / Sost. D. A. Sukhovei. SPb., 2015. Vyp. 7.
2. Blok A. A. Zapisnye knizhki / Vstup. stat'ia E. Ivanovoi. M., 2000.
3. Demidova O. R. O kamer-fur'erskikh zhurnalakh i o zhurnale Khodasevicha // Khodasevich V. F. Kamer-fur'erskii zhurnal. M., 2002.
4. Dovlatov S. D. Zapisnye knizhki. SPb., 2007.
5. Erofeev V. V. Zapisnye knizhki 1960-kh godov. Pervaia publikatsiia polnogo teksta. M., 2005.
6. Erofeev V. V. Zapisnye knizhki. M., 2007. Kn. 2.
7. Gasparov M. L. Zapisi i vypiski. M., 2001.
8. Ginzburg L. Ia. Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Esse. SPb., 2002.
9. Griakalova N., Ivanova E. Zapisnye knizhki Aleksandra Bloka bez kupiur // Nashe nasledie. 2013. № 105.
10. Ianechek Dzh. Vsevolod Nekrasov i russkii literaturnyi kontseptualizm // Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. № 5.

11. *Il'f I. A.* Zapisnye knizhki. M., 2001.
12. Iz dnevnikovyykh zapisei M. M. Zoshchenko (1916–1921) / Publ. A. I. Mikhailova // Mikhail Zoshchenko. Materialy k tvorcheskoi biografii: V 3 kn. SPb., 2002. Kn. 3.
13. «Kak delat' stikhi»: Sverdlovskaya zapisnaya knizhka V. V. Maiakovskogo» / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. L. V. Khachatryan // Russkaya literatura. 2020. № 4; 2021. № 1.
14. *Kharms D. I.* Zapisnye knizhki. Dnevnik: V 2 kn. / Podg. teksta Zh. F. Zhakkara i V. N. Sazhina; vstup. stat'ia i prim. V. N. Sazhina. SPb., 2002.
15. *Lekhtsier V.* Apologiya chernovika ili «Prolegomeny vo vsiako budushchei...» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. № 4.
16. *Lipovetskiy M. N.* Russkii postmodernizm (Ocherki istoricheskoi poetiki): Monografiya. Ekaterinburg, 1997.
17. *Mestergazi E. G.* Dokumental'noe nachalo v literature XX veka. M., 2006.
18. Mikh. Zoshchenko: pro et contra: Antologiya / Sost., vstup. stat'ia, komm. I. N. Sukhikh. 2-e izd., ispr. SPb., 2015.
19. *Mikheev A. V.* Vokrug, okolo i vmesto. Triumf kommentariia // Inostrannaya literatura. 1999. № 5.
20. *Mikheev M. Iu.* Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX–XX). M., 2007.
21. *Platonov A. P.* Zapisnye knizhki: materialy k biografii / Publ. M. A. Platonovoi; sost., podg. teksta, predislovie i prim. N. V. Kornienko. M., 2000.
22. *Semkin A. D.* Neopublikovannyye zapisnye knizhki M. M. Zoshchenko. Popytka opisaniia // Izv. Saratovskogo un-ta. Novaia ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. 2016. T. 16. Vyp. 1.
23. *Shalamov V. T.* Novaia kniga: Vospominaniia. Zapisnye knizhki. Perepiska. Sledstvennyye dela. M., 2004.
24. *Simkin Ia. R.* Zapisnye knizhki pisatelei // Nauchno-kul'turologicheskii zhurnal RELGA. 2005. № 7 (109).
25. *Smirnova E. E.* Zapisnye knizhki Ven. Erofeeva 1960-kh godov v sostave avtorskogo sverkh-teksta. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ivanovo, 2010.
26. *Terekhina V. N.* Tekstologiya zaglavii u Maiakovskogo: inertsiia ili traditsiia? // Tvorchestvo V. V. Maiakovskogo. M., 2020. Vyp. 4. Kn. 2. V. V. Maiakovskii v kontekste mirovoi kul'tury.
27. *Tsvetaeva M. I.* Neizdannoe. Zapisnye knizhki: V 2 t. / Sost., podg. teksta, predislovie i prim. E. B. Korkinoy i M. G. Krutikovoy. M., 2000–2001.
28. Tvorchestvo Mikhaila Zoshchenko. Novyye materialy. Issledovaniia. Bibliografiya: Sb. statei / Otv. red. V. P. Muromskii, A. D. Semkin. SPb., 2015.
29. *Voloshin M. A.* Zapisnye knizhki / Sost., predislovie i prim. V. Kupchenko. M., 2000.
30. *Zamiatin E. I.* Zapisnye knizhki. M., 2001.
31. *Zapevalov V. N.* Dokumental'nye materialy M. M. Zoshchenko v Pushkinskom Dome // Mikhail Zoshchenko: Materialy k tvorcheskoi biografii: V 3 kn. SPb., 1997. Kn. 1.
32. Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966) / Sost. i podg. teksta K. N. Suvorovoi; vstup. stat'ia E. G. Gershtein; vvodnye zametki k zapisnym knizhkam, ukazatel' V. A. Chernykh. M.; Torino, 1996.
33. *Zoshchenko M.* Iz tetraidei i zapisnykh knizhek // Litso i maska Mikhaila Zoshchenko / Sost. Iu. V. Tomashevskii. M., 1994.
34. *Zoshchenko M. M.* Sobr. soch.: V 7 t. M., 2008.

Владимир Янович Звизяцковский (Украина)

профессор кафедры славянской филологии и перевода
Мариупольского государственного университета

Vladimir Yanovich Zviniatskovsky (Ukraine)

Professor, Department of Slavic Philology, Mariupol State University

vyaz57@ukr.net

**«ЮБИЛЕЙ» А. П. ЧЕХОВА:
НЕИЗВЕСТНОЕ НАЧАЛО СЦЕНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ**

**THE ANNIVERSARY BY A. P. CHEKHOV:
UNKNOWN BEGINNING OF THE STAGING HISTORY**

До сих пор не было каких-либо сведений о постановках чеховского «Юбилея» ранее 1900 года. Предлагаемая заметка содержит факты о мировой премьеры пьесы Чехова 31 марта 1893 года в Киеве.

Ключевые слова: Н. Н. Соловцов, «Киевлянин», мировая премьера, сценическая история, литературная борьба 1880–1890-х годов.

There has been no information concerning the stage performances of Chekhov's *The Anniversary* before 1900. The article outlines the world premiere of Chekhov's play on March 31, 1893 in Kiev.

Key words: N. N. Solovtsov, *Kievlyanin*, world premiere, stage history, literary struggle of 1880–1890s.

Список литературы

1. *Леонтьев-Щеглов И. Л.* Из воспоминаний об Антоне Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986.
2. *Николаев Н. И.* Драматический театр в г. Киеве: Исторический очерк (1803–1893 гг.). Киев, 1898.
3. *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1981. Т. 10.
4. *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч: В 18 т. М., 1975–1978. Т. 2, 12.

References

1. *Chekhov A. P.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t. M., 1981. T. 10.
2. *Chekhov A. P.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Soch: V 18 t. M., 1975–1978. T. 2, 12.
3. *Leont'ev-Shcheglov I. L.* Iz vospominanii ob Antone Chekhove // A. P. Chekhov v vospominaniakh sovremennikov. M., 1986.
4. *Nikolaev N. I.* Dramaticheskii teatr v g. Kieve: Istoricheskii ocherk (1803–1893 gg.). Kiev, 1898.

Маргарита Михайловна Павлова

ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Margarita Mikhailovna Pavlova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

mmpavlova@gmail.com

НОВОНАЙДЕННЫЙ ЭКСПРОМТ ФЕДОРА СОЛОГУБА. ИЗ ДОПОЛНЕНИЙ К DUBIA

A NEWLY FOUND IMPROMPTU BY FYODOR SOLOGUB. AN ADDITION TO DUBIA

Публикация знакомит с неучтенной исследователями мемуарной заметкой А. В. Карташева о Федоре Сологубе, напечатанной в малодоступном журнале «Борьба за Россию» (Париж, 1929); в научный оборот вводится сообщенный мемуаристом антимонархический экспромт Сологуба периода Первой русской революции, соотносимый с ходившими, но утраченными неподцензурными текстами поэта, такими как, например, сатирический цикл «Царская пастила» (1905).

Ключевые слова: Федор Сологуб, мемуары, А. В. Карташев, политическая сатира, революция 1905 года.

The article introduces A. V. Kartashev's memoir note about Fyodor Sologub, which was published in the obscure magazine *Fight for Russia* (Paris, 1929) and thus missed by the researchers; Sologub's anti-monarchical impromptu, recorded by the memoirist during the First Russian Revolution, is introduced to the academic community; it is correlated with the poet's uncensored texts that circulated and were subsequently lost, such as the satirical cycle «The Royal Pastille» (1905).

Key words: Fyodor Sologub, memoirs, A. V. Kartashev, political satire, revolution of 1905.

Список литературы

1. *Белый Андрей.* Начало века. М.; Л., 1933.
2. *Белый Андрей.* Начало века / Подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 1989.

3. *Белый Андрей*. Начало века: Берлинская редакция (1923) / Изд. подг. А. В. Лавров. СПб., 2014.
4. *Пяст Вл.* Встречи / Сост., вступ. статья, подг. текста, комм. Р. Тименчика. М., 1997.
5. *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2014. Т. 2. Кн. 2. Стихотворения и поэмы, 1900–1913 / Изд. подг. Т. В. Мисникевич.
6. Стихотворная сатира Первой русской революции (1905–1907) / Вступ. статья А. А. Нинова; сост., подг. текста и прим. Н. Б. Банк, Н. Г. Захаренко и Э. М. Шнейдерман. Л., 1969.

References

1. *Belyi Andrei*. Nachalo veka. M.; L., 1933.
2. *Belyi Andrei*. Nachalo veka / Podg. teksta i komm. A. V. Lavrova. M., 1989.
3. *Belyi Andrei*. Nachalo veka: Berlinskaia redaksiia (1923) / Izd. podg. A. V. Lavrov. SPb., 2014.
4. *Piast Vl.* Vstrechi / Sost., vstup. stat'ia, podg. teksta, komm. R. Timenchika. M., 1997.
5. *Sologub F.* Poln. sobr. stikhotvorenii i poem: V 3 t. SPb., 2014. T. 2. Kn. 2. Stikhotvoreniiia i poemu, 1900–1913 / Izd. podg. T. V. Misnikevich.
6. Stikhotvornaia satira Pervoi russkoi revoliutsii (1905–1907) / Vstup. stat'ia A. A. Ninova; sost., podg. teksta i prim. N. B. Bank, N. G. Zakharenko i E. M. Shneiderman. L., 1969.

Андрей Юрьевич Соловьев

научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Andrei Iurievich Solovev

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

an.solovjov@gmail.com

Д. И. ФОНВИЗИН ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ: ЗАДАЧИ И РЕШЕНИЯ**D. I. FONVIZIN FOR THE MODERN READER: PROBLEMS AND SOLUTIONS**

Рец. на: *Осокин М. Ю.* Комический театр г-на Фонвизина. «Недоросль»: комментарий. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 560 с.

[Review:] *Osokin M. Ju.* Komicheskii teatr g-na Fonvizina. *Nedorosl'*: kommentarii. 2-e izd. M.: Izdatel'skii Dom IaSK, 2020. 560 s.

Антон Олегович Дёмин

старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Anton Olegovich Dyomin

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

idamante@yandex.ru

**ПУБЛИКАЦИЯ ИЗ АРХИВА Г. Р. ДЕРЖАВИНА В КНИГЕ
О БИТВЕ ПРИ САЛАМИНЕ****PUBLICATION FROM G. R. DERZHAVIN'S ARCHIVE IN THE BOOK
OF THE BATTLE OF SALAMIS**

Рец. на: *Лукин Е. В.* Запад против Востока: 2500 лет первой битве. СПб.: Алетейя, 2020. 301 с.

[Review:] *Lukin Ye. V.* Zapad protiv Vostoka: 2500 let pervoi bitve. SPb.: Aleteiia, 2020. 301 s.

Сергей Николаевич Гуськов

зам. директора по научной работе
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
доцент, зав. базовой кафедрой Пушкинского Дома,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Sergei Nikolaevich Guskov

Deputy Director, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences;
Associate Professor,
National Research University *Higher School of Economics* (St. Petersburg)
sgouskov@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ XIX ВЕКА
Обзор новых исследований

LITERATURE AND STATE POWER IN THE 19TH CENTURY RUSSIA
Review of new publications

В предлагаемом обзоре рассмотрены в основном исследования последних лет, посвященные изучению биографии и творчества российских писателей-чиновников XIX века, действовавших и в поле власти, и в поле литературы. Внимание уделено как работам об отдельных авторах и публикациям служебных материалов в собраниях сочинений, так и обобщающим трудам по теме.

Ключевые слова: русская литература, социология, цензура, власть, государство, чиновник.

This review deals primarily with the recent studies devoted to the lives and art of the Russian writers-cum-officials of the 19th century, who were active both in the field of statehood and literature. The author was interested in both the works on individual authors and the publication of official materials in collected works, as well as in the review works on the topic.

Key words: Russian literature, sociology, censorship, power, state, official.

Список литературы

1. Акульшин П. В. П. А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. М.: Памятники исторической мысли, 2001.
2. Алексеев А. Д. И. А. Гончаров — автор официального «Отчета о плавании фрегата „Паллада“» // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»...: Сб. статей к 90-летию Н. К. Пиксанова / Отв. ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Наука, 1969.
3. Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова / Под ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1960.
4. Брискман М. Тютчев в Комитете цензуры иностранной // Лит. наследство. 1935. Т. 19–21.
5. Велижев М. Б. «Сенатор» vs. «Поэт»: (авто)биографическая мифология и литературная репутация И. И. Дмитриева // Avtobiografija: Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture. 2016. № 5.
6. Вяземский П. А. Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1.
7. Гайнцева Э. Г. И. А. Гончаров в «Северной почте» (История одной газетной публикации) // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвящ. 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова / Сост. М. Б. Жданова, А. В. Лобкарева, И. В. Смирнова. Ульяновск: «Печатный двор», 1998.
8. Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969.
9. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 2000. Т. 3. Фрегат «Паллада». Материалы путешествия; Очерки; Предисловия; Официальные документы экспедиции / Ред. Т. А. Лапицкая, В. А. Туниманов.
10. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 2014. Т. 10. Материалы цензорской деятельности / Подг. текста и прим. К. Ю. Зубкова, В. А. Котельникова; ред. тома А. Г. Гродецкая, Т. А. Лапицкая.
11. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия: В 2 т. / Изд. подг. Т. И. Орнатская; отв. ред. Д. В. Ознобишин. Л.: Наука, 1986 (сер. «Литературные памятники»).

12. Гончаров И. А. Цензорские отзывы и рапорты. 1856–1865 // Mazon A. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. Paris, 1914.
13. Гончаров И. А. Цензорские отзывы. 1865 / Предисловие К. А. Военского // Русский вестник. 1906. № 10.
14. Гончаров И. А. Цензорские отзывы. 1866 / Комм. В. Е. Евгеньева-Максимова // Голос минувшего. 1916. № 11, 12.
15. Гуськов С. Н. Как жандармы Гончарова спасли // Русская литература. 2016. № 4.
16. Гуськов С. Н. Материалы цензорской деятельности И. А. Гончарова как творческий источник романа «Обрыв» // Гончаров после «Обломова». СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015.
17. Гуськов С. Н. Экономика патриотизма (И. А. Гончаров в «Северной Почте») // Складчина: Сб. статей к 50-летию профессора М. С. Макеева / Под ред. Ю. И. Красносельской и А. С. Федотова. М.: ОГИ, 2019.
18. Динесман Т. Г. Ф. И. Тютчев. Страницы биографии (К истории дипломатической карьеры). М.: ИМЛИ РАН, 2004.
19. Жирков Г. В. «Но мыслью обнял все, что на пути заметил...»: три ипостаси Ф. И. Тютчева // У мысли стоя на часах... Цензоры России и цензура / Под ред. Г. В. Жиркова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
20. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
21. Зубков К. Ю. И. А. Гончаров и награда графа Уварова // Русская литература. 2018. № 4.
22. Зубков К. Ю. Между властями и писательским миром: И. А. Гончаров и проекты цензурных реформ 1858–1859 гг. // Чины и музы: Сб. статей. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017.
23. Зубков К. Ю. Гончаров как империалист // Новое литературное обозрение. 2018. № 6 (154).
24. Калинина Н. В. Эпизод из жизни романиста: как И. А. Гончаров стал редактором правительственной газеты // Чины и музы: Сб. статей. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017.
25. Ковалев И. Ф. И. Гончаров — редактор газеты «Северная почта» // Русская литература. 1958. № 2.
26. Костин А. А. И. И. Дмитриев — председатель Комиссии под председательством Ивана Дмитриева (1816–1819) // Иван Иванович Дмитриев (1760–1837): Жизнь. Творчество. Круг общения. СПб.: ПИЯФ, 2010 (сер. «Петербург в европейском пространстве науки и культуры»; Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Вып. 6).
27. Котельников В. А. Гончаров как цензор // Русская литература. 1991. № 2.
28. Кучерская М. А. Столоначальник Лесков // LEO PHILOLOGIAE: Фестшрифт в честь 70-летия Льва Иосифовича Соболева. М., 2016.
29. Лейбов Р. Г., Осоват А. Л. Тютчев Федор Иванович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.; СПб.: Нестор-история, 2019. Т. 6. С–Ч.
30. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2017. Т. 10. Документы служебной деятельности. Кн. 1, 2.
31. Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Книгобевк, 2016. Т. 13.
32. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984.
33. Летопись жизни и творчества Тютчева: В 3 кн. / Отв. ред. Т. Г. Динесман. [М.]; Мураново, 1999–2012.
34. Лит. наследство. 1988–1989. Т. 97. Ф. И. Тютчев. Кн. 1–2.
35. Лобкарева А. В. На службе в Департаменте: Поиски и находки Музея И. А. Гончарова. К 180-летию со дня рождения писателя // Ульяновская правда. 1992. 20 июня. № 117–118 (20.311–20.312).
36. Мазон А. А. Гончаров как цензор: К освещению цензорской деятельности И. А. Гончарова // Русская старина. 1911. Т. 145. Январь–февраль–март.
37. Макаревич О. В. «В самом благонамеренном духе...»: литература для народа в оценке Н. С. Лескова // Чины и музы: Сб. статей. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017.
38. Макаревич О. В. Н. С. Лесков и книги для народа (К истории издания сборника «Зеркало жизни истинного ученика Христова») // Русская литература. 2018. № 4.
39. Макеев М. С. Критика и библиография. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем... // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2014. № 6.
40. Муратов А. Б. И. А. Гончаров в министерстве финансов // И. А. Гончаров: Новые материалы о жизни и творчестве писателя / Под ред. П. С. Бейсова. Ульяновск, 1976.
41. Н. С. Лесков в воспоминаниях современников. М.: Новое литературное обозрение, 2018 (сер. «Россия в мемуарах»).
42. О жизни Лескова в Киеве в 1860–1861 годах. По документам Центрального государственного исторического архива Украины / Вступ. статья, публ. и комм. Л. И. Левандовского // Лит. наследство. 2000. Т. 101. Неизданный Лесков. Кн. 2.
43. Орнатская Т. И. И. А. Гончаров — член кают-компания фрегата «Паллада» // И. А. Гончаров: Материалы междунар. конф., посвящ. 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова / Отв. ред. И. А. Кутейников. Ульяновск: Стрелец, 1994.

44. *Основат К. А.* Придворная словесность: Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
45. *Патрушева Н. Г.* Литераторы — чиновники цензурного ведомства // Чины и музы: Сб. статей. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017.
46. *Патрушева Н. Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013 (сер. «Книга в России в XIX — начале XX века»).
47. *Проскурина В. Ю.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
48. *Рейсер С. А.* Н. С. Лесков и народная книга // Русская литература. 1990. № 1.
49. *Рейтблат А. И.* Н. А. Полевой и III отделение // Литературный факт. 2019. № 4 (14).
50. *Рейтблат А. И.* Наблюдательный Наблюдатель: Н. И. Греч и III отделение // Литературный факт. 2018. № 10.
51. *Рейтблат А. И.* Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
52. *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
53. *Романова А. В.* «Работы было немного...»: И. А. Гончаров — переводчик в Департаменте внешней торговли // Литературный факт. 2019. № 4 (14).
54. Тютчев в документах, статьях и воспоминаниях современников / Ред.-сост. Г. В. Чагин. М.: Книга и бизнес, 1999.
55. *Фаресов А. И.* Против течений: Н. С. Лесков, его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем // Н. С. Лесков в воспоминаниях современников. М.: Новое литературное обозрение, 2018 (сер. «Россия в мемуарах»).
56. *Фетисенко О. Л.* Константин Леонтьев. Теория и практика государственной службы // Чины и музы: Сб. статей. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2017.
57. Цензоры Российской империи: конец XVIII — начало XX века. Биобиблиографический словарь. СПб.: Российская национальная библиотека, 2013.
58. *Чуднова Л. Г.* Н. С. Лесков в Министерстве народного просвещения // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Книговек, 2016. Т. 13.
59. *Экштут С. А.* Тютчев: тайный советник и камергер. М.: Молодая гвардия, 2013 (сер. «Жизнь замечательных людей»).
60. *Экштут С. А.* Тютчев: тайный советник и камергер. М.: Прогресс-традиция; Астра семь, 2003.
61. *Bojanowska E. A.* World of Empires: The Russian Voyage of the Frigate Pallada. Cambridge, L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018.
62. *Kahn A., Lipovetsky M. N., Reyfman I., Sandler S.* A history of Russian literature. New York: Oxford University Press, 2018.
63. *Reyfman I.* How Russia Learned to Write: Literature and the Imperial Table of Ranks. Madison: University of Wisconsin Press, 2016.
64. *Reyfman I.* Pushkin the Titular Councilor // Taboo Pushkin: Topics, Texts, Interpretations / Ed. by A. D. Gillespie. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2012.
65. *Reyfman I.* Rank and Style: Russians in State Service, Life, and Literature. Boston, MA: Academic Studies Press, 2012.
66. *Scollins K.* Irina Reyfman «How Russia Learned to Write // Pushkin Review. 2019. № 21.

References

1. *Akul'shin P. V.* P. A. Viazemskii. Vlast' i obshchestvo v doreformennoi Rossii. M.: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2001.
2. *Alekseev A. D.* I. A. Goncharov — avtor ofitsial'nogo «Otcheta o plavanii fregata „Pallada“» // Ot «Slova o polku Igoreve» do «Tikhogo Dona»...: Sb. statei k 90-letiiu N. K. Piksanova / Otv. red. F. Ia. Priima. L.: Nauka, 1969.
3. *Alekseev A. D.* Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Goncharova / Pod red. N. K. Piksanova. M.; L.: izd-vo AN SSSR, 1960.
4. *Bojanowska E. A.* World of Empires: The Russian Voyage of the Frigate Pallada. Cambridge, L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018.
5. *Briskman M.* Tiutchev v Komitete tsensury inostrannoi // Lit. nasledstvo. 1935. T. 19–21.
6. *Chudnova L. G.* N. S. Leskov v Ministerstve narodnogo prosveshcheniia // Leskov N. S. Poln. sobr. soch.: V 30 t. M.: Knigovok, 2016. T. 13.
7. *Dinesman T. G.* F. I. Tiutchev. Stranitsy biografii (K istorii diplomaticheskoi kar'ery). M.: IMLI RAN, 2004.
8. *Ekshtut S. A.* Tiutchev: tainyi sovetnik i kamerger. M.: Molodaia gvardiia, 2013 (ser. «Zhizn' zamechatel'nykh liudei»).
9. *Ekshtut S. A.* Tiutchev: tainyi sovetnik i kamerger. M.: Progress-traditsiia; Astra sem', 2003.

10. *Faresov A. I.* Protiv techenii: N. S. Leskov, ego zhizn', sochineniia, polemika i vospominaniia o nem // N. S. Leskov v vospominaniakh sovremennikov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018 (ser. «Rossiia v memuarakh»).
11. *Fetisenko O. L.* Konstantin Leont'ev. Teoriia i praktika gosudarstvennoi sluzhby // Chiny i muzy: Sb. statei. SPb.; Tver': Izd-vo Mariny Batasovoi, 2017.
12. *Gaintseva E. G. I. A.* Goncharov v «Severnoi pochte» (Istoriia odnoi gazetnoi publikatsii) // I. A. Goncharov: Materialy Mezhdunar. konf., posviashch. 185-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova / Sost. M. B. Zhdanova, A. V. Lobkareva, I. V. Smirnova. Ul'ianovsk: «Pechatnyi dvor», 1998.
13. *Gillel'son M. I. P. A.* Viazemskii: Zhizn' i tvorchestvo. L.: Nauka, 1969.
14. *Goncharov I. A.* Fregat «Pallada»: Ocherki puteshestviia: V 2 t. / Izd. podg. T. I. Ornatskaia; otv. red. D. V. Oznobishin. L.: Nauka, 1986 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
15. *Goncharov I. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. SPb.: Nauka, 2000. T. 3. Fregat «Pallada». Materialy puteshestviia; Ocherki; Predisloviia; Ofitsial'nye dokumenty ekspeditsii / Red. T. A. Lapitskaia, V. A. Tunimanov.
16. *Goncharov I. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. SPb.: Nauka, 2014. T. 10. Materialy tsenzorskoi deiatel'nosti / Podg. teksta i prim. K. Iu. Zubkova, V. A. Kotel'nikova; red. toma A. G. Grodetskaia, T. A. Lapitskaia.
17. *Goncharov I. A.* Tsenzorskie otzyvy i raporty. 1856–1865 // Mazon A. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. Paris, 1914.
18. *Goncharov I. A.* Tsenzorskie otzyvy. 1865 / Predislovie K. A. Voenskogo // Russkii vestnik. 1906. № 10.
19. *Goncharov I. A.* Tsenzorskie otzyvy. 1866 / Komm. V. E. Evgen'eva-Maksimova // Golos minuvshogo. 1916. № 11, 12.
20. *Gus'kov S. N.* Ekonomika patriotizma (I. A. Goncharov v «Severnoi Pochte») // Skladchina: Sb. statei k 50-letiiu professora M. S. Makeeva / Pod red. Iu. I. Krasnosel'skoi i A. S. Fedotova. M.: OGI, 2019.
21. *Gus'kov S. N.* Kak zhandarmy Goncharova spasli // Russkaia literatura. 2016. № 4.
22. *Gus'kov S. N.* Materialy tsenzorskoi deiatel'nosti I. A. Goncharova kak tvorcheskii istochnik romana «Obryv» // Goncharov posle «Oblomova». SPb.; Tver': Izd-vo Mariny Batasovoi, 2015.
23. *Kahn A., Lipovetsky M. N., Reyfman I., Sandler S.* A history of Russian literature. New York: Oxford University Press, 2018.
24. *Kalinina N. V.* Epizod iz zhizni romanista: kak I. A. Goncharov stal redaktorom pravitel'stvennoi gazety // Chiny i muzy: Sb. statei. SPb.; Tver': Izd-vo Mariny Batasovoi, 2017.
25. *Kostin A. A. I. I.* Dmitriev — predsedatel' Komissii pod predsedatel'stvom Ivana Dmitrieva (1816–1819) // Ivan Ivanovich Dmitriev (1760–1837): Zhizn'. Tvorchestvo. Krug obshcheniia. SPb.: PIIAF, 2010 (ser. «Peterburg v evropeiskom prostranstve nauki i kul'tury»; Chteniia Otdela russkoi literatury XVIII veka. Vyp. 6).
26. *Kotel'nikov V. A.* Goncharov kak tsenzor // Russkaia literatura. 1991. № 2.
27. *Kovalev I. F. I.* Goncharov — redaktor gazety «Severnaia pochta» // Russkaia literatura. 1958. № 2.
28. *Kucherskaia M. A.* Stolonachal'nik Leskov // LEO PHILOLOGIAE: Festshrift v chest' 70-letiiia L'va Iosifovicha Soboleva. M., 2016.
29. *Leibov R. G., Ospovat A. L.* Tiutchev Fedor Ivanovich // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M.; SPb.: Nestor-istoriia, 2019. T. 6. S–Ch.
30. *Leont'ev K. N.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 12 t. SPb., 2017. T. 10. Dokumenty sluzhebnoi deiatel'nosti. Kn. 1, 2.
31. *Leskov A. N.* Zhizn' Nikolaia Leskova po ego lichnym, semeinym i nesemeinym zapisiam i pamiatiam: V 2 t. M., 1984.
32. *Leskov N. S.* Poln. sobr. soch.: V 30 t. M.: Knigovek, 2016. T. 13.
33. Letopis' zhizni i tvorchestva Tiutcheva: V 3 kn. / Otv. red. T. G. Dinesman. [M.]; Muranovo, 1999–2012.
34. Lit. nasledstvo. 1988–1989. T. 97. F. I. Tiutchev. Kn. 1–2.
35. *Lobkareva A. V.* Na sluzhbe v Departamente: Poiski i nakhodki Muzeia I. A. Goncharova. K 180-letiiu so dnia rozhdeniia pisatel'ia // Ul'ianovskaia pravda. 1992. 20 iunია. № 117–118 (20.311–20.312).
36. *Makarevich O. V.* «V samom blagonamerennom dukhe...»: literatura dlia naroda v otsenke N. S. Leskova // Chiny i muzy: Sb. statei. SPb.; Tver': Izd-vo Mariny Batasovoi, 2017.
37. *Makarevich O. V.* N. S. Leskov i knigi dlia naroda (K istorii izdaniia sbornika «Zerkalo zhizni istinnogo uchenika Khristova») // Russkaia literatura. 2018. № 4.
38. *Makeev M. S.* Kritika i bibliografiia. Goncharov I. A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem... // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya. 2014. № 6.
39. *Mazon A. A.* Goncharov kak tsenzor: K osveshcheniiu tsenzorskoi deiatel'nosti I. A. Goncharova // Pusskaia starina. 1911. T. 145. Ianvar'–fevral'–mart.
40. *Muratov A. B. I. A.* Goncharov v ministerstve finansov // I. A. Goncharov: Novye materialy o zhizni i tvorchestve pisatel'ia / Pod red. P. S. Beisova. Ul'ianovsk, 1976.

41. N. S. Leskov v vospominaniakh sovremennikov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018 (ser. «Rossiia v memuarakh»).
42. O zhizni Leskova v Kieve v 1860–1861 godakh. Po dokumentam Tsentral'nogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Ukrainy / Vstup. stat'ia, publ. i komm. L. I. Levandovskogo // Lit. nasledstvo. 2000. T. 101. Neizdannyi Leskov. Kn. 2.
43. *Ornatskaia T. I. I. A. Goncharov — chlen kait-kompanii fregata «Pallada»* // I. A. Goncharov: Materialy mezhdunar. konf., posviashch. 180-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova / Otv. red. I. A. Kuteinikov. Ul'ianovsk: Strezhen', 1994.
44. *Ospovat K. A. Pridvornaia slovesnost'*: Institut literatury i konstruksii absoliutizma v Rossii serediny XVIII veka. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.
45. *Patrusheva N. G. Literatory — chinovniki tsenzurnogo vedomstva* // Chiny i muzy: Sb. statei. SPb.; Tver': Izd-vo Mariny Batasovoi, 2017.
46. *Patrusheva N. G. Tsenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoi sisteme Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka*. SPb.: Severnaia zvezda, 2013 (ser. «Kniga v Rossii v XIX — nachale XX veka»).
47. *Proskurina V. Iu. Mify imperii: Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006.
48. *Reiser S. A. N. S. Leskov i narodnaia kniga* // Russkaia literatura. 1990. № 1.
49. *Reitblat A. I. Faddei Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsul'tant sekretnoi politicii. Stat'i i materialy* / M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.
50. *Reitblat A. I. Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoi kul'ture Pushkinskoi epokhi*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.
51. *Reitblat A. I. N. A. Polevoi i III otdelenie* // Literaturnyi fakt. 2019. № 4 (14).
52. *Reitblat A. I. Nabliudatel'nyi Nabliudatel'*: N. I. Grech i III otdelenie // Literaturnyi fakt. 2018. № 10.
53. *Reyffman I. How Russia Learned to Write: Literature and the Imperial Table of Ranks*. Madison: University of Wisconsin Press, 2016.
54. *Reyffman I. Pushkin the Titular Councilor* // Taboo Pushkin: Topics, Texts, Interpretations / Ed. by A. D. Gillespie. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2012.
55. *Reyffman I. Rank and Style: Russians in State Service, Life, and Literature*. Boston, MA: Academic Studies Press, 2012.
56. *Romanova A. V. «Raboty bylo nemnogo...»*: I. A. Goncharov — perevodchik v Departamente vneshnei torgovli // Literaturnyi fakt. 2019. № 4 (14).
57. *Scollins K. Irina Reyffman «How Russia Learned to Write* // Pushkin Review. 2019. № 21.
58. *Tiutchev v dokumentakh, stat'iakh i vospominaniakh sovremennikov* / Red.-sost. G. V. Chagin. M.: Kniga i biznes, 1999.
59. *Tsenzory Rossiiskoi imperii: konets XVIII — nachalo XX veka. Biobibliograficheskii slovar'*. SPb.: Rossiiskaia natsional'naia biblioteka, 2013.
60. *Velizhev M. B. «Senator» vs. «Poet»*: (avtobiograficheskaia mifologiiia i literaturnaia reputatsiia I. I. Dmitrieva // AvtobiografiIA: Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture. 2016. № 5.
61. *Viazemskii P. A. Izvestie o zhizni i stikhotvoreniakh Ivana Ivanovicha Dmitrieva* // Viazemskii P. A. Poln. sobr. soch. SPb., 1878. T. 1.
62. *Zhirkov G. V. «No mysl'iu obnial vse, chto na puti zametil...»*: tri ipostasi F. I. Tiutcheva // U mysli stoia na chasakh... Tsenzory Rossii i tsenzura / Pod red. G. V. Zhirkova. SPb: Izd-vo SPbGU, 2000.
63. *Zorin A. L. Kormia dvuglavogo orla... Russkaia literatura i gosudarstvennaia ideologiiia v poslednei treti XVIII — pervoi treti XIX veka*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.
64. *Zubkov K. Iu. Goncharov kak imperialist* // Novoe literaturnoe obozrenie. 2018. № 6 (154).
65. *Zubkov K. Iu. I. A. Goncharov i nagrada grafa Uvarova* // Russkaia literatura. 2018. № 4.
66. *Zubkov K. Iu. Mezhdru vlastiami i pisatel'skim mirom*: I. A. Goncharov i proekty tsenzurnykh reform 1858–1859 gg. // Chiny i muzy: Sb. statei. SPb.; Tver': Izd-vo Mariny Batasovoi, 2017.

Ольга Ростиславовна Демидова

профессор

Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина

Olga Rostislavovna Demidova

Professor, Pushkin Leningrad State University

ord55@mail.ru

ПРОСТО О СЛОЖНОМ: КНИГА ДЛЯ МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ**A SIMPLE WAY TO DISCUSS COMPLICATED THINGS:
A BOOK FOR CLOSE READING**

Рец. на: *Ляпушкина Е. И.* Литературная герменевтика: теория и практика / Под ред. Е. Н. Григорьевой. СПб.: Росток, 2020. 400 с.

[Review]: *Liapushkina E. I.* Literaturnaia hermenevtika: teoriia i praktika / Pod red. E. N. Grigor'evoi. SPb.: Rostok, 2020. 400 s.

Ирина Владимировна Аршинова

младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Irina Vladimirovna Arshinova

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ivarshinova@gmail.com

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И БРИТАНСКИЙ МОДЕРНИЗМ
В ПЕРСПЕКТИВЕ НЕЛИНЕЙНЫХ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ****RUSSIAN LITERATURE AND BRITISH MODERNISM
FROM THE STANDPOINT OF NON-LINEAR CROSS-CULTURAL INTERFERENCES**

Рец. на: *Beasley R.* Russomania. Russian Culture and the Creation of British Modernism, 1881–1922. Oxford: Oxford University Press, 2020. 560 p.

[Review:] *Beasley R.* Russomania. Russian Culture and the Creation of British Modernism, 1881–1922. Oxford: Oxford University Press, 2020. 560 p.

Валерий Юрьевич Вьюгин

ведущий научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Valery Yurievich Vyugin

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences;

Professor, St. Petersburg State University

valeryvyugin@gmail.com

**ФУНДАМЕНТ ДЛЯ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ:
ОБ ИЗДАНИИ «СОЧИНЕНИЙ» А. П. ПЛАТОНОВА****A FOUNDATION FOR RETHINKING:
ON COLLECTED WORKS BY ANDREY PLATONOV**

Рец. на: *Платонов А. П.* Сочинения. Т. 4. 1928–1932: В 2 кн. / Гл. ред. Н. В. Корниенко; ред. тома Н. И. Дужина; Кн. 1. Повести / Подг. текста и комм. Н. И. Дужиной и Н. В. Умрюхиной. М.: ИМЛИ, 2020. 653 с.; Кн. 2. Рассказы. Пьесы. Сценарии. Статьи / Подг. текста и комм.

Е. В. Антоновой, Б. Дооге, Н. И. Дужиной, Р. Е. Клементьева, Н. В. Корниенко, Д. С. Московской, М. В. Осипенко (Богомоловой), Е. А. Роженцевой, Н. В. Умрюхиной. М.: ИМЛИ, 2020. 841 с.

[Review:] *Platonov A. P. Sochineniia*. T. 4. 1928-1932: V 2 kn. / Gl. red. N. V. Kornienko; red. toma N. I. Duzhina; Kn. 1. Povesti / Podg. teksta i komm. N. I. Duzhinoi i N. V. Umriukhinoi. M.: IMLI, 2020. 653 s.; Kn. 2. Rassказы. P'esy. Stsenarii. Stat'i / Podg. teksta i komm. E. V. Antonovoi, B. Dooge, N. I. Duzhinoi, R. E. Klement'eva, N. V. Kornienko, D. S. Moskovskoi, M. V. Osipenko (Bogomolovoi), E. A. Rozhentsevoi, N. V. Umriukhinoi. M.: IMLI, 2020. 841 s.

Олег Алексеевич Клиг

профессор, зав. кафедрой теории литературы филологического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Oleg Alekseevich Kling

Professor, Head of Theory of Literature Department, Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University;
Leading Researcher,
A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences
okling@yandex.ru

ПОЭТИКА ПРОМЕЖУТКА КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

THE POETICS OF THE GAP AS A RESEARCH PROBLEM

Рец. на: *Ананко Я.* Каникулы Каина: Поэтика промежутка в берлинских стихах В. Ф. Ходасевича. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.

[Review:] *Ananko Ia.* Kanikuly Kaina: Poetika promezhtutka v berlinskikh stikhakh V. F. Khodasevicha. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 320 s.

Ольга Борисовна Карасик-Апдайк

профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Казанского федерального университета

Olga Borisovna Karasik-Updike

Professor, Department of Russian and World Literature, Kazan Federal University
karassik1@yandex.ru

Ирина Евгеньевна Лунина

профессор, зав. кафедрой истории зарубежных литератур
Московского государственного областного университета

Irina Evgenievna Lunina

Professor, Head of the Department of History of World Literatures,
Moscow Region State University
lounir_odin@mail.ru

ЖИЗНЬ И НАСЛЕДИЕ М. М. БАХТИНА В ДВУХ САРАНСКИХ МОНОГРАФИЯХ

**MIKHAIL BAKHTIN'S LIFE AND LEGACY IN THE TWO MONOGRAPHS
FROM THE CITY OF SARANSK**

Рец. на: Михаил Михайлович Бахтин: проблемы изучения биографии и научного наследия: монография / О. Е. Осовский, В. Л. Махлин, В. И. Лаптун [и др.]; отв. ред. С. А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. Вып. 1. 176 с. (Бахтинская энциклопедия: материалы); Михаил Михайлович Бахтин: личность и наследие: монография / О. Е. Осовский, В. П. Киржаева, С. А. Дубровская [и др.]; отв. ред. С. А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. [Вып. 2.] 232 с.

[Review:] Mikhail Mikhailovich Bakhtin: problemy izucheniia biografii i nauchnogo naslediia: monografiia / O. E. Osovskii, V. L. Makhlin, V. I. Laptun [i dr.]; otv. red. S. A. Dubrovskaiia. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2019. Vyp. 1. 176 s. (Bakhtinskaia entsiklopediia: materialy); Mikhail Mikhailovich Bakhtin: lichnost' i nasledie: monografiia / O. E. Osovskii, V. P. Kirzhaeva, S. A. Dubrovskaiia [i dr.]; otv. red. S. A. Dubrovskaiia. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2020. [Vyp. 2.] 232 s.

Эльмира Камильевна Александрова

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elmira Camilievna Alexandrova

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

egumerova@mail.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«„ПРОСНУТЬСЯ ЗНАМЕНЫТЫМ...“: СТРАТЕГИИ ЛИТЕРАТУРНОГО УСПЕХА
И ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ В ЭПОХУ FIN DE SIÈCLE»**

**«WAKE UP FAMOUS...»: LITERARY SUCCESS STRATEGIES
AND LITERARY REPUTATIONS IN THE ERA OF FIN DE SIÈCLE
INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE**

[Meeting Abstract]

Нина Владимировна Лощинская

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nina Vladimirovna Loshchinskaia

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

irliran@mail.ru

**ДЕВЯТЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР
«ЗАЧЕРКНУТЫЙ ТЕКСТ
В ПЕРСПЕКТИВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ»**

**CROSSED-OUT TEXT IN THE PERSPECTIVE OF AN ARTISTIC UTTERANCE
9TH PRACTICAL RESEARCH SEMINAR**

[Meeting Abstract]

Галина Валентиновна Петрова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Galina Valentinovna Petrova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

pgv6@yandex.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СОЗВЕЗДИЕ ГИППИУСОВ:
ПОЭТОВ, ПРОЗАИКОВ, КРИТИКОВ, УЧЕНЫХ, ПЕДАГОГОВ...»**

**INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE
CONSTELLATION OF THE HIPPIUS:
POETS, PROSE WRITERS, CRITICS, SCIENTISTS, EDUCATORS...**

[Meeting Abstract]

Ольга Александровна Линдеберг

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Olga Aleksandrovna Lindeberg

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

olinde08@gmail.com

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПИСАТЕЛЬ И ЕГО МУЗА В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ
КОНЦА XIX–XX ВВ.»**

**THE WRITER AND HIS MUSE IN THE LITERARY PROCESS
OF THE LATE 19TH–20TH CENTURIES NATIONAL
RESEARCH CONFERENCE**

[Meeting Abstract]

Андрей Евгеньевич Агратин

научный сотрудник Центра научного проектирования,
доцент кафедры теоретической и исторической поэтики РГГУ;
старший педагог кафедры гуманитарных и естественных наук
Государственного Института русского языка им. А. С. Пушкина

Andrei Evgen'evich Agratin

Researcher, Center for Science Projects,
Associate Professor, Department of Theoretical and Historical Poetics,
Russian State University for the Humanities;
Senior Teacher, Department of Humanities and Natural Sciences,
Pushkin State Russian Language Institute

andrej-agratin@mail.ru

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
«НА ПУТИ К ИСТОРИЧЕСКОЙ НАРРАТОЛОГИИ»*****IN SEARCH OF HISTORICAL NARRATOLOGY***
INTERNATIONAL RESEARCH SEMINAR

[Meeting Abstract]

Светлана Алексеевна Семячко

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Svetlana Alekseevna Semiachko

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences;
Professor, St. Petersburg State University

svetlanasm08@mail.ru

ДЕВЯТЫЙ АГИОГРАФИЧЕСКИЙ СЕМИНАР**NINTH AGIOGRAPHIC SEMINAR**

[Meeting Abstract]

Учредители:

Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук РАН
119991, Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а
Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64
oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40
irliran@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Журнал зарегистрирован
Министерством печати и информации Российской Федерации
Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон/факс: (812) 328-16-01, rusliter@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*
Редакторы *О. В. Макаревич, В. В. Филочева, А. Ю. Соловьев*
Корректор *Т. А. Румянцева*
Компьютерная верстка *Е. А. Назаровой*
Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательство „Чистый лист“»

Сдано в набор 09.08.21. Подписано к печати 29.10.21. Дата выхода в свет 30.11.21
Формат 70 × 100^{1/16}. Гарнитура SchoolBook. Цифровая печать.
Уч.-изд. л. 31,5. Тираж 300 экз.
Тип. зак. № 17/4а. Цена свободная

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»